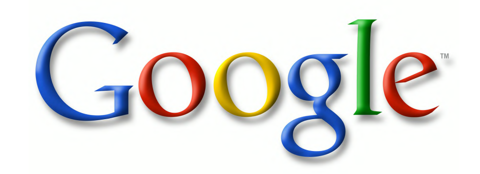
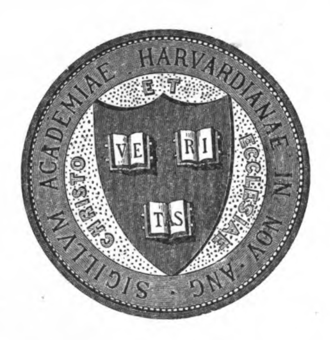


HDI
HL 1Q3U C


SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV·ANG·
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

ДРЕВНОСТИ РУССКАГО ПРАВА

ТОМЪ ТРЕТІЙ

Землевладѣніе

Тягло

Порядокъ обложенія

В. Сергѣевича

почетнаго члена И. Юрьевскаго университета, Юридическаго Общества при И. Московскомъ университетѣ, Спб. Археологическаго института, Симбирской губернской Архивной Коммиссіи, Студенческаго научно-литературнаго Общества при И. Спб. университетѣ, члена Чешской Академіи И. Франца-Іосифа, заслуженаго ординарнаго профессора И. Спб. университета

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28
1903

3231

Писцовыя книги заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ для изученія нашего древняго быта. Онѣ проливаютъ яркій свѣтъ на исконную древность частной поземельной собственности, сельской и городской, на возникновеніе зависимаго владѣнія, какъ явленія вторичнаго, на хозяйственное пользованіе землей, на доходы владѣльцевъ, ихъ повинности и порядокъ обложенія ихъ недвижимостей государственными сборами. Древнѣйшія писцовыя книги (новогородскія) даютъ возможность наблюдать возникновеніе общинныхъ крестьянскихъ земель и угодій, позднѣйшія (московскія)—дальнѣйшее развитіе возникшаго въ Московскомъ государствѣ общиннаго землевладѣнія. Писцовыя книги даютъ ясное представленіе о томъ, чтó такое деревня, село, погостъ, изъ кого состояло населеніе деревень, въ въ чемъ заключались промыслы деревенскихъ жителей, каковы были размѣры ихъ земельныхъ участковъ, сколько высѣвали они хлѣба и какого именно, сколько косили сѣна и, наконецъ, насколько сильно было перемѣщеніе сельскаго населенія изъ мѣста въ мѣсто. Но всѣ вопросы, на

которые дають отвѣть писцовыя книги, и перечислить нельзя.

Въ выпускаемомъ нынѣ въ свѣтъ томѣ древностей я дѣлаю попытку разъяснить нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ. Входящія въ него статьи печатались въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ сентября 1900 года по декабрь 1902 года. Въ настоящемъ изданіи онѣ появляются съ необходимыми поправками и дополненіями.

28 января 1903 года.

СОДЕРЖАНІЕ

КНИГА ШЕСТАЯ

Землевладѣніе

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Своеземцы, государство, крестьянскія общины

ГЛАВА ВТОРАЯ

Деревня, дворъ, село, погостъ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Хозяйственное пользованіе землями

КНИГА СЕДЬМАЯ

Тягло и порядокъ обложенія

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тягло

ГЛАВА ВТОРАЯ

Окладныя единицы

КНИГА

и

ГЛАВА ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ

Литература предмета

КНИГА ШЕСТАЯ

Древности русскаго землевладѣнія

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Своеземцы, государство, крестьянскія общины

Въ октябрѣ 1477 года великій князь Иванъ Васильевичъ выступилъ въ походъ противъ Новгорода. До вооруженнаго столкновенія дѣло, однако, не дошло; мирные переговоры начались немедленно вслѣдъ за приближеніемъ московскаго войска къ Новгороду. Въ началѣ января слѣдующаго года новгородцы подчинились волѣ великаго князя на основаніи особаго «цѣловальнаго списка». Списокъ этотъ былъ составленъ въ станѣ московскаго государя согласно съ пунктами, предложенными новогородцами и удостоенными его одобренія. По приказу великаго князя списокъ былъ переписанъ дьякомъ новогородскаго владыки, скрѣпленъ его подписью и печатью и печатями отъ пяти концовъ Новгорода.

Этотъ знаменитый документъ не сохранился и намъ неизвѣстенъ. Мы можемъ, однако, составить себѣ понятіе о

его содержаніи по переговорамъ царскихъ бояръ съ новогородскими послами, и на основаніи собственныхъ словъ Ивана Васильевича, сказанныхъ представителямъ Новгорода.

Отмѣняя вѣчевое устройство, государь порадовалъ свою отчину, обѣщалъ не вступаться въ земли и воды новогородцевъ, не наряжать ихъ на службу въ Низовскую землю, оставить въ Новгородѣ судъ по старинѣ и не увеличивать дани выше установленной этимъ соглашеніемъ нормы.

Въ этомъ обѣщаніи заключалась большая уступка новогородскимъ требованіямъ и существенное ограниченіе власти великаго князя. Первоначальное намѣреніе великаго князя было иное, онъ хотѣлъ «государствовать на своей отчинѣ, Великомъ Новѣгородѣ, такъ, какъ государствовалъ въ Низовской землѣ, на Москвѣ». Можно поэтому сомнѣваться въ искренности окончательнаго рѣшенія московскаго государя. Онъ не скрѣпилъ обѣщаній своихъ крестнымъ цѣлованіемъ и не разрѣшилъ сдѣлать это ни боярамъ своимъ, ни будущему новогородскому намѣстнику. Политика Ивана Васильевича отличается чрезвычайной настойчивостью, дальновидностью и цѣльностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и великой осторожностью. Онъ не любилъ рѣзкихъ мѣръ, избѣгалъ насилія и кровопролитія. Онъ предпочиталъ поставить въ такое положеніе своего противника, чтобы тотъ понялъ невозможность сопротивленія и уступилъ самъ. Отмѣна новогородскаго вѣча была достигнута безъ единаго выстрѣла. Государь удовольствовался этимъ успѣхомъ и отложилъ все остальное до болѣе благопріятнаго момента. Надо было дать новогородцамъ время успокоиться и освоиться съ новымъ порядкомъ вещей. На первый разъ великій князь ограничился тѣмъ, что велѣлъ захватить и свезти въ Москву: Мареу Борецкую съ внукомъ, Ивана Кузмина Савелкова, Окинфа съ сыномъ Романовъ, Юрія Репехова, Григорья Арзубьева и Марка Панфиліева. Имущества ихъ были конфискованы. Въ чемъ заключалась вина этихъ людей, лѣтописецъ не говоритъ. Надо полагать, они составляли зерно партіи противной московскимъ порядкамъ.

До 1484 года государь московскій остался вѣренъ своему слову и не касался земель и водъ новогородскихъ. Подъ этимъ же годомъ въ лѣтописи записано:

«Тоеже зимы поималъ князь велики блъшихъ бояръ новгордцкыхъ и боярынь, а казны ихъ и села всѣ велѣлъ отписати на себя, а имъ подавалъ помѣстіа на Москвѣ; а иныхъ бояръ, которые коромолю дръжали отъ него, тѣхъ велѣлъ заточити въ тюрмы по городомъ».

Пойманіемъ Мареы Борецкой съ семью товарищами, значитъ, крамола не была уничтожена. Въ 1484 году оказались новые крамольники. Но дѣло не ограничилось наказаніемъ виновныхъ. Съ московской точки зрѣнія виноватъ былъ весь Новгородъ. Въ немъ удержались порядки не соединимые съ дальнѣйшимъ развитіемъ Московскаго государства. Новогородцы, на основаніи соглашенія 1478 года, служили только въ предѣлахъ новогородской волости, а въ службѣ нуждалось все Московское государство. Размѣръ новогородской дани опредѣлялся тѣмъ же соглашеніемъ, а не постоянно возрастающими нуждами государства. Иванъ Васильевичъ, конечно, не могъ примириться съ такими ограниченіями своей власти. Надо было слить Новгородъ съ Москвой и надо было сдѣлать это основательно. Чтобы уничтожить гнѣздо старыхъ новогородскихъ преданій и порядковъ, созданныхъ «цѣловальнымъ спискомъ» 1478 г., у Ивана Васильевича нашлось подходящее средство: выводъ новогородцевъ изъ новогородской волости въ Москву и водвореніе на ихъ мѣстахъ новыхъ московскихъ людей. Начало такому сліянію Новгорода съ Москвой Иванъ Васильевичъ и положилъ въ 1484 году. Мѣра рѣшительная и осуществлена была она въ большихъ размѣрахъ. Въ 1484 году было выведено изъ Новгорода болѣе семи тысячъ житьихъ людей. Да кромѣ того, государевъ намѣстникъ, Яковъ Захарьичъ, многихъ еще пересѣкъ и перевѣшалъ: на нихъ пало подозрѣніе въ желаніи убить его. Въ 1489 году послѣдовалъ новый выводъ новогородскихъ бояръ, житьихъ людей и гостей; въ этомъ году перевели

въ Москву болѣе тысячи человѣкъ. Имъ дали помѣстья въ Володимірѣ, Муромѣ, Нижнемъ, въ Ростовѣ и другихъ городахъ.

Это перемѣщеніе новогородцевъ въ Москву, а москвичей въ Новгородъ повело къ составленію чрезвычайно важнаго памятника древняго новогородскаго землевладѣнія, писцовыхъ новогородскикъ книгъ конца XV вѣка. Возникновеніе переписи земельныхъ владѣній относится къ очень глубокой старинѣ. Древнѣйшія указанія на перепись Неволинъ находитъ въ памятникахъ начала XII вѣка. Такая крупная мѣра, какъ замѣщеніе новогородскихъ владѣльцевъ московскими, потребовала составленія новой переписи. Къ ней должны были приступить съ началомъ переселенія. Древнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ новогородскихъ писцовыхъ книгъ составлены не въ эту первую перепись, а въ одну изъ позднѣйшихъ, надо думать, вторую [1]). Но онѣ содержатъ въ себѣ данныя и болѣе древней переписи, которая называется въ нихъ «старымъ письмомъ». Это «старое письмо» и есть, по всей вѣроятности, первая по покореніи Новгорода перепись. Писцовыя книги конца XV вѣка, называя новыхъ владѣльцевъ, переведенныхъ изъ Москвы въ Новгородъ, приводятъ и имена старыхъ, у которыхъ земли эти были отобраны, напримѣръ:

«Въ Бологовскомъ погостѣ великаго князя волостка Лукинская Толстого съ Варяжой улицы за Андреемъ Микитинымъ сыномъ Заболотцкаго въ помѣстіѣ».

---

[1]) Мы имѣемъ въ виду писцовыя книги: Вотской пятины второй половины, издана Бѣляевымъ въ XI и XII кн. Временника за 1851 г.; Деревской пятины, Вотской—первой половины и части Шелонской; изданы Археографической ком. 1859—1886 гг. Всѣ эти книги составлены въ самомъ концѣ XV вѣка, 1495——1500 гг.

Что перепись Деревской пятины есть именно вторая, на это указано на стр. 226. Послѣ описанія деревень Богд. Трубицына, отданныхъ въ помѣстье дѣтямъ Ѳед. Шалимова, тамъ сдѣлана такая приписка:

«А се те деревни, которые сажалъ вел. князя староста, Ивашко, на трубицынскихъ же земляхъ послѣ первыхъ писцовъ».

«Въ Бологовскомъ же погостѣ великаго князя деревни Пантелѣевскіе Олисова съ Иворовы улицы за Ѳедькомъ, за Ивановымъ сыномъ Волынскаго, въ помѣстіѣ».

«Въ Бологовскомъ же погостѣ великаго князя деревни Кипріановскіе Арбузьева на Святомъ озерѣ за Костею, за Власовымъ въ помѣстіѣ».

Такъ какъ отобраніе это совершилось не въ одинъ пріемъ, а послѣдовательно, то писцовыя книги различаютъ «ново-сведеныхъ бояръ» отъ «старо-сведеныхъ», не обозначая, однако, когда именно кто былъ сведенъ. Въ моментъ составленія этихъ книгъ не всѣ новогородцы были сведены; въ книгахъ описываются и владѣнія этихъ еще оставшихся на своихъ земляхъ владѣльцевъ. Онѣ даютъ, такимъ образомъ, матеріалъ для изученія не новаго только помѣстнаго владѣнія, введеннаго Иваномъ Васильевичемъ, но и стариннаго новогородскаго. Черты стариннаго новогородскаго землевладѣнія наблюдаются не на однѣхъ только земляхъ уцѣлѣвшихъ на своихъ мѣстахъ новогородцевъ, но и на земляхъ новыхъ помѣщиковъ. Перемѣна коснулась только хозяевъ, а хозяйство осталось старое, новогородское. И въ какихъ-нибудь 10—12 лѣтъ ему и нельзя было существенно измѣниться. Новые хозяева водворились въ домахъ старыхъ бояръ, въ ихъ комнатахъ и на ихъ кроватяхъ, и стали, на первыхъ порахъ, совершенно въ то же отношеніе къ хозяйству, въ какомъ были «старо и ново сведеные бояре». Опись ихъ селъ и деревень пестритъ указаніями на новогородскій хозяйственный бытъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Деревня Вѣтка, принадлежавшая Ивану Петрову Чашникову, была отобрана на великаго князя и пожалована имъ новогородскому владыкѣ еще «до перваго письма». Въ описаніи ея читаемъ: «А стараго дохода шло Ивану Петрову (Чашникову) три борана, а изъ хлѣба треть».

Въ Бологовскомъ погостѣ великій князь конфисковалъ село Медвѣдево, принадлежавшее братьямъ Шалимовымъ. Вслѣдъ за описаніемъ дворовъ и обежъ этого села чи-

таемъ: «Стараго дохода не было, пахалъ ихъ Степанъ (Шалимовъ) съ братомъ своими людьми на себя».

Село Честово на рѣкѣ Мстѣ было отдано въ помѣстье А. М. Сарыхозову съ дѣтьми. Съ него также въ новгородское время дохода не было, потому что «въ немъ жили сами бояришки» [1]).

Писцовыя книги конца XV вѣка даютъ намъ, такимъ образомъ, картину стариннаго новогородскаго землевладѣнія. Изъ нихъ мы можемъ узнать, кто могъ владѣть землей и на какомъ правѣ, въ какихъ отношеніяхъ находился владѣлецъ къ населенію земли, какъ велъ хозяйство, какіе получалъ доходы.

Начнемъ съ перваго вопроса, вопроса о томъ, кто могъ владѣть въ Новгородѣ недвижимостями?

Въ Новгородѣ недвижимостями могли владѣть какъ лица физическія обоего пола, такъ и лица юридическія. Въ числѣ сведеныхъ владѣльцевъ встрѣчаемъ: бояръ, купцовъ, посадскихъ людей, крестьянъ, владыку, его слугъ, поповъ, монаховъ, монастыри и церкви [2]).

Въ Новгородѣ, какъ и во всей древней Руси, терминъ бояринъ означалъ всѣхъ состоятельныхъ людей, къ которымъ принадлежала и весьма широкая масса землевладѣльцевъ; весьма понятно, что эти состоятельные люди очень различались по своему богатству, что и выражалось въ предикатахъ: большіе бояре, великіе, нарочитые и въ противоположность имъ—меньшіе. Это различіе оставило свой слѣдъ и въ писцовыхъ книгахъ, но нѣсколько въ иной формѣ. Небольшія земельныя владѣнія называются въ нихъ «боярщинками», а прежніе ихъ обитатели «бояришками»; о болѣе же крупныхъ владѣніяхъ выражаются такъ: «Ивановская боярщина», «изъ старины былъ дворъ боярскій». Имѣнія купцовъ тоже называются боярщинами [3]).

---

1) Новг. пис. кн. III 23, I 100.

2) Новг. пис. кн. I 128, 147, 296, 318, 886; II 150, 449, 453, 485, 550; III 5, 14, 23, 358, 444, 680, 727, 756, 876.

3) Новг. пис. кн. I 54: «Въ Посонскомъ же погостѣ великаго князя

Описаніе конфискованныхъ новогородскихъ селъ и деревень ведется въ такомъ порядкѣ. Сперва описываются конфискованныя села и деревни, оставленныя государемъ за собой или отданныя въ помѣстья, а въ концѣ каждаго погоста описываются деревни «своеземцевъ». Кто эти своеземцы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ чрезвычайно простъ: онъ дается самымъ содержаніемъ описанія. Передъ своеземцами описаны земли, конфискованныя государемъ и розданныя въ помѣстья. Помѣщики сидятъ на пожалованныхъ имъ государемъ земляхъ, они не своеземцы. Кто же своеземцы? Это остатокъ новогородцевъ, у которыхъ земли еще не конфискованы. Они продолжаютъ еще сидѣть на своихъ земляхъ, они—своеземцы. У кого земли отобраны, старо и ново сведеные бояре и бояришки, тоже были своеземцы, да перестали ими быть: ихъ испомѣстили на московскихъ земляхъ, и они стали помѣщиками, а были своеземцами.

«Своеземецъ»—вотъ типическая форма древняго новогородскаго землевладѣнія. Новогородецъ сидѣлъ на своей землѣ. Онъ собственникъ. Онъ наслѣдуетъ эту землю и распоряжается ею. Земля своеземца-попа называется его отчиной (Новг. пис. кн. III 444).

Иванъ Васильевичъ началъ конфискацію съ земель крупныхъ бояръ, какъ болѣе опасныхъ противниковъ московскихъ порядковъ. Болѣе мелкіе своеземцы остались пока на своихъ отчинахъ. Но это вовсе не значитъ, что владѣнія ихъ пользуются привилегіей неприкосновенности. Это временный порядокъ и только. Полное сліяніе съ Москвой должно было совершиться и по отношенію къ нимъ. Это вопросъ времени и обстоятельствъ, не болѣе. Въ погостѣ Виньевскомъ своеземцу Митѣ Онтипину принадлежала деревня Новина въ одинъ дворъ и въ одну обжу. Владѣніе очень небольшое, крестьянское; но и оно оставалось за

деревни Кононовскіе Өеромѣева, купетцкія, съ Лубяницы»... А въ итогѣ: «и по старому писму въ обѣихъ боярщинкахъ» и т. д.

нимъ только до 1500 года. Въ этомъ же году деревня эта была конфискована и отдана тремъ братьямъ, князьямъ Кропоткинымъ, Ивану, Өедору и Тимофею Александровичамъ, конечно, для округленія ихъ помѣстій. То же случилось и съ своеземцевской деревней вдовы Оринки. По переписи конца XV вѣка она отобрана на государя, но оставлена за Оринкой и ея дѣтьми изъ платежа оброка; а въ 1499 г. взята у Оринки изъ оброка и отдана въ помѣстье Ушакову. Въ писцовой книгѣ Деревской пятины 1581 г. находимъ такое мѣсто: «Были деревни своеземцевы, а нынѣ за государемъ» [1]). Выводъ новогородцевъ продолжается и въ XVI вѣкѣ.

Познакомимся нѣсколько ближе съ этимъ послѣднимъ остаткомъ новогородскихъ своеземцевъ, въ ихъ прежнемъ еще состояніи.

Среди своеземцевъ мы находимъ; купцовъ, посадскихъ людей, иконниковъ, конюха, попа, крестьянъ, словомъ лицъ всевозможнаго положенія [2]).

Городскіе жители тоже владѣютъ землей, какъ своеземцы. Корельскіе посадскіе люди суть своеземцы, они имѣютъ земли въ Ровдужскомъ погостѣ Вотской пятины. Купецъ, Ивашко Холопецъ, живетъ въ Ивангородѣ, а въ Буряжскомъ погостѣ имѣетъ три деревни. У новоторжца,

---

[1]) А случалось и такъ. Одни изъ лицъ извѣстной фамиліи сводились въ Москву, а другія той же фамиліи оставались на своихъ мѣстахъ и показаны среди своеземцевъ. У Алексѣя Спенцына деревня конфискована на государя и отдана въ помѣстье, а Якушъ, Дмитрій и Гридя Спенцыны описаны вмѣстѣ съ своеземцами. Всѣ эти Спенцыны живутъ въ одномъ погостѣ и, конечно, родственники, но одинъ сведеный бояришекъ, а остальные своеземцы. Нов. пис. кн. I 35—38, 248; II 242—3. Неволинъ О новогородскихъ пятинахъ, Приложеніе IX 274.

[2]) Новог. писц. кн. III 50, 105, 550, 581, 879; IV 36, 127. Временникъ XII 4 сл.—Русская Правда говоритъ только о княжескихъ конюхахъ и конюшихъ. Но они, конечно, были и у частныхъ лицъ. О конюхѣ своеземцѣ, упоминаемомъ въ III кн. 50, сказано, что онъ съ Развазжи улицы. Это, можетъ быть, конюхъ частнаго человѣка, у котораго былъ свой домъ на Развазжей улицѣ.

О. М. Филина, есть деревня въ Ясеновичскомъ погостѣ, а у М. Боборыкина, съ Буяны улицы, тамъ цѣлыхъ три деревни. У новогородца Ѳ. М. Воронкина, съ Добрыни улицы, есть деревня въ Гдицкомъ погостѣ, а самъ онъ живетъ въ Копорскомъ уѣздѣ [1]).

Городскія мѣста принадлежатъ новогородцамъ тоже, какъ своеземцамъ, на правахъ собственности. Въ городѣ Корелѣ на посадѣ есть своеземцовы дворы. Въ городѣ Ямѣ горожане имѣютъ свои своеземцевскіе дворы на посадѣ и внутри города.

Своеземцы распоряжаются своими землями, какъ собственностью. Они даютъ ихъ въ приданое за дочерьми, мѣняются ими и пр. (Нов. пис. кн. I 478; III 76 сл.)

Къ своеземцамъ относятся и тѣ монастыри и церкви, у которыхъ старинныя ихъ владѣнія не были отобраны, а также и самъ владыка. И дѣйствительно, такія старинныя владѣнія духовныхъ учрежденій описываются иногда подъ рубрикой своеземцевъ непосредственно вслѣдъ за своеземцами, то-есть, тоже какъ своеземцы. Такой порядокъ нерѣдко встрѣчается въ описи Вотской пятины. Къ рубрикѣ своеземцевъ отнесены, напримѣръ, монастырскія земли въ погостахъ Городенскомъ, Сакульскомъ, Кирьяжскомъ, Иломанскомъ, Лузскомъ, Тесовскомъ, Спаскомъ и др. [2]).

Посмотримъ теперь на размѣры владѣній послѣднихъ новгородскихъ своеземцевъ. Они очень различны. Владѣнія самыхъ бѣдныхъ ограничиваются одной деревней и однимъ дворомъ. Но нерѣдки владѣльцы—7 и 8 деревень, а встрѣчаются и болѣе богатые. У Никиты Павловича Рогульскаго въ двухъ погостахъ было 10 деревень, ржи высѣвалось на его земляхъ, имъ и его крестьянами, до 400 пудовъ; у брата его, Исаака Павловича, было 12 деревень, ржи высѣвалось

---

[1]) Временникъ XII 5 и 104. Нов. пис. кн. I 69, III 36, 65. Послѣ описанія владѣній и дохода Воронина, въ писцовой книгѣ приписано другой рукой: «И се по старинѣ».

[2]) Временникъ XII 30, 64, 139, 178; Нов. пис. кн. III 22, 51, 65, 78, 104, 276.

тоже до 400 пудовъ: у Степана Кузьмича Гаврилова было 10 деревень, ржи высѣвалось до 300 пудовъ; Иванъ Кузмичъ Орефинъ жилъ въ сельцѣ Ивановѣ, къ которому тянуло 12 деревень, у него высѣвалось до 480 пудовъ ржи. Это все очень состоятельные люди [1]). Самый маленькій изъ нихъ, С. К. Гавриловъ, по теперешнему высѣву въ С.-Петербургской губерніи (отъ 9 пуд. до 12 на десятину), долженъ былъ имѣть отъ 25 до 33 десятинъ въ полѣ, а въ трехъ поляхъ отъ 75 до 99 десятинъ одной пахатной земли. Къ этому надо прибавить соотвѣтствуюшее количество земли на дворъ, выгонъ, огородъ, луга и лѣса. Токой участокъ при 33 дес. запашки будетъ превосходить тотъ размѣръ помѣстья, съ котораго въ половинѣ XVI вѣка служилый человѣкъ долженъ былъ выступать въ походъ на конѣ и въ полномъ доспѣхѣ, а въ дальній походъ и на двухъ коняхъ. А Орефинъ былъ богаче Гаврилова болѣе чѣмъ на цѣлую треть. Однофамилецъ этого Орефина и, конечно, родственникъ, Михаилъ Орефинъ, имѣлъ село и къ нему 18 деревень; онъ сведеный бояришекъ. Село и деревни его достались кн. Крапоткинымъ, двумъ Андреямъ да Василью Александровичамъ (I. 429).

На ряду съ такими, можно сказать, богатыми своеземцами, встрѣчаемъ и весьма бѣдныхъ. Владѣнія нѣкоторыхъ не переходятъ за предѣлы обыкновеннаго крестьянскаго участка, который они и обработываютъ своими руками, напримѣръ:

«Въ Турнахъ деревня (своеземца) Омельяникова Панкратова, деревня Матвѣевское: дворъ самъ Омельянко Панкратовъ, сѣетъ ржи 2 коробьи, а сѣна коситъ 20 копенъ, обжа». Или: «Деревня Дуплево (своеземца) Лучкина да Өедкова да Иевлева, Орефиныхъ дѣтей Дорофѣева. Дворъ самъ Лучка да Иевко да самъ Өедко, сѣютъ ржи 6 коробей, а сѣна косятъ 50 копенъ, 2 обжи».

Въ первомъ случаѣ на владѣльца приходится отъ одной

---

[1]) Временникъ XII стр. 17 сл. и 47 сл.; Нов. пис. кн. I ст. 555.

до двухъ десятинъ; во второмъ—на трехъ своеземцевъ, родныхъ братьевъ, живущихъ въ одномъ дворѣ,—отъ 3-хъ до 4-хъ десятинъ въ полѣ. Что это за своеземцы? Это, конечно, крестьяне-собственники, которые сами пашутъ, сѣютъ, косятъ.

Итакъ, послѣдніе новогородскіе своеземцы представляютъ чрезвычайно широкій классъ, который внизу начинается крестьянами собственниками и восходитъ до людей, могущихъ жить доходами съ своихъ земель, не прикладывая къ нимъ собственныхъ рукъ.

Зажиточные своеземцы сдаютъ свои земли въ аренду крестьянамъ и имѣютъ своихъ людей (рабовъ), силами которыхъ и пользуются для обработки собственной запашки [1]). Это тѣ же «бояришки».

Своеземецъ назывался иногда сокращенно—земецъ [2]).

---

[1]) Временникъ XII 13, 20; Нов. пис. кн. I 319; II 236. На стр. 20 Временника итогъ дворовъ, людей и обежъ подведенъ неправильно, онъ показанъ выше дѣйствительнаго. Такія ошибки нерѣдки.

[2]) Наши историки давно замѣтили новогородскихъ своеземцевъ, но они видятъ въ нихъ нѣкоторый опредѣленный классъ людей. Первый высказался въ этомъ смыслѣ И. Д. Бѣляевъ. У него своеземцы то же, что въ другихъ мѣстахъ помѣщики, то-есть, лица, обязанныя за землю, которую получили отъ новогородскаго вѣча, нести военную службу. Разсказы II 68. Къ этому мнѣнію присоединился г. Чечулинъ, Города 126; но у него, кажется, остались нѣкоторыя сомнѣнія относительно правильности принятаго имъ мнѣнія. Заключаемъ это на основаніи тѣхъ сѣтованій о скудости дошедшихъ до него извѣстій о своеземцахъ, которыя онъ высказываетъ и на 43 и на 125 стр. Но раньше Бѣляевымъ было высказано другое мнѣніе, хотя только въ видѣ предположенія: «Вѣроятно, говоритъ онъ въ изслѣдованіи о поземельномъ владѣніи, это старинные новогородскіе вотчинники». Совершенно вѣрная догадка, хотя слово «старинные» придаетъ односторонній, а потому и невѣрный признакъ. Нельзя не пожалѣть, что въ Разсказахъ онъ сталъ на другую точку зрѣнія. Г. Соколовскій думаетъ что «своеземцы были владѣльцы небольшихъ участковъ, которые, кажется, не были собственниками своихъ участковъ». Очеркъ исторіи сельской общины 10. Ближе къ истинѣ г-жа Ефименко. Она видитъ въ своеземцахъ мелкихъ собственниковъ, которые, однако, съ точки зрѣнія права, ничѣмъ не отличались отъ крупныхъ. Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣ-

Итакъ, типъ первоначальнаго новогородскаго владѣльца представляетъ своеземецъ, то-есть, частный собственникъ. Таковы бояре, начиная съ большихъ и оканчивая мелкими, бояришками, таковы купцы, посадскіе люди, крестьяне, владыка, попы, монахи, монастыри и церкви. На такихъ владѣльцахъ-собственникахъ не лежало никакихъ служебныхъ обязанностей по отношенію къ Новугороду и князю, они платили только нѣкоторый налогъ съ каждой обжи владѣемой ими земли, такъ называемую обежную дань. Зависимое владѣніе въ Новгородѣ впервые вводится великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ послѣ 1477 года. Отобранныя у новогородцевъ земли онъ раздаетъ своимъ служилымъ людямъ на помѣстномъ правѣ. Остатокъ состоятельныхъ своеземцевъ также обращается имъ въ людей обязанныхъ службой. Переселяя большихъ бояръ и бояришекъ въ Москву и обязывая ихъ службой, московское правительство не могло оставить свободными отъ службы и послѣднихъ своеземцевъ. Указанія на ихъ обязанность служить находимъ уже въ писцовыхъ книгахъ XV вѣка. Въ Шегринскомъ погостѣ великій князь имѣлъ деревню въ общемъ владѣніи съ своеземцемъ, Данилкой Ѳоминымъ. Вотъ описаніе участка Ѳомина.

«Дворъ Данилко Ѳоминъ, своеземецъ, дворъ—подворникъ его, Петрушка Гридинъ, сѣютъ ржи 3 коробьи, а сѣна косятъ 13 копенъ, обжа...... И Данилко служить не можетъ. И нынѣ положено оброку на ту обжу денгами двѣ гривны ноугородскіе, опричь обежные дани» (II 142—143).

На деревню вдовы Оринки тоже былъ положенъ оброкъ «тото дѣля, что служити не можетъ» (II 242.)

Надо думать, что при описи конца XV вѣка, писцы производили разборъ описываемыхъ своеземцевъ, и тѣхъ, кто былъ годенъ въ службу, записывали въ службу, кто

верѣ, 1884 г., 196. Профессоръ Владимірскій-Будановъ считаетъ своеземцевъ сельскими тяглыми частными собственниками, но видитъ въ этомъ рѣдкій и исключительный случай. Близко къ этому и мнѣніе А. С. Лаппо-Данилевскаго. Прямое обложеніе 100.

не былъ годенъ, облагали оброкомъ, сверхъ обежной дани. Что это новость, это видно изъ приведеннаго мѣста, гдѣ сказано: «и нынѣ положено оброку».

Писцовыя книги XV вѣка хотя и предполагаютъ службу своеземцевъ, но помѣщиками ихъ еще не называютъ. И это понятно, они служатъ съ своихъ земель, какъ и московскіе вотчинники. Но въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ конца XVI вѣка говорится уже о помѣстьяхъ за своеземцами,—напримѣръ:

«Въ Васильевскомъ же погостѣ пустоши, что были деревни за дѣтьми боярскими и за своеземцы въ помѣстьѣ» (Неволинъ, О пятинахъ, Прилож. VI 143).

Надо думать, что въ XVI вѣкѣ нѣкоторые своеземцы надѣлялись уже помѣстьями изъ конфискованныхъ великими князьями въ Новѣгородѣ земель.

Въ памятникахъ XVI вѣка объ этихъ служилыхъ своеземцахъ рѣчь идетъ уже наряду съ новогородскими помѣщиками. Въ наказѣ новогородскому намѣстнику отъ 1-го ноября 1555 года читаемъ:

«Писали есмя въ вамъ напередъ сего да и грамоты во всѣ пятины къ ноугородскимъ помѣщикомъ и къ (свое) земцемъ къ вамъ послали, а велѣли вамъ тѣ грамоты къ нимъ разослати, да и отъ себя вамъ велѣли къ нимъ грамоты послати, чтобы они съ людьми, и съ конми, и съ доспѣхомъ, на нашу службу были готовы... А (свое) земцомъ послали къ вамъ роспись, и вы бъ по той росписи однолично тѣмъ земцомъ нашу службу нарядили»... (Д. къ А. И. I 66).

Служилымъ своеземцамъ были уже составлены особые списки (росписи), и они приглашались на службу вмѣстѣ съ помѣщиками. Отъ такихъ служилыхъ надо отличать болѣе мелкихъ своеземцевъ, которые, какъ мы видѣли, облагались не службою, а оброкомъ. Московскіе порядки вводятъ этимъ существенное различіе между своеземцами, неизвѣстное новогородской древности. Оброкомъ въ пользу казны великаго князя облагались и крестьяне тѣхъ старо-

и новосведеныхъ бояръ, земли которыхъ не были розданы въ помѣстья, а остались за великимъ княземъ. Мелкіе своеземцы, такимъ образомъ, вводятся въ разрядъ крестьянъ великаго князя, а болѣе зажиточные въ разрядъ его служилыхъ людей.

Новогородское землевладѣніе мало-по-малу переходитъ въ московское помѣстное и черное.

Старинная поземельная собственность новогородцевъ носила наименованіе «волости». Напримѣръ: «Волость Казиміровская да Богдановская Норовова», и затѣмъ идетъ описаніе селъ и деревень, составлявшихъ волость Казиміра Норовова и брата его Богдана. Или «волость Яковлевская Коробова, Москорици, отдана Өедору Филипову сыну Нащокину». Если же это небольшое владѣніе, оно называется волосткой: «волостка Настасьинская Ивановы жены Григорьева».

Если на крестьянахъ, сидѣвшихъ на боярской землѣ, лежала натуральная повинность косить сѣно господское, въ такомъ случаѣ говорилось: косятъ волостью.

Слово волость, обозначавшее въ древности всякій административный округъ и даже цѣлое княженіе, употребляется здѣсь для обозначенія собственности потому, конечно, что и собственность состояла подъ властью собственника, какъ административный округъ подъ властью администратора, хотя власть эта и не одинакова по своему содержанію.

Возникаетъ вопросъ, представляетъ ли новогородское землевладѣніе особенность Новгорода или оно было нѣкогда и московскимъ, а, слѣдовательно, общерусскимъ?

Новогородское землевладѣніе было общерусскимъ.

Относящіяся къ этому свидѣтельства московскихъ памятниковъ восходятъ къ болѣе глубокой старинѣ, чѣмъ новогородскія писцовыя книги. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоятъ духовныя завѣщанія московскихъ князей, изъ которыхъ древнѣйшее написано въ первой половинѣ XIV вѣка. Въ завѣщаніяхъ князей постоянно упоминаются купленныя ими у частныхъ людей села и деревни. Иванъ Калита ку-

пилъ одно село въ Новгородѣ на Улалѣ, другое въ Володимірѣ—Борисовское, пять селъ на Масѣ, одно на Кержачѣ, одно въ Ростовѣ и еще два безъ обозначенія мѣста ихъ нахожденія. Продавцы не всѣ названы, князь упоминаетъ лишь о какомъ-то Юрьевѣ, Афинеѣ, игуменѣ Прокофьѣ да митрополитѣ, у котораго онъ вымѣнилъ половину села. Сынъ Калиты, Семенъ, упоминаетъ въ своемъ завѣщаніи 7 селъ, изъ которыхъ четыре онъ купилъ въ Переяславлѣ у Ивана Овцы, два у Ивана Дрюцкаго въ Костромѣ и одно у Семена Новосильскаго. Итакъ, въ началѣ XIV вѣка у московскихъ князей тѣ же способы пріобрѣтенія недвижимостей, что и у частныхъ лицъ, а частные собственники были въ Володимірѣ, Ростовѣ, Переяславлѣ, Костромѣ, Дмитровѣ и, надо думать, вездѣ; у нихъ князья и покупали себѣ земли. Даже въ самомъ городѣ Москвѣ не все принадлежало князьямъ. Тамъ были дворы и земли, принадлежавшіе частнымъ лицамъ и потомъ уже перешедшіе къ князьямъ. Удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ даетъ на Москвѣ своимъ дѣтямъ: Тереховъ садъ, Зворыкинъ дворъ, Игнатьевъ дворъ, Бутовъ садъ, Марьинъ дворъ, Чичановъ садъ. Василій Васильевичъ отказываетъ своей женѣ дворы у св. Рождества, принадлежавшіе роднымъ братьямъ Петру, Ивану и Никитѣ Константиновичамъ, а сыну Борису—дворы Марьи Ѳедоровны. Всѣ эти дворы и сады принадлежали частнымъ лицамъ: Терехову, Зворыкину, Игнатьеву и т. д. Они могли быть куплены князьями, а могли быть и конфискованы. Совершенно то же, что и въ Новгородѣ. Помѣстная система въ это время только зарождается. Иванъ Калита упоминаетъ въ своемъ завѣщаніи лишь одного помѣщика, Бориску Воркова, которому онъ далъ купленное имъ въ Ростовѣ село. Для широкаго развитія помѣстной системы надо было имѣть подъ руками какое-нибудь иное средство пріобрѣтенія земель кромѣ покупки. При помощи однѣхъ купель нельзя было сломить старину.

Помѣстная система существенно измѣнила древнее землевладѣніе, но не уничтожила его. Совершенно ясные остатки

древности находимъ еще въ XVI вѣкѣ, въ писцовыхъ книгахъ того времени. Въ смыслѣ новогородскаго своеземца въ этихъ книгахъ мы встрѣчаемся съ терминомъ—вотчинникъ, который противополагается помѣщику. Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка встрѣчаемъ описаніе и вотчинныхъ земель, и помѣстныхъ. На основаніи этого описанія можно составить себѣ ясное представленіе о томъ, кто владѣлъ въ Москвѣ вотчинами и на какомъ правѣ.

Въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка, какъ и въ древнемъ Новгородѣ, право владѣть недвижимостями принадлежало какъ физическимъ лицамъ обоего пола, такъ и юридическимъ. Въ перечисленіи отдѣльныхъ видовъ этихъ лицъ встрѣчаемъ, однако, особенность, мало извѣстную Новгороду. Въ княжеской Россіи появляется у князей множество мелкихъ слугъ; всѣ эти мелкіе слуги, какъ лица свободныя, тоже могли быть вотчинниками.

Московскія писцовыя книги въ числѣ вотчинниковъ называютъ: бояръ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ людей, посадскихъ, епископовъ, монаховъ, поповъ, монастыри, церкви, а изъ слугъ: дьяковъ, подьячихъ, конюховъ, псарей, поваровъ [1]). Въ книгахъ приведены и документы, на основаніи которыхъ они владѣютъ. Это всякаго рода акты распоряженія недвижимостями: купчія крѣпости, закладныя, данныя, рядныя и т. д. Итакъ, московскимъ вотчинникамъ принадлежитъ право распоряженія.

Владѣя на правѣ собственности, вотчинники, какъ и новгородскіе своеземцы, не были обязаны службой. Они могли служить, если хотѣли, и кому хотѣли; а могли и вовсе не служить. Это хорошо извѣстно изъ княжескихъ договорныхъ грамотъ, свидѣтельства которыхъ приведены нами въ I т. Древностей. Что права вольныхъ слугъ, утверждаемыя за ними княжескими договорами, были живою дѣй-

[1]) Писц. кн. XVI вѣка подъ ред. Калачова, I, 59, 83, 84, 102, 128, 233, 607, II 161, 163, 169, 177, 203.

ствительностью, а не мертвой буквой, это подтверждается и писцовыми книгами.

Чрезвычайно интересныя указанія на это находимъ въ древнѣйшей изъ писцовыхъ книгъ, напечатанной Калачовымъ [1]). Это книга тверскихъ волостей: Захожья, Суземья, Микулинскаго уѣзда и волости Воловичей. Опись этихъ волостей обилуетъ подробностями, не встрѣчающимися въ другихъ книгахъ. Здѣсь указано, состоятъ ли вотчинники на службѣ и кому именно они служатъ. Всего вотчинниковъ въ этихъ волостяхъ насчитывается до 574 человѣкъ. Изъ этого числа на службѣ великаго князя состояло только около 230 человѣкъ; владыкѣ тверскому служили 60 вотчинниковъ, рязанскому—1, частнымъ лицамъ—65, никому не служили—150, о 68 ничего не сказано. Нѣкоторые изъ этого послѣдняго разряда состояли, однако, на службѣ великаго князя, какъ, напримѣръ, всѣ князья Микулинскіе, а нѣко-

---

[1]) Т. II стр. 141 и слѣд. Издатель отнесъ составленіе этой книги къ концу XVI вѣка. Г. Милюковъ считаетъ ссылки этой писцовой книги на грамоты 1588 г. описками и полагаетъ, что она составлена лѣтомъ 1555 г. Онъ основываетъ свое мнѣніе на томъ, что упоминаемый въ грамотѣ въ числѣ владѣльцевъ князь Дмитрій Ивановичъ Микулинскій умеръ въ 1556 г. Если бы книга была составлена позднѣе этого года, Дмитрій Ивановичъ Микулинскій не былъ бы названъ въ числѣ наличныхъ владѣльцевъ. Спорные вопросы 38. Заключеніе совершенно вѣрное. Но въ книгѣ упоминается въ числѣ наличныхъ владѣльцевъ и князь Василій Андреевичъ Микулинскій (163, 196, 197, 204), а онъ умеръ въ 1540 г. (Шереметевская Боярская книга). Это даетъ возможность отодвинуть назадъ составленіе писцовой книги еще лѣтъ на шесть къ 1539 г. Этому противорѣчатъ, однако, нѣсколько ссылокъ на помѣстныя грамоты 1547 1548 гг. Надо думать, что здѣсь такая же описка, какъ и въ грамотахъ 1588 г. Указанію на годъ прихода татаръ къ Рязани мы не придаемъ значенія, такъ какъ лицо, сославшееся на то, что татары сожгли его деревню, могло имѣть въ виду мелкій набѣгъ татаръ, не оставившій никакого слѣда въ памятникахъ. Для нашей цѣли, однако, совершенно безразлично, въ 1555 или въ 1539 году написана эта книга; наши выводы нисколько не пострадаютъ даже и въ томъ случаѣ, если бы она была написана въ концѣ XVI вѣка, что, впрочемъ, трудно допустить.

торые изъ неслуживших не служили по малолѣтству. Такимъ образомъ, число лицъ, служившихъ частнымъ лицамъ, составляетъ 50% того числа, которое было на службѣ великаго князя.

Мы можемъ даже сказать, чьими послуживцами были эти частные вотчинники. Всего больше ихъ было у князя Дмитрія Ивановича Микулинскаго; число его слугъ достигаетъ 30 человѣкъ. А этотъ Микулинскій не значится даже среди московскихъ придворныхъ чиновъ; въ 1522 г. онъ былъ только однимъ изъ воеводъ лѣваго полка при осадѣ Казани [1]). У брата его, Семена Ивановича, введеннаго боярина съ 1549 г., такихъ слугъ было 11 человѣкъ. У жены Василія Андреевича Микулинскаго, княгини Анны,— 5 человѣкъ. Кромѣ Микулинскихъ, тверскіе вотчинники служили: боярину Михаилу Яковлевичу Морозову, окольничему Ивану Ѳедоровичу Карпову, князьямъ Ивану Ѳедоровичу и Борису Дмитріевичу Оболенскимъ, Григорію Тимоѳеевичу Борисову, Пятому Новошину и Андрею Яхонтову; у каждаго изъ нихъ было по одному слугѣ. Итакъ, до половины XVI вѣка и въ Москвѣ вотчинники еще не утратили своихъ старинныхъ правъ—свободнаго владѣнія недвижимостями.

Что касается размѣровъ владѣній частныхъ и княжескихъ слугъ, между ними нельзя провести рѣзкой границы. Среди великокняжескихъ встрѣчаются очень мелкіе люди, съ 8 четями въ полѣ (4 десятины), владѣнія частныхъ слугъ достигаютъ 46 четей въ полѣ. Точно также и размѣръ владѣній лицъ, которыя никому не служатъ, не представляетъ какихъ-либо рѣзкихъ особенностей; нѣкоторыя достигаютъ 40 четей въ полѣ.

Итакъ, еще въ половинѣ XVI вѣка служба вотчинниковъ великому князю Московскому еще не была обязательна; они могли никому не служить и не теряли своихъ вотчин-

---

[1]) Микулинская лѣтопись, составленная по древнимъ актамъ отъ 1354 до 1678 гг. М. 1854 г.

ныхъ правъ. Они продолжали жить въ своихъ вотчинахъ, наслѣдовать въ нихъ и распоряжаться ими по усмотрѣнію. Но, понятно, большинство изъ нихъ служило великому князю; эта служба вела къ награжденію помѣстьями, доходными должностями, а потому была очень привлекательна.

Великій князь Иванъ Васильевичъ находилъ, однако, этотъ порядокъ частной службы неудобнымъ и по завоеваніи Новгорода отобралъ у нѣкоторыхъ князей и бояръ ихъ служилыхъ людей и помѣстилъ ихъ на конфискованныхъ у Новгорода земляхъ въ Вотской пятинѣ [1]). Мысль великаго князя пошла и дальше. Въ завѣщаніи его находимъ нѣсколько распоряженій объ обязательной службѣ вотчинниковъ. Они касаются служебныхъ князей, которые имѣютъ вотчины въ Московской и Тверской землѣ, и бояръ и дѣтей боярскихъ ярославскихъ. Эти лица обязаны служить преемнику великаго князя и теряютъ свои вотчины, если отъ него отъѣдутъ. Но это мѣра спеціальная, касается только нѣкоторыхъ служилыхъ лицъ, не простирается на всю территорію государства и, какъ исключеніе, подтверждаетъ только общее правило о вольной службѣ вотчинниковъ, которая и при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ не перешла еще въ обязательную.

---

[1]) Послужильцы были отобраны: у Тучковыхъ, у Ивана и Василія,— 17 семей, у князя Семена Ряполовскаго—6, у Шереметевыхъ—9, у Кузмина—1, у Есипова—4, у Травина—8, у Обрамова—2 семьи. Карамзинъ VI пр. 201. Слуги частныхъ лицъ были очень разнаго состоянія. На ряду съ вотчинниками среди нихъ могли быть и лица, которыя ровно ничего не имѣли. Изъ памятниковъ XVII вѣка, узнаемъ, что послужильцы оставляютъ дворы своихъ господъ и рядятся въ крестьяне и бобыли. Дьяконовъ, Акты тяглаго населенія, I № 41 и 44, 1646—1648 гг. Эти послужильцы ничего не имѣли кромѣ свободы и права располагать своимъ трудомъ. Какого рода люди были послужильцы, которыхъ Иванъ Васильевичъ испомѣстилъ въ Вотской пятинѣ, это трудно сказать. Онъ вывелъ ихъ «изъ княжескихъ и боярскихъ дворовъ»; они, слѣдовательно, жили не у себя, а въ господскихъ дворахъ. Но это не значитъ, что они не могли имѣть своихъ вотчинъ. Если государь обратилъ на нихъ вниманіе, то, конечно, потому, что это были люди состоятельные, а не голь перекатная.

Только въ половинѣ XVI вѣка Иваномъ Грознымъ установлена была уложенная служба со всѣхъ вотчинъ наравнѣ съ помѣстьями. Съ этого времени уклоненіе отъ службы могло вести къ отобранію вотчины. Здѣсь окончилась до-московская старина.

Изъ памятниковъ до-московскаго времени укажемъ на завѣщаніе волынскаго князя Владиміра Васильковича 1286 г. У него тоже было купленое село, которое онъ и отказываетъ своей женѣ (Рум. собр. II 4—5). Итакъ, ни на сѣверѣ, ни на югѣ Россіи князья не были владѣльцами всѣхъ недвижимостей и пріобрѣтали ихъ тѣми же способами, какъ и всѣ частные люди.

Мы указали выше, что рядомъ съ физическими лицами въ древности были собственниками и лица юридическія: монастыри и церкви. А государство и крестьянскія общины были они собственниками? Отвѣтъ на этотъ вопросъ начнемъ съ Новгорода.

Въ Новгородѣ уже въ очень глубокой древности появилась потребность образовать особые земельные участки, которые можно было предоставлять въ пользованіе постоянно смѣнявшимся тамъ князьямъ. Эти участки не составляли собственности какого-либо частнаго лица: у князя они находились во временномъ пользованіи, и съ удаленіемъ его переходили въ пользованіе его преемника. Это и есть первый примѣръ возникновенія на Руси государственной собственности. Это собственность государя Новгорода Великаго. Древнѣйшее указаніе на нее находимъ въ первомъ дошедшемъ до насъ договорѣ Новгорода съ великимъ княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ.

«А пожне (луга), княже! сказано въ договорѣ, что пошло тобе и твоимъ мужемъ, то твое; а что былъ отъялъ братъ твой Александръ пожне, а то ти, княже, не надобе» (Рум. собр. I № 1, 1265).

Такъ какъ въ томъ же договорѣ есть статья, воспрещающая князю и его боярамъ пріобрѣтеніе въ Новгородѣ недвижимостей, то подъ пожнями въ приведенной статьѣ

надо разумѣть не купли князя и его мужей, а земли, отведенныя въ ихъ пользованіе Новгородомъ.

Дальнѣйшія указанія на наличность въ Новгородѣ государственныхъ имуществъ находимъ въ писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка. Въ нихъ рѣчь идетъ о селахъ и деревняхъ, состоящихъ изъ старины за намѣстниками ямскими, орѣховскими и др.[1] Эти села и деревни не собственность того или другого намѣстника, они переходятъ отъ одного намѣстника къ другому; это собственность Новгорода.

Какъ возникла государственная собственность въ Новгородѣ? Прямыхъ указаній на это нѣтъ, но можно сдѣлать догадку. Мы знаемъ, что въ Новгородѣ была особая государственная казна, средства которой шли на выкупъ новгородскихъ недвижимостей, проданныхъ людямъ иныхъ княженій, въ томъ случаѣ, когда самъ продавецъ не могъ выкупить этихъ земель. Такой порядокъ существовалъ въ Новгородѣ уже въ самомъ началѣ XIV вѣка. Въ договорѣ съ тѣмъ же великимъ княземъ тверскимъ читаемъ:

«А что, княже, селъ твоихъ, и владычныхъ, и княгининыхъ, и бояръ твоихъ, и слугъ твоихъ на Новогородской земли, которое село зашло безъ кунъ, то безъ кунъ поидеть къ Новугороду; а кто купилъ, а тый знаетъ своего истьца или дѣти его. Истца ли не будетъ, ни дѣтей его, цѣловати ему крестъ, како истьца невѣдаеть. Взяти ему колико будетъ по исправѣ, а земля къ Новугороду» (Рум. собр. I № 6, 1305).

Тверичи не должны покупать въ Новгородѣ земель. Но могло случиться, что они купили. На этотъ случай и написана приведенная статья. Она предписываетъ возвратить продавцу землю и получить съ него деньги. Но продавца можетъ не оказаться (а можно добавить: у продавца можетъ не оказаться денегъ); въ этомъ случаѣ выкупаетъ Новгородъ и земля идетъ ему. У Новгорода есть, слѣдовательно, государственная казна. Думаемъ, что земли, пре-

---

[1]) Временникъ XI 117; Новог. пис. кн. III 885.

доставляемыя князьямъ и намѣстникамъ, покупались на средства этой казны.

Эта новогородская казна могла имѣть очень длинную исторію, намъ неизвѣстную. Древнѣйшее указаніе на нее можно видѣть въ извѣстіи, относящемся къ княженію св. Владиміра, когда въ Новгородѣ посадничалъ сынъ его Ярославъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Ярославъ платилъ дань отцу въ Кіевъ по 2000 гривенъ въ годъ и раздавалъ въ Новгородѣ гридемъ (мечникамъ) по 1000 гривенъ. Едва ли Ярославъ платилъ эти деньги изъ своихъ собственныхъ средствъ; можно думать, что уже тогда была новогородская казна. Весьма вѣроятно, что дань въ Кіевъ тяжелымъ бременемъ ложилась на эту казну. Въ 1015 г. Ярославъ прекратилъ посылку 2000 гривенъ въ Кіевъ. Владиміръ сталъ собирать рать на Новгородъ и приказалъ готовить путь, но заболѣлъ и умеръ. Этимъ была предупреждена война отца съ сыномъ.

Можно допустить, что въ періодъ господства вѣчевыхъ порядковъ и въ другихъ княженіяхъ, гдѣ происходила частая смѣна князей, могли быть недвижимости, предоставляемыя въ ихъ временное пользованіе, и принадлежавшія не князю, а княженію. Тамъ же, гдѣ утверждалась одна линія князей и столъ переходилъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени отъ отца къ сыну, такія отведенныя князю земли легко переходили въ наслѣдственное владѣніе княжескаго дома и обращались въ его частную собственность. Такая именно случайность выпала на долю Москвы. Со смерти Ивана Даниловича на московскомъ престолѣ утверждается линія его нисходящихъ. Были или нѣтъ въ Московскомъ княженіи какія-либо недвижимости, предназначенныя для обезпеченія потребностей князя, мы не знаемъ; но если и были, онѣ должны были слиться съ недвижимостями царствующаго дома. Вотъ почему ни въ Московскомъ удѣлѣ, ни въ великомъ княженіи Владимірскомъ, въ которомъ утверждается та же московская линія князей, ни въ Московскомъ государствѣ мы не находимъ ни ма-

лѣйшихъ указаній на наличность государственныхъ имуществъ, которыя отличались бы отъ имуществъ князя. Въ Москвѣ есть только земельныя имущества великаго князя, а не государственныя. Земли великаго князя различаются на черныя и дворцовыя; послѣднія приписаны къ дворцамъ и несутъ особыя повинности на ихъ содержаніе: но и тѣ и другія одинаково принадлежатъ государю и даже повинностями не всегда различаются. Великій князь одинаково распоряжается какъ тѣми, такъ и другими. Черныя земли могутъ быть приписаны ко дворцу, а дворцовыя отписаны въ черныя. И тѣ и другія могутъ быть розданы въ помѣстья и вотчины, могутъ быть назначены сыновьямъ, княгинямъ, дочерямъ, монастырямъ и т. д. Наши источники не дѣлаютъ никакого различія между куплями государя, конфискованными имъ у частныхъ людей землями и другими его владѣніями, способъ пріобрѣтенія которыхъ остался намъ неизвѣстенъ. Все это безразлично называется государевыми землями и управляется на одинаковыхъ основаніяхъ.

Совершенно правильная точка зрѣнія на отсутствіе различія въ Москвѣ между частнымъ княжескимъ имуществомъ и государственнымъ давно уже высказана въ нашей литературѣ; но такъ же старо и противоположное мнѣніе о томъ, что черныя земли составляютъ государственную собственность. Первое мнѣніе принадлежитъ Б. Н. Чичерину, второе И. Д. Бѣляеву. Послѣднее мнѣніе высказывается нерѣдко и въ новыхъ трудахъ [1]).

Съ прекращеніемъ дома Рюриковичей и съ избраніемъ на московскій престолъ Бориса Годунова могъ возникнуть вопросъ о принадлежности тѣхъ громадныхъ имуществъ, которыя были накоплены потомками Ивана Калиты въ те-

---

[1]) Опыты по исторіи русскаго права Чичерина, 1858, стр. 256; Временникъ XI О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ Бѣляева стр. 3. 1851. Наличность государственныхъ имуществъ въ Москвѣ и теперь признается проф. Ключевскимъ, Русская Мысль 1880 г. № 1 стр. 63; проф. Платоновымъ, Очерки по исторіи смуты, 1899. стр. 163 и многими другими.

ченіе XIV, XV и XVI вѣковъ. Для Бориса Годунова они не составляли наслѣдственныхъ владѣній его предковъ. Но такого вопроса не возникло, онъ не былъ по плечу государственныхъ людей того времени, и въ XVII вѣкѣ продолжается прежнее безразличіе государственныхъ и частныхъ владѣній государя.

На почвѣ этого безразличія и возникло, кажется намъ, мнѣніе о вотчинномъ поріодѣ русской исторіи, впервые высказанное Кавелинымъ. Но Кавелинъ только намекнулъ на эту мысль, не развивъ и не доказавъ ея. Несмотря на это, брошенный имъ намекъ имѣлъ большой успѣхъ. Послѣдователи его говорятъ о вотчинномъ періодѣ, какъ о твердо установленномъ научномъ фактѣ; въ дѣйствительности это только неосторожное обобщеніе, совершенно, впрочемъ, понятное въ статьѣ столь общаго содержанія, какъ «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи» Кавелина.

«Съ этого времени (послѣ Андрея Боголюбскаго), говоритъ онъ, все начинаетъ принимать у насъ новый видъ. Сознаніе родового единства между князьями исчезло... Они становятся простыми вотчинными владѣльцами, наслѣдственными господами отцовскихъ имѣній... Княженія обращаются въ ихъ собственность, которую они дѣлятъ между дѣтьми... Когда князь сталъ вотчинникомъ, господиномъ своихъ владѣній, и дружинники его сдѣлались мало-по-малу его слугами... Лицо князя выростаетъ... Общинное начало сходитъ со сцены. Вѣча теряютъ государственный характеръ. Утверждается постоянная, близкая власть князей, владѣющихъ удѣлами наслѣдственно, какъ вотчинами» [1]).

Вотъ и все. Здѣсь смѣшеніе частной вотчины съ вотчиной-государствомъ и только. И государство и деревня называются отчиной, если достались отъ отца; и государство и деревня могутъ быть отказаны дѣтямъ и между ними раздѣлены. Но этимъ и ограничивается сходство. Передавая дѣтямъ села и деревни, князья передаютъ имъ свою

---

[1]) Сочиненія, изд. 1859. I. 343—355.

частную собственность; передавая имъ княженія или части ихъ, они передаютъ имъ свою правительственную власть, право собирать тамгу, мыто и другія пошлины, право судить и оберегать людей отъ воровъ и разбойниковъ. На территоріи княженія, которую князь наслѣдуетъ отъ отца и передаетъ своимъ дѣтямъ, не все принадлежитъ ему въ частную собственность, тамъ есть и другіе частные собственники; но у нихъ нѣтъ ни права тамги, ни права суда, ни другихъ правъ государственной власти. Этихъ правъ государственной власти нельзя выводить изъ частной собственности. Авторъ сдѣлалъ излишнее обобщеніе и ничего больше. Съ указанной имъ точки зрѣнія рѣшительно ничего не произошло новаго послѣ Андрея Боголюбскаго. То, что онъ считаетъ новымъ, практиковалось всегда. Древнѣйшій случай наименованія княженія вотчиной относится ко времени Владиміра Св. Почти за сто лѣтъ до Боголюбскаго эти вотчины дѣлились уже между дѣтьми вотчинника. На любецкомъ съѣздѣ (1097) князья рѣшили сидѣть въ своихъ отчинахъ. На основаніи этого опредѣленія, три сына Святослава черниговскаго должны были довольствоваться черниговской отчиной своего отца, то-есть, подѣлить ее между собой. Это дѣлаютъ и московскіе князья до самаго конца XVI вѣка. Итакъ, или вотчинный періодъ, начавшись при первыхъ князьяхъ, не прекращался до XVII вѣка, или его никогда не было. Сторонники же разсматриваемаго мнѣнія отводятъ вотчинному періоду опредѣленное время: у нихъ онъ возникаетъ послѣ Андрея Боголюбскаго и начинаетъ уступать свое мѣсто зарожденію государственныхъ началъ только во второй половинѣ XV вѣка. Но въ XVI вѣкѣ московское государство есть отчина московскихъ государей никакъ не менѣе, чѣмъ она была ею въ XIV и XV вѣкахъ; а, съ другой стороны, московскіе князья XIV и XV вѣка также судили и рядили свою землю, какъ и ихъ преемники, то-есть, они были не только вотчинники, но и государи.

Переходимъ къ вопросу о землевладѣніи крестьянскихъ общинъ. Новогородскія писцовыя книги проливаютъ и на

него яркій свѣтъ. Къ сожалѣнію, не всѣ эти книги сохранились, а напечатано ихъ и того менѣе, чѣмъ сохранилось. Есть достаточное основаніе думать, что въ концѣ XV вѣка были описаны всѣ новогородскія пятины. Изъ имѣющихся налицо переписей напечатаны описи Деревской, Вотской и частью Шелонской пятины. Неволинъ въ изслѣдованіи о пятинахъ и погостахъ новогородскихъ, на основаніи писцовыхъ книгъ XV и XVI вѣка, дѣлаетъ подсчетъ погостовъ во всѣхъ пятинахъ. Въ Деревской ихъ было—67, въ Вотской—60, въ Шелонской—69, въ Обонѣжской—81 и въ Бѣжецкой—92, а всего—369 погостовъ и волостей. Изъ этого числа намъ извѣстны по напечатаннымъ описямъ всѣ Деревскіе и Вотскіе погосты, а изъ Шелонскихъ—45; всего намъ извѣстно—172 погоста, неизвѣстно—197 [1]). Дѣленіе на пятины, какъ думаетъ Неволинъ, не старое новогородское, а новое, возникщее, по всей вѣроятности, въ концѣ XV вѣка и въ интересахъ московской администраціи. Это мнѣніе надо принять. Новогородскія пятины не обнимаютъ ни Двинской земли, ни Устюжской, ни Торжка съ уѣздомъ. Несмотря на это границы Новгорода въ предѣлахъ пятинъ были еще весьма значительны. Съ востока на западъ онѣ занимали пространство болѣе 500 верстъ, съ юга на сѣверъ болѣе 700.

На основаніи напечатанныхъ писцовыхъ книгъ мы знаемъ,

---

[1]) Описаніе селъ и деревень въ писцовыхъ новогородскихъ книгахъ, если судить по рубрикамъ описанія, а не по содержанію его, ведется по погостамъ. Содержаніе же описанія часто выходитъ изъ предѣловъ погоста, стоящаго въ заголовкѣ, и соединяетъ вмѣстѣ владѣнія одного помѣщика, находящіяся въ разныхъ погостахъ, то-есть, ведется по владѣльцамъ. Этимъ, можетъ быть, и надо объяснять то, что дѣйствительное число погостовъ пятины превышаетъ показанное въ оглавленіи. По оглавленію въ Деревской пятинѣ, напримѣръ, 61 погостъ, а въ дѣйствительноoти Неволинъ насчитываетъ ихъ 67. Лишніе погосты суть: Теребуновскій, Устьянскій, Рамышевскій, Петровскій, Налючскій и Черенчинскій. Всѣ они въ писцовой книгѣ упоминаются, но въ другихъ погостахъ. Для самостоятельнаго описанія въ нихъ, можетъ быть, ничего не осталось.

кому принадлежали новогородскія земли почти въ половинѣ общаго числа новогородскихъ погостовъ (въ 172). Собственниками были: бояре, крупные и мелкіе, купцы, посадскіе люди, крестьяне, попы, церкви, монастыри, владыка, и самъ Великій Новгородъ; но ни одного клочка не показано за крестьянскими общинами.

Этотъ фактъ первостепенной важности хорошо извѣстенъ и защитникамъ древности общиннаго владѣнія крестьянъ, но нисколько ихъ не смущаетъ. Они указываютъ на обширныя земли черносошныхъ крестьянъ въ Обонѣжской пятинѣ и думаютъ, что эти земли составляли исконную собственность крестьянскихъ общинъ [1]).

По изслѣдованіямъ Неволина, Обонѣжская пятина также была описана въ концѣ XV вѣка, но эта опись до насъ не дошла. Сохранилась опись этой пятины конца XVI вѣка (1582—1583), которою Неволинъ и пользуется. Эта позднѣйшая опись нѣсколько отличается отъ болѣе древнихъ. Въ описяхъ конца XV вѣка вездѣ указаны прежніе владѣльцы, у которыхъ земли отобраны для раздачи московскимъ служилымъ людямъ. Въ переписяхъ первой половины XVI вѣка такія указанія есть, но не полныя. Неполнота, въ этомъ отношеніи, переписей конца XVI вѣка еще значительнѣе, и понятно почему. Это не первая и не вторая перепись по конфискаціи, а четвертая, а можетъ быть пятая или шестая. Шелонская пятина описывалась: въ 1498, 1515, 1524, 1539, 1545, 1552, 1570, 1573, 1576, 1582 годахъ. Очень понятно, что въ первыхъ описяхъ можно и даже должно было называть старыхъ владѣльцевъ, бывшихъ у всѣхъ въ памяти и имена которыхъ отмѣчали владѣніе всѣмъ извѣстной примѣтой, а что могли значить имена ихъ черезъ 60—80 лѣтъ, когда владѣніе успѣло упрочиться за новымъ владѣльцемъ или перейти черезъ много рукъ? Ровно

[1]) П. А. Соколовскій, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, 1877, стр. 19, 27, 28. Правильно оцѣниваетъ этотъ фактъ г-жа Ефименко. Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ, 1884, 196.

ничего. Вотъ почему въ писцовыхъ книгахъ 1582 года старые новгородскіе владѣльцы обозначаются очень рѣдко, и отписанныя у нихъ на государя земли называются коротко: «царя и великаго князя села и деревни черные оброчные». Можно ли отсюда заключать, что эти села и деревни искони принадлежали крестьянской общинѣ? Конечно, нѣтъ.

Къ счастью для торжества исторической истины и въ Обонѣжской писцовой книгѣ 1582 года сохранилось нѣсколько указаній на то, что черныя оброчныя земли были конфискованы у частныхъ владѣльцевъ, и ни одного, свидѣтельствующаго о томъ, что онѣ составляли собственность крестьянскихъ общинъ.

Приведемъ первыя.

«Погостъ Ильинскій. А въ немъ деревни и пустоши и селища и займища, что были царя и великаго князя оброчныя, а нынѣ въ пустѣ, что были Михайловскіе Ѳомина».

«Въ Рожественскомъ же погостѣ на Олонцѣ села и деревни и починки и пустоши и селища и займища царя и великаго князя дворцовые, что прежъ сего отписаны у наугородцкаго архіепискупа Пимина»...

«Въ Выгоозерскомъ же уѣздѣ Соловетскаго монастыря деревни старыя Марѳинскія боярщины Исаковы въ Виршѣ рѣкѣ... И всѣхъ Соловетскихъ участковъ, что имъ далъ царь и великій князь, 38 участковъ».

Старую боярщину Марѳы Борецкой царь и великій князь далъ монастырю и она стала участкомъ его владѣній; а если бы онъ оставилъ за собой, она была бы—«селами и деревнями царя и великаго князя черными оброчными».

«Въ Молвотицкомъ же погостѣ, что были деревни Николского монастыря съ Соколничъ, а нынѣ пустоши и лѣсомъ поросли, стоятъ за государемъ не въ роздачѣ» [1]).

Эти данныя мы можемъ пополнить фактами изъ древ-

[1]) Изъ приложеній къ вышеприведенному изслѣдованію Неволина стр. 142, 153, 169, 278. Еще сохранилось указаніе на прежнихъ частныхъ владѣльцевъ на стр. 137.

нѣйшихъ еще ненапечатанныхъ писцовыхъ новогородскихъ книгъ конца XV вѣка. Въ напечатанныхъ книгахъ иногда говорится, что государевы дворцовыя земли писаны особо. Такія ссылки возбуждаютъ особое вниманіе изслѣдователя. Не причислены ли ко дворцу земли, принадлежавшія крестьянскимъ общинамъ? Можетъ быть, поэтому ихъ и писали особо? Хранящаяся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи копія съ писцовой новогородской книги дворцовыхъ земель даетъ возможность отвѣтить на этотъ вопросъ самымъ опредѣленнымъ образомъ. Ко дворцу были приписаны земли, конфискованныя тоже у частныхъ владѣльцевъ; между дворцовыми волостями также нѣтъ ни одного клочка земли, принадлежавшаго крестьянскимъ общинамъ. Составленіе особыхъ книгъ для этихъ земель объясняется тѣмъ, что онѣ состояли въ вѣдомствѣ дворецкаго, которому и сообщалась опись дворцовыхъ волостей [1]).

---

[1]) Эта копія содержитъ въ себѣ списки съ шести описей дворцовыхъ земель, составленныхъ въ разное время, въ концѣ XV, въ XVI, а одна въ XVII вѣкѣ. Расположены онѣ не въ хронологическомъ порядкѣ. Сперва идетъ списокъ съ книги 7009 года на листахъ 1—35, потомъ 7059 г. на листахъ 36—55, за этимъ спискомъ слѣдуютъ книги: 7086 г. л. 56—102, 7128 г.—л. 103—160, 7932 г.—л. 161—250 и наконецъ 7007 г.— л. 251—274. Обѣ книги конца XV вѣка принадлежатъ письму Матвѣя Валуева, того самаго, который въ 1598 году описывалъ всю Шелонскую пятину. Приведемъ изъ этой древнѣйшей описи интересующія насъ мѣста.

Книга 7007 года, л. 251. «Погостъ Коростынской вопче великому князю съ помѣщикомъ, съ Митею Трусовымъ, а на немъ церковь великиі Никола, за великимъ княземъ на Матрунинскомъ участкѣ Кривого, да на Ѳѣдосѣевскомъ участкѣ Мыльникова, да на Онаньенскомъ участкѣ Иванова, да на Благовѣщенскаго монастыря участкѣ,—во дворѣ Захаръ Дмитровъ» и т. д. идетъ перечисленіе дворовъ, отписанныхъ на великаго князя.

Л. 253. «Селцо пустошь, что было Благовѣщенскаго монастыря».

Л. 253 об. «Да въ томъ же селцѣ на Захаровскомъ участкѣ Мастерова, да на Павловскомъ Бычкова безпашенные люди, что давали Митѣ Трусову да Рошку Харламову поземъ»...

Отсутствіе указаній въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ на землевладѣніе крестьянскихъ общинъ имѣетъ рѣшающее значеніе по вопросу о земельной собственности крестьянскихъ общинъ. Если ни въ одномъ изъ 172 погостовъ, подробно описанныхъ въ древнѣйшихъ книгахъ, не было ни одного клочка, принадлежавшаго крестьянскимъ

Въ концѣ итогъ деревень и дворовъ «сведеныхъ бояръ и что были монастырскіе», и доходъ по старому письму и по новому.

Также съ поименнымъ перечисленіемъ прежнихъ владѣльцевъ, сведеныхъ бояръ и монастырей, описаны погосты Буряга и Сумерскій.

Книга 7009 года, л. 1. «Въ Новогородскомъ уѣздѣ въ Паозерьи великаго князя село у Троицы въ Паозерьи Оѳросиньинское Федоровы жены Самсонова, да Матрунинское Божина, да Оксентьевское Щоткина, а въ немъ церковь Троица». Дворъ великаго князя Офросиньинской, а въ немъ конюхъ».

«А пашни великаго князя въ томъ селѣ» и т. д.

Л. 4 об. «Да къ Троецкому селу приписалъ Матѳей Валуевъ великаго князя деревни сведеныхъ бояръ въ Паозерьи же и въ Повережьи и въ Завережьи».

А далѣе поименованы эти сведеные бояре:

«Въ Паозерьи великаго князя деревни Алексѣевскія Васильева сына Лошакова, да Ивановскія Ананьина сына Голинскаго, да Федоровскіе Семенова сына Берденева, да Григорьевскіе Тучина, да Лукинскіе Толстого» и т. д., а затѣмъ идетъ опись селъ, деревень и крестьянскихъ дворовъ, при чемъ иногда опять упоминаются имена перечисленныхъ уже старыхъ владѣльцевъ, сведеныхъ бояръ.

На л. 12-мъ перечисляются сады сведеныхъ бояръ и ихъ пожни, а на 13-мъ купли великаго князя у монастырей, которыя тоже поступили въ дворцовыя.

На л. 21 приведенъ итогъ въ такой формѣ: «И всѣхъ деревень во всѣхъ боярщинахъ и что были монастырскія по старому письму 32, а дворовъ 55, а людей 62, а обежъ 77, а стараго дохода» и т. д.

На об. 22 л. показаны тони, состоявшія тоже въ частномъ владѣніи отдѣльныхъ лицъ.

Л. 30 об. «Великаго князя волость Боротна Ивановская Кузмина сына Савелкова. Погость Боротна». А далѣе идетъ описаніе церкви на немъ, дворовъ не тяглыхъ, деревень тяглыхъ и пр.

На л. 33 послѣ итоговъ: «А стараго доходу съ тое волости шло Ивану Кузмину денегъ» и т. д. Любопытное указаніе. Старый до-

общинамъ, если въ книгахъ конца XVI вѣка сохранились еще указанія на конфискацію частной земельной собственности и ни одного на принадлежность земли крестьянскимъ общинамъ, то потому, надо думать, что такихъ собственниковъ въ Новгородѣ и не было. А въ Новгородѣ было все, что было въ остальной Руси. Надо думать, что и въ остальной Руси собственность крестьянскихъ общинъ не принадлежитъ къ исконнымъ явленіямъ нашей исторіи.

ходъ, по всей вѣроятности, всегда обозначаетъ доходъ сведеныхъ новогородскихъ бояръ.

На слѣд. 34 л. встрѣчаемъ описаніе волостки того же владѣльца, Ивана Кузмина Савелкова. Но при исчисленіи стараго дохода не сказано, что онъ шелъ ему. Это, конечно, само собой разумѣется.

Таково содержаніе двухъ древнѣйшихъ писцовыхъ книгъ 7007 и 7009 годовъ.

Въ болѣе новыхъ книгахъ описываются иногда тѣ же самые погосты. Но въ позднѣйшихъ книгахъ не всегда встрѣчаются указанія на прежнихъ владѣльцевъ. Въ книгѣ 7032 г. описаны погосты Корыстынскій и Бурягинскій. При описаніи Корыстынскаго погоста указаны тѣ же сведеные бояре, которые перечислены и въ описи 7007 и нами выше приведены. Въ той же старой описи 7007 г. сказано, что погостъ Буряга, великаго князя волость, былъ прежде Варварскаго монастыря съ Черницыны улицы (л. 262). Въ описи же 7032 г. это указаніе опущено, (л. 241). Это, впрочемъ, рѣдкій случай. Въ этой книгѣ постоянно указываются старые владѣльцы, для примѣра см. л. 161, 156, 168 об., 169 об., 171, 176, 192, 201, 213, 215, 220, 228, 236, это все сведеные бояре и монастыри.

Погостъ Корыстынскій описывается и въ самой поздней книгѣ 7128 года. Въ этомъ описаніи можно узнать тотъ же Корыстынскій погостъ, описанный еще въ 7007 году: на немъ та же церковь Николы, къ нему тянетъ то же сельцо Пустошь; несмотря на тожество описываемыхъ мѣстъ писецъ 7128 года не нашелъ нужнымъ упомянуть прежнихъ новогородскихъ владѣльцевъ, сведеныхъ бояръ, подробно перечисленныхъ въ описи Матвѣя Валуева 7007 г. Къ 1620 году о нихъ, конечно, успѣли забыть. Благодаря этому пропуску, и могло сдѣлаться неяснымъ, какого происхожденія эти дворцовыя земли, для насъ, конечно, а люди XVII вѣка, по всей вѣроятности, еще знали это.

Всѣ копіи переплетены въ одну книгу, на корешкѣ которой написано: Списокъ съ писцовой книги Новогородскаго уѣзда. 7009. 7032. 2705 г. И ниже: Н. 706. Книга 122. Въ печатной описи содержаніе книги разнесено по годамъ.

Землевладѣніе крестьянскихъ общинъ возникаетъ, слѣдовательно, уже на глазахъ исторіи и въ Новгородѣ, какъ увидимъ, нѣсколько позднѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Въ Новгородѣ возможность землевладѣнія крестьянскихъ общинъ открывается съ конфискаціи земель частныхъ владѣльцевъ въ пользу царя и великаго князя московскаго. Въ писцовыхъ книгахъ можно наслѣдить и зародыши такого возникновенія общинныхъ земель и водъ.

Конфискація земель частныхъ владѣльцевъ произвела громадную перемѣну въ положеніи крестьянъ, переведенныхъ на оброкъ и записанныхъ за великимъ князем. Крестьяне эти стали называться крестьянами царя и великаго князя, а земли и воды, отписанныя на великаго князя, стали предоставляться въ ихъ непосредственное пользованіе и владѣніе и облагаться оброкомъ въ государеву казну взамѣнъ прежнихъ повинностей въ пользу землевладѣльца. Такъ возникъ тотъ своеобразный видъ поземельныхъ отношеній, о которомъ крестьяне въ памятникахъ конца XV и XVI вѣка говорили: «то земля царя и великаго князя, а нашего владѣнія». Тѣ же земли назывались еще: волостными, тяглыми, черными.

Изученіе писцовыхъ новогородскихъ книгъ дѣлаетъ совершенно яснымъ отсутствіе у насъ въ древности земельной собственности крестьянскихъ общинъ; все крестьянское землевладѣніе возникло у насъ изъ земель, отписанныхъ на государя. Всѣ конфискованныя Иваномъ Васильевичемъ земли составляютъ его собственность и предоставляются имъ или въ условное владѣніе помѣщиковъ или въ оброчное владѣніе крестьянъ, которые и прежде сидѣли на нихъ по порядным, заключеннымъ съ прежними собственниками. О хозяйственномъ устройствѣ этихъ крестьянъ мы будемъ говорить послѣ, а теперь остановимся на вопросѣ о томъ, какія же права принадлежатъ имъ на эти княжескія замли?

Древнія поземельныя отношенія не всегда можно мѣрить нашею мѣрою и объяснять юридическими понятіями нашего времени.

Въ XV, XVI и даже въ XVII вѣкѣ никому и въ голову не приходило опредѣлять права крестьянъ на государевы земли. Всѣмъ было ясно, что они не своеземцы, не собственники. Что же касается правительства, то оно опредѣляло только повинности крестьянъ съ этихъ земель. Крестьяне состояли на казенномъ оброкѣ до тѣхъ поръ, пока правительство не находило нужнымъ назначить землю, на которой они сидѣли, кому-либо въ помѣстье, или отдать монастырю и пр. Съ этого момента помѣщикъ становился владѣльцемъ земли на помѣстномъ правѣ, монастырь на основаніи жалованной грамоты и пр., а крестьяне сидѣли на землѣ того или другого помѣщика или монастыря, согласно съ тѣми условіями, которыя предъявлялъ имъ новый землевладѣлецъ; а не нравились условія, они могли уйти. Хотя крестьяне получили въ свое владѣніе боярскія земли по доброй волѣ великаго князя, а не въ силу своей просьбы, тѣмъ не менѣе владѣніе ихъ можетъ быть названо прекарнымъ, такъ какъ имѣетъ всѣ его свойства.

Возникаетъ вопросъ, кому принадлежало это прекарное владѣніе, цѣлой общинѣ или отдѣльнымъ крестьянамъ? Даже это не было опредѣлено. По писцовымъ книгамъ отдѣльные участки показаны за отдѣльными крестьянами; они, надо полагать, и суть владѣльцы этихъ участковъ, а не община. Но въ это же время впервые появляются и нѣкоторыя условія, при наличности которыхъ можетъ зародиться мысль о правахъ цѣлой общины на земли и воды царя и великаго князя. Прежнія повинности землевладѣльца переводятся на оброкъ въ государеву казну, но этотъ оброкъ опредѣлялся не на каждую деревню или дворъ, какъ опредѣлялся доходъ господина, а огульно на все имѣніе. Раскладка новаго оброка между отдѣльными членами становится дѣломъ всѣхъ крестьянъ, т.-е. общины, а вмѣстѣ съ этимъ должна зародиться и мысль, что и земля—общинная. Что же касается угодій, принадлежавшихъ прежнимъ господамъ, напримѣръ, озеръ, то они прямо записываются за всѣми крестьянами подлежащаго имѣнія. Въ писцовыхъ книгахъ читаемъ:

«Озеро Сяберо вопче великаго князя христьяномъ Ондреевскимъ Олешинскаго съ помѣстщики, съ Гавриломъ Неплюевымъ» и др.

«Озеро Вердуга вопче великаго князя христьяномъ Яковлевскимъ Коробова съ помѣстщими, съ Иваномъ Нащокинымъ» и др.

«Озеро Пелюго вопче великаго князя христіаномъ Ѳеодоровскимъ Сѣкирина съ тѣми же помѣстщиками» и др. [1]).

Озеро Сяберо состояло въ общемъ владѣніи Андрея Олешинскаго съ другими новогородскими своеземцами; озеро Вердуга—состояло за Яковомъ Коробовымъ, а озеро Пелюго за Ѳедоромъ Сѣкиринымъ—также въ общемъ владѣніи съ другими лицами. Всѣ эти владѣнія конфискованы, нѣкоторыя изъ нихъ отданы помѣщикамъ, другія остались за государемъ. Доли участія во владѣніи озерами и, слѣдовательно, рыбными промыслами, принадлежавшія этимъ прежнимъ владѣльцамъ, переданы теперь ихъ крестьянамъ, т.-е. сельскимъ общинамъ, которыя и какъ административныя то единицы теперь только и возникаютъ.

Итакъ, и отдѣльные крестьяне и цѣлыя общины могутъ и дѣйствительно считаютъ себя владѣльцами государевыхъ земель. Но эти общины первоначально образуются изъ совокупности крестьянъ, сидѣвшихъ на земляхъ одного опредѣленнаго своеземца: Коробова, Сѣкирина, Олешинскаго и пр.

Общины, имѣющія участіе въ озерѣ, могутъ сдаватъ свое право въ аренду; общины, обложенныя однимъ огульнымъ оброкомъ, могутъ сдавать запустѣвшіе участки новымъ пришельцамъ для пополненія своихъ платежныхъ силъ; наконецъ, прямой интересъ общинъ защищать свои владѣнія на судѣ Онѣ все это и дѣлаютъ. А прежде эти права принадлежали гг. Олешинскому, Коробову, Сѣкирину и др.

Но и отдѣльные члены общины имѣютъ гораздо болѣе одного права пользованія государевой землей. Они пере-

---

[1]) Новг. писц. кн. IV 81 сл.

дають ее въ порядкѣ законнаго наслѣдованія и распоряжаются ею: продаютъ, дарятъ и пр. Это несогласно съ правами общины и можетъ нарушать ея интересы. Но вновь зарождающіяся права общинъ еще не достаточно созрѣли, чтобы противодѣйствовать такимъ распоряженіямъ отдѣльныхъ членовъ общины; а съ другой стороны, такія дѣйствія отдѣльныхъ членовъ и не всегда нарушали интересы общины. На эту неразмежованность правъ общины и отдѣльныхъ ея членовъ мы имѣли уже случай указать (I т. Рус. юр. древн. стр. 230 и сл.), и эти указанія и теперь остаются въ силѣ.

Что касается правительства, то у него не было поводъ вмѣшиваться въ хозяйственныя и иныя распоряженія крестьянъ и ихъ общинъ предоставленными въ ихъ пользованіе и владѣніе землями, если только съ этихъ земель исправно поступали наложенныя на нихъ повинности. До насъ дошли только распоряженія московскаго правительства на случай перехода этихъ земель къ лицамъ, пользовавшимся льготами отъ тягла черныхъ людей. Эти распоряженія восходятъ къ концу XIV вѣка. Правительство предписываетъ такимъ людямъ или тянуть тягло съ черными людьми или возвратить имъ земли даже даромъ. Въ XVII вѣкѣ такія продажи и вовсе запрещались.

Помимо этого, правительству было рѣшительно безразлично, какъ переходятъ черныя земли отъ одного лица къ другому, какъ и кто ими распоряжается. Оно не находило даже надобности принимать участіе въ судебныхъ спорахъ о черныхъ земляхъ въ качествѣ стороны, хотя эти земли и составляли его собственность. На судѣ участвовали только крестьяне—то какъ представители общины, то какъ частные владѣльцы, и спорныя земли отходили по опредѣленію суда въ частное владѣніе безъ запроса представителя казны [1]).

---

[1]) Рус. юр. древн. I 232. Къ приведеннымъ тамъ фактамъ можно добавить судное дѣло конца XV вѣка. Истцы—староста и всѣ крестьяне залѣскіе, отвѣтчикъ—Сергіевъ монастырь, предметъ спора—тяглая, черная, волостная земля. Интересы казны никѣмъ не были представлены.

Итакъ, землевладѣніе крестьянскихъ общинъ въ новгородскихъ пятинахъ возникаетъ не ранѣе конца XV вѣка. Оно появляется на конфискованныхъ въ пользу государя земляхъ и представляетъ нѣкоторыя особенности, которыя не вполнѣ соотвѣтствуютъ нашимъ понятіямъ о собственности, владѣніи и пользованіи.

Такого же происхожденія, надо думать, и землевладѣніе крестьянскихъ общинъ въ Вятской, Двинской землѣ и въ Псковѣ. Вятская и Двинская земля присоединены къ Москвѣ тѣмъ же великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться, что къ нимъ были примѣнены и тѣ же мѣры присоединенія, что и къ Новгороду, т.-е., значительные землевладѣльцы были выселены, а земли ихъ сдѣлались черными оброчными. Относительно Вятки есть и прямое извѣстіе лѣтописи, относящееся къ самому году ея взятія. На предложенное вятчанамъ условіе—выдать виновныхъ «въ неисправленіи», они отвѣчали отказомъ; тогда воеводы великаго князя взяли Вятку (1489 г.), а лучшіе люди были выведены и помѣщены въ московскихъ городахъ (Воскрес. л.). Нѣтъ основанія думать, что на ихъ мѣсто были посажены московскіе служилые люди. Всѣ ихъ земли сдѣлались государевыми черными, оброчными. Этимъ объясняется значительное число государевыхъ черныхъ оброчныхъ земель, которое сохранилось въ этихъ окраинахъ Московскаго государства, и такъ радуетъ сторонниковъ незапамятной древности нашего общиннаго землевладѣнія. Псковъ былъ присоединенъ къ Москвѣ сыномъ Ивана Васильевича, великимъ княземъ Василіемъ. Этотъ городъ оказалъ великому князю еще менѣе сопротивленія, чѣмъ Новгородъ; тѣмъ не менѣе московскій государь приказалъ взять за пристава посадниковъ и лучшихъ бояръ, всего 300 семей, и перевезти ихъ въ Москву (Псков.

Дѣло рѣшено въ пользу монастыря. А. до Юр. б. I № 52, III. Тогда же волость, староста съ крестьянами, отводятъ лѣсъ великаго князя во владѣніе трехъ крестьянъ Словенскаго Волочка. А. Юр. № 6, около 1490 г.

I 1510). Съ этого времени и въ Псковѣ могли образоваться царя и великаго князя черныя, оброчныя села и деревни.

Въ Московскомъ государствѣ была произведена соціальная реформа великой важности, едва ли достаточно отмѣченная нашей исторіей: поземельная собственность изъ рукъ бояръ и бояришекъ перешла въ руки рабочаго населенія.

Василій Ивановичъ шелъ по стопамъ своего отца. А Иванъ Васильевичъ, примѣнившій систему конфискаціи въ такихъ громадныхъ размѣрахъ ко всѣмъ новогородскимъ пятинамъ, къ Вяткѣ и Двинѣ, неужели не имѣлъ предшественниковъ? Это не только трудно, но и невозможно допустить. Ничто новое не возникаетъ въ исторіи разомъ, въ такомъ всеоружіи, какъ колоссальная конфискація Ивана Васильевича. И онъ имѣлъ своихъ предшественниковъ.

Всякая война и изъ самой глубокой древности вела къ конфискаціи земель побѣжденнаго противника. Но при незначительности размѣровъ древнихъ княженій, приблизительномъ равенствѣ силъ противниковъ и необходимости, при этихъ условіяхъ, въ компромиссахъ, эти конфискаціи не могли достигать большихъ размѣровъ, а земли, такъ добытыя, предоставляться въ пользованіе крестьянъ. Хорошо, если ихъ было достаточно для нуждъ самого князя побѣдителя и его ближайшихъ помощниковъ. Только съ успѣхами московскаго объединенія открывается возможность оставлять конфискованныя земли въ непосредственномъ пользованіи и владѣніи крестьянъ. Образованіе черныхъ, оброчныхъ земель идетъ параллельно съ развитіемъ территоріи Московскаго государства. Московскіе государи съ половины XIV вѣка вступаютъ на путь широкихъ земельныхъ пріобрѣтеній, они присоединяютъ къ Москвѣ села и волости, и цѣлые удѣлы и княженія, при чемъ земли опасныхъ и неугодныхъ имъ лицъ, конечно, конфискуются и передаются вѣрнымъ слугамъ или оставляются за крестьянами, какъ это было въ Новгородѣ. Такъ, надо думать, еще до покоренія Новгорода возникли черныя волостныя земли въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, Вологодскомъ и другихъ пріобрѣ-

теніяхъ Москвы, о которыхъ говорятъ памятники XV и XVI вѣка.

Въ духовныхъ завѣщаніяхъ московскихъ князей весьма нерѣдко содержатся распоряженія селами и деревнями, которыя называются именами ихъ старыхъ владѣльцевъ. Въ числѣ селъ и деревень великаго князя Дмитрія Ивановича упоминаются Жирошкины деревни въ Московскомъ уѣздѣ, земли какого-то Ивана Васильевича въ Гремичахъ и село Ивана Хороброва. Серпуховскому князю Владиміру Андреевичу принадлежало въ Московскомъ уѣздѣ село, бывшее Дмитрія Воронина. Жирошкины деревни Василій Дмитріевичъ получилъ отъ отца и передалъ ихъ своему сыну, а женѣ своей назначилъ села, бывшія Онтоновскія въ Бѣжецкомъ Версѣ. Ему же принадлежатъ бывшія Головинскія деревни и многочисленныя села и деревни Ѳедора Свиблова, которыя находились и подъ Москвой, на Яузѣ, и на Устюгѣ, и на Вологдѣ. Также были многочисленны села и деревни Петра Константиновича, которыя упоминаются въ завѣщаніи Василія Васильевича. Они лежали за Волгой по Шекснѣ, на Истрѣ и въ Юрьевѣ. Своей женѣ великій князь назначаетъ село Михаила Данилова, что на Костромѣ. О пріобрѣтеніи этихъ селъ и деревень покупкой нѣтъ и намека. Въ завѣщаніяхъ московскихъ князей не разъ идетъ рѣчь и о купляхъ, но то другія имѣнія, а не перечисленныя. Наименованіе этихъ селъ и деревень по имени прежнихъ владѣльцевъ такъ и переноситъ насъ ко времени составленія новогородскихъ писцовыхъ книгъ, гдѣ также всѣ села и деревни обозначаются именами старыхъ владѣльцевъ. Новогородскія новшества конца XV вѣка, очень можетъ быть, составляютъ московскую старину XIV вѣка.

Все землевладѣніе крестьянскихъ общинъ возникло у насъ на земляхъ, составляющихъ собственность московскихъ государей. Государи пріобрѣтали эту собственность самыми разнообразными способами: путемъ войны съ сосѣдями, куплями и конфискаціей. Всѣ эти способы были извѣстны съ самой глубокой древности. Колоссальныхъ размѣровъ

конфискація достигаетъ въ царствованіе великаго князя Ивана Васильевича. Но она не имъ началась, не имъ и кончилась. Значительныя конфискаціи происходятъ въ XVI вѣкѣ, еще бо̀льшія въ XVII-мъ. По Уложенію приказано было отписать на государя всѣ вотчины и помѣстья, которыя сошлись близко съ городскими посадами. Такихъ земель, конечно, было очень много. Но о порядкѣ исполненія этой статьи мы не имѣемъ свѣдѣній [1]).

Такое изъ ряду вонъ выдающееся вмѣшательство правительства въ частную собственность, продолжающееся цѣлые вѣка, должно было значительно подорвать свойственную всякому собственнику мысль о неприкосновенности его владѣній. А съ другой стороны должна была возникнуть идея о принадлежности правительству, по крайней мѣрѣ, всѣхъ никѣмъ не занятыхъ земель. Въ началѣ XVI вѣка пять человѣкъ двинянъ нашли въ Двинскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ Юрѣ соленые ключи. Поселенія тамъ не было и земля и вода никому не принадлежали. Но они не рѣшились занять ихъ, начать строить дворы и распахивать землю. Они нашли нужнымъ обратиться къ правительству съ просьбой о разрѣшеніи ключи соленые чистить, лѣсы сѣчь, дворы ставить, людей къ себѣ звать, пашню пахать. Правительство разрѣшило. Отъ того же времени встрѣчаемся даже съ

---

[1]) Уложеніе XIX 8 и 9. На продолжающуюся конфискацію частныхъ владѣній въ царствованіе Ивана Грознаго находимъ указанія въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка. При немъ были розданы въ помѣстья вотчины, конфискованныя въ Московскомъ уѣздѣ у кн. Маріи Воротынской, у Вас. Бор. Кутузова, у кн. Ив. Келмамаева, въ Веневскомъ— у кн. Ив. Ѳед. Мстиславскаго, въ Бѣлозерскомъ—у Новинскаго монастыря и пр. Калачовъ I 122 сл., II 414, 1537 сл. Еще свѣдѣнія о конфискаціяхъ въ XVI вѣкѣ: А. И. I № 164, 222; 1556—1588 гг. Въ писцовыхъ книгахъ Рязанскаго края конца XVI вѣка находимъ указанія на раздачу въ помѣстья вотчинъ Сем. Дм. Константинова, Ив Сем. Вельяминова, Ив. Коробьина. Сторожевъ I вып. 1, 42, 261 сл. Во второмъ выпускѣ того же изданія читаемъ: «А прежъ того то село Гавриловское и ухожьи были Спасскіе, что Спасъ въ городѣ Переяславлѣ; и князь Ѳедоръ Васильевичъ взялъ то село у Спаса»... стр. 419.

просьбами о разрѣшеніи купить у кого-нибудь землю. Въ 1518 г. дмитровскій князь Юрій Ивановичъ разрѣшилъ своему дворецкому купить въ Кашинскомъ уѣздѣ деревни у разныхъ лицъ. Въ концѣ грамоты сказано, что покупщикъ воленъ, если пожелаетъ, куплю эту продать, промѣнять и даромъ отдать. Это право отчужденія, конечно, всегда принадлежало собственнику и само собой разумѣется. Но въ Москвѣ права частной собственности сильно поколеблены, а потому не мѣшаетъ запасаться правительственнымъ разрѣшеніемъ и на покупку и на продажу [1]). Что дозволено правительствомъ, то и крѣпко.

Древности до-московскія и московскія одинаково наши русскія древности, но онѣ очень мало другъ на друга похожи. До Москвы господствующій типъ землевладѣльца—своеземецъ-собственникъ, въ Москвѣ господствующій типъ землевладѣнія—зависимый отъ правительства землевладѣлецъ, каждый шагъ котораго нуждается въ разрѣшеніи и утвержденіи правительства, иначе права его будутъ не ясны и не тверды. На почвѣ конфискаціи частной земельной собственности, произведенной въ громадныхъ размѣрахъ, возникаетъ какъ помѣстное владѣніе, такъ и неизвѣстное древней Руси землевладѣніе крестьянскихъ общинъ, которое, однако, ежеминутно можетъ превратиться въ землевладѣніе служилыхъ людей, а крестьяне общинники изъ государевыхъ черносошныхъ людей стать крѣпостными.

Въ XVIII вѣкѣ начинается обратное движеніе къ выработкѣ чистаго типа земельной собственности. Мы теперь ближе къ до-московскимъ древностямъ, чѣмъ къ московскимъ. Перемѣщеніе поземельной собственности изъ рукъ своеземцевъ въ руки помѣщиковъ и крестьянскихъ общинъ, производившееся московскими государями въ теченіе многихъ вѣковъ, служило имъ могучимъ средствомъ для укрѣпленія своей власти и объединенія русской земли. Это была

[1]) А. Э. I № 385, 1524 г.; № 165, 1518 г.

политическая и соціальная реформа необыкновенной важности. Великій князь Иванъ Васильевичъ хорошо зналъ, чтò говорилъ, когда говорилъ новгородцамъ въ 1477 году: «селомъ быть, волостемъ быть».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Деревня, дворъ, село, погостъ

Размѣры старыхъ деревень и число входящихъ въ нихъ дворовъ очень разнообразны. Въ общемъ можно сказать, что старыя деревни были невелики. Восемь—девять дворовъ на деревню—это наибольшій размѣръ, какой мы замѣтили; встрѣчается онъ, однако, не часто. Въ большинствѣ случаевъ на деревню приходилось три, два, полтора двора. Одинъ дворъ—тоже составлялъ деревню [1]). Въ московскихъ

[1]) Приводимъ для примѣра нѣсколько важныхъ безъ выбора итоговъ деревень и въ нихъ числа дворовъ и людей.

Новогор. писц. книги т. I Деревская пятина.

Стр.	12	деревень	11	дворовъ	19	людей	21
»	16	»	34	»	55	»	58
»	23	»	23	»	36	»	37
»	46	»	66	»	133	»	138
»	65	»	20	»	56	»	60
»	126	»	7	»	19	»	19
»	177	»	135	»	241	»	253
»	203	»	67	»	103	»	106
»	279	»	33	»	51	»	53
»	370	»	3	»	3	»	3
»	406	»	17	»	29	»	29

писцовыхъ книгахъ XVI вѣка встрѣчаются деревни съ гораздо большимъ числомъ дворовъ; но и въ XVI вѣкѣ ря-

Стр.	467	деревень	56	дворовъ	85	людей	94
»	473	»	15	»	33	»	36
»	598	»	4	»	5	»	11
»	634	»	11	»	25	»	26
»	741	»	13	»	23	»	26
»	805	»	7	»	14	»	16

Томъ II Деревская пятина.

Стр.	8	деревень	4	дворовъ	8	людей	8
»	10	»	3	»	6	»	6
»	90	»	3	»	8	»	8
»	118	»	2	»	6	»	6
»	177	»	14	»	18	»	21
»	242	»	2	»	3	»	3
»	—	»	1	»	2	»	2
»	282	»	2	»	4	»	4
»	324	»	3	»	7	»	7
»	477	»	1	»	2	»	2
»	478	»	1	»	1	»	1
»	479	»	1	»	2	»	2
»	—	»	1	»	2	»	2
»	567	»	26	»	73	»	80
»	570	»	5	»	12	»	12
»	—	»	11	»	25	»	25
»	701	»	48	»	201	»	232
»	762	»	3	»	6	»	6

Томъ III Вотская пятина.

Стр.	29	деревень	10	дворовъ	22	людей	31
»	58	»	5	»	10	»	25
»	74	»	8	»	24	»	42
»	110	»	3	»	7	»	11
»	134	»	12	»	16	»	42
»	146	»	4	»	5	»	7
»	181	»	6	»	23	»	39
»	277	»	1	»	2	»	2
»	338	»	5	»	9	»	10

домъ съ деревнями въ 25, 33, 36 и болѣе дворовъ было не мало деревень въ 3 и 2 двора; даже одинъ дворъ про-

---

Стр.	394	деревень	13	дворовъ	25	людей	38
»	434	»	3	»	4	»	11
»	454	»	3	»	8	»	10
»	482	»	2	»	4	»	5
»	510	»	6	»	40	»	56
»	615	»	11	»	65	»	93
»	625	»	8	»	23	»	26
»	697	»	12	»	18	»	32
»	765	»	16	»	122	»	153
»	822	»	2	»	19	»	19
»	866	»	6	»	29	»	32

Томъ IV Шелонская пятина 1498 г.

Стр.	13	деревень	7	дворовъ	29	людей	33
»	30	»	18	»	30	»	34
»	34	»	6	»	15	»	16
»	46	»	2	»	2	»	2
»	58	»	6	»	7	»	7
»	94	»	19	»	30	»	30
»	118	»	16	»	50	»	50
»	133	»	6	»	30	»	30
»	150	»	8	»	20	»	22
»	170	»	36	»	44	»	44
»	182	»	4	»	4	»	4
»	209	»	12	»	18	»	19
»	217	»	5	»	5	»	5

Шелонская пятина 1539 г.

Стр.	246	деревень	21	дворовъ	61	людей	63
»	266	»	8	»	14	»	14
»	302	»	7	»	27	»	35
»	335	»	12	»	30	»	30
»	330	»	7	»	31	»	34
»	374	»	10	»	28	»	30
»	403	»	30	»	59	»	59
»	418	»	11	»	44	»	44
»	441	»	10	»	24	»	29
»	477	»	8	»	28	»	28
»	499	»	29	»	47	»	50

должаетъ составлять деревню [1]) Ясно, что въ древности подъ деревней разумѣли совсѣмъ не то, что разумѣемъ подъ этимъ словомъ мы, наслѣдники XVIII и первой половины XIX вѣка. Въ наше время человѣкъ, владѣющій однимъ крестьянскимъ дворомъ, никогда не скажетъ, что у него есть деревня; въ древности же это было самое обыкновенное выраженіе: отдѣльные пашенные дворы и были тогда деревни.

Что же такое древняя деревня? Деревня имѣетъ свою длинную исторію. Но мы наблюдаемъ деревню не въ первый моментъ ея возникновенія, а сравнительно въ позднее время, когда первоначальный типъ деревни находился уже въ періодѣ разложенія и перехода къ тому порядку вещей, который мы наслѣдовали отъ Москвы. Памятники XV и XVI вѣковъ сохранили, однако, указанія на первоначальный обликъ деревни, который на основаніи ихъ свидѣтельствъ и можетъ быть возстановленъ.

Первоначальная деревня есть нечто иное, какъ отдѣльный пашенный дворъ съ хозяйственными постройками и принадлежащей къ нему землей. Каждый самостоятельный землевладѣлецъ (своеземецъ) устраивался своимъ хозяй-

---

[1]) Писцовыя книги XVI вѣка подъ ред. Калачова.

Стр.	44	деревень, считая села и починки	23	дворовъ	49	людей	52
»	45	»	20	»	35	»	36
»	51	»	18	»	36	»	37
»	53	»	24	»	48	»	49
»	56	»	$12^1/_2$	»	23	»	23
»	61	»	23	»	34	»	37
»	65	»	41	»	80	»	82
»	71	»	64	»	122	»	138
»	77	»	12	»	19	»	19
»	81	»	18	»	26	»	28
»	86	»	31	»	35	»	40
»	96	»	11	»	22	»	26

Текстъ Бѣлозерскихъ книгъ и выписей подъ редакц. Шумакова.

Стр.	118	деревень	30	дворовъ	39	людей	42
»	119	»	44	»	66	»	74

ствомъ на своемъ дворѣ съ прилегающими къ нему полемъ и угодьями. Это и была его деревня. По его смерти, деревня переходила къ его наслѣдникамъ. Если ихъ было двое, каждый получалъ по полъ-деревни или по-полъ двора, что то же. Но каждый могъ жить въ особой избѣ, при которой, въ такомъ случаѣ, были и свои хозяйственныя постройки и своя земля. Если наслѣдниковъ было не два, а болѣе, деревня дѣлилась не на половины, а на нѣкоторое число большее двухъ. Части, получавшіяся въ результатѣ такого дѣленія, назывались—долями, жребіями.

Изъ деревни, раздѣленной на двѣ половины, которыя назывались полу-дворами,—легко могла образоваться деревня съ двумя дворами. Полъ-двора это идеальная часть, которой въ дѣйствительности нерѣдко соотвѣтствовала особая изба съ хозяйственными постройками и съ правомъ на половинную часть земли. Доли и жребіи, меньшіе половины, могли тоже выразиться особыми хозяйствами съ частью земли, особой избой, сѣнникомъ, мыльней и пр., и могли дать начало деревнямъ съ тремя и болѣе дворами.

Переходимъ къ разбору свидѣтельствъ памятниковъ, которыя даютъ возможность утверждать то, что̀ мы сказали.

Что одинъ дворъ составляетъ деревню, это можно видѣть почти на каждой страницѣ новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Напримѣръ:

«Деревня Занкино, дворъ Онанка Харинъ сѣетъ ржи полъ 3-и коробьи и т. д. Деревня Жихново, дворъ Гридка Куземкинъ да Назарко, сѣютъ ржи и т. д. Деревня Фалюшкино, дворъ Гридка Васковъ, сѣетъ ржи и т. д. Деревня Долотово, дворъ Бурецъ Осташевъ, сынъ его Филипъ, сѣютъ ржи и т. д. Деревня Бутурлино, дворъ Тимошка Данилковъ да Ивашко Климковъ, сѣютъ ржи» и т. д. Все это взято съ одной только страницы описи Деревской пятины (I 30).

Перечисленныя деревни принадлежатъ одному владѣльцу; онѣ стоятъ рядомъ, но не содиняются въ одну деревню съ пятью дворами.

Отдѣльный дворъ и есть цѣлая деревня. Въ купчихъ и иныхъ актахъ пріобрѣтенія недвижимости подробно описываются составныя части деревни. Въ 1571 году Николаевскій Корельскій монастырь предъявилъ искъ къ Онисиму Васильеву въ томъ, что онъ «отнялъ у монастыря деревенку, въ Курзинѣ курьи, дворъ и дворище, и пашетъ сильно». Въ доказательство своихъ правъ истецъ представилъ отступную грамоту, въ которой читаемъ:

«Се азъ, Антоній, Нечай да Иванъ, Стефановы дѣти Карзина, сступилися еси земли великаго князя, а своего владѣнья, въ Лисестровѣ, въ Курзинѣ курьи, Тимофею да Гаврилѣ Барсану, Селиверстровымъ дѣтемъ, и двора, и дворища, и орамыхъ земель, и поженъ, и съ притеребы, и съ рыбными ловищи, и со всѣми угодьи, гдѣ что ни есть изстари потягло къ той деревни... Взяли есмя собѣ на посилье на томъ дворѣ, и на дворищи, и на земли, и на пожняхъ, и на всѣхъ угодьяхъ десять рублевъ московскихъ» (А. Ю. № 23).

Изъ этой отступной чрезвычайно ясно, что такое деревня. Это дворъ, дворище и земля. Деньги взяты за дворъ, дворище и землю. которые и составляютъ деревню. Земля тянетъ ко двору и образуетъ съ нимъ цѣлое пашенное хозяйство. Отдѣльный дворъ съ постройками и землей — деревня, то-есть, деревня есть отдѣльное пашенное хозяйство.

Городскіе жители тоже владѣли иногда пашенною землею, и она тянула къ ихъ городскимъ дворамъ. Въ судномъ дѣлѣ конца XV вѣка читаемъ: «По то, господине, мѣсто наше земля городская, моего двора выть» (А. Ю. № 7. 1491). Выть моего двора—значитъ здѣсь участокъ моего двора. Здѣсь также земля ко двору, это отдѣльное хозяйство.

Богатые землевладѣльцы могли имѣть много такихъ хозяйственныхъ участковъ, дворовъ съ землей и угодьями или деревень. Они сдавали ихъ крестьянамъ. Поэтому крестьянскія порядныя пишутся на деревни:

«А се порядись у игумена Ѳеодосія, яже о Христе, и

съ братьею крестьянинъ Ѳедоръ Кононовъ сынъ съ братьею, на старую свою деревню, на обжу земли съ четвертью» [1]).

Если крестьянинъ селился на новомъ мѣстѣ, на пустоши, гдѣ не было построекъ, онъ обязывался, обыкновенно, устроить деревню; это значило поставить хоромы: избу, клѣть, сѣни, мыльню, распахать поля, расчистить покосы. Устроить деревню значитъ—устроить пашенное хозяйство.

Каждая деревня, составляя отдѣльное хозяйственное цѣлое, отгораживалась отъ сосѣдей особой изгородью. Крестьяне, рядившіеся на деревни, обязывались «изгороди около поль городить». Изъ судныхъ дѣлъ знаемъ, что завладѣніе сосѣдней землей сопровождалось введеніемъ ея въ свою ограду. Савво-Сторожевскій монастырь, предъявляя искъ къ нѣкоему Ивану въ завладѣніи монастырской землей, говоритъ:

«Пooралъ Иванъ моего селища полосу и межи, и въ поле къ собѣ пригородилъ» [2]).

Старыя наши деревни и ихъ поля представляли совсѣмъ иную картину, чѣмъ та, которую мы теперь наблюдаемъ: онѣ всѣ были огорожены.

Каждая такая деревня имѣла свое собственное имя. Эти названія онѣ получали или отъ мѣстныхъ урочищъ, горъ, рѣкъ, озеръ, или отъ именъ лицъ, которыя ихъ устроили. Въ Ситенскомъ погостѣ среди деревень, принадлежавшихъ новогородцу Андрею Мартемьянову Бубаркову, находимъ деревню Андрейково; въ ней всего два двора и первый изъ нихъ принадлежитъ Андрейкѣ Куземкину, а второй Данилкѣ Тимохину. Весьма возможно, что этотъ Андрейка Куземкинъ одинъ или въ товариществѣ съ Данилкой Тимохинымъ и былъ устроителемъ этой деревни. Въ Деревской пятинѣ, въ деревнѣ Семендяево, принадлежавшей но-

---

[1]) А. Ю. № 177, 1556. Рус. Ист. Библ. XIV, ст. 91, № 58, 1573—90. Дьяконовъ, Акты I № 20, 59, 1632—1665.

[2]) А. Ю. № 7, 1491. Рус. Истор. Библ. XIV № 58, 1573—1590. Дьяконовъ, I № 29. 1642.

вогородцу Никитѣ Моисеевичу Бабкину, было два двора; въ одномъ изъ нихъ жилъ Степанко Семендяевъ, въ другомъ Ѳомка Семендяевъ. Можно ли сомнѣваться, что деревня эта была устроена ихъ предкомъ, отцомъ или дѣдомъ, по которому и названа? Того же, конечно, происхожденія и другія именныя названія деревень. Всѣ эти Гаврилы, Анисимы, Захарки, Иванки, Емельяны и пр. [1]), по имени которыхъ названы деревни, были ихъ устроителями. Въ моментъ описанія эти устроители могли умереть или выбыть въ другое мѣсто, а потому при перечисленіи наличныхъ крестьянъ ихъ имена и не всегда встрѣчаются. Деревня съ ихъ именемъ могла перейти къ ихъ дѣтямъ или и къ совершенно постороннимъ лицамъ, а названіе осталось. То же наблюдаемъ и въ названіяхъ большихъ новогородскихъ имѣній (волостей). Въ писцовыхъ книгахъ XV и даже начала XVI вѣка они называются по прежнимъ владѣльцамъ, которые давно уже переселены въ низовыя земли.

Деревни распадаются на части при дѣлежѣ, напримѣръ, между наслѣдниками. Раздѣлить деревню значитъ раздѣлить цѣлое опредѣленное хозяйство. А такъ какъ это хозяйство называется и дворомъ, то памятники говорятъ о половинахъ двора, какъ результатѣ дѣленія деревни. Но это не значитъ, что и хоромы, стоявшія на дворѣ, дѣлились на матеріальныя части. Изба, сѣнникъ и пр.—дѣлились на идеальныя части. Если сонаслѣдникъ не оставался жить въ общемъ дворѣ, онъ строилъ себѣ особыя хоромы: избу и проч., и надо думать, получалъ съ другого наслѣдника, остававшагося въ старомъ дворѣ, соотвѣтствующее пособіе. Если же онъ оставался жить въ общемъ дворѣ, въ его рукахъ была не дѣйствительная половина двора, а идеальная. Въ этомъ смыслѣ, конечно, памятники говорятъ, напримѣръ, о половинѣ бани.

Половины и болѣе мелкія части деревень или дворовъ,

[1]) Для примѣра см. Новогор. писц. книги, т. I столб. 11, 561—570.

доли и жребіи, наслѣдуются, продаются, дарятся, какъ и цѣлые дворы. Въ судномъ дѣлѣ 1571 года читаемъ:

«И ищея Истомка тако рекъ: во се, государь, у насъ на ту полдвора данная. И судьи велели данную чести. И въ данной пишетъ: Се азъ Семенъ... далъ сію данницу по той земли, по Омосовской, на ту полъ двора въ домъ Святыя Пречистыя».

Здѣсь полудворомъ названо полъ деревни. Въ судномъ дѣлѣ 1532 года читаемъ:

«Отняли, господине, у меня полдеревни двора и земли Борисовской, въ Лялинѣ курьи»... (А. Ю. № 23, 19).

Части деревни, полудворы, доли, жребіи, составляя новое цѣлое, могутъ быть снимаемы въ аренду. Крестьяне не непремѣнно арендуютъ цѣлыя деревни, они арендуютъ и части. Лука Юрьевъ, вольный человѣкъ, порядился у Спасова монастыря въ крестьяне на половину деревни, гдѣ жилъ крестьянинъ Исачко Житниковъ [1]). Въ данномъ случаѣ половина деревни и до прихода Луки Юрьева составляла уже самостоятельное хозяйство.

Этими свидѣтельствами раскрывается первоначальное значеніе деревни: это отдѣльное пашенное хозяйство. Дворъ съ постройками составляетъ центръ этого хозяйства, а потому деревня метафорически можетъ быть названа дворомъ, а полъ-деревни полудворомъ. Но дворъ имѣетъ и свое собственное значеніе. Это пространство земли между хозяйственными постройками и самыя постройки. При дѣлежѣ деревни на части, каждый участникъ могъ устроить себѣ для жилья особый дворъ. Такимъ образомъ, возникаютъ деревни съ двумя, тремя и болѣе дворами. Такія деревни съ нѣсколькими дворами вторичное явленіе. Остатки еще болѣе древняго порядка вещей можно, однако, наблюдать даже

---

[1]) М. Дьяконовъ, Акты, I № 14. 1629. Въ одной порядной часть деревни названа костью: «порядился въ деревни на кость земли» № 52. 1649.

въ самомъ концѣ XVI вѣка. Въ описи дворцовыхъ крестьянъ села Марьина встрѣчаемъ деревню Бортниково-Теряево. Въ этой деревнѣ въ полудворѣ живетъ Гришка Игнатьевъ, а другая полдвора пуста, а прежде жилъ въ ней Родка Тимофеевъ, у котораго были и свои особыя хоромы: изба, а на верху сѣнникъ да сѣнница [1]). Тутъ полудворы, а не отдѣльные дворы. Полудворы еще не перешли въ отдѣльные дворы.

Въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ мы наблюдаемъ деревни съ однимъ дворомъ и съ нѣсколькими. Въ эпоху ихъ составленія рядомъ съ первичными явленіями значительное развитіе получили и вторичныя. Но деревня съ нѣсколькими дворами продолжаетъ еще составлять нѣкоторое единство. Хотя бы въ деревнѣ было и нѣсколько дворовъ, но хозяйство ихъ описывается не по отдѣльнымъ дворамъ, а совокупно для цѣлой деревни. Послѣ описи числа дворовъ и людей въ нихъ, если дворовъ нѣсколько, обыкновенно читаемъ: сѣютъ ржи столько-то, сѣна косятъ—столько-то; то-есть всѣ дворы. Затѣмъ въ обжи, для платы государственныхъ повинностей, положены—не отдѣльные дворы, а каждая деревня, какъ особое цѣлое; исключенія изъ этого порядка обложенія весьма рѣдки. Наконецъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, доходъ владѣльца исчисляется съ каждой отдѣльной деревни, а не съ отдѣльныхъ дворовъ.

Все это говоритъ въ пользу того, что первоначальный типъ деревни—отдѣльное пашенное хозяйство съ отдѣльнымъ дворомъ, что появленіе нѣсколькихъ дворовъ—есть результатъ дѣленія основного двора, а потому нѣкоторыя черты первоначальнаго единства сохраняются и при нѣсколькихъ дворахъ [2]).

---

[1]) Писцовыя книги XVI вѣка, подъ ред. Калачова, II 291.

[2]) Г-жа Ефименко совершенно правильно признаетъ, что «деревня есть какая-то законченная, довлѣющая самое себя земельная единица». Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ, 1884, 204 и сл., 214. Но въ пониманіи этой единицы и выводахъ дальнѣйшихъ слѣдствій

Но съ возникновеніемъ въ деревнѣ отдѣльныхъ дворовъ, надо предполагать и возможность возникновенія отдѣльныхъ хозяйствъ. Мы уже видѣли, что части деревень отчуждаются всѣми возможными способами; совладѣльцами деревни, слѣдовательно, могутъ быть совершенно посторонніе люди, изъ которыхъ каждый, конечно, велъ свое особое хозяйство. И въ настоящее время слово дворъ означаетъ цѣлое хозяйство. Крестьянинъ, говоря «взять зятя во дворъ», разумѣетъ взять его въ свое хозяйство. Но это не исключаетъ возможности допустить и въ такой раздѣленной деревнѣ наличность общихъ луговъ, лѣсовъ и другихъ угодій, которыми отдѣльные дворы могли пользоваться сообща. При деревняхъ бывали луга, которыми отдѣльные дворы пользовались безъ раздѣла, а съ перемѣною по годамъ [1]).

она стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ мы. Ниже мы укажемъ на особенности ея взгляда.

[1]) Рус. Ист. Библ. XII, стр. 450, № 109.

Въ памятникахъ XVII вѣка находимъ совершенно ясныя указанія на отдѣльное хозяйство каждаго двора деревни. Мы беремъ эти указанія изъ изслѣдованія г-жи Ефименко о крестьянскомъ землевладѣніи на крайнемъ сѣверѣ. Въ рукахъ почтенной изслѣдовательницы находятся «веревныя книги». «Онѣ писались самими крестьянами съ цѣлью распредѣлить податныя тягости между собою. За единицу обложенія онѣ принимали не деревню, а дворъ, поэтому мы имѣемъ въ веревныхъ книгахъ самое точное описаніе земли каждаго двора» 212. Изъ приводимыхъ г-жей Ефименко выписокъ видно, что каждый дворъ имѣетъ свой участокъ земли. Но этотъ участокъ находится не въ одной межѣ, а въ разныхъ мѣстахъ и межахъ. Дворовый участокъ, такимъ образомъ, состоитъ изъ массы мелкихъ участковъ, весьма разбросанныхъ. Изъ наименованія этихъ участковъ или клочковъ земли видно, что каждый дворъ деревни имѣетъ по клочку въ каждомъ сортѣ земли и въ каждой особой мѣстности. Если была горная земля, то каждому двору деревни дано по клочку горной; была запольная или по нижнему ручью—каждому дано по клочку запольной и по нижнему ручью и т. д. Ясно, что при дѣлежѣ земли первоначальной деревни—двора между новыми дворами, положеніе наслѣдниковъ старались уравнять надѣленіемъ ихъ не только одинаковымъ количествомъ земли, но и одинаковаго качества. Крайняя же дробность клочковъ объясняется тѣмъ, что на крайнемъ сѣверѣ, при наличности массы болотъ, лѣсовъ

Размѣры деревень, по новогородскимъ писцовымъ книгамъ, были очень неодинаковы. Перевести эти размѣры на единицы намъ понятной мѣры чрезвычайно трудно, а сдѣлать это точно и едва ли возможно. Но чтобы не оставаться въ совершенной темнотѣ относительно того, какъ были велики эти деревни, занимали ли онѣ десятки или сотни десятинъ, мы сдѣлаемъ нижеслѣдующее сближеніе.

Для выясненія размѣровъ новогородскихъ деревень не представляется возможнымъ отправляться ни отъ числа дворовъ и людей, ни отъ числа обежъ. Число дворовъ не стоитъ ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ количеству занимаемой земли. Обжи суть искусственныя единицы обложенія, которыя нельзя перевести на знакомыя намъ мѣры. Только количество высѣваемой ржи можно перевести, хотя и далеко не точно, на извѣстныя намъ мѣры. Мы отправляемся отъ предположенія, что крестьяне и въ старину также сѣяли, какъ они дѣлаютъ это теперь. Нѣкоторую фактическую основу этому предположенію даетъ сравненіе посѣва въ уѣздахъ Бѣлгородскомъ, Елецкомъ, Ливенскомъ и Оскольскомъ въ началѣ XVII вѣка и въ настоящее время. Проф. И. Н. Миклашевскій въ приложеніи къ своему изслѣдованію о хозяйственномъ бытѣ Московскаго государства печатаетъ рядъ выписокъ изъ книгъ сошнаго письма начала XVII вѣка. Изъ этихъ книгъ видно, что въ Бѣлгородѣ высѣвали тогда ржи на десятину отъ 1 четверти до четверти съ половиной. Полагая тогдашнюю четверть вѣсомъ въ 6 пудовъ, получимъ высѣвъ отъ 6 до 9 пудовъ; въ настоящее время преобладающій посѣвъ крестьянъ въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ—8 пудовъ. Въ Ельцѣ и Ливнахъ въ XVII вѣкѣ давали на посѣвъ десятины по 2 четверти, что составитъ 12 пудовъ, если только все вы-

---

и неудобныхъ земель, земли годныя для хлѣбопашества заключались въ небольшихъ и разбросанныхъ участкахъ. Веревныя книги, хотя принадлежатъ началу XVII вѣка, совершенно, однако, совпадаютъ съ изложеннымъ въ текстѣ взглядомъ на деревню и дворъ. Г-жа Ефименко дѣлаетъ изъ нихъ иные выводы. Объ этомъ рѣчь будетъ въ концѣ этой книги.

данное было высѣваемо. Теперь преобладающій высѣвъ тамъ же 8—9 пудовъ, но доходитъ и до 10. Въ Осколѣ давали по полутора четверти, то-есть по 9 пудовъ, теперь преобладающій высѣвъ—8 пудовъ, а доходитъ и до 12. Итакъ, количество посѣва начала XVII вѣка колеблется въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ и конца XIX. Полагаемъ, что и новогородскіе посѣвы конца XV и начала XVI вѣка колебались въ предѣлахъ современныхъ посѣвовъ той же мѣстности, а потому, считая новогородскую коробью равною московской четверти начала XVII вѣка, будемъ класть для уѣздовъ Новогородской губерніи отъ 8 до 10 пудовъ на десятину, а Петербургской—отъ 9 до 12 [1]).

За единицу сравненія возьмемъ деревню въ одинъ дворъ. Такія деревни высѣваютъ очень разное количество ржи. Есть деревни съ посѣвомъ одной коробьи, и есть деревни съ посѣвомъ 12 коробей, въ одной и той же мѣстности и у того же владѣльца. Но оба приведенные случая встрѣчаются рѣдко (III 39). Средній посѣвъ—4, 6, 8 коробей.

На основаніи указанныхъ данныхъ деревня съ посѣвомъ въ 4 коробьи въ Новогородской губерніи будетъ имѣть въ полѣ отъ $2^2/_5$ десятины до 3 десятинъ, а въ трехъ поляхъ отъ $7^1/_5$ до 9 десятинъ; если прибавить на дворъ, огородъ, выгонъ и луга отъ 5 до 10 десятинъ, то получимъ небольшой средній участокъ мѣрою отъ 12 до 19 десятинъ. Для Петербургской губерніи, при большомъ высѣвѣ, получится немного менѣе. Но если принять для коробьи вѣсъ въ 7 пудовъ, что тоже допускаютъ нѣкоторые изслѣдоватеди старыхъ мѣръ, то участокъ получился бы для обѣихъ губерній на $^1/_7$ больше.

По этому разсчету легко себѣ составить представленіе

---

[1]) Данныя о современномъ высѣвѣ беремъ изъ Сельско-хозяйственныхъ статистическихъ свѣдѣній по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. VIII. Густота посѣва, 1898. Изданіе отдѣла сельской экономіи и статистики министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

и о размѣрахъ деревень съ высѣвомъ въ 1, 2, 6, 8 и т. д. коробей.

Деревни съ 2—3 дворами высѣваютъ нерѣдко тѣ же 4, 6, 8 коробей, что и деревни съ однимъ дворомъ; но есть деревни съ 4 и 5 дворами, которыя довольствуются 3—6 коробьями; рядомъ съ ними другія съ тѣмъ же числомъ дворовъ и душъ высѣваютъ до 10 и даже 15 коробей. Одна деревня съ 9 дворами высѣвала 17 коробей, одна съ 4-мя—20, другая такая же—35, одна съ 3-мя—20, наконецъ, мы видѣли деревню съ 9 дворами, которая высѣвала 40 коробей. По сдѣланному выше разсчету, эта деревня имѣла одной пашенной земли въ трехъ поляхъ отъ 72 до 120 десятинъ. Мы не имѣемъ, однако, основанія утверждать, что въ моментъ описи каждая деревня распахивала все то количество земли, которое годно было къ распашкѣ. А потому къ исчисленному количеству надо еще прибавить землю подъ лѣсомъ да эту нераспаханную, которая состояла какъ бы въ запасѣ. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что количество дворовъ не стоитъ ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ размѣрамъ хозяйства. И 1, и 2, и 3, и 4, и 5, и 6 дворовъ высѣваютъ по 6—8 коробей; но есть деревни въ 2 двора, которыя довольствуются посѣвомъ въ $2^1/_2$ коробьи, и въ 4 двора съ посѣвомъ въ 3 коробьи; а съ другой стороны деревни въ 4 и даже въ 3 двора высѣваютъ по 16 и 20 коробей. Не число дворовъ опредѣляетъ размѣры деревенскаго хозяйства, а лучшая приспособленность къ хозяйству населенія этихъ дворовъ. Этотъ выводъ подтверждаетъ прежде сказанное о деревнѣ и дворѣ. Если съ большимъ числомъ дворомъ не соединяются непремѣнно и болѣе крупные размѣры хозяйства, то потому, конечно, что новые дворы нарастаютъ не извнѣ, а появляются изъ нутра старой деревни, въ результатѣ дѣленія первоначальнаго хозяйства на части по числу наслѣдниковъ.

Весьма интересенъ вопросъ о населеніи деревень, его количествѣ и родствѣ членовъ двора и цѣлой деревни. Къ сожалѣнію, источники наши очень скудны по этимъ вопро-

самъ. Писцовыя книги не имѣютъ цѣлью описать населеніе. А во-вторыхъ, наши крестьяне и теперь не имѣютъ фамилій, а въ древности не только крестьяне, но и бояре очень часто именовались только по имени и по отчеству. Въ писцовыхъ книгахъ фамильныя имена крестьянъ почти не встрѣчаются, поэтому прослѣдить ихъ родство далѣе отца и брата не представляется возможности. Мы встрѣтили наименованія: отца, сына, брата, одинъ разъ племянника, изъ свойственниковъ: пасынка, шурина, зятя; но не замѣтили ни одной семьи, во главѣ которой былъ бы названъ дѣдъ. Прадѣды и дѣды или совсѣмъ не упоминаются, или такъ рѣдко, что ихъ и замѣтить трудно. Необходимо, однако, допустить, что были дворы, во главѣ которыхъ стояли и дѣды, но такіе факты не занесены въ писцовыя книги, и они даютъ намъ въ этомъ отношеніи очень неполную картину.

Въ писцовой книгѣ Деревской пятины, въ волосткѣ Пречистыя Щилова монастыря, находимъ деревню съ чрезвычайно характернымъ названіемъ, это деревня «Ѳедоровъ Дворъ». Можно ли сомнѣваться, что этотъ Ѳедоръ самъ устроилъ тотъ дворъ, по имени котораго названа деревня? Во время описи въ этой деревнѣ былъ уже не одинъ дворъ, а 9; въ каждомъ изъ этихъ дворовъ указано по одному крестьянину, но они не имѣютъ фамильныхъ именъ и, судя по описи, не состоятъ ни въ какой родственной связи съ Ѳедоромъ, между ними нѣтъ даже ни одного Ѳедоровича. Въ самомъ дѣлѣ это все новые люди или это все потомки Ѳедора, о чемъ писцы не нашли только нужнымъ упомянуть? Можно допустить и то и другое, но мы склоняемся на сторону послѣдняго предположенія и думаемъ, что родственныхъ связей между жителями одной и той же деревни было гораздо болѣе, чѣмъ можно заключить изъ буквы описанія. Въ большинствѣ случаевъ однодеревенцы, конечно, были родственники.

Допуская бо́льшую родственную связь между членами одной деревни, чѣмъ можно думать на основаніи описи, мы, однако, далеки отъ мысли, чтобы нашъ древній крестьян-

скій бытъ имѣлъ много общаго съ задружнымъ бытомъ южныхъ славянъ.

Южно-славянская задруга представляетъ большую семью, которая состоитъ изъ 20, 30 и даже бо̀льшаго числа членовъ, находится подъ главенствомъ одного изъ нихъ и ведетъ общее хозяйство, съ весьма точнымъ опредѣленіемъ дѣятельности отдѣльныхъ членовъ, ихъ доли въ общей прибыли и ихъ особнаго имущества. Члены этой большой семьи могутъ, однако, выдѣлиться и завести свое частное хозяйство, если жизнь въ семейной общинѣ имъ не нравится. Эти семейныя общины, слѣдовательно, ни для кого не обязательны, а возникаютъ въ силу желанія отдѣльныхъ членовъ семьи принять въ нихъ участіе.

Члены русской семьи также могли дѣлиться по смерти отца. Объ этомъ правѣ ихъ говоритъ уже Русская Правда. По смерти отца домъ его дѣлится между всѣми дѣтьми, а домъ въ деревнѣ и теперь означаетъ избу со всѣмъ хозяйствомъ, что въ XV вѣкѣ соотвѣтствовало двору и, наконецъ, цѣлой деревнѣ.

При правѣ раздѣла южные славяне предпочитали, однако, не дѣлиться, а жить большими семьями, что и повело къ образованію задружнаго хозяйства. У насъ наблюдаемъ обратное явленіе, преобладающую наклонность къ дѣлежу и жизни своимъ дворомъ. Но прежде, чѣмъ идти далѣе, необходимо выяснить, имена какихъ крестьянъ заносятъ писцы въ свои описи. Этихъ именъ очень немного. Изъ напечатанной на стр. 42—5 таблицы видно, что на каждый дворъ приходится по одному человѣку съ ничтожной дробью. Просматривая самыя описи, мы, дѣйствительно, находимъ въ громадномъ большинствѣ дворовъ только одного крестьянина, въ очень немногихъ двухъ, еще рѣже--трехъ, а четырехъ мы ни разу не встрѣтили. Въ числѣ двухъ встрѣчаемъ и постороннихъ лицъ и родственниковъ, въ числѣ трехъ только родственниковъ, это все отцы съ сыновьями и братья. Спрашивается, всегда ли описывается сынъ при отцѣ и братъ при братѣ, или описываются только нѣкоторые сыновья, а другіе про-

пускаются, и въ наличности мужское населеніе было выше того, которое обозначено въ итогѣ?

Надо думать, что въ описяхъ обозначаются не всѣ мужчины—родственники. Въ книгѣ Деревской пятины описана волостка новосведеннаго новогородца Никиты Моисеевича Бабкина. Въ этой волосткѣ 23 двора и ни въ одномъ дворѣ не упомянуто ни одного сына. Въ той же пятинѣ описана Спасская волость Футынскаго монастыря. Въ этой волости 139 дворовъ, и на 139 дворовъ при отцахъ оказывается всего 4 сына. Въ этой волосткѣ было еще 5 сыновей, но они жили въ особыхъ дворахъ [1]). Итакъ, на 23 двора ни одного сына, а на 139 дворовъ при отцахъ всего только 4 сына! Не можетъ быть сомнѣнія, что во дворахъ описывается не все мужское населеніе, не всѣ сыновья, не всѣ братья и племянники, а только нѣкоторые. Кто же описывается? Такъ какъ мы не имѣемъ наказовъ писцамъ этого времени, то на поставленный вопросъ можемъ отвѣчать только догадкой.

Для изученія этого вопроса надо воспользоваться крестьянскими порядными. Упоминаемые въ описяхъ крестьяне совершенно сходятся, по числу и качеству, съ крестьянами, которые заключаютъ съ землевладѣльцами сдѣлки на аренду ихъ земель. Въ писцовыхъ книгахъ во дворахъ мы встрѣчаемъ: или одного крестьянина, или двухъ, много трехъ. Это множественное число образуется или изъ родственниковъ, число которыхъ доходитъ до трехъ, или изъ посторонних лицъ, которыхъ, обыкновенно, бываетъ два. Тоже и въ крестьянскихъ порядныхъ, онѣ пишутся то отъ одного, то отъ нѣсколькихъ; въ числѣ нѣсколькихъ встрѣчаемъ сыновей, братьевъ и постороннихъ людей. Число родственниковъ доходитъ до трехъ, постороннихъ до двухъ. Земли, значитъ, нанимаются то отдѣльными домохозяевами, то небольшими товариществами: изъ 2—3 лицъ. До трехъ число членовъ такихъ товариществъ достигаетъ, обыкновенно,

[1]) I ст. 11, 41.

только въ тѣхъ случаяхъ, когда товарищами являются отецъ и его сыновья. Если это посторонніе люди, число товарищей не идетъ дальше двухъ [1]). Эти товарищи суть хозяева предпріятія, они домовладыки; писцы имѣютъ съ ними дѣло, ихъ имена они и записываютъ.

Въ описи Вотской пятины два такихъ товарища, не родственника, чрезвычайно характерно названы пріятелями: «Деревня Горка, дворъ Исачко Спица да пріятель его Стещко». Изъ порядныхъ узнаемъ, что такіе товарищи суть выходцы изъ одного и того же мѣста: въ однонъ мѣстѣ родились, мальчиками вмѣстѣ играли и пасли скотъ, а какъ выросли, пошли вмѣстѣ искать счастья и вмѣстѣ сняли деревню. Это и есть пріятели.

Въ той же описи такой товарищъ названъ «складникомъ» [2]). Что такое складникъ? Самое слово можетъ навести на мысль, что это люди, образовавшіе складочный капиталъ, на который и устроили какое либо общее предпріятіе; въ данномъ случаѣ общее сельское хозяйство. Такъ многіе ученые и думаютъ. Въ дѣйствительности, однако, дѣло не такъ просто. Складникъ, о которомъ идетъ рѣчь, живетъ въ одномъ дворѣ съ другимъ крестьяниномъ на конфискованной у новогородскаго боярина землѣ. Это арендаторъ чужой земли. Для найма же чужой земли не требуется никакого капитала, нужны только руки. Хозяинъ земли можетъ дать и сѣмена, и лошадь, и даже денежную помощь, и нерѣдко дѣйствительно даетъ и то, и другое, и третье. Итакъ, относительно этого складника не можетъ быть никакой рѣчи о складкѣ капитала на общее предпріятіе. Мы имѣемъ еще три - четыре десятка документовъ, въ которыхъ складниками называются крестьяне, живущіе не въ одномъ, а въ разныхъ дворахъ одной и той же деревни; называются въ нихъ складниками и не крестьяне, напри-

---

[1]) Крестьянскія порядныя въ А. Ю. №№ 176—8, 180, 182—3, 186; 1547—1590; въ Рус. Истор. Библ. Т. XIV №№ 38, 57, 58; 1572—1590, 1660.
[2]) Временникъ Имп. Общ. Ист. и Др. Т. XI, стр. 41, 56.

мѣръ, монастыри. Значеніе этихъ документовъ для опредѣленія того, что такое складникъ, неодинаково. Нѣкоторые изъ нихъ употребляютъ слово складникъ, какъ всѣмъ хорошо извѣстное, и не даютъ ни малѣйшаго указанія на то, почему складники называются складниками и что они складываютъ. Мы уже знаемъ, что крестьяне—жители одной и той же деревни могутъ вести разное хозяйство и имѣть свои отдѣльныя земли. Что же они складываютъ? Къ счастью, совершенно удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ документъ, напечатанный въ актахъ Холмогорской епархіи. Изъ этого документа узнаемъ, что государевъ писецъ, князь Василій Звенигородскій, написалъ тягломъ въ «одну сошку» четыре монастыря: Корельскій, Архангельскій, Кириловской и Соловецкій. По этому письму всѣ четыре монастыря верстались межъ себя во всѣхъ промыслахъ повытно, а въ нынѣшнемъ году (1592) Соловецкій и Кириловскій монастыри на государеву службу, на Каянскіе нѣмцы, съ этой сошки (соха—единица обложенія), съ своихъ промысловъ, ратныхъ людей, и лошадей, и всякого оружья по расчету не дали. Эту недоимку доправили съ Корельскаго да съ Архангельскаго монастыря. Вотъ почему эти монастыри и пишутъ, что «имъ въ складствѣ съ Соловецкимъ и Кириловскимъ монастыремъ быть не мочно для того, что имъ отъ нихъ обида чинится великая» (№ 74). Отсюда ясно, что такое складство. Это не складчина капитала для общаго предпріятія, а положеніе въ одну податную единицу (соху) для исчисленія государева тягла.

А вотъ и еще документъ, имѣющій въ этомъ отношеніи тоже рѣшающее значеніе. Въ 1641 году посельщикъ Троицкаго монастыря, старецъ Ефремъ, да ключникъ того же монастыря били челомъ земскому судьѣ на складника своего Михаила, Яковлева сына Ногаева, въ томъ, что у нихъ есть при деревнѣ Истокѣ общій съ нимъ покосъ, который они косятъ съ нимъ погодно; въ нынѣшнемъ году ихъ очередь (то-есть монастырская) косить, а Ногаевъ вспахалъ этотъ покосъ и пшеницу посѣялъ. Ногаевъ на судѣ отвѣчалъ:

сѣнной покосъ, дѣйствительно, Троицкаго монастыря, но пшеницу онъ сѣялъ на своей землѣ, а не на общемъ покосѣ. Представители монастыря обвиняли Ногаева еще въ томъ, что онъ и ленъ и рожь сѣялъ на общей землѣ, не подѣля. Ногаевъ отвѣчалъ, что онъ сѣялъ и ленъ и рожь, но на своихъ участкахъ, противъ которыхъ есть монастырскіе участки, гдѣ и имъ можно сѣять. Что это такое? Это споръ владѣльцевъ общей деревни. Пашенныя земли у нихъ въ раздѣлѣ, а пожни нѣтъ, онѣ въ общемъ владѣніи, ихъ косятъ погодно. Изъ-за этого и возникъ споръ. Отвѣтчикъ названъ складникомъ, въ какомъ смыслѣ? Тутъ нѣтъ никакого общаго предпріятія. Даже общіе луга пашутся не сообща, а по очереди. Почему же монастырь и Ногаевъ складники? Они складники, какъ владѣльцы вопчей деревни, они складываются для платежа государева тягла. Но какъ они сдѣлались владѣльцами общей деревни? Изъ документа этого не видно. Но нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что монастырь и Ногаевъ купили эту деревню на складочный капиталъ и потому называются складниками, хотя и не ведутъ общаго хозяйства. Они складники въ тяглѣ и только. Въ этомъ же смыслѣ надо понимать и всѣ другіе документы, въ которыхъ рѣчь идетъ о жителяхъ одной деревни, которые называютъ себя складниками.

Приведемъ еще два документа. Въ 1606 году крестьянинъ Степанъ Тимофеевъ подалъ властямъ явку на складника своего, Ермолу Иванова, да на сына его Бутору, на разбойника, вотъ въ чемъ. Послѣ Прокофьева дня, устюжскаго чутотворца, въ первый четвергъ, приходили на него этотъ Ермола да сынъ его, разбойникъ, съ топорами, и били его и увѣчили. Степанъ Тимофеевъ насилу отъ нихъ вырвался и заперся въ клѣтишко свое. Тогда они стали его ругать всякими неподобными рѣчами и угрожать поклепомъ, убійствомъ, подметомъ, а подъ конецъ сказали: «нынѣча ты, дѣтина, у насъ ушолъ, а потомъ ты у насъ не уйдешь, будешь ты у насъ и безъ головы, а въ деревнѣ тебѣ съ нами не жить». Въ чемъ тутъ дѣло? Надо выжить

изъ деревни непріятнаго содеревенца, и вотъ для этого прибѣгаютъ къ побоямъ и угровамъ. Участника въ общемъ предпріятіи нельзя такъ удалить. У него есть гражданскій искъ. Здѣсь объ общемъ предпріятіи и общемъ капиталѣ ни слова. Дѣло идетъ только о побояхъ, тогда какъ былъ достаточный поводъ указать на договоръ товарищества. То же самое случилось въ 1652 г. съ крестьяниномъ Злобинской деревни, Захаромъ Елфимовымъ. Сталъ онъ дѣлить въ копнахъ сѣно со складникомъ своимъ Иваномъ Козминымъ, а тотъ сталъ его бить и увѣчить на смерть, «выживая его съ повытьища (то-есть съ его участка) своимъ насильствомъ». И въ томъ и другомъ случаѣ дѣло идетъ о государевыхъ крестьянахъ, которымъ стало тѣсно на данныхъ имъ земляхъ, и вотъ они на смерть бьютъ другъ друга. При этомъ они складники, но, конечно, не въ смыслѣ общаго предпріятія, а въ смыслѣ платежа общей подати съ деревни. Но складники не только дерутся между собой; какъ владѣльцы въ общей деревнѣ, они нерѣдко весьма мирно пользуются общими лугами, разводятъ ихъ въ отдѣльное владѣніе, даже соединяются для покупки земель и т. д. Все это они дѣлаютъ, какъ однодеревенцы, какъ сосѣди, какъ близкіе по мѣсту жительства люди [1]).

---

[1]) Русск. Ист. Библ. т. XII, стр. 217, № 44; т. XIV, стр. 570, № 242, стр. 763 № 357. И это не единственные случаи дикой расправы складниковъ другъ съ другомъ. Въ XIV т. Рус. Ист. Библ. напечатано не менѣе 35 документовъ, въ которыхъ встрѣчается слово складникъ. Изъ 35-ти документовъ 32 суть явки, то-есть, заявленія правительственнымъ органамъ о томъ, что такой-то складникъ завладѣлъ землей другаго складника, покосилъ его лугъ, перебилъ его скотъ, пограбилъ его домъ, побилъ его на смерть, изувѣчилъ, подалъ на него кляузную жалобу и т. д., съ просьбой оградить пострадавшаго. Ясное дѣло, что здѣсь подъ складникомъ разумѣется не товарищъ предпріятія, а крестьянинъ однодеревенецъ. Иначе было бы совершенно не понятно, какъ это товарищи общаго предпріятія только и дѣлаютъ, что нападаютъ другъ на друга. Приводимъ для любознательнаго читателя №№, свидѣтельствующіе объ этихъ характерныхъ отношеніяхъ складниковъ: 130, 232, 233, 235, 242, 247, 248, 250, 251, 256, 262, 266, 277, 294, 296, 304 (2),

Итакъ, складники не пріятели, не товарищи общаго предпріятія, а однодеревенцы, земли которыхъ могутъ находиться въ ихъ общемъ владѣніи, напримѣръ, луга, а могутъ быть и раздѣлены. Называются они складниками потому, что складываются въ одну обжу, соху, тягло, такъ какъ они однодеревенцы. Они однодеревенцы, а потому и складники, а не наоборотъ [1])

310, 312, 323, 324, 328, 333, 348, 350, 353, 355, 357, 358, 362, 377; Б. 31 И только три документа встрѣтили мы безъ уголовщины: А. 68 и 74 и Б. 8.

[1]) Г. Н. Рожковъ въ приложеніи къ своему труду Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ напечаталъ раздѣльную грамоту складниковъ:

«Се язъ и т. д. подѣлили между собою землю... на четверо... А что у насъ лѣсъ... по Еловкѣ въ верхъ... и то, что у насъ вопче у всѣхъ складниковъ,... а лѣсъ сѣчь... гдѣ кому любо»... и т. д. 494.

Здѣсь, можетъ быть, складники не крестьяне, сидящіе на чужихъ земляхъ, а своеземцы, но это ничего не мѣняетъ. Монастыри - своеземцы, а тоже складники. Они дѣлятъ общее владѣніе.

Г-жа А. Ефименко (Крест. землевл. на крайн. сѣверѣ, 222) говоритъ, что у ней «есть одинъ любопытный документъ начала XVII вѣка (1602 г.), изъ котораго видно, что складство проникло даже въ семейный союзъ, порождая интересный образчикъ договорной, искусственной семьи. Одинъ крестьянинъ продаетъ другому половину своей деревни. При продажѣ онъ заключаетъ договоръ складства на 10 лѣтъ, чтобы въ теченіе этихъ 10 лѣтъ имъ составлять одну семью:

Пить и ѣсть вмѣстѣ, и платье и обувь держать изъ вопчего живота, и та намъ своя деревня пахать, сѣять и орать вмѣстѣ же за едино, и въ промысла ходить и посылать изъ вопчаго живота».

Документъ, дѣйствительно, любопытный, но очень жаль, что онъ не приведенъ цѣликомъ. То, что приведено, представляетъ собою договоръ общаго хозяйства. Весьма вѣроятно, что всѣ крестьяне, жившіе въ одномъ дворѣ, имѣли общее хозяйство. Но это еще не значитъ, что они составляли одну семью: жена и дѣти, надо думать, у каждаго были свои. Что они образуютъ одну семью, этого въ документѣ не сказано, это домыслъ г-жи Ефименко. Семья—это союзъ мужа и жены, родителей и дѣтей, а не то, что пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ и вмѣстѣ на охоту ходятъ. У автора, кажется, на этотъ счетъ есть нѣкоторыя недоразумѣнія. Также ничего не говорится въ документѣ о складствѣ, это

Возвращаемся на прежнее.

Братья, конечно, тѣ же пріятели и товарищи, если они вмѣстѣ снимаютъ деревню. А сыновья? На этотъ вопросъ отвѣчать труднѣе. Надо думать, что патріархальность нашего древняго быта и соединенное съ нею безусловное подчиненіе дѣтей родителямъ не шли у насъ такъ далеко, какъ нѣкоторые любятъ это утверждать. Отеческая власть, по всей вѣроятности, имѣла свои предѣлы. Мы не скажемъ, что она ограничивалась по общему правилу, но скажемъ, что она могла ограничиваться возрастомъ и самостоятельнымъ характеромъ сыновей. Малолѣтніе — до возраста, а слабые духомъ и нерѣшительные и до смерти отца оставались подъ его властью и безпрекословно исполняли его приказанія; люди же рѣшительные могли оставить отца и завести свое самостоятельное хозяйство. Эта возможность потерять дѣятельнаго члена семьи должна была сдерживать родителей. А съ другой стороны и сами отцы могли находить цѣлесообразнымъ снизойти съ высоты отеческой власти и стать на равную ногу съ сыновьями, заявившими энергію, предпріимчивость и хорошія хозяйственныя способности. Вотъ при какихъ условіяхъ сыновья, съ согласія, конечно, отца, принимали участіе въ его сдѣлкахъ, какъ его товарищи. Близкія родственныя связи, конечно, могли модифицировать до нѣкоторой степени эти товарищескія отношенія, тѣмъ не менѣе отецъ и сынъ принимали на себя обязательства за общею отвѣтственностью; по отношенію къ третьимъ лицамъ они являлись товарищами въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Въ заключеніе надо указать на то, что и женщины не были въ древности лишены права стоять во главѣ дворовъ и управлять хозяйствомъ. Писцовыя книги не разъ упоминаютъ во дворахъ вдовъ: «дворъ вдова Марья, дворъ Анна»,

---

опять домыслъ автора. Документъ въ томъ видѣ, какъ приведенъ, къ складству вовсе не относится. Въ виду несоотвѣтствія заключеній автора съ приводимымъ имъ мѣстомъ документа, мы и сожалѣемъ, что документъ напечатанъ не цѣликомъ.

можетъ быть тоже вдова. А въ деревнѣ одного своеземца находимъ «дворъ Ѳедковой жены Грихнова, Устинки». Какъ она, при живомъ мужѣ, стала хозяйкой, не знаемъ; а, можетъ быть, она тоже вдова. Этотъ порядокъ вещей держится и въ XVI вѣкѣ. Въ волости Захожье, Тверскаго уѣзда, была чорная деревня Новая Роспашь. Она вся состояла изъ одного двора и дворъ этотъ принадлежалъ вдовѣ. Въ дворцовой деревнѣ Бортниково-Теряево было два двора и одинъ изъ нихъ принадлежалъ вдовѣ, которой была дана льгота на нѣсколько лѣтъ отъ государевыхъ податей [1]).

Таковъ личный составъ нашихъ старинныхъ хозяйственныхъ дворовъ. Въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ семействомъ, въ главѣ котораго стоитъ отецъ; иногда это двѣ, много три семьи родныхъ братьевъ, иногда это семьи отца и его сыновей. Два послѣднихъ случая представляютъ семейную общину, но весьма различную по числу членовъ и по организаціи отъ южно-славянской задруги, какъ она представляется по матеріаламъ, собраннымъ г. Богишичемъ. Большаго числа членовъ мы не можемъ допустить въ этихъ общинахъ потому, что все дѣло ограничивается соединеніемъ двухъ, много трехъ семей. Да и это случаи довольно рѣдкіе. У насъ преобладало стремленіе къ дѣлежамъ. Имѣемъ многочисленныя указанія, что изъ двухъ-трехъ братьевъ, оставшихся по смерти отца, каждый заводитъ себѣ особый дворъ, то-есть по смерти отца не образуется никакой семейной общины, а происходитъ дѣлежъ. Надо сказать даже болѣе. Сыновья еще при жизни отцовъ выдѣлялись изъ семьи и устраивали свое самостоятельное хозяйство въ особыхъ дворахъ. Зятья тоже нерѣдко живутъ въ особыхъ дворахъ. Такимъ образомъ, натуральная семья

---

[1]) Новогор. писц. кн. III 7, 582; Писц. кн. XVI вѣка, подъ ред. Калачова II 49, 291. Въ недавно вышедшихъ текстахъ Бѣловерскихъ книгъ и выписей, подъ редакц. С. А. Шумакова, въ сотной съ писцовыхъ книгъ 1543—1544 года въ числѣ деревень А. И. Ѳащокина находимъ деревню Дряблово всего съ однимъ дворомъ, принадлежащимъ Ульянкѣ Суворовской. Опять не вдова.

легко распадалась, такъ были мы далеки отъ сложныхъ семей южныхъ славянъ. Этими дѣлежами, можетъ быть, и надо объяснять то, что въ крестьянскихъ семьяхъ у насъ не удерживались родовыя названія, а только отеческія. На ту же немногочисленность семей указываетъ и весьма распространенный обычай товарищества двухъ постороннихъ людей для найма деревни. Въ этомъ чувствуется потребность соединенія силъ для хозяйства, но родственныя силы идутъ врознь; въ восполненіе этого недостатка люди соединяются не съ родными, а съ посторонними, съ «пріятелями». Давно замѣчаемое стремленіе крестьянскихъ семей къ раздѣламъ не есть явленіе новаго времени. Весьма возможно, что въ періодъ господства крѣпостного права оно сдерживалось волею помѣщиковъ, а съ освобожденіемъ стремленіе каждаго къ самостоятельности направилось по своему естественному руслу, по пословицѣ: щей горшокъ да самъ большой [1]).

Устройство нашихъ семейныхъ общинъ тоже мало похоже на южно-славянскія задруги. Тамъ одинъ большакъ, который всѣмъ и распоряжается; у насъ договоръ о наймѣ земли заключается не только отъ имени двухъ-трехъ братьевъ, но даже сыновей и отца. Младшіе братья и даже сыновья тоже хозяева. Наша семейная община—многоначальная, югославянская—единоначальная.

Говоря о деревнѣ и дворѣ, мы постоянно имѣли въ виду деревню и дворъ вообще, но приводили памятники, въ большинствѣ случаевъ, касавшіеся крестьянъ, сидѣвшихъ на чужихъ земляхъ. Въ дополненіе приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ, касающихся своеземцевъ.

---

[1]) Проф. Лучицкій утверждаетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи въ половинѣ XVIII вѣка большія семьи хотя и не давали главнаго тона жизни, но и не представляли исключенія. «Нерѣдки дворы, въ которыхъ мы насчитываемъ по 3, 4, 5, 6, 7 и болѣе семей, состоявшихъ не только изъ родныхъ братьевъ, но и братьевъ двоюродныхъ, братаничей, дядей, тетокъ, племянниковъ, зятьевъ, деверей и т. д. «Сѣверный Вѣстникъ» 1889, № 1, стр. 77. По нашимъ памятникамъ этого не видно.

У нихъ также деревня состоитъ изъ двора, дворища, земель и угодій. Въ купчей 1517 года читаемъ:

«Се азъ Анфалъ, Никитинъ сынъ, купилъ еси у Максима у Андреева, у Попова у Смышляева, деревенку, что его владѣніе, орамыя земли и пожни и притеребы, и въ морьскихъ пожняхъ участокъ, и поѣздная ловля, и путики, и ловища, и неводная ловля, и со всѣми угодьи, и дворъ и дворище, что изъ старины тянетъ къ той деревнѣ, гдѣ што пришло».

Эти деревни тоже составляютъ цѣлое хозяйство; въ результатѣ дѣленія получаются части деревни.

«Се купилъ Лука, Евсеевъ сынъ Прощолыкинъ, у Панфила, у Нефедьева сына, землю на Лодмѣ, Панфиловъ участокъ весь, въ Часовенской деревнѣ, Нефедьевской пятой участокъ весь: и въ дворѣ, и въ дворищѣ, и въ орамыхъ земляхъ, и въ пожняхъ, и въ поскотинѣ, и въ перевѣсищахъ, и въ притеребахъ, и въ путикахъ, и во всякихъ угодьяхъ—пятой участокъ» [1]).

Въ предѣлахъ такихъ владѣльческихъ деревень и возникали, конечно, крестьянскія деревни. Если владѣльческая деревня значительная, и въ ней появлялось много крестьянскихъ деревень, она получала званіе волостки и даже волости. Крестьянская деревня и дворъ въ миніатюрѣ представляетъ владѣльческую деревню и дворъ. Владѣльческій дворъ именуется большимъ, боярскимъ, крестьянскій—просто дворъ.

Но между господской и крестьянской деревней есть и другая разница, кромѣ размѣровъ. Въ крестьянское хозяйство не входятъ угодья. Крестьянамъ сдается только пашенное хозяйство съ тѣмъ, что къ нему принадлежитъ: луга и выгоны. Рыбныя ловли, бортные урожаи, путики и другія угодья состоятъ при господской деревнѣ. Они тоже могутъ быть сданы въ аренду, но это особая статья.

Есть отступныя крестьянскія грамоты, въ которыхъ

---

[1]) Рус. Ист. Библ. XIV № 5, 1517; № 9, 1523.

крестьяне продаютъ не только земли, но рыбныя ловли и другія угодья. Эти акты совершаютъ крестьяне великаго князя, сидящіе на его земляхъ. А мы уже знаемъ, что такіе крестьяне получили и угодья бывшихъ владѣльцевъ.

Мы только что привели случай продажи владѣльцемъ принадлежавшей ему пятой части деревни. Въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ описывается множество деревень, части которыхъ принадлежатъ разнымъ владѣльцамъ. Эти деревни называются «вопчими». Число такихъ общихъ владѣльцевъ въ одной деревнѣ весьма различно; мы встрѣчали и 3, и 4, и болѣе, до 9. Въ одной деревнѣ, въ Заверяжьи, за своеземцемъ состоялъ шестнадцатый жеребій деревни. Но это не значитъ, что всѣхъ владѣльцевъ было именно 16 человѣкъ. Одинъ могъ имѣть $^1/_{16}$, другой $^4/_{16}$ и пр. Тоже при 3-хъ, 4-хъ и т. д. владѣльцахъ. Владѣльцами общихъ деревень являются всевозможныя лица: владыка, бояре, большіе и маленькіе, крестьяне-своеземцы, попы, монастыри, церкви и пр. Съ момента конфискаціи такимъ совладѣльцемъ является и самъ великій князь московскій. У него общія деревни съ своеземцами, владыкой, монастырями и пр.

Возникаетъ вопросъ: эти общіе владѣльцы владѣли деревней сообща и имѣли нѣкоторый видъ общаго хозяйства, или земли деревни между ними были раздѣлены? Въ большинствѣ случаевъ, надо думать, каждый изъ нихъ велъ свое особое хозяйство, и земли были между ними раздѣлены. Заключаемъ это на томъ основаніи, что въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ, при описи «вопчихъ» деревень, обыкновенно, указываются дворы, принадлежавшіе отдѣльнымъ владѣльцамъ, дворы, находившіеся на ихъ жеребьяхъ. Въ этихъ случаяхъ, значитъ, каждый имѣлъ въ общей деревнѣ свой особый участокъ, который и сдавалъ отъ себя крестьянамъ. Это, конечно, не исключало возможности бытія какихъ либо общихъ угодій, которыя не были раздѣлены, а состояли во владѣніи по годно или распредѣлялись какъ-нибудь иначе.

Рядомъ съ такими указаніями на раздѣльное хозяйство общихъ владѣльцевъ, но рѣже, есть указанія и на то, что

они владѣютъ своимъ участкомъ сообща. Субъектами такого нераздѣльнаго владѣнія, обыкновенно, являются братья. Не видимъ препятствія допустить такое же нераздѣльное владѣніе и между посторонними лицами. Оно могло возникнуть въ томъ случаѣ, если братъ-совладѣлецъ продавалъ свою долю до дѣлежа.

Въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ для обозначенія такого владѣнія существуетъ только одинъ терминъ—«вопчее», это вопчія деревни.

Въ другихъ памятникахъ мы встрѣчаемся съ терминомъ сябры (шабьры) и думаемъ, что онъ именно обозначаетъ такихъ общихъ владѣльцевъ [1]).

Братья Чевакины, Иванъ и Василій, купили у братьевъ Сасиныхъ тоню «половину половины», то-есть половину ихъ жеребья, четверть тони. Продавцы въ купчей названы сябрами. Другая половина тони принадлежитъ какимъ-то Ивановымъ дѣтямъ. Родственники они Сасинымъ или нѣтъ, это неизвѣстно; также неизвѣстно, родственникъ имъ Иванъ Чевакинъ или нѣтъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ угодьемъ, тоней, которая составляетъ собственность разныхъ лицъ и состоитъ въ общемъ ихъ владѣніи. Сасинымъ и Ивановымъ принадлежитъ по полъ тони. Ивановыхъ трое, Сасиныхъ еще больше. Тоня, конечно, не раздѣлена, всѣ Сасины и Ивановы владѣютъ сообща и дѣлятъ результатъ улова. Ловъ у нихъ можетъ быть общій, а можетъ быть и по годамъ. Сасины продаютъ половину своей половины. Съ этого момента прибавляется третья линія совладѣльцевъ—Ивана Чевакина и брата его Василія. Собственники распоряжаются своими долями по собственному усмотрѣнію; согласія на продажу со стороны другихъ совладѣльцевъ не требуется (А. Ю. № 71, V, XIV—XV в.).

Этотъ документъ даетъ прекрасную иллюстрацію къ тому, что выше было сказано о вопчихъ деревняхъ.

---

[1]) Слово сябръ и теперь значитъ: соучастникъ, товарищъ, пайщикъ, односумъ. Даль.

Имѣемъ и другой подобный документъ, но въ немъ рѣчь идетъ не о частной собственности, а «о великаго князя варницѣ». Кто владѣетъ этою варницею, изъ документа не видно. Тамъ приведены имена владѣльцевъ, но не сказано, кто они, крестьяне, во владѣніи которыхъ осталась варница послѣ конфискаціи, или новые владѣльцы изъ своеземцевъ, которымъ крестьяне успѣли уже продать свои участки. Ясно только, что владѣльцы тянутъ государево тягло, и что это тягло такъ тяжело, что они, не будучи въ состояніи его тянуть, продаютъ свои доли. Такими владѣльцами могутъ быть и крестьяне, за которыми остались конфискованныя варницы, и позднѣйшіе покупщики; но это для насъ безразлично. Для характеристики вопчаго владѣнія важно то, что продавцы владѣютъ двѣнадцатою частью варницы и эту свою часть продаютъ. А въ концѣ отступной говорятъ:

«А въ сябрѣхъ та варница съ Григорьевыми Кологривова, да съ Туваемъ и съ Орломъ, Ивановыми дѣтми Дороѳеева, и съ иными сябры».

Что такое «а въ сябрѣхъ та варница»? Полагаемъ—это означаетъ «въ совладѣніи» и ничего больше. Одну двѣнадцатую продаютъ семь человѣкъ; всѣ они происходятъ отъ Ивана Сухова, изъ нихъ двое его сыновья и пять внуковъ. Эти семь человѣкъ владѣютъ сообща одной двѣнадцатой долей варницы; одиннадцать двѣнадцатыхъ состоятъ въ такомъ же владѣніи другихъ лицъ. Этихъ лицъ такъ много, что они всѣ даже и не перечислены. Перечислены, по всей вѣроятности, крупнѣйшіе участники. Покупщикомъ у Суховыхъ является одинъ изъ Кологривовыхъ, Семенъ, которые состоятъ уже сябрами. Не перечисленные,—по всей вѣроятности, владѣютъ очень небольшими долями.

Изъ приведеннаго документа видно, что сябры владѣютъ не равными участками. Семенъ Кологривовъ купилъ себѣ одну двѣнадцатую часть, которая до того была во владѣніи семи сябровъ. Но доля Семена этимъ не исчерпывается. Онъ состоялъ уже сябромъ въ долѣ со своими братьями,

У него болѣе одной двѣнадцатой. Это доли идеальныя, также какъ и въ предшествующемъ случаѣ. Продаются онѣ по усмотрѣнію дольщика; согласія другихъ сябровъ не нужно. (А. Ю. № 135, 1550).

Соляныя варницы — угодья поземельныхъ владеній. Это принадлежность деревень. Разборъ приведеннаго акта также даетъ результаты совершенно согласные съ тѣмъ, что сказано о деревняхъ выше.

Приведемъ и еще одинъ документъ. Въ 1483 году въ Псковѣ передъ княземъ, посадниками и соцкими происходилъ судъ. Истецъ, игуменъ Снѣтогорской обители, такъ говорилъ на судѣ:

«Господинъ князь, и посадники, и соцкіе! Тому, господине, Юрью соцкому, старостѣ Егорьевскому, и Ортему, и Ильи, и всѣмъ ихъ сябромъ: игумену Лаврентію кузмодемьянскому и всѣмъ старцомъ кузмодемьянскимъ, пять частей въ Перервѣ рѣкѣ, а намъ, господине, шестая часть въ Перервѣ рѣкѣ, проѣзду дѣля. И нынѣ, господине, Юрьи, и Ортемъ, и Илья, и всѣ сябры ихъ: игуменъ Лаврентій и старцы кузмодемьянскіе, насъ шестой части въ Перервѣ рѣкѣ лишаютъ, проѣзду намъ не даютъ. А у насъ, господине, въ той Перервѣ рѣкѣ на шестую часть грамота купчая».

Судъ присудилъ истцу, чего онъ искалъ, одну шестую въ Перервѣ рѣкѣ, а чтобы впредь не было спора, велѣлъ выдѣлить ему на проѣздъ шестую часть рѣки. (А. Ю. № 2-й). Здѣсь сябрами являются два монастыря и крестьяне. У всѣхъ у нихъ идеальныя части. Эта Перерва рѣка, надо полагать, — есть угодье той деревни, въ которой они вопчіе владѣльцы. Они владѣютъ рѣкою безъ раздѣла. Въ результатѣ суда получается раздѣлъ. Снѣтогорскому монастырю выдѣляютъ въ натурѣ его шестую часть; а остальные сябры продолжаютъ владѣть рѣкою сообща.

Въ этомъ же смыслѣ общаго владѣльца слово сябрь употребляется и въ памятникахъ XVII вѣка. Беремъ у проф. И. Н. Миклашевскаго двѣ архивныхъ выписки, извлеченныя имъ изъ одного и того же документа.

«А пашня Ивану Скобельникову пахать съ своими сябрами, съ Парфеномъ Чернышевымъ да съ Алексѣемъ Коневымъ, черезъ десятину».—«А пашня ему, Василью, пахать и сѣно косить, и въ лѣса въѣзжать, и всякими угодьи владѣть со старыми помѣщиками, своими сябрами (два имени), вопче по своимъ дачамъ» [1]).

Проф. Н. И. Миклашевскій въ своемъ трудѣ даетъ картину иныхъ поземельныхъ явленій, а не тѣхъ, которыми мы занимаемся. Онъ изслѣдуетъ помѣстное хозяйство на отведенныхъ отъ казны земляхъ. Но это все равно; насъ занимаютъ теперь не особенности помѣстнаго владѣнія, а значеніе слова сябръ; слово же сябръ и въ XVII вѣкѣ означаетъ то же, что и раньше. Это совладѣлецъ, у него вопчее владѣніе и ничего больше. Осуществляться это общее владѣніе могло очень различно. Въ древнее время, о которомъ мы говоримъ, у своеземцевъ оно осуществлялось согласно волѣ совладѣльцевъ; въ XVII вѣкѣ, на помѣстныхъ земляхъ, порядокъ совладѣнія предписывался правительствомъ. Ивану Скобельницыну съ его сябрями предписано было пахать «черезъ десятину». Г. Миклашевскій объясняетъ, какъ это дѣлалось, но для насъ это не имѣетъ значенія, и мы не воспроизводимъ его объясненія [2]).

Терминъ сябръ встрѣчается и въ старыхъ законодательныхъ памятникахъ—въ Псковской и въ Новогородской судной грамотѣ. Содержаніе двухъ статей Псковской судной грамоты чисто процессуальное.

Слово сябръ употребляется въ нихъ, какъ общеизвѣстное. Въ дополненіе къ тому, что мы знаемъ уже о сябрахъ, эти статьи даютъ очень немного. Статья 92 говоритъ объ искахъ

---

[1]) Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Ч. I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка. 1894. 190 и слѣд.

[2]) Въ томъ же смыслѣ слово это употреблялось и на югѣ Россіи. У проф. Лучицкаго въ статьѣ о сябрахъ читаемъ: «Въ Малороссіи XVIII вѣка подъ словомъ сябръ разумѣли простого пайщика, члена участника въ общемъ владѣніи». Сѣв. Вѣстн., 1889 г., I стр. 75.

«сябренаго серебра» и предоставляетъ отвѣтчику право первому цѣловать крестъ (очистительная присяга). Сябреное серебро, по всей вѣроятности, есть общій капиталъ, составленный нѣсколькими лицами для какого-либо общаго предпріятія. Но статья исключаетъ купецкія и гостебныя дѣла. Что же остается? Если исключить торговыя дѣла, то останутся такія общія предпріятія, какъ покупки недвижимостей. Въ приведенномъ выше случаѣ два брата Чевакины сообща купили четверть тони. Употребленный ими на покупку капиталъ и будетъ, по всей вѣроятности, «сябреное серебро» [1]).

Другая статья (106) той же грамоты опять говоритъ о сябрахъ, какъ общихъ владѣльцахъ. Изъ нея можно сдѣлать только одинъ выводъ. Она относитъ къ сябрамъ и владѣльцевъ раздѣленныхъ уже участковъ. Надо думать, что въ ней рѣчь идетъ о владѣльцахъ «вопчихъ» деревень, которыхъ въ Новгородѣ, а вѣроятно и въ Псковѣ, было великое множество. Вначалѣ у нихъ могли быть и земли общія, по наслѣдству, по купчимъ и пр., а потомъ они раздѣлились и у каждаго свои дворы и свои земли. Они тоже сябры [2]).

---

[1]) Иначе объясняетъ этотъ терминъ проф. Энгельманъ. Онъ видитъ въ немъ «долю изъ общей прибыли, приходящуюся на каждаго изъ сябровъ въ отдѣльности». Для такого ограничительнаго толкованія—нѣтъ основанія: здѣсь можетъ идти рѣчь и о капиталѣ и о прибыляхъ. Гражд. законы Псков. Суд. гр. 144.

[2]) Статья 106-я представляетъ для пониманія едва ли преодолимыя трудности. Несмотря на это, нѣкоторыя ея выраженія, очень мало понятныя, служатъ, иногда, основаніемъ для выводовъ. Въ виду спорности возбуждаемыхъ статьей вопросовъ, считаемъ не лишнимъ привести ее. Статья говоритъ:

«А кто съ кимъ ростяжутся о земли или о борти, да положатъ грамоты старыя и купленую свою грамоту. И его грамоты зайдутъ многыхъ бо сябровъ земли и борти. И сябры всѣ станутъ на суду въ одномъ мѣстѣ, отвѣчаючи ктожъ за свою землю или за борть, да и грамоты предъ господою покладутъ, да и межниковъ возмутъ. И тои отведутъ оу стариковъ по своей купной грамотѣ свою часть. Ино ему правда дати на своей части, а цѣлованію быти одному, а поцѣлуетъ во всѣхъ сябровъ. Ино ему судница дать на часть, на которой поцѣлуетъ».

Упоминаетъ сябровъ и Новогородская судная грамота, но чрезвычайно коротко. Случай, по которому они упоминаются, совершенно тотъ же, что и въ статьѣ 106-й Псковской грамоты. Возникъ поземельный споръ и во время суда оказалась необходимость вызвать «шабьровъ»; статья опредѣляетъ время пріостановки суда для ихъ вызова. Вотъ и

Профессоръ Энгельманъ въ своемъ юношескомъ трудѣ, обладающемъ большими достоинствами, высказываетъ мнѣніе, что статья предполагаетъ одного истца и нѣсколькихъ отвѣтчиковъ, а потому исправляетъ текстъ и предлагаетъ читать «положитъ» вмѣсто «положатъ», то-есть, положитъ истецъ. Думаемъ, что составителямъ грамоты не было никакой надобности предполагать то или другое число тяжущихся. Сколько бы ихъ ни было, это ничего не мѣняетъ. Но изслѣдователю грамоты это предположеніе понадобилось для того, чтобы объяснить, кто же тѣ сябры, о которыхъ говорится ниже, которые тоже кладутъ грамоты. Въ этихъ сябрахъ онъ видитъ отвѣтчиковъ. Эти сябры «станутъ на суду въ одномъ мѣстѣ отвѣчаючи». «Отвѣчаютъ»,—значитъ отвѣтчики. Но, они, говоритъ г. Энгельманъ, отвѣчаютъ всѣ вмѣстѣ, а не каждый въ отдѣльности за себя». 129. Мѣсто очень трудное. Согласимся на минуту съ авторомъ, что истецъ одинъ, а ищетъ онъ съ нѣсколькихъ сябровъ, совладѣльцевъ. Совладѣльцами могутъ быть случайныя лица, напримѣръ, сонаслѣдники; или нѣсколько сонаслѣдниковъ и одинъ покупщикъ, купившій долю одного или нѣсколькихъ сонаслѣдниковъ. Что значитъ, что они «отвѣчаютъ всѣ вмѣстѣ»? Это совершенно не понятно. Можетъ быть, авторъ хотѣлъ сказать: одинъ отвѣчаетъ за всѣхъ? Это тоже невозможно, ибо они случайные совладѣльцы, и одинъ можетъ найти для себя выгоднымъ продать остальныхъ. Общаго отвѣта не допускаетъ и текстъ. Въ грамотѣ написано: «отвѣчаючи кtожъ за свою землю или за бортъ». У каждаго сябра, значитъ, своя земля, а не общая, за нее онъ и отвѣчаетъ. На этомъ основаніи мы и дѣлаемъ выводъ, приведенный въ текстѣ. Въ концѣ встрѣчаемъ не менѣе трудное мѣсто: «а цѣлованью быть одному, а поцѣлуетъ во всѣхъ сябровъ». Авторъ даетъ такое объясненіе: «такъ какъ отвѣтчики отвѣчаютъ всѣ вмѣстѣ, то и истецъ присягаетъ только одинъ разъ противъ всѣхъ; его присяга опровергаетъ всѣхъ сябровъ вмѣстѣ». По этому толкованію выходитъ: поцѣловать за всѣхъ это то же, что поцѣловать противъ всѣхъ. Это едва ли. Псковская судная грамота дошла до насъ въ одномъ спискѣ, да и тотъ пропалъ. Мы имѣемъ только копію, изданную съ этого списка. И списокъ могъ заключать въ себѣ описки, и копія могла ихъ еще увеличить. Положеніе

все. Вызовъ сябровъ, конечно, обусловливается тѣмъ же, чѣмъ и въ Псковской грамотѣ: межи тяжущихся зашли за межи другихъ владѣльцевъ общей деревни.

Заключаемъ: сябрами называются не только владѣльцы общихъ земельныхъ участковъ и угодій, но и всѣ владѣльцы «вопчихъ» деревень, хотя бы они раздѣлили свои общіе участки. Въ этомъ надо видѣть новое свидѣтельство о томъ,

---

толкователя при этихъ условіяхъ очень трудное. Хорошо еще, что онъ не отказался отвѣтить на предложенную задачу.

Нѣсколько иначе выходитъ изъ затрудненія проф. Владимірскій-Будановъ. Онъ полагаетъ, что отвѣтчикомъ является—товарищество; что статья предоставляетъ первую присягу истцу; что въ случаѣ его отказа отъ присяги, право присяги переходитъ къ отвѣтчику, а такъ какъ отвѣтчикъ—товарищество, то одинъ присягаетъ за всѣхъ. Это толкованіе тоже трудно принять. Что отвѣтчикомъ является товарищество, это ни откуда не слѣдуетъ. Предположеніе это понадобилось только для объясненія цѣлованія одного за всѣхъ. Что первый цѣлуетъ истецъ, это не согласно съ правиломъ 92 статьи.

Намъ въ статьѣ понятно не все. Вотъ что намъ ясно. Она не опредѣляетъ ни числа истцовъ, ни числа отвѣтчиковъ: искать и отвѣчать могутъ и одинъ и много. Тяжущіеся кладутъ грамоты въ доказательство своихъ правъ. При разсмотрѣніи этихъ грамотъ на судѣ, выяснилось, что спорныя земли зашли за земли другихъ совладѣльцевъ. Для разъясненія вопроса оказалось нужнымъ спросить этихъ совладѣльцевъ. Это и суть тѣ сябры, о которыхъ рѣчь идетъ въ срединѣ статьи. Они не стороны, а свидѣтели. Статья не опредѣляетъ, въ какомъ порядкѣ цѣлуютъ крестъ; это уже опредѣлено въ ст. 92: первый цѣлуетъ отвѣчикъ, а если не хочетъ, то передаетъ свое право истцу. Статья говоритъ только, что цѣлуетъ одинъ, а не многіе. Что бы это значило? Кто эти многіе, которые не должны цѣловать. Къ дѣлу привлечены многіе совладѣльцы. Можетъ быть на судѣ возникалъ вопросъ и о ихъ присягѣ? Такъ какъ они въ дѣлѣ не участвуютъ и изъ его рѣшенія не могутъ ни проиграть, ни выиграть, то имъ нѣтъ надобности присягать въ качествѣ участниковъ. Статья, можетъ быть, вотъ этотъ случай и разумѣетъ и говоритъ: «цѣлуетъ одинъ во всѣхъ сябровъ», то-есть, изъ всѣхъ одинъ. Кто же? Одинъ изъ тяжущихся, отвѣтчикъ или истецъ, кому придется по суду; ему и выдается судница на ту часть, на которой онъ поцѣлуетъ.—Выраженіе: «встать въ одномъ мѣстѣ» намъ совершенно непонятно. «Отвѣчаючи» не непремѣнно указываетъ на отвѣтчика. На судѣ отвѣчаетъ всякій, кого судья спрашиваетъ. Онъ спрашиваетъ и свидѣтелей, и они отвѣчаютъ.

что понятіе деревни, какъ одного цѣлаго, продолжаетъ жить.

Таковъ первоначальный характеръ деревни. Съ теченіемъ времени она перестала представлять одно цѣлое пашенное хозяйство и перешла въ совокупность дворовъ, изъ которыхъ каждый могъ имѣть свое особое хозяйство. Такъ возникли тѣ небольшія деревни въ нѣсколько дворовъ, которыя мы наблюдаемъ въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ и въ московскихъ XVI вѣка. Онѣ сохраняютъ еще нѣкоторыя черты своего исконнаго единства. Съ конца XVI вѣка начинается образованіе большихъ деревень, которыя не имѣютъ уже ничего общаго съ первоначальной деревней-дворомъ. Можно думать, что эта послѣдняя перемѣна стоитъ въ связи съ прикрѣпленіемъ крестьянъ и съ развитіемъ господскаго хозяйства въ формѣ барщины. Господское хозяйство было и въ Новгородѣ въ XV вѣкѣ, было, конечно, и раньше; но, сколько можно судить по писцовымъ книгамъ, оно не достигало большихъ размѣровъ. Съ прикрѣпленіемъ крестьянъ оно развивается; это барщинное крѣпостное хозяйство должно было разложить и послѣдніе остатки исконнаго двора-деревни.

Переходимъ къ вопросу о томъ, что такое село. Древнее село тоже не похоже на наше. Мы привыкли съ понятіемъ о селѣ соединять представленіе о поселеніи, въ которомъ находится церковь. Нѣтъ церкви, это деревня, а не село. Въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ встрѣчается масса селъ и селецъ, въ которыхъ нѣтъ церкви. Заключаемъ это изъ того, что она не описывается; если бы была церковь, она непремѣнно была бы указана, а причтъ переписанъ.

Въ 1546 году московское правительство освѣдомилось что жители Верхняго Слободскаго города «садились на лѣсу послѣ большихъ писцовъ». Согласно ихъ просьбѣ, великій князь разрѣшилъ имъ: «лѣсъ сѣчь, дворы ставить, пашню пахать, людей призывать». Кто садится, тотъ сѣлъ, отсюда село, поселеніе. Но и деревня поселеніе. Совер-

шенно вѣрно; поэтому село употребляется въ томъ же смыслѣ, какъ и деревня. Въ одной купчей читаемъ:

«Се купи Василей Филимоновичъ... село земли, дворъ и дворище, орамыя земли, и съ притеребы, и пожни, и путики того села, и перевѣсица, и полѣшіи лѣсы, и бобровыя ловища, и въ тони участокъ, со всѣми угодьи».

Здѣсь слово «село» занимаетъ то мѣсто, какое въ другихъ купчихъ принадлежитъ слову «деревня». Удѣльный князь Иванъ Андреевичъ далъ Ферапонтову монастырю деревню Крохинскую, а его братъ, князь Михаилъ Андреевичъ, въ своихъ жалованныхъ грамотахъ называетъ этотъ даръ то деревней, то селомъ. Если село та же деревня, то села, какъ и деревни, дѣлятся на половины и на жеребьи. Въ спорномъ дѣлѣ 1532 г. одна и та же земля называется то полъ деревней, то полъ селомъ. Въ писцовыхъ книгахъ Коломенскаго уѣзда находимъ «жеребьи» селъ, какъ и въ новогородскихъ. Села также состоятъ изъ дворовъ, какъ и деревни [1]).

Несмотря на полное соотвѣтствіе словъ село и деревня, въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ они употребляются съ нѣкоторымъ различіемъ. Терминъ село употребляется очень рѣдко. На 100 столбцовъ не придется и 7 селъ,

---

[1]) А. Э. I № 210; А. Ю. № 5, 1490; № 71, X, № 19, 1532. М. Дьяконовъ, Акты, II, № 2, 1514. Писцовыя книги XVI вѣка, подъ редакціей Калачова, I 82, 372, 379, 390. Новогородскія писцовыя книги I, ст. 808, 809.

Въ писцовыхъ книгахъ не рѣдко деревни называются селами, но село, въ данномъ случаѣ, играетъ роль собственнаго имени, напримѣръ: деревня Селцо, деревня Селище, деревня Кривое Селище. Характерны и такія названія: Селцо Дворище, деревня—Большой дворъ, Старый Дворъ, село—Великій Дворъ. На единство села и деревни указано уже г-жей А. Ефименко, Крест. землевл. 204. Намъ непонятно только, почему она утверждаетъ, что въ Новгородѣ слово деревня водворяется лишь съ московскаго владычества, когда и вытѣсняетъ новогородское слово село. Слово деревня столь же новогородское, какъ и московское; а слово село вовсе не вытѣснено словомъ деревня.

тогда какъ деревня встрѣчается чуть не въ каждой строкѣ. Село упоминается рѣдко, но почти всегда на первомъ мѣстѣ, а за нимъ идетъ перечисленіе деревень. Упоминаніе села среди деревень—встрѣчается рѣдко. Въ I т. новогородскихъ писцовыхъ книгъ мы насчитали 54 села. При этомъ оказалось, что въ 52 селахъ имѣлись боярскіе дворы старыхъ владѣльцевъ, въ которыхъ теперь живутъ новые помѣщики; если же не жили старые, болѣе рѣдкій случай, то живутъ новые. Второй томъ мы просмотрѣли до 201 ст., и результатъ оказался тотъ же: на 201 столбцѣ—оказалось 11 селъ и въ каждомъ изъ нихъ живетъ владѣлецъ или его ключникъ. Полагаемъ, что на основаніи этихъ данныхъ можно сказать, что селомъ называлось поселеніе, въ которомъ жилъ самъ владѣлецъ или его представитель. Этимъ объясняется, почему для насъ понятіе села сливается съ представленіемъ о церкви. Теперь нѣтъ села безъ церкви, а въ старину не было села безъ владѣльца, но владѣльцы тамъ и строили церкви, гдѣ сами жили. Этимъ же объясняется и выраженіе тѣхъ же писцовыхъ книгъ: «деревни къ селу». Деревни тянутъ къ селу въ смыслѣ управленія: онѣ управляются владѣльцемъ изъ села и въ село приносятъ владѣльцу доходъ. Въ этомъ же смыслѣ о монастырскихъ деревняхъ говорилось: «А къ монастырю деревни» [1]).

Но владѣльцы имѣли свои дворы и въ деревняхъ. Это можетъ быть, были ихъ вторые дворы, а не дворы ихъ первоначальнаго поселенія. Число дворовъ въ селахъ достигало иногда значительныхъ размѣровъ. Есть села въ 20 и даже 30 дворовъ, но это рѣдкіе случаи [2]).

---

[1]) Писцовыя книги Рязанскаго края, подъ ред. В. Н. Сторожева, вып. II 421.

[2]) Для примѣра, Временникъ Им. Моск. Общ. ист. и древ. XI стр. 117, 118; Новог. писц. кн. III стр. 756 сл.

Указанное значеніе села можно наблюдать и въ московскихъ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка. Въ описи Полоцкаго повѣта 1570 г. читаемъ:

«За Иваномъ за Калитинымъ селцо Шерепинское..., а въ немъ дворъ помѣщиковъ, Ивановъ... Того же селца деревни» и т. д. II 462.

Переходимъ къ погостамъ. Древнѣйшее извѣстіе о нихъ восходитъ ко временамъ великой княгини Ольги. Лѣтописецъ говоритъ, что она «уставила по Мстѣ погосты и дани и по Лузѣ оброки и дани».

Извѣстіе это такъ кратко, что на немъ трудно построить что-нибудь опредѣленное. Ясно только, что погосты Ольги имѣютъ какое-то отношеніе къ повинностямъ: они стоятъ рядомъ съ данями и оброками. Въ изслѣдованіи Неволина о пятинахъ и погостахъ новогородскихъ приведена вся литература этого вопроса и древнѣйшія указанія памятниковъ на погосты. Мы не будемъ повторять, что имъ хорошо сказано, а прямо перейдемъ къ описанію погостовъ въ древнѣйшихъ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ. Они даютъ совершенно достаточный матеріалъ для рѣшенія вопроса о томъ, чѣмъ были погосты въ XV вѣкѣ, а слѣдовательно и много времени ранѣе. Новогородскіе погосты не созданіе законодательства, а бытовое явленіе, а потому въ Новгородѣ XV вѣка они старина.

Неволинъ уже сказалъ, что погосты были правительственными округами (85). Это совершенно вѣрно. Описаніе селъ и деревенъ происходитъ въ предѣлахъ погостовъ. О каждой деревнѣ говорится, что она въ такомъ-то погостѣ. Такъ ведется все описаніе. Напримѣръ:

«Въ Шегринскомъ погостѣ вел. князя деревни Павловскіе Мануйлова за Олешкою за Квашнинымъ», идетъ опись деревень. А потомъ: «Въ Шегринскомъ же погостѣ вел. князя деревни Захарьинскія Овинова за Гордѣемъ за Семеновымъ сыномъ Сарыхозина», идетъ опись деревень. А потомъ опять — «Въ Шегринскомъ же погостѣ деревни» и т. д.

Погостъ есть округъ. Но какой? Не судебный, ибо судомъ погосты тянутъ къ городамъ. Это хотя и не всегда, но много разъ обозначается. Напримѣръ:

«А въ Налючскомъ погостѣ въ Курскомъ присудѣ», «въ Дѣмонскомъ присудѣ въ Полоновскомъ погостѣ»,

«въ Курскомъ присудѣ въ Устьянскомъ погостѣ», «въ Буховскомъ погостѣ въ Ноугороцкомъ присудѣ» и т. д.

Древняя администрація вся исчерпывалась вопросами суда и повинностей, а потому на долю погостовъ, какъ административныхъ округовъ, остаются однѣ повинности. Въ этомъ смыслѣ о деревняхъ иногда пишутъ: «тянутъ къ погосту Спасскому», т.-е., платежомъ повинностей.

Итакъ, всѣ села и деревни погоста составляютъ мелкую податную единицу. Для этого должны быть на мѣстѣ какія-либо учрежденія. Въ этомъ предположеніи Неволинъ и говоритъ, что погостъ, кромѣ округа, означаетъ еще и главное мѣсто такого округа. Это совершенно естественное предположеніе нашими источниками изображается въ его дѣйствительныхъ размѣрахъ. Древнѣйшія писцовыя книги не содержатъ никакихъ указаній на какіе-либо правительственные центры въ погостахъ; мы не замѣтили ни одной погостской избы, на которыя есть указанія въ писцовыхъ книгахъ позднѣйшаго времени, и никто не указываетъ такихъ избъ [1]). Надо думать, что погостская финансовая администрація была сведена до своего минимума; это была самая примитивная деревенская организація.

---

[1]) Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка, Калачовъ т. II 305, мы встрѣтили такое мѣсто при описаніи Андреевскаго села въ Тверскомъ уѣздѣ: «дворъ безпашенной, а приходятъ на него Ондреевскаго села крестьяне» (дворцовые).

Къ другимъ заключеніямъ по этому вопросу пришелъ г. Папковъ, «Русск. Вѣстникъ», 1898 г. XI и XII. Онъ полагаетъ, что въ погостѣ, какъ главной мѣстности округа, «находились дворы начальствующихъ лицъ, какъ выбранныхъ самими погощанами, такъ и назначенныхъ правительствомъ или же посаженныхъ помѣщиками въ качествѣ ихъ управителей». XI. 69. Что на погостахъ иногда находились дворы правительственныхъ органовъ, волостелей и ихъ тіуновъ, и ключниковъ частныхъ лицъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію и совершенно доказывается мѣстами писцовыхъ книгъ, приведенными авторомъ. Но это не погостскія власти, а власти или правительственныхъ волостей, или частно-владѣльческихъ. Слѣдовало бы доказать наличность въ погостахъ—погостскихъ властей, чего авторъ не сдѣлалъ.

Мы нашли только одно указаніе на административный погостскій органъ. Въ описаніи Каргальскаго погоста Вотской пятины одинъ изъ своеземцевъ названъ старостой. Думаемъ, это и есть погостскій финансовый органъ. Онъ не крестьянинъ арендаторъ чужой земли, а землевладѣлецъ собственникъ, хотя и очень небогатый. Призваніе его въ органы администраціи очень понятно: въ обжи положены не однѣ только земли, на которыхъ сидятъ крестьяне, но и господскія.

Что указанія на старостъ такъ рѣдки [1]), это неудивительно. Писцы описывали хозяйства, а не должности, а притомъ старосты, по всей вѣроятности, мѣнялись ежегодно; это слѣдовательно признакъ очень непостоянный и къ дѣлу неидущій. И дѣла, по всей вѣроятности, у старостъ было не очень много. Число обежъ опредѣляли писцы, а не мѣстные органы. У мѣстныхъ органовъ оставался одинъ сборъ съ раскладкой, а и въ этомъ имъ могли помогать землевладѣльцы и сами крестьяне [2]).

---

[1]) Мы еще встрѣтили старосту въ волости, бывшей купца Шалимова I 100. Но эта волость осталась за великимъ княземъ, а потому здѣсь староста могъ замѣнить господина, и былъ, можетъ быть, волостной. а не погостскій.

[2]) Г. Папковъ значительно преувеличиваетъ правительственное значеніе погостовъ. Въ доказательство своей мысли о весьма широкой дѣятельности выборныхъ погостскихъ властей онъ приводитъ документы XVI и XVII вѣка, а не XV. Вотъ приводимый имъ наказъ новогородскимъ дьякамъ о сборѣ податей съ новогородскихъ пятинъ.

«...Велѣно во всѣ пятины разослати грамоты, чтобы князи и дѣти боярскія, и всѣ служилые люди, и игумены и попы и дьяки, и старосты и сотскіе и пятидесятскіе и десятцкіе, и всѣ крестьяне выбрали изъ пятинъ по сыну по боярскому, по доброму, да изъ пятинъ же выбрали человѣка по 3 и по 4 лучшихъ людей, да изъ погоста по человѣку, а изъ малыхъ погостовъ изъ дву или изъ трехъ по человѣку, а велѣно тѣмъ старостамъ выборнымъ собирати наши ямскія и приметныя деньги, и за посошные люди, и за емчюжное дѣло, и всякія подати, по писцовымъ книгамъ, и привозить къ вамъ въ Новгородъ»... Д. къ А. И. I 94. 1556.

Этотъ документъ можно приводить въ доказательство того, что въ XVI вѣкѣ погостскія власти не удовлетворяютъ московское прави-

Но погостъ, кромѣ округа, означалъ еще и мѣсто. Что это за мѣсто, это хорошо объяснили Д. В. Китаевъ да Н. Ч. С. Моклоковъ, описывавшіе въ 1500 году первую половину Вотской пятины. Въ ихъ описи есть любопытная

тельство и замѣняются выборными изъ цѣлыхъ пятинъ, а никакъ не въ доказательство широкой ихъ дѣятельности.

Дѣло идетъ о сборѣ повинностей и о доставленіи ихъ въ Новгородъ. Это предоставляется мѣстнымъ выборнымъ. Кто ихъ избираетъ? Всѣ жители пятины и мѣстныя власти: старосты, сотскіе и пр. Пятины состоятъ изъ погостовъ, мѣстныя власти суть, конечно, погостскія. И вотъ эти погостскія власти не годятся для сбора, онѣ только избиратели сборщиковъ. При этомъ маленькіе погосты соединяются въ одинъ. Погосты исчезаютъ, слѣдовательно, въ болѣе крупной единицѣ, въ пятинѣ. Въ XV вѣкѣ деревни тянули сборами къ погосту, а теперь и этого нѣтъ; произошло объединеніе сборовъ на всю пятину. Правительственное значеніе погостовъ, не великое и въ XV вѣкѣ, въ XVI еще болѣе падаетъ. Маленькіе погосты, по 2 и по 3, соединяются въ одинъ для выбора пятиннаго сборщика, а не погостскаго.

Изъ другихъ документовъ мы знаемъ, однако, что правительственное значеніе нѣкоторыхъ погостовъ, въ указанномъ нами смыслѣ, сохраняется еще и въ XVII вѣкѣ. Изъ писцовой книги Обонѣжской пятины, Заонѣжской половины, видно, что деревни Оштинскаго погоста тянутъ къ этому погосту податями и всякими мірскими разметами, и что старосты и цѣловальники погоста раскладываютъ на деревни и выставки эти повинности. Неволинъ, О пятинахъ 107 и сл.

Г. Папковъ съ большой любовью относится къ нашимъ древнимъ погостамъ и надѣляетъ ихъ такими качествами, какихъ они вовсе не имѣли. «Изъ исторіи возникновенія погоста, говоритъ онъ, мы знаемъ о его изстари торгово-промышленномъ значеніи, а потому особенно любопытно выяснить тотъ торговый характеръ погоста, который за нимъ сохранился въ позднѣйшую эпоху, именно съ конца XV по XVII вѣкъ включительно». XI 66. И затѣмъ авторъ приводитъ указаніе на существованіе въ погостахъ торговыхъ помѣщеній и ярмарокъ. Что на погостахъ живали торговые и промышленные люди, что тамъ были ихъ амбары и лавки и устраивались ярмарки, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Но это не составляетъ необходимаго признака погоста. Въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ гораздо чаще встрѣчаются погосты, въ которыхъ не было ни торговыхъ людей, ни торговыхъ помѣщеній, и все населеніе которыхъ состояло изъ 3—4 дворовъ, въ которыхъ жили: попъ, дьякъ, проскурница и церковный сторожъ. Переписная книга второй половины Вотской пятины (Временникъ

особенность. Они начинають описаніе каждаго погоста съ указанія на то, есть въ немъ погостская церковь или нѣтъ. Напримѣръ:

«Погостъ Григорьевскій-Кречневскій. А церковь того погоста владычная, а писана во владычнѣ волости въ семъ же погостѣ».

А вотъ описаніе самаго погоста-мѣста:

«Въ Кречневскомъ же погостѣ деревни владычни. На погостѣ церковь Григорій Богословъ, да на погостѣжъ: дворъ попъ Ермола, дворъ дьякъ церковный Грихно Степанковъ, не пашутъ; а хрестьянъ (слѣдуетъ перечисленіе пяти дворовъ), а дохода владыцѣ сто и 20 яицъ, а изъ хлѣба треть».

Мѣсто, гдѣ находится погостская церковь, и называется въ описяхъ погостомъ и описывается особо со всѣмъ тѣмъ, что «на погостѣ» находится. Эти мѣста-погосты и навели Неволина на мысль о погостѣ, какъ главномъ мѣстѣ округа.

Что такое погостская церковь? Это приходская церковь для всего погоста-округа и при ней кладбище для похоронъ погостскихъ людей. И теперь у народа «погостъ» означаетъ сельскій приходъ и церковь съ кладбищемъ (Даль). Въ погостахъ встрѣчаются еще частныя церкви въ селахъ и даже деревняхъ отдѣльныхъ землевладѣльцевъ; но это ихъ собственныя церкви, онѣ могутъ быть закрыты для публики; хоронить умершихъ около нихъ тоже нельзя безъ дозволенія господина. Эти церкви можно приравнять къ современнымъ домовымъ.

Устройство погостскихъ церквей было чрезвычайно разнообразно. Въ большинствѣ случаевъ онѣ находились на владѣльческихъ земляхъ: бояръ, бояришекъ, владыки, монасты-

XI и XII) описываетъ 20 погостовъ, и только на одномъ изъ 20 жилъ одинъ торговый человѣкъ (въ Никольско-Ижерскомъ); въ остальныхъ никто не жилъ, кромѣ причта, просвирницы и, иногда, сторожа. А тѣмъ не менѣе это были погосты. Итакъ, «торговый характеръ» не есть принадлежность погоста.

рей и церквей (городскихъ). Въ этихъ случаяхъ на томъ же погостѣ, кромѣ домовъ причта, иногда, былъ домъ господина, его людей, крестьянъ, поземщиковъ.

При описаніи волости извѣстнаго намъ И. В. Захарьина-Лятцка прежде всего читаемъ:

«На погостѣ церковь Великій Архангелъ Михаилъ; на погостѣ же дворъ попъ Павелъ, дворъ церковный дьякъ Олферко, сынъ его Ивашко, дворъ пономарь Офонаско, дворъ проскурница Анна, сѣютъ ржи 6 коробей, а сѣна косятъ 40 копенъ, 2 обжи» (II 263).

Здѣсь на погостѣ никого нѣтъ, кромѣ причта. А на погостѣ въ деревняхъ извѣстнаго намъ Зах. Овинова живетъ самъ новый помѣщикъ и его люди, а прежде жили люди Овинова (II 196).

Погостскія церкви строились въ деревняхъ не однихъ богачей, онѣ встрѣчаются и на земляхъ небогатыхъ своеземцевъ. Своеземцу Ивашкѣ Миронникову принадлежало всего четыре деревни, а на его землѣ была погостская церковь, и на томъ же погостѣ, кромѣ дворовъ причта, было два двора его крестьянъ (II 321).

Весьма много погостскихъ церквей встрѣчается на земляхъ владычныхъ и монастырскихъ. На такихъ погостахъ весьма нерѣдко были и дворы владычныхъ и монастырскихъ крестьянъ и не пашенныхъ людей; встрѣчаются тамъ и владычные и монастырскіе дворы [1]).

Встрѣчаются погостскія церкви и на земляхъ общихъ нѣсколькимъ владѣльцамъ. При этомъ также бываютъ на погостахъ господскіе и крестьянскіе дворы кого-либо изъ совладѣльцевъ, а иногда и каждаго изъ нихъ [2]).

Мы не можемъ останавливаться здѣсь на вопросѣ, какъ и чѣмъ обезпечивалось содержаніе погостскихъ церквей и причта. Это выходитъ за предѣлы нашей задачи. Укажемъ только на то, что иногда причту отводились мѣстными

---

1) I 71, 451, 612, 652, 684, 753; II 393, 411, 465, 494, 578.
2) Для примѣра: I 946; II 198, 498.

владѣльцами земли, которыя имъ и воздѣлывались. Очень можетъ быть, что именно такимъ образомъ, то-есть путемъ частнаго пожертвованія, возникли погостскія церкви, о которыхъ писцы говорятъ, что у нихъ пашня на церковной землѣ. Обыкновенно на такихъ погостахъ никто, кромѣ причта, не живетъ [1]). Это указываетъ на то, что эти церковныя земли были не велики и сдавать въ аренду было нечего. Онѣ воздѣлывались руками причта.

Если на погостѣ жилъ самъ владѣлецъ или его ключникъ, то о принадлежащихъ ему деревняхъ говорится, что онѣ тянутъ къ погосту, то-есть тянутъ къ мѣсту жительства господина платежомъ дохода.

Предоставленіе частными владѣльцами своихъ земель подъ устройство церквей и кладбищъ и для помѣщенія причта, а иногда и пахотныхъ для него земель, является дѣломъ усердія; а со стороны владыки и монастырей такое пожертвованіе входитъ даже въ кругъ ихъ христіанскихъ обязанностей по распространенію и поддержанію вѣры. Въ концѣ XV вѣка эта дѣятельность духовныхъ учрежденій и частныхъ лицъ не была, однако, на высотѣ задачи. Встрѣчаются погосты, въ которыхъ не было ни церкви приходской, ни погоста (мѣста). Писцы иногда такъ и пишутъ: «Погостъ Заверяжье. А церкви погостскія нѣту, ни погоста». Въ Вотской пятинѣ такихъ погостовъ безъ погостскихъ церквей — пять на 36 погостовъ. Въ Деревской пятинѣ положеніе дѣлъ было еще хуже. На 54 погоста (мы исключаемъ города и волости) въ 15 не было ни погостской церкви, ни погоста (мѣста) [2]). Не беремъ на себя рѣшать, какъ

---

[1]) Для примѣра: III 414, 569, 637, 680, 712, 726.

[2]) Новогор. писцов. книги не имѣютъ указателей, а потому, для провѣрки нашихъ наблюденій, мы считаемъ не лишнимъ назвать тѣ погосты, въ которыхъ мы не нашли погостскихъ церквей. Въ Деревской пятинѣ погостскихъ церквей нѣтъ въ погостахъ: Посонскомъ, Бологовскомъ, Млевскомъ, Михайловскомъ, Городенскомъ, Великопорожскомъ, Боровицкомъ, Пиросскомъ, Налескомъ, Яжелобицкомъ, Локотскомъ, Островскомъ, Морозовскомъ, Холовскомъ и Новолоцкомъ.

удовлетворялись духовныя потребности населенія въ этихъ случаяхъ. Но ясно, что въ такихъ погостахъ-округахъ вовсе не было «главнаго правительственнаго мѣста округа».

Въ Вотской пятинѣ на Дмитріевскомъ-Городенскомъ погостѣ было двѣ церкви. Въ Деревской пятинѣ, кромѣ погостскихъ церквей, мы встрѣтили еще 15 церквей частныхъ; но распредѣлены онѣ были по погостамъ очень неравномѣрно: въ нѣкоторыхъ погостахъ было по двѣ церкви, и приходская и частная, а въ другихъ ни одной.

Итакъ, ни погостская церковь, ни погостъ-мѣсто не со-

Въ Посонскомъ пог.—погостъ-мѣсто не описывается, но тамъ есть сельцо Погостъ, въ которомъ есть и церковь, въ этомъ селѣ живетъ владѣлецъ. Это, слѣдовательно, частная церковь, а не погостская.

Тоже въ Бологовскомъ погостѣ; тамъ есть сельцо Бологое съ церковью, въ селѣ живетъ владѣлецъ. Думаемъ, что и это частная церковь, а не погостская.

Во пог. Михайловскомъ тоже; тамъ есть сельцо Тимофеевское, въ немъ живетъ владѣлецъ и есть церковь во имя Николы. Это тоже частная церковь, а не погостская.

Въ описаніи Городенскаго пог. упоминаются дворы «у Николы на погостѣ», но этотъ Никольскій погостъ находится въ Вельевскомъ погостѣ, гдѣ и описанъ.

Въ остальныхъ погостахъ нѣтъ никакихъ церквей.

Въ Вотской пятинѣ нѣтъ погостскихъ церквей въ погостахъ: Заверežьѣ, Антоновскомъ, Каргальскомъ, Городенскомъ, въ Ладожскомъ уѣздѣ и Городенскомъ въ Корелѣ.

Два послѣднихъ погоста находились около городовъ Ладоги и Корелы, а потому Неволинъ думаетъ, что приходскія церкви ихъ были въ городахъ. Если это и принять, результатъ остается тотъ же: оба погоста своей церкви не имѣли.

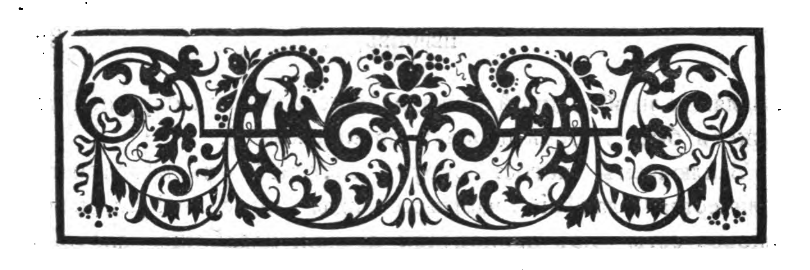
Но мы не имѣемъ всѣхъ описей новогородскихъ пятинъ, а потому кто-нибудь скажетъ: погостскія церкви, которыхъ не оказалось въ дошедшихъ описяхъ, могли находиться въ недошедшихъ. Такого возраженія нельзя сдѣлать потому, что, если церковь погостская находилась гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, писецъ ея не описывалъ, но всегда упоминалъ о ней, напримѣръ: «Погостъ Никольскій съ Городища, а церковь того погоста въ Обонежъской пятинѣ, за Волховымъ, на Городищѣ». Временникъ, XI 107.

ставляютъ необходимой принадлежности погоста-округа. Онъ можетъ быть и безъ церквки приходской [1]).

Заключаемъ: погостъ-округъ состоитъ изъ нѣкотораго количества владѣній частныхъ лицъ, погостъ-мѣсто, если таковое есть,—изъ приходской церкви, кладбища, дворовъ причта, а иногда и изъ нѣсколькихъ дворовъ частныхъ владѣльцевъ и ихъ крестьянъ и поземщиковъ. Ни въ погостѣ-округѣ, ни въ погостѣ-мѣстѣ, во всѣхъ 172-хъ погостахъ, полное описаніе которыхъ мы имѣемъ, не встрѣчается ни одного клочка земли, который до конфискаціи состоялъ бы во владѣніи крестьянской общины.

---

[1]) Г. Папковъ не въ мѣру преувеличиваетъ и церковное значеніе древнихъ погостовъ. «Жители погостовъ, по его мнѣнію, были связаны въ одно живое цѣлое для совмѣстнаго отбыванія церковныхъ и гражданскихъ повинностей». «Погосты въ качествѣ церковно административныхъ округовъ составляли обычное явленіе». «На сколько въ старину твердо было проведено то начало, что храмъ въ главномъ селеніи погоста составлялъ просвѣтительный центръ церковной и общественной жизни всего округа, и что цѣльность прихода должна быть по возможности сохранена...» и т. д. XI 59, 61, 79. Какъ все это могло быть, когда значительное число погостовъ не имѣло ни погоста (мѣста), ни церкви?



ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Хозяйственное пользованіе землями

Новогородскія писцовыя книги конца XV вѣка представляютъ единственный въ своемъ родѣ матеріалъ для изученія боярскаго и крестьянскаго хозяйства. Въ нихъ подробно описано и то и другое, указано, сколько въ каждой деревнѣ высѣвалось хлѣба, сколько косилось сѣна, что крестьяне платили владѣльцу за предоставленную въ ихъ пользованіе землю—деньгами, хлѣбомъ, мясомъ и пр. Встрѣчаются указанія и на количество прислуги свободной и несвободной. Въ писцовыхъ книгахъ позднѣйшаго времени такія свѣдѣнія совершенно отсутствуютъ. Уже въ новогородскихъ книгахъ 1539 года помѣщичій доходъ показанъ только въ итогахъ для цѣлыхъ имѣній, а не по отдѣльнымъ деревнямъ. Въ московскихъ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка помѣщичій доходъ вовсе не показывается, и даже пашня господская не отдѣляется отъ крестьянской. Есть описи, въ которыхъ не только дворы и ихъ населеніе не указано, но и деревни приведены только общимъ числомъ [1]).

---

[1]) И старыя новогородскія книги не всегда одинаково писаны. Встрѣчаются деревни, въ которыхъ доходъ не указанъ, напримѣръ,

Новогородскіе порядки не были хорошо извѣстны въ Москвѣ. Для переселенія въ Новгородъ московскихъ служилыхъ людей оказалось нужнымъ выяснить доходность новогородскихъ деревень. Этимъ и объясняется, можетъ быть, указанная особенность старой новогородской описи.

Мы уже имѣли случай говорить о томъ, что новогородскія писцовыя книги описываютъ новогородское хозяйство, хотя въ моментъ описи въ новогородскихъ деревняхъ жили новые хозяева, москвичи. Что мы имѣемъ дѣло съ новогородскимъ хозяйствомъ, это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Рядомъ съ деревнями новыхъ помѣщиковъ описываются деревни старыхъ своеземцевъ. Эти описи ничѣмъ существеннымъ между собою не различаются, потому, конечно, что новые помѣщики хозяйничаютъ по старому, какъ хозяйничали своеземцы. Старый доходъ, который постоянно указывается въ описяхъ, есть доходъ сведеныхъ въ Москву своеземцевъ; новый—доходъ новыхъ владѣльцевъ, но онъ тотъ же, что и старый, и отличается отъ него лишь нѣкоторыми прибавками и то не всегда. Во множествѣ случаевъ новые владѣльцы живутъ въ тѣхъ же домахъ, гдѣ жили старые, пашутъ ту же землю и получаютъ тотъ же доходъ. Нѣкоторыя новости хозяйства московскихъ людей всегда легко распознать; онѣ будутъ въ своемъ мѣстѣ отмѣчены.

Остановимся прежде всего на размѣрѣ владѣній ново-

въ I т. на ст. 93, 147, 150, 208, 451 доходъ не указанъ въ монастырскихъ деревняхъ, на стр. 612, 652, 684, 756, 781—у владыки, 152—у своеземцевъ. Причины такого различія намъ неясны; это, можетъ быть, описки. Въ примѣръ чрезвычайной краткости московскихъ описей можно указать на списокъ платежной книги Медынскаго уѣзда, I 832. Но московскія описи писались съ разными цѣлями, а потому очень различны по своему содержанію. Въ описяхъ дворцовыхъ и монастырскихъ деревень встрѣчаемъ даже указаніе на господскій доходъ, но очень краткое, въ итогахъ только. Писцовыя книги Рязанскаго края, изданныя подъ редакціей В. Н. Сторожева, также очень кратки, доходы не указываются, помѣщичья земля не отдѣлена отъ крестьянской; есть описи, въ которыхъ дворы и люди не указаны.

городскихъ своеземцевъ. Минимумъ ихъ опредѣляется легко: это одна деревня въ одинъ дворъ и въ двѣ коробьи посѣва ржи, чтó составитъ, при вѣсѣ коробьи въ 7 пудовъ [1]), отъ одной до двухъ десятинъ въ полѣ [2]). Максимальный же размѣръ владѣній не представляется никакой возможности

---

[1]) Въ опредѣленіи вѣса новогородской коробьи мы слѣдуемъ покойному проф. Никитскому: «Къ вопросу о мѣрахъ древней Руси», Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1894 апрѣль. Къ другимъ заключеніямъ пришелъ по этому вопросу проф. Ключевскій, «Русскій рубль», Чтенія 1889 I. Онъ различаетъ новогородскую и московскую четверть. Новогородская четверть XVII вѣка, по его мнѣнію, вѣсила 12 московскихъ пудовъ (14 нынѣшнихъ); старая же новогородская четверть была на половину меньше, она вѣсила, слѣдовательно, 6 пудовъ, а коробья—12. Никитскій подвергаетъ заключенія московскаго профессора тщательному разбору. Мы находимъ его возраженія достаточно убѣдительными. Нельзя, однако, сказать, чтобы всѣ свидѣтельства памятниковъ о древнихъ мѣрахъ были совершенно разъяснены.

[2]) Полагаемъ, что въ періодъ составленія новогородскихъ писцовыхъ книгъ въ Новгородѣ примѣнялась уже трехпольная система хозяйства, хотя, можетъ быть, и не вездѣ. Вотъ наши основанія. Въ 1462 году московскій митрополитъ Ѳеодосій пожаловалъ игумена монастыря святаго Михаила въ Суздалѣ, освободилъ отъ своихъ пошлинъ его пашни и «съ нынѣшнею парениною»: въ половинѣ XV в. въ Суздальской землѣ есть уже паровое поле. Въ судномъ дѣлѣ 1481—1503 года одинъ изъ тяжущихся говоритъ: «У Бисеровскаго села третье поле». А до юрид. б. № 173 I и № 103 II. Въ грамотѣ вел. князя Василія Ивановича отъ 1512 года на Бѣлоозерѣ также говорится о трехъ поляхъ. А. Э. I № 156. Въ московскихъ писцовыхъ книгахъ конца XVI вѣка упоминаніе трехъ полей дѣло весьма обыкновенное. Въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ выраженія «три поля» мы не встрѣтили. Но въ новогородскихъ пятинахъ воздѣлываются озимые и яровые хлѣба. Мѣрою запашки служитъ указаніе на посѣвъ ржи. Въ описаніи каждой деревни говорится, сколько высѣвается ржи и сколько собирается сѣна. Этихъ двухъ данныхъ было совершенно достаточно для опредѣленія платежной способности деревни. За указаніемъ посѣва ржи и числа копенъ сѣна всегда слѣдуетъ опредѣленіе количества обежъ. О количествѣ посѣва ярового хлѣба нигдѣ не говорится. Думаемъ потому, что оно опредѣлялось посѣвомъ ржи, а потому и было извѣстно. При двухъ поляхъ озимомъ и яровомъ, по всей вѣроятности, было и третье, паровое.

опредѣлить. Богатые люди владѣли землями не только въ разныхъ погостахъ, но и въ разныхъ пятинахъ, а мы не имѣемъ описи и половины всѣхъ погостовъ и пятинъ. Ограничимся указаніемъ размѣровъ владѣній 2—3 богатыхъ владѣльцевъ, случайно попавшихъ намъ на глаза [1]).

Квашнинъ Алексѣй владѣлъ сельцомъ и 43 деревнями въ одномъ погостѣ, въ Боровицкомъ уѣздѣ; это была волость его имени. Ржи, господской и крестьянской, высѣвалось на его земляхъ 178 коробей, чтó составитъ на нашу мѣру отъ 103 до 155 десятинъ въ одномъ полѣ.

Купецъ Шалимовъ Степанъ владѣлъ въ трехъ погостахъ, въ уѣздахъ Валдайскомъ и Крестецкомъ, селомъ и 48 деревнями съ посѣвомъ до 280 коробей, что составитъ отъ 163 до 245 десятинъ въ полѣ.

Овиновъ Захаръ владѣлъ въ одномъ мѣстѣ, въ Боровицкомъ уѣздѣ, 49 деревнями съ посѣвомъ 288 коробей, что составитъ почти тоже.

Есиповъ Василій въ трехъ погостахъ, въ уѣздахъ Вышневолоцкомъ и Валдайскомъ, владѣлъ двумя селами и 59 деревнями съ такимъ же посѣвомъ 289 коробей.

Ив. Вас. Захарьичъ-Ляцкъ въ трехъ погостахъ, въ Крестецкомъ уѣздѣ, владѣлъ двумя сельцами и 97 деревнями съ посѣвомъ въ 452 коробьи, что составитъ около 300 десятинъ въ полѣ.

Наконецъ, самымъ богатымъ изъ встрѣтившихся намъ владѣльцевъ является Иванъ Овиновъ, сынъ вышеприведеннаго Захара. Владѣнія его находились въ двухъ пятинахъ, въ уѣздахъ Новогородскомъ, Вышневолоцкомъ, Крестецкомъ и Петербургскомъ, и состояли изъ села и 132 деревень съ высѣвомъ въ Петербургскомъ уѣздѣ—до 2.600 пудовъ, а въ остальныхъ—до 3.500, что составитъ для Петербургскаго уѣзда отъ 216 до 288 десятинъ въ полѣ, а въ остальныхъ

[1]) Новогородскія писцовыя книги до сихъ поръ не имѣютъ указателей. Они представляютъ, такимъ образомъ, очень недостаточно подготовленный для ученыхъ работъ матеріалъ.

отъ 291 до 388, а вмѣстѣ отъ 507 до 676 десятинъ въ одномъ полѣ обработанной земли [1]).

Приведенное количество пахотной земли надо утроить и прибавить къ итогу еще нѣкоторое количество земли на луга, лѣса, выгоны, огороды, и все же мы будемъ далеки отъ дѣйствительныхъ максимальныхъ размѣровъ владѣній новогородскихъ бояръ, ибо они могли имѣть еще столько же въ другихъ пятинахъ, опись которыхъ до насъ не дошла.

Хозяйство во всѣхъ новогородскихъ имѣніяхъ велось по одному общему шаблону. Громадное большинство земель сдавалось въ наемъ крестьянамъ, а рядомъ съ этимъ владѣльцы имѣли и собственное хозяйство. Начнемъ съ послѣдняго.

Каждый владѣлецъ имѣлъ въ одной изъ деревень свой домъ, для жилья, а очень многіе изъ нихъ, если не всѣ, вели и свое особое сельское хозяйство въ этой деревнѣ. Это особое хозяйство было не велико. Въ большинствѣ случаевъ оно ограничивается хозяйствомъ одной деревни, въ которой жилъ самъ хозяинъ и земля которой пахалась на него. На земляхъ извѣстнаго уже намъ своеземца Ивана Куз. Орефина, во всѣхъ деревняхъ, пахалось подъ рожь отъ 50 до 65 дес. Онъ самъ жилъ въ сельцѣ Иванковѣ, гдѣ имѣлъ свой дворъ; кромѣ этого двора въ сельцѣ было еще три двора; въ нихъ жили его люди, которые на него и пахали. Рожью засѣвали они отъ 6 до 8 десятинъ, всего, слѣдовательно, господской запашки въ трехъ поляхъ было отъ 18 до 24 десятинъ. Сѣна косилось на господина 30 копенъ. Вотъ типическій образецъ всѣхъ новогородскихъ господскихъ хозяйствъ. Богатые отъ болѣе бѣдныхъ различаются только тѣмъ, что имѣютъ деревни съ своимъ хозяйствомъ въ разныхъ мѣстахъ, но они очень рѣдко выходятъ изъ типа однодеревенскаго или двороваго хозяйства.

---

[1]) I 78, 100, 321, 333, 577, 604, 814; II 10, 15, 198, 211, 263, 273, 276, 279, 413, 452; III 375, 423, 445, 489, 622, 658, 877; Временникъ, XI 364, 394, 399.

Въ разныхъ мѣстностяхъ у нихъ бываетъ по одной деревнѣ съ своимъ хозяйствомъ. Но встрѣчаются и такіе среди мелкихъ своеземцевъ владѣльцы, которые не считаютъ нужнымъ оставлять за собой цѣлую деревню, а довольствуются ея частью. Въ Сеглинскомъ погостѣ Деревской пятины жили своеземцы братья Ѳомины, Иванъ и Якушъ. Въ ихъ общемъ владѣніи состояло 7 деревень съ посѣвомъ отъ 18 до 23 десятинъ въ полѣ. Младшій братъ, Якушъ, велъ свое хозяйство въ цѣлой деревнѣ съ посѣвомъ отъ 5 до 7 десятинъ въ полѣ; а старшій довольствовался половиною деревни того же размѣра, другую же половину сдавалъ крестьянину, съ котораго получалъ доходъ (I 479).

Намъ встрѣтилась только одна деревня, въ которой жилъ старый владѣлецъ, но своей запашки не имѣлъ. Это Петруша Кипровъ. Онъ жилъ въ сельцѣ Дворищѣ, которое было населено не его людьми, а крестьянами, съ которыхъ онъ получалъ доходъ (I 285). Собственнаго хозяйства, значитъ, у него здѣсь не было. Но, конечно, могло быть въ другомъ мѣстѣ. Въ виду того, что плата зерномъ и другими сельскими продуктами за аренду земли была чрезвычайно распространена, слѣдуетъ, однако, допустить, что могли быть такіе владѣльцы, которые хотя и жили въ деревнѣ, но своего сельскаго хозяйства не вели: они все необходимое могли получать отъ крестьянъ.

Московскіе помѣщики въѣхали въ новогородскія деревни и размѣстились въ домахъ прежнихъ владѣльцевъ. Писцы дошедшихъ до насъ книгъ описываютъ хозяйство именно этихъ новыхъ помѣщиковъ и только упоминаютъ о старыхъ и ихъ прежнемъ доходѣ. Но это старое хозяйство въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ, не успѣло еще очень измѣниться. По размѣрамъ новаго господскаго хозяйства и по его отношенію къ крестьянскому,—оно еще старое, новогородское.

Мы имѣли случай привести владѣнія купца Степана Шалимова. Великій князь взялъ на себя его волость въ Боло-

говскомъ погостѣ. Вотъ описаніе села, въ которомъ жилъ самъ Степанъ:

«Село Медвѣдево: дворъ староста Ѳ. Васковъ, за тѣмъ 5 дворовъ крестьянъ, сѣютъ ржи 10 коробей, а сѣна косятъ 100 копенъ, 8 обежъ. Стараго дохода не было: пахалъ ихъ Степанъ съ братомъ своими людьми на себя».

Съ селомъ Медвѣдевымъ произошла громадная перемѣна. Прежде тутъ было господское хозяйство. Въ селѣ жили самъ Степанъ, его братъ и ихъ люди. Государь свелъ Степана съ братомъ, и они захватили съ собой своихъ людей. Село опустѣло, Великій князь не отдалъ его никому въ помѣстье, а оставилъ за собой, т.-е. предоставилъ въ пользованіе сидѣвшихъ въ деревняхъ Шалимова крестьянъ изъ платежа оброка. На готовыя мѣста немедленно нашлись жильцы: въ домѣ боярскомъ, по всей вѣроятности, помѣстился староста, въ людскихъ дворахъ крестьяне. А размѣръ хозяйства въ селѣ Медвѣдевѣ остался тотъ же: крестьяне пашутъ тѣ же 8 обежъ, которыя прежде пахалъ для себя Степанъ Шалимовъ съ братомъ.

То же надо сказать о селахъ и деревняхъ, перешедшихъ къ помѣщикамъ.

Деревни Артемія Яковлевича Плотцова перешли къ кн. Семену Дмитріевичу Пріимкову. Въ описи читаемъ:

«Село Ильинское, а въ немъ дворъ кн. Семеновъ, а въ немъ самъ живетъ; а людей его—6 дворовъ, на князя сѣютъ ржи 6 коробей, а сѣна косятъ 200 копенъ, 3 обжы. Стараго дохода не было, жилъ въ немъ Артемій Плотцовъ».

Изъ далѣе приведеннаго въ описи итога узнаемъ, что Артемій Плотцовъ пахалъ на себѣ тѣ же три обжи. Размѣръ собственнаго хозяйства и здѣсь не измѣнился (I 358).

Иногда бываютъ и перемѣны, но это особенно въ описи оговаривается. Волость извѣстнаго уже намъ А. В. Квашнина отдана кн. Бор. Сем. Горбатову. Онъ водворился въ сельцѣ, гдѣ жилъ Квашнинъ, и въ его домѣ, а людей своихъ помѣстилъ въ дворахъ, гдѣ жили люди Квашнина. Но

онъ не ограничился его запашкой, а припустилъ къ селу еще двѣ деревни. Тутъ произошло расширеніе хозяйства, слитіе трехъ деревень въ одну. Появленіе новыхъ людей, слѣдовательно, приводило иногда къ нѣкоторому увеличенію господской запашки. Это расширеніе выражалось двояко: во 1-хъ, присоединеніемъ къ господскому селу или деревнѣ одной или двухъ смежныхъ деревень, что носило наименованіе припуска; во-2-хъ, помѣщеніемъ своихъ людей на крестьянскихъ участкахъ въ деревняхъ, которыя до того сдавались крестьянамъ [1]). Но это рѣдкіе случаи. Да и въ этихъ случаяхъ едва ли можно видѣть московскую новость. Новогородскіе бояре, по всей вѣроятности, дѣлали то же. Если оказывалось нужно, они увеличивали свою запашку присоединеніемъ сосѣднихъ деревень; а если крестьянскія деревни пустѣли, они пахали ихъ наѣздомъ или сажали тамъ своихъ людей для пашни на себя. Итакъ, новые помѣщики ведутъ хозяйство по типу новогородскихъ своеземцевъ, къ которымъ и возвращаемся.

Мы сказали, что собственное хозяйство своеземцевъ, бояръ и бояришекъ, вращается, за ничтожными исключеніями, въ предѣлахъ деревни. Они оставляютъ за собой одну, двѣ, много три деревни въ разныхъ мѣстахъ. У Степана Шалимова, при 163—245 десятинахъ запашки въ полѣ, за нимъ оставалось только одно село съ запашкой на него отъ 11 до 17 десятинъ въ полѣ. Василій Есиповъ оставилъ за собой два села и въ каждомъ изъ нихъ имѣлъ по двору, но собственное его хозяйство въ обоихъ селахъ не шло далѣе 15—22 десятинъ въ полѣ. У И. В. Захарьича-Ляцка, при общей запашкѣ, простиравшейся до 300 десятинъ въ полѣ, собственная запашка только вдвое превышала запашку Орефина. Наконецъ, у Ивана Овинова, при общей запашкѣ отъ 500 до 676 десятинъ въ полѣ, собственное хозяйство ограничивалось однимъ селомъ, гдѣ на него пахали отъ 7 до 10 десятинъ.

[1]) I 118, 252, 546, 575; II 25, 31, 57, 211, 248, 558; III 99. Здѣсь и случаи господской пашни наѣздомъ въ опустѣвшихъ деревняхъ.

Нельзя, однако, сказать, что защищаемое нами положеніе, что большинство землевладѣльцевъ, если не всѣ, имѣли свое пахотное хозяйство, такъ и бросается въ глаза при чтеніи писцовыхъ книгъ. Тамъ можно встрѣтить множество волостей, при описаніи которыхъ вовсе не упоминается о собственномъ хозяйствѣ владѣльца. Это объясняется разсыпанностью владѣній отдѣльныхъ лицъ. Имѣнія Есипова описываются на 131, 321, 333 и 814 столбцахъ I т.; его же собственное хозяйство упоминается только въ двухъ мѣстахъ, на 321 и 814 ст.; имѣнія Плотцова Артемія описываются на 339 и 358 ст., а его собственное хозяйство только на 358; имѣнія Доможирова Михаила описываются въ четырехъ мѣстахъ (550, 551, 606, 704), а собственное его хозяйство было только въ одномъ мѣстѣ (606). То же надо сказать и о другихъ владѣльцахъ; а такъ какъ у насъ есть не всѣ описи, то собственнаго хозяйства мы можемъ у многихъ изъ владѣльцевъ и вовсе не отыскать. Но если и можно допустить, что нѣкоторые владѣльцы не имѣли своего пашеннаго хозяйства,—они всѣ имѣли деревенскіе дворы, въ которыхъ и жили. Эти дворы были центромъ управленія и мѣстомъ, гдѣ хранилось зерно и другіе сельскіе продукты, доставляемые крестьянами за аренду земель. На это указываетъ и терминъ «сведеные» бояре и бояришки. Откуда они сведены? Они сведены съ своихъ имѣній, гдѣ жили. Но это, конечно, не значитъ, что они жили тамъ безвыѣздно. Мы уже знаемъ, что нѣкоторые имѣли свои дворы не въ одномъ, а въ двухъ-трехъ мѣстахъ; другіе имѣли городскіе дворы въ Новгородѣ: на Варяжской улицѣ, Иворовой, Нутной, Разважжи, Кузмодемьянской и проч., и въ другихъ городахъ и раздѣляли свое мѣстопребываніе между городомъ и деревней.

Новые владѣльцы, понаѣхавшіе изъ Москвы, повели хозяйство по новогородскому образцу. У каждаго изъ нихъ былъ свой дворъ въ деревнѣ со своимъ хозяйствомъ [1]). Въ

---

[1]) Но и между помѣщиками мы встрѣтили одного, который имѣлъ въ сельцѣ Болоболовѣ свой дворъ, но своего сельскаго хозяйства не

большинствѣ случаевъ это были старые боярскіе дворы, но нѣкоторымъ пришлось обзавестись своими новыми. Это потому, что число новыхъ владѣльцевъ не совпадало съ числомъ старыхъ, и между новыми владѣльцами надо было произвести новое распредѣленіе земель, можетъ быть, болѣе уравнительное. Эти вновь заведенные дворы всегда легко узнать. При ихъ описаніи не упоминается о томъ, что прежде тамъ жилъ старый владѣлецъ, и что дохода съ деревни ему не шло, а на оборотъ, указывается доходъ, который онъ получалъ; деревня, слѣдовательно, прежде была отдаваема крестьянамъ въ немъ.

Переходимъ къ вопросу о томъ, какими средствами велось собственное хозяйство старинныхъ бояръ и бояришекъ. Въ писцовыхъ книгахъ есть совершенно ясныя указанія на то, что старое хозяйство велось руками холоповъ. Въ описяхъ нерѣдко говорится, что въ деревнѣ, гдѣ теперь живетъ помѣщикъ, прежде жилъ такой-то «со своими людьми». «Свои люди» это холопы. О купцѣ Шалимовѣ написано: «стараго дохода не было: пахалъ 8 обежъ своими людьми на себя». Старый доходъ идетъ съ крестьянъ, въ этомъ же селѣ крестьянъ не было, земля обработывалась на господина его людьми. То же сказано о деревнѣ Кузьмы Космынина, отданной Ивашкѣ Кудрину: «жилъ въ ней Куземка со своими людьми». Также жилъ въ своей деревнѣ со своими людьми Ѳедоръ Селезневъ, Дмитрій Плотцовъ и другіе (I 241, 799, 867). Въ этомъ же смыслѣ надо понимать и болѣе краткія выраженія писцовъ: «стараго дохода не было, былъ изъ старины дворъ боярскій», или: «стараго дохода не было, жилъ самъ такой-то». Эти выраженія имѣютъ тотъ же смыслъ: земля въ наймы не отдавалась, крестьянъ въ деревнѣ не было, тамъ жилъ владѣлецъ со своими людьми, хотя, можетъ быть, своей запашки и не имѣлъ.

велъ. I, 346. Это тоже рѣдкій случай. Трудно понять, какъ нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что «особеннаго хозяйства не было у помѣщиковъ». См. объ этомъ П. А. Соколовскаго, Очеркъ исторіи сельск. общины, 33.

Спрашивается, работали ли крестьяне на господскихъ запашкахъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ не легко, потому что писцамъ не было случая говорить объ этомъ. Но при описанiи хозяйства новыхъ помѣщиковъ, чѣмъ они, собственно, и заняты, имъ приходится указывать и на крестьянскiя работы. Изъ описанiя этого новаго хозяйства видно, что помѣщики обработываютъ свои запашки тоже холопами, какъ дѣлали новогородцы [1]), но что встрѣчается и крестьянская барщина, хотя довольно рѣдко и въ небольшихъ размѣрахъ. Напримѣръ:

«Селцо Гарусово, а въ немъ дворъ Андреевъ (помѣщикъ), а въ немъ живетъ самъ; а христьянъ 3 двора, сѣютъ ржи на Андрея съ сыномъ 8 кор.; сѣютъ ржи на себя 3 кор.; стараго дохода гривна.., а новаго дохода 5 денегъ...» [2]).

Здѣсь есть барщина на помѣщика. Но была ли барщина на сведенаго боярина? Надо думать, что нѣтъ. Онъ самъ въ этомъ сельцѣ не жилъ и получалъ съ него доходъ. Оно сдавалось, значитъ, крестьянамъ. Новый владѣлецъ поселился самъ и завелъ свое хозяйство, къ которому привлекъ 3 двора крестьянъ, такъ какъ своихъ людей у него не было. Но за это ему пришлось уменьшить денежный оброкъ съ гривны до 5 денегъ.

Итакъ, у новыхъ помѣщиковъ встрѣчается барщина. Къ ней обыкновенно привлекаются крестьяне той деревни или сельца, гдѣ живетъ владѣлецъ. Встрѣтили мы одинъ случай привлеченiя къ барщинѣ и цѣлой волости. Вотъ этотъ случай.

«Селцо Великой Дворъ на озерѣ на Коломнѣ. Дворъ самъ Ивашко Трубицынъ (помѣщикъ) съ братiею, дворъ ихъ же человѣкъ Никонецъ, сѣютъ ржи 13 коробей..., а пашутъ на нихъ то село волостью; а дохода съ него не было: изъ старины былъ дворъ боярской» (I 78).

---

[1]) I стол. 27, 56, 88, 107, 118, 131, 191, 252, 263, 265, 285 и пр.
[2]) I 18, еще такiя же свидѣтельства: 52, 138; IV, 113, 120.

Въ этомъ селѣ земля никогда не отдавалась въ аренду, тамъ всегда жилъ бояринъ, а потому дохода съ нея не было. Если была господская запашка, то она производилась холопскимъ трудомъ. А, можетъ быть, и прежній владѣлецъ привлекалъ цѣлую волость къ обработкѣ своей запашки? На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать отрицательно. Это вещь возможная.

Но вотъ случай, въ которомъ барщина при сведеныхъ боярахъ выступаетъ совершенно ясно.

«Въ деревнѣ въ Налцехъ, въ вопчей, на дву жеребьяхъ, на Гридинскомъ да на Матвѣевскомъ, Ивановыхъ дѣтей Налесскихъ (сведеные бояре): дворъ самъ Петрушка (помѣщикъ), а хрестьянъ — 2 двора, сѣютъ ржи на Петрушку 9 коробей, на себя 8 коробей; стараго дохода не было, а жили сами Гридко да Матвѣйко; а дохода нынѣ съ хрестьянъ гривна денегъ...» (I 523).

Доходъ на крестьянъ положенъ нынѣ только; эти крестьяне, значитъ, и прежде тутъ жили, но дохода не давали. Надо думать, что они несли одну барщину за арендуемую ими землю, а новый владѣлецъ обложилъ ихъ еще и доходомъ. Другой такой случай встрѣчаемъ въ «Ѳеклинской деревнѣ, Ивановской жены Маркова»; тамъ тоже, по всей вѣроятности, была барщина, такъ какъ при прежней владѣлицѣ въ ея деревнѣ жили крестьяне, а дохода ей не давали [1]).

---

[1]) I 507—509. Въ III т. на стр. 31 встрѣчаемъ одно сомнительное свидѣтельство: «Деревня Горки вопче (вел. князю) съ Вежытцкимъ монастыремъ, на великаго князя половинѣ: дворъ, въ большомъ Давыдовскомъ Митя Ильинъ (крестьянинъ)...; а стараго дохода не шло: пахали на Давыда; а новаго доходу давали оброкомъ»... Здѣсь дѣло идетъ объ общей деревнѣ Давыда Нерадова съ монастыремъ, отобранной на великаго князя. Стараго дохода не было, пахали на Давыда. Но кто пахалъ? Судя по описи, крестьянинъ Митя Ильинъ и др. Митя Ильинъ живетъ въ большомъ дворѣ прежняго помѣщика. Это новый жилецъ. Прежде тамъ, конечно, жилъ самъ Давыдъ съ своими людьми, и на него пахали, конечно, его люди, а потому и дохода не было. Писецъ очень сократилъ свою опись, а вслѣдствіе этого и вышла неясность.

Итакъ, можно думать, что барщина на помѣщиковъ не есть новость. Была барщина и у новогородцевъ, но очень не большая. Большой и не могло быть въ виду незначительности господской запашки.

Новые люди, такимъ образомъ, чрезвычайно легко вошли въ новогородскіе порядки. Но можно ли утверждать, что эти порядки были для нихъ совершенно новые, что въ московскихъ земляхъ въ концѣ XV вѣка сельское хозяйство строилось совсѣмъ по другому образцу? Московскихъ писцовыхъ книгъ конца XV вѣка мы не имѣемъ. Книги же XVI вѣка чрезвычайно скудны хозяйственными свѣдѣніями. Но кой гдѣ и въ нихъ можно найти указанія, совершенно переносящія насъ въ новогородскій бытъ. Въ описи волости Захожья (въ Тверскомъ уѣздѣ) читаемъ:

«За Андреемъ да за Иваномъ да за Михайломъ за Васильевыми дѣтми Ломакова село Лукьяновское, а въ немъ дворъ боярской пустъ, а людей Ломаковыхъ 5 дворовъ, пашни въ полѣ 52 чети... Къ тому же селу деревни: деревня Бортниково, во дворѣ самъ Андрей, во дворѣ люди его, пашни... Деревня Осиникъ, во дворѣ самъ Иванъ Ломаковъ, во дворѣ его люди, пашни...» За тѣмъ идетъ 14 деревень, въ которыхъ живутъ крестьяне, а не люди, а потомъ: «Деревня Станищо, во дворѣ самъ Михайло, во дворѣ люди его, пашни...» Въ концѣ еще четыре деревни съ крестьянами.

Это совершенно то же, что и въ Новгородѣ: господское хозяйство ограничивается отдѣльными деревнями. У каждаго владѣльца по деревнѣ, населенной его людьми (у Михайлы— двѣ), эти люди и пашутъ на своихъ господъ съ прибавкой, можетъ быть, крестьянскаго труда. Въ остальныхъ деревняхъ крестьяне. Доходъ съ нихъ не указанъ. Но весьма вѣроятно,

---

Но въ итогѣ онъ поправился. Тамъ сказано: «А съ 4 обежъ доходъ не шолъ, пахали на стараго боярина да и его люди». Проф. И. Д. Бѣляевъ, издавшій вторую половину описи Вотской пятины, говоритъ: «почти во всей книгѣ нѣтъ образцовъ, чтобы крестьяне воздѣлывали землю на владѣльца». Временникъ, XI 79. Свидѣтельствъ, дѣйствительно, немного, но воздѣлываніе надо допустить.

что они пашутъ на себя и даютъ Ломаковымъ доходъ, какъ и въ Новгородѣ, а, можетъ быть, и помогаютъ ихъ людямъ въ работѣ (I 41—42). Новогородскіе порядки не составляли новости для московскихъ людей. Весьма вѣроятно, что это были общіе порядки для всей русской земли и удержались и послѣ паденія Новагорода.

Итакъ, древнѣйшее собственное сельское хозяйство богатыхъ людей, о которомъ мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, было незначительно и велось, главнымъ образомъ, невольнымъ трудомъ.

Переходимъ къ обзору хозяйства путемъ сдачи земель въ наймы. Здѣсь надо различать два случая: 1) сдачу крестьянамъ пашенныхъ участковъ и 2) сдачу отдѣльныхъ мѣстъ только подъ дворы безъ пашенныхъ земель.

Сдача въ наймы крестьянамъ деревень (или ихъ частей) составляла главный способъ эксплуатаціи новогородскихъ поземельныхъ владѣній. Для собственной обработки владѣльцы удерживали одну, много двѣ, три деревни, все остальное сдавалось крестьянамъ. Эта сдача происходила непосредственно отъ землевладѣльца въ руки крестьянъ-работниковъ. Не имѣемъ ни малѣйшихъ указаній на существованіе какихъ либо крупныхъ съемщиковъ, которые играли бы роль посредниковъ между собственниками и крестьянами. Каждый крестьянинъ бралъ у землевладѣльца столько земли, сколько ему было нужно, и заключалъ съ нимъ порядную. До насъ не дошло ни одной порядной времени древнѣйшихъ новогородскихъ писцовыхъ книгъ. Но порядныя XVI вѣка пишутся и на цѣлую деревню, и на ея части. Полагаемъ, то же было и ранѣе. Поэтому деревня не представляла непремѣнно одно цѣлое крестьянское хозяйство. Но, конечно, были деревни, въ которыхъ велось одно общее хозяйство, несмотря на то, что тамъ былъ не одинъ, а нѣсколько дворовъ. Таковы деревни, въ которыхъ сидѣли крестьяне-родственники или и посторонніе лица, но снявшія деревню вмѣстѣ, для общаго хозяйства. Деревни, въ которыхъ сидѣли крестьяне-родственники, можно думать, составляли боль-

шинство тогдашнихъ небольшихъ деревень. Для крестьянъ-родственниковъ весьма можно допустить, если и не всегда, то въ значительномъ числѣ случаевъ, общее хозяйство, особенно въ небольшихъ деревняхъ, въ два, три двора, а такихъ большинство.

Но и крестьяне-родственники далеко не всегда вели общее хозяйство. Интересный примѣръ отдѣльнаго хозяйства однодеревенцевъ крестьянъ-родственниковъ даетъ опись Вотской пятины. Въ погостѣ Климецкомъ-Тесовскомъ описана деревня Веряжкино. Она принадлежала двумъ фамиліямъ, Кречетниковымъ и Веряжскимъ. Кречетниковы были представлены тремя семьями: родными братьями Гаврилкой да Минкой Кузмиными, да Матюхомъ Ивановымъ, вѣроятно, двоюроднымъ ихъ братомъ, тоже Кречетниковымъ. Фамилія Веряжскихъ была представлена шестью семьями: Андрейкой Ивашкинымъ, Алексѣйкой Прокоповымъ, Тимохой, Ѳедкой и Минеи Матюшкиными да Дмитрохомъ Перфуровымъ, все Веряжскіе. Это рѣдкій случай, гдѣ кромѣ личныхъ именъ и отечества писецъ привелъ и фамилію. Всѣ трое Кречетниковыхъ, конечно, родственники; тоже и Веряжскіе, среди нихъ есть три родныхъ брата—Матюшкины, всѣ остальные, по всей вѣроятности, двоюродные. Деревня — Веряжкино носитъ фамильное наименованіе Веряжскихъ. Ее устроилъ, надо думать, предокъ теперешнихъ владѣльцевъ, можетъ быть, ихъ дѣдъ, по его имени она и названа. Кречетниковъ, дѣдъ настоящихъ владѣльцевъ, по всей вѣроятности, былъ его товарищъ. Девять поименованныхъ владѣльцевъ—сидятъ на своей землѣ, они своеземцы, но они сами пашутъ, а потому они тѣ же крестьяне. Вотъ почему порядокъ ихъ владѣнія можетъ бросить свѣтъ и вообще на крестьянское деревенское владѣніе.

Какъ же владѣли эти родственники, сидя въ одной и той же деревнѣ? Каждый изъ нихъ имѣлъ свой дворъ, и потому въ деревнѣ было 9 дворовъ. Это большая деревня. Каждый изъ родственниковъ, за исключеніемъ двухъ, велъ свое особое пашенное хозяйство. Это видно изъ того, что

каждый дворъ положенъ въ обжи отдѣльно отъ другихъ, кромѣ Ѳедки да Минки: у нихъ особые дворы, но оба положены вмѣстѣ въ одну обжу. Они, по всей вѣроятности, ведутъ общее хозяйство; всѣ другіе разное и различное по величинѣ: Матюкъ и Дмитрохъ сидятъ на одной обжѣ каждый, Андрейко и Алексѣйко на полуторѣ каждый. Тимоха, Гаврилка и Минка на двухъ каждый (III 78). Ясно, что и родственники, живя въ одной деревнѣ, могутъ вести разное хозяйство; тѣмъ скорѣе посторонніе люди. Итакъ, старая деревня не представляетъ непремѣнно общаго хозяйства, хотя таковое и можно допустить и, можетъ быть, во многихъ даже случаяхъ.

Приведемъ еще случай отдѣльнаго крестьянскаго хозяйства дворовъ одной и той же деревни. На землѣ своеземца Ѳомки, Иванова сына Микулина, было три крестьянскихъ двора, они были положены въ двѣ обжи, но господскій доходъ каждая обжа платила отдѣльно и разный (I. 810). Ясно, три двора не составляли одного хозяйства. Надо думать, что одну обжу составлялъ одинъ дворъ, а другую — два. Эти послѣдніе вели общее хозяйство, но отдѣльное отъ перваго двора.

Эта новогородская старина живетъ и въ XVII вѣкѣ. На крайнемъ сѣверѣ конфискованныя у новогородцевъ земли не были розданы въ помѣстья, а остались за крестьянами. Изъ хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи писцовыхъ книгъ по Кевровьскому уѣзду видно, что крестьяне владѣютъ своими участками «по дѣловымъ актамъ» съ братьей своей, что они продаютъ, закладываютъ и даже завѣщаютъ свои участки. Сыновья, по смерти отца, дѣлятъ свои участки и составляютъ особыя «дѣловыя» записи, по которымъ и владѣютъ. Это, конечно, исключаетъ общее хозяйство даже такихъ близкихъ родственниковъ, какъ родные братья. Но гдѣ такого раздѣла не сдѣлано, тамъ можетъ быть общее хозяйство [1]).

---

[1]) Беремъ эти свѣдѣнія изъ статьи г. Иванова «Къ исторіи крестьян-

Для пополненія картины древняго землевладѣнія прибавимъ еще одну подробность. Минка Кречетниковъ, обрабатывавшій своими руками наслѣдственный участокъ въ двѣ обжи въ деревнѣ Веряжкино, имѣлъ въ томъ же погостѣ деревню Гривско въ одинъ дворъ съ посѣвомъ въ четыре коробьи, которую и отдавалъ въ аренду крестьянину Тарасову (III 77). У Тимохи Веряжскаго, кромѣ наслѣдственной доли въ деревнѣ Веряжкино, была еще доля въ деревнѣ Куболѣ, которую онъ тоже сдавалъ въ аренду. Крестьяне, какъ и бояре, сдаютъ свои земли въ наймы; крестьянское землевладѣніе отличается отъ боярскаго только размѣрами. Крестьяне, какъ и бояре, могутъ имѣть поземельную собственность; какъ и бояре, они завѣщаютъ ее, дѣлятъ, продаютъ и т. д. Это ихъ личная собственность.

Несмотря на то, что жители деревни могли вести и отдѣльное и общее хозяйство, посѣвъ ржи и доходъ въ деревняхъ, обкновенно, показывается для всей деревни вмѣстѣ, а не порознь для каждаго отдѣльнаго хозяйства. Надо думать, что это дѣлается въ удобствахъ писцовъ, для облегченія ихъ труда, а не потому, чтобы каждая деревня, сколько бы дворовъ въ ней ни было, непремѣнно имѣла общую запашку.

Показаніе посѣва ржи и дохода особо для каждаго

скаго землевладѣнія на сѣверѣ въ XVII вѣкѣ, помѣщенной въ Трудахъ Археолог. ком. Имп. моск. арх. общества. Т. I вып. III 414. Почтенный авторъ изъ приводимыхъ имъ свѣдѣній дѣлаетъ такой выводъ: «Субъектомъ, основаніемъ владѣнія котораго служили старина, писцовыя книги и крѣпости, былъ дворъ, подъ которымъ понимался не одинъ только наличный составъ живущихъ въ немъ семей и товарищей, а рядъ преемственно связанныхъ поколѣній родственниковъ». Нельзя сказать, чтобы этотъ выводъ хорошо согласовался съ приводимыми авторомъ данными. Если братья могутъ дѣлиться и продавать свои участки постороннимъ лицамъ, то при чемъ же тутъ «рядъ преемственно связанныхъ поколѣній родственниковъ»? Несмотря на совершенную неожиданность выводовъ и полное ихъ несоотвѣтствіе съ документами, авторъ имѣетъ уже послѣдователей. См. объ этомъ «Обзоръ исторіи рус. права» проф. Владимірскаго-Буданова, 556.

двора чрезвычайно осложняло бы дѣло писца. По всей вѣроятности, крестьяне каждой деревни говорили ему уже въ готовыхъ итогахъ числю дворовъ и людей, свой посѣвъ, доходъ помѣщика и число обежъ, онъ это и записывалъ. Для его цѣли бóльшія подробности и не были нужны. Надо было указать доходъ стараго владѣльца, а это достаточно опредѣлялось итогомъ дохода съ деревни. Въ московскихъ писцовыхъ книгахъ и этого не писали. Вышеприведенный случай деревни Веряжкино и Ѳомки Иванова, гдѣ обжи показаны не для всей деревни, а для каждаго двора, очень рѣдкій. Но посѣвъ ржи и для этихъ деревень показанъ въ общихъ итогахъ, хотя отдѣльные дворы имѣютъ разный посѣвъ, а потому и положены въ разное число обежъ. Только въ общихъ деревняхъ, т.-е. деревняхъ, принадлежавшихъ разнымъ собственникамъ, крестьянское хозяйство описывается по отдѣльнымъ дворамъ, а не въ итогахъ для цѣлой деревни. Крестьяне разныхъ владѣльцевъ, хотя бы жили и въ одной деревнѣ, никогда не ведутъ общаго хозяйства. Такихъ примѣровъ множество.

Иногда, но очень рѣдко, посѣвъ и доходъ указывается не для одной, а для двухъ и даже трехъ деревень. Думаемъ, что и это есть дѣло удобства писца, а не свидѣтельство объ общемъ хозяйствѣ двухъ или трехъ деревень. Когда нѣсколько деревень составляютъ одно хозяйство, тогда писцы говорятъ: такая-то деревня припущена въ поле къ такой-то. Такое соединенiе деревень встрѣчается, какъ мы видѣли, въ господскомъ хозяйствѣ, но могло быть и въ крестьянскомъ. Въ хозяйствѣ крестьянъ мы дѣйствительно замѣтили одинъ такой случай (I 509). Онъ произошелъ съ согласiя помѣщика и является увеличенiемъ количества арендуемой крестьянами земли.

Итакъ, въ этомъ пунктѣ новогородскiя писцовыя книги не вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Они показываютъ въ общемъ итогѣ посѣвъ и доходъ и для такихъ деревень, дворы которыхъ вели разное хозяйство и вносили разные платежи въ пользу владѣльца земли.

Съ этою оговоркою переходимъ къ описанію отношеній съемщиковъ пахатныхъ участковъ къ землевладѣльцамъ. Оно будетъ сдѣлано не по отдѣльнымъ крестьянскимъ хозяйствамъ, а по цѣлымъ деревнямъ, которыя, однако, во многихъ случаяхъ представляютъ не разныя, а одно хозяйство [1]).

По количеству снимаемой земли деревни представляютъ очень разныя величины даже въ одной и той же мѣстности и у одного и того же владѣльца. Рядомъ стоятъ деревни, высѣвающія 14 и 77 пудовъ ржи, 21 и 119; есть деревни съ посѣвомъ до 280 пудовъ. Даже деревни, имѣющія одно и то жо число дворовъ, обрабатываютъ разное количество земли. Деревня съ однимъ дворомъ высѣваетъ то 7 пудовъ, то 14, 27, 56 и даже 84. Землевладѣніе одного крестьянскаго двора превышаетъ владѣніе другого отъ 2-хъ до 14-ти разъ.

И такая разница встрѣчается въ одной и той же волости, т.-е. въ одномъ мѣстѣ и у одного владѣльца [2]). Въ виду вольнаго найма земель отдѣльными земледѣльцами эти различія совершенно понятны: каждый бралъ, что ему нужно.

Какъ различна мѣра снимаемыхъ крестьянами участковъ, такъ различна и наемная за нихъ плата. Эта плата носитъ

---

[1]) Архимандритъ Сергій (Тихомировъ) въ чрезвычайно детальномъ изслѣдованіи Новогородскаго уѣзда въ предѣлахъ Вотской пятины по писцовой книгѣ 1500 г. дѣлаетъ подсчетъ дворовъ, приходящихся на одну деревню. Изъ 1073 селеній, оказавшихся въ этой части пятины, до 280 селеній имѣли только по 1 двору. до 300—по 2, до 150—по 3. Итакъ, до 730 деревень изъ 1073 состояли изъ 1, 2, рѣдко 3-хъ дворовъ. Надо думать, что во многихъ случаяхъ это дворы родственниковъ, отца съ сыновьями и родными братьями; надо думать, что весьма часто они ведутъ общее хозяйство; а слѣдовательно во многихъ случаяхъ опись писца совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Изслѣдованіе арх. Сергія напечатано въ Чтеніяхъ за 1899 г.

[2]) Такія разнообразныя данныя читатель легко можетъ найти въ новг. писц. книгахъ. Лишь для примѣра крайностей указываемъ: I 63 волость Щилова монастыря; III 39 волость, что была за владыкою, 113 волость Настасьи Григорьевой, 157 волость Якова Коробова, 329 волость Александра Самсонова.

наименованіе «дохода». Книги различаютъ старый доходъ и новый. Старый доходъ—есть доходъ прежнихъ владѣльцевъ, сведеныхъ бояръ и бояришекъ. Что старый доходъ есть доходъ сведеныхъ бояръ это слѣдуетъ изъ приведеннаго выше выраженія: «а стараго дохода не было, пахали на Степана»; а иногда такъ прямо и говорится: «а стараго дохода шло Ивану Петрову три барана» и т. д., а этотъ Иванъ Петровъ и есть сведеный бояришекъ, Чашниковъ [1]). Новый доходъ—есть доходъ въ моментъ описи.

Надо различать два вида господскаго дохода: обыкновенный и чрезвычайный. Сперва о первомъ.

Начнемъ съ обозначенія тѣхъ предметовъ, которыми взимался доходъ обыкновенный. Онъ взимался: 1) деньгами, 2) хлѣбомъ и 3) разными другими предметами крестьянскаго хозяйства, которымъ усвояется наименованіе «мелкаго дохода».

Денежный доходъ опредѣлялся въ новогородской валютѣ. Писцовыя книги знаютъ—денгу. Это серебряная монета вѣсомъ въ 18 долей. Четырнадцать такихъ денегъ составляютъ гривну; 210—рубль. Кромѣ денегъ, гривенъ и рублей, новогородскимъ писцовымъ книгамъ извѣстны еще: полъ денги и четверецы [2]).

Въ доходъ хлѣбомъ шла часть урожая всѣхъ воздѣлываемыхъ въ мѣстности сортовъ хлѣба. Писцовыя книги говорятъ о доходѣ рожью, овсомъ, пшеницею, ячменемъ, горохомъ, коноплей. Мѣра этого дохода опредѣлялась различно. Во 1-хъ, нѣкоторымъ количествомъ зерна, опредѣляемымъ въ существовавшихъ тогда мѣрахъ сыпучихъ тѣлъ. Въ Новгородѣ въ это время были въ ходу слѣдующія мѣры: коробья (полъ кади или окова), которую можно считать въ 7 пу-

---

[1]) III 23. Въ I т. на ст. 322 старымъ доходомъ, кажется, названъ доходъ, установленный помѣщикомъ, но не настоящимъ, а его предшественникомъ, переведеннымъ на другое мѣсто.

[2]) Писцы дѣлаютъ иногда ошибки въ итогахъ, какъ деревень, дворовъ и обежъ, такъ и денегъ, а потому у нихъ не всегда приходится на рубль 210 денегъ.

довъ вѣса для ржи, полъ коробьи (четверть кади) и четверка коробьи или четка (осмина кади). Такой хлѣбъ носитъ наименованіе «поспнаго» хлѣба, а способъ его уплаты— «поспомъ»: «а хлѣба поспомъ 5 коробей ржи», т.-е. насыпомъ зерна.

Въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ встрѣчаемъ такія цѣны зерна: коробья ржи—10 денегъ, овса—5, ячменя—7, пшеницы и хмѣлю—1 гривна (III 84, 346). Эти цѣны указаны на случай замѣны деньгами дохода «поспомъ», а потому ихъ можно считать нормальными. Коробья гороху и коробья конопли (вмѣстѣ) цѣнились въ 2 гривны 4 деньги (I 11).

Другой способъ дохода хлѣбомъ состоялъ въ предоставленіи землевладѣльцу извѣстной части урожая. Эта часть опредѣлялась различно, самую малую мѣру составляла пятина (1/5), затѣмъ шла: 1/4 1/3 и, наконецъ, 1/2, половье. При этомъ, надо думать, часть урожая уплачивалась не зерномъ, а снопами, которые отсчитывались на полѣ, до своза во дворъ. Въ крестьянскихъ порядныхъ XVII вѣка встрѣчаемъ особое условіе:

«Во всякомъ хлѣбѣ давати пятый снопъ, а къ выдѣлу и къ замолоту мнѣ его, помѣщика, звать, а до выдѣлу ни какова хлѣба не свозить» [1]).

Это превосходная иллюстрація новогородскихъ порядковъ конца XV вѣка.

Мелкій доходъ слагался изъ всѣхъ остальныхъ предметовъ крестьянскаго хозяйства въ самомъ широкомъ смыслѣ слова; сюда входило и ткачество, и рыболовство, и охота, и другіе промыслы. Среди предметовъ мелкаго дохода встрѣчаемъ: печеный хлѣбъ—ковригами, масло—ковшами, медъ,

---

[1]) Дьяконовъ, Акты I № 15, 29, 32; 1629—1644. Въ послѣднемъ документѣ крестянинъ обязывается церковный пятинный хлѣбъ обмолотить прежде своего. Можетъ быть, и въ старину молотьба лежала на крестьянахъ. Это весьма вѣроятно.

сыръ, мясо—говяжье—окороками и лопатками, бараны—цѣликомъ и частями, части свинины, куры—цѣликомъ и половинами, яйца—десятками, отъ одного до 12, пиво—бочками, овчины—цѣлыя и половины, пряжа, полотно, топоры, косы, сошники, сковороды, дрова и лучина—возами, сѣно, ленъ—пятками, а пятокъ составлялся изъ пяти горстей, хмель—коробьями, солодъ, рыба, тетерева и зайцы. Нѣкоторые изъ предметовъ мелкаго дохода встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Тетеревовъ и зайцевъ мы видѣли только одинъ разъ (II 199). Доходъ топорами, косами, сошниками и другими издѣліями изъ желѣза взимался только тамъ, гдѣ была добыча желѣзной руды, и съ крестьянъ, занимавшихся ея разработкой и выдѣлкой. Въ писцовыхъ книгахъ они называются кузнецами. Разработкой желѣзной руды тогда занимались въ погостахъ Вотской пятины: по верховьямъ Невы, по рѣкѣ Назьѣ, впадающей съ юга въ Ладожское озеро, по Финскому заливу, въ предѣлахъ Ямбургскаго уѣзда, и по рѣкѣ Талдогѣ, впадающей въ рѣку Суму. Пряжа и полотно принадлежатъ также къ очень рѣдкимъ предметамъ дохода. Чаще всего встрѣчаются: сыръ, масло, бараны, овчины, куры, яйца, ленъ.

Для предметовъ мелкаго дохода мы нашли въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ такія цѣны: баранъ—4 деньги, пятокъ льну—5 денегъ, копна сѣна—1 $^1/_2$ деньги, бочка пива—1 гривна, калачъ—1 деньга, хлѣбъ—$^1/_2$ деньги, лопатка баранья—$^1/_2$ деньги, 100 яицъ—3 деньги, полоть мяса—7 денегъ [1]).

Переходимъ къ вопросу о томъ, чѣмъ опредѣлялась наемная плата и какъ она была велика для отдѣльныхъ деревень Плата отдѣльныхъ деревень имѣетъ крайне индивидуальный характеръ. Она бываетъ различна при однихъ и тѣхъ же

---

[1]) I 11, II 736, III 167, 306, 346. Въ нов. II 736 встрѣчаемъ нѣкоторыя различія: баранъ оцѣненъ въ 7 денегъ, возъ сѣна тоже въ 7 денегъ. Это, вѣроятно, описка. Сыръ по Онежской грам. 1536 года стоилъ—1 деньгу.

условіяхъ. Число дворовъ въ деревнѣ на размѣръ платы, кажется, не имѣло никакого вліянія. Но можно замѣтить связь между размѣромъ платы и размѣромъ деревенскаго хозяйства, которое было тѣмъ зажиточнѣе, чѣмъ было больше количество высѣваемаго хлѣба. Плата, обыкновенно, возрастаетъ съ возрастаніемъ количества высѣваемаго хлѣба. Это очень понятно. Но и здѣсь встрѣчаются уклоненія, которыя мы объяснимъ ниже. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

Мы выше перечислили виды крестьянскихъ повинностей. Въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаются то всѣ виды, то только нѣкоторые изъ нихъ. Есть деревни, которыя платятъ и деньги, и посопный хлѣбъ, и часть урожая, и мелкій доходъ. Въ другихъ—отпадаетъ то часть урожая, то посопный хлѣбъ, то деньги, то мелкій доходъ. Есть деревни, которыя платятъ только долю урожая и мелкій доходъ. Иногда весь доходъ господина ограничивается одной долей урожая, это встрѣчается при половьи; но и это не общее правило, ибо и половники, иногда, платятъ и деньги и мелкій доходъ, а иногда и посопный хлѣбъ и мелкій доходъ. Наконецъ, нѣкоторыя деревни обложены только деньгами [1]).

Размѣръ платы при одномъ и томъ же числѣ обежъ, дворовъ и количествѣ высѣваемыхъ коробей ржи—нерѣдко былъ неодинаковъ, и не только въ разныхъ мѣстностяхъ, но въ одной и той же мѣстности и даже въ одной и той же волости, т.-е. у того же владѣльца. Для примѣра возьмемъ деревни въ 1 обжу, въ 1 дворъ и въ 3 коробьи посѣва и ограничимся тремя погостами Вышневолоцкаго уѣзда.

У Никиты Бабкина крестьянинъ съ такой деревни платилъ 4 деньги, четку ржи и четку овса; переведя все на деньги, получимъ—8 денегъ. Никифоръ Хмелевъ за то же

---

[1]) Доказательства можно найти чуть не на каждомъ столбцѣ писцовыхъ книгъ. Приведемъ только болѣе рѣдкіе случаи. Доля урожая и поспъ съ другими видами I 62, II 74, 357. Одни деньги—I 13, II 68, III 313, 329. Половники только половье—I 508, II 34, 37, III 83, 156, 166; половники—деньги и мелкій доходъ III 10; они же посопный хлѣбъ и мелкій доходъ III 183, 213.

получалъ: 7 денегъ, изъ хлѣба пятину, четку ржи, четку овса, солодъ, $^1/_2$ барана, лопатку баранью, курицу, сыръ, $^1/_2$ овчины, $3^1/_2$ горсти льну. Денегъ будетъ 17 да кромѣ того $^1/_5$ урожая, курица и $^1/_2$ овчины, для перевода которыхъ на деньги данныхъ не имѣемъ. Разница болѣе чѣмъ вдвое. Извѣстный намъ Овиновъ, сынъ, получалъ еще больше. За деревню тѣхъ же размѣровъ ему платили: 7 денегъ, коробью ржи и овса и полчетки пшеницы, что составитъ 24 деньги; со вдовы Ѳедорки онъ получалъ то же, но при меньшемъ посѣвѣ (въ $2^1/_2$ коробьи). А Зинововъ получалъ еще больше. При тѣхъ же деньгахъ и поспѣ онъ бралъ еще сыръ да три горсти льну, что составитъ 27 денегъ съ $^1/_2$. Разница крайнихъ случаевъ доходитъ почти до четверной платы за участокъ земли той же мѣры [1]).

Не одинакова плата и у одного и того же владѣльца; разница достигаетъ здѣсь, иногда, также весьма значительныхъ размѣровъ. Въ Настасьинской волости, жены Ивана Григорьева, двѣ деревни платили только деньги и поровну, по 2 гривны съ $^1/_2$, а между тѣмъ одна имѣла посѣвъ въ 4 коробьи при одномъ дворѣ и была положена въ одну обжу, а другая высѣвала 8 коробей при 3-хъ дворахъ и была положена въ двѣ обжи. Хозяйства очень различны, государственныя повинности—тоже, а наемная плата одинакова. Рядомъ съ этими деревнями была деревня съ 15 коробьями посѣва при 4 дворахъ и 5 обжахъ; она платила: 2 грив., хлѣба поспомъ 6 кор. ржи, $^1/_2$ кор. пшеницы, 3 четки ячменя, 2 барана, на деньги всего 9 грив. 8 ден. Между двумя крайними платежами и среднимъ нѣтъ ни малѣйшаго соотвѣтствія: деревня въ 8 коробей посѣва обложена несоразмѣрно легко. Въ другихъ случаяхъ разница бываетъ ничтожна: при всѣхъ равныхъ одна деревня даетъ цѣлую курицу, другая половину и т. д. [2]).

---

[1]) Т. I 11—12, 58, 80, 90.

[2]) Т. I 72; III 113.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ деревенскихъ платежей, расположивъ ихъ по мѣрѣ возрастанія количества высѣваемыхъ коробей

Откуда всѣ эти различія? Порядныя описанныхъ въ концѣ XV вѣка крестьянъ, конечно, были заключены ими въ разное время, нѣкоторыя изъ нихъ могли быть заключены еще ихъ дѣдами и прадѣдами. А въ разное время, конечно, были и разныя условія спроса и предложенія земель. Отюда и различія. Хотя право свободнаго перехода и могло смягчать эти различія, но, надо думать, на практикѣ оно встрѣчало значительныя препятствія въ привычкѣ

ржи. Волость Степ. Шалимова въ Бологовскомъ пог. Деревской пятины I 100.

Коробьи.	Дворы.	Обжи.	ДОХОДЪ.
2	1	1	4 деньги съ 1/4, изъ хлѣба пятина, сыръ, баранья лопатка, 1/2 овчины, 3 1/2 горсти льну.
4	1	2	8 1/2 денегъ, изъ хлѣба пятина, 2 сыра, 2 б. л., 1 овч., 1 пятокъ льну.
5	2	2	9 денегъ, изъ хлѣба пятина, 2 с., 2 б. л., 2 овч., 1 пятокъ льну.
—	—	—	то же, но 1 овчина.
5	3	2	8 1/2 денегъ, то же, но 2 овчины.
5 1/2	3	2	9 ден., изъ хл. пятина, 2 с., 2 б. л., 1 1/2 овч., 1 пят. льну.
—	2	—	то же, но 1 овч.
6 1/2	2	3	12 3/4 ден., изъ хл. пят., 4 с., 4 лоп. бар., 2 овч., 1 1/2 пят. льну.
6 1/2	3	3	13 ден. и то же.
7	—	—	то же.
—	—	—	то же, но 1 1/2 овч.
—	4	—	то же.
9	3	4	1 грив. 4 ден., хлѣбъ, ср. и бар. л.
—	—	—	то же, но 2 овч. и 2 пят. льну.
10	—	—	то же.
—	5	—	то же.
10 1/2	3	—	то же.
—	—	—	13 1/2 ден., хлѣба поспомъ 8 коробей ржи, 8 кор. овса, 2 1/2 кор. пшеницы, 2 1/2 кор. ячменя, 4 овч., 10 сыр., 3 п. съ гор. льна.
11	4		то же.

Волость Щилова монастыря въ Посонскомъ пог. Деревской пят. I 63.

Коробьи.	Дворы.	Обжи.	ДОХОДЪ.
	1	1	3 денги, 1/2 кор. ржи и 1/2 кор. овса.
—	2	—	то же.

къ насиженному мѣсту и въ выгодахъ и удобствахъ, представляемыхъ благоустроеннымъ хозяйствомъ, а потому крестьяне и мирились съ указаннымъ неравенствомъ. Самые же крупные случаи неравенства могутъ имѣть особый источникъ. Вновь приходящіе крестьяне садились, обыкновенно, на льготѣ и первое время ровно ничего не платили. Въ писцовыхъ книгахъ такъ и обозначается: «стараго дохода не было: сѣли ново». Можно думать, эти новоселы

5	1	2	5 ден., 3 четки ржи и $^3/_4$ овса.
—	2	—	5 ден., $^1/_2$ кор. ржи и овса.
—	3	—	6 ден., 3 четки ржи и овса.
—	2	—	3 ден., $^1/_2$ кор. ржи и овса.
—	—	—	7 ден., 3 четки ржи, 1 кор. овса.
6	3	3	7 ден., 1 кор. ржи и овса.
7	—	—	6 ден., 3 четки ржи и овса.
—	—	—	6 ден., 1 кор. ржи и овса.
7	4	—	7 ден., то же.
—	1	—	то же.
8	4	—	то же.
9	—	5	10 ден., $1^1/_2$ кор. ржи и овса.
13	—	6	то же.
15	7	7	1 гривн., $2^1/_2$ кор. ржи и овса.
—	8	—	7 ден., $1^1/_2$ кор. ржи и овса.
17	9	—	1 грив., 2 кор. ржи и овса.

Деревни Гр. Секерина въ Ручьевскомъ пог. Деревской пят. II 356.

Коробьи.	Дворы.	Обжи.	ДОХОДЪ.
$1^1/_2$	1	1	изъ хлѣба четверть, четка ячменя, четка овса, $^1/_2$ барана, 1 сыръ, 2 гор. льна, 10 яицъ.
2	—	—	то же.
$2^1/_2$	—	—	то же, но 1 бар., 2 сыр., 4 гор. л., 20 яицъ.
3	—	—	то же, но $^1/_2$ бар., 1 сыр., 2 гор. л., 10 яицъ.
—	2	—	то же, но 20 яицъ.
4	2	2	изъ хлѣба четверть, $^1/_2$ короб. ячменя, $^1/_2$ кор. овса, 1 бар., 2 сыр., 4 гор. л., 20 яицъ.
$4^1/_2$	—	—	то же.
5	—	—	то же.
9	6	4	изъ хлѣба четверть, 1 кор. ржи, 1 кор. овса, 2 бар., 4 сыр., 8 гор. л., 40 яицъ.

не сразу входили въ свой полный платежъ, а начинали съ уменьшеннаго. Въ имѣніи Д. Козонскаго была деревня въ 5 дворовъ и въ 11 коробей посѣва. Они стараго дохода не платили, потому что сѣли ново. Новый доходъ съ нихъ уже шелъ, но всего въ размѣрѣ четверти урожая изъ хлѣба и хмеля. А старые крестьяне, при посѣвѣ въ $2^1/_2$ коробьи, въ этомъ имѣніи платили при той же четверти еще 7 денегъ и мелкій доходъ (II 34). Весьма вѣроятно, что и сведеные бояре поступали такъ же; такъ и могла возникнуть та несоразмѣрность платежей съ размѣрами хозяйства, на которую мы указали.

Общее правило найма земель, по всей вѣроятности, было такое: чѣмъ больше снималось земли, тѣмъ была выше и плата. Но въ разное время, смотря по спросу и предложенію, плата за землю опредѣлялась различно; новоселы же не сразу входили во всю плату, а постепенно.

Рядомъ со свѣтскими своеземцами, о хозяйствѣ которыхъ до сихъ поръ шла рѣчь, владѣютъ землями духовныя учрежденія: владыка, монастыри, церкви. Хозяйство ихъ представляетъ нѣкоторыя незначительныя особенности.

Несмотря на богатство владыки и нѣкоторыхъ монастырей и на то, что къ описанію ихъ владѣній, находившихся въ разныхъ погостахъ и разныхъ пятинахъ, писцамъ приходилось обращаться по многу разъ, мы не встрѣтили ни одного указанія на существованіе собственнаго сельскаго хозяйства у духовныхъ учрежденій, за исключеніемъ самыхъ бѣдныхъ церквей, владѣнія которыхъ не выходили за предѣлы одной деревни. У монастырей были по деревнямъ свои дворы, въ которыхъ жили ихъ ключники, но они не вели пашеннаго хозяйства за счетъ монастыря. Нѣкоторые изъ нихъ вовсе не занимались пашней, другіе пахали, но на себя, а не на монастырь. Такіе дворы встрѣчаются въ деревняхъ Хутынскаго монастыря, Коневскаго, Валаамскаго, Николая Чудотворца и др.; ихъ дворы—всѣ безъ пашни; пашенные же всѣ у крестьянъ. Въ деревняхъ владыки встрѣ-

чаются также дворы его посельскихъ, но собственной запашки мы не видали и у него [1]).

Только самыя бѣдныя церкви имѣли собственное сельское хозяйство. Мы разумѣемъ деревенскія церкви на погостахъ и въ монастырскихъ и владычныхъ волостяхъ. Къ этимъ церквамъ приписывалось небольшое количество земли, гдѣ клиръ и хозяйничалъ. Но хозяйство это не походило на господское. Попъ, дьяконъ, пономарь, сторожъ, просвирня—сѣяли и пахали собственными руками [2]). Но не мало было и такихъ церквей, клиръ которыхъ не имѣлъ надобности пахать.

У владыки и монастырей было, однако, значительное скотоводство. Писцовыя книги упоминаютъ о ихъ конюшенныхъ дворахъ, о дворахъ ихъ коровниковъ и объ особыхъ пожняхъ, которыя косятъ для нихъ крестьяне барщиной [3]).

Изъ молчанія писцовыхъ книгъ о собственномъ сельскомъ хозяйствѣ духовныхъ учрежденій слѣдуетъ ли заключать, что такого хозяйства у нихъ и вовсе не было? Это—едва ли.

Памятники XIV вѣка говорятъ уже о собственномъ хозяйствѣ монастырей и даже о крестьянской барщинѣ на ихъ земляхъ. Изъ грамоты митрополита Кипріяна Константиновскому монастырю видно, что у монастыря было свое пахатное хозяйство и что монастырскіе крестьяне не только воздѣлывали «игуменовъ жеребій земли», но строили монастырскія хоромы, ставили стѣну вокругъ монастыря, оплетали его сады, забивали ѣзъ, ходили съ неводами и проч. (А. Э. I № 11, 1391).

Если мы не находимъ въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ свѣдѣній о собственномъ сельскомъ хозяйствѣ духовныхъ учрежденій, то, можетъ быть, только потому, что

[1]) Временникъ XI 193, 251; XII 64, 69; Новог. п. кн. I 17, 708; III 28, 65.

[2]) Нов. пис. кн. I 321, 346, 612; III 82, 471; Временникъ XII 179.

[3]) III 8, 28, 453, 454.

до насъ дошли не всѣ книги. Во всякомъ случаѣ, если такое хозяйство и было, оно не могло быть велико, какъ и хозяйство частныхъ лицъ. Оно также должно было имѣть одно-деревенскій типъ и, по всей вѣроятности, ограничивалось одной—двумя деревнями, ближайшими къ учрежденію.

Именно такой характеръ имѣетъ собственное хозяйство духовныхъ учрежденій по московскимъ писцовымъ книгамъ конца XVI вѣка. Въ одной изъ напечатанныхъ описей земель Троицы-Сергіева монастыря, въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ монастырской волости Черемхѣ и Закоторскомъ станѣ монастырю принадлежало 49 деревень и починковъ да 3 займища живущихъ (пустошей не считаемъ) съ запашкой въ 979 четвертей земли. Собственное же хозяйство монастыря велось только въ одномъ селѣ Коприно, на Волгѣ, и всего на 20 четяхъ.

Чудовъ монастырь по описи 1573 г., въ Васильцовѣ станѣ Московскаго уѣзда, въ трехъ мѣстахъ имѣлъ 4 сельца и 10 деревень, крестьянской пашни съ перелогомъ тамъ было 2.221 четверть, свое же хозяйство монастырь имѣлъ только въ двухъ селахъ, въ одномъ пахалъ 118 четей, въ другомъ 25, а всего 143 чети на 2.221 четь крестьянской запашки.

Могло быть такое же однодеревенское хозяйство и у духовныхъ учрежденій Новгорода.

При слабомъ развитіи собственнаго сельскаго хозяйства, духовныя учрежденія извлекали доходъ изъ своихъ земедь сдачею ихъ въ наймы. Въ этомъ отношеніи они слѣдовали тому же порядку, какой наблюдался у частныхъ лицъ. Писцовыя книги даютъ богатѣйшій матеріалъ для изученія мѣры обложенія крестьянъ свѣтскими лицами и духовными учрежденіями и степени зажиточности тѣхъ и другихъ крестьянъ. Онъ давно напечатанъ и ждетъ разработки.

По особенностямъ жизни свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, многіе предметы мелкаго дохода, которые мы перечислили, совсѣмъ не были нужны для лицъ духовнаго званія, а по-

тому ихъ мелкій доходъ долженъ отличаться отъ дохода свѣтскихъ лицъ. Такъ, кажется, было и въ дѣйствительности. Мы встрѣтили массу деревень духовныхъ учрежденій, которыя вовсе не платили мелкаго дохода; другія платили, но далеко не всѣ его виды были въ употребленіи. Нерѣдко въ доходъ поступали: ленъ, сыръ, сѣно; чаще и по значительному числу—яйца; но встрѣчаются бараньи лопатки и пиво.

Доходъ съ владычныхъ земель шелъ владыкѣ, съ монастырскихъ—монастырю, а съ церковныхъ не церкви, а попу. Такова была точка зрѣнія и плательщиковъ и писцовъ и такъ и писалось въ книгахъ. Особенно великъ былъ доходъ архангельскихъ поповъ на Городищѣ. Въ Деревской пятинѣ въ двухъ погостахъ имъ принадлежало двѣ волости одного и того же имени Смерда; въ этихъ волостяхъ числилось 288 деревень. Въ доходъ архангельскимъ попамъ шло: 2 р. 5 гр. и 4 деньги, 256 коробей ржи, 94 коробьи овса, 250 хлѣбовъ, 250 бараньихъ лопатокъ и 30 пятковъ льну. Эта городищенская перковь представляетъ, однако, исключеніе. Владѣнія другихъ церквей далеко не достигали такихъ размѣровъ. Иванъ Васильевичъ взялъ обѣ волости на себя и отмѣнилъ доходъ архангельскихъ поповъ.

Кромѣ перечисленныхъ видовъ дохода, встрѣчаются еще нѣкоторые, которые мы, по рѣдкости ихъ, называемъ чрезвычайными. Они немногочисленны. Сюда относятся: поклонъ и даръ.

Подъ «поклономъ» надо разумѣть приношеніе, дѣлаемое съ особымъ почтеніемъ, съ поклономъ. Въ какихъ случаяхъ оно дѣлается, это не всегда ясно. Но вотъ случай, допускающій удовлетворительное объясненіе. Въ писцовой книгѣ Вотской пятины читаемъ:

«А стараго доходу шло: двѣ денги, поклону за сыръ полъ денги, пятокъ льну» и т. д.

Сыръ стоитъ деньгу, здѣсь же онъ замѣненъ—половиной деньги, за это, по всей вѣроятности, и дѣлается поклонъ.

«Даромъ» называлась нѣкоторая приплата къ обыкно-

венному доходу. Перечисливъ старый доходъ, писецъ продолжалъ: «дару: четка гороху, четка конопель, 6 копенъ сѣна» (I 9). Въ какомъ случаѣ прибавлялся этотъ даръ, неясно. Но несомнѣнно, что онъ еще болѣе увеличивалъ разнообразіе повинностей, на которое мы указывали. Однѣ деревни давали даръ, другія нѣтъ. Даръ брали и монастыри:

«А опричь того (обыкновеннаго дохода) давали игумену со всее волости дару полтину новогородскую, а слугамъ шло дару двѣ гривны новогородскія» [1]).

---

[1]) I, 11, 40; II, 805; III, 213.

Въ концѣ второй половины писцовой книги Деревской пятины находимъ нѣсколько волостей, описаніе которыхъ представляетъ особенности. Въ нихъ не указано прежнихъ владѣльцевъ, сведеныхъ бояръ, а деревни раздѣлены тамъ на десятки. Такимъ особымъ способомъ описаны волости Морева и Велела и погостъ Холмскій. Эти волости и погостъ составляли вотчину литовскаго выходца, кн. Ѳед. Ив. Бѣльскаго. Онъ прибѣжалъ въ Москву въ 1482 году (Воскр.) и тогда же, по словамъ лѣтописца, получилъ въ вотчину городъ Дѣманъ да Мореву и со многими волостьми. Городъ Дѣманъ въ писцовыхъ книгахъ не описанъ, а потому и нельзя сказать, въ чемъ выразилось здѣсь господство литовскаго князя; но волости описаны и слѣдъ его пребыванія виденъ. Въ моментъ второй описи данныя князю Ѳ. И. Бѣльскому деревни ему уже не принадлежали, онѣ были отобраны на вел. князя; часть ихъ онъ удержалъ за собой, а другую роздалъ въ помѣстья. О старомъ доходѣ говорится, что онъ шелъ кн. Ѳ. Бѣльскому. Въ волости Велелѣ на погостѣ остался еще его дворъ, въ который и въѣхалъ новый помѣщикъ. Дальнѣйшій слѣдъ хозяйства кн. Бѣльскаго сохранился въ указанномъ дѣленіи деревень на десятки. Какое они имѣли при немъ значеніе, этого не видно, но въ моментъ описи десятки уже распались. Однѣ деревни Погостскаго и Жабенскаго десятка вел. князь удержалъ за собой, а другія роздалъ въ помѣстья (703, 721 и 737); деревни другихъ десятковъ розданы разнымъ лицамъ въ помѣстья. Сохранилось только наименованіе деревень по десяткамъ. Деревень съ хозяйствомъ кн. Бѣльскаго не видно; всѣ деревни были въ арендѣ у крестьянъ, которые платили ему обыкновенный доходъ. Въ одномъ только итогѣ упоминается неизвѣстный намъ видъ дохода «коневщина» (735). Раздѣленіе деревень на десятки, по всей вѣроятности, и было причиной, почему при ихъ описаніи не упоминаются старые новогородскіе владѣльцы. Данныя кн. Бѣльскому волости, конечно, принадлежали разнымъ и очень многимъ владѣльцамъ. Приводя деревни въ десятки, онъ нарушилъ ихъ

Описавъ пашенное хозяйство свѣтскихъ и духовныхъ собственниковъ, мы можемъ теперь спросить, какъ владѣли крестьяне предоставляемой въ ихъ пользованіе землей, было у нихъ общинное землевладѣніе или нѣтъ? Общинное землевладѣніе, сомнительными благами котораго наши крестьяне пользуются еще и теперь, предполагаетъ наличность общины, члены которой имѣютъ равное право на пользованіе общинной землей. Въ описываемое нами время, какъ мы видѣли, крестьянской общины въ частныхъ владѣніяхъ не существовало. Были только отдѣльные крестьяне, которые, по особому договору, и занимали господскія земли. Это внѣ всякаго сомнѣнія. А если это такъ, то не можетъ быть и рѣчи объ общинномъ пользованіи землями.

Но крестьяне не непремѣнно въ одиночку снимали господскія земли, они могли соединяться для этого въ товарищества, человѣка по 2, по 3, а можетъ быть, и болѣе. Такіе товарищи могли вести общее хозяйство. Общее хозяйство могло возникать и другимъ путемъ. Крестьянинъ могъ одинъ снять деревню. Такихъ деревень множество. Но по смерти его, у него могло остаться 2—3 и болѣе сыновей. Сыновья могли продолжать жить въ старой деревнѣ, раздѣлиться и вести каждый особое хозяйство, а могли вести и общее. Итакъ, однодеревенцы могли вести раздѣльное и общее хозяйство, но ни въ какомъ случаѣ не общинное, ибо не было общины. Общинное и общее не одно и то же. Въ общинѣ каждый членъ имѣетъ равное право на пользованіе землей; при общемъ—не непремѣнно равное. Умеръ отецъ, у сыновей равное право наслѣдства, если отецъ не распорядился иначе; онъ могъ, вѣдь, оставить дѣтямъ и не поровну. Но если дѣти получили и поровну, во второмъ поколѣніи непремѣнно возникнетъ неравенство, ибо нельзя разсчитывать на то, что у каждаго

старое распредѣленіе по владѣльцамъ, а потому десятки и замѣнили прежнихъ владѣльцевъ въ дошедшей до насъ описи. Это единственный примѣръ описи, гдѣ не упомянуты имена старыхъ владѣльцевъ, сведеныхъ бояръ и бояришекъ.

сына будетъ одинакое число наслѣдниковъ. Но если бы это и случилось, это будетъ равенство случайное, въ общинѣ же оно необходимое. То же надо сказать и о доляхъ товарищей. Въ началѣ онѣ могли быть равныя, но не непремѣнно; при дѣтяхъ же равенство это легко нарушалось. Общинное владѣніе обязательно, общее—дѣло свободы. Итакъ, въ старыхъ деревняхъ могло быть частное и общее хозяйство, но никогда не общинное. Этотъ выводъ предполагается всѣми описанными порядками.

Какъ велось это общее хозяйство, этого мы не знаемъ. Источники не входятъ въ такія подробности, не имѣющія значенія для той цѣли, для какой составлялись писцовыя книги. Можно, однако, думать, что оно велось тогда совершенно такъ же, какъ ведется и теперь. Если наслѣдники и товарищи были пріятели, любили другъ друга и жили дружно, они могли вести общее хозяйство въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и даже жить въ одномъ дворѣ и ѣсть изъ одной чашки. Если они не уживались вмѣстѣ и ссорились, они, конечно, дѣлились и оставляли въ общемъ владѣніи самое необходимое, выгоны, а иногда луга, раздѣляя сѣно въ копнахъ или пользуясь ими погодно, примѣры чему мы уже видѣли. Въ старое время жили либо въ любви, либо въ ненависти, какъ мы дѣлаемъ это и теперь. Любовь во всѣ времена порождаетъ и поддерживаетъ согласную жизнь и общее владѣніе; ненависть всегда ведетъ къ раздѣленію. Общинное владѣніе одною цѣпью сковываетъ и любовь и ненависть.

Мы уже знаемъ, что сельское хозяйство, которое вели новогородскіе бояре, не составляло новости для новыхъ людей, переведенныхъ изъ Москвы въ Новгородъ. Весьма многіе изъ нихъ удержали новогородскіе порядки по сдачѣ свободныхъ земель въ аренду безъ всякихъ измѣненій и получали тотъ же доходъ, какой шелъ ихъ предшественникамъ. Писцы очень часто, перечисливъ старый доходъ, говорятъ: «А новый доходъ по тому жъ». Нѣкоторые увеличили размѣръ стараго дохода. Это увеличеніе дѣлалось

въ мѣрѣ чрезвычайно различной. Иногда оно достигало очень большихъ размѣровъ. Приведемъ два примѣра. Старая собственница, Настасья, жена Ивана Григорьева, брала съ деревни въ 4 двора и въ 15 коробей посѣва—10 гривенъ, а съ другой деревни въ 3 двора и въ 20 коробей посѣва—9 гривенъ съ полу деньгой; новый помѣщикъ, Григ. Вас. Картамазовъ, сталъ получать съ первой деревни—17 грив. и 3 ден., со второй—19 грив. и $2^1/_2$ деньги (III 113). Громадное увеличеніе, достигающее $100^0/_0$; несмотря на это, крестьяне остались на своихъ мѣстахъ. Весьма вѣроятно, что 3 и 4 двора, составлявшіе эти деревни, были населены родственниками и людьми зажиточными, которые вели общее хозяйство. Чтобы не ломать хорошо обставленнаго хозяйства, они и согласились на прибавку. Свободой перехода пользовались далеко не такъ легко, какъ это можетъ показаться людямъ, стоящимъ далеко отъ крестьянскаго дѣла. И теперь есть поговорка: три раза переѣхать съ квартиры все равно, что разъ погорѣть. А переѣхать съ крестьянскаго хозяйства во много разъ труднѣе. Чѣмъ крестьянское хозяйство богаче, тѣмъ переходъ труднѣе. Вотъ почему въ писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка и не замѣтно сколько-нибудь чувствительнаго перехода крестьянъ. Весьма распространенное мнѣніе о бродяжничествѣ крестьянъ при свободномъ переходѣ ихъ—далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Для точнаго отвѣта на вопросъ о передвиженіи крестьянъ вообще и по случаю перемѣщенія владѣльяевъ, новогородскія писцовыя книги даютъ богатый матеріалъ, который тоже ждетъ еще разработки.

Для полноты картины замѣтимъ, что 2—3 помѣщика ввели новые виды чрезвычайныхъ доходовъ. Васюкъ Григ. Чеховъ ввелъ какой-то новый сборъ за повозъ. Объ немъ писецъ говоритъ:

«А Васка взялъ впервые лѣта 7004 съ 20 обежъ за повозъ, съ обжи по 4 денги» (I 55).

Ивашка Широносовъ и Ивашка Корсаковъ брали съ

своихъ крестьянъ доходъ за какое-то «постоаніе» (II 312, 313). Вотъ и всѣ новости московскихъ людей. Трудно думать, что новогородское хозяйство не было ихъ собственнымъ хозяйствомъ.

Но великій князь Иванъ Васильевичъ не все раздавалъ помѣщикамъ, значительную часть конфискованныхъ имѣній онъ оставилъ за собой. Въ хозяйствѣ этихъ деревень произошли большія перемѣны, имѣющія важныя послѣдствія. Въ имѣніяхъ, оставленныхъ за великимъ княземъ, новый доходъ опредѣляется не по деревнямъ, а для всей волости сведенаго боярина. Этотъ новый доходъ называется «оброкомъ» и почти всегда переводится на деньги. Великій князь получаетъ только деньги; къ нему не идетъ ни поспъ, ни доля урожая, ни мелкій доходъ. Изъ этого порядка встрѣчаются исключенія, но очень рѣдко. Крестьяне платятъ «оброкомъ», отсюда и волости стали называться оброчными. Къ этому оброку иногда причитаются обежныя деньги, иногда нѣтъ. При сличеніи оброка со старымъ доходомъ, цифры иногда почти сходятся, иногда оброкъ меньше стараго дохода, иногда больше [1]). Но не величина оброка важна въ данномъ случаѣ, а иной способъ его исчисленія: оброкъ назначается огульно на цѣлое имѣніе. Этимъ со-

---

[1]) Вотъ для примѣра нѣсколько старыхъ доходовъ, переведенныхъ въ оброкъ. Имѣніе въ 8 деревень приносило стараго дохода 13 гривенъ, новый оброкъ 14½ грив. и со включеніемъ обежной дани. Имѣніе въ 3 деревни, считая доли въ общихъ деревняхъ, старый доходъ 8 грив., оброкъ и съ обежной данью—6½ грив. Имѣніе въ 2 деревни, старый доходъ 3 грив. 2 д., оброкъ и съ обежной данью 2½ грив. Имѣніе въ 37 деревень, старый доходъ—9½ руб., 1 грив. и 2 д., оброкъ 5 руб. 2 грив. 1 д., но безъ обежной дани. Имѣніе въ 181 деревню, старый доходъ 10½ руб. 11 грив. 10½ денегъ, оброкъ 18 руб. 2½ грив. 1½ д., безъ обежной дани. Имѣніе въ 50 деревень, старый доходъ 4 руб. 2½ грив., оброкъ—9½ руб. и 6 д. со включеніемъ обежной дани, такъ платили до первой описи, а по настоящей назначено 11 руб. съ причисленіемъ сюда и платы за рыбную ловлю. Имѣніе въ 74 деревни, старый доходъ—12 руб. 4½ грив.; оброкъ—11½ руб. 1½ грив. и 5 д. безъ обежной дани. I, 40, 130, 157, 177, 216, 394.

здается у насъ впервые крестьянская волостная община. Какъ бы ни былъ оброкъ по суммѣ близокъ къ старому доходу, онъ всегда другой или потому, что въ имѣніи измѣнилось число дворовъ, или потому, что къ оброку прибавлена обежная плата, которая прежде вовсе не входила въ доходъ. Угодья старыхъ владѣльцевъ записываются теперь за ихъ крестьянами и облагаются особымъ оброкомъ тоже огульно, на всю волость. Во всѣхъ этихъ новостяхъ крестьянамъ надо разобраться. Прибавки надо какъ-нибудь распредѣлить по дворамъ, угодья тоже, пустые дворы тоже. Это все новые вопросы, которые должны быть теперь разрѣшены всѣми крестьянами волости сообща. Прежде не было такихъ общекрестьянскихъ вопросовъ. Теперь они появляются. Иванъ Васильевичъ создалъ въ Новгородѣ крестьянскую общину. Она появляется здѣсь впервые въ самомъ концѣ XV вѣка.

Что же это за общины, какъ онѣ велики? Каждое конфискованное имѣніе или, какъ тогда говорили, каждая волость и волостка составили особую общину. Были большія общины въ 50, 70, 100 и болѣе деревень, и маленькія въ 2—3 деревни. Иногда нѣсколько боярскихъ волостей соединялись въ одну волость великаго князя. Въ моментъ составленія вторыхъ описей, которыя находятся у насъ въ рукахъ, уже появились и земли и воды, которыми пришлось распоряжаться крестьянскимъ общинникамъ, и появилась необходимость распредѣлять между собою платежи съ этихъ земель и водъ. Но до общиннаго землевладѣнія, которое составляетъ такую гордость нашихъ общинниковъ, дѣло еще очень далеко. Обязательнаго надѣла землей не было, и каждый крестьянинъ бралъ участокъ такихъ размѣровъ, какіе ему были нужны. Повинности опредѣлялись по землѣ и угодью, а не земля нарѣзалась для платы повинностей [1]).

---

[1]) Вотъ примѣръ новаго порядка крестьянскихъ платежей. Въ Вотской пятинѣ, въ погостѣ Никольскомъ-Будковскомъ, нѣсколько боярщинъ соединено вмѣстѣ въ одну волость. По описаніи отдѣльныхъ деревень съ обозначеніемъ стараго дохода, читаемъ: «И всего оброку

Кромѣ оброчныхъ великаго князя крестьянъ, въ новогородскихъ пятинахъ появились въ то же время дворцовые крестьяне. Они называются такъ потому, что приписаны ко дворцу великаго князя и состоятъ въ особомъ управленіи. Ихъ вѣдалъ дворецкій, которому и сообщались переписныя книги этихъ крестьянъ. Вотъ почему дворцовыя земли и не описывались вмѣстѣ съ оброчными, съ отданными въ помѣстья и съ своеземцевыми землями.

Нѣкоторыя изъ волостей, приписанныхъ ко дворцу, суще-

положено на ту волость деньгами и за хлѣбъ и за намѣстничъ кормъ 19 рублевъ съ полтиною и 4 гривны и полъ четверти деньги, то и съ поземщикомъ, опричь обежныя дани». А далѣе: «А пустошей и селищъ и луговъ въ той волости разныхъ же бояръ: (слѣдуетъ перечисленіе), а даны тое же волости крестьяномъ въ тотъ же оброкъ». Наконецъ: «А великаго князя оброкъ въ той волости всѣхъ боярщинъ крестьяномъ, денги и хлѣбъ, разметывати межъ собѣ по пашнѣ». III 278—291.

Здѣсь мы наблюдаемъ случай: 1) созданія великимъ княземъ новой волости изъ разныхъ боярщинъ, 2) надѣленія крестьянъ этой волости землями и угодьями прежнихъ бояръ, 3) обложенія этихъ крестьянъ, которые прежде ничего не имѣли общаго,—оброкомъ въ общей суммѣ, который они должны сами раскладывать между собой по пашнѣ.—О равенствѣ воздѣлываемыхъ участковъ нѣтъ рѣчи. — До введенія этихъ новыхъ порядковъ, владѣльческія волости, а только такія и были, не имѣли никакихъ общихъ дѣлъ. Единственное общее дѣло, какое создавали себѣ волости въ старое время, состояло въ наймѣ пустыхъ деревень. Но и это встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Мы замѣтили два случая и то въ монастырскихъ и церковныхъ волостяхъ. I 176, 210. Деревни же всегда имѣли одно общее дѣло: раскладку обежной дани. Обежная дань клалась на цѣлую деревню, а въ деревнѣ могли быть дворы, которые вели особое хозяйство, могли быть поземщики, которые хотя пашни не имѣли, но пользовались выгономъ, землей подъ огороды и дворы, а потому могли быть тоже привлекаемы къ платежу. Раскладка обежной дани составляла общее дѣло всей деревни. За указаннымъ исключеніемъ, мы отрицаемъ какія либо общія дѣла волостныхъ крестьянъ по землевладѣнію, а не по управленію вообще. Необходимо отличать вопросы общаго управленія и землевладѣнія. Въ области управленія крестьяне, можетъ быть, имѣли какія-нибудь общія дѣла. Они могли участвовать на судѣ, избирать какихъ либо цѣловальниковъ, раскладывать повинности и т. д. Но все это возможно и безъ поземельной общины.

ственно отличались отъ оброчныхъ. Это тѣ, которыя работали на великаго князя, пахали на него особую пашню. Но эта барщина не освобождала крестьянъ и отъ оброка; они платили и оброкъ. У дворцовыхъ барщинныхъ крестьянъ возникло, такимъ образомъ, еще свое особое общее для всей крестьянской общины дѣло: распредѣленіе общихъ работъ. Но пашню пахали не всѣ дворцовые крестьяне, нѣкоторые оставались на одномъ оброкѣ. А потому и дворцовые крестьяне называются «оброчными». Какъ оброчныя, такъ и приписанныя ко дворцу населенныя крестьянами земли раздаются въ помѣстья [1]).

Таковы нововведенія для крестьянъ, оставленныхъ вели кимъ княземъ за собой. Эти нововведенія были новостью для новогородскихъ крестьянъ, но не для крестьянъ великаго князя вообще. Къ конфискованнымъ имѣніямъ эти нововведенія, конечно, давно уже примѣнялись; они не были выдуманы для Новгорода. Примѣненіе къ княжескимъ деревнямъ того порядка, какой существовалъ въ господскихъ имѣніяхъ, было очень неудобно: этотъ порядокъ отличался крайней сложностью и очень затруднялъ контроль. Правительству легче было имѣть дѣло съ общинами, чѣмъ съ отдѣльными хозяйствами, и оно, конечно, замѣняло этотъ порядокъ новымъ, какъ только въ рукахъ его стали сосредоточиваться значительныя владѣнія. Поэтому первые заро-

---

[1]) Приводимъ нѣсколько выписокъ изъ рукописной книги дворцовыхъ волостей, содержаніе которой мы привели въ первой главѣ.

4 стр. А пашутъ тѣ крестьяне (дворцовые) на великаго князя 24 десятины. А оброку на нихъ за обежную дань и за хлѣбъ $3^1/_2$ руб. новогородскихъ.

36 об. Царя и великаго князя села и деревни дворцовыя, которыя царя и великаго князя пашутъ и которыя не пашутъ.

45 об. Въ Корыстынской волости села и деревни великаго князя дворцовыя оброчныя.

251. Книги дворцовыхъ волостей Шелонской пятины письма Матв. Ив. Валуева, лѣта 7007, которыя приписаны ко дворцу ново.

248. Обжи, приписанныя ко дворцу, пожалованы въ 7048 г. Якову и Андрею Квашнинымъ къ ихъ старому помѣстью.

дыши общинъ крестьянскихъ въ волостяхъ великаго князя могутъ восходить даже къ XIV вѣку.

Новгородскія дворцовыя села и деревни были очень удалены отъ Москвы. Это удаленіе должно было отразиться и на сборахъ съ нихъ; сборы эти были здѣсь очень упрощены. Въ дворцовыхъ имѣніяхъ, ближе расположенныхъ въ Москвѣ, они гораздо болѣе приближались къ обыкновенному господскому доходу. Вотъ для примѣра доходъ съ дворцоваго имѣнія Тверского уѣзда:

«А оброку крестьянамъ платити въ великаго князя казну, въ Дворцовый приказъ, 6 руб. и 7 алт. съ денгою, да посопнаго хлѣба 55 четьи ржи, 23 четьи овса; да мелкаго доходу платить во дворецъ; съ выти по барану, по полтю мяса свинаго, по 2 сыра кислыхъ, по 2 гривенки масла коровья, по 2 куровъ, по 40 яицъ, по сажени дровъ, по копнѣ сѣна» и т. д. (II 293).

Знакомая намъ картина. Московскій государь получаетъ со своихъ крестьянъ совершенно такой же доходъ, какой получали и новогородскіе своеземцы. Тутъ и деньги и поспъ и мелкій доходъ, только исчисляется онъ иначе, онъ идетъ не съ деревень, а съ вытей. Но о вытяхъ рѣчь будетъ послѣ. Здѣсь же насъ интересуетъ только то, что и въ Москвѣ княжеское хозяйство конца XVI вѣка имѣетъ всѣ свойства новогородскаго боярскаго XV-го. Могло ли быть построено на иныхъ началахъ хозяйство московскихъ вотчинниковъ, тверскихъ и иныхъ удѣловъ? Это очень сомнительно. Домосковская старина вездѣ одна и та же. Она далеко заходитъ и въ московское время.

Крестьянскія деревни могли пустѣть и въ силу права свободы крестьянскаго перехода, и по другимъ причинамъ. Спрашивается, что дѣлали владѣльцы съ такими опустѣвшими деревнями? Пользованіе такими пустыми деревнями было очень различно. Иногда владѣльцы пахали ихъ на себя — наѣздомъ, т.-е. не заселяя ихъ, а посылая на эти земли въ рабочее время своихъ людей. Такія извѣстія имѣемъ о помѣщикахъ, но то же, по всей вѣроят-

ности, дѣлали и новогородскіе бояре [1]). Случалось, что владѣльцы отдавали такія деревни желающимъ крестьянамъ, которые тоже пахали ихъ наѣздомъ [2]). Духов-

[1]) I 546—547, II 385, 797, 866.

[2]) I 546 и сл., II 488, 738.

Въ описи Деревской пятины находимъ такое извѣстіе:

«Деревня Трофимово, дворъ Родивоникъ Прокошевъ, пашетъ половину той деревни...; а другую половину той деревни пашетъ Якимко Лахновъ наѣздомъ» I 536.

Якимко Лахновъ снимаетъ въ этой же волости цѣлую деревню Ѳедосьино, гдѣ у него дворъ, въ которомъ онъ живетъ, и 3 коробьи посѣва ржи. Но ему этого мало, и онъ снимаетъ еще полъ сосѣдней деревни. Новое доказательство того, что даже въ небольшихъ деревняхъ крестьяне ведутъ не общее, а разное хозяйство. И этого Лахнову мало. При описаніи слѣдующей деревни читаемъ: «Селище Жатово а пашутъ его тѣ же крестьяне на розъемъ»... Тѣ же крестьяне, Прокшевъ и Лахновъ, пашутъ деревню на разъемъ. Это значитъ, деревня пуста и воздѣлывается жителями сосѣднихъ деревень «на разъемъ», т.-е. кто себѣ что взялъ. Это тоже пашня наѣздомъ, ибо Лахновъ живетъ въ дер. Ѳедосьино, а Прокошевъ въ Трофимовѣ, гдѣ у нихъ свои дворы. Лахновъ и Прокошевъ и въ дер. Трофимово и въ селищѣ Жатово ведутъ разное хозяйство, а не общее, и каждый изъ нихъ платитъ особо за наемъ земли, а между тѣмъ эта плата показана для обоихъ въ общемъ итогѣ. Ясное указаніе на то, что писцы складываютъ вмѣстѣ разныя хозяйства.

Г. Рожковъ въ своемъ трудѣ о сельскомъ хозяйствѣ Московской Руси высказываетъ такое мнѣніе о пашнѣ наѣздомъ. «Пахать землю наѣздомъ значило эксплуатировать ее неразсчетливо, хищнически, безъ правильнаго сѣвооборота, истощая почву. Что такое пониманіе этого выраженія правильно, это всего лучше доказывается отношеніемъ правительства къ наѣзжей пашнѣ: она вся причисляется въ писцовыхъ книгахъ къ пашнѣ, лежащей впустѣ, не подлежащей обложенію налогами... Кромѣ того, нерѣдки и прямыя указанія источниковъ на пахоту наѣздомъ, какъ явленіе регрессивное съ хозяйственной точки зрѣнія. Ограничимся однимъ примѣромъ: по акту 1501 г. одинъ монастырь владѣлъ въ Переяславскомъ уѣздѣ 13 деревнями; эти деревни «запустѣли небреженіемъ прежнихъ игуменовъ, потому что прежніе игумены тѣ монастырскія земли пораздавали въ оброкъ приказнымъ людямъ, сокольникамъ и конюхамъ; и тѣ приказные люди тѣ деревни пахали наѣздомъ и отъ того тѣ ихъ села и деревни позапустѣли». 64.

Все это разсужденіе, хоть оно вошло уже въ научный оборотъ и приводится въ назиданіе читателя почтенными критиками г. Рожкова,

ныя учрежденія также отдавали пустыя деревни крестьянамъ [1]).

Это все, надо полагать, новогородская старина. Старину можетъ быть, представляетъ и слѣдующій случай. Кн. Юр. Конст. Оболенскій между разными волостками получилъ и волостку Кузьмы Перебатаго; въ одной изъ деревень этой волостки прежде жилъ самъ Кузьма. Она не понадобилась князю Оболенскому для житья, и онъ велѣлъ пахать ее на себя «згономъ крестьянъ» (I 356). Половину другой деревни пахалъ на себя наѣздомъ крестьянинъ той же волостки. Это,

есть плодъ недоразумѣнія, проистекающаго отъ неправильнаго пониманія источниковъ. «Пашня наѣздомъ» вовсе не обозначала нѣкотораго регрессивнаго способа обработки земли. Крестьянинъ Лахновъ, конечно, совершенно такъ же обработывалъ землю въ дер. Трофимово и Жатово, какъ и въ дер. Ѳедосьино. Разница въ томъ, что дер. Ѳедосьино онъ нанималъ цѣликомъ и тамъ жилъ, а въ двухъ другихъ деревняхъ онъ бралъ только участки земли и тамъ никто не жилъ, онѣ были пустыя, а потому и могли быть разобраны по частямъ и воздѣлываемы наѣздомъ. Деревни запустѣли не потому, что тамъ было регрессивное хозяйсто, а потому, что крестьяне ушли. Регрессивное же хозяйство могло быть и не въ пустыхъ деревняхъ, а при наличности крестьянъ, если они плохо воздѣлывали землю. Къ пашнѣ, лежащей впустѣ, писцы причисляютъ не плохо воздѣланную, а не населенную: она могла быть и хорошо воздѣлываема, да теперь брошена и не населена. «Приказные люди пахали монастырскія деревни наѣздомъ и отъ того онѣ запустѣли». Совершенно вѣрно, но только это значитъ не то, что думаетъ авторъ. Приказные люди взяли на оброкъ уже пустыя деревни и не переѣхали въ нихъ жить, такъ какъ они имѣли уже опредѣленное мѣсто жительства; они наѣзжали только для обработки земли. Вотъ это и значитъ деревни «позапустѣли». Этого бы не случилось, если бы они поселили тамъ крестьянъ, хотя бы эти крестьяне работали и хуже приказныхъ людей, пахавшихъ наѣздомъ.

[1]) Архангельскіе попы, которымъ принадлежали двѣ волости Смерда, въ одной изъ нихъ сдавали пустую деревню крестьянину сосѣдней деревни, Исаку Ескину; тутъ же обозначенъ и доходъ, который они получали съ него; а въ другой волости сдавали 8 пустыхъ деревень— всей волости. I 504, 176. Воскресенскій монастырь сдавалъ въ небольшой волости въ 7 деревень—одну пустую деревню тоже всей волости. I 210. Вяжитскій-Никольскій монастырь сдавалъ свою пустошь не всей волости, а двумъ деревнямъ. III 56.

впрочемъ, единственный случай, гдѣ мы встрѣтили «сгонъ» крестьянъ. Не надо ли подъ сгономъ понимать крестьянскую «помочь» и теперь хорошо извѣстную?

Второй способъ извлеченія дохода землевладѣльцами заключался въ сдачѣ небольшихъ участковъ земли подъ дворы лицамъ, не занимавшимся хлѣбопашествомъ. Такими съемщиками были люди очень разныхъ профессій и очень различнаго соціальнаго положенія. Мы встрѣчаемъ здѣсь торговыхъ людей и разныхъ промышленниковъ и ремесленниковъ: рыболововъ, епанечниковъ, кузнецовъ, кровопуска, солеваровъ, сапожниковъ, а рядомъ съ ними и людей, не имѣвшихъ никакого опредѣленнаго занятія, напримѣръ, казаковъ [1]). Такъ какъ эти люди занимались своими промыслами и ремеслами, а не хлѣбопашествомъ, то въ писцовыхъ книгахъ они, обыкновенно, обозначаются подъ именемъ «непашенныхъ людей», при чемъ не всегда, однако, говорится, чѣмъ же собственно они занимаются; даже чаще не говорится. Ихъ отличительная черта въ томъ, что они непашенные люди. Занятіе же какимъ либо ремесломъ или промысломъ не составляло существеннаго ихъ признака: тѣми же промыслами и ремеслами занимаются и пашенные крестьяне. Среди нихъ мы даже замѣтили бо́льшее разнообразіе ремеселъ; между крестьянами мы встрѣтили: кузнецовъ, бочечниковъ, швецовъ, ведерниковъ, гончаровъ, овчинниковъ, деготниковъ, лучниковъ, сѣдельниковъ, ямщиковъ и домниковъ (отъ домница—печь). Полагаемъ, что это различіе случайное. Писцамъ не было надобности обозначать, чѣмъ именно занимается пашенный или непашенный человѣкъ. Непашенный человѣкъ болѣе чѣмъ пашенный нуждался въ какомъ-нибудь промыслѣ, ибо онъ долженъ былъ и прокормить себя и заплатить за наемъ земли, а между тѣмъ писцы весьма рѣдко обозначаютъ этотъ промыселъ.

Включая въ себѣ съ одной стороны торговцевъ, рыболововъ, соледобытчиковъ и подобныхъ имъ, а съ другой—

---

[1]) I 457, 816; II 686, 751; IV 125, 536; Временникъ XI 33—42, 130, 341.

казаковъ, не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій и существовавшихъ, можетъ быть, сельскими работами на сосѣднихъ господскихъ и крестьянскихъ земляхъ, безпашенные люди представляли очень пестрый классъ; между ними были и весьма состоятельные и очень бѣдные. Въ писцовой книгѣ Шелонской пятины читаемъ:

«Да за Митею же (помѣщикъ, Татищевъ) живутъ худые люди безъ пашни, на поземѣ: дворъ Якушъ Степановъ, сапожникъ, дворъ Ивашка Миних, казакъ, дворъ Лукерка проскурница».

Въ обществѣ, гдѣ всѣ ходятъ въ лаптяхъ или на босу ногу, сапожникъ, конечно, не могъ очень разбогатѣть.

Но худые или нѣтъ были безпашенные люди, они всѣ платили владѣльцу за наемъ земли; эта плата носила наименованіе позема, дворы ихъ—назывались поземными, а сами они поземщиками (III 279, 290). Плата, обыкновенно, опредѣлялась деньгами и съ каждаго двора особо, но приводилась въ общемъ итогѣ для всѣхъ дворовъ. Худые поземщики помѣщика Татищева платили ему за 3 двора 7 денегъ. А были и хуже ихъ: Ѳеклѣ Марковой поземщики платили по 1 деньгѣ съ двора. Помѣщику Ст. Прохорову четырнадцать дворовъ платили позему 4 гривны 6 денегъ, съ двора по 4½ деньги; это уже значительная плата. Надо думать, что у этихъ поземщиковъ былъ же какой-нибудь промыселъ, а писцы вовсе не нашли нужнымъ сказать, чѣмъ они занимались (III 424). Фил. Логиновъ, торговый человѣкъ, сѣлъ на церковной землѣ безъ пашни; за свой дворъ онъ платилъ попу позему двѣ гривенки темьяну; да еще съ рядовичами, что на рѣкѣ на Ижорѣ, давалъ въ ихъ оброкъ двѣ деньги (Врем. XI 341). У Ѳеодоры, жены Вас. Глазоемцева, въ одной деревнѣ, кромѣ крестьянъ, было 4 безпашенныхъ двора, въ которыхъ жили кузнецы. Они платили за дворы 5 грив. 10 денегъ, съ двора по 1 грив. 6 денегъ. Крестьяне той же деревни, съ посѣвомъ въ 5 коробей на дворъ, платили съ двора только на 9—10 денегъ больше

этихъ безпашенныхъ людей (III 503). Кузнецы, жившіе въ деревнѣ г-жи Глазоемцевой, были очень зажиточные люди, богаче многихъ крестьянъ.—Поземщики занимались иногда и пашней. Въ Деревской пятинѣ, на погостѣ у св. Егорія, на землѣ, конфискованной великимъ княземъ у Ивана Маркова, было 8 дворовъ поземщиковъ, за эти дворы они платили великому князю поземъ. Но кромѣ того, они пахали сосѣднее силище на разъемъ, т.-е. сколько кому было нужно. (I 412).

Для полноты картины замѣтимъ, что поземщики въ обжи не клались; это потому, что въ обжи кладется пахатная земля, а они люди не пашенные. Но это не значитъ, что они не несутъ повинностей. Въ писцовыхъ книгахъ о поземщикахъ-рыболовахъ не разъ говорится, что они обложены оброкомъ на великаго князя «за обежную дань» [1]).

Изъ того, что писцовыя книги не всегда говорятъ о платежѣ безпашенными людьми оброка вмѣсто обежныхъ денегъ, еще не слѣдуетъ, что они не участвуютъ въ платежѣ этихъ денегъ. Обежныя деньги платила деревня, и деревенскіе дворы, конечно, сами распредѣляли между собой эту тягость. Дворы безпашенные стояли на земляхъ деревни, пользовались выгонами и, разумѣется, имѣли огороды. Нѣкоторые изъ поземщиковъ были богаче крестьянъ. По-

[1]) Временникъ XI 33, 42; XII 74.

На стр. 344 Временникъ XI читаемъ:

«Великаго князя рядокъ у Клетей, на рѣцѣ на Ижорѣ, отъ Невы 7 верстъ, а живутъ въ немъ торговые люди, пашни у нихъ нѣтъ (идетъ перечисленіе 8 дворовъ), а оброку давали по старому писму 12 грив. А новаго оброку положено на нихъ за обежную дань и за намѣстничь кормъ полтина».

На 181 стр. Временника XII непашенные рыболовы положены въ луки, а луки тѣ же обжи.

Въ Шелонской пятинѣ въ погостѣ Опоцкомъ на конфискованной великимъ княземъ у Ростокина монастыря землѣ сидѣло 12 дворовъ не пахотныхъ людей. Они промышляли торгомъ и извозомъ. Еще до конфискаціи за дворы они платили въ монастырь поземъ, а за промыслъ давали великому князю 2 гривны. IV 162.

чему бы такіе сравнительно богатые люди не привлекались однодеревенцами къ участію въ платежѣ обежной дани? Такъ какъ безпашенные рыболовы съ своихъ промысловъ платили даже особый оброкъ вмѣсто обежной дани, то мы не видимъ причины, почему бы населеніе деревни должно было освобождать достаточныхъ владѣльцевъ непашенныхъ дворовъ отъ участія въ уплатѣ обежной дани. Между непашенными были и очень бѣдные; если эти «худые люди» и не привлекались къ платежу обежной дани, что возможно, это не составитъ все-таки отличительнаго признака безпашенныхъ людей, такъ какъ и крестьяне освобождались отъ тягла, если приходили въ худое состояніе.

Московскіе писцы половины XVI вѣка, переписывая тѣ же новогородскія земли, начинаютъ наряду съ «непашенными людьми» и «поземщиками» употреблять новое слово «бобыли». Что бобылями они называютъ тѣхъ же непашенныхъ людей, это видно изъ того, что ихъ бобыли, какъ и поземщики, даютъ господамъ «поземъ» (IV 288, 293). Но такъ какъ въ этихъ позднѣйшихъ книгахъ доходъ по деревнямъ не указывается, а только въ итогахъ, то и о бобыляхъ въ большинствѣ случаевъ говорится коротко: а бобылей дворовъ столько то, безъ пашни. Итакъ, бобыль это новое московское наименованіе для тѣхъ же безпашенныхъ людей, которые нанимаютъ землю подъ дворы. Среди этихъ бобылей мы встрѣчаемъ знакомыхъ уже намъ кузнецовъ, рыболововъ и пр. (IV 416, 478, 509).

Эти позднѣйшія книги даютъ возможность нѣсколько пополнить наши свѣдѣнія о непашенныхъ людяхъ. Между ними и теперь есть люди достаточные. Опоцкому монастырю бобыли платятъ по 1 грив. съ двора. Эти монастырскіе бобыли люди не пашенные, но они берутъ у монастыря землю изъ оброку и пашутъ ее наѣздомъ [1]). Это значитъ, что они живутъ не на нанятой землѣ, а въ монастырской деревнѣ; а на взятую въ оброкъ землю только наѣзжаютъ для сель-

---

[1]) Неволинъ, О пятинахъ и погостахъ, Прилож., стр. 116.

скихъ работъ. То же дѣлаютъ и крестьяне, принанимая землю въ чужихъ деревняхъ; по занятіямъ бобыли, иногда, тѣ же крестьяне. Чѣмъ занимаются монастырскіе бобыли въ деревнѣ, гдѣ живутъ, этого, къ сожалѣнію, писецъ не говоритъ.

Изъ только что приведеннаго свидѣтельства видно, что бобыли занимаются пашней; а съ другой стороны, конечно, и крестьяне могутъ нанимать дворовыя мѣста, оставаясь крестьянами [1]).

Въ писцовыхъ книгахъ московскихъ уѣздовъ XVI вѣка встрѣчаемъ оба термина, и непашенныхъ людей и бобылей. Подъ этими названіями появляются тѣ же ремесленные и промышленные люди, что и въ Новгородѣ: швецы, сапожники, кузнецы, пастухи, калачники, земскіе дьячки и даже кабатчики, а между ними и бѣдныя вдовы.

Въ описяхъ дворцовыхъ крестьянъ XVI вѣка встрѣчаемъ указанія и на обложеніе непашенныхъ людей повинностями. Напримѣръ:

«Село Борки.... дворъ непашенный, а живетъ въ немъ сапожникъ, а оброку съ него въ годъ гривна; пошлинъ денга» (II 313).

При описаніи села Лотошина Микулинскаго уѣзда нахо-

[1]) Любопытное указаніе на такое соединеніе крестьянства и бобыльства въ одномъ лицѣ находимъ въ напечатанной В. Н. Сторожевымъ Сотной грамотѣ дворцоваго села Вологодскаго уѣзда 1592 года. Тамъ описаны сперва пашенные крестьянскіе дворы; въ числѣ владѣльцевъ одного такого двора показанъ Олешка Терентьевъ. А затѣмъ идетъ описаніе дворовъ, мѣстъ дворовыхъ и огородовъ, но безъ пашни. Одно такое мѣсто дворовое и одно мѣсто огородное показаны за тѣмъ же Олешкой Терентьевымъ. Онъ въ одно и то же время и крестьянинъ и бобыль. Волог. Губ. Вѣд. за 1898 г. № 23. Въ этой Сотной рѣчь идетъ о непашенныхъ дворахъ, съ нихъ берутъ поземъ, терминъ бобыль не употребляется, все это—какъ въ Новог. писц. книгахъ конца XV вѣка. Я никогда не видалъ Волог. Губ. Вѣд. и, конечно, ничего бы этого не зналъ, если бы почтенный В. Н. Сторожевъ любезно не сообщилъ мнѣ оттиска напечатанной имъ грамоты.

димъ и любопытное разъясненіе порядка обложенія непашенныхъ людей:

«И писцы... тѣ непашенные дворы пооброчили, потому что въ сошномъ письмѣ не пригодятся, и прежде сего были въ оброкѣ жъ, а платили оброку на годъ по 46 алтынъ по 4 денги, а нынѣ оброку имъ платити въ великаго князя казну, въ Дворцовой Приказъ, за ямскія и за приметныя денги, и за мелкій доходъ, и за иныя за всякія подати на годъ по 2 руб. и 13 алт. и по 5 ден., съ двора по гривнѣ, да пошлинъ дворецкаго и дьячихъ 4 алт. съ полуденгой, съ рубля по 10 ден.; а съ волостными имъ людми, съ пашенными крестьяны, съ сельчаны и съ деревенщики, не тянути... а разводити имъ тотъ оброкъ межъ себя самимъ по животомъ и по промысломъ и по дворомъ». (II 335).

На бобыляхъ лежатъ и ямскія и приметныя деньги и нѣкоторыя другія подати, какъ и на крестьянахъ, но раскладываются иначе: не по сохамъ, убо у нихъ нѣтъ земли, а по животамъ, и промысламъ, и по дворамъ. Полагаемъ, то же дѣлалось и въ Новгородѣ съ обежною данью. Это дѣлается и въ XVII вѣкѣ. По Сотной 1627 года крестьянамъ черныхъ волостей предписывалось верстаться «по пашнѣ и по угодью», а бобылямъ «по промысломъ и по животомъ» (Неволинъ, Прилож. 131).

Но почему писцы XVI вѣка стали замѣнять старые термины, непашенные люди и поземщики, совершенно опредѣленные и ясные, новымъ—бобыли, и что значитъ бобыль? Бобыль и въ старину, конечно, имѣлъ то же значеніе, что и теперь, это—одинокій, бѣдный человѣкъ. Примѣненіе такого термина для обозначенія непашенныхъ людей вообще— свидѣтельствуетъ о нѣкоторой неточности писцовъ XVI вѣка. Непашенные люди не были же непремѣнно одиночками; они конечно, имѣли семьи, а многіе изъ нихъ были богаче крестьянъ. Какъ же пришли писцы къ такому не совсѣмъ правильному обобщенію? Писцы были московскіе люди, а потому возникаетъ вопросъ, не имѣло ли какого особаго значенія въ Москвѣ слово бобыль? На этотъ вопросъ проливаютъ довольно яркій свѣтъ документы, напечатанные

г. Дьяконовымъ въ I выпускѣ актовъ, относящихся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Эти документы составлены въ XVII вѣкѣ, но порядокъ, о которомъ они свидѣтельствуютъ, не новый, а старый; они говорятъ намеками объ отношеніяхъ всѣмъ хорошо извѣстныхъ и, конечно, давно установившихся. Мы имѣемъ въ виду порядныя въ бобыли. Это удивительнѣйшіе документы.

Въ Москвѣ человѣкъ могъ сдѣлаться по договору бобылемъ, въ бобыли тамъ поступаютъ, и для этого даютъ на себя «бобыльскую оброчную запись», по которой обязываются «жить въ оброчныхъ бобыляхъ», вести себя тихо, смирно, корчмы не держать и т. д., бобыльской оброкъ платить и государевы всякія подати, по раскладу, тоже платить, и «всякое сдѣлье бобыльское съ бобыли дѣлать вмѣстѣ» (№ 35, 1644 годъ).

Ясно, московскій бобыль совсѣмъ не то, что новгородскій поземщикъ. Тотъ нанимаетъ подъ дворъ землю, на которой и живетъ, вотъ и все; онъ съемщикъ участка земли подъ дворовое строеніе. Московскій бобыль обязывается всякое сдѣлье дѣлать и оброкъ еще платить. Это не наемъ участка земли, а поступленіе въ услуженіе да еще съ обязанностью платить оброкъ. До сихъ поръ все ясно. Но тутъ же начинается и неясность. За что бобыль обязывается и служить и платить? Объ этомъ ни слова ни въ одной порядной! Сколько онъ долженъ платить оброку?—тоже не говорится. Какое онъ долженъ дѣлать сдѣлье? Въ приведенной порядной и объ этомъ ничего не сказано. «Съ бобыли дѣлать вмѣстѣ», вотъ какое сдѣлье. Намъ это непонятно; а тогда это было всѣмъ понятно и потому, конечно, что дѣло шло объ отношеніяхъ давно сложившихся, которыя и надобности не было опредѣлять ближе.

Удивительныя отношенія: всѣ обязанности на сторонѣ бобыля, а на сторонѣ господина только права. Положеніе хуже кабальнаго. Тотъ получаетъ деньги, а за % съ нихъ обязывается только служить; бобыль ничего не получаетъ, за то обязывается и служить и оброкъ платить и все это

безсрочно; но господинъ не обязывается его держать, стало быть можетъ прогнать, когда захочетъ.

Другія порядныя прибавляютъ къ указаннымъ новыя черты. Изъ № 37 узнаемъ, что бобыль живетъ у господина во дворѣ. Это много разъясняетъ. Бобылю, значитъ, даютъ пристанище, его кормятъ, одѣваютъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ еще далѣе отходитъ отъ новогородскаго поземщика. Жить во дворѣ господина, значитъ жить на чужихъ хлѣбахъ; новогородскіе же поземщики, хотя живутъ на чужой землѣ, но своимъ хозяйствомъ. Для помѣщенія московскихъ бобылей у господъ при ихъ дворахъ были даже особые бобыльскіе дворы, въ которыхъ бобыли и жили (№ 23). Отсюда, вмѣсто того, чтобы сказать «бью челомъ въ бобыли», можно было сказать: «бью челомъ во дворъ». Такъ и говоритъ Ѳедька Ивановъ, сынъ крестьянскій, что онъ «билъ челомъ во дворъ ко князю Ивану Елецкому», а изъ послѣдующаго видно, что онъ порядился къ нему въ бобыли (№ 51). Изъ того же № узнаемъ, что бобыли дѣлаютъ «пашенное и всякое господское дѣло». Итакъ, московскій бобыль слуга въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: онъ и пашетъ, и коситъ, и лошадей стережетъ, и во дворѣ служитъ и т. д., онъ дѣлаетъ всякое господское дѣло, а дѣлу этому конца нѣтъ. Какъ же онъ еще оброкъ платитъ? Откуда взять денегъ на оброкъ, если все время отдано господину, а самъ бобыль ничего не имѣетъ: живетъ въ господскомъ дворѣ и ѣстъ господскій хлѣбъ? Въ № 51 находимъ выраженіе, которымъ можно воспользоваться для отвѣта и на этотъ — практически чрезвычайно трудный вопросъ.

№ 51 очень сложенъ по содержанію. Ѳедька Ивановъ, поступившій уже въ бобыли къ князю Ив. Елецкому, бьетъ ему челомъ во крестьяне, на крестьянскій участокъ, и по этому поводу говоритъ:

«А пока мѣста я, Ѳетка, за нимъ, за князь Иваномъ, живу въ бобыляхъ... и пойду отъ него, князя Ивана, изъ двора, и мнѣ, Ѳеткѣ, давать на всякъ годъ зъ бобылства

по полтинѣ денегъ оброку за пашенное и за всякое ево дѣло».

Это все объясняетъ.

Оброкъ является здѣсь только въ видѣ неустойки на тотъ случай, когда бобыль уйдетъ со двора господина и перестанетъ на него работать. Теперь все понятно. Итакъ, условіе объ оброкѣ, который бобыль обязывается платить, въ дѣйствительности есть только предоставленіе господину права, въ случаѣ ухода бобыля, требовать съ него ежегодной платы! Это неустойка, но въ формѣ чрезвычайно невыгодной для бобыля. Она даетъ господину право сдѣлать изъ бобыля все, что угодно: онъ можетъ заставить его работать, а можетъ и на оброкъ посадить, а можетъ требовать и того и другого.

Надо думать, что на такихъ условіяхъ въ бобыли поступали очень бѣдные люди.

Но въ бобыли поряжаются и мастеровые. Въ 1649 году къ Бог. Ив. Самарину порядился въ бобыли Ив. Ивановъ, портной мастеръ. Его порядная интересна въ томъ отношеніи, что въ ней приняты нѣкоторыя мѣры къ огражденію правъ бобыля. Онъ обязывается «за оброкъ» шить четыре недѣли въ году, съ Покрова Богородицы, на Самарина и его сына. Оброкъ здѣсь замѣненъ работой и совершенно опредѣленной не только по роду и времени, но даже и по лицамъ, въ пользу которыхъ работа совершается: онъ шьетъ только на Самариныхъ, отца и сына. Затѣмъ бобыль выговариваетъ себѣ свободу промышлять, гдѣ желаетъ «рукодѣліемъ портнаго мастерства» (№ 45). И здѣсь не сказано, за что онъ будетъ четыре недѣли работать на Самарина. Но ясно, что и онъ работаетъ вмѣсто оброка, т.-е.—если не будетъ работать, то долженъ будетъ платить оброкъ. Оброкъ — опять неустойка.

Порядная другого портного, а вмѣстѣ съ тѣмъ и плотника, написана безъ всякихъ оговорокъ какихъ-либо его правъ: онъ обязывается и оброкъ платить и всякое сдѣлье съ бобылями дѣлать (№ 36).

Вотъ что такое московскіе бобыли. Это слуги, находящіеся въ худшемъ положеніи, чѣмъ кабальные люди. Но есть и черта сходства между ними. Кабальные, въ силу указовъ конца XVI вѣка, остаются въ зависимости только по смерть господина. Тоже и бобыли. Они даютъ «бобыльскую оброчную запись» извѣстному лицу и, конечно, со смертью его освобождаются отъ принятыхъ обязательствъ. Тутъ нѣтъ займа, а потому нѣтъ и основанія оставаться въ зависимости отъ наслѣдниковъ.

Надо теперь выяснить, что же заставляетъ московскихъ бобылей ставить себя въ такія тяжелыя условія? Причины этому разныя, по различію людей, поступающихъ въ бобыли. Въ бобыли поступаютъ бѣдные люди, которымъ пить, ѣсть нечего;—и не бѣдные, напримѣръ, ремесленники, которые могутъ себя прокормить. Бѣдные люди, по безвыходности своего положенія, поступаютъ на полную волю господина. Но они сами выбираютъ господина; они знаютъ, къ кому поступаютъ; они, стало быть, имѣютъ увѣренность, что за избраннымъ господиномъ имъ будетъ все же лучше, чѣмъ на свободѣ. Вотъ почему они и отдаются на всю его волю.

Въ другомъ положеніи ремесленные и мастеровые люди. За что они продаютъ свою свободу? Какъ люди ремесленные, а не пашенные крестьяне, они принадлежатъ, по всей вѣроятности, къ какому-нибудь рядку, посаду, городу и должны нести всѣ повинности наряду съ посадскими, денежныя и натуральныя; эти послѣднія повинности, состоявшія въ службахъ по кабацкимъ, таможеннымъ дѣламъ и проч., были очень обременительны. Поступая на службу частнаго господина, бобыли не освобождаются отъ платы государевыхъ податей и, какъ мы видѣли, въ своихъ записяхъ берутъ на себя обязанность платить ихъ по раскладкѣ, но они уходятъ отъ службъ. Вотъ за что, надо думать, портной Иванъ Ивановъ принимаетъ на себя обязанность работать на гг. Самариныхъ четыре недѣли въ году. Остальное время у него все свободно; его не пошлютъ ни въ рогаточные сторожа, ни въ кабацкіе цѣловаль-

ники, ни въ таможни, ни въ проводники съ подводами и т. д. потому, что онъ живетъ въ бобыляхъ въ господскомъ дворѣ.

Мы имѣемъ еще одинъ удивительнѣйшій документъ. «Три посадскихъ человѣка города Ярославля поручились въ томъ, что бобыль стряпчаго Лар. Андр. Тихменева, Ѳома Матвѣевъ, будетъ, за ихъ порукою, жить въ Ярославлѣ, никуда не съѣдетъ, ни за кого не заложится, а господину своему (Тихменеву) будетъ платить по шести рублей оброку въ годъ» (№ 65). Онъ будетъ платить за то, что будетъ жить въ Ярославлѣ! Чистѣйшій обходъ закона и ничего больше. Бобыль Ѳома Матвѣевъ будетъ жить въ Ярославлѣ, дѣлать все, что ему угодно, но какое онъ будетъ тянуть тягло и по какой раскладкѣ будетъ платить государевы подати, это не будетъ зависѣть отъ ярославцевъ, потому что онъ бобыль Тихменева. Вотъ за что онъ будетъ платить стряпчему Тихменеву шесть рублей ежегодно. Надо полагать, въ этомъ бобыльствѣ скрывается запрещенный институтъ закладничества.

Съ прикрѣпленіемъ крестьянъ и съ развитіемъ барщины, которая въ XVII вѣкѣ должна была сдѣлать большіе успѣхи, было положено начало къ совершенному смѣшенію крестьянъ съ бобылями: бобыль пашетъ на господина и крестьянинъ дѣлаетъ то же. Послѣдствіемъ этого явились порядныя въ бобыли и въ крестьяне безразлично. Въ 1645 г. архіепископскій стряпчій

«Положилъ передъ владыкой порядную запись и поставилъ за записью жонку, вдову, съ дѣтьми, и сказалъ: та вдова съ дѣтьми порядилась жить въ Троицкой вотчинѣ въ бобыляхъ или во крестьянехъ, гдѣ ей великій господинъ преосвященный псковскій и изборскій укажетъ» (№ 34, 1645 г.).

А вотъ еще документъ. Старинный крестьянинъ рядится на старую свою деревню въ бобыли и обязывается пашню пахать, пожни косить, подати государевы платить и т. д.,

все, какъ крестьянинъ. А въ концѣ говоритъ: «и впредь я въ бобыльствѣ и во крестьянствѣ крѣпокъ» (№ 18, 1630). Въ силу развитія господской власти уже въ половинѣ XVII вѣка теряется различіе между крестьяниномъ и бобылемъ: господинъ можетъ сдѣлать изъ бобыля крестьянина, а изъ крестьянина бобыля. А такъ какъ непашенные люди подати платятъ не съ сошнаго письма, а по животамъ и промысламъ, а эти животы и промыслы могутъ быть у бобылей очень невелики, то господамъ при переписи выгодно показывать крестьянъ бобылями. Правительство обратило на это вниманіе еще въ началѣ XVII вѣка и въ дозорныхъ книгахъ 1628 года предписывало новоприбылыхъ крестьянъ и бобылей класть въ живущее тягло и въ четвертную пашню «кому на чемъ мочно впредь жити и государевы всякія подати платити» (Неволинъ Приложеніе 375).

Московское бобыльство оказывается явленіемъ весьма сложнымъ. Почему же новогородскіе писцы XVI вѣка стали такъ называть поземщиковъ? Надо думать, что въ жизни между тѣми и другими были черты сходства. Юридически это два совершенно разныхъ состоянія: поземщики нанимаютъ небольшіе клочки земли, московскіе бобыли суть слуги, они обязываются ко всякимъ услугамъ и къ платежу оброка. Бѣдные новогородскіе поземщики, жившіе въ господскихъ деревняхъ, по всей вѣроятности, нанимались въ работы сельскія и всякія другія къ владѣльцамъ земли. Эти работы дѣлались по особому договору, а не въ силу того, что поземщики снимали небольшіе участки земли, но тѣмъ не менѣе они работали на господина. Вотъ фактъ, сближающій поземщиковъ съ московскими бобылями: и тѣ и другіе работаютъ на господина земли. Въ виду такого чисто внѣшняго сходства, московскіе писцы и примѣняли къ непашеннымъ людямъ терминъ бобылей.

Наконецъ, укажемъ и на то, что въ XVII вѣкѣ слово бобыль употреблялось и въ обыкновенномъ разговорномъ смыслѣ бѣдняка, которому ѣсть нечего. О такомъ бобылѣ

говорятъ дозорныя книги Деревской пятины 1620 г., онъ «кормился въ мірѣ», т.-е. онъ жилъ на счетъ общины [1]).

Выяснивъ положеніе бобылей въ XVII вѣкѣ, остановимся ближе на двухъ-трехъ записяхъ писцовыхъ книгъ XVI-го. Изъ нихъ можно видѣть, что бобыли XVII вѣка существовали въ Новгородѣ и въ Москвѣ уже въ XVI. Въ описаніи сельца Гористова, гдѣ жили сами помѣщики, братья Шишкины, читаемъ:

«А бобылей: дворъ человѣкъ ихъ, дьякъ Семенка, дворъ Ивашко поваръ, безъ пашни».

Что это за бобыли? Это несомнѣнно прислуга Шишкиныхъ, ихъ дьякъ и поваръ; но они не рабы, а свободные люди, бобыли; полагать надо, они поступили въ бобыли, дали на себя оброчную бобыльскую запись. У помѣщика Пустошкина также въ деревнѣ, гдѣ онъ самъ жилъ, были 2 двора «людей его: дворъ человѣкъ его Васюкъ, дворъ Власка бобыль». Люди—это холопы, человѣкъ Васюкъ—

[1]) У Неволина, 369.

Непашенные дворы бобылей упоминаются еще и въ описяхъ XVII вѣка. И. Н. Миклашевскій дѣлаетъ извлеченія изъ описи Успенскаго монастыря (1652), въ которой упоминаются «58 дворовъ непашенныхъ бобылей» и въ ихъ числѣ дворы: иконника, чеботарей, гончаровъ, кожевниковъ, бондарей, овчинника и даже мясника, 135. Трудно сказать, кто это, непашенные люди въ смыслѣ поземщиковъ или московскіе бобыли-слуги. Скорѣе послѣднее. Но въ описяхъ даже конца XVII вѣка можно встрѣтить бобылей совершенно въ смыслѣ новогородскихъ поземщиковъ конца XV. Въ переписной книгѣ Толвуйскаго погоста 1671 года читаемъ:

«Деревня Николщина, а въ ней живутъ бобыли непашенные (2 двора), пашни нѣтъ, кормятся работою».

Явленія новогородскаго быта конца XV вѣка безъ всякихъ измѣненій доживаютъ до конца XVII. Московскіе писцы называютъ ихъ только своимъ словомъ, это бобыли, а въ старину писали «непашенные люди». А. до Ю. Б. № 139, стр. 242. Приведенное свѣдѣніе беремъ изъ описи земель Никольскаго Вяжицкаго монастыря, которыя въ 1671 г. были конфискованы на великаго государя. Конфискація новогородскихъ земель продолжается и въ концѣ XVII вѣка.

холопъ; Власка же отмѣченъ эпитетомъ бобыль, онъ, слѣдовательно, не холопъ, а служитъ по бобыльской записи; но такъ какъ онъ «слуга», то писцы и его отнесли къ разряду «людей» помѣщика.

Въ описи села великаго князя Семена Бекбулатовича тверского, гдѣ онъ самъ жилъ, читаемъ:

«За ручьемъ пять дворовъ: сокольника, мельника, тонкопрядицы, конюха, разсыльщика, а живутъ въ крестьянскихъ дворѣхъ, а пашня тѣхъ дворовъ была припущена въ великаго князя пашню».

Это тоже безпашенные люди; они бобылями не названы, но они тоже слуги великаго князя, хотя и не были его холопами. На какомъ же основаніи они служатъ? Можно думать, тоже по бобыльской записи [1]). Въ описи Шелонской пятины конца XVI вѣка (1581) находимъ свидѣтельство о томъ, что на монастырской землѣ было дворцовъ безпашенныхъ 24 дворца, что они даютъ оброку съ дворца по гривнѣ, а дѣлаютъ въ монастырь пять дней въ году. Здѣсь и оброкъ и дѣло, какъ въ XVII вѣкѣ, но дѣло очень небольшое. Эти бобыли гораздо ближе къ поземщикамъ XV вѣка, чѣмъ къ московскимъ бобылямъ XVII. (Неволинъ, Приложеніе 116).

Для пополненія этой небольшой картины стариннаго сельскаго хозяйства, необходимо остановиться нѣсколько ближе на его дѣятеляхъ. Мы уже знаемъ, что собственное хозяйство новогородцевъ и, въ значительной мѣрѣ, новыхъ владѣльцевъ, московскихъ помѣщиковъ, велось, главнымъ образомъ, руками холоповъ. Что такое холопы и каково ихъ положеніе, объ этомъ была рѣчь въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь насъ интересуетъ вопросъ о числѣ холоповъ и ихъ деревенской дѣятельности. Новогородскіе сведеные бояре и бояришки увели съ собою въ Москву своихъ людей, а по-

---

[1]) Ногогородскія писцовыя книги, IV 316, 407; ср. еще 257, 408, 430; Писцовыя книги XVI вѣка, подъ редакціей Калачова, II 360.

тому писцовыя книги не сохранили свѣдѣній ни о числѣ ихъ, ни о дѣятельности. Описывая старое, они говорятъ коротко: «жилъ такой-то съ своими людьми», или «на такого-то пахали его люди», да, при перечисленіи стараго дохода, приводятъ доходъ ключниковъ, вотъ и все. Болѣе подробныя свѣдѣнія даютъ они о людяхъ новыхъ владѣльцевъ. Мы ими и воспользуемся; существенныхъ различій тутъ быть не могло.

Наша древность отличается очень незначительнымъ развитіемъ рабства. Мы уже имѣли случай указать въ другомъ мѣстѣ на это явленіе. Московскіе князья, умирая, обыкновенно, отпускаютъ на волю всѣхъ своихъ холоповъ. Фактъ невозможный, если бы богатство князей обусловливалось рабскимъ трудомъ. Не отличается большимъ развитіемъ и рабство у частныхъ владѣльцевъ. Весьма нерѣдко весь холопскій составъ хозяйства новогородскихъ помѣщиковъ ограничивается однимъ—двумя дворами. Если считать на дворъ по 5 человѣкъ, получимъ на хозяйство отъ 5 до 10 холоповъ, считая стариковъ и дѣтей. Иногда число людскихъ дворовъ возрастаетъ до 5, 6, 8. У князя Семена Пріимкова было 6 дворовъ, у князя Ивана Пужбальскаго— 8, у князя Дмитрія Пріимкова тоже 6, но это въ двухъ мѣстахъ, да у сыновей его, Баламута да Воина, по одному двору. Такъ не великъ составъ холоповъ даже у лицъ княжескихъ фамилій.

Право имѣть холопа принадлежало всякому свободному, и мы встрѣчаемъ холоповъ не только у помѣщиковъ, но у посадскихъ и даже у крестьянъ. Въ Шелонской пятинѣ у помѣщиковъ Самариныхъ-Квашниныхъ, Григорія и Степана Ивановичей, была деревня Песцово, въ два двора, въ одномъ дворѣ жилъ крестьянинъ Ивашко Якимовъ, а въ другомъ его человѣкъ, Митка. Но если у самихъ помѣщиковъ людей было немного, то у крестьянъ это случай чрезвычайно рѣдкій. Онъ встрѣчается, однако, и на Московской территоріи въ XVI вѣкѣ. Въ черной волости Тверскаго уѣзда была деревня Якимцово въ 4 двора, въ одномъ

жилъ крестьянинъ Бориско, а въ другомъ «Борисковы люди».

Это небольшое число слугъ было призвано къ самой разнообразной дѣятельности. Они служили въ домѣ господина, вели его переписку, управляли его деревнями, они же пахали, сѣяли, косили. У помѣщика Сома Линева въ числѣ слугъ были: дьякъ, поваръ, садовникъ. Къ сожалѣнію, такія отмѣтки писцовъ очень рѣдки. Можетъ быть, они скупы на нихъ потому, что въ описываемое время не было спеціализаціи должностей. Дьякъ, поваръ, садовникъ не только дѣлали свое дѣло, писали, разводили сады, стряпали, но въ рабочую пору пахали и косили. О перечисленныхъ трехъ именно сказано: «сѣютъ ржи на Сома 14 коробей». Въ числѣ холоповъ были, конечно, и люди годные только для сельскихъ работъ; они отмѣчаются словомъ «страдникъ», но и это не часто [1]).

Самое высокое положеніе среди слугъ занимали ключники, они же посельскіе, а иногда называются и тивунами. Ключники и тивуны извѣстны уже Русской Правдѣ. По общему правилу это несвободные люди. Они назначаются для сбора доходовъ съ крестьянъ, храненія сельскихъ продуктовъ и другихъ хозяйственныхъ дѣйствій. Живутъ они въ особыхъ дворахъ, нерѣдко пашенныхъ, и занимаются сельскимъ хозяйствомъ, но на себя, а не на господина. Они не облагаются никакимъ сборомъ въ пользу господина, а за свой трудъ по управленію получаютъ съ крестьянскихъ дворовъ особый доходъ. Нѣкоторые владѣльцы имѣли только одного управляющаго, ключника или посельскаго, другіе и ключника и посельскаго. Ключникъ, надо думать, стоялъ въ этихъ случаяхъ выше, у него—ключи; посельскій, можетъ быть, былъ нуженъ для разъѣздовъ по деревнямъ—и сбора

[1]) I 27, 56, 88, 107, 118, 131, 194, 252, 263, 285, 353, 358, 470, 546, 574; II 19, 30, 43, 198; III 725; IV 437; Времен. XII 13. Дьяконовъ, Акты II № 70, 1642. Холопы называются страдниками и въ московскихъ писцовыхъ книгахъ. Калачовъ II 126.

повинностей на мѣстахъ. Доходъ этихъ управителей былъ очень различенъ. У новогородца Григ. Секерина ключникъ получалъ съ двора съ большимъ посѣвомъ 2 бараньихъ лопатки и 2 овчины, съ меньшимъ по одной; у купцовъ Шалимовыхъ ключникъ и посельскій получали съ большихъ посѣвовъ—по 1 и 3/4 коробьи ржи и овса, по 4 сыра, по 2 бараньихъ лопатки, по 4 горсти льну.—Въ описяхъ встрѣчается не мало деревень, въ которыхъ этотъ доходъ вовсе не показанъ. Вѣроятно, тамъ не было ни ключниковъ, ни посельскихъ; а, можетъ быть, крестьяне исключали въ своихъ рядныхъ этотъ расходъ. Иногда прямо пишется «поселья нѣтъ».

Ключники и посельскіе, гдѣ они были, не непремѣнно назначались въ каждую волость, ихъ назначали и одного на нѣсколько волостей. Въ такихъ случаяхъ для нихъ устраивались особые дворы для пріѣзда [1]).

Малое развитіе рабства дѣлало необходимой ту фермерскую систему хозяйства, которая была у насъ въ древности преобладающей. За небольшимъ исключеніемъ 2—3 деревень, всѣ земли сдавались въ наемъ крестьянамъ. Наряду съ свободными людьми, которые вели полное крестьянское хозяйство на арендованныхъ земляхъ, были и такіе, которые довольствовались наймомъ небольшихъ участковъ земли подъ дворы и огороды и кормили себя торговлей, ремеслами и промыслами. Живя въ тѣхъ же селахъ и деревняхъ, гдѣ жили и землевладѣльцы, они своимъ трудомъ и услугами пополняли недостаточно развитой рабскій трудъ. Это поземщики и бобыли. Поземщики работали въ качествѣ наймитовъ, извѣстныхъ еще Русской Правдѣ. Она называетъ ихъ закупами.

Крестьяне, которые снимали чужія земли, также нуждались иногда въ помощникахъ. Они тоже могли обращаться къ рабскому труду, но это очень рѣдкіе случаи. Гораздо чаще находимъ указанія на обращеніе ихъ къ

[1]) I 26, 641, 708, 484. 851; III 28; Времен. XI 132.

труду свободныхъ людей, которые сами не были въ состоянiи вести своего самостоятельнаго хозяйства. Эти свободные люди, работавшiе въ чужомъ хозяйствѣ, встрѣчаются въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ подъ именемъ захребетниковъ.

Терминъ «захребетника» чрезвычайно выразителенъ. Онъ указываетъ на человѣка не самостоятельнаго, а живущаго за чужимъ хребтомъ. Но что такое этотъ чужой хребетъ? Это символъ человѣка, который живетъ своимъ хребтомъ, т.-е. гнетъ спину на работѣ, живетъ трудами рукъ своихъ. Это крестьянинъ или поземщикъ, но не своеземецъ, который живетъ доходомъ съ земли, не прикладывая къ ней рукъ. Согласно съ этимъ, мы встрѣчали захребетниковъ только у крестьянъ да поземщиковъ, а не у помѣщиковъ. Смотря по достатку крестьянина, захребетникъ его живетъ или въ одномъ съ нимъ дворѣ, или въ особомъ. Но не всегда крестьянинъ, нуждавшiйся въ подспорномъ трудѣ, былъ въ состоянiи имѣть своего отдѣльнаго захребетника. Не рѣдки случаи, когда нѣсколько дворовъ имѣютъ одного общаго захребетника. Въ такихъ общихъ захребетникахъ надо видѣть несомнѣнное указанiе на то, что эти дворы ведутъ общее хозяйство. Эти общiе захребетники всегда живутъ въ особыхъ дворахъ [1]).

Захребетники, конечно, жили у крестьянъ по порядным; они тѣже наймиты. Но ни одна изъ такихъ порядныхъ не дошла до насъ, а потому подробности условiй ихъ найма остаются неизвѣстными.

Кромѣ захребетниковъ встрѣчаемъ еще **подворниковъ**. Это что-то очень пестрое. Они были и у крестьянъ, и у своеземцевъ, и у помѣщиковъ.

---

[1]) I 2, 10, 18, 42, 52, 53, 56, 64; II 707, 725, 728, 771; IV 162. Обыкновенно, писцы, назвавъ дворъ крестьянскiй или нѣсколько дворовъ, продолжаютъ такъ: «а захребетникъ его» или «а захребетникъ ихъ». Но иногда захребетникъ называется безъ обозначенiя чей онъ. Это, конечно, недописка. Захребетникъ всегда у кого-либо за хребтомъ.

Подворники крестьянъ, надо думать, то же, что захребетники, только иначе названы. Они живутъ и въ однихъ дворахъ съ крестьянами и въ особыхъ, и состоятъ при одномъ хозяинѣ и при многихъ. Въ монастырской волосткѣ была деревня Захаровъ Дворъ. Въ этой деревнѣ было два двора, Васки Якушова да Ѳедки Захарова, и у нихъ пять подворниковъ, которые жили съ ними въ однихъ дворахъ. Ѳедоръ Захаровъ, конечно, устроитель деревни, которая по его имени и названа; Василій Якушовъ — его товарищъ. Они ведутъ общее хозяйство и довольно большое, у нихъ 98 пудовъ посѣва ржи, это составитъ для Деревской пятины отъ 8 до 12 десятинъ въ полѣ. Ихъ подворники, конечно, у нихъ работаютъ по найму, это тѣ же захребетники.

Съ такимъ же характеромъ являются подворники и у нѣкоторыхъ своеземцевъ, напримѣръ, въ деревнѣ Исаково живутъ своеземцы Аверкіевы, 4 брата, въ одномъ дворѣ, а другой дворъ занимаетъ ихъ подворникъ, Палка, сѣютъ они ржи 11 коробей. Ихъ подворникъ, конечно, сѣетъ на нихъ. Но есть своеземцы, у которыхъ подворники пашутъ на себя и даютъ своеземцамъ доходъ, какъ и крестьяне. Есть монастырскіе дворы, въ которыхъ живутъ подворники и сѣютъ на себя; другіе подворники живутъ въ помѣщичьихъ дворахъ и своеземцевыхъ и платятъ имъ поземъ [1]).

Связать всѣ эти факты въ одно цѣлое довольно трудно. Но кое-что ясно. У крестьянъ подворникъ только другое названіе для захребетника. Почему захребетнику можно дать это другое названіе? Захребетникъ, хотя бы онъ жилъ и въ особомъ дворѣ, работаетъ на своихъ хозяевъ не только въ полѣ, но и въ ихъ дворѣ, работаетъ у нихъ по двору, отсюда онъ подворникъ.

Подворники своеземцевъ и помѣщиковъ, которые сѣютъ, пашутъ и даютъ доходъ и поземъ, могутъ быть поряжаемы и къ работамъ по двору, въ этомъ ихъ различіе отъ кресть-

---

[1]) I 13, 37, 215, 345, 681, 808, 810 и сл.; II 600.

янъ и поземщиковъ въ собственномъ смыслѣ слова; по этому признаку они и могутъ называться подворниками [1]).

Рядныя подворниковъ до насъ тоже не дошли.

Можно сомнѣваться, чтобы въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ были обозначены всѣ захребетники и подворники, которые были въ дѣйствительности. Точному обозначенію количества населенія деревни писцами, кажется, не придавалось значенія. Въ опись деревни входитъ описаніе дворовъ, какъ хозяйственныхъ единицъ, количества посѣва, обежъ, дохода владѣльца, а не населенія деревни, которое коротко представляется наименованіемъ однихъ домохозяевъ. При такомъ характерѣ описи не было особой надобности вводить въ нее захребетниковъ и подворниковъ, особенно тѣхъ, которые жили въ однихъ дворахъ съ хозяевами. Въ дѣйствительности и захребетниковъ и подворниковъ, надо думать, было больше, чѣмъ въ книгахъ указано.

---

[1]) Отъ подворниковъ надо различать дворниковъ. Эти послѣдніе встрѣчаются въ старыхъ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ при описаніи городовъ, но не селъ и деревень. Для уясненія ихъ роли характерно описаніе города Орѣшка. Тамъ есть дворы своеземцевъ на посадѣ, въ которыхъ живутъ сами своеземцы. Въ этихъ дворахъ дворниковъ нѣтъ. А есть тамъ же 19 дворовъ своеземцевыхъ же, но своеземцы въ нихъ не живутъ, они, по всей вѣроятности, живутъ въ деревняхъ; въ этихъ дворахъ живутъ дворники. Итакъ, эти дворники XV вѣка совсѣмъ не то, что петербургскіе XIX-го. Они не для работъ по двору, а живутъ во дворѣ и охраняютъ этотъ дворъ въ отсутствіе хозяина. Кто они? Они могутъ быть и холопы и свободные. При маломъ развитіи рабства, они въ большинствѣ случаевъ свободные люди. А житье свободныхъ промышленныхъ людей въ чужихъ городскихъ дворахъ можетъ подрывать промыслы тѣхъ, кто живетъ въ своемъ домѣ. Они могутъ выдавать себя за зависимыхъ людей, за рабовъ, и не отбывать городского тягла. Вотъ почему объ этихъ дворникахъ въ писцовыхъ книгахъ говорится: «А дворники съ горожаны тянутъ». Времен. XI 113. Новог. пис. кн. I ст. 153 упоминаетъ дворника въ волости великаго князя въ старомъ боярскомъ дворѣ. Это мѣсто не ясно. Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка упоминаются дворники въ монастырскихъ дворахъ въ деревняхъ. Калачовъ II 328. Это то же, что Орѣховскіе дворники.

Обращеніе крестьянъ къ найму работниковъ можно наблюдать и въ XVII вѣкѣ. Изъ одной псковской порядной въ бобыли, составленной въ 1628 году, узнаемъ, что «мужикъ», порядившійся въ бобыли, жилъ передъ тѣмъ нѣкоторое время у крестьянина. Какъ же онъ у него жилъ? Конечно, какъ захребетникъ или подворникъ [1]).

Теперь хорошо было бы выяснить доходность новгородскихъ имѣній и тягость или относительную легкость крестьянскихъ платежей. Къ сожалѣнію, мы не въ состояніи этого сдѣлать. Мы указывали размѣры (приблизительно) крестьянскихъ участковъ и падающіе на нихъ платежи. Платежи эти, за исключеніемъ нѣкоторыхъ статей, легко перевести на деньги въ тогдашней валютѣ и на вѣсъ серебра. Эти указанія не трудно и значительно увеличить: матеріалъ для нихъ даетъ каждая страница писцовыхъ книгъ. Но идти далѣе мы не можемъ. Мы не находимъ возможности сказать, какую современную цѣнность представляла тогдашняя гривна или рубль и этимъ перевести на понятныя намъ величины крестьянскія повинности XV-го вѣка. Попытки, сдѣланныя для перевода цѣнности стариннаго рубля на наши, представляются намъ недостаточно убѣдительными [2]).

Крестьянскія повинности были чрезвычайно неравномѣрны. Даже у одного и того же владѣльца и въ одной и той же мѣстности одни крестьяне платили много, другіе, при томъ же количествѣ земли, мало: однимъ было тяжело, другимъ легко. Эта разрозненность крестьянскихъ интересовъ, можетъ быть, и была причиной, что до насъ не дошло отъ того времени никакихъ жалобъ на тягость крестьянскихъ повинностей. По крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту я не могу припомнить никакихъ данныхъ въ этомъ смыслѣ.

Недовольство же землевладѣльцевъ своимъ положеніемъ оставило свой слѣдъ въ лѣтописныхъ запискахъ конца

---

[1]) Дьяконовъ, Акты I № 7.

[2]) См. объ этомъ статью проф. Ключевскаго, Русскій рубль XVI—XVIII вѣка въ его отношеніи къ нынѣшнему. Чтенія за 1884 г. кн. I.

XV вѣка, т.-е. какъ разъ въ то время, когда составлялись новогородскія писцовыя книги. Но оно было высказано не новогородцами, а ихъ ближайшими сосѣдями, псковичами.

Въ 1485 году въ Псковѣ произошло острое столкновеніе между крестьянами (смердами) и землевладѣльцами. Изъ разсказа лѣтописца объ этомъ, къ сожалѣнію, слишкомъ краткаго, можно, однако, вывести, что причиной столкновенія было желаніе землевладѣльцевъ установить урочныя работы, т.-е. барщину. Надо думать, что имѣлось въ виду опредѣлить эти работы общимъ постановленіемъ и дать крестьянамъ «урокъ», т.-е. законное опредѣленіе. Противъ этого возстали крестьяне. Нѣкоторые изъ нихъ были схвачены, биты, одинъ, а можетъ быть и болѣе, казнены, многіе заключены въ тюрьму. Въ это столкновеніе, по вызову псковичей, долженъ былъ вмѣшаться самъ князь великій, Иванъ Васильевичъ. Онъ выслушалъ обѣ стороны и рѣшилъ дѣло въ пользу крестьянъ. Посламъ отъ бояръ онъ высказалъ свое неудовольствіе, велѣлъ имъ схваченныхъ смердовъ отпустить и «жить по старинѣ». Жить по старинѣ — т.-е. безъ урочныхъ работъ, а такъ, какъ жили въ Новгородѣ и вездѣ.

Что введеніе урочныхъ работъ, т.-е. барщины, было поводомъ къ столкновенію, это мы выводимъ изъ слѣдующаго разсказа лѣтописца. Послѣ того, какъ великій князь «отдалъ псковичамъ вины ихъ о смердахъ, нелюбье отложилъ и велѣлъ жить по старинѣ», вотъ какой случай, по разсказу лѣтописи, произошелъ во Псковѣ.

«И потомъ, по малѣ времени, прилучися нѣкоему попу у норовскихъ смердовъ чести грамоти, и найде тую грамоту, како смердамъ изъ вѣковъ вѣчныхъ князю дань даяти и Пскову и всякіи работы урочныи по той грамотѣ имъ знати; а о той грамотѣ смердьи всей земли смятенье бысть, что они, потаивши грамоти, не потягнуша на своя работы, а псковичемъ не свѣдущемъ о нихъ, како отъ начала бысть, а они обольстиша князю великому, и о томъ все по криву сказаша. И таковую грамоту смердъ исторже у попа изъ рукъ и скры».

Вслѣдствіе этого поповскаго открытія законченное было столкновеніе бояръ со смердами снова разгорѣлось.

Что псковичи не знали, «како отъ начала бысть», т.-е., каковы были старинныя отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ, это, конечно, дѣло невозможное. Весь этотъ разсказъ — есть сочиненіе сторонника боярской партіи, желавшей установить барщину. Но съ какою цѣлью надо было сочинить такой невѣроятный разсказъ? Это очень ясно. Великій князь, выслушавъ крестьянъ и увидавъ, что требованіе землевладѣльцевъ есть новшество, велѣлъ жить по старинѣ. Сторонники урочныхъ работъ захотѣли доказать, что барщина есть старина. Отсюда — открытіе «нѣкоего попа», имѣющее цѣлью доказать, что урочныя работы существуютъ «изъ вѣковъ вѣчныхъ по грамотѣ». Только, эта грамота въ руки не далась, смердъ ее изорвалъ. Объ открытіи «нѣкоего попа» все-таки было доведено до свѣдѣнія великаго князя. Но онъ остался при прежнемъ мнѣніи.

«И князь великій, ярымъ окомъ воззрѣвъ, рече: давно ли азъ вамъ о смердахъ вины отдахъ? а нынѣ на тоже наступаете»? [1])

Тѣмъ и кончилось столкновеніе. Время для всеобщей барщины еще не наступило.

Съ установленіемъ обязательной службы для своеземцевъ и вотчинниковъ и съ точнымъ опредѣленіемъ размѣровъ этой службы, особенно сильно должны были почувствоваться землевладѣльцами неудобства описанныхъ хозяйственныхъ порядковъ. Свои люди оказались нужными не только для пашни, работъ и услугъ по дому, но и для сопровожденія въ походахъ; а ихъ и для одного хозяйства было не много. Далѣе, фермерская система пользованія землями была менѣе выгодна, чѣмъ барщинная, но перейти на барщину, при свободномъ крестьянствѣ, не зависѣло отъ воли

[1]) Псков. II 1485. Мы имѣли уже случай коснуться этого столкновенія въ I т. Древностей, но съ другими цѣлями.

землевладѣльца. У кого было много земель, тотъ могъ легко справиться съ своими служебными обязанностями; но людямъ мало-земельнымъ приходилось очень тяжело. Такое положеніе дѣлъ должно было вызывать жалобы на недостатокъ рукъ, на неудобства свободнаго перехода крестьянъ и стремленіе къ его ограниченію и совершенной отмѣнѣ. Прикрѣпленіе крестьянъ и переходъ отъ подворной аренды къ большимъ деревнямъ съ барщиннымъ хозяйствомъ могъ быть желателенъ и для крупныхъ собственниковъ, но особенно стремиться къ нему должны были мелкіе владѣльцы.

Этотъ мотивъ прикрѣпленія крестьянъ ясно слышится въ указахъ, въ которыхъ рѣчь идетъ объ ограниченіи крестьянской свободы. Въ указѣ царя Василія Шуйскаго читаемъ: «Царь Федоръ Ивановичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянъ заказалъ» [1]). «Старѣйшіе бояре» были, значитъ, противъ за-

[1]) Карамзинъ первый высказалъ сомнѣніе въ подлинности этого указа «по слогу и выраженіямъ необыкновеннымъ въ бумагахъ того времени». X пр. 349. Но это сомнѣніе не мѣшадо ему вмѣстѣ съ Татищевымъ признавать отмѣну правительствомъ Юрьева дня и именно въ царствованіе Ѳедора Ивановича. Погодинъ, приписывая отмѣну Юрьева дня обстоятельствамъ, а не Борису, допускаетъ возможность указа, но вступленіе къ нему считаетъ подложнымъ. Рус. Бесѣда, 1858, № 129. Вотъ это вступленіе:

«Лѣта 7115 (1607) марта въ 9 день государь царь и великій князь Василій Іоанновичъ всея Руси съ отцомъ своимъ Гермогеномъ патріархомъ, со всемъ освященнымъ соборомъ и со своимъ царскимъ синклитомъ, слушавъ доклада Помѣстной избы отъ бояръ и дьяковъ, что переходомъ крестьянъ причинялися великія кромолы, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, чего де при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ не было, потому что крестьяне выходъ имѣли вольный: а царь Ѳедоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ, и у кого колико тогда было, книги учинилъ, и послѣ отъ того началися многія вражды, кромолы и тяжи. Царь Борисъ Ѳедоровичъ, видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги оставилъ и переходъ крестьяномъ далъ, да не совсѣмъ, что судьи не знали, како по тому суды вершити, и нынѣ въ томъ учинились распри и насилія, и многимъ разоренія и убивства смертныя, и многіе разбои, и по путемъ грабленія содѣяшася и содѣваются». Судебникъ по рукописи Татищева, стр. 240.

Таковъ докладъ Помѣстнаго приказа, а далѣе слѣдуетъ царскій приговоръ, но не въ духѣ доклада: запрещеніе Юрьева дня, причина

прещенія свободы выхода; могли быть противъ этой мѣры и всѣ находившіеся въ ихъ положеніи, т.-е. всѣ сильные

столькихъ бѣдствій, не только не отмѣняется, но для сыска крестьянъ назначается болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ тотъ, какой былъ прежде, а именно—15 лѣтъ.

Противникомъ Карамзина и Погодина выступилъ Костомаровъ и превосходно разъяснилъ неосновательность сомнѣній и полную недоказанность мнѣнія о подлогѣ вступленія. Въ этой же статьѣ авторъ приводитъ рядъ совершенно вѣрныхъ соображеній о томъ, что указъ 1597 года о пятилѣтней давности сыска бѣглыхъ крестьянъ непремѣнно предполагаетъ отмѣну Юрьева дня. Архивъ истор. и практич. свѣдѣній, 1859, кн. II. Мы вполнѣ присоединяемся къ его мнѣнію и очень сожалѣемъ, что эта превосходная статья имѣла такъ мало вліянія на послѣдующую литературу. Незамѣтно даже, чтобы сторонники противоположнаго мнѣнія, въ такомъ обиліи появившіеся въ концѣ XIX вѣка, были хорошо съ нею знакомы. — Языкъ указа 1607 г., дѣйствительно, можетъ быть подновленъ и испорченъ. Но противорѣчіе доклада указу ничего не говоритъ противъ подлинности какой-либо части памятника. Докладъ составленъ въ Помѣстномъ приказѣ и есть мнѣніе его членовъ. Указъ же выражаетъ волю государя, который могъ руководствоваться совершенно иными соображеніями. Не повторяя такъ хорошо сказаннаго Костомаровымъ, прибавимъ только одно соображеніе.

Если Погодинъ утверждаетъ, что вступленіе есть актъ подложный, то, надо думать, оно написано не членами Помѣстнаго приказа, а какими-либо другими лицами. Совершая этотъ подлогъ, составители вступленія, конечно, не шутили, писали не для забавы, а для достиженія какой-либо выгодной для нихъ цѣли. Съ какой же цѣлью они совершили этотъ подлогъ? Что есть во вступленіи такого, что могло бы имѣть практическое значеніе и вести къ достиженію какого-либо интереса для учинителей подлога? Составители доклада весьма настаиваютъ на ябедахъ, насиліяхъ, враждѣ, тяжбахъ, убійствахъ и разореніяхъ, причиняемыхъ «переходомъ крестьянъ», т.-е., существующими правилами о переходѣ. Эти указанія свидѣтельствуютъ о томъ, что они не были сторонниками послѣднихъ правилъ, имъ не нравилась отмѣна Юрьева дня, и только. Что отмѣна Юрьева дня могла быть причиной волненій и безпорядковъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Но какая можетъ быть цѣль подлога въ утвержденіи всѣмъ извѣстнаго факта? И придумать нельзя. Далѣе, они утверждаютъ, что волненіе, вызванное отмѣной Юрьева дня, вынудило Бориса дать переходъ, но не всѣмъ. Это частичное возстановленіе перехода повело, по ихъ мнѣнію, еще къ большимъ замѣшательствамъ, и судьи не знали, какъ рѣ-

люди. Въ чью же пользу были закрѣплены крестьяне? Въ пользу мелкихъ служилыхъ людей, которые составляли ядро войска. Голосъ этихъ мелкихъ служилыхъ людей ясно слы-

---

шать возникающія изъ указовъ Бориса споры. Что Борисъ возстановилъ въ 1601 и 1602 году переходъ крестьянъ, это подтверждается его указами; что эти указы произвели на практикѣ замѣшательство, это весьма вѣроятно, такъ какъ въ новыхъ указахъ Бориса дѣйствительно не легко было разобраться. Здѣсь опять нѣтъ никакого умысла, который объяснилъ бы необходимость подлога. Остается ссылка на Бориса, утверждающая, что онъ провелъ отмѣну Юрьева дня, не обращая вниманія на мнѣніе старѣйшихъ бояръ. И въ этомъ невозможно видѣть побужденія къ подлогу. Убѣдилъ Борисъ царя Ѳеодора отмѣнить Юрьевъ день или нѣтъ, это совершенно безразлично для составителей подложнаго вступленія. Ссылкой на этотъ фактъ не достигаются рѣшительно никакія цѣли — ни добрыя, ни злыя. И такъ, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній думать, что вступленіе есть актъ поддога: для такого дѣйствія обстоятельства дѣла не представляютъ ни малѣйшей почвы. Остается думать, что оно написано членами Помѣстнаго приказа и содержитъ въ себѣ совершенно достовѣрные факты. Всѣ приведенные въ немъ факты дѣйствительно вѣрны, и члены Помѣстнаго приказа, сочувствующіе свободѣ перехода, дѣйствительно могли ихъ привести, чтобы побудить царя къ соотвѣтствующей мѣрѣ. Но это имъ не удалось. Сочинять же это вступленіе лицамъ постороннимъ и послѣ совершившагося уже факта не имѣетъ ни малѣйшаго смысла, къ этому нѣтъ ни малѣйшаго побужденія.

Распоряженіе слѣдующаго за докладомъ указа о 15-лѣтней давности для сыска бѣглыхъ крестьянъ ничего не представляетъ собой невѣроятнаго и тоже прекрасно разъяснено Костомаровымъ. Мы прибавимъ только, что установленная указомъ давность не представляется исключительной. Въ указѣ 1642 года встрѣчаемъ ту же 15-лѣтнюю давность для сыска вывозныхъ крестьянъ. А. И. III, стр. 111.

Еще менѣе вѣроятно предположеніе проф. Бѣляева. Онъ думаетъ, что поддѣлка совершена въ XVIII вѣкѣ. Крестьяне на Руси, 103. Кому и какой могъ быть интересъ сочинять въ XVIII вѣкѣ указъ объ ограниченіи крестьянскаго выхода для XVII вѣка? Считая весь указъ подложнымъ, проф. Бѣляевъ въ доказательство своего мнѣнія, между прочимъ, указываетъ на то, что указъ будто бы смѣшиваетъ крестьянъ съ холопами. Такого смѣшенія въ указѣ нѣтъ.

К. П. Побѣдоносцевъ не отрицаетъ подлинности указа 1607 г., но пологаетъ, что онъ оставался безъ исполненія и потерялъ силу. Ист. из. и ст. 13. Это возможно.

шится въ указѣ 1642 года. Въ ихъ челобитьи отъ 1641 года написано:

«Бѣгаютъ изъ-за нихъ старинные ихъ люди и крестьяне въ государевы дворцовыя и въ черныя волости и села, и въ боярскія помѣстья и вотчины, и въ патріарши, и въ митрополичьи, и въ архіепискупли, и въ епискупли, и въ Троицкіе и въ иныхъ разныхъ монастырей, и за бояръ, и за стольниковъ, и за стряпчихъ, и за дворянъ московскихъ, и всякихъ чиновъ за помѣщиковъ и за вотчинниковъ, на льготы. И тѣ многіе помѣщики и вотчинники и монастыри ихъ бѣглымъ людемъ и крестьяномъ на пустыхъ мѣстахъ слободы строятъ, а ихъ помѣстья и вотчины отъ того ставятся пусты. И тѣжъ ихъ бѣглые люди и крестьяне, выживъ за тѣми людьми урочные годы и надѣясь на тѣхъ силныхъ людей, гдѣ кто учнетъ жити, приходя изъ за тѣхъ людей, и достальныхъ людей и крестьянъ изъ за нихъ подговариваютъ, и домы ихъ поджигаютъ и разоряютъ всякимъ разореніемъ. Да на тѣхъ же ихъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, хотя укрѣпити ихъ впередъ за собою, имали на нихъ судныя записи и всякія крѣпости въ большихъ ссудахъ и займѣхъ, и иные помѣстными и вотчиными землями и всякими угодьи, и людьми, и крестьяны завладѣли насилствомъ» (А. И. III № 99, п. XXXIII).

Это чистѣйшая хозяйственная война сильныхъ людей со слабыми. Сильные люди, имѣя и денегъ много и земель, побѣждаютъ слабыхъ и переманиваютъ отъ нихъ крестьянъ. Такая война могла происходить и до отмѣны Юрьева дня. Очень понятно, теперь, почему «старѣйшіе бояре» были противъ предложенія Бориса царю Өеодору.

Послѣдствіемъ этого челобитья была очень важная мѣра. Всѣ ссудныя записи и всякія крѣпости въ ссудахъ и займахъ, выданныя перешедшими крестьянами, объявлены ничтожными и взысканію не подлежащими: «не принимай чужихъ крестьянъ, не давай имъ ссуды». Маленькіе люди просили бо́льшаго, они просили о полной отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ. Это ходатайство ихъ не было удовлетворено. Указъ 1642 г. назначаетъ 10-лѣтнюю давность для иска бѣглыхъ крестьянъ.

Неудобства отъ свободы крестьянскаго выхода испытывались не одними только мелкими служилыми людьми, но и государевыми богомольцами. Жаловались и они. Правительству нельзя было не обратить вниманія на эти жалобы, онѣ затрогивали весьма существенные для него интересы. И вотъ съ XV уже вѣка начинается рядъ распоряженій, которыми право выхода крестьянъ въ пользу нѣкоторыхъ владѣльцевъ ограничивается, а иногда даже и вовсе отмѣняется. Самый древній извѣстный намъ случай отмѣны свободы крестьянскаго выхода сдѣланъ въ пользу Троицы-Сергіева монастыря. Великій князь Василій Ивановичъ дозволилъ этому монастырю не выпускать наличныхъ (въ моментъ указа) крестьянъ изъ села Присѣкъ, Бѣлозерскаго уѣзда, и изъ всѣхъ монастырскихъ селъ Углицкаго уѣзда (А. И. I № 59, 1455).

Судебники установляютъ одинъ срокъ крестьянскаго выхода; это существенное ограниченіе крестьянской свободы; но выходъ и послѣ этого, по общему правилу, остается правомъ крестьянъ. Только въ концѣ XVI вѣка отмѣняется Юрьевъ день, но и это не было еще окончательнымъ закрѣпленіемъ крестьянъ, оставались еще урочные годы. Этотъ послѣдній обломокъ крестьянской свободы былъ отмѣненъ только въ половинѣ XVII вѣка. Обо всемъ этомъ мы имѣли случай говорить раньше и подробнѣе (Древн. I стр. 239 и слѣд.). Не повторяя сказаннаго, мы воспользуемся теперь только данными такихъ памятниковъ, на которые намъ не пришлось раньше указывать.

Общій срокъ крестьянскаго выхода впервые установленъ судебникомъ 1497 года, но правительство примѣняло его къ рѣшенію частныхъ случаевъ и раньше. Въ 1466/78 году игуменъ Троицы-Сергіева монастыря, Спиридоній, жаловался великому князю на то, что монастырскіе крестьяне вышли «сей зимы о Сборѣ». Великій князь приказалъ посадить ихъ по старымъ мѣстамъ, гдѣ кто жилъ, до Юрьева дня до осенняго.

Въ Судебникахъ дана общая норма порядка крестьян-

скаго выхода. Что этотъ общій законъ дѣйствуетъ повсемѣстно, за исключеніемъ лишь тѣхъ селъ и деревень, для которыхъ дѣйствіе его отмѣнено специальными правительственными распоряженіями, это видно изъ слѣдующихъ памятниковъ.

Въ 1555 году крестьяне черныхъ становъ Ржевы Пустой били челомъ государю и сказывали, что дѣти боярскія Ржевскія и иныхъ присудовъ «вывозятъ за себя во хрестьяне» крестьянъ изъ черныхъ деревень «не по сроку, а по вся дни, безпошлинно».

Наша старина знаетъ «выходъ» и «вывозъ» крестьянъ. Юридически тутъ нѣтъ никакого различія; фактически же большое. Выходъ—дѣло трудное, и мы видѣли, что новогородскіе крестьяне остаются на своихъ мѣстахъ, несмотря на значительное увеличеніе ихъ повинностей. Чтобы выйти, надо пріискать новое мѣсто, надо явиться съ предложеніемъ своего труда при неизвѣстности, какъ это будетъ принято. Время же, для пріисканія новой деревни или части ея дается небольшое, всего двѣ недѣли. Вывозъ же совершается по инициативѣ желающаго помѣстить у себя крестьянина. Мѣсто готово, крестьянинъ нуженъ господину, онъ самъ предлагаетъ ему переѣздъ, самъ за нимъ пріѣзжаетъ, помогаетъ ему. Это гораздо удобнѣе для крестьянина. Случалось даже, что землевладѣльцы вступали въ бой изъ-за крестьянъ: новый господинъ является вывозить, старый не пускаетъ, дѣло доходитъ до драки. Приведенный документъ даетъ прекрасную картину такихъ столкновеній:

«А какъ деи изо Ржевскихъ изъ нашихъ деревень, продолжаютъ крестьяне свое челобитье, пріѣдутъ къ нимъ (къ дѣтямъ боярскимъ) отказщики съ отказомъ въ срокъ крестьянъ изъ за нихъ отказывати въ наши черныя деревни, которыя христьяне похотятъ идти жити въ тѣ наши черныя деревни, и тѣ деи дѣти боярскіе тѣхъ отказщиковъ бьютъ и въ желѣза куютъ, а хрестьянъ деи изъ за себя не выпущаютъ да поимавъ деи ихъ мучатъ, и грабятъ, и въ желѣза куютъ, и пожилое деи на нихъ емлютъ не по Судебнику, рублевъ по пяти и по десяти. И отказать деи имъ хрестьянина изъ за тѣхъ дѣтей боярскихъ не мочно».

Судебники опредѣляютъ одинъ срокъ въ году для отказа крестьянъ, уплату пожилаго и за повозъ, и пошлинъ государевыхъ: «покамѣста была рожь въ земли, платить со ржи». Вотъ и все, никакихъ другихъ условій для выхода не требуется. При этихъ условіяхъ можетъ уйти всякій крестьянинъ. Такова и практика. Крестьяне черныхъ деревень жалуются на то, что крестьянъ вывозятъ не въ срокъ и безпошлинно, и только. Вывозить въ срокъ и съ уплатой пошлинъ, значитъ, можно. Подъ пошлинами они, по всей вѣроятности, разумѣютъ всякіе платежи и пожилое, если приходилось его платить.

На приведенное челобитье послѣдовало такое распоряженіе. Велѣно было дать:

«Подьячего или кого пригоже, и велѣли ему съ выборными головами изъ за тѣхъ дѣтей боярскихъ и изъ за (свое) земцевъ крестьянъ въ наши черныя деревни отказывать по сроку, а выходъ бы тѣмъ крестьянамъ платить по указу».

Крестьянскій выходъ поставленъ здѣсь подъ охрану особаго чиновника и безъ всякихъ ограниченій, кромѣ указанныхъ въ Судебникѣ. Это въ 1555 году.

Въ 1558 г. удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ даетъ судную грамоту крестьянамъ Замосковской волости въ Вохнѣ. Это актъ законодательства удѣльнаго князя. Въ этой грамотѣ повторяется, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, статья Судебника о крестьянскомъ выходѣ. Удѣльный князь опускаетъ прибавку второго Судебника о сборѣ за повозъ. Эта статья, значитъ, имѣетъ силу не только въ предѣлахъ великаго княженія, но и въ удѣлахъ; въ удѣлѣ Владиміра Андреевича, однако, съ уменьшеніемъ поборовъ съ выходящихъ крестьянъ.

Въ 1561 игуменъ Соловецкаго монастыря съ братіею далъ грамоту крестьянамъ села Пузырева въ Бѣжецкомъ Верхѣ. Въ этой грамотѣ написано:

«А по грѣхомъ, кому не поживется, и похочетъ пойти изъ волости вонъ, и на томъ имати похоромное сполна, а его выпущать по сроку».

Московскія писцовыя книги XVI вѣка сохранили драгоцѣнныя указанія на выходъ крестьянъ согласно Судебнику изъ дворцовыхъ волостей Тверскаго уѣзда. Эта книга написана между 1579 и 1581 годомъ. При описи нѣкоторыхъ деревень писцы обозначаютъ вышедшихъ крестьянъ, но различно. Объ однихъ говорится «выбѣжалъ», о другихъ «вывезли», о третьихъ «вышелъ». О тѣхъ, которые вышли, встрѣчаются такія опредѣленія:

«Титко да Митко вышли по сроку, пошлины рималъ Юрья Кармановъ у ржи, да Михалко Васильевъ вышелъ за Никиту за Романовича въ Турчино по отказу, пошлины платилъ Юрью Карманову».

Это выходъ по Судебнику, тутъ и срокъ, и отказъ, и пошлина у ржи. Выбѣжавшіе, это ушедшіе безъ соблюденія правилъ Судебника. Что касается вывезенныхъ, то и они, въ данномъ случаѣ, кажется, всѣ были вывезены безъ соблюденія правилъ, ибо ничего не говорится ни о срокѣ, ни объ уплатѣ пошлинъ. Правила Судебника дѣйствуютъ 25 лѣтъ спустя по его изданіи и наканунѣ отмѣны Юрьева дня [1]).

Итакъ, статья Судебниковъ о крестьянскомъ выходѣ не мертвая буква; это дѣйствующее право во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которымъ не дано особыхъ, спеціальныхъ указовъ. Правительство не остановилось на первомъ опредѣленіи порядка крестьянскаго выхода, появившемся въ Судебникѣ 1497 года. При изданіи второго Судебника оно нашло нужнымъ нѣсколько измѣнить эти правила. Измѣненіе произошло въ пользу господъ. Размѣръ пожилаго былъ увеличенъ и установленъ новый сборъ съ выходящихъ крестьянъ за повозъ. И на этомъ правительство не остановилось. Прибавочный сборъ за повозъ оно нашло, надо думать, излиш-

---

1) Доп. къ А. И. № I 56, 1555; А. Э. I № 83, 1466; № 257, 1558; № 258, 1561; Калачовъ, II 291, 300. Издатель относитъ эту книгу къ концу XVI вѣка; это совершенно вѣрно; первая страница даетъ возможность опредѣлить и болѣе точно время ея написанія: послѣ 1579 и до 1581 г.

нимъ. Въ грамотѣ великаго князя крестьянамъ Переяславскаго уѣзда отъ 1556 статья Судебника повторяется, но съ опущеніемъ прибавки о повозѣ. Итакъ, общее правило свободы крестьянскаго перехода не исчезло и во второй половинѣ XVI вѣка. Правительство неоднократно повторяетъ правило перваго Судебника, дополняя и измѣняя его. Правило это, какъ мы видѣли, осуществляется на практикѣ въ самомъ концѣ XVI вѣка. Окончательное прикрѣпленіе крестьянъ совершилось въ силу распоряженія двухъ памятниковъ, послѣдовавшихъ почти единовременно: писцоваго наказа 1646 года и Уложенія. Въ ст. 3 гл. XI Уложенія находимъ распоряженіе о томъ, что бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, по суду и сыску, должно отдавать съ женами и дѣтьми и со всѣми животы и съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ — тѣмъ господамъ, отъ кого они бѣжали. «Но владѣнія за тѣхъ крестьянъ на прошлые годы до сего Уложенія не указывать», т.-е., не взыскивать денегъ за все то время, которое бѣглые жили за другими господами, и причинили тѣмъ убытокъ своимъ настоящимъ господамъ. Почему?

«Потому, отвѣчаетъ та же статья, что о томъ по нынѣшній государевъ указъ государевой заповѣди не было, что никому за себя крестьянъ не пріимати, а указаны были бѣглымъ крестьяномъ урочные годы».

Такова точка зрѣнія редакторовъ Уложенія. До самой половины XVII вѣка не было запрещенія принимать чужихъ крестьянъ, и стало быть не было и полнаго прикрѣпленія, а были урочные годы, которые могли покрыть уходъ крестьянина. Такъ смотрятъ редакторы Уложенія, а наши ученые конца прошлаго вѣка утверждаютъ, что крестьяне были прикрѣплены еще въ половинѣ XVI вѣка. Полагать надо, что они очень ошибаются.

Мысль о крестьянской свободѣ жива еще въ половинѣ XVII вѣка и даже въ семидесятыхъ его годахъ. Отмѣна крестьянскаго выхода повела къ новому порядку поступленія въ крестьянство. Свободные крестьяне въ старину ряди-

лись во крестьянство. Едва нѣтъ выхода, порядная не имѣетъ смысла. Поэтому Уложеніе установляетъ записку въ крестьяне. Желающій жить за кѣмъ-либо въ крестьянахъ обращается въ установленныя для этого учрежденія. Его разспрашиваютъ, кто онъ? Если окажется, что его можно отдать во крестьяне, его записываютъ за извѣстнымъ господиномъ и отдаютъ ему въ крестьянство (XI 20).

Несмотря на этотъ новый порядокъ, крестьяне и въ XVII вѣкѣ продолжаютъ рядиться во крестьянство. Они не только рядятся, но рядятся на срокъ, на 10 лѣтъ, и это въ 1665 году; другіе рядятся до смерти господина. Эти крестьяне ровно ничего не знаютъ о крѣпости по писцовымъ книгамъ. Но о воспрещеніи выхода они знаютъ, а потому и вносятъ въ свои порядныя новое условіе. Въ старыхъ порядныхъ срокъ не обозначался, жили, пока нравилось. Выходъ по старымъ порядным отмѣненъ, и вотъ новая практика вноситъ поправку, порядная пишется на срокъ, а по истеченіи срока, конечно, крестьянинъ свободенъ: такъ думаетъ крестьянинъ, порядившійся на срокъ.

Есть и такія порядныя, въ которыхъ сами господа признаютъ за крестьянами право уйти, «если имъ не поживется», или если они (господа) будутъ дурно съ ними обращаться. Одни владѣльцы предоставляютъ такое право ухода крестьянину на условіи посадить на свое мѣсто другого, другіе и безъ такого условія.

Крестьяне знаютъ объ отмѣнѣ выхода, но они думаютъ, что это временная мѣра и вѣрятъ въ то, что послѣдуетъ вновь разрѣшеніе выхода. Поэтому они пишутъ порядныя, въ которыхъ обязываются сидѣть на землѣ господина «до государевыхъ выходныхъ лѣтъ» не далѣе! Будетъ, значитъ, такое время, когда послѣдуетъ разрѣшеніе выхода. Государь запретилъ выходъ, но онъ можетъ и разрѣшить его.

Не одни крестьяне помнятъ волю крестьянскую и выговариваютъ ее въ своихъ порядныхъ; есть и господа, которые стоятъ на той же точкѣ зрѣнія. У Семена и Бориса Семеновичей Нелединскихъ жилъ изстари въ крестьянахъ

Рычко, Тимофеевъ сынъ, Бураковъ. Въ 1676 году ему не пожилось у нихъ («прижилось», т.-е. наскучило, надоѣло), и онъ пошелъ отъ нихъ вонъ. Нелединскіе даютъ ему грамоту, въ которой предоставляютъ идти, куда хочетъ, на всѣ четыре стороны, и обязываются дать ему скосить посѣянную имъ рожь, и скрѣпляютъ свое обязательство неустойкой въ 30 рублей.

Заключимъ этотъ экскурсъ въ XVII вѣкъ изложеніемъ содержанія любопытнѣйшаго документа отъ 22-го апрѣля 1670 года. За Воскресенскимъ монастыремъ въ Андреевской деревнѣ, Московскаго уѣзда, живетъ въ крестьянахъ въ теченіе 16 лѣтъ Ивашко Якимовъ, съ женой и дѣтьми. 22-го апрѣля 1670 года онъ взялъ у монастыря ссуды 10 рублей и обязался

«Жить съ женой и дѣтьми за монастыремъ въ Андреевской деревнѣ, той ссуды не снесть и ни за кого не заложиться. А буде онъ, Иванъ, жить не учнетъ или за кого заложится и ссуду снесетъ, тогда воленъ монастырь ту ссуду на немъ взять, а крестьянство и впредь крестьянствомъ».

Чтó это такое? Это не ссуда, а продажа себя съ женою и дѣтьми старымъ крестьяниномъ въ вѣчные крестьяне монастырю. Старый крестьянинъ, жившій за монастыремъ 16 лѣтъ, непроченъ монастырю; чтобы укрѣпить его, надо взять съ него особую запись. Мы не имѣемъ порядной, на основаніи которой Иванъ Якимовъ сѣлъ въ 1654 году на монастырскую землю. По всей вѣроятности, тамъ была какъ-нибудь оговорена его свобода; и вотъ послѣдствія этого остатка старины, не гармонирующаго съ новымъ порядкомъ вещей. Крестьянинъ, подъ видомъ ссуды, продается въ крестьяне. Очень многіе прямо съ этого начинаютъ. Берутъ ссуду и отдаются вѣчно въ крестьяне. Ссуда получаетъ здѣсь совершенно новое значеніе, неизвѣстное старинѣ [1]).

---

[1]) Любопытные документы, на которыхъ основано предшествующее

Возвратимся на прежнее.

Изъ документовъ XVI вѣка мы знаемъ, что крестьяне, садясь на владѣльческія земли, брали у землевладѣльцевъ и подмогу. Старыя новогородскія писцовыя книги тоже упоминаютъ «подможныя деньги», хотя рѣдко. Деньги эти были даны новогородцами. При конфискаціи земель, эти крестьянскіе займы, по всей вѣроятности, были великимъ княземъ уплочены сведенымъ боярамъ и бояришкамъ. Говоримъ это на томъ основаніи, что великій князь даритъ новымъ помѣщикамъ эти перешедшіе къ нему крестьянскіе долги, опредѣляя и %, какой они должны получать съ должниковъ. Этотъ % не великъ, въ одномъ случаѣ онъ 5 съ небольшимъ, въ другомъ—6. Въ XVI вѣкѣ подмога была безпроцентнымъ долгомъ и погашалась не уплатой занятой суммы, а исполненіемъ принятыхъ на себя крестьяниномъ обязательствъ; заемъ же денегъ былъ долгъ процентный, погашавшійся уплатой занятой суммы. Было ли такое различіе въ Новгородѣ, это не ясно. Задолженность новогородскихъ крестьянъ, въ виду рѣдкости случаевъ, въ которыхъ упоминается подмога,—была ничтожная [1]).

Въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка и другихъ памятникахъ того же времени встрѣчается слово «жилецъ». Этимъ словомъ обозначаются всѣ живущіе и гдѣ бы то ни было. Помѣщики—суть жильцы, крестьяне, посадскіе тоже. Въ Москвѣ живетъ нѣмецъ, онъ тоже жилецъ. Не то ли же самое означаетъ болѣе древній терминъ: житьи люди?

изложеніе, напечатаны г. Дьяконовымъ въ его актахъ, I № 24, 26, 31, 42, 48, 50, 59, 60, 69 и друг.; II 37. Тутъ же и ссуды въ новомъ смыслѣ: № 49, 56, 58, 62, 63, 64, 68 и др.

[1]) II, 36; III, 601, 803.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Тягло и порядокъ обложенія

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тягло

Тягло, что и теперь тянетъ русскій человѣкъ,—появилось въ глубокой древности, задолго до возникновенія Московскаго государства. Но свойства его въ наше время и въ старину далеко не одни и тѣ же. Я сдѣлаю попытку собрать свидѣтельства старыхъ памятниковъ о тяглѣ и выяснить его древнѣйшіе признаки и отношеніе къ землевладѣнію.

Наши древнія волости-княженія съ перваго своего появленія на свѣтъ Божій возлагали уже на своихъ подданныхъ разныя повинности. Древнѣйшее извѣстіе о нихъ относится къ княженію Св. Ольги; говоритъ о повинностяхъ и Русская Правда и даже въ своей древнѣйшей редакціи. По новогородскимъ памятникамъ XIII вѣка все населеніе этого обширнаго княженія, городское и сельское, несетъ повинности въ пользу государства и расписано для этой цѣли въ разные «потуги». Московскіе памятники говорятъ «о тяглѣ». Потугъ и тягло—слова одного корня; ими обозначается обязанность населенія нести государственныя повинности, тянуть ихъ къ извѣстному центру. Москва сходится здѣсь съ Нов-

городомъ и Кіевомъ. Порядокъ обложенія маленькихъ волостей-княженій долженъ былъ очень измѣниться въ обширномъ Московскомъ государствѣ, но тягло не есть созданіе Москвы, оно старина и въ Москвѣ.

Что же такое тягло?

Слово это имѣетъ двоякое значеніе. Оно обозначаетъ, во-первыхъ, каждую повинность, лежщую на тѣхъ или другихъ лицахъ. Въ 1555 году царь и великій князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ волостныхъ крестьянъ Усецкой волости, дозволилъ имъ судиться излюбленными старостами, а волостелинъ доходъ перевелъ въ оброкъ и приказалъ:

«Собирати имъ тотъ годовой оброкъ по животамъ и по промысламъ, какъ иные тягли межъ себя разводятъ» (А. Э. I № 243)

Такое же распоряженіе имѣемъ и отъ 1622 года (А. Э. III, № 126). Итакъ, всякая отдѣльная повинность— есть особое тягло. Оброкъ за намѣстничъ кормъ это одна изъ такихъ повинностей, составляющая особое тягло; она разводится на населеніе, какъ и всѣ другія тягла, т.-е. повинности. Новогородскія писцовыя книги говорятъ, что съ обжи надо тянуть «всякое тягло», т.-е. всякую повинность (IV, 4).

Кромѣ повинности слово тягло означаетъ еще и способность нести ту или иную повинность въ пользу государства. Каждый человѣкъ тянетъ повинности въ мѣру его хозяйственныхъ силъ. Люди, которымъ платить не съ чего, никакихъ повинностей не тянутъ. Въ грамотахъ о сборѣ повинностей московское правительство предписываетъ плательщикамъ: «Учинить между собой оклады по тяглу и промысламъ» (А. Э. III, № 126, IV. № 243, 250, 251; 1622—82). Здѣсь тягло -- есть способность къ платежу; окладъ платежа опредѣляется по этой способности, по тяглу. Въ 1581 г. крестьянинъ с. Борки, Григ. Яковл. Дубининъ, занималъ полъ трети выти земли, съ чего и долженъ былъ тянуть тягло; но онъ до такой степени «охудалъ и отем-

нѣлъ», что ничего не могъ платить; ему дали льготу на два года (Писц. кн. XVI вѣка, II, 314). Тягло тянутъ люди состоятельные.

Итакъ, старое тягло не только повинность, но и способность нести повинность. Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи мы должны изслѣдовать два вопроса: изъ какихъ повинностей слагается тягло и какъ опредѣляется способность нести эти повинности.

I

Начнемъ съ повинностей. Съ теченіемъ времени число ихъ очень возрастаетъ и измѣняется самый способъ ихъ отбыванія. Наши источники слишкомъ скудны для сколько-нибудь полной исторической картины повинностей; мы ограничимся ихъ перечисленіемъ съ указаніемъ времени, къ которому они относятся, и памятниковъ, въ которыхъ они встрѣчаются. Для нашей цѣли этого совершенно достаточно. Мы будемъ называть тягла ихъ старыми именами. Они очень выразительны и говорятъ сами за себя.

1. Кормъ, т.-е. поставка пищевого довольствія, является однимъ изъ древнѣйшихъ видовъ повинностей. О немъ говоритъ уже Русская Правда въ ея древнѣйшей редакціи. Она опредѣляетъ кормъ чиновнику (вирнику), ѣздившему по волостямъ для суда, и его лошадямъ. Русская Правда уже переводитъ кормъ на деньги. Самый терминъ «кормъ» въ Русской Правдѣ не встрѣчается, но онъ уже извѣстенъ начальной лѣтописи; въ московскихъ памятникахъ онъ дѣлается общеупотребительнымъ. Полученіе корма, натурой или деньгами, есть обыкновенный способъ содержанія въ Москвѣ намѣстниковъ, волостелей и ихъ пошлинныхъ людей.

Въ половинѣ XVI вѣка въ исторіи корма происходитъ крупная реформа. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ раз-

рѣшаются, по просьбамъ жителей, выборные судьи, кормъ переходитъ въ денежный оброкъ и начинаетъ поступать въ государеву казну. Этотъ оброкъ включалъ въ себѣ, однако, не одинъ кормъ, но и «присудъ» намѣстниковъ и волостелей и «доходъ ихъ пошлинныхъ людей». Присудомъ назывался округъ, предоставляемый суду и управленію намѣстника или волостеля, и тѣ сборы, которые они получали съ своихъ судебныхъ дѣйствій, съ выдачи правыхъ грамотъ, докладныхъ списковъ, полевыя пошлины и пр. [1]). Эти пошлины собирались чрезъ посредство ихъ людей, отсюда терминъ «ихъ пошлинные люди». Эти пошлинные люди въ качествѣ судебныхъ приставовъ имѣли свой доходъ отъ вызова къ суду и другихъ процессуальныхъ дѣйствій. Съ замѣной приказныхъ судей выборными всѣ эти сборы были отмѣнены; выборнымъ судьямъ предписывалось «пошлинъ съ судныхъ дѣлъ не имати ни которыхъ» (А. Э. I, № 243, 1555). Но съ переводомъ корма на деньги въ государевъ оброкъ, стали переводить и «присудъ и доходъ пошлинныхъ людей» тоже въ оброкъ. Такимъ образомъ то, что прежде выплачивали тяжущіеся, теперь стало тягломъ всѣхъ плательщиковъ податей. Очень оригинальный способъ обложенія! Только кормъ могъ быть точно вычисленъ и переведенъ въ соотвѣтствующей цифрѣ въ оброкъ; присудъ и доходъ пошлинныхъ людей, конечно, изъ года въ годъ мѣнялись, а потому и не подлежали точному переводу въ оброкъ. Цифра оброка опредѣлялась, поэтому, нѣсколько произвольно. Въ грамотахъ, которыми установлялся этотъ оброкъ, приводится, обыкновенно такой мотивъ: «что бы крестьянству продажъ и убытку не было». А потому нѣтъ основанія думать, чтобы замѣна намѣстничихъ поборовъ оброкомъ

---

[1]) «А оброкъ есмя за волостелины доходы сокольнича пути, и за присудъ, и за всѣхъ волостелиныхъ пошлинныхъ людей пошлины... велѣли положити на годъ деньгами... А собирати имъ тотъ оброкъ со всего своего присуда»... А. Э. 242. 1555. «А нашего оброку за намѣстничь кормъ и за присудъ и ихъ пошлинныхъ людей доходъ сто девяносто пять рублей»... А Э. I, № 343. 1589.

ухудшала положеніе плательщиковъ. Возникавшій такимъ образомъ оброкъ можно разсматривать, какъ особый налогъ за право имѣть своихъ выборныхъ судей; это былъ откупъ отъ приказныхъ судей. Такъ именно и смотрѣли на это въ XVI вѣкѣ. Въ сотной изъ писцовыхъ книгъ переяславскимъ рыболовамъ читаемъ:

«Да рыболовы же даютъ царю и вел. князю откупу за волостелины и ихъ пошлинныхъ людей (доходы)—по откупнымъ жаловалнымъ грамотамъ» (А. Э. I № 261, 1562).

Жалованная грамота переходитъ здѣсь въ откупную.

Кромѣ корма судьямъ, выдавался еще кормъ людямъ всякаго рода, которые отправлялись куда-либо по княжескому дѣлу. Древнѣйшее указаніе на такой кормъ находимъ въ грамотѣ вел. князя Андрея Александровича конца XIII вѣка. По договору съ Новогородомъ онъ имѣлъ право посылать три ватаги рыболововъ на море. Новогородцы должны были давать имъ кормъ «по пошлинѣ». Въ московское время право на такой кормъ имѣли всѣ княжескіе посыльные, которые носили наименованіе гонцовъ и «ѣздоковъ». Сюда относились всякаго рода чины, куда-либо командируемые по княжескому дѣлу, а въ томъ числѣ и многолюдный штатъ княжескихъ охотниковъ: писарей, бобровниковъ, подлазчиковъ и проч. Княжескія охотничьи собаки также получали кормъ [1]). Въ отличіе отъ корма судей, это не была постоянная повинность, а временная и случайная, обусловливаемая проѣздомъ княжескихъ гонцовъ, а потому и очень не равномѣрная для плательщиковъ: одни платили, другіе нѣтъ.

Къ тому же виду повинностей надо относить и обязанность подданныхъ кормить княжаго коня. Льготныя грамоты, освобождающія отъ этой повинности, очень кратки и не объясняютъ, въ какихъ случаяхъ она имѣла мѣсто. Можно думать, что это была обязанность мѣстныхъ жителей давать продовольствіе княжескимъ лошадямъ во время княжескихъ

---

[1]) А. Э. I № 1, 96, 136; А. И. I № 200; 1294—1578.

поѣздокъ и при переводѣ княжескихъ конныхъ табуновъ изъ одного мѣста въ другое [1]).

Наконецъ, на населеніи лежала обязанность кормить войска въ военное время. Древнѣйшее указаніе на нее относится къ XI вѣку. Въ 1018 году, послѣ побѣды соединенныхъ силъ Болеслава польскаго и Святополка Владиміровича надъ Ярославомъ, побѣдители заняли Кіевъ и польскія войска были размѣщены по городамъ на покормъ [2]). Эта практика живетъ и въ XV вѣкѣ. Въ 1451 г. вел. князь московскій, Василій Васильевичъ, заключилъ договоръ съ вел. княземъ тверскимъ, Борисомъ. Въ договорѣ есть статья, устанавливающая оборонительный союзъ противъ татаръ, литвы, поляковъ и нѣмцевъ. Въ случаѣ войны, московскій князь обязывался лично выступить во главѣ вспомогательнаго войска, а тамъ, гдѣ окажется нужнымъ для огражденія границъ, поставить «сторожу». Для этой «сторожи» онъ могъ брать «кормъ», но не корыстоваться ничѣмъ лишнимъ. Это различіе «корма» и «корысти» указываетъ на то, что подъ кормомъ разумѣлось нѣчто опредѣленное, хотя, можетъ быть, только обыкновенными потребностями здороваго человѣка. Въ 1478 г. во время похода вел. князя московскаго на Новгородъ, войска его пользовались кормомъ во владѣніяхъ союзника его, тверского князя. Михаилъ Тверской назначилъ

---

1) Д. къ А. И. I № 193, 1451. Болѣе древнее указаніе находимъ въ завѣщаніи вел. князя Ивана Ивановича отъ 1356 г. Онъ предоставляетъ своимъ преемникамъ по городу Москвѣ право «кони ставити по станомъ и по варямъ».

2) Лавр. 1018. Тотъ же кормъ войскамъ разумѣлся иногда подъ терминомъ «зажитье». Въ Новг. I подъ 1216 г. читаемъ:

«Мстиславъ же поиде Серегеремъ и вниде въ свою волость и рече новогородцемъ: идѣте въ зажитья, толико головъ не емлѣте. Идоша, исполнишася корма и сами и кони».

Въ выраженіи «толико головъ не емлѣте» можно видѣть указаніе на размѣры корма: воины не должны были ни уводить съ собою скотъ, ни бить на мѣстѣ. Это условіе не всегда соблюдалось и лѣтопись сохранила жалобы на то, что убоина отсылалась, иногда воинами въ свои деревни.

для этой цѣли особаго сына боярскаго «отдавати кормы по отчинѣ своей» [1]).

Съ развитіемъ въ Москвѣ числа постоянныхъ войскъ, съ возникновеніемъ пищальниковъ, стрѣльцовъ, казаковъ, пушкарей, воротниковъ и пр., населеніе облагается повинностью доставлять кормъ этимъ войскамъ и ихъ лошадямъ и въ мирное время. Первоначально это натуральная повинность, состоящая въ доставленіи хлѣба и овса; она одинаково падаетъ, какъ на уѣздныхъ людей, такъ и на горожанъ. Но горожане могли вовсе не заниматься хлѣбопашествомъ, а потому у нихъ эта повинность переходитъ въ денежную; они вносятъ деньги, на которыя правительство и закупаетъ хлѣбъ. Иногда правительство само переводитъ хлѣбъ на деньги и требуетъ сбора денегъ, а не хлѣба. Это дѣлается для отдаленныхъ мѣстъ, откуда доставка хлѣба обошлась бы дороже покупки его въ мѣстѣ назначенія. Въ указахъ предписывается собирать хлѣбъ и деньги то на жалованье однимъ стрѣльцамъ, то стрѣльцамъ, казакамъ, пушкарямъ, воротникамъ и иныхъ чиновъ людямъ. Когда возникло такое обложеніе, этого съ точностью сказать нельзя. Памятники же, въ которыхъ о немъ идетъ рѣчь, всѣ относятся къ XVII вѣку. Въ памятникахъ конца вѣка это хлѣбное жалованье называется годовымъ. Одно изъ позднѣйшихъ извѣстій о немъ относится къ 1688 г. Этотъ кормъ, слѣдовательно, собирался и послѣ возникновенія стрѣлецкихъ денегъ [2]).

Въ памятникахъ XVI вѣка разные виды корма, по спо-

---

[1]) Рум. Собр. I № 76, Воскр. лѣт. 1478 г. Въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ и жалобы на превышеніе воинами всякой мѣры при кормленіи. Въ Воскр. подъ 1438 г. читаемъ:

«Идущимъ же имъ къ Бѣлеву (воинамъ вел. князя Василія Васильевича) все пограбиша у своего же православнаго христіанства и мучиху людей изъ добытка, и животину бьюще, назадъ себѣ отсылаху».

[2]) А. Э. III. № 7, 43, 48, 72, 98, 121, 214; IV. № 133, 299; А. И. III. № 132, 200; А. Ю. № 339, I и VII; 1613—1688.

собу сбора, назывались «посошнымъ кормомъ» (А. Э. I. № 256. 1561).

Русская Правда кромѣ корма вирнику знаетъ еще кормъ городнику, къ которому и переходимъ.

2. Городовое дѣло, т.-е. постройка оградъ или укрѣпленій вокругъ городовъ. Это тоже одна изъ древнѣйшихъ повинностей. Города суть необходимые центры древнихъ волостей-княженій; ихъ возникновеніе современно возникновенію у насъ первыхъ зачатковъ государственной жизни. О постройкѣ городовъ (оградъ) говоритъ Русская Правда, о ней идетъ рѣчь и въ послѣдующихъ памятникахъ до XVII вѣка включительно. Постройка городскихъ укрѣпленій есть обязанность мѣстныхъ жителей. Уже въ періодъ Русской Правды мѣстные жители исполняютъ ее подъ надзоромъ и руководствомъ особаго чиновника, городника, который за свой трудъ получаетъ плату, за каждую городню, и кормъ себѣ и лошадямъ, число которыхъ не должно быть болѣе четырехъ. Это ограниченіе сдѣлано въ интересахъ мѣстныхъ жителей. Мѣстные жители, конечно, могли исполнять эту обязанность натурой или наймомъ, кому какъ было удобнѣе. Въ московскихъ памятникахъ встрѣчаемся и съ натуральной городовой повинностью и съ переводомъ ея на деньги. Въ половинѣ XVI вѣка крестьяне Троицы-Сергіева монастыря

«Дѣлали въ Переяславлѣ городѣ городовое дѣло, свою подѣлъ, шесть городень въ одномъ мѣстѣ (т.-е. рядомъ), а плетня не плели».

Здѣсь Москва сходится съ Кіевомъ временъ Ярослава Мудраго и его сыновей. Дѣло идетъ объ отдѣльныхъ шести городняхъ, которыя должны были ставить монастырскіе крестьяне, и Русская Правда имѣетъ дѣло съ отдѣльными городнями, которыя воздвигаются мѣстнымъ населеніемъ, оплачивающимъ кормъ и трудъ городника. Городникъ Русской Правды замѣнился здѣсь городовымъ приказчикомъ.

Съ возрастаніемъ Московскаго государства и съ развитіемъ крѣпостнаго дѣла роль государства въ постройкѣ

укрѣпленій должна была развиваться на счетъ натуральныхъ повинностей мѣстнаго населенія. Въ 1555 г. для постройки въ Казани новаго каменнаго города правительство наняло во Псковѣ 200 каменьщиковъ и соотвѣтствующее число кузнецовъ; желѣзо и всякій другой матеріалъ пріобрѣтались на счетъ казны. Точно также въ 1625 году въ Верхотурьи новый острогъ былъ выстроенъ отъ казны наемными людьми. Сборъ съ населенія поступалъ въ государеву казну, а постройки дѣлались правительствомъ. Но и въ XVII вѣкѣ городовое дѣло продолжаетъ быть и натуральной повинностью. Мѣстные жители и лѣсъ рубятъ и городню городятъ [1]). Въ это время дѣлаются уже и смѣты на постройку укрѣпленій.

3. Мостовщина, повинность, состоящая въ устройствѣ мостовъ черезъ рѣки, деревянныхъ настилокъ на улицахъ и дорогъ вообще. Древнѣйшее извѣстіе о ней тоже находится въ Русской Правдѣ редакціи XI вѣка (Ак. 43, Тр. 91, Кар. 134). Она отправлялась и натурою и наймомъ. Русская Правда говоритъ о мостовщинѣ въ Новгородѣ и о мостовщинѣ въ Новгородѣ же имѣемъ государевъ указъ отъ 1623 г. На мостовое дѣло въ Новгородѣ понадобилось въ этомъ году 915 р. 20 алт. и 1 деньга. Въ виду новогородскаго «разоренія», государь пожаловалъ, далъ Новгороду изъ своей казны треть этихъ денегъ; а двѣ трети велѣлъ раздѣлить и собрать съ Новгорода, съ посаду и съ уѣзду, со всѣхъ земель. Изъ той же грамоты узнаемъ, что на Москвѣ и во всѣхъ городахъ мосты мостятъ всякіе люди, бѣлыя и чорныя сохи. Городская мостовая повинность лежала, слѣдовательно, не на одних ъ только жителяхъ города, но и на уѣздныхъ. То же было и въ московскихъ удѣлахъ. Въ 1514 г. дмитровскій удѣльный князь освобождаетъ крестьянъ Троицы-Сергіева монастыря отъ обязанности мостить мосты въ Кашинѣ. Такъ было, надо думать, и въ періодъ Рус-

---

[1]) А. Э. I № 182; III № 126, 201, 268, 310, 324; А. И. III № 136; Доп. къ А. И. I № 82; 1355—1637.

ской Правды. Въ статьѣ о новгородской мостовщинѣ кромѣ жителей Новгорода къ мостовому дѣлу привлечены сотни Бѣжецкая, Обонежская, Лужская и др. Но едва ли можно думать, что мостовщина даже такихъ городовъ, какъ Новгородъ и Москва, составляла общую повинность всего населенія. По всей вѣроятности, повинность эта падала только на ближайшія къ городу мѣстности. Въ концѣ XVI вѣка царь и вел. князь, Ѳедоръ Ивановичъ, велѣлъ всѣ перевозы взять въ казну. Въ грамотѣ, разосланной по этому поводу ко всѣмъ земскимъ людямъ говорится:

«А на которыхъ малыхъ рѣчкахъ мосты попортились... и вы бы тѣ мосты подѣлывали ближними сохами».

Отсюда слѣдуетъ, что для поправки мостовъ на большихъ рѣкахъ—привлекалось болѣе сохъ, чѣмъ на малыхъ, но тоже изъ окрестныхъ мѣстъ. То же было и въ городахъ. Уѣздные жители привлекались то на большемъ разстояніи, то на меньшемъ, смотря по величинѣ рѣки и размѣрамъ повинности. Кто разъ былъ привлеченъ къ повинности, тотъ привлекался къ ней и потомъ. Такимъ образомъ складывался обычай нести тягло. Кто привлекался вновь или въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, тотъ спорилъ и доводилъ свою претензію до князя. Въ 1536 году власти Троицы-Сергіева монастыря жаловались великому князю Ивану Васильевичу на то, что въ городѣ Переяславлѣ крестьяне ихъ дѣлали всего шесть городень и въ одномъ мѣстѣ; а городовые приказчики заставляютъ ихъ дѣлать многія городни и въ разныхъ мѣстахъ да еще плетень плести. Великій князь приказалъ городовое дѣло дѣлать «по старинѣ». Такъ было, конечно, и съ мостовой повинностью [1]).

Мостовая повинность временъ Русской Правды отправлялась подъ надзоромъ особаго чиновника, мостника, который получалъ вознагражденіе отъ мѣстныхъ жителей и

---

[1]) А. Э. I № 158; 367; II № 80; III № 145; Д. къ А. И. I № 57; 1514—1623.

кормъ себѣ и двумъ конямъ. Ѣздить онъ долженъ былъ въ сопровожденіи одного отрока. Два коня и одинъ отрокъ—это все мѣры для огражденія населенія отъ излишнихъ поборовъ. Къ кому перешло наблюденіе за постройкой мостовъ въ московское время, намъ не случилось замѣтить.

4. Головщина и продажа. Эта повинность составляетъ оборотную сторону обязанности, возложенной на мѣстныхъ жителей,—ловить убійцъ и воровъ и выдавать ихъ на судъ княжескихъ чиновниковъ. Если мѣстные жители не ловятъ преступниковъ, они отвѣчаютъ за причиняемые ими убытки и платятъ тѣ штрафы, которые должны были бы заплатить воры и разбойники. Объ этой повинности говоритъ уже древнѣйшій текстъ Русской Правды:

«Если убійцу не ищутъ, то вирное платитъ вервь, въ предѣлахъ которой окажется голова» (Ак. 19).

Тоже и въ случаѣ кражи. Поселеніе, которое не отведетъ отъ себя слѣдовъ вора и вора не выдастъ, должно уплатить и татьбу и продажу (Тр. 70). Надо думать, что княжескіе судьи, иногда, злоупотребляли правомъ, за отсутствіемъ виновныхъ, возлагать штрафы на жителей. Этимъ объясняются лѣтописныя жалобы и жалобы московскихъ грамотъ на то, что населеніе разоряется излишними продажами, т.-е., излишними штрафами. Повинность эта, появившись въ Кіевской Руси, существуетъ въ Новгородѣ и въ Московскомъ государствѣ. Въ Двинской судной грамотѣ читаемъ:

«А не найдутъ душегубца, и они дадутъ намѣстникомъ десять рублевъ, а за кровавую рану тридцать бѣлъ» и т. д.

Въ уставной грамотѣ бобровникамъ Каменскаго стана и въ уставной грамотѣ дворцовымъ крестьянамъ читаемъ:

«А учинится у нихъ въ деревняхъ душегубство, а не будетъ душегубца въ лицахъ, и они дадутъ виры за голову четыре рубля».

Наконецъ въ грамотѣ Соловецкаго монастыря второй половины XVI вѣка:

«А по грѣхомъ учинится головщина, и вы бы разрубали по головамъ, земскіе люди и казаки, по разсужденію».

И такъ, XI вѣкъ и XVII-й, Кіевъ, Москва и Соловки— все тѣ же порядки [1]).

5. **Пошлины въ пользу всякаго рода чиновниковъ, устройство домовъ для нихъ и другія въ ихъ пользу службы.** Древнѣйшее указаніе на сборы въ пользу чиновниковъ при отправленіи ими служебныхъ дѣйствій, восходитъ ко временамъ Русской Правды. Ея городники и мостники, кромѣ корма, получали еще отъ постройки городскихъ оградъ и мостовъ опредѣленную плату деньгами. Судебные чиновники временъ Ярослава Мудраго съ каждой взыскиваемой ими виры получали въ свою пользу 20%. Если вира платилась не самимъ виновнымъ, а населеніемъ, то и сборъ въ пользу вирника падалъ на населеніе, онъ превращался тогда въ тягло. Это вознагражденіе чиновниковъ за всѣ совершаемыя ими правительственныя дѣйствія перешло и въ Москву. Дворцовые крестьяне вносятъ всякія повинности въ Дворцовый приказъ, но при повинностяхъ они уплачиваютъ и особую пошлину дворецкому, дьяку, ключнику; то же дѣлаютъ рыболовы Борисоглѣбской слободы и др. При уплатѣ дани, ямскихъ и пищальныхъ денегъ берется въ пользу подьячихъ то «поминокъ», то особая пошлина. Даже княжескіе охотники и рыболовы, въѣзжавшіе въ селенія для вызова мѣстныхъ жителей къ себѣ на помощь, получали за это особую пошлину. Въ московскихъ памятникахъ находимъ указанія и на постройку мѣстнымъ населеніемъ дворовъ намѣстникамъ и волостелямъ. Сюда же надо отнести и расходы на содержаніе губныхъ учрежденій [1]).

---

[1]) А. Э. I № 13, 150, 240. 268; III № 170; 1398—1626.

[1]) А. Ю. № 209; А. Э. I № 136, 341, 343; III № 163, 170, 271;

Здѣсь оканчивается драгоцѣнная помощь, оказываемая Русской Правдой изслѣдователю древняго тягла. Далѣе перечисляемыя повинности въ Русской Правдѣ не встрѣчаются. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что онѣ не были извѣстны людямъ того времени.

6. Княжое дѣло. Подъ этимъ именемъ я соединяю массу повинностей, состоявшихъ въ удовлетвореніи потребностей частнаго княжескаго хозяйства. Сюда относятся: постройка кнежескаго двора, пашня въ княжескихъ селахъ, косьба княжескаго сѣна, молотьба его хлѣба, копаніе прудовъ для князя, колка и возка для него льда, возка камня, дровъ, лѣсу, забиваніе въ пользу князя ѣза, нарядъ людей въ помощь княжескимъ рыболовамъ и охотникамъ на бобровъ, медвѣдей и другихъ звѣрей, наконецъ, предоставленіе князю ловли бобровъ и другихъ животныхъ на своихъ земляхъ, при чемъ княжескіе охотники пользовались правомъ постоя и корма. Была даже повинность «портнаго мастерства». Сюда же относится повинность кормить княжескаго коня, о чемъ рѣчь была выше, сѣчь лѣсъ и доставлять по назначенію и пр. Послѣдняя повинность можетъ имѣть отношеніе и городовому дѣлу [1]).

Всѣ эти разнообразныя повинности, конечно, не составляли общаго тягла для всего населенія, а падали только на нѣкоторыя его части; строили княжескій дворъ, косили его сѣно и пахали его земли только люди, жившіе по близости къ княжескимъ селамъ и лугамъ; выходили на княжескую охоту люди, жившіе у мѣстъ княжеской охоты и т. д.

Русская Правда ничего не знаетъ объ этомъ длинномъ рядѣ повинностей, но можетъ ли быть какое либо со-

---

Д. къ А. И. I № 17, 89; Писц. кн. XVI вѣка II; 1479—1637. Н. Д. Чечулинъ приводитъ изъ рукоп. описанія Пскова, извѣстіе, что посадскіе люди пахали на намѣстника данный ему огородъ. Города, 120.

[1]) А. Э. I №№ 5, 9, 56, 136, 158, 261; А. И. I № 200; А. до Ю. Б. I № 31 XII; Д. къ А. И. I № 17, 193; писц. кн. Калачева II, 415; Акты тяглаго населенія, II № 8, 16; 1361—1578.

мнѣніе въ томъ, что въ нихъ имѣли нужду и самые древніе князья? Отъ конца XIII вѣка лѣтопись сохранила даже извѣстіе объ обращеніи одной такой натуральной повинности въ денежную.

Въ 1289 году великій князь володимірскій, Мстиславъ Даниловичъ, пріѣхавъ въ Берестье, спросилъ своихъ бояръ: «есть ли ловчее здѣ?» Они же рекоша: «нѣту-ть господине, изъ вѣка». Мстиславъ же рече: «азъ пакъ устанавливаю на нѣ ловчее за ихъ каромолу, и повелѣ писцу писати грамоту» (Ипат. 225). А въ грамотѣ со словъ князя было написано, сколько берестьяне, сельскіе жители и горожане, должны платить ловчаго медомъ, хлѣбомъ, овцами, курами, кунами и пр. Назначеніе этой дани замѣняетъ натуральную повинность по части княжеской охоты, которой берестьянамъ, можетъ быть, и вовсе не приходилось нести. Въ московскихъ памятникахъ также встрѣчаемъ выраженія, которыя наводятъ на мысль о замѣнѣ этой натуральной повинности денежной. Иногда рѣчь идетъ о «сѣнныхъ деньгахъ», о «соколиномъ оброкѣ» и т. под. [1]).

Съ развитіемъ московскаго государства и съ увеличеніемъ числа дворцовыхъ крестьянъ княжое дѣло должно было значительно сократиться.

7. Подводы и проводники. Эта повинность тоже принадлежитъ къ самымъ древнимъ. При отсутствіи государственныхъ почтовыхъ сообщеній, княжескіе гонцы и ѣздоки иначе и ѣздить не могли, какъ на обывательскихъ лошадяхъ. Древнѣйшее указаніе на такую повинность находимъ въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями. Въ древнѣйшей изъ нихъ (1265 года) читаемъ:

«А дворяномъ твоимъ по селомъ у купцовъ повозовъ не имати, развѣ ратной вѣсти».

У купцовъ въ селахъ нельзя брать повозовъ, а у дру-

---

[1]) А. Э. I 341, 343; 1588. Къ этому же роду повинностей надо относить и «поралье» новогородскому посаднику и тысяцкому, которое платилось въ XV вѣкѣ бѣлками и хлѣбомъ. А. И. I № 17.

гихъ, значитъ, можно. Но почему же нельзя у купцовъ? Надо думать, что дѣло идетъ о купцахъ, пріѣхавшихъ въ села съ товаромъ для торговли. Въ видахъ огражденія интересовъ торговли, для нихъ установлено исключеніе. Но на военное время это исключеніе не простирается. Если надо послать гонца съ военнымъ извѣстіемъ, то и у купцовъ берутъ подводы. Слѣдующее извѣстіе относится къ 1294 году и также касается Новгорода. Вел. князь Андрей Александровичъ послалъ въ этомъ году свои ватаги на море и требовалъ, чтобы новгородцы давали имъ кормы и подводы, какъ пошло. Въ XIII вѣкѣ это уже пошлина, т.-е. старина. Съ этого времени встрѣчаемъ въ памятникахъ непрерывный рядъ извѣстій объ обязанности мѣстнаго населенія давать всякаго рода княжескимъ гонцамъ подводы и проводниковъ до XVII вѣка включительно.

Но подвода въ древности означала совсѣмъ не то, что мы разумѣемъ теперь подъ этимъ словомъ. Въ древности это была верховая лошадь. Обязанность давать подводу состояла въ подводѣ пріѣхавшему ѣздоку лошади съ сѣдломъ подъ верхъ. Это и понятно. По какимъ дорогамъ можно было въ XIII вѣкѣ проѣхать изъ Новгорода къ морю на подводѣ въ теперешнемъ смыслѣ? При отсутствіи дорогъ надо было ѣхать то верхомъ, то въ лодкѣ. Поэтому подводная повинность состояла не только въ поставкѣ лошадей съ проводниками, но и лодокъ съ гребцами и кормчимъ. Когда слово «подвода» получило современное значеніе, это трудно сказать, но еще въ XVII вѣкѣ оно употребляется въ старомъ смыслѣ. Въ 1613 году приказано было доправить «подводы съ сѣдлы и съ уздами и съ проводники», а въ 1639 году предписано было давать отъ Москвы до Ярославля «по подводѣ человѣку верхи» да проводникъ на подводѣ съ телѣгою, а отъ Ярославля до Желтоводскаго монастыря давать въ готовое судно кормщика и гребцовъ [1]).

[1]) А. Э. I №№ 1, 61, 81, 86, 113, 123, 159, 200, 208, 353; А. Ю. № 339, IX X, 364, III и IV; А. И. I № 44, 75, 115; 1294—1639. Г. Гур-

Искусственныхъ путей сообщенія въ старину также не было, какъ и почтъ, но были пошлыя дороги, по которымъ и должны были ѣздить «дѣти боярскія, дворные люди» и всякіе ѣздоки. Пошлыя дороги это такія дороги, по которымъ изстари установился проѣздъ между двумя извѣстными пунктами. Только поселенія на пошлой дорогѣ и должны были давать княжескимъ гонцамъ подводы и проводниковъ. Случалось, однако, что ѣздоки прокладывали себѣ новую дорогу и брали подводы и проводниковъ съ новыхъ мѣстъ. Это возбуждало протесты и жалобы. Правительство наводило справки и, если жалоба подтверждалась, запрещало брать подводы и проводниковъ по «не пошлой дорогѣ», но за исключеніемъ ратной вѣсти [1]).

Поставкой подводъ, проводниковъ, лодокъ и гребцовъ повинность эта, однако, не исчерпывалась. Въ старину не было гостинницъ, гдѣ бы можно было ѣздоку имѣть пріютъ. А потому памятники упоминаютъ, хотя и рѣдко, о подворьяхъ, гдѣ ставятся ѣздоки (А. Э. I 147, 1507). Кромѣ того ѣздоки получали и кормъ, о чемъ уже была рѣчь.

Изъ сказаннаго ясно, что подводная повинность не была общей, а касалась только нѣкоторыхъ поселеній, какъ и большинство перечисленныхъ повинностей.

Возникаетъ вопросъ, что такое ѣздоки, которымъ надо давать подводы, и какъ они себя легитимировали? Подъ ѣздоками надо разумѣть всякихъ княжескихъ посыльныхъ и не только по государственнымъ дѣламъ, каковы вѣсти о войнѣ, перевозка намѣстниковъ, воеводъ и другихъ чиновъ и пр., но и по частнымъ княжескимъ, какъ, напримѣръ, княжескіе ловчіе, псари и т. д. Сюда же относится и перевозка всякихъ запасовъ или, какъ тогда говорили, всякой казны,

---

ляндъ, если не ошибаюсь, первый обратилъ вниманіе на то, что подвода первоначально обозначала лошадь безъ телѣги. Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ, стр. 25. Это первоначальное значеніе до такой степени утратилось теперь въ народномъ говорѣ, что въ словарѣ Даля на него нѣтъ ни малѣйшаго указанія.

[1]) А. Э. I № 65, 82; А. И. I, № 86; 1450—1472.

напримѣръ, зелейной и пр., доставка рыбы въ княжескіе дворцы и пр. Ѣздоки получали особыя грамоты, въ которыхъ прописывалось ихъ право на подводы, кормъ и пр. Но едва ли это всегда дѣлалось. Въ льготной грамотѣ дмитровскаго удѣльнаго князя нѣсколько селъ Троицкаго монастыря были освобождены отъ остановокъ и подводъ въ пользу:

«Моихъ князей, ратныхъ воеводъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ ѣздоковъ, псарей, ловчихъ, бобровниковъ, кромѣ тѣхъ, кто погонитъ съ моей грамотой подорожной» (А. Э. I 86, 1470).

Стало быть, не у всѣхъ были подорожныя грамоты; многіе ѣздоки легитимировались однимъ своимъ видомъ. Это, конечно, должно было вести къ большимъ злоупотребленіямъ.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на нѣкоторую особенность Смоленска. Въ 1514 году вел. князь Василій Ивановичъ, по взятіи этого города, далъ ему свою жалованную грамоту съ подтвержденіемъ его старины. Въ этой грамотѣ сказано:

«А мѣщаномъ и чернымъ людемъ подъ наши гонцы подводъ не давати».

Такова Смоленская старина: жалованная грамота Василія Ивановича дана согласно съ прежними грамотами Витовта и иныхъ литовскихъ государей. Можно думать, что свобода смольнянъ отъ подводъ не есть общее правило, а результатъ пожалованія. Это одна изъ тѣхъ льготъ, какія нерѣдко давались и въ Москвѣ [1]).

8. Дань. О дани говорятъ памятники всѣхъ временъ,

[1]) Подводная повинность дожила до нашихъ дней. Недавно во всѣхъ газетахъ была помѣщена такая телеграмма изъ Костромы отъ 23-го ноября 1901 года: Губернское земское собраніе. Въ ближайшихъ засѣданіяхъ будетъ разсматриваться ходатайство волостей Галицкаго уѣзда, о принятіи на счетъ земства непосильныхъ расходовъ сельскихъ обществъ по найму лошадей при проѣздахъ губернатора.

съ XII вѣка начиная и до XVII. Подъ данью они разумѣютъ все, что дается населеніемъ князю; всякая повинность, если переводится на деньги, есть дань. Въ этомъ смыслѣ льготныя грамоты говорятъ: «не надобѣ имъ ни которая моя дань». Здѣсь дань родовое понятіе. Но кромѣ родового понятія слово это обозначаетъ иногда и нѣкоторый отдѣльный видъ повинностей. Вотъ очень характерное въ этомъ смыслѣ мѣсто:

«Дьякъ, Өедоръ Яновъ, взялъ въ государеву цареву и вел. князя Бориса Өедоровича казну... за намѣстничъ кормъ, и за присудъ, и ихъ пошлинныхъ людей доходъ, и дани, и запросу, и за поминочные за чорные соболи, и ямскихъ и приметныхъ, и пищальныхъ денегъ, на III-й годъ, по окладу восмъ рублевъ 17 алтынъ полъ четверты денги, да съ варницъ и съ сѣна оброку два рубля 17 алтынъ; и обоего, данныхъ и оброчныхъ денегъ, одиннадцать рублевъ полъ-осмы денги».

Въ итогѣ 8 рублей 17 алтынъ и полъ четверти деньги названы данными деньгами. Въ составъ этихъ данныхъ денегъ, т.-е. даней, вошли: подать за присудъ, намѣстничъ кормъ, ямскія, пищальныя деньги и пр., и въ томъ числѣ еще какая-то дань, о которой упомянуто въ началѣ. Эта послѣдняя дань—видовое, а не родовое понятіе [1]).

Что же такое дань, какъ понятіе видовое? Для московскаго времени на этотъ вопросъ даютъ совершенно ясный отвѣтъ княжескіе договоры и завѣщанія. Всѣ духовныя грамоты московскихъ великихъ и удѣльныхъ князей разумѣютъ подъ данью ордынское серебро, т.-е. налогъ для платежа ордынской дани или выхода. Въ грамотѣ Дмитрія Ивановича читаемъ:

«А коли дѣтямъ моимъ взяти дань на своей отчинѣ, чѣмъ есмь ихъ благословилъ, и сынъ мой, князь Василей, возметъ съ своего удѣла 342 рубли, и княгиня моя дастъ ему въ то серебро 22 рубля. А князь Юрій возметъ съ

---

[1]) Д. къ А. И. I, № 9; А. Э. I, № 3; А. Ю., № 209, VIII, 1328—1603.

Звенигорода и всѣхъ звенигородскихъ волостей 272 рубля, и княгиня моя дастъ ему въ то серебро съ Юрьевы слободы 50 рублевъ» и т. д, идетъ перечисленіе суммъ, которыя должны давать въ счетъ дани всѣ сыновья вел. князя. А за тѣмъ: «А перемѣнитъ Богъ Орду, дѣти мои не имутъ давати выхода въ Орду, и который сынъ мой возметъ дань на своемъ удѣлѣ, то тому и есть».

Современникъ Дмитрія Ивановича, серпуховскій князь Владиміръ Андреевичъ, въ своей духовной пишетъ:

«А выйдетъ дань вел. князя ко Ордѣ дати, и дѣти мои и княгиня моя возмутъ дань ктоже на своемъ удѣлѣ по уроку, что въ сей грамотѣ писано... и пошлютъ къ казнѣ вел. князя.... А перемѣнитъ Богъ Орду, и кн. великій не имать выхода давати въ Орду... а который мой сынъ возметъ дань на своемъ удѣлѣ, то тому и есть». Въ такомъ же смыслѣ говорятъ о дани сынъ и внукъ Дмитрія Донского [1]).

Объ ордынской дани рѣчь идетъ въ княжескихъ договорахъ. Въ договорѣ вел. князя Василія Васильевича съ галицкимъ княземъ Юріемъ читаемъ:

«А дань и ямъ давати ти мнѣ съ своей отчины изъ Галича, по давному... А перемѣнитъ Богъ Орду, не иму давати татаромъ, и тобѣ имати дань и ямъ съ своее отчины собѣ...».

Итакъ, московская дань въ смыслѣ спеціальной повинности, а не родового термина, есть новость и составляетъ послѣдствіе татарскаго завоеванія. Это сборъ чрезвычайный, всякій разъ вызываемый особымъ требованіемъ изъ Орды, запросомъ ханскимъ, а потому онъ и называется иногда просто «запросъ». Этотъ терминъ, какъ переживаніе, встрѣчается иногда даже въ памятникахъ XVII вѣка. Сами московскіе князья никакой дани, въ видѣ особаго налога, съ подданныхъ не получаютъ. Съ Дмитрія Донского они уже

---

[1]) Объ этой татарской дани рѣчь идетъ въ грамотахъ XV вѣка. Д. къ А. И. I № 193, А. И. № 100 и др. 1451—1490.

предусматриваютъ освобожденіе отъ Орды, но эта радужная перспектива не соединяется въ ихъ умѣ съ отмѣной ордынскаго серебра: всѣ духовныя оговариваютъ право князей собирать тогда дань на себя. Этимъ розовымъ надеждамъ не было, однако, суждено сбыться. Богъ перемѣнилъ Орду, но мѣсто ордынскаго царя занялъ вел. князь Иванъ Васильевичъ; этотъ великій реформаторъ стараго быта въ своей духовной написалъ:

«А дѣти мои, Юрій съ братьею, даютъ сыну моему Василью съ своихъ удѣловъ въ выходы ордынскіе, и въ Крымъ, и въ Астрахань и въ Казань, и во царевичевъ городокъ, и въ иные цари и во царевичи, которые будутъ у сына моего Василья въ землѣ, и въ послы татарскіе, которые придутъ къ Москвѣ, и ко Твери, и къ Новгороду Нижнему, и къ Ярославлю, и къ Торжку, и къ Рязани къ Старой, и къ Перевитску, ко князь Өедоровскому жеребью рязанскаго, и во всѣ татарскіе проторы въ тысячу рублевъ: сынъ мой Юрій даетъ 82 рубля безъ гривны, сынъ мой Димитрій даетъ 58 рублей съ полтиною и 7 денегъ» и т. д.

А въ концѣ указано, сколько долженъ давать и племянникъ, Өедоръ Борисовичъ, который по завѣщанію дѣда долженъ былъ собирать ордынское серебро на себя. О перемѣнѣ Орды и о сборѣ дани на себя Иванъ Васильевичъ уже не говоритъ. Ордынская дань съ 1504 года переходитъ, такимъ образомъ, въ доходъ вел. князя московскаго, предназначаемый на удовлетвореніе особыхъ государственныхъ нуждъ по дѣламъ восточнымъ. Сюда относится: содержаніе татарскихъ именитыхъ выходцевъ, пословъ и возмѣщеніе всякихъ расходовъ по дѣламъ съ Востокомъ, а также и военныхъ, надо думать. Сдѣлалась ли эта дань постоянной, это для насъ не ясно, но не подлежитъ сомнѣнію, что она порвала всякую связь съ ордынскимъ запросомъ, и стала собираться безъ запроса изъ Орды по указу вел. князя [1].

[1]) Объ этой вел. князя дани идетъ рѣчь въ грамотахъ второй половины XVI вѣка. А. Э. I № 256, 343; Д. къ А. И. I № 223; А. Ю. № 209, VIII, 1561—1603.

Также едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что такой характеръ она получила еще при жизни Ивана Васильевича, онъ передалъ сыну права, которыми уже пользовался.

Древнѣйшее указаніе на татарскую дань находимъ въ новогородской лѣтописи подъ 1259 годомъ. Въ то время сборъ этой дани еще не былъ сосредоточенъ въ рукахъ вел. князя. Татары сами разъѣзжали по княженіямъ, дѣлали опись дворовъ и производили самый сборъ. Прибытіе ихъ въ Новгородъ вызвало цѣлое возмущеніе: люди раздвоились, чернь не хотѣла дать числа. Но лучшіе люди настояли на уплатѣ дани: и начали окаянные ѣздить по улицамъ, описывая домы христіанскіе. По лѣтописнымъ извѣстіямъ XIV вѣка эта дань называется «чернымъ боромъ» и собирается уже московскимъ вел. княземъ. Отъ времени Василія Васильевича сохранилась грамота о порядкѣ обложенія чернымъ боромъ [1]).

---

[1]) Лѣтоп. по синод. харат. списку; Карамзинъ IV, пр. 332; V стр. 54, 76, 157, 203, пр. 106. А. Э. I № 32 около 1437 г. На многихъ только что приведенныхъ стр. своей исторіи Карамзинъ высказываетъ мнѣніе, что черный боръ носилъ такое наименованіе потому, что взимался съ черни. Въ связь съ татарскою данью чернаго бора онъ не ставитъ. Что черный боръ брался не съ черни только (да и что такое «чернь», это не очень ясно), видно изъ указанной въ текстѣ грамоты Василья Васильевича, по которой черный боръ брали со всѣхъ земель, положенныхъ въ сохи, съ лавокъ, соляныхъ варницъ и пр. Въ грамотѣ Василія Васильевича сказано:

«А коли придется взяти княземъ великимъ черный боръ, и намъ дати черный боръ по старинѣ». А. Э. I № 58.

Эта статья повторена и въ договорѣ съ Иваномъ Васильевичемъ отъ 1471 г. Приведенное выраженіе совершенно соотвѣтствуетъ выраженіямъ княжескихъ духовныхъ грамотъ: «А коли дѣтямъ моимъ взять дань», «а выйдетъ дань». Это не постоянная дань, а случайная, по особому запросу изъ Орды. То же слѣдуетъ и изъ приводимой Карамзинымъ договорной грамоты Новгорода съ польскимъ королемъ. По этой грамотѣ король беретъ съ Новгорода черный боръ только въ тотъ годъ, когда помиритъ новгородцевъ съ вел. княземъ московскимъ, «а въ иные годы не брать». И здѣсь чорный боръ продолжаетъ сохранять чрезвычайный характеръ. Это, конечно, не значитъ, что онъ легче постоянной дани. Карамзинъ VI. 22, пр. 42.

Во время послѣднихъ переговоровъ Новгорода съ вел. княземъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1478 году, новогородцы возбудили вопросъ о точномъ опредѣленіи размѣровъ этой дани и предложили брать ее со всѣхъ волостей по полу гривны съ сохи. Новогородцы хорошо знали, куда въ это время шла эта дань, и что сборъ ея вполнѣ зависѣлъ отъ вел. князя, а потому просили, чтобы она взималась только одинъ разъ въ годъ. Великій князь на это согласился. Но мы знаемъ, что это послѣднее соглашеніе было скоро нарушено и во всѣхъ пунктахъ, а потому съ присоединенія Новгорода къ Москвѣ на Новгородъ были распространены и по отношенію къ повинностямъ низовые порядки.

Труднѣе отвѣчать на вопросъ, что разумѣютъ подъ данью нѣкоторые памятники XII вѣка? Всего менѣе недоразумѣній возбуждаютъ грамоты новогородскаго князя Святослава и смоленскаго Ростислава. И въ той и въ другой грамотѣ слово «дани» употреблено во множественномъ числѣ и обозначаетъ разные доходы, десятина съ которыхъ жертвуется церкви. Въ грамотѣ Святослава данями названы доходы отъ виръ и продажъ, т.-е. съ княжескаго суда. Грамота Ростислава не исчерпываетъ всего содержанія жалуемыхъ даней, но изъ нѣкоторыхъ мѣстъ грамоты видно, что къ данямъ относятся: полюдье и доходы съ торговли, мыто, гостинная дань, корчмито. Въ этихъ грамотахъ слово дань— тоже родовое, а не видовое понятіе. Ни въ той, ни въ другой нѣтъ ни малѣйшаго указанія на существованіе отдѣльной повинности, которая носила бы наименованіе дани. Нѣтъ такого указанія и въ церковномъ уставѣ Владиміра Св., который даетъ болѣе подробное перечисленіе княжескихъ доходовъ, съ которыхъ онъ жертвуетъ десятину въ пользу нуждъ церкви. Онъ даетъ десятину: отъ княже-

---

С. М. Соловьевъ въ черномъ борѣ также видитъ ордынскую дань. Заимствуемъ у него одну ссылку на источники: «Бысть дань велика въ Орду и на Новгородѣ чорный боръ». Величина ордынской дани прямо отразилась на черномъ борѣ. Сборникъ историч. и статистич. свѣдѣній о Россіи, 1845, стр. 285 сл.

скаго суда (это виры и продажи грамоты князя Святослава), отъ доходовъ съ торговли (это мыто, гостинная дань и корчмито грамоты князя Ростислава) и отъ своего частнаго хозяйства, отъ стадъ, урожая хлѣба и пр. Терминъ «дани» этому уставу совсѣмъ неизвѣстенъ. Но начальный лѣтописецъ, разсказывая событія въ княженіе Ольги, употребляетъ уже этотъ терминъ. Ольга, идя къ Новгороду, уставила по Мстѣ и Лугѣ «дани». Здѣсь дани опять родовой терминъ, а не видовой. Ольга установила разныя повинности.

Нѣкоторую неясность оставляетъ жалованная грамота вел. князя Мстислава Владиміровича и мѣсто начальной лѣтописи подъ 945 годомъ. Вел. князь Мстиславъ подарилъ Юрьеву монастырю недвижимость «съ данью и съ вирами и съ продажами». Здѣсь дань стоитъ въ единственномъ числѣ и можетъ быть принята за нѣкоторый особый видъ повинностей. Но можно читать и такъ: «со всякою данью». Тогда это будетъ родовое понятіе. Также въ единственномъ числѣ говоритъ о дани начальная лѣтопись, приводя обращеніе дружины Игоря къ своему князю: «поиде съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы». Послушалъ ихъ Игорь и пошелъ въ дань, примышляюще къ первой дани. А потомъ пошелъ и въ третій разъ, говоря: «похожу и еще». Послѣдствія этой ненасытности хорошо извѣстны: Игорь былъ убитъ древлянами.

Что это за дань, которую отправился собирать Игорь, по совѣту своей дружины? Надо думать, что она не была выдумкой дружинниковъ Игоря. Они говорятъ о ней, какъ о чемъ-то совершенно обыкновенномъ. Но дань, которую собиралъ Игорь, существенно отличается отъ тѣхъ даней, о которыхъ у насъ была рѣчь до сего времени. Всѣ перечисленныя нами древнія дани были мотивированныя и назначались на извѣстный предметъ. Кормъ для пищевого довольствія, городовое дѣло для постройки укрѣпленій, княжое дѣло для содержанія князя и т. д. Какой мотивъ сбора этой дани? Дружина Игорева говоритъ князю: «мы нази, поиде съ нами въ дань». Но древность предусматри-

вала и эту потребность князя и его слугъ, а потому и была особая повинность—«портное». Что слуги князя были «нази», это не есть мотивъ дани. Дань является не мотивированной, это сборъ ни за что, даровой. Такіе сборы съ характеромъ дара извѣстны и другимъ памятникамъ XII вѣка и носятъ наименованіе «полюдья». Мстиславова грамота кромѣ дани, виръ и продажъ даетъ Юрьеву монастырю «и осеннее полюдье даровьное». Это и есть та дань, которую отправился собирать Игорь. Это подарки, которые подноситъ населеніе князю во время осеннихъ его выѣздовъ [1]). Слухъ о нихъ дошелъ и до Константина Порфиророднаго. Дань лѣтописи подъ 945 годомъ есть, надо думать, именно такое даровое полюдье [2]).

---

[1]) И. Д. Бѣляевъ полагаетъ, что въ Смоленскѣ полюдье перешло въ опредѣленную плату. Лекціи 126. Въ доказательство онъ приводитъ мѣсто Ростиславовой грамоты: «На Копысѣ полюдья 4 гривны». Мѣсто это читается такъ: «На Копысѣ полюдья 4 гривны, перевоза 4 гривны, а торговаго 4 гривны, а корчьмиты не вѣдомо, но что ся сойдетъ, изъ того десятина св. Богородицы». Если полюдье перешло въ опредѣленную плату, то перешли въ опредѣленную плату перевозъ и торговыя пошлины, а можетъ быть отдавались на откупъ. Это можно допустить, какъ мѣстное явленіе. Но въ грамотѣ не все понятно; есть и непослѣдовательности, которыя трудно объяснить. Въ началѣ говорится, что князь даетъ десятину отъ всѣхъ даней смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ, кромѣ полюдья, продажи и виры. А ниже въ двухъ мѣстахъ дается десятина съ полюдья, а въ одномъ и съ виры.

[2]) Въ нашей литературѣ весьма распространено другое мнѣніе о дани, упоминаемой въ древнѣйшихъ памятникахъ. Думаютъ, что она составляла особый видъ налога и, слѣдовательно, отъ нея пошла московская дань, а не отъ татаръ. Такъ Гагемейстеръ, Незабитовскій, И. Д. Бѣляевъ, а за ними слѣдуютъ и новые ученые конца прошлаго вѣка. У И. Д. Бѣляева въ лекціяхъ читаемъ: «Дань была извѣстна еще въ первый періодъ (до 988 г.), но тогда она была неопредѣлена и собиралась съ двора или съ дыма. Въ настоящемъ же періодѣ (988—1237) она была опредѣлена и назначалась на цѣлыя общины. Такъ въ Ростиславовой грамотѣ сказано: «Отъ Торопчи дани 400 гривенъ, а епископу съ того взяти 40 гривенъ» и т. д. 195. Въ грамотѣ Ростиславовой это сказано, но спрашивается, что такое эти 400 гривенъ, это—одинъ только видъ налога, дань, или это совокупность даней, полученныхъ

Полюдье, неумѣренный сборъ котораго привелъ къ трагической смерти Игоря, держится у насъ довольно долго. Оно собиралось Юріемъ Долгорукимъ и сыномъ его, Всеволодомъ Большое гнѣздо [1]). Но въ московское государство полюдье не перешло. Мы не встрѣтили никакихъ указаній на то, чтобы московскіе князья объѣзжали города и селенія для сбора подарковъ. Съ увеличеніемъ владѣній московскихъ государей и съ возвышеніемъ ихъ власти такіе объѣзды стали не нужны и только умаляли бы престижъ княжеской власти.

Послѣдній отголосокъ такой даровой дани находимъ въ договорахъ Новгорода съ князьями. Новогородцы предоставляютъ своимъ князьямъ брать даръ со всѣхъ волостей, какъ въ XIII вѣкѣ, такъ и въ XV-мъ. Какъ собирался этотъ даръ, этого не видно. Но трудно думать, чтобы тверскіе и московскіе князья XIV и XV вѣка ѣздили въ Новгородъ въ полюдье. По всей вѣроятности, даръ этотъ привозился къ нимъ новогородскими властями.

Еще древнѣе полюдья та дань, которую возлагали князья на вновь покоряемыя племена. Такую дань Олегъ возложилъ на древлянъ, примучивъ ихъ, на сѣверянъ, радимичей, Ольга снова на древлянъ, Владиміръ Св. снова на радимичей и т. д. Это была дань, платимая покоренными племенами за обѣщаемый имъ миръ, а иногда и за охрану отъ нападенія сосѣдей.

«Иде Олегъ на сѣверянъ, говоритъ лѣтописецъ, и побѣди сѣверяне, и возложи нань дань легъку, и не дастъ

съ Торопца? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ началѣ грамоты, гдѣ сказано:

«И се даю Св. Богородици и епископу десятину отъ всѣхъ даній смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ, кромѣ продажи и виры и кромѣ полюдья».

Итакъ, 400 гривенъ не особая дань, а итогъ всего, что получаетъ князь съ этой мѣстности. Сюда войдутъ торговыя пошлины, судныя деньги, кромѣ виры и продажи, пятно и т. д.

[1]) Карамзинъ приводитъ 3 случая такихъ сборовъ, III прим. 81.

имъ козаромъ дани платити, рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ не чему».

Эта легкая дань есть плата за миръ съ Олегомъ и за охрану отъ козаръ (Лавр. 10). Надо думать, что по мѣрѣ установленія мирнаго порядка и распространенія на вновь покоряемыя племена обыкновеннаго волостнаго устройства, дани эти вышли изъ употребленія [1]).

Татарская дань, перешедшая при вел. князѣ Иванѣ Васильевичѣ въ налогъ, поступавшій со всѣхъ удѣловъ въ казну вел. князя, даетъ едва ли не первый примѣръ общаго тягла, падавшаго на все населеніе. Оно удержалось до конца XVII вѣка и въ 1679 г. поступило въ составъ новой стрѣлецкой подати.

9. Ямъ. Слово это татарское; оно означаетъ прежде всего—почтовую станцію, а затѣмъ и сборъ денегъ на организацію почтоваго дѣла (сообщено П. М. Меліоранскимъ). Отсюда ясно, что почтовыя учрежденія и сборы на нихъ сдѣлались у насъ извѣстны только съ татарскаго завоеванія. Но знакомство съ ними шло у насъ въ обратномъ порядкѣ. Мы сперва познакомились со сборами на почтовыя учрежденія, а потомъ уже, по прошествіи значительнаго времени, и съ самыми учрежденіями. Сборъ ямскихъ денегъ появляется у насъ, конечно, съ завоеванія татарами. Объ немъ идетъ уже рѣчь въ древнѣйшемъ изъ дошедшихъ до насъ ярлыковъ русскому духовенству. Менгу Темиръ въ 1266 г. освобождаетъ духовенство отъ яма и подводъ. Но это не первый ярлыкъ [2]). Здѣсь подъ ямомъ разумѣется почтовая дань, которая шла въ орду, а подъ подводами — натуральная повинность, которая отправлялась и въ пользу татарскихъ гон-

[1]) Гагемейстеръ также находитъ правильнымъ различить эти чрезвычайныя дани, вызываемыя покореніемъ новыхъ племенъ, и обыкновенныя повинности, которыя князья получали въ своихъ владѣніяхъ, и полагаетъ, что такое различіе дѣлаетъ и лѣтопись, что совершенно вѣрно. Розысканія о финансахъ древней Россіи, 1833, стр. 13.

[2]) Григорьевъ, Россія и Азія, 228, 254.

цовъ. Этотъ почтовый сборъ въ пользу орды, какъ и татарская дань, держится во все время татарскаго владычества. Въ завѣщаніи Василія Дмитріевича читаемъ:

«А коли придетъ дань или ямъ, и княгиня моя дастъ съ тѣхъ волостей (ей отказанныхъ) по розочту».

Итакъ ямъ, какъ и дань, вносится московскими удѣльными князьями въ казну вел. князя по особому распредѣленію для платы въ орду. Ямъ сливается поэтому съ данью и въ томъ же завѣщаніи, въ другихъ случаяхъ, говорится только о дани. Завѣщанія другихъ князей о ямѣ вовсе не упоминаютъ, они говорятъ только о дани, разумѣя подъ ней и ямъ, одинаково составляющій дань въ Орду [1]). Судьба татарской дани и татарскаго яма одинаковы: когда Богъ перемѣнилъ Орду, Иванъ Васильевичъ сталъ собирать ихъ въ свою казну.

Но за много лѣтъ до этой коренной формы у насъ появился свой русскій ямъ. Первое указаніе на него находимъ въ жалованныхъ грамотахъ половины XV вѣка [2]). Пожалованные люди освобождаются этими грамотами отъ яма, но кромѣ татарскаго: татарскій ямъ они должны платить. Итакъ, есть ямъ татарскій и русскій.

Но прежде, чѣмъ идти далѣе, надо сдѣлать оговорку въ предупрежденіе возможныхъ недоразумѣній. Прежде чѣмъ Богъ перемѣнилъ Орду, русскіе князья освобождали отъ дани, т.-е., татарской дани, а не своей. Это было возможно? Конечно. Татарская дань платилась въ той суммѣ, на кото-

---

[1]) И. Я. Гурляндъ полагаетъ, что татарскій ямъ имѣлъ «значеніе откупа отъ подводной повинности». Ямская гоньба, 43. Это очень сомнительно. Какъ же передвигались тогда татарскіе ѣздоки по русскимъ землямъ? Нѣтъ никакихъ указаній на то, что татары устроивали у насъ ямы на собираемыя ими деньги. Они брали ихъ себѣ, вотъ и все; а по русскимъ княженіямъ, конечно, разъѣзжали на русскихъ подводахъ. Этимъ и объясняется даваемая ими въ ярлыкахъ льгота отъ подводъ.

[2]) А. до Ю. Б. № 31, XIV, XVII; первыя грамоты даны при Василѣ Темномъ, слѣдовательно ранѣе 1462 года.

рую былъ сдѣланъ изъ Орды запросъ. Эта сумма распредѣлялась между отдѣльными княженіями, а кто ее платилъ въ отдѣльныхъ княженіяхъ, это было безразлично и для князей и для татаръ. Если нѣкоторыя лица освобождались, другія платили больше, вотъ и все. Отъ татарскаго яму русскіе князья также могли освобождать, и если до насъ дошло нѣсколько освободительныхъ отъ яма грамотъ — «опроче татарскаго яма», то это сокращенная льгота и только, очень, однако, для насъ важная, ибо она сохранила указаніе на существованіе русскаго яма въ половинѣ XV вѣка. Когда именно впервые появился такой ямъ, этого мы не знаемъ. По нѣкоторымъ даннымъ, о которыхъ ниже будетъ рѣчь, введеніе русской ямской дани можетъ восходить къ XIV вѣку.

Для какой цѣли появился русскій ямъ? Это совершенно ясно. Татарскій ямъ собирается на нужды почтоваго дѣла; съ этою же цѣлью вводится и русскій ямъ: онъ предназначается для устройства ямской гоньбы. Въ устройствѣ ямовъ русскіе князья являются учениками татаръ. Въ какой степени мы переняли татарскіе порядки, объ этомъ ничего нельзя сказать опредѣленнаго, такъ какъ и самые татарскіе порядки въ точности неизвѣстны. Но что татары дали намъ мысль о ямской гоньбѣ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, хотя, можетъ быть, мы дошли бы до этой мысли и безъ татаръ.

Такъ какъ время введенія русскихъ ямскихъ денегъ въ точности неизвѣстно, то и о времени учрежденія первыхъ ямовъ остается только гадать. Древнѣйшее указаніе на русскіе ямы относится къ концу XIV или самому началу XV вѣка. Въ уставной грамотѣ вел. князя Василія Дмитріевича и митрополита Кипріяна читаемъ: «а ямъ по старинѣ шестой день». «Шестой день» указываетъ на отправленіе ямской повинности черезъ пять дней въ шестой. Это нѣкоторая натуральная повинность въ пользу яма, какъ почтоваго учрежденія, существующая не со вчерашняго дня, а по старинѣ, т.-е. давно, лѣтъ 30—40 по крайней мѣрѣ. Итакъ, ямы существуютъ уже въ XIV вѣкѣ, а слѣдовательно и русскій ямъ, т.-е. денежный сборъ на ихъ содержаніе взи-

мается уже въ XIV вѣкѣ [1]). Это предположеніе подтверждается и жалованной грамотой рязанскаго вел. князя, Олега, Ольгову монастырю, во второй половинѣ XIV вѣка, въ которой сказано:

«И ямщики ать не заимаютъ богородицкихъ людей ни про што же».

Здѣсь ямщики—суть люди, которые могутъ привлекать монастырскихъ людей къ отбыванію разныхъ повинностей въ пользу ямовъ. Князь говоритъ: они не должны привлекать ихъ ни къ какому дѣлу, т.-е. ямскому [2]).

Итакъ, въ XIV вѣкѣ существуетъ уже русская ямская дань и появились первыя ямскія учрежденія. Эта ямская дань представляетъ второй примѣръ общаго налога, касающагося всѣхъ мѣстностей княженія. И въ этомъ случаѣ нововведеніе появилось также подъ вліяніемъ татарскихъ порядковъ.

Возникаетъ вопросъ, въ какое отношеніе стали эти новости къ старинной подводной повинности. Онѣ ея не отмѣнили и не могли отмѣнить и по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, ямы были учреждены не вездѣ, а только по нѣко-

[1]) И. Я. Гурляндъ полагаетъ, что ямы были учреждены во второй половинѣ XV вѣка Иваномъ Васильевичемъ. Онъ основывается на завѣщаніи этого князя, въ которомъ сказано: «Сынъ мой, Василій, держитъ ямы и подводы, гдѣ было при мнѣ». Князь не говоритъ «гдѣ было при моемъ отцѣ» или «по старинѣ», а гдѣ было при мнѣ, отсюда почтенный авторъ и заключаетъ, что Иванъ Васильевичъ первый учредилъ ямы. Ямск. гоньба 44 сл. Но Иванъ Васильевичъ могъ такъ сказать и въ томъ случаѣ, если бы онъ только расширилъ то, что было при его отцѣ и дѣдѣ. Свидѣтельство приведенной нами уставной грамоты И. Я. Гурляндъ устраняетъ предположеніемъ, что слово «ямъ» употреблено въ грамотѣ вмѣсто «подводы». 41. Къ такому чтенію источниковъ мы не можемъ присоединиться.—Въ примѣчаніи на 43 стр. авторъ приводитъ высказанныя въ литературѣ мнѣнія по сему предмету, о чемъ мы, поэтому, и не говоримъ.

[2]) А. И. I № 2; о такихъ же льготахъ идетъ рѣчь и въ № 13 и 14, 1356—1402. Все рязанскія грамоты.

торымъ дорогамъ; по всѣмъ остальнымъ осталась подводная повинность. Пермь Великая лежала на бойкой дорогѣ въ Сибирь, а между тѣмъ тамъ и въ первой половинѣ XVII вѣка ямовъ еще не было. Во-вторыхъ, даже и тамъ, гдѣ устраивались ямы, бывали перерывы. Напримѣръ, по дорогѣ въ Литву отъ Москвы до Можайска и отъ Можайска до Литовской границы были ямы, а въ самомъ Можайскѣ яма не было, а потому при проѣздѣ гонцовъ въ Литву давалась особая грамота для наряда подводъ съ города (Сбор. И. Р. И. Общ. XXXV, 83, 1493). Наконецъ, средства ямовъ могли оказаться недостаточными для удовлетворенія всѣхъ потребностей почтовой гоньбы. Въ этихъ случаяхъ брались подводы и по дорогамъ, на которыхъ были устроены ямы. Въ 1613 году велѣно было доправить подводы съ вотчинъ Прилуцкаго монастыря потому, что съ обоихъ смежныхъ ямовъ подводы были ужѣ всѣ взяты (А. Ю. № 339, IX, X). Итакъ, ямы и подводы дѣйствуютъ одновременно.

Съ учрежденіемъ ямовъ, такимъ образомъ, къ старой подводной повинности прибавилась новая, которая падала иногда на однихъ и тѣхъ же людей. Крестьяне Кирилловскаго монастыря несли ямскую повинность по углецкому яму, а кромѣ того тѣ же крестьяне возили государевыхъ посланниковъ и обыщиковъ, т.-е. давали подводы по старому порядку. Въ 1546 году государевъ богомолецъ, игуменъ Кириллова монастыря, билъ челомъ государю по поводу этой двойной повинности; послѣдствіемъ челобитья было освобожденіе отъ ямского тягла, а подводная повинность осталась.

Организація ямской гоньбы выходитъ изъ предѣловъ моего изслѣдованія, но я не могу обойдти ее совершеннымъ молчаніемъ, такъ какъ она далеко не оплачивалась сборомъ ямскихъ денегъ, а повела къ возникновенію новаго тягла, о которомъ необходимо сказать.

Учрежденіе ямовъ состояло въ томъ, что по нѣкоторымъ дорогамъ были устроены почтовыя станціи, на которыхъ княжескіе гонцы и обозы могли находить кормъ и лошадей

для дальнѣйшаго слѣдованія. Устройство ямовъ и содержаніе лошадей и проводниковъ не покрывались, однако, сполна изъ сбора ямскихъ денегъ. Значительная часть издержекъ падала въ видѣ особой повинности на населеніе тѣхъ мѣстностей, вблизи которыхъ были устроены ямы. Содержаніе ямовъ покрывалось, такимъ образомъ, изъ двухъ источниковъ: изъ собираемыхъ въ государеву казну ямскихъ денегъ и изъ особаго тягла, которое падало на населеніе. При отсутствіи въ древности контрольныхъ учрежденій по финансовой части, нѣтъ никакой возможности сказать, всѣ ли ямскія деньги шли на содержаніе ямовъ или употреблялись и на другія потребности; но что ихъ было недостаточно для содержанія ямовъ, это внѣ сомнѣнія, иначе не было бы надобности возлагать на населеніе добавочные на этотъ предметъ расходы.

Съ точки зрѣнія этихъ добавочныхъ расходовъ, въ устройствѣ ямовъ съ теченіемъ времени замѣчаются измѣненія. Первоначально добавочные расходы покрывались натуральной повинностью населенія, а потомъ они стали переходить въ денежную. Опредѣлить точно время этой перемѣны, по скудости источниковъ, не представляется возможнымъ; можно только утверждать, что этотъ переходъ совершился во второй половинѣ XVI вѣка, хотя натуральная повинность и не была совершенно и повсемѣстно замѣнена денежной.

Начнемъ съ описанія болѣе древней, натуральной ямской повинности.

Мѣстное населеніе должно было устроить ямъ, т.-е. нарубить и привести лѣсъ и построить избы, конюшни, сѣнники и пр. Если не было свободныхъ земель въ мѣстѣ устройства яма, то и земля подъ него и подъ пашню ямщикамъ отводилась изъ земель близъ лежащихъ владѣній, чьи бы они ни были. Устроивъ ямъ, мѣстное населеніе должно было выставлять на него подводы и проводниковъ для ямской гоньбы [1]).

[1]) А. Э. I №№ 156, 190, 200, 201, 206, 277, 323; II № 68; III № 170; А. И. I № 188; 1512—1626.

Для распоряженія всѣмъ этимъ дѣломъ мѣстное населеніе должно было выбирать изъ своей среды «ямщиковъ», которые назывались иногда ямскими старостами, дьячка для письмоводства и дворниковъ. Выборы производились мѣстными властями и всѣмъ тянувшимъ къ яму населеніемъ. Напримѣръ, въ выборахъ на Тотемскій ямъ участвовали тотемскій намѣстникъ и дьякъ и всѣ мѣстные игумны, попы, дьяконы и крестьяне. За избранныхъ избиратели должны были дать поруку; а избранные ямщики должны были ѣхать въ Москву и цѣловать тамъ крестъ. Въ Москвѣ имъ давали деньги на расходъ и «ямскія книги», въ которыя они должны были записывать, «сколько при своей стряпнѣ они подводъ по которой дорогѣ отпускали и сколько выдали за то прогоновъ» [1]).

На ямщикахъ лежала, такимъ образомъ, обязанность вести ямскую гоньбу, наряжать съ мѣстныхъ жителей, приписанныхъ къ яму, подводы и проводниковъ, выдавать подводы подъ княжескихъ гонцовъ и обозы, платить за нихъ прогоны и вести всему отчетность. Ямщики—это, слѣдовательно, чиновники, по нашему — почтовые смотрители; имъ даже земли даются въ помѣстья (А. Ю. № 192, 1613). Но какъ выбранные, они не получаютъ корма и доходовъ отъ должности, а прокармливаютъ себя сами. Съ этою цѣлью къ ямамъ прирѣзывается земля для пашни съ лугами и проч. Гоньба подводъ, выставляемыхъ населеніемъ на ямы, оплачивается, но всѣ другія издержки населенія по устройству ямовъ—повинность.

Таково древнѣйшее устройство ямовъ. Къ этому порядку вещей относятся и выше приведенныя рязанскія грамоты XIV вѣка, которыми ямщикамъ запрещается трогать мона-

---

[1]) Рум. Собр. № 148; Доп. къ А. И. I № 51 и 104; Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1898 г., кн. III, Акты А. И. Юшкова, № 163, 1514—1556. Древнѣйшее извѣстіе о платежѣ за подводы относится къ 1493 г. Гонцу въ Литву велѣно взять въ городѣ Можайскѣ 6 подводъ и «язъ, говоритъ вел. князь, велю тотъ наемъ заплатити». Сбор. Имп. Р. И. Общ. XXXV, 83.

стырскихъ людей: «не замаютъ ни про что», и уставная грамота вел. князя Василія Дмитріевича и митрополита Кипріяна, въ которой натуральная ямская повинность монастырскихъ крестьянъ опредѣлена въ одинъ день изъ шести.

Въ половинѣ XVI вѣка этотъ порядокъ измѣняется переходомъ нѣкоторой части натуральной повинности въ денежную. Подводы и проводники, выставлявшіеся на ямы мѣстнымъ населеніемъ, замѣняются ямскими охотниками. Ямскіе охотники это такія лица, которыя по договору съ мѣстнымъ населеніемъ принимаютъ на себя обязанность содержать ямскую гоньбу, т.-е. жить на станціи и имѣть для этого условленное число лошадей, сѣделъ, телѣгъ, а гдѣ нужно лодокъ и пр.

Обязанность выставить такихъ охотниковъ—лежитъ на населеніи. Если оно само не выставляло сколько слѣдуетъ, мѣстныя власти «правятъ» съ него положенное число, т.-е. взыскиваютъ.

Съ желающимъ взять на себя ямскую гоньбу (это и есть—охотникъ) населеніе, приписанное къ яму, заключало договоръ, по которому обязывалось платить ему извѣстную сумму, а охотникъ принималъ на себя соотвѣтственныя обязанности по ямской гоньбѣ.

Это, собственно, договоръ найма услугъ, условія котораго были очень различны, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Одинъ охотникъ обязывался только къ ямской гоньбѣ, для чего долженъ былъ имѣть извѣстное число лошадей съ сѣдлами, телѣгами, санями; другой—долженъ былъ возить по сушѣ и въ лодкахъ по водѣ; третій обязывался, кромѣ того, дворъ поставить, избу, клѣть и конюшню, огородить все тыномъ и пашню на себя пахать и такъ далѣе. Соотвѣтственно этому и наемная плата была разная, она то 5 рублей въ годъ, то 15, то 17. Кромѣ платы давалась еще единовременная подмога—на обзаведеніе, какъ въ крестьянскихъ порядныхъ. Плата дается не только деньгами, но хлѣбомъ, овсомъ и другими припасами. Если охотникъ понесъ какіе-либо убытки, наемщики обязывались ему помогать. Словомъ,

населеніе должно было обезпечить отправленіе ямской гоньбы. Отсюда и выраженіе: «монастырь держитъ ямскихъ охотниковъ своею вотчиною». Съ этой же цѣлью подборъ въ охотники дѣлается среди состоятельныхъ людей, семьянистыхъ, статочныхъ, прожиточныхъ, у которыхъ уже есть лошади и весь необходимый снарядъ. Въ томъ, что охотникъ исполнитъ всѣ принятыя имъ на себя обязанности, онъ представляетъ особыхъ поручителей, на которыхъ переходитъ государева пеня и убытки, а иногда и государева ямская гоньба. Но въ концѣ концовъ повинность ямской гоньбы лежитъ все же на населеніи и только обращена въ деньги и возложена на ямского охотника, это видно изъ приписки къ одной порядной: «А не учнемъ мы ему давати на всякой годъ, на ямскую гоньбу, по 17 рублевъ, и на насъ ямская гоньба въ его мѣсто сполна» [1]).

Кромѣ платы за наемъ, согласно условію, ямскіе охотники получали еще государево жалованье, которое носитъ наименованіе то прогоновъ, то подмоги. Жалованіе это выдавалось изъ ямскихъ денегъ. Но со второй половины XVI вѣка въ пополненіе средствъ на ямскую гоньбу рядомъ съ этимъ стали собирать еще «подмогу ямскимъ охотникамъ». Такимъ же дополненіемъ къ яму являются еще «приметныя деньги», о сборѣ которыхъ въ памятникахъ рѣчь идетъ всегда рядомъ съ ямскими деньгами [2]). Отсюда слѣдуетъ, что ямскіе сборы, поступающіе въ государеву казну, съ теченіемъ времени значительно возрастаютъ; но и натуральныя повинности на тотъ же предметъ едва ли уменьшились.

---

[1]) А. Ю. № 192, 278, 294; А. И. I № 217; 1586—1613. Древнѣйшее указаніе на ямскихъ охотниковъ мы встрѣтили въ грамотѣ отъ 1640 г. Она ссылается на жалованную грамоту царя Ивана Васильевича муромскимъ ямскимъ охотникомъ отъ 1550 г. А. Э. III. № 297.

[2]) А. Э. I № 323, 343; II № 84; III № 116, 121, 267; Доп. къ А. И. I № 51, 57; А. Ю. № 214, VIII, IX, XI; Акты тяг. нас. II № 18, здѣсь встрѣчаемъ выраженіе: «наши ямскіе приметные денги». 1555—1637. И. Я. Гурляндъ на стр. 104 и сл. приводитъ выписки изъ архивныхъ платежныхъ книгъ, изъ которыхъ видно, что каждый изъ отдѣльныхъ ямскихъ сборовъ исчислялся особо.

Возрастающее государство требуетъ все большихъ и большихъ жертвъ отъ населенія.

Съ появленіемъ ямскихъ охотниковъ управленіе ямами переходитъ къ мѣстнымъ правительственнымъ органамъ, а слово ямщикъ начинаетъ служить для обозначенія ямскихъ охотниковъ [1]).

Съ развитіемъ задачъ государственной жизни, роль государства въ отправленіи ямской гоньбы усиливается. Съ конца XVI вѣка, а можетъ быть и раньше, появляются казенные суда для нуждъ почтоваго сообщенія въ Казани, Астрахани, въ Верхотурьи и другихъ мѣстахъ [2]).

Таковы типическія черты ямскаго тягла въ Московскомъ государствѣ; но въ отдѣльныхъ случаяхъ практика представляла большое разнообразіе и очень отъ нихъ уклонялась. Приведемъ два-три примѣра.

Въ Перми Великой не смотря на то, что тамъ были большіе сибирскіе отпуски, до 1606 года не было ямовъ, всѣ отпуски отправлялись подводной повинностью. Но такъ какъ они обходились населенію въ большую сумму, тысячъ до пяти и болѣе въ годъ, то населеніе было освобождено отъ всякихъ денежныхъ сборовъ, даней и оброковъ. Такъ продолжалось до царя Бориса, который возстановилъ всѣ денежные сборы да ввелъ еще «невѣдомо какія разводныя деньги», а подводную повинность оставилъ въ прежней силѣ. Это и было причиной, что пермичи обратились въ 1606 году съ просьбой объ устройствѣ у нихъ ямовъ на слѣдующихъ основаніяхъ: они выберутъ охотниковъ, дадутъ имъ подмогу на лошадей и для двороваго строенія, по уговору; а прогонныя деньги охотники будутъ получать не изъ государевой казны, а изъ особаго сбора съ мѣстныхъ же жителей. Правительство не возражало, а только спрашивало «можно ли охотниковъ, сверхъ подможныхъ и прогонныхъ денегъ,

---

[1]) А. Э. IV № 297, 1640. — Объ управленіи ямами см. И. Я. Гурляндъ, стр. 172.

[2]) Дополненія къ А. И. I № 133; А. И. I № 145; 1589—1627.

устроить еще пашнею и сѣнными покосами, и изъ какихъ земель»? Въ этой же грамотѣ въ Пермь Великую встрѣчаемъ еще одну особенность. Въ охотники приказано выбрать «отъ братьи братью, отъ дядь племянниковъ, а не тяглыхъ посадскихъ и волостныхъ людей» (А. Э. II № 54). Въ порядныхъ же въ ямскіе охотники встрѣчаемъ указанія о выборѣ ихъ съ тягла (А. Ю. № 278. 1601).

Но Пермичи и въ 1623 году не подошли еще подъ общій уровень ямской организаціи, а продолжали собирать подводы съ населенія (А. Э. III № 144).

Въ 1608 году крестьяне Бѣлозерскаго монастыря давали ямскія деньги, держали ямскихъ охотниковъ да еще отпускали гонцовъ безъ прогоновъ, т.-е. отправляли подводную повинность вмѣстѣ съ ямской (А. Э. II № 84).

Въ нѣсколькихъ грамотахъ 1620 и 1621 года ямскимъ охотникамъ воспрещается брать съ мѣстныхъ жителей подмогу, а въ грамотѣ 1637 года «подмогу указано имати» (А. Э. III № 116, 121, 267).

Очень любопытное явленіе представляютъ муромскіе охотники. Они возникли въ 1550 году, а можетъ быть и ранѣе, и непрерывно существовали въ теченіи почти цѣлаго столѣтія. Въ теченіи этого времени они совершенно обособились отъ своихъ избирателей и успѣли организовать независимую отъ нихъ общину, которая дошла до того, что захватила въ свои руки въ городѣ Муромѣ всякій извозъ. Муромскіе ямскіе охотники не дозволяли посадскимъ людямъ привести въ свои дворы на своихъ лошадяхъ съ рѣки ни лѣсу, ни дровъ, ни хлѣба. Они все хотѣли возить сами и брать за это съ посадскихъ плату. Посадскіе люди били объ этомъ челомъ государю. По справкѣ оказалось, что въ жалованной муромскимъ охотникамъ грамотѣ въ 1550 году имъ предоставлено «межъ своихъ дѣлъ» въ Муромѣ извозничать и возить медъ, рыбу и всякій товаръ и брать «наемъ у гостей, какъ ихъ кто найметъ», но никому не было воспрещено возить что угодно на своихъ лошадяхъ. Незаконныя

претензіи муромскихъ охотниковъ были отвергнуты (А. Э. III № 297).

Въ заключеніе укажемъ на то, что подводами и ямскими учрежденіями могли пользоваться и частныя лица, но по особому указу и съ уплатой прогонныхъ денегъ. Въ началѣ XVII вѣка такія разрѣшенія были даны властямъ Тихвина монастыря съ обозначеніемъ направленія и числа подводъ, которыя они могли брать (А. Ю. № 364).

Наконецъ, по примѣру правительства, богатые монастыри сами учреждали у себя ямы, конечно, для замѣны подводной повинности (А. Э. I 323). Учрежденіе ямовъ представляется, такимъ образомъ, успѣхомъ и вызываетъ подражаніе въ частныхъ хозяйствахъ.

10. Въ этой послѣдней группѣ я соединю всѣ повинности, которыя можно назвать тягломъ по вооруженной защитѣ государства. Число такихъ тяголъ доходитъ до восьми. Нѣкоторыя изъ нихъ очень древняго происхожденія, таковы: пищевое содержаніе ратныхъ людей и городовое дѣло, о чемъ рѣчь была выше. Большинство другихъ не встрѣчается въ памятникахъ до московскаго времени, объ нихъ мы будемъ говорить теперь. Это будутъ: а) ратная служба, б) засѣчное дѣло, в) ямчужное дѣло, г) пищальныя деньги, д) полоняничныя деньги и е) сборы ратнымъ людямъ на жалованье и стрѣлецкія деньги.

а) Ратная служба. О повинности выставлять ратныхъ людей на случай войны встрѣчаемъ многочисленныя указанія, начиная съ половины XV вѣка. Но едва ли будетъ вѣрно утверждать, что повинность эта только въ Москвѣ и возникла. Она существовала и въ вѣчевой Руси и имѣла мѣсто во всѣхъ тѣхъ случахъ, когда война предпринималась по опредѣленію вѣча. Въ 1148 году новогородцы рѣшили объявить войну ростовскому князю Юрію; обращаясь къ призванному ими на помощь князю Изяславу, они сказали ему:

«Княже! мы всѣ пойдемъ! Хоть бы дьякъ былъ и гуменцо пострижено, да не поставленъ, и тотъ пойдетъ»!

Въ 1151 году кіевляне рѣшили воевать съ тѣмъ же княземъ Юріемъ и такъ возвѣстили объ этомъ бывшимъ на ихъ сторонѣ князьямъ:

«У насъ всѣ пойдутъ, кто только можетъ взять въ руки хлудъ! А кто не пойдетъ, укажите ихъ намъ, мы ихъ побьемъ»!

Люди, которые такъ говорили, отправлялись, конечно, отъ мысли о всеобщей воинской повинности, которая и предполагается въ обоихъ приведенныхъ случахъ въ формѣ всенароднаго ополченія. По мѣрѣ ослабленія вѣчевой жизни и усиленія княжеской власти право требовать отправленія ратной повинности переходитъ въ руки князя. Древнѣйшее извѣстіе, намъ встрѣтившееся, хотя и не очень ясное, относится къ половинѣ XV вѣка [1]). Съ половины XVI вѣка начинается рядъ извѣстій, совершенно выясняющихъ характеръ этого тягла.

Первоначально это натуральная повинность. Мѣстные жители обязываются выставить извѣстное число ратныхъ людей, конныхъ и пѣшихъ, во всеоружіи и со всѣми необходимыми кормовыми запасами на опредѣленное число мѣсяцевъ военнаго времени. Эти ратные люди нерѣдко называются—даточными. Вооруженіе ихъ опредѣлялось очень различно, при чемъ имѣлось въ виду исчерпать все, что ратные люди могли вынести на войну. Уже въ 1545 году предписывалось имѣть огнестрѣльное оружіе, пищали; кромѣ того упоминаются — самопалы, рушницы, бердыши, топоры, рогатины, кремли и всякій ратный бой. Вооруженные пищалями должны были приносить съ собой ядра и зелье (порохъ). Если захваченнаго съ собой пороху недоставало, онъ выдавался изъ государевыхъ запасовъ, но цѣна его потомъ взыскивалась съ тѣхъ, кто выставилъ ратныхъ людей. Иногда

---

[1]) Вел. князь Василій Васильевичъ порядилъ крестьянъ Троицы-Сергіева монастыря въ Углицкомъ уѣздѣ «на свою службу великаго князя къ берегу», а они, нехотя государевой службы служить, разбрелись изъ монастырскихъ селъ по разнымъ мѣстамъ. А. Э. I № 64. Около 1460.

предписывалось дать достаточнымъ людямъ подъемныя деньги. Срокъ, на который созывались ратные люди, обусловливался обстоятельствами военнаго времени и не всегда опредѣлялся, а если опредѣлялся, то очень различно: и въ 3 мѣсяца, и— въ 8, а случалось и въ цѣлый годъ [1]).

Обыкновенно ратныхъ людей ставили съ извѣстнаго числа сохъ или дворовъ, но въ смутное время эта повинность не рѣдко принимала размѣры всенароднаго ополченія.

Въ наказныхъ памятяхъ о сборѣ ратныхъ людей обыкновенно опредѣлялись ихъ качества. Это должны быть люди молодые, рѣзвые и стрѣлять изъ самопаловъ гораздые; не воры, не бражники и не зернщики. Выбирать предписывалось изъ волостныхъ лучшихъ людей (А. Э. II № 70; А. Ю. № 341; 1607—1612).

Ратная служба, о которой идетъ рѣчь, падала не на служилыхъ людей, обязанныхъ являться на службу поголовно, а на посадскихъ людей и крестьянъ. Очень понятно, что между ними не всегда находились люди, «гораздые» стрѣлять изъ самопаловъ. Недостатокъ въ такихъ людяхъ вызвалъ **наемъ** населеніемъ ратныхъ людей, знакомыхъ съ огненнымъ боемъ. Нанимаемый ратный человѣкъ обязывался явиться на службу съ самопаломъ и со всякимъ ратнымъ оружіемъ, со службы не сбѣжать, государю не измѣнить. Наемъ совершался на опредѣленный срокъ и за опредѣленное жалованье, съ оговоркой, если срокъ службы будетъ продолженъ, то и жалованье будетъ выдаваться за все время службы, и наоборотъ, выданное впередъ жалованье подлежитъ возврату, если войска будутъ распущены ранѣе условленнаго срока найма. Такъ какъ плата опредѣлялась помѣсячно, то и носила наименованіе «мѣсячины». Въ добросовѣстномъ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей ратные люди представляли поручителей, которые и принимали на

[1]) А. Э. I № 205; II № 69, 70, 98, 102; III № 222, 225, 274, 275; IV. № 250; А. И. II № 98: III № 198; Доп. къ А. И. I № 138; А. Ю. № 339, VIII; 1545—1681.

себя полную за нихъ отвѣтственность: «и наши порущиковъ головы въ его голову мѣсто со всякимъ ратнымъ оружіемъ» (А. Ю. № 300, 1618).

Такое положеніе дѣла хорошо понимало само правительство, а потому, приказывая прислать ратныхъ людей, оно иногда прямо предписывало: «дать имъ наемъ по мѣсяцомъ», т.-е., отправлялось отъ той точки зрѣнія, что ратные люди будутъ наняты (Доп. къ А. И. I № 638. 1592; А. Э. II № 77. 1607).

Но у мѣстныхъ жителей могло не оказаться денегъ въ данное время для найма иногда очень значительнаго числа ратныхъ людей. Правительство оказывало имъ въ этихъ случаяхъ кредитъ и давало деньги въ займы. Въ 1609 году усольцы заняли въ государевой казнѣ 160 р. для найма ратныхъ людей (А. И. II № 133).

Рядомъ съ наймомъ ратныхъ людей сельскими и посадскими общинами, существовалъ и другой способъ отправленія ратной повинности. Правительство брало съ общинъ наемныя деньги и само нанимало ратныхъ людей. Эта натуральная повинность, какъ и многія другія, переходила, такимъ образомъ, въ денежную. Въ 1609 году усольцы нанимаютъ сами ратныхъ людей и занимаютъ для этого деньги въ казнѣ великаго государя, а въ 1608 году они внесли въ эту казну 60 р. для замѣны ихъ натуральной повинности денежной; деньги были взяты «за ратные люди». Иногда правительство объясняетъ причины такой замѣны. Въ 1607 году приказано было прислать изъ Перми 70 человѣкъ со всякимъ ратнымъ оружіемъ. А въ концѣ грамоты написано:

«А будетъ пермичи, ратные люди, учнутъ наниматься дорого, учнутъ просить рубля по 3 и по 4, а въ томъ Пермской землѣ будутъ убытки великіе, ...пожаловали мы пермичей, велѣли за тѣхъ ратныхъ людей взять денгами, по меншому найму, на 3 мѣсяца по 2 рубля на мѣсяцъ человѣку; а въ то мѣсто велимъ нанять ратныхъ охочихъ людей на Москвѣ и по городамъ» [1]).

---

[1]) А. И. II № 70; А. Ю. № 215, I и VI; 1607.

Ратная повинность изъ натуральной переходитъ въ денежную, но не вытѣсняется ею. Древнѣйшее указаніе на такую замѣну находимъ уже въ половинѣ XVI вѣка. Въ 1552 году велѣно было взять съ Важской земли за 224 человѣка посошныхъ людей, по старому наряду, деньгами—за человѣка по 2 рубля (А. Э. I № 233). Посошные люди—это тѣ же даточные ратные люди, названные такъ потому, что даются съ извѣстнаго числа сохъ. Назначенная за нихъ плата совершенно совпадаетъ съ той, какая была назначена и 55 лѣтъ позднѣе, въ 1607 году.

Съ теченіемъ времени денежная повинность за ратныхъ людей переходитъ въ налогъ, который не стоитъ уже ни въ какой связи со срокомъ службы. Въ 1631 году приходилось взять съ вотчинъ Кириллова монастыря даточныхъ людей, конныхъ и пѣшихъ, 59 человѣкъ. Вмѣсто даточныхъ людей приказано было взять деньгами 2.072 р. 29 алт. съ деньгою, это по 35 рублей съ копейками на человѣка. Въ 1638 году съ вотчинъ патріаршихъ, митрополичьихъ, архіепископскихъ и большихъ монастырей взято по человѣку съ 10 дворовъ; а въ слѣдующемъ году взято деньгами за человѣка по 20 рублей. Оба способа отправленія ратной повинности существуютъ рядомъ (А. Э. III № 193; А. И. III № 201).

Ратная повинность въ натуральномъ и денежномъ видѣ, конечно, была всеобщая, но временная; ратная служба ограничивалась временемъ войны. Съ прекращеніемъ войны ратные люди расходились по домамъ. Военной повинности въ нашемъ смыслѣ—древность не знала. Древность и очень почтенная знаетъ постоянныя войска; но они составляются изъ набора вольныхъ охочихъ людей, которые служатъ по найму и за поручительствомъ третьихъ лицъ. Даже въ Московскомъ государствѣ обязанность служить въ стрѣльцахъ лежитъ только на дѣтяхъ стрѣльцовъ и то, пока они живутъ съ родителями и не зачислены въ тягло. Къ дѣтямъ стрѣльцовъ въ этомъ отношеніи приравниваются ихъ братья и пламянники, подсусѣдники и захребетники. По аналогіи

съ захребетниками, подъ братьями и племянниками надо разумѣть такихъ братьевъ и племянниковъ, которые живутъ въ одномъ дворѣ съ родственникомъ стрѣльцомъ (А. Э. III №№ 167, 199; 1626—1632). Къ позднѣе возникающимъ разрядамъ постоянныхъ войскъ, къ солдатамъ и драгунамъ, примѣняются тѣ же правила. Они также набираются изъ охочихъ вольныхъ людей. Стрѣлецкіе дѣти, братья и племянники, могутъ поступать охотою въ эти войска, если еще не состоятъ на службѣ и не записались въ тягло, т.-е., если живутъ со стрѣльцами (А. Э. III, № 287, 1639).

в) Близко къ ратной повинности примыкаетъ засѣчное дѣло. Подъ засѣчнымъ дѣломъ разумѣлось устройство препятствій для наступательнаго движенія непріятеля. Они состояли въ завалахъ лѣсомъ удобныхъ для движенія непріятеля мѣстъ и въ перекапываніи ихъ рвами; а гдѣ нужно, устроивались земляныя «засѣчныя крѣпости» и «опасные остроги». И эта повинность первоначально была натуральная и падала только на тѣхъ «сошныхъ людей», которые жили поблизости мѣстъ движенія непріятеля. Но въ XVI вѣкѣ она перелагается уже на деньги, не вытѣсняя, однако, натуральной. Еще въ половинѣ XVII вѣка сошные люди привлекаются къ рубкѣ деревьевъ и къ другимъ работамъ для засѣкъ (А. Э. I № 343; №№ 303, 304; 1589—1642).

г) Изобрѣтеніе пороха произвело коренную реформу въ военномъ дѣлѣ и вызвало новыя повинности. Такой повинностью является ямчужное дѣло (ямчуга—селитра, одна изъ составныхъ частей пороха, куда входятъ еще сѣра и уголь). Эта повинность является также то натуральной, то денежной. Натуральная повинность состояла въ доставленіи къ ямчужнымъ анбарамъ, гдѣ «ямчужный мастеръ ямчюги варитъ», дровъ, золы и людей для ямчужнаго дѣла, которые иногда называются цѣловальниками. О сборѣ вмѣсто натуральной повинности «ямчужныхъ денегъ» рѣчь идетъ уже въ памятникахъ половины XVI вѣка [1]).

[1]) Доп. къ А. И. I № 94; А. Ю. № 209, III; А. Э. I №№ 292, 317, 343; III № 170; 1556—1626.

д) Рядомъ съ ямчужными деньгами стоятъ пищальныя деньги, налогъ на покупку огнестрѣльнаго оружія, пищалей, самопаловъ и пр. Снаряженіе ратныхъ людей огнестрѣльнымъ оружіемъ должно было встрѣчать большія затрудненія. Въ рукахъ правительства далеко не всегда былъ достаточный его запасъ. Ему приходилось иногда брать въ займы у монастырей даже «ратную сбрую». Въ 1637 году государь, царь и вел. князь Михаилъ Ѳедоровичъ указалъ у митрополитовъ, и у архіепископовъ, и епископовъ, и монастырей, для воинскаго времени, взять на время ратную сбрую: «латы, зерцала, пансыри, бахтерцы, шоломы, шапки, мисюрки, шишеки, наручи». Если въ этихъ предметахъ стараго вооруженія былъ такой недостатокъ, то что же сказать о новомъ оружіи? Очень понятно, поэтому, введеніе на этотъ предметъ новой подати [1]).

Первыя извѣстія объ употребленіи у насъ огнестрѣльнаго оружія восходятъ къ концу XIV вѣка, а свѣдѣнія о ямчужномъ дѣлѣ и пищальныхъ деньгахъ не идутъ далѣе половины XVI-го. Можно думать, что эти свѣдѣнія запоздали, и ямчужная и пищальная повинности появились ранѣе.

е) Къ повинностямъ, возникшимъ изъ войны, я отношу и полоняничныя деньги, т.-е., налогъ для выкупа плѣнныхъ. Первыя указанія на выкупъ плѣнныхъ относятся къ XV вѣку. Юрій Шемяка въ договорахъ съ можайскими и рязанскими князьями обязываетъ ихъ возвратить всѣхъ на лицо находящихся плѣнниковъ, а проданныхъ выкупить и возвратить. Вотъ это древнѣйшій выкупъ плѣнныхъ, совершаемый правительствомъ. Но какъ онъ былъ сдѣланъ, на средства особаго полоняничнаго налога или изъ общихъ доходовъ князей, этого мы не знаемъ. Первый выкупъ плѣнныхъ на средства особаго налога, сдѣланнаго съ этою цѣлью,

---

[1]) А. Э. I № 234; III №№ 37, 273. Доп. къ А. И. I №№ 89 и 161; 1552—1637. По писцовой книгѣ Бѣжецкой Пятины 1582 года пищальныхъ денегъ сходило съ двора по 20 алт. по 11 денегъ. Неволинъ, О пятинахъ, Прилож. 321.

относится къ 1535 году. Въ этомъ году вел. князь Иванъ Васильевичъ, еще младенецъ, и мать его, благочестивая княгиня Елена, послали новгородскому митрополиту Макарію грамоты, а въ нихъ пишутъ:

«Приходили въ прежнія лѣта татары на государеву Украйну и, грѣхъ ради нашихъ, взяли въ плѣнъ дѣтей боярскихъ, и мужей, и женъ, и дѣвицъ. И Господь Богъ умягчи сердце иноплеменниковъ, а паки возвратили плѣнъ вспять, а за то просили у государя вел. князя Ивана Васильевича серебра. И князь вел. велѣлъ своимъ боярамъ сребро дати, елико достоитъ, а христіанскія души искупити. И государь князь вел. Иванъ Васильевичъ и мати его, благочестивая княгиня Елена, повелѣли своему богомольцу и пастырю Христова стада, владыкѣ Макарію, въ ту мзду самому вкупну быти, по обежному счету, а въ своей архіепископіи, со всѣхъ монастырей, собрать 700 рублевъ московскихъ». Соф. лѣт.

Владыка исполнилъ желаніе царя и 700 руб. собралъ и прислалъ. Но это была частная мѣра, коснувшаяся только новогородскаго владыки и монастырей. Изъ вопросовъ, предложенныхъ царемъ Стоглавому собору, видно, что въ распоряженіи правительства въ половинѣ XVI вѣка не было никакихъ суммъ на выкупъ плѣнныхъ; что привозимыхъ изъ Орды плѣнниковъ никто не выкупалъ и ихъ отвозили «назадъ въ бусурманство» (вопр. X) къ великому посрамленію христіанъ. На вопросъ царя духовный соборъ отвѣчалъ, что выкупать плѣнныхъ надо изъ царевой казны и

«Сколько годомъ того плѣннаго окупа разойдется, и то раскинуть на сохи по всей земли, чей кто ни буди, всѣмъ равно, зане такое искупленіе общая милостыня нарицается, и благочестивому царю и всѣмъ православнымъ христіанамъ великая мзда будетъ» (глава LXXII).

Можно сомнѣваться, что правительство желало получить именно такой отвѣтъ. Въ 1535 году оно обратилось за полоняничными деньгами къ одному духовенству новогородскому, а не ко всѣмъ новогородцамъ «чей кто ни буди». Общаго указа о введеніи полоняничнаго налога до насъ не

дошло. Но изъ спеціальныхъ грамотъ слѣдуетъ, что этотъ налогъ одинаково падалъ какъ на свѣтскія владѣнія, такъ и на духовныя. Но мысль о преимущественномъ привлеченіи къ нему духовныхъ учрежденій не исчезла и въ XVII вѣкѣ. Отъ 1641 года до насъ дошла память подьячему, Михаилу Семенову, посланному въ Обонежскую пятину собирать деньги на выкупъ людей изъ крымскаго плѣна. Содержаніе этой памяти напоминаетъ грамоту къ владыкѣ Макарію. Подьячему велѣно было обратиться только къ духовенству: къ архимандритамъ, игуменамъ, келарямъ и строителямъ съ братьею, также къ дѣвичьимъ монастырямъ, протопопамъ, протодіаконамъ, попамъ и дьяконамъ и собрать «кому сколько мочно дать по силѣ». Подьячему предписано сказать государевъ указъ, чтобы духовныя особы «дали на окупъ своихъ денегъ побольше». Это не обложеніе, а просьба; это дополненіе къ обложенію; оно свидѣтельствуетъ о томъ, что правительство XVII вѣка сохраняетъ точку зрѣнія бояръ первой половины XVI-го: выкупъ плѣнныхъ составляетъ обязанность духовныхъ учрежденій [1]).

3) Наконецъ, послѣдній видъ сборовъ на военное дѣло составляютъ сборы на жалованье ратнымъ людямъ вообще и стрѣльцамъ въ особенности. Возникновеніе этого сбора нельзя связывать съ возникновеніемъ перваго постояннаго войска. Возникновеніе постояннаго войска надо относить къ очень глубокой древности. Наши первые князья должны были имѣть въ своемъ распоряженіи хотя бы небольшіе отряды постоянныхъ войскъ. Это ихъ дворовое войско, состоявшее изъ рабовъ и свободныхъ людей. Начальный лѣтописецъ разсказываетъ, что сынъ Владиміра Св., Ярославъ, при жизни отца сидѣвшій въ Новгородѣ, ежегодно раздавалъ гридямъ 1000 гривнъ. Эти гриди были воины, служившіе князю по найму за жалованье. Если не всѣ, то часть ихъ постоянно находилась

---

[1]) Рум. Собр. I №№ 43, 47, 48, 54, 65; А. Э. I № 234; III № 299; А. Ю. № 209. V, VI, 211, I; 1552—1641.

при князѣ, откуда и получила названіе одна изъ комнатъ, гдѣ они помѣщались, гридницей. Изъ той же начальной лѣтописи узнаемъ, что кіевскій князь Святополкъ-Михаилъ, собираясь выступить противъ половцевъ говорилъ: «имѣю своихъ отроковъ 800 человѣкъ; они могутъ стать противъ нихъ!» Эти отроки--домашніе слуги князя, они прислуживаютъ ему у стола, сопровождаютъ его въ поѣздкахъ; они же исполняютъ и нѣкоторыя обязанности при отправленіи правосудія; они же и воины. Большинство ихъ, по всей вѣроятности, были люди свободные и служили, какъ и гриди, изъ жалованья. Но изъ какихъ источниковъ выдавалось это жалованье, изъ общихъ доходовъ княжеской казны, среди которыхъ очень видную роль играли доходы съ суда и съ торговли, или изъ спеціальнаго налога,—это не ясно. Но можно сомнѣваться, чтобы въ древнее время, когда народныя войны велись по опредѣленію вѣча и всѣмъ народомъ, а княжескія—составляли личное дѣло князя и велись его дворомъ и охотниками,--былъ возможенъ особый налогъ на содержаніе ратныхъ людей. Это предположеніе подтверждается до нѣкоторой степени и начальной лѣтописью, сохранившей переговоры вел. князя Владиміра Св. съ епископами и старцами градскими о возстановленіи отмѣненной имъ виры за убійство. Князь рѣшилъ возвратиться къ вирамъ на томъ основаніи, что по замѣнѣ денежныхъ штрафовъ смертною казнію оказался недостатокъ въ деньгахъ на покупку оружія и на коней. Итакъ, потребности войны покрывались тогда изъ доходовъ князя съ суда, а не изъ особыхъ сборовъ на снаряженіе войска и на плату ему жалованья.

Въ Московскомъ государствѣ военная организація получаетъ большое развитіе, вольная служба бояръ и дѣтей боярскихъ переходитъ въ обязательную, постоянное войско изъ двороваго развивается въ особыя учрежденія, которымъ усвояется обычное тогда наименованіе приказовъ; сперва появляется стрѣлецкій приказъ, затѣмъ рейтарскій и другіе; а вмѣстѣ съ этимъ расширеніемъ военнаго дѣла возникаютъ и сборы на жалованье ратнымъ людямъ; но это жалованье

выдается не постояннымъ только войскамъ, а и княжатамъ, боярамъ и дѣтямъ боярскимъ. Возникновеніе новыхъ сборовъ на жалованье ратнымъ людямъ мы не имѣемъ возможности пріучить къ какому либо опредѣленному времени. Относительно жалованья боярамъ и дѣтямъ боярскимъ можно только утверждать, что оно едва ли восходитъ далѣе половины XVI вѣка; только съ этого времени возникаетъ обязательная служба этихъ разрядовъ лицъ, съ этого времени и никакъ не раньше могло появиться и ихъ жалованье, а слѣдовательно и новое обложеніе. Иначе стоитъ вопросъ о появленіи особаго сбора подъ именемъ стрѣлецкихъ денегъ. Появленіе ихъ можетъ быть пріурочено къ опредѣленному времени, но очень позднему, къ концу XVII вѣка; но этимъ еще не рѣшается вопросъ о возникновеніи перваго жалованья стрѣльцамъ и особаго сбора на это жалованье. Сборъ на жалованье ратнымъ людямъ встрѣчается гораздо ранѣе возникновенія стрѣлецкихъ денегъ; еще ранѣе этого сбора стрѣлецкій хлѣбъ, какъ мы знаемъ, замѣнялся сборомъ денегъ; изъ этихъ источниковъ съ присоединеніемъ торговыхъ сборовъ и иныхъ, не имѣвшихъ прямого назначенія, стрѣльцы и могли получать свое жалованье еще до возникновенія стрѣлецкихъ денегъ.

Скажемъ прежде о сборѣ денегъ на жалованье ратнымъ людямъ вообще.

Наиболѣе древнее извѣстіе о жалованьи ратнымъ людямъ, намъ встрѣтившееся, относится къ 1555 году. Въ этомъ году приказано было дать жалованье торопецкимъ казакамъ по полтинѣ человѣку. Но это жалованье выдавалось не изъ особаго сбора, а изъ государевыхъ «приходныхъ денегъ» (Доп. къ А. И. I № 80). Можно думать, что въ это время еще не было особаго сбора на жалованье ратнымъ людямъ. Стрѣльцы въ это время уже существовали. Въ 1556 году приказано было «прибрать въ Иванѣгородѣ изъ старыхъ, изъ отставныхъ пушкарей и пищальниковъ гораздыхъ стрѣльцовъ» (тамъ же № 92). Пушкари и пищальники обращаются тутъ въ стрѣльцовъ; а существовали эти пушкари и пи-

щальники еще въ XV вѣкѣ: о пищальникахъ рѣчь идетъ въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ.

Древнѣйшія извѣстія о сборѣ съ населенія особыхъ денегъ на жалованье ратнымъ людямъ не идутъ далѣе смутнаго времени. Первое намъ встрѣтившееся относится къ 1610 году и содержитъ въ себѣ предписаніе о сборѣ съ монастырскихъ вотчинъ Покровскаго дѣвичьяго монастыря 40 рублей на жалованье ратнымъ людямъ, атаманамъ, казакамъ и черкасамъ. Съ этого года мы имѣемъ цѣлый рядъ указовъ, выпадающихъ на царствованіе Михаила Өедоровича и предписывающихъ сборъ денегъ на жалованье ратнымъ людямъ. Кромѣ упомянутыхъ уже казаковъ и черкасовъ жалованье это предназначается и служилымъ людямъ вообще, т.-е. дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ; даточные посошные люди — получаютъ свою наемную плату, а не это жалованье. Предписаніе 1610 года и всѣ указы Михаила Өедоровича дѣлаются на основаніи постановленій земскихъ соборовъ о сборѣ денегъ на военныя нужды. Такъ возникъ этотъ новый налогъ на жалованье ратнымъ людямъ. Это общій налогъ, падающій на все населеніе, но временный, вызываемый нуждами войны и собираемый всякій разъ по особому опредѣленію земскаго собора [1]).

Къ смутному же времени относятся и первыя извѣстія о сборѣ денегъ на жалованье стрѣльцамъ. Мы встрѣтили два указа, оба отъ 1614 года, въ которыхъ предписывалось собрать стрѣльцамъ хлѣбное жалованье да кромѣ того деньги — на жалованье; здѣсь деньги не вмѣсто хлѣба, а самостоятельно. Дѣло шло о жалованьи не московскимъ стрѣльцамъ, а мѣстнымъ, бѣлозерскимъ и вологодскимъ, и собиралось это жалованье только съ мѣстнаго населенія. Это была спеціальная мѣра, вызванная потребностями военнаго времени, а не установленіе общей денежной повинности на содержаніе стрѣльцовъ [2]).

[1]) А. Ю. № 215, VII; А. Э. III №№ 32, 68, 79, 211, 275; Рум. Собр. III № 41; А. И. III; 1610—1639.

[2]) А. Э. III № 15; Доп. къ А. И. II № 17.

Переходимъ къ установленію постояннаго сбора, извѣстнаго подъ именемъ стрѣлецкихъ денегъ. Мы уже знаемъ, что на прокормленіе стрѣльцовъ взыскивались альтернативно хлѣбъ и деньги. Предписаніе для нѣкоторыхъ мѣстностей замѣнить хлѣбную дачу стрѣльцамъ деньгами и является первой попыткой установить на содержаніе стрѣльцовъ денежный сборъ. Но это только замѣна хлѣба деньгами, хотя и существенно отличающаяся отъ замѣны, прежде практиковавшейся. Прежде обложеніе состояло въ поставкѣ хлѣба, но желающіе могли внести деньги; иногда предписывалось внести не хлѣбъ, а деньги, но это были временныя предписанія. Теперь предписано постоянное внесеніе денегъ, но только для нѣкоторыхъ плательщиковъ. Это сдѣлано въ 1672 году. Въ этомъ году со всѣхъ посадовъ (городовъ) велѣно брать не хлѣбъ, а деньги. Мѣра эта распространена на все будущее время. Причина заключается въ томъ, что посадскіе люди и прежде затруднялись давать хлѣбъ потому, что «они люди торговые, а не пашенные, и никогда воеводы въ городахъ хлѣба съ посадскихъ людей не сбираютъ, а собираютъ деньгами дорогою цѣною». Чтобы избавить посадскихъ людей отъ лишнихъ убытковъ, они обложены съ 1672 года уплатой денегъ за хлѣбъ по опредѣленной таксѣ [1]).

Введеніе новой стрѣлецкой подати въ настоящемъ смыслѣ

---

[1]) А. Э. IV № 189. Документъ этотъ отличается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ излишней краткостью языка, чѣмъ можетъ вызывать недоразумѣнія. Вотъ примѣръ: «А съ которыхъ посадовъ и съ уѣздовъ стрѣлецкія денги и хлѣбъ сложены изъ писцоваго оклада, и тѣ денги и хлѣбъ велѣно имъ платить по прежнему, съ полныхъ окладовъ». Посады, конечно, платятъ только деньги, а хлѣбъ и деньги — уѣзды. Иначе будетъ противорѣчіе съ общимъ правиломъ. И въ другомъ мѣстѣ: «А съ поморскихъ городовъ, съ которыхъ собираются стрѣлецкія денги, указалъ вел. государь писать за стрѣлецкій хлѣбъ денгами противъ посадовъ»... Что эта за стрѣлецкія деньги, которыя собираются съ поморскихъ городовъ? Это тѣ деньги, которыя собирались со всѣхъ плательщиковъ, т.-е. деньги за хлѣбъ, а не особая стрѣлецкая подать.

этого слова рѣшено 5-го сентября 1679 г. Этого указа мы, однако, не имѣемъ; онъ извѣстенъ намъ изъ ссылокъ на него въ другихъ указахъ 1679 года и въ указахъ 1681-го, въ которыхъ дѣлается новый окладъ стрѣлецкаго налога болѣе льготный, чѣмъ первый окладъ 1679-го. Новый налогъ вводится въ замѣнъ стрѣлецкихъ денегъ, которыя установлены для посадовъ указомъ 1672 г., и въ замѣнъ данныхъ, полоняничныхъ, ямскихъ, пищальныхъ и иныхъ мелкихъ доходовъ, кромѣ лавочныхъ и мельничныхъ и иныхъ оброчныхъ статей, которыя платятъ изъ воли по перекупкѣ. Новый налогъ назначается московскимъ стрѣльцамъ (А. Э. IV № 250; А. И. V № 48 и 7). Введеніе новой стрѣлецкой подати въ замѣнъ цѣлаго ряда прежнихъ податей внѣ всякаго сомнѣнія. Стрѣлецкая подать отмѣняетъ: дань, ямскія деньги, пищальныя, полоняничныя и еще разные мелкіе сборы; но сборъ хлѣба на тѣхъ же стрѣльцовъ остается, и мы имѣемъ указъ отъ 1688 г. о сборѣ московскимъ стрѣльцамъ недоимочнаго хлѣба (А. Э. IV № 299). Съ точки зрѣнія организаціи финансовъ эта мѣра возбуждаетъ большія недоразумѣнія. Дѣло идетъ о жалованьи московскимъ стрѣльцамъ, т.-е. стрѣльцамъ, имѣющимъ пребываніе въ одномъ городѣ Москвѣ. Они получаютъ по старинѣ кормъ хлѣбомъ и кромѣ того на ихъ же содержаніе идетъ цѣлый рядъ старыхъ податей, которыя имѣли прежде каждая особое опредѣленное назначеніе, какъ напримѣръ, ямскія, пищальныя, полоняничныя и пр.; одна дань шла на общіе государственные расходы. Теперь все это обращается въ стрѣлецкія деньги и пойдетъ однимъ московскимъ стрѣльцамъ на жалованье! На какія же средства будутъ удовлетворяться другія потребности государства? Надо думать, что наименованіе новой подати «стрѣлецкими деньгами» есть фактъ переживанія. Какъ мы видѣли, всѣ тягла возникаютъ у насъ для удовлетворенія извѣстныхъ потребностей, отъ которыхъ и заимствуютъ свое наименованіе. Дано наименованіе и новой подати, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что она не вся пошла на жалованье московскимъ стрѣльцамъ. Указъ

1679 г. есть первый опытъ замѣнить цѣлый рядъ старыхъ тяголъ, возникавшихъ по мѣрѣ надобности, однимъ общимъ для всего государства налогомъ, который шелъ на удовлетвореніе всякихъ государственныхъ нуждъ, а, между прочимъ, и на жалованье московскимъ стрѣльцамъ.

Указъ 1679 г. знаменуетъ великую реформу въ исторіи нашихъ финансовъ. Это первый опытъ введенія общаго для всего государства налога въ замѣнъ цѣлой массы спеціальныхъ повинностей. Этотъ рѣшительный и крупный опытъ былъ подготовленъ, однако, цѣлымъ рядомъ мелкихъ опытовъ замѣны для отдѣльныхъ плательщиковъ разнообразныхъ повинностей, на нихъ падавшихъ, однимъ налогомъ, которому усвоялось наименованіе оброка. Такія отдѣльныя попытки значительно упреждаютъ указъ 1679 года. Одинъ изъ крупныхъ недостатковъ описанной системы повинностей заключается въ ея малой опредѣленности. Отдѣльныя повинности назначаются на извѣстный предметъ, но ни время ихъ платежа, ни самый размѣръ большинства повинностей впередъ неизвѣстны. Все это опредѣляется въ моментъ нарожденія той или другой государственной потребности и нежданно-негаданно сваливается на голову плательщиковъ. Это большое неудобство для плательщиковъ, и весьма понятно, что они стремятся къ замѣнѣ неопредѣленнаго по времени и мѣрѣ тягла опредѣленнымъ взносомъ въ опредѣленный срокъ. Когда впервые появились такія переложенія, этого мы не знаемъ, но они встрѣчаются уже въ самомъ началѣ XV вѣка. Эта замѣна дѣлалась назначеніемъ «оброка», т. е. опредѣленнаго взноса въ замѣнъ разноименныхъ и по размѣру своему неопредѣленныхъ тяголъ [1]). Древнѣйшая такая замѣна, намъ извѣстная, сдѣлана углицкими князьями въ пользу деревень Троицы-Сергіева монастыря. Въ двухъ грамотахъ этихъ князей (1414 и 1437 гг.) монастырскія деревни за оброкъ въ 3 рубля освобождаются отъ всякихъ даней и пошлинъ:

---

[1]) Уречь, обречь = назначить; оброкъ то, что назначено.

«А опричь того оброку не надобѣ имъ ни которая моя дань, ни ямъ, ни подвода, ни иная ни которая пошлина, ни двора моего ни ставятъ, ни коня не кормятъ, ни закосъ имъ не надобѣ» и т. д.

Но въ одной грамотѣ прибавлено: «опричь того дѣла, коли учнутъ городъ рубити», т.-е. городовое дѣло остается тягломъ. Въ обѣихъ грамотахъ крестьяне освобождены не только отъ тягла, но и отъ пошлинъ торговыхъ и княжескаго суда. Грамоты эти имѣютъ, слѣдовательно, характеръ льготы, онѣ даны по просьбѣ монастыря. На ряду съ другими льготами монастырь испросилъ себѣ и переложеніе тягла на оброкъ, какъ болѣе удобный способъ обложенія. Въ данномъ случаѣ нововведеніе вызывается плательщиками (А. Э. I № 19 и 28).

Отъ того же XV вѣка имѣемъ грамоты, все содержаніе которыхъ ограничивается переводомъ тяголъ въ оброкъ; одна также дана Троицы-Сергіеву монастырю. Дмитровскій князь, въ главномъ городѣ котораго, въ Дмитровѣ, былъ монастырскій дворъ, пишетъ въ своей грамотѣ:

«Не надобѣ имъ съ того двора ни которая моя дань, ни подвода, ни къ сотскому, ни къ десятскому не тянутъ ни въ которые проторы, ни въ розметы, ни луга моего не косятъ, ни иныя имъ ни которыя пошлины не надобѣ; а даютъ мнѣ, князю Юрію Васильевичу, оброкъ съ того двора на Рождество Христово рубль. Опричь того не надобе имъ ничто, знаютъ одинъ свой срокъ» (А. Э. I № 69, 1461).

Здѣсь очень хорошо оттѣнена пріуроченность повинности къ одному опредѣленному сроку. Это, конечно, большое преимущество. Грамота бѣлозерскаго князя Кириллову монастырю также говоритъ только о замѣнѣ всякихъ даней единовременнымъ оброкомъ:

«Давати имъ дани въ мою казну, отъ Сбора до Сбора, на годъ по 10 рублевъ пятигривеннымъ серебромъ; а даньщики мои въ тѣ ихъ слободки и деревни не въѣзжаютъ и дани съ нихъ не емлютъ, ни писецъ ихъ мой не пишетъ» (Доп. къ А. И. I № 201. 1468).

Самую грамоту князь называетъ «оброчной».

Такую же замѣну даней и пошлинъ оброкомъ встрѣчаемъ и въ грамотахъ XVI и XVII вѣка. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Крестьяне бобровничей полусохи въ Вохнѣ до 1561 г. давали съ своихъ 8 деревень дань, ямскія денги, приметъ, кормъ ловчему и дѣлали дворовое дѣло, а съ этого года за всѣ пошлины обложены оброкомъ въ 51 р. да пошлинъ по 2 алтына съ рубля, послѣднее въ пользу чиновниковъ.

Очень любопытна такая же грамота отъ 1589 г. въ Соль-Вычегодскую о переводѣ на оброкъ крестьянъ Коряжемскаго монастыря; она даетъ возможность судить о стоимости намѣстничьяго корма съ одной стороны и всѣхъ другихъ даней съ другой. Въ данной мѣстности у монастыря было 334 двора. За намѣстничій кормъ, за присудъ и за пошлинныхъ людей доходъ положенъ оброкъ въ 195 р. 22 алт. и 1½ деньги; а за всѣ остальныя дани (за дани, и запросъ, и за поминочные за чорные соболи, и ямскихъ и приметныхъ денегъ, и за посошныя люди, и за городовое, и за засѣчное дѣло, и за ямчужное дѣло, и казначеевыхъ и дьячихъ и подьячихъ пошлинъ) всего 34 рубля 7 алт. 4 ден. Такимъ образомъ, доходъ намѣстниковъ и ихъ пошлинныхъ людей въ концѣ XVI вѣка въ шесть разъ превосходилъ доходъ государства! Это много, но во что обходится государствамъ содержаніе чиновниковъ въ наше время?

Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка очень не рѣдки указанія на замѣну денежнымъ оброкомъ всякихъ даней. О дѣдиловцахъ, у которыхъ была пашня, читаемъ:

«А оброку платятъ съ тое земли за дань и за посоху и за всякія подати въ государеву казну въ Большой приходъ по полутретья алтына съ четверти».

Въ такой оброкъ зачислялись иногда и торговые сборы.

Въ царской грамотѣ 1607 г. находимъ указаніе и на мотивъ, которымъ правительство руководствовалось въ назначеніи оброка вмѣсто даней. Крестьяне Зюздинской во-

лости, у верховьевъ Камы рѣки, били челомъ царю и великому князю, а сказывали:

«Живутъ они отъ Пермскихъ городовъ, отъ Кайгородка, верстъ за двѣсти и больше, а пріѣзжаютъ къ нимъ въ волость кайгородцы, посадскіе и волостные люди, и правятъ на нихъ тягло себѣ въ подмогу, и животы ихъ грабятъ насильствомъ, и самихъ ихъ бьютъ, и имъ чинятся продажи и убытки великіе; и намъ бы ихъ пожаловати, велѣти за всякіе наши денежные доходы, и за посадскіе службы, и за сибирскіе отпуски... платить въ нашу казну оброкъ опричь кайгородцевъ»...

Государь пожаловалъ, велѣлъ платить на одинъ срокъ по 60 рублей въ годъ [1]).

Иногда замѣна всякихъ тяголъ однимъ шла отъ правительства и вызывалась потребностями государева дѣла. Такъ въ 1584 г. на рыболововъ Борисоглѣбской слободы была возложена обязанность ловить на дворецъ рыбу, а отъ тягла съ городскими и волостными людьми они были освобождены. Здѣсь не денежная, а натуральная повинность замѣняетъ всѣ остальныя (А. Э. I № 324).

Объ оброкѣ въ замѣнъ корма, присуда и нѣкоторыхъ другихъ повинностей рѣчь была выше.

Возникающій такимъ образомъ оброкъ составляетъ тоже тягло, подлежащее тѣмъ же правиламъ раскладки и взноса, какимъ подлежатъ всѣ другія тягла [2]).

Но слово оброкъ имѣетъ и другое значеніе, и не одно,

---

[1]) А. Э. I № 234, 256, 343, 350; II № 69; III № 170; Писц. книги Калач. II стр. 335, 1267; 1552—1626. На поземщиковъ кладется оброкъ за обежную дань. Времен. XI 33.

[2]) Въ этомъ смыслѣ и церковь могла быть сдана на оброкъ. Въ грамотѣ епископа ростовскаго и ярославскаго читаемъ:

«Что церковь Аѳанасія Великаго... и у той церкви кто будетъ игуменъ или попъ и дьяконъ, не надобѣ имъ моя дань рожественская и данныя пошлины и десятинничьи и доводщичьи; а даетъ мнѣ тотъ игуменъ или попъ и дьяконъ съ тое церкви оброкомъ съ году на годъ на Р. Хр. полтретьятцать бѣлъ, а десятиннику по 5 бѣлъ, а доводчику даетъ 2 бѣлки». А. до Ю. Б. № 177, 1535.

а потому для полноты и во избѣжаніе недоразумѣній мы должны коснуться и этихъ другихъ его значеній.

Всякаго рода угодья и пустыя никѣмъ не воздѣлываемыя земли, луга и лѣса правительство отдавало желающимъ въ арендное содержаніе; на языкѣ того времени это называлось отдачей въ оброкъ.

Мы остановимся нѣсколько ближе на этомъ явленіи стариннаго княжескаго хозяйства.

Подъ угодьями надо разумѣть бортные ухожаи, соляныя варницы, рыбныя ловли и мѣста ловли нѣкоторыхъ пушныхъ звѣрей; источники упоминаютъ оброки бѣличьи и горностаевые, т.-е. сдачу въ аренду мѣстъ ловли бѣлокъ и горностаевъ.

Изъ этихъ угодій нуждаются въ нѣкоторомъ разъясненіи только одни бортные ухожаи. Слово борть означаетъ дерево на корню, въ дуплѣ котораго водятся пчелы. Это самый древній видъ улья. Но въ древности уже эти натуральныя углубленія стали обдѣлывать, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали дѣлать и искусственныя въ деревьяхъ углубленія для привлеченія пчелъ. Приготовить такое углубленіе для помѣщенія роя пчелъ и значило «дѣлать борть» [1]). Бортное пчеловодство было въ древности въ большомъ развитіи, бортныя угодья занимали большія пространства и медъ составлялъ крупную статью народнаго хозяйства. Борти извѣстны и Русской Правдѣ и Уложенію. По Русской Правдѣ борти занимали сплошныя пространства въ лѣсахъ; отдѣльные владѣльцы ограждали свои борти особыми межами. Эти бортныя межи состояли изъ особыхъ знаковъ на бортяхъ. Русская Правда различаетъ поврежденіе борти и поврежденіе бортной межи; послѣднее, какъ болѣе тяжкое правонарушеніе, наказывалось гораздо строже. Уложеніе говоритъ о бортныхъ ухожьяхъ въ смыслѣ особыхъ лѣсныхъ угодій.

---

[1]) А. И. I № 15, 1404. И въ настоящее время у насъ еще дѣлаются борти: натуральную пустоту дерева искусственно обдѣлываютъ, вверху выдалбливаютъ «голову» борти, прорубаютъ пазъ, скважину задѣлываютъ дощечками и пр. Даль.

Были цѣлые поселки бортниковъ, которые занимались пчеловодствомъ этого вида.

Возникаетъ вопросъ, перечисленныя угодья составляли княжескую регалію или нѣтъ? Перечисленныя угодья княжеской регаліи не составляли и могли находиться въ частной собственности. Русская Правда, говоря о бортяхъ и бортныхъ межахъ, имѣетъ въ виду частную собственность. Въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ описываются озера и рыбныя ловли, которыя были въ собственности сведеныхъ бояръ, а по конфискаціи предоставлялись то во владѣніе помѣщиковъ, то крестьянъ; а иногда въ ихъ общее владѣніе. Уложеніе говоритъ о бортныхъ ухожьяхъ и рыбныхъ ловляхъ въ лѣсахъ государевыхъ, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ (X, 239, XVII, 24). Итакъ, о регаліяхъ въ угодьяхъ не можетъ быть рѣчи. Русскіе князья и московскіе государи владѣли угодьями на томъ же правѣ, какъ и частные собственники. Эту свою частную собственность они и сдавали въ арендное содержаніе. Сдавали ее въ арендное содержаніе и частные собственники. Монастыри сдаютъ въ оброкъ свои рыбныя вежи, соляныя варницы и пр. [1]).

Древнѣйшее указаніе на княжескія оброчныя борти мы встрѣтили въ духовной Калиты: «А оброкомъ медовымъ, городьскимъ, Васильцева вѣданья, подѣлятся сыновое мои; а что моихъ бортниковъ и оброчниковъ купленыхъ, которыи въ которой росписи, то того». У князя нѣсколько бортныхъ ухожьевъ. Одно носитъ наименованіе «городскаго» и состоитъ въ вѣдомствѣ Васильцева. Оно доставляетъ князю оброкъ медомъ. Другія находятся въ уѣзныхъ земляхъ. Но что значитъ купленые бортники и оброчники? Подъ куплеными бортниками и оброчниками трудно понимать купленыхъ людей; это были бы холопы, которые обыкновенно называются «куплеными людьми». Купленые бортники и оброчники, надо думать, метафорическое выраженіе. Оно озна-

[1]) Новог. писц. кн. IV стр. 11; Писцов. кн. XVI в. Калач. I, стр. 923.

чаетъ купленыя оброчныя борти. Калита покупалъ деревни, покупалъ и угодья.—Арендная плата медомъ есть, конечно, остатокъ глубокой старины; но она встрѣчается и въ XVI вѣкѣ (Ѳедотовъ-Чеховскій № 75; 1545 г.). Проходятъ цѣлыя столѣтія, а народная жизнь остается неизмѣнной, если не во всемъ, то во многомъ.

На ряду съ угодьями сдавались въ оброкъ луга и просто пустыя земли, не представлявшія никакихъ особыхъ примановъ для человѣческой предпріимчивости. Съ объединеніемъ княженій въ рукахъ московскихъ государей соединилось множество заселенныхъ и не заселенныхъ земель, такъ называемыхъ дикихъ полей. Возникновеніе помѣстной системы дало возможность съ пользою для государства эксплуатировать и дикія поля. Но случалось, что служилые люди не брали дикихъ полей. Чтобы извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу, дикія поля отдавались на оброкъ изъ перекупки, кто больше дастъ. Но на оброкъ отдавались не только нови, никогда не видавшія пахаря, но и земли обработанныя да оставленныя въ пустѣ. При свободѣ перехода крестьянъ это легко могло случиться. Правительство предписывало въ этихъ случаяхъ призывать новыхъ жильцовъ на льготѣ отъ всѣхъ тяголъ въ теченіе 2, 3, 4 и болѣе лѣтъ. Если приходилось садиться на новомъ участкѣ и обзаводиться всѣми постройками, льгота давалась на 5 и на 6 лѣтъ. Чтобы избѣжать потери дохода на такой продолжительный срокъ, правительство предписывало альтернативно:

«На пустыя выти позывать жильцовъ на льготѣ, а иныя пустыя выти давать изъ пашни на оброкъ, что бы великому князю было прибыльнѣе» (Писц. кн. XVI в. Калач. II 294).

Предполагается, что кто-нибудь изъ мѣстныхъ жителей можетъ взять лишнюю землю, но не съ платежомъ тягла, а съ платежомъ оброка, т.-е. не повинности, а платежа добровольно условленнаго и въ опредѣленной цифрѣ.

Кромѣ луговъ и пашенныхъ земель, правительство сдавало на оброкъ городскія мѣста подъ лавки. Эти мѣста,

слѣдовательно, не составляли частной собственности горожанъ, а принадлежали государю.

Оброкъ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, существенно отличается отъ оброка, о которомъ я говорилъ раньше. Тотъ оброкъ замѣнялъ разноименныя тягла и самъ былъ тягломъ, т.-е. повинностью въ пользу государства, размѣръ которой опредѣлялся правительствомъ. Настоящій же оброкъ не есть тягло, это не повинность въ пользу государства, а наемная плата за пользованіе государевыми угодьями и землями, опредѣляемая по добровольному соглашенію. Въ оброкъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ земли и угодья сдаются съ откуповъ изъ наддачи. Это частная гражданская сдѣлка о наймѣ недвижимаго имущества, въ которой прописываются всѣ условія найма. До насъ дошло нѣсколько такихъ оброчныхъ грамотъ на аренду пустошей, дикихъ лѣсовъ и бортныхъ ухожьевъ, озеръ и пр. Иногда, въ видѣ особой льготы, оброчныя статьи оставляются за прежнимъ оброчникомъ безъ наддачи или «безъ перекупки». Снявшій оброчную статью представлалъ поруки въ исправномъ платежѣ оброкѣ [1])

Переходимъ къ вопросу о томъ, кто же могъ быть оброчникомъ въ этомъ смыслѣ? Оброчникомъ могло быть всякое лицо, физическое и юридическое, и крестьянинъ, и казакъ, и господинъ, и монастырь, и даже самъ князь. Крестьяне снимали угодья и пустыя земли въ одиночку и

---

[1]) А. Ю. № 168—174; А. до Ю. Б. № 174; Ѳедотовъ-Чеховскій II стол. 430, 651 и 655; Писцов. кн. XVI в. II 1306; 1462—1679—. Были особыя «писцовыя оброчныя книги». Ѳедотовъ-Чеховскій II, стол. 665

Н. Д. Чечулинъ имѣетъ иную точку зрѣнія на этотъ оброкъ. По его мнѣнію: «Изъ всего имъ изложеннаго мы должны опредѣлить оброкъ, какъ прямой, денежный налогъ въ пользу государства съ разнаго рода промысловъ и поземельныхъ владѣній» 122. Съ такимъ опредѣленіемъ трудно согласиться. Этотъ оброкъ взимался не съ промысловъ и не съ поземельныхъ владѣній, а съ угодьевъ и съ пустыхъ земель, ни въ чьемъ владѣніи не состоявшихъ, что далеко не одно и то же. Этотъ оброкъ есть результатъ вольнаго соглашенія, найма угодій и пустыхъ земель, а не правительственнаго ихъ обложенія.

обществами. Крестьяне Борисоглѣбской слободы снимали озеро для рыбной ловли цѣлымъ обществомъ. Бортные ухожьи снимались и отдѣльными крестьянами и цѣлыми поселками. Уложеніе говоритъ о бортныхъ деревняхъ (XVII, 24).

Встрѣчаются случаи, что и помѣщики цѣлыми обществами снимали государевы земли въ оброкъ. Подъ Коширой были царя и великаго князя оброчные луга мѣрою болѣе 100 десятинъ. Часть этихъ луговъ (68 дес.) брали на оброкъ «волостью коширяне, князи и дѣти боярскіе Ростовскаго стана, и платили на Большой дворецъ по копейкѣ съ копны» (Писц. кн. XVI вѣка Калач. стр. 1306—1307).

Случаи же аренды государевой земли отдѣльными дѣтьми боярскими и помѣщиками очень многочисленны. До 1533 года крестьяне, Васюкъ съ товарищами, пользовались бортными ухожьями въ селѣ Курмурѣ за плату въ 5 пудовъ меду. Въ этомъ году мѣстный помѣщикъ, Ив. Ив. Любовниковъ, наддалъ къ старому оброку за тѣ же борти (девять знаковъ) еще 5 пудовъ и получилъ ихъ въ свое пользованіе, такъ какъ крестьяне заявили о невозможности платить за эти борти 10 пудовъ меду (А. до Ю. Б. № 175).

Помѣщики надѣлялись въ помѣстья землями по окладу. Но если оказывались лишнія противъ оклада земли, они сдавались имъ изъ оброка. Это были такъ называемыя «помѣстья изъ оброка». Окладъ Коз. Петр. Савина былъ въ 300 четей, а земли за нимъ оказалось 319 четей.

«И перешло за окладомъ 19 четей, и то дано ему же на оброкъ до помѣстной отдачи, а оброкъ ему давать съ чети по алтыну да пошлинъ съ рубля по 2 денги» [1]).

---

[1]) Пис. кн. XVI в. Калач. стр. 1330.—Встрѣчаемъ указанія, что оброкъ медомъ давали помѣщики, у которыхъ не было лишней земли. Такія помѣстья тоже называются «помѣстьями на оброкѣ».

«За Сенкою за Парфеньевымъ сыномъ Малахова, да за Путянкою, да за Ондрюшкою, за Тонкого детми Малахова, половина оброчной деревни Малаховы, а въ ней дворъ помѣщиковъ, пашни добр. з. 12 четьи да перелогу 12 четьи въ полѣ.... А платятъ со всее деревни оброкъ въ Большой дворецъ... А оброку имъ давати съ живущаго по пуду безъ

Но государевы земли на оброкъ снимали не мелкіе только люди, коширяне, городовые дворяне, но и бояре. Бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ, а потомъ и дворецкій, снималъ подъ Коширою же 51 десятину государевыхъ луговъ и платилъ за нихъ оброкъ въ государеву казну. И самъ великій государь могъ быть оброчникомъ. Въ духовной Дмитрія Донского читаемъ:

«А что есмь далъ сыну своему, князю Андрею, Заберегу, за то дѣти мои вси даютъ оброкъ св. Спасу, 15 р. на годъ, на Спасовъ день».

Волость Забережье впервые упоминается въ завѣщаніи Дмитрія Ивановича; когда и какъ она была имъ пріобрѣтена, это неизвѣстно. Но ясно, что она принадлежала ему на условіи платежа оброка. Эту обязанность возложилъ онъ и на своихъ наслѣдниковъ [1]).

Способъ пользованія княжескими угодьями и землями постоянно мѣнялся. Онѣ-то находились на оброкѣ, то отдавались въ помѣстья, то опять переходили на оброкъ, то наконецъ, жаловались духовнымъ учрежденіямъ въ безоброчное пользованіе. Духовныя учрежденія, въ свою очередь, раздавали ихъ и въ помѣстья и въ оброкъ. Этотъ порядокъ вещей закрѣпленъ Уложеніемъ [2]).

чети меду, да къ меду же въ доимку денгами, по колку въ которомъ году государь велитъ платить, да пошлинъ съ пуда по 5 ден.».

Тамъ же стр. 1364.

[1]) Въ спискѣ іерарховъ и настоятелей монастырей, составленномъ Строевымъ, мы нашли два Спасскихъ монастыря, одинъ подъ Новгородомъ, существовавшій уже въ XIV вѣкѣ, другой въ Ярославлѣ, основанный великимъ княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ въ 1216 г.; по состоянію нашихъ источниковъ не представляется возможнымъ указать, что это за храмъ св. Спаса, оброчниками котораго были великіе князья.

[2]) «А была та деревня въ помѣстьѣ за Василіемъ за Ногимъ, а послѣ Василья была на оброкѣ у крестьянъ тое же деревни, у Сенки съ товарищи, и дана та деревня князю Богдану съ докладу бояръ», т.-е. опять въ помѣстьѣ. Неволинъ, О пятинахъ, Приложеніе 248;

Владѣніе оброчными статьями существенно отличается отъ владѣнія тяглыми землями. Владѣльцы оброчныхъ статей освобождаются отъ всякихъ даней, посошной службы, намѣстничьяго корма, съ черными людьми они не тянутъ ни во что. Въ однихъ документахъ говорится, что писцы къ нимъ не въѣзжаютъ и земель ихъ не описываютъ; въ другихъ, что они въ сошное письмо не положены [1]).

Вопросъ о принадлежности городскихъ лавокъ государю, котораго намъ пришлось коснуться мимоходомъ, вызываетъ насъ сдѣлать отступленіе въ область городского землевладѣнія. Въ городахъ мы встрѣчаемъ разные виды недвижимостей: дворы, огороды и сады и, наконецъ, лавки и анбары иногда при дворахъ, иногда и отдѣльно отъ нихъ—на площадяхъ и цѣлыми рядами. На чьей землѣ все это устраивалось? Надо думать, что въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ города имѣли разный характеръ. Сдѣлаемъ попытку сказать объ этомъ, что возможно, на основаніи указаній источниковъ.

Города, укрѣпленные пункты поселенія, возникали или волею самого населенія или устраивались по приказу князя. Древнѣйшее описаніе городовъ сохранили намъ новогородскія писцовыя книги. Изъ нихъ не видно, кто основалъ описываемые города: Копорье, Яму, Ладогу, Иванъ-городъ, Корелу и Орѣшекъ, но едва ли можетъ подлежать сомнѣ-

---

1581 г.—Въ 1650 году стольнику Нащокину въ Коротоякъ послана изъ разряда грамота: всякія угодья по рѣкѣ тихой Соснѣ, которыя еще не изоброчены, положить въ оброкъ. Стольникъ положилъ въ оброкъ рыбныя ловли, которыми до того безоброчно пользовались коротояцкіе полковые казаки, пушкари, стрѣльцы, ихъ дѣти, братья и племянники. А по указу 1654 года велѣно тѣми рыбными ловлями владѣть Боршева монастыря игумену съ братьею; а съ коротоячанъ тѣхъ рыбныхъ ловель оброкъ снять и впредь владѣть имъ тѣми рыбными ловлями не велѣно. Ѳедотовъ-Чеховскій, II, стол. 429—430.—Уложеніе, XVI, 39 и XVII, 24, говоритъ объ отдачѣ пустошей и бортныхъ угодій въ оброкъ и въ помѣстья.

[1]) Доп. къ А. И. I № 201; Писцов. книги XVI в. Калач. II 1327; А. Ю. № 168; А. Э. I № 256, 354; III 170; 1468—1626.

нію, что это города наиболѣе древняго типа, въ которыхъ новые московскіе порядки только начали вводиться. Новогородскія писцовыя книги даютъ богатѣйшій матеріалъ для выясненія не только древнѣйшихъ поземельныхъ отношеній въ этихъ городахъ, но и тѣхъ измѣненій, которыя произошли подъ вліяніемъ новыхъ московскихъ порядковъ, а наконецъ, и возникновенія характернаго для Москвы различія бѣлыхъ и черныхъ городскихъ мѣстъ.

Начнемъ съ описанія того положенія дѣлъ, которое великій князь Иванъ Васильевичъ нашелъ уже въ городахъ завоеванной имъ области.

Въ Ямѣ, Корелѣ, Орѣшкѣ и Ладогѣ описаны дворы своеземцевъ и городскихъ людей, городчанъ или горожанъ; въ Копорьи только городскихъ людей, въ Иванъ-городѣ однихъ торговыхъ людей, купцовъ. О другихъ разрядахъ жителей: служилыхъ людяхъ, воротникахъ и пр., пока не говоримъ. Своеземцы и городчане дѣлятся иногда на лучшихъ, среднихъ и молодыхъ. Это качественныя различія въ предѣлахъ того же разряда лицъ, а потому мы на нихъ вовсе не будемъ останавливаться.

Итакъ, въ городахъ, во 1-хъ, живутъ своеземцы. Мы уже знаемъ, что такое своеземцы. Это люди, владѣющіе на правахъ частной собственности одной или нѣсколькими деревнями. Какъ уѣздные землевладѣльцы, они называются и просто земцами. Городскіе своеземцы и суть такіе уѣздные землевладѣльцы.

Это выводъ изъ прежде сказаннаго, но мы можемъ подтвердить его и прямымъ указаніемъ источниковъ. Въ Корелѣ перечислено 16 своеземцевъ, у 10 изъ нихъ мы нашли въ Городенскомъ погостѣ, близъ Корелы, принадлежащія имъ деревни. У нѣкоторыхъ число деревень не велико, отъ 2 до 5, но двое имѣли по 8 деревень, а Григ. Рокульскій владѣлъ 14-ю деревнями. Полагаемъ, что всѣ городскіе своеземцы были землевладѣльцами въ уѣздѣ, но, при отсутствіи указателей, отыскать ихъ деревни не легко [1]). Какъ земли,

[1]) Слушатели Археологическаго института, по моему предложенію

такъ и городскіе дворы, составляютъ частную собственность своеземцевъ. Въ описаніи города Орѣхова читаемъ: «А се дворы на посадѣ лучшихъ людей своеземцевъ, и живутъ въ нихъ сами». И дворъ и земля—собстенность своеземца. Своеземцами названы они потому, что составляютъ одинъ классъ съ уѣздными землевладѣльцами; но они живутъ въ городѣ, а потому они въ то же время и городскіе люди или горожчане. Но не всѣ городскіе жители называются своеземцами. Нѣкоторые названы только городскими людьми, городчанами. Что же такое эти городчане? Число такихъ городчанъ значительно болѣе своеземцевъ и въ Корелѣ, и въ Орѣшкѣ, и въ Ладогѣ. Между корельскими различены лучшіе люди рядовые, потомъ идутъ рыболовы и, наконецъ, молодые люди безъ промысла. Если послѣдній разрядъ охарактеризованъ тѣмъ, что это люди безъ промысла, то два первыхъ должны состоять изъ промышленныхъ людей. Въ разрядѣ непромышленныхъ людей на 20 дворовъ показано 6 дворовъ скомороховъ и одинъ дворъ — калики [1]). Скоморошество не есть промыселъ. Какимъ же промысломъ занимаются два первыхъ разряда? Второй—рыбнымъ, а первый, рядовой, можетъ означать рядскій, торговый народъ; а можетъ быть «рядовой» значитъ «всякій», тогда это будутъ люди, занимающіеся всякими промыслами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и продажей своихъ произведеній. Итакъ, городскіе люди въ тѣсномъ смыслѣ — это разные промышленники и городская бѣднота, живущая поденнымъ трудомъ и Христовымъ именемъ.

Въ чьихъ дворахъ и на чьихъ земляхъ они живутъ?

Въ Орѣшкѣ были люди, которые изъ позема жили въ

предприняли составленіе алфавитнаго указателя новогородскихъ землевладѣльцевъ съ обозначеніемъ размѣровъ ихъ владѣній. Появленіе въ свѣтъ этого труда облегчить пользованіе новогородскими писцовыми книгами.

[1]) Среди дворовъ людей безъ промысла названъ Максимко бочечникъ. Если это не недосмотръ писца, то, надо думать, что этотъ Максимко былъ захудалый человѣкъ, хотя и имѣлъ промыселъ.

чужихъ дворахъ и, стало быть, на чужой землѣ. Они описаны особо. Напримѣръ:

«Да на посадѣжъ на Лопской сторонѣ великаго князя дворы поземные, Григорьевскіе Петрова, что были за Андреемъ за Өедоровичемъ: дворъ — Хотенко Тимохновъ, дворъ—Костко Козлятниковъ».

Вотъ два человѣка, которые живутъ въ наемныхъ дворахъ, принадлежавшихъ Григорію Петрову. Великій князь конфисковалъ эти дворы, почему они и названы поземными дворовыми великаго князя; одно время они были за Андреемъ Өедоровичемъ, а теперь опять въ распоряженіи великаго князя. О дворахъ городчанъ не говорится, что это дворы великаго князя или кого либо другого, а говорится, что это дворы городчанъ — людей среднихъ или молодыхъ. Итакъ, городчане, какъ и своеземцы, живутъ въ своихъ дворахъ и на своихъ земляхъ. Чѣмъ же они отличаются отъ своеземцевъ? А тѣмъ, что у своеземцевъ есть земли въ уѣздѣ, а у этихъ нѣтъ. Это люди побѣднѣе, а на самомъ низу—скоморохи; эти уже и по достоинству человѣческому ниже.

Въ Иванъ-городѣ не упоминаются ни своеземцы, ни городчане, а только торговые люди, купцы. Что же это за люди и чѣмъ они отличаются отъ своеземцевъ и городчанъ? Они тѣ же городчане, потому что живутъ въ городѣ, а можетъ быть и своеземцы, если у нихъ есть деревни; но спеціальное ихъ занятіе торговля, а потому они названы купцами. Среди ивангородскихъ купцовъ, дѣйствительно, есть своеземцы, это тѣ, которымъ принадлежатъ деревни у посада и тѣ, которые купили часть села Наровскаго у моря, на Усть-Наровы рѣки. Кромѣ того ивангородскимъ торговымъ людямъ принадлежитъ рыбная ловля въ Наровѣ рѣкѣ.

Итакъ, коренное населеніе старыхъ городовъ ничѣмъ не отличается отъ населенія современныхъ городовъ: Петербурга, Парижа, Берлина; это все тѣ же классы лицъ: уѣздные землевладѣльцы, купцы, промышленники, скоморохи.

Разница только въ томъ, что почти всѣ жили тогда на своей землѣ и въ своихъ домахъ; были наниматели, но ихъ очень немного. Теперь, наоборотъ: почти всѣ живутъ въ наемныхъ квартирахъ. Въ старину нанимали дома, а теперь—квартиры и. даже комнаты.

Кромѣ перечисленныхъ лицъ, въ новогородскихъ городахъ встрѣчаются дворы духовенства и служилыхъ людей: намѣстника, пищальниковъ, воротниковъ, казаковъ и пр. Нѣтъ основанія утверждать, что служилые люди появились только съ присоединеніемъ къ Москвѣ; они могли быть и раньше; а намѣстники, конечно, были и раньше.

Эти старые города по составу населенія существенно отличаются отъ многихъ позднѣйшихъ. Въ нихъ нѣтъ пашенныхъ людей, а въ городахъ московскаго времени это явленіе довольно обыкновенное.

Но въ Новгородскомъ княженіи были и совсѣмъ пустые города, на случай осады. Таковъ, кажется, городъ Дѣмонъ. На городищѣ показаны только церковь да дворъ намѣстничъ; а на посадѣ—монастырь да дворъ тіунь. Городчанъ совсѣмъ не было. Такіе пустые города были и въ московское время.

Теперь посмотримъ на тѣ нововведенія, которыя появились въ старыхъ городахъ, по присоединеніи ихъ къ Москвѣ. Мы уже знаемъ, какія новости произошли въ волостномъ новгородскомъ землевладѣніи послѣ завоеванія. Рядомъ съ вотчиннымъ владѣніемъ появилось помѣстное, которое почти вытѣснило вотчинное. Появилось прекарное землевладѣніе волостныхъ крестьянъ, оказавшихся, послѣ конфискаціи, на земляхъ вел. князя, никому не розданныхъ въ помѣстья. Измѣняется и прежній порядокъ обложенія владѣльческихъ крестьянъ въ пользу собственника земли. Прежде они платили съ каждаго хозяйства особо. Сдѣлавшись крестьянами вел. князя, они стали облагаться огульно цѣлыми волостями, а не отдѣльными хозяйствами или деревнями. Наконецъ, произошло измѣненіе и въ положеніи своеземцевъ, оставшихся на своихъ мѣстахъ. Одни изъ нихъ

были причислены къ классу служилыхъ людей и вошли въ составъ московскихъ помѣщиковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ; другіе — причислены къ крестьянамъ, сидѣвшимъ въ волостяхъ вел. князя. Эти нововведенія отразились и на городахъ, но, конечно, съ перемѣнами, соотвѣтствующими особенностямъ описаннаго положенія городского землевладѣнія.

Самый полный рядъ перемѣнъ наблюдаемъ въ описаніи города Корелы. Три двора здѣшнихъ своеземцевъ были конфискованы и розданы москвичамъ. Это были дворы Мартемьяна Феклистова, Исака Левонтьева и Григорія Петрова. Этотъ Григорій Петровъ имѣлъ дворы и въ Орѣшкѣ и сдавалъ ихъ въ наймы изъ позема. Орѣшковскіе его дворы постигла та же участь, они тоже были конфискованы [1]). Такимъ образомъ, и въ городахъ, какъ и въ уѣздахъ, рядомъ съ вотчиннымъ владѣніемъ возникаетъ помѣстное.

Изъ числа другихъ своеземцевъ одни были зачислены въ служилые люди, другіе приписаны къ городчанамъ, которые тянутъ оброкъ. На службу записаны болѣе богатые, въ черное тягло, кто побѣднѣе, напримѣръ, Анисимко Котъ, у него была всего одна деревня, и четыре брата Крупиновыхъ, у которыхъ на всѣхъ было три деревни.

Вмѣстѣ съ этимъ, возникаетъ различіе бѣлыхъ и черныхъ городскихъ мѣстъ. Записанные въ службу своеземцы, какъ и москвичи, водворенные въ чужихъ дворахъ, тягла городскаго не тянутъ, ихъ дворы поэтому бѣлые. Но дворы городчанъ, которые въ службу не записаны, хотя бы они были и своеземцы, обложены городскимъ тягломъ, поэтому они тяглые, черные. Итакъ, различіе черныхъ и бѣлыхъ мѣстъ — есть различіе обязанностей по отношенію къ госу-

---

1) Если корельскій и орѣшковскій Григорій Петровъ одно и то же лицо, что весьма вѣроятно, то, во 1-хъ, надо признать за нимъ значительную долю предпріимчивости, и, во-2-хъ, надо думать, что по Ладожскому озеру въ то время было весьма оживленное судовое движеніе. Поддерживать дѣятельное сообщеніе Корелѣ съ Орѣшкомъ сухимъ путемъ едва ли было тогда возможно.

дарству, а не землевладѣнія. Бѣлымъ и чернымъ дворомъ можетъ быть и частная собственность и земля или дворъ великаго князя, данный въ помѣстье или въ тягло. Дворъ черный можетъ стать бѣлымъ и обратно. Эта перемѣна не мѣняетъ правъ владѣльца на дворъ или городское мѣсто; съ нею мѣняются только его обязанности къ государству, права владѣнія остаются прежнія.

Оброкъ на корельскихъ городчанъ положенъ огульно, они всѣ вмѣстѣ должны платить 11 руб. Такъ по новому письму, а по старому они платили 14-ть. Но и этотъ уменьшенный оброкъ великому князю показался слишкомъ великимъ и для облегченія городчанъ онъ придалъ къ городу Корелѣ въ тотъ же оброкъ Волочокъ Сванскій, что купилъ у Валаамскаго монастыря. Населеніе Волочка состояло изъ людей тѣхъ же классовъ, это были люди рядовые, торговые и рыбные ловцы; оброку вел. князю они давали 13 гривенъ. Теперь отъ этого оброка они освобождены, а взамѣнъ того обязаны вмѣстѣ съ корельскими городчанами платить 11 руб. Это значительная помощь городчанамъ. Предѣлы города, съ присоединеніемъ Сванскаго Волочка, расширились; а потому возникаетъ вопросъ, изъ какихъ же элементовъ состоитъ теперь землевладѣніе корельскихъ городчанъ?

Но прежде надо спросить, завоеваніе измѣнило поземельныя отношенія городчанъ корельскихъ и иныхъ? Въ цѣломъ нисколько. Кромѣ нѣсколькихъ дворовъ, конфискованныхъ и розданныхъ москвичамъ, всѣ остальные городчане остались при своихъ прежнихъ правахъ. Вел. князь города Корелы и его дворовъ не конфисковалъ, да въ этомъ и надобности не было. Были конфискованы уѣздныя земли для раздачи въ помѣстья, города же въ помѣстья у насъ не раздавались. Конфискованныя земли называются землями вел. князя, города же такъ не называются; земли въ городахъ называются «городскими мѣстами». Итакъ, и послѣ завоеванія городчане и своеземцы остаются собствен-

никами своихъ дворовъ, кромѣ тѣхъ, дворы которыхъ конфискованы.

Къ этимъ собственникамъ приписанъ теперь въ одинъ оброкъ Волочокъ Сванскій. Приписать въ одинъ оброкъ значитъ составить изъ тяглыхъ людей Корелы и всего населенія Волочка Сванскаго — одну податную единицу. Эта новая податная единица въ земельномъ отношеніи состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ. Тяглецы Корелы—собственники своихъ дворовъ и мѣстъ; жители Волочка—сидятъ на землѣ великаго князя, купленной у монастыря и предоставленной въ ихъ прекарное владѣніе. Принципіально тутъ большая разница, а практически — почти никакой. Вел. князь конфисковалъ же у трехъ корельскихъ своеземцевъ ихъ дворы и роздалъ москвичамъ. Окажется нужнымъ еще помѣстить трехъ москвичей, онъ и еще конфискуетъ. А съ другой стороны, крестьяне, живущіе на земляхъ вел. князя, какъ мы знаемъ, наслѣдуютъ эти земли, закладываютъ ихъ и продаютъ, никого не спрашиваясь. То же, конечно, будутъ дѣлать и жители Сванскаго Волочка съ землями вел. князя, купленными у Валаамскаго монастыря. Ихъ прекарное владѣніе будетъ имѣть всѣ признаки земельной собственности старыхъ городчанъ. Они даже въ превосходнѣйшемъ положеніи, чѣмъ волостные крестьяне царя и вел. князя. Тѣхъ можно отдать въ помѣстье и подарить монастырю; города же ни въ помѣстья не даются, ни монастырямъ не дарятся. Городское прекарное владѣніе — та же собственность. Но принципіально въ землевладѣніи корельскихъ горожанъ появилось глубокое различіе. Прежде всѣ были собственники своихъ городскихъ мѣстъ; теперь въ числѣ городчанъ появились прекарные владѣльцы, сидящіе не на своихъ участкахъ, а на княжескихъ земляхъ.

Описанныя нововведенія дѣлаются по мѣрѣ надобности, не въ силу общаго закона, а благодаря спеціальнымъ указамъ, а потому къ однимъ городамъ примѣнены они въ большей мѣрѣ, къ другимъ въ меньшей. Въ Ямѣ, напримѣръ, всѣ своеземцы и городчане одинаково положены въ

оброкъ; ивангородскіе же купцы въ огульный оброкъ не положены.

Итакъ, въ старыхъ новогородскихъ городахъ городскіе дворы составляли собственность городчанъ. Завоеваніе Новгорода Иваномъ Васильевичемъ принципіально этого положенія дѣлъ не измѣнило. Городчане остаются собственниками своихъ дворовъ въ XVI и въ XVII вѣкѣ. Отъ XVII вѣка до насъ дошелъ рядъ купчихъ, въ которыхъ городчане Новгорода Великаго продаютъ другъ другу свои дворы съ землею подъ ними, съ садами и огородами. Продавцами и покупателями выступаютъ: масленики, рабочіе люди на мельницахъ, портные мастера, шапочники, монастыри, хлѣбники, дьячки, церковные и земскіе, шелковники, рыбники, суконники, торговые люди и т. д. Продавали свои дворы и государевы черносошные крестьяне, но тѣ всегда писали, что продаютъ землю царя и вел. князя, а своего владѣнія, городчане же продаютъ «свои дворы», а не дворы вел. князя. Они очень хорошо сознаютъ принадлежащее имъ право распоряженія, а потому въ своихъ купчихъ говорятъ: «А тотъ мой дворъ и дворовая земля ни въ кабалахъ, ни въ купчихъ записяхъ, ни въ духовныхъ памятяхъ, ни въ какихъ крѣпостяхъ» никому не записаны, и берутъ на себя обязанность очищать покупателя отъ всякихъ исковъ, убытковъ и волокиты.—Продаются дворы черные и бѣлые.

Но такіе акты совершаются не въ одномъ Новгородѣ Великомъ а и въ другихъ старыхъ городахъ: въ Вологдѣ, въ Устюгѣ [1]).

Такіе же акты совершаются и въ Москвѣ. Въ 1659 году Кирило Кузминъ, портной мастеръ и пушечнаго дѣла ученикъ, продалъ пушечному же ученику «свое купленое дворовое мѣсто, а тамъ садъ и яблони да въ колодезѣ доля, который колодезь на улицѣ». Все это частная собственность и колодезь на улицѣ въ частной собственности, конечно, сосѣдей. Въ 1697 г. стольникъ А. И. Лызловъ продалъ

---

[1]) А. до Ю. Б. № 148, I—XVI; 1612—1622.

«свой дворъ на Никитской большой улицѣ и съ прикупными тяглыми мѣстами». Продавецъ обязывается уплатить всѣ повинности и тяглыя деньги за прошлые годы. Въ Москвѣ конца XVII вѣка, какъ и въ Корелѣ конца XV-го, бѣлыя и тяглыя земли въ городахъ отличаются повинностями, съ государственной точки зрѣнія, а не съ цивильной. Гражданскому же обороту они подлежатъ въ одинакой мѣрѣ. Купчая стольника Лызлова была явлена въ Земскомъ приказѣ, признана правильной и въ книгу записана [1]).

Городскія дворовыя мѣста продаются, закладываются, завѣщаются и переходятъ по наслѣдству въ законномъ порядкѣ, а потому называются родственными. Этимъ объясняется прошеніе бѣлозерскаго посадскаго человѣка, Ѳомы Якшина, о возстановленіи его правъ на родственное его мѣсто въ Бѣлоозерѣ. По этому прошенію великій государь, царь и вел. князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, велѣлъ сыскать посадскими людьли и, если скажутъ, что «то — мѣсто было изстари его родственниковъ, тѣмъ мѣстомъ велѣть ему владѣть» [2]). Итакъ, въ Бѣлеозерѣ тѣ же порядки, что въ Москвѣ, Новгородѣ Великомъ, Корелѣ и другихъ старыхъ городахъ.

Въ городахъ новыхъ, построенныхъ вел. князьями московскими на земляхъ пустыхъ, которыя считались принадлежащими имъ, положеніе дѣлъ было иное. Въ этихъ городахъ все городское населеніе сидѣло на княжеской землѣ: служилые люди на помѣстномъ правѣ, черные, если таковые находились, — на правѣ государевыхъ крестьянъ. Но помѣстное право, какъ давно указано Неволинымъ, мало по малу сливается съ вотчиннымъ; права же черныхъ людей на тяглые городскіе участки, какъ мы видѣли, съ самаго начала имѣютъ всѣ признаки права частной собственности. Для правительства рѣшительно все равно, кто владѣетъ городскимъ дворомъ, Иванъ или Семенъ, только бы сидѣлъ

---

[1]) Тамъ же, № 148, XVII—XXIII; 1659—1697.

[2]) А. до Ю. Б. № 174, 1681.

на мѣстѣ да тянулъ тягло, а потому тяглые дворы продаются, закладываются, переходятъ по наслѣдству и т. д. Вотъ почему и въ этихъ городахъ съ теченіемъ времени складываются порядки очень близкіе къ порядкамъ старыхъ городовъ.

Указанное преимущество въ положеніи городскихъ жителей передъ волостными крестьянами, одинаково сидѣвшими на государевыхъ земляхъ, сказалось въ наше время. Государственные и удѣльные крестьяне, при переходѣ въ разрядъ свободныхъ гражданъ, выкупаютъ свои надѣльныя земли. Это совершенно вѣрно исторически: они сидѣли не на своихъ земляхъ. А городскіе тяглые люди? Они всѣ собственники своихъ дворовъ безъ всякаго выкупа, хотя между ними есть и такіе, права которыхъ на городскія мѣста нисколько не лучше правъ волостныхъ государевыхъ крестьянъ на черныя земли [1]).

Этотъ экскурсъ въ область городского землевладѣнія мы начали въ связи съ вопросомъ о городскихъ лавкахъ. Но гдѣ же лавки? Въ описи старыхъ новогородскихъ городовъ не упомянуто ни одной лавки. А между тѣмъ тамъ есть торговые и промышленные люди, которые, конечно, держатъ свой товаръ на лавкахъ и въ анбарахъ и торгуютъ съ лавокъ и изъ анбаровъ. Если старѣйшія писцовыя книги не описываютъ лавокъ, это значитъ, что лавки не составляютъ предмета особаго обложенія. Лавки были при дворахъ, могли

---

[1]) Вопросъ о поземельныхъ отношеніяхъ въ нашихъ городахъ очень споренъ. И. Д. Бѣляевъ считаетъ бѣлыя земли состоящими въ частной собственности отдѣльныхъ лицъ, а черныя — въ собственности цѣлой общины. Лекціи 314. По мнѣнію Н. Д. Чечулина «землю, на которой стояли города, нужно считать государевой». Оба автора — считаютъ свои положенія относящимися ко всѣмъ городамъ и ко всѣмъ временамъ. Н. Д. Чечулинъ въ доказательство своей мысли указываетъ на то, что по описямъ XVI вѣка лавки стоятъ на государевой землѣ, и на то, что черные посадскіе люди не отличались по правамъ отъ черныхъ крестьянъ. Города 322. Сходство несомнѣнное, но, какъ мы указали, городскія земли никогда не называются государевыми; а земли подъ лавками, какъ увидимъ, называются такъ только съ XVI вѣка.

быть и на площадяхъ, но тѣ и другія составляли частную собственность городчанъ и правительство не стояло къ нимъ ни въ какихъ отношеніяхъ. Со временъ Русской Правды у насъ собираются торговыя пошлины, сперва — мыть, а съ татаръ — тамга, но они собираются съ торговыхъ дѣйствій, а не съ торговыхъ помѣщеній, не съ лавокъ. На основаніи новогородскихъ писцовыхъ книгъ надо думать, что въ концѣ XV вѣка и въ Москвѣ лавки не составляли еще особой доходной статьи. Если бы это было, это отразилось бы, по завоеваніи, и на новогородскихъ городахъ: лавки были бы особо описаны и обложены.

Города возникали у насъ не въ видахъ торговли, а въ видахъ охраны. А потому торговля вовсе не пріурочивалась къ огороженнымъ пунктамъ поселенія, она ютилась тамъ, гдѣ были удобныя для ея развитія условія. Лавки и торговые дворы устраивались и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, не подлежа никакому особому сбору. Нѣсколько примѣровъ этому изъ XVI вѣка мы имѣли случай привести въ I т. Древностей (313 и сл.). Укажемъ на такой же случай изъ XVII-го вѣка. Дмитрій Годуновъ, имѣвшій на сѣверѣ, въ предѣлахъ бывшихъ новогородскихъ владѣній, большое помѣстье, дававшее ему по его словамъ до 9.000 р. доходу, а по словамъ другихъ лицъ до 30.000, устроилъ въ Чарондѣ лавки и торговые дворы. Торговля продолжалась тамъ до смутнаго времени, когда торговцы были перебиты литовскими людьми [1]). Итакъ, лавки въ вотчинахъ и помѣстьяхъ существуютъ во всѣ времена и составляютъ частную собственность. До конца XV вѣка и лавки въ городахъ состояли на томъ же положеніи. Но въ теченіи XVI вѣка это измѣнилось и городскія торговыя площади, лавки и мѣста подъ лавками перешли въ руки государя и стали называться государевыми землями. Мы не имѣемъ объ этомъ общаго указа да, можетъ быть, его и не было, и реформа совершилась путемъ частныхъ распоряженій и не вездѣ. Въ пис-

[1]) А. до Ю. Б. № 128, II; А. И. II № 306, 1510—15.

цовыхъ книгахъ XVI вѣка во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ городахъ описываются лавки, стоящія на государевой землѣ и платящія особый оброкъ. Мы находимъ такія лавки въ Коломнѣ, Можайскѣ, Тулѣ, Муромѣ, Бѣлоозерѣ, Псковѣ и пр. Что эти лавки не составляютъ частной собственности и не находятся въ гражданскомъ оборотѣ, это видно изъ описи города Пскова, въ которой сказано: кто хотѣлъ взять въ Псковѣ пустое лавочное мѣсто или пустую лавку, долженъ былъ оброчить у псковскихъ дьяковъ [1]). Изъ описанія Мурома видно, что лавки сдавались съ публичныхъ торговъ: «Да въ томъ же ряду рыбномъ даваны подъ лавки мѣста ново на оброкъ»... А въ итогѣ: «Да въ нынѣшнемъ 82 году наддачи надъ оброкомъ, по договору, прибыло 10 алтынъ» [2]). Но публичные торги съ наддачей могли происходить только при оживленномъ спросѣ на лавки; въ противномъ случаѣ онѣ сдавались по прежнимъ цѣнамъ безъ всякихъ торговъ. Въ 1681 г. извѣстный уже намъ Ѳома Якшинъ просилъ отвести ему мѣсто подъ лавку въ Бѣлоозерѣ. Ему велѣно было отвести мѣсто на площади позади анбаровъ Ѳедора Рогачева; «а оброку съ того лавочнаго мѣста велѣно ему платить противъ того жъ, почему платитъ Ѳедоръ Кункинъ съ своего мѣста» [3]).

Описанная нами реформа лавочнаго дѣла есть слѣдствіе конфискаціи лавочныхъ мѣстъ въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ до того времени они состояли въ частной собственности. Конфискація разныхъ видовъ частной недвижимой собственности, какъ мы видѣли, играетъ чрезвычайно видную роль въ реформахъ нашей домосковской древности, произведенныхъ московскими государями. Въ концѣ XV вѣка Иванъ Васильевичъ совершилъ громадную конфискацію новогородскихъ волостныхъ земель, чтобы имѣть средства для

---

[1]) Беремъ это свѣдѣніе у Н. Д. Чечулина, который нашелъ его въ рукоп. описаніи Пскова. Города 318.

[2]) А. Ю. № 229, 1574.

[3]) А. до Ю. Б. № 174.

содержанія служилыхъ людей. Въ теченіи XVI вѣка съ цѣлью увеличенія доходовъ были конфискованы въ городахъ торговыя помѣщенія, лавки, анбары, скамьи и мѣста подъ ними. Можно думать, что городская конфискація шла и далѣе. Въ городѣ Можайскѣ на оброкъ отдаются не только лавки, но огороды и сады. Но конфискація лавокъ не вполнѣ обезпечивала доходы правительства. Рядомъ съ городами или въ очень не далекомъ отъ нихъ разстояніи могли находиться вотчины и помѣстья частныхъ лицъ. Въ этихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ могли быть торговыя и промышленныя заведенія, не обложенныя государевымъ оброкомъ; они могли дѣлать опасную конкуренцію городской торговлѣ. Это вызвало въ XVII вѣкѣ дальнѣйшую конфискацію. Уложеніе предписываетъ взять за государя всѣ помѣстья и вотчины, которыя сошлись съ городскими посадами или близки къ нимъ. Конфискація въ XVI вѣкѣ лавокъ, а кое-гдѣ садовъ и огородовъ — есть предшественница этой конфискаціи XVII вѣка. Но мы не имѣемъ основанія утверждать, что конфискація городскихъ лавокъ была произведена повсемѣстно.

Теперь спрашивается, кто же могъ брать въ оброкъ казенныя лавочныя мѣста? Древность не знала въ этомъ отношеніи никакихъ ограниченій. Брать въ аренду лавки и торговать въ нихъ могли всѣ, какъ мѣстные жители города, такъ и всѣ пріѣзжіе, какъ частные люди, такъ и служилые, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, какъ женщины, такъ и мужчины. Въ городѣ Коломнѣ лавки нанимали: Спасскій монастырь (торговалъ солью, хмѣлемъ и рогожами), дьяконы (торговали иконами), дьячки губные и земскіе, пушкари, затинщики, казаки (торговали сермягою), казенные кузнецы и разные казенные мастера, ямскіе охотники, сторожа города Гуляя, крестьяне (торговали желѣзомъ, хлѣбомъ, лѣсомъ), лопатники (торговали сапогами), вдовы и богадѣльные старцы (торговали лукомъ и чеснокомъ). Ограниченія начинаются только съ XVII вѣка, съ установленія крѣпостного права.

Наконецъ, слово оброкъ употребляется еще въ третьемъ

значеніи, о чемъ мы говорили въ III-й главѣ, въ которой рѣчь идетъ о хозяйственномъ пользованіи землями. Конфискованныя Иваномъ Васильевичемъ земли сведеныхъ бояръ сдавались въ арендное содержаніе отдѣльнымъ крестьянамъ, которые платили боярамъ и деньгами, и мукой, и снопами, и яйцами, и баранами и т. д. Если вел. князь оставлялъ эти деревни за собой, ему нельзя было собирать съ нихъ хозяйскій доходъ въ томъ же видѣ, какъ это дѣлали сведеные бояре. Вел. князь оброчилъ этихъ крестьянъ, т. е. переводилъ на деньги ихъ прежніе разнообразные платежи и деньгами и натурой. Здѣсь мы опять имѣемъ дѣло съ оброкомъ, но существенно отличающимся и отъ перваго и отъ второго вида оброка. Этотъ оброкъ — есть доходъ частнаго владѣльца, а не государственная повинность. Въ этомъ его различіе отъ оброка въ первомъ видѣ. Такой оброкъ съ своихъ крестьянъ получали духовныя учрежденія и стали вводить нѣкоторые новые помѣщики, замѣнившіе новогородскихъ бояръ. Но этотъ оброкъ не освобождалъ отъ тягла; въ этомъ его различіе отъ оброка во второмъ видѣ. Всѣ эти крестьяне оброчники тянули съ той же земли и всякое государево тягло. Иногда къ оброку причислялась и «обежная дань». Подъ этою данью, можетъ быть, надо разумѣть одну татарскую дань. Всѣ остальныя дани оставались на государевыхъ черныхъ волостяхъ въ полной своей неприкосновенности.

Итакъ, одно и то же слово «оброкъ» обозначаетъ три совершенно разныхъ отношенія: это государственное тягло, арендная плата за пользованіе угодьями и пустошами и, наконецъ, доходъ съ крестьянъ владѣльца недвижимостей. Въ древности это различіе видовъ всѣмъ было хорошо извѣстно и языкъ памятниковъ не могъ возбуждать недоразумѣній. Напримѣръ. Въ грамотѣ крестьянамъ Борисоглѣбской слободы читаемъ:

«А даютъ тѣ рыболовы мнѣ, царю и вел. князю, оброку съ году на годъ, на Р. Хр., за рыбную ловлю, 20 алтынъ; а оброчники Борисоглѣбской слободы даютъ на мой дво-

рецъ оброку, за дань и за всѣ пошлины, 2 рубля» (А. Э. I № 324, 1584).

Здѣсь упомянуты два разныхъ оброка: первый—арендная плата за право рыбной ловли, второй — тягло. Но дѣло не всегда такъ просто и ясно. Для любителей древностей приведемъ еще одинъ примѣръ. Въ описанiи города Коломны читаемъ:

«На Коломнѣ жъ на посадѣ дворы тяглые черные», идетъ описанiе дворовъ. «И всего на Коломнѣ на посадѣ черныхъ тяглыхъ 12 дворовъ, людей въ нихъ 14 человѣкъ».

И далѣе:

«На Коломнѣ жъ на посадѣ дворы оброчные Степановскiя слободы Сухобокова», идетъ описанiе дворовъ. «И всего Степановскiя слободы Сухобокова 20 дворовъ, а людей въ нихъ 28 человѣкъ... А лѣта 1556 въ государевѣ царевѣ и вел. князя Ивана Васильевича въ уставной грамотѣ у тѣхъ слобожанъ написано: за намѣстничьи и за ихъ пошлинныхъ людей кормы и за ямскiя деньги, и за охотные, и за бражные, и за луговые, и за весь денежной за мелкой доходъ, опричь городоваго дѣла, оброку давати въ государеву цареву и вел. князя казну на годъ... и всего оброку 8 руб. 20 алт. 2 ден., а платили они тотъ оброкъ въ 2 срока: на Р. Хр. и на Петровъ день».

Здѣсь цѣлая исторiя коломенскихъ посадскихъ людей! Въ Коломнѣ два разряда посадскихъ: оброчные и тяглые. Оброчные жили прежде на землѣ нѣкоего Сухобокова и были его крестьянами. Въ 1556 г. они какимъ-то способомъ перешли въ руки вел. князя, можетъ быть были конфискованы, что очень вѣроятно: если бы земля, на которой они сидѣли, была куплена, на это не затруднились бы указать. При переходѣ къ вел. князю, слобода была присоединена къ городу и получила уставную грамоту, въ которой были переведены въ оброкъ лежавшiе на жителяхъ слободы государственныя повинности и доходъ, который они платили прежнему владѣльцу, Сухобокову. Они давали ему мелкiй доходъ, намъ хорошо извѣстный, да еще платили ему деньги

за право охоты, бражныя деньги и за пользованіе лугами. Кромѣ того, въ Коломнѣ были еще другіе посадскіе, по всей вѣроятности, болѣе старые, они остались при своемъ тяглѣ. Итакъ, въ одномъ и томъ же городѣ, одни посадскіе на оброкѣ, другіе на тяглѣ. И тѣ, и другіе имѣютъ, кромѣ городскихъ дворовъ, пашенныя земли, которыя сочтены отдѣльно. Эти земли, конечно, разнаго происхожденія. Оброчные посадскіе имѣютъ Сухобоковскія земли, тяглыя — несомнѣнно сидятъ не на Сухобоковскихъ, но на чьихъ, не знаемъ. Коломна очень старый городъ, а потому возможно, что коломенскіе городчане суть своеземцы. Тутъ совершилось такое же расширеніе города Коломны, какое мы наблюдали и по отношенію къ Корелѣ, но безъ всякаго облегченія тягла коломенскихъ посадскихъ людей.

Сторонникамъ общиннаго землевладѣнія въ городахъ надо обратить вниманіе на исторію коломенскаго посада. Въ немъ не только не было общиннаго землевладѣнія, но онъ не составлялъ даже одной податной единицы. Въ немъ было двѣ податныхъ единицы, и это всего при населеніи въ какихъ нибудь 42 души. Сорокѣ двѣ души и тѣ не составляютъ даже одной податной общины; онѣ живутъ въ одномъ городѣ, а у нихъ все разное, и земли и повинности [1]).

Почти всѣ новгородскіе города, о которыхъ есть свѣдѣнія въ старыхъ описяхъ, по завоеваніи были положены въ оброкъ. Кромѣ оброка они тянули еще тягло. Что это за оброкъ, это намъ не ясно, по краткости описей.

Изъ трехъ описанныхъ видовъ оброка первоначальнымъ, по временами возникновенія, надо считать оброкъ за пользованіе угодьями и пустошами; два другихъ вида — представляютъ переносъ готоваго уже понятія и слова на иныя отношенія. Наемная плата крестьянъ за снятую землю первоначально называлась не оброкомъ, а доходомъ владѣльца; подъ такимъ наименованіемъ она описывается въ древнѣйшихъ писцовыхъ книгахъ, новогородскихъ, и по своей разно-

---

[1]) Писцов. кн. XVI вѣка I 313.

составности ничего не имѣетъ общаго съ оброкомъ. Точно также настоящее наименованіе разныхъ видовъ тягла — не оброкъ, а наименованіе ихъ по цѣли сбора: кормъ, мостовщина, городовое дѣло и пр. Къ тяглу и доходу стали примѣнять наименованіе оброкъ, когда пришли къ необходимости разные платежи замѣнить однимъ [1]).

[1]) На первые два вида оброка указалъ И. Д. Бѣляевъ, хотя очень кратко и съ большими обмолвками и недомолвками: «Оброкомъ, говоритъ онъ, вообще назывались всѣ виды повинностей, когда онѣ раскладывались или переводились на землю, т.-е., когда вмѣсто того, чтобы отправлять какую либо повинность или службу натурою, правительство соглашалось брать деньги». Первое предложеніе совсѣмъ не вѣрно: на землю, какъ видимъ, раскладывались не одни оброки, но всякія повинности. Второе—говоритъ о переложеніи натуральной повинности въ денежную. Это только намекъ на дѣло, а не самое дѣло. Оброкъ, въ разсматриваемомъ смыслѣ, не замѣна натуральной повинности денежной, а замѣна многихъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей—единовременнымъ платежемъ, оброкомъ. Въ оброкъ переводился, между прочимъ, кормъ намѣстниковъ, а этотъ кормъ могъ платиться и деньгами. «Кромѣ того, продолжаетъ авторъ, оброкомъ назывались подати, собираемыя съ разныхъ угодій». Съ угодій собирались не подати, а арендная плата. Лекціи 196.

Новые изслѣдователи едва ли еще не болѣе запутали этотъ вопросъ. Г. Лаппо-Данилевскій начинаетъ съ очень неловкаго обобщенія того, что написано у проф. Незабитовскаго, на котораго онъ и ссылается. «Дань, читаемъ у автора Прямого обложенія, имѣла характеръ государственной подати, оброкъ, напротивъ, чисто-хозяйственнаго сбора, ибо въ сущности былъ арендною платой землевладѣльцу» 35. Изъ сказаннаго же у насъ въ текстѣ видно, что существовали оброки, имѣвшіе значеніе государственной подати. Далѣе у того же автора читаемъ: «Иное значеніе придавалось оброку, взимаемому въ видѣ равномѣрной подворной подати и замѣнявшему намѣстничъ кормъ, присудъ и другіе доходы. Хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ, можетъ быть, имѣлъ происхожденіе аналогичное съ выше указанными видами оброка, однако, долженъ былъ разсматриваться, какъ заимствованіе и примѣненіе особенностей частно-хозяйственнаго оброка къ финансовымъ цѣлямъ» 40—41. Какъ могъ оброкъ, взимаемый за кормъ и присудъ, имѣть аналогичное происхожденіе съ оброкомъ, взимаемымъ за наемъ земли, — этого, конечно, понять не возможно. Также точно не возможно понять, какъ исполнить желаніе автора и разсматривать оброкъ—тягло, какъ «заимствованіе и примѣненіе особенностей частно-

Мы перечислили всѣ главные виды тягла, но не исчерпали всѣхъ его мелкихъ разновидностей. Въ памятникахъ встрѣчаются указанія и на нѣкоторыя другія повинности, напримѣръ, на выборы цѣловальниковъ къ сбору пошлинъ за пользованіе перевозами и мостовщиной, на московскій покрутъ, на поминочныя деньги за черные соболи, на подмогу сибирскимъ жильцамъ и пр. [1]). Эти новыя повинности,

---

хозяйственнаго оброка къ финансовымъ цѣлямъ». Авторъ отсылаетъ недоумѣвающаго читателя къ страницамъ 18—24 своего труда. Тамъ мы находимъ столь же удивительныя вещи, напримѣръ, что оброчная грамота «на дѣлѣ нерѣдко смѣшивалась не только съ договоромъ купли-продажи, но съ заемной и служилой кабалой». Глупые и безтолковые люди, конечно, могутъ все смѣшать; но какая же степень безтолковости нужна, чтобы смѣшать служилую кабалу или заемное обязательство съ договоромъ найма земли? Да развѣ въ изслѣдованіи о прямомъ обложеніи можетъ идти рѣчь объ этой крайней степени людской глупости? Это дѣло психіатра, а никакъ не историка. Отмѣтивъ крайнюю степень безтолковости нашихъ предковъ, авторъ продолжаетъ: «Будучи, такимъ образомъ, гражданской сдѣлкой, возникшей на почвѣ частно-хозяйственныхъ отношеній, оброкъ, однако, примѣненъ былъ и къ государственнымъ, финансовымъ цѣлямъ... Въ это время (въ XV вѣкѣ) не было рѣзкаго различія между дворцовымъ и государственнымъ управленіемъ и естественно было смѣшать арендную плату, получаемую съ дворцовой земли, съ государственнымъ налогомъ». Итакъ, у насъ въ древности смѣшивали оброчную грамоту съ заемной росспиской и служилой кабалой, а оброкъ въ смыслѣ арендной платы съ государственной повинностью. Смѣемъ увѣрить почтеннаго автора, что въ древности ни правительство, ни народъ, за исключеніемъ самыхъ глупыхъ и безтолковыхъ людей (а вѣдь они не непремѣнно же засѣдали въ приказахъ), никто такого смѣшенія не дѣлалъ. Все дѣло объясняется очень просто. Слово оброкъ, какъ и много другихъ, имѣетъ разныя значенія, какъ и наоборотъ, одни и тѣ же предметы называются разными словами. И это явленіе наблюдается не въ нашихъ только древностяхъ, а и въ западно-европейскихъ; для примѣра прошу взглянуть, въ какихъ разнообразныхъ значеніяхъ употреблялись слова: allodium, feodum, armigeri, valleti и проч. Въ настоящее время слово «нарядъ» означаетъ уборъ и назначеніе чиновъ полиціи въ караулъ. Но и самый глупый человѣкъ не смѣшаетъ наряда полиціи съ нарядомъ дамы.

[1]) А. Ю. № 209 I А. Э. I № 343, 349, 367; 1548—1597.

конечно, необходимы для дополненія описанной нами системы тягла, но они не вносятъ въ нее никакихъ существенныхъ измѣненій.

Перечисленныя повинности называются въ источникахъ не только тѣми именами, подъ которыми мы ихъ привели, но и иными. Для полноты картины надо привести и эти другія ихъ наименованія. Приведенныя выше названія обозначаютъ повинности по ихъ цѣли, это кормъ, мостовщина, ямъ, пищальныя деньги и пр. Но тѣ же повинности могутъ быть названы и по способу ихъ обложенія. Повинности лежали на обжахъ, сохахъ, четвертяхъ и пр. Отсюда: обежная дань, посощный кормъ, посошная служба, посоха вообще, четвертныя деньги, подымное и пр. Повинности раскладываются по обжамъ, сохамъ и т. д. Отсюда имъ усвояется наименованіе — разметовъ. Наконецъ, всякая повинность является убыткомъ для частнаго хозяйства; отсюда повинности суть—протори. Все это только другія названія описанныхъ нами тяголъ.

Такова система древняго тягла или государственныхъ повинностей. Она возникла еще въ домосковскую эпоху и совершенно соотвѣтствуетъ условіямъ быта того времени.

Въ эпоху господства натуральнаго хозяйства всѣ первоначальныя повинности отправлялись натурой. Но уже древнѣйшій списокъ Русской Правды знаетъ металлическія деньги, а потому уже съ этого отдаленнаго времени населенію предоставляется право переходить отъ натуральныхъ повинностей къ денежнымъ.

При господствѣ вѣчевыхъ порядковъ не могла сложиться система повинностей на неизвѣстныя народу государственныя нужды, а потому всѣ древнія тяглы — именныя. Они обозначаются по цѣли назначенія и народу извѣстно и понятно, зачѣмъ онъ долженъ тянуть то или другое тягло. Онъ призываетъ князей для суда и управленія, князьямъ же надо имѣть себѣ въ помощь судей: народъ долженъ кормить судей и платить имъ за трудъ, не могутъ же они отправлять правосудіе на свой счетъ. Для охраны отъ непріятеля нужны

ограды: народъ долженъ ихъ строить. Для перевозки князя и его служилыхъ людей нужны подводы: народъ долженъ ихъ давать и т. д.

Всѣ древнія тягла составляли насущную потребность государства и были понятны всему населенію. Эти именныя тягла перешли и въ Москву и московское правительство при сборѣ повинностей тщательно объясняетъ народу ихъ необходимость. Вотъ что читаемъ въ грамотѣ 1621 года о сборѣ ямскихъ денегъ.

«А только не сбирать ямскихъ денегъ, и ямщикамъ будетъ давать нечего. А не давать денегъ ямщикамъ нельзя, для ихъ скудости и для того, что имъ нынѣ гонба великая». Или въ грамотѣ 1637 года о сборѣ денегъ на городовое дѣло: «Въ прошлыхъ годѣхъ въ Ряскіе, и въ Рязанскіе, и въ Шацкіе, и въ иные Мещерскіе мѣста — крымскіе, и ногайскіе, и азовскіе люди приходили изгономъ и тѣ всѣ мѣста воевали, людей побивали и въ полонъ служивыхъ и уѣздныхъ всякихъ людей, мужскаго и женскаго полу и младенцевъ, имали, и селы и деревни многіе пожгли и до конца разорили, и отъ тое татарскія великія войны въ тѣхъ во всѣхъ мѣстахъ многіе села и деревни запустѣли; а служивые люди отъ такія великія войны оскудѣли и учинилися безлюдны и безлошадны и безоружны; а православные крестьяне, которые въ тѣхъ мѣстахъ въ полонъ пойманы, и нынѣ въ полону и въ расхищеньи и во всякомъ полонномъ мученьи. И мы, слыша, что въ Ряскихъ, и въ Рязанскихъ, и въ Шацкихъ и во всѣхъ Мещерскихъ мѣстахъ отъ бусурманъ на православныхъ крестьянъ разореніе и всякое полонское расхищеніе, въ прошломъ 1636 году указали, для береженья отъ воинскихъ людей, поставить въ Полѣ городъ, чтобъ въ Ряскихъ, и въ Рязанскихъ, и въ Мещерскихъ мѣстахъ отъ татаръ войну отнять, и по нашему указу на Полѣ, въ Лѣсномъ Воронежѣ, поставленъ городъ Козловъ, а въ немъ устроены стрѣльцы и казаки» и т. д., на 3-хъ столбцахъ идетъ перечисленіе предпринятыхъ государемъ мѣръ защиты страны отъ вторженія татаръ, а затѣмъ уже распоряженіе правительства: «а для того городового дѣла и на жалованье ратнымъ людямъ указали взять» и т. д. [1]).

[1]) А. Э. IV №№ 121, 268.

Это—изложеніе государственныхъ нуждъ и отчетъ о сдѣланномъ уже для охраны народныхъ интересовъ.

И въ настоящее время не изобрѣтена еще такая система податей, которая не имѣла бы неудобствъ и не вызывала бы возраженій. Имѣла много неудобствъ и наша старинная система.

Главное ея неудобство заключается въ ея полной неопредѣленности. Ни одинъ плательщикъ не зналъ, какія повинности упадутъ на него въ теченіи года. Второй крупный ея недостатокъ заключался въ столь же полной ея неуравнительности. Даже въ маленькихъ княженіяхъ домосковскаго времени нельзя было привлечь все неселеніе и въ одинаковой мѣрѣ къ отбыванію такихъ повинностей, какъ городовое дѣло, мостовщина, княжое дѣло, подводы и проводники и пр. Съ объединеніемъ удѣловъ въ Москвѣ эта неуравнительность становилась все ощутительнѣе, а съ увеличеніемъ государственныхъ нуждъ и съ возрастаніемъ повинностей эта неуравнительность дѣлалась все тяжелѣе. Наконецъ, новыя повинности вводятся не въ силу общаго правила, а по спеціальнымъ распоряженіямъ для отдѣльныхъ мѣстностей. Поэтому, жители однихъ мѣстностей могли тянуть тягла совершенно неизвѣстныя жителямъ другихъ.

Съ теченіемъ времени, но очень медленно, появляются реформы. Однѣ изъ нихъ вызваны татарскими образцами, другія имѣютъ самостоятельный характеръ. По требованію татаръ впервые возникаетъ у насъ всеобщее обложеніе: татарская дань и татарскій ямъ. Эти татарскія тягла переходятъ съ теченіемъ времени въ русскія, сперва ямъ, а потомъ и дань, и съ тѣмъ же характеромъ всеобщности.

Мы не знаемъ точно, когда началось переложеніе разноименныхъ тяголъ въ оброкъ; первые документы этого рода относятся къ московскому уже времени и принадлежатъ удѣльнымъ московскимъ князьямъ, которые, конечно, дѣйствовали по образцу великихъ. Это начало весьма важной другой реформы. Съ увеличеніемъ денежныхъ поступленій въ казну московскаго государства, удовлетвореніе многихъ

нуждъ государства отъ народа переходитъ къ центральному правительству. Оно само начинаетъ устраивать города, рвы и валы, суда и тюрьмы и пр. за свой счетъ и своими людьми. Введеніе стрѣлецкой подати является самой крупной мѣрой XVII вѣка на пути объединенія тягла.

Мы дали картину тягла въ смыслѣ государственныхъ повинностей. Но московскіе государи были богатыми частными собственниками и получали съ своихъ вотчинъ большіе доходы. Доходы съ государевыхъ вотчинъ собирались на томъ же основаніи, на какомъ и всѣ другіе частные вотчинники пользовались доходами съ своихъ земель. Раньше (стр. 22) мы уже имѣли случай указать на то, что дворцовыя и черныя земли составляли одинаково собственность московскихъ государей, переходили однѣ въ другія, раздавались въ помѣстья, жаловались монастырямъ и пр. Крестьяне, сидѣвшіе на этой частной собственности московскихъ государей, тянули описанное государственное тягло и кромѣ того давали доходъ собственнику земель, государю. Это два совершенно разныхъ вида повинностей. Своихъ крестьянъ московскіе государи облагаютъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это дѣлаютъ и другіе частные владѣльцы. Мы уже знаемъ, что частные владѣльцы получаютъ доходъ деньгами и хлѣбомъ, зерномъ и снопами, и кромѣ того мелкій доходъ баранами, яйцами и пр. Тотъ же доходъ получали съ своихъ крестьянъ и московскіе государи. Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка находимъ такое перечисленіе этого дохода. Государевы крестьяне должны были давать въ Дворцовый приказъ: денежнаго оброку съ выти по полтинѣ, посопнаго хлѣба съ выти по 4 чети и по 7 овса, да мелкаго доходу съ выти по барану, по полтю мяса свиного, по 2 сыра кислыхъ, по 2 гривенки масла коровьяго, по 2 куровъ, по 40 яицъ, съ двухъ вытей—порося живое, гусь живой и гусь битый и т. д. (II, стр. 293). Очень понятно, что при значительномъ увеличеніи государевыхъ крестьянъ, поставки посопнаго хлѣба и мелкаго дохода должны были выходить за предѣлы потребностей государева двора, а при

отдаленности крестьянъ затруднять ихъ перевозкой. Вотъ почему многіе государевы крестьяне облагались однимъ денежнымъ оброкомъ. Мы уже знаемъ, что множество волостей, конфискованныхъ у новогородскихъ бояръ, были обложены оброкомъ въ замѣнъ разнообразныхъ доходовъ, какіе они давали своимъ прежнимъ господамъ. Но то же дѣлали и другіе частные владѣльцы; монастыри, напримѣръ, также замѣняли однимъ денежнымъ оброкомъ разноименные владѣльческіе доходы. Помимо дохода частному владѣльцу, крестьяне государевы и другихъ частныхъ владѣльцевъ несли всякое государственное тягло. Доходъ частнаго вотчинника и государственныя повинности у насъ очень хорошо различались.

Если нужно еще доказывать, что древнія княженія, съ перваго своего появленія на свѣтъ божій, были государства и что московскіе князья не только были вотчинниками, но и государями,—изображенная нами система тягла даетъ для этого очень ясныя и неоспоримыя доказательства. Весьма распространенное въ свое время и теперь не рѣдко повторяемое мнѣніе о томъ, что зарожденіе государственныхъ началъ въ Россіи относится ко времени Ивана III, а до того времени у насъ было сперва родовое, а потомъ вотчинное устройство, далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Гдѣ есть повинности въ пользу государства, тамъ есть и государство. Московскіе государи были вотчинниками Москвы, но не въ смыслѣ организаціи государства по вотчинному началу, а въ смыслѣ наслѣдственныхъ правъ на Москву, которую они получали отъ отцовъ своихъ; отсюда и слово— отчина или вотчина. Но въ этомъ смыслѣ и Новгородъ былъ отчиной вел. князя ростовскаго Всеволода. Организація государства по вотчинному началу никѣмъ не была даже и опредѣлена сколько-нибудь точно, на что мы имѣли случай указать раньше (стр. 24).

Переходимъ къ разсмотрѣнію тягла, какъ способности нести государственныя повинности.

II

Тягло въ древности означало не только обязанность нести государственныя повинности, но и способность къ этимъ повинностямъ. Кто же былъ способенъ къ тяглу? Способнымъ къ тяглу было все имущее, состоятельное население волостей-княжений. Тягло несли люди, но не въ смыслѣ «ревизской души», а въ смыслѣ людей, имѣющихъ нѣкоторое состояніе.

Люди бѣдные вовсе тягломъ не облагались: они или не несли никакихъ повинностей, или, вмѣсто тягла, платили разъ навсегда опредѣленный оброкъ. Крестьянинъ тверскаго уѣзда Григ. Яковл. Дубининъ, по описи 1580 года, такъ «охудалъ и отемнѣлъ», что вовсе былъ выключенъ изъ тягла и ему дана была льгота на 2 года. По нижегородской описи 1621 года въ Нижнемъ оказалось 140 дворовъ посадскихъ людей очень бѣдныхъ; они также въ тягло не были положены. Но «дворишко вдовы Просковьи Левонтьевой, жены Оконшикова», исключенный также по бѣдности изъ тягла, былъ обложенъ, вмѣсто тягла, единовременнымъ оброкомъ въ 10 алтынъ. Такихъ «дворишекъ» въ Нижнемъ было нѣсколько. Податное положеніе ихъ было гораздо легче положенія тяглыхъ дворовъ: вмѣсто разноименныхъ повинностей, тяжесть которыхъ представляла неопредѣленную величину и постоянно мѣнялась, они платили разъ навсегда опредѣленный оброкъ. Старый оброкъ уменьшали, если новая опись выясняла пониженіе благосостоянія. По описи Вотской пятины конца XV вѣка экономическое положеніе города Корелы оказалось понизившимся, а потому для облегченія платежа къ Корелѣ въ тотъ же оброкъ присоединили Сванскій Волочекъ, а самый оброкъ уменьшили на 3 руб. 13 грив. Сюда же относятся и предписанія на новыхъ поселенцевъ разводить всякія разметки слегка (А. Э. III № 37; 1614). Новые поселенцы еще не успѣли опериться, а потому и нуждаются въ нѣкоторомъ уменьшеніи тягла.

Теперь возникаетъ вопросъ, что же это за имущіе, состоятельные люди, которые несли тягло? По преобладанію земледѣльческаго хозяйства въ древней Руси это прежде всего люди, занимающіеся земледѣліемъ, это сельскіе хозяева. Вотъ почему всѣ древнѣйшія тяглыя единицы имѣютъ прямое отношеніе къ землѣ. Въ Новгородѣ это обжа, въ Москвѣ сохи, чети. Въ Новгородѣ обежную дань, намѣстничій кормъ и всякое тягло тянутъ съ обжи, въ Москвѣ съ сохи. Изслѣдованіе объ обжахъ, сохахъ, четяхъ, вытяхъ и другихъ единицахъ обложенія я отлагаю до V главы, теперь же указываю на положеніе въ обжи и сохи только какъ на необходимое условіе способности къ тяглу. Тягло тянутъ лица, земли которыхъ положены въ обжи или въ сохи.

Въ обжи и сохи кладутся, какъ мы уже знаемъ изъ предшествующаго, земли отдѣльныхъ хозяйствъ, отдѣльныхъ хозяевъ. Тягло, слѣдовательно, лежитъ на хозяинѣ, а не на живущихъ при немъ дѣтяхъ его, рабахъ или наемныхъ людяхъ. Тягло способенъ нести только хозяинъ двора. Въ договорной грамотѣ великаго князя Дмитрія Ивановича съ тверскимъ великимъ княземъ 1368 года читаемъ: «А на полныхъ холопахъ дани не взяти». Это условіе повторяется и сто лѣтъ позднѣе (1451) въ договорѣ великаго князя тверскаго съ великимъ княземъ московскимъ, Василіемъ Васильевичемъ. То же было и въ Новгородѣ. Въ новогородской грамотѣ 1437 г. на черный боръ читаемъ: «а кто будетъ одерноватый емлетъ мѣсячену, на томъ не взяти». «Одерноватый», это—продавшійся «одерень», т.-е. полный холопъ. Черный боръ съ него не берется, т.-е. онъ не тянетъ тягла, какъ и московскіе холопы.

Но что значитъ «беретъ мѣсячену»? Мѣсячена въ XV вѣкѣ значила то же, что и въ XIX-мъ. Это отсыпной господскій хлѣбъ, выдаваемый холопу, не имѣющему своего хозяйства. Холопы, которые, съ дозволенія господъ, вели свое особое хозяйство, надо думать, полагались въ тягло.

Въ 1599 году «государь царь и великій князь Борисъ Ѳеодоровичъ тѣхъ корелянъ, которые живутъ въ заонѣж-

скихъ погостахъ и государевы подати платятъ, не велѣлъ высылать въ Корелу, а велѣлъ выслать тѣхъ, которые живутъ въ захребетникахъ и подсусѣдникахъ» (А. Э. II № 13). Мы уже знаемъ, что захребетники и подсусѣдники не самостоятельные хозяева; въ приведенной грамотѣ они прямо противополагаются плательщикамъ податей. Какъ живущіе въ чужихъ хозяйствахъ, они не тянутъ своего тягла. Въ 1609 году велѣно было послать въ Пелымскій уѣздъ, въ Таборы, на пашню охочихъ людей. Ихъ велѣно было прибрать отъ отца—сына, отъ братьи братью, отъ дядь племянниковъ, кто похочетъ идти волею, а не съ тягла (А. Э. II № 133). Въ царской грамотѣ 1638 года читаемъ:

«А которые люди скажутъ, что они живали въ сотняхъ и въ черныхъ слободахъ у хозяевъ своихъ въ наймахъ урочные годы, а въ тяглѣ не бывали, а торговали всякими товары у хозяевъ своихъ»... (А. Э. III № 279).

Наконецъ, въ книгѣ сошнаго письма (1629 г.) читаемъ:

«А велѣно по государеву указу и боярскому приговору класть въ живущее (въ тягло) крестьянъ и бобылей, которые живутъ своими дворами» (Временникъ XVII, 40).

По этимъ свидѣтельствамъ старина держится еще и въ XVII вѣкѣ: кто живетъ въ наймахъ, а не собственнымъ хозяйствомъ, въ тяглѣ не состоитъ; тягло падаетъ только на хозяевъ. Также не хозяева дѣти при отцахъ, племянники при дядяхъ, младшіе братья при старшихъ. Хозяинъ одинъ, на немъ и лежитъ тягло. Вотъ почему старыя писцовыя книги перечисляютъ только хозяевъ, а не все населеніе поголовно.

Итакъ, повинности лежатъ на хозяевахъ. Что это за правило, какъ и откуда оно возникло? Трудно думать, чтобы его сочинили князья и чтобы оно возникло указнымъ путемъ. Князьямъ не было ни малѣйшей причины заботиться о томъ, чтобы повинности несли только хозяева. Для нихъ тѣмъ лучше, чѣмъ больше отвѣтственныхъ плательщиковъ. Это правило есть бытовое явленіе вѣчевой древности, оно

плодъ народнаго обычая. Если нужно тянуть государственное тягло, то кому же его тянуть, какъ не хозяевамъ? Общественный порядокъ нуженъ для имущихъ людей, для хозяевъ; они берутъ на себя его издержки. Ихъ дѣло устроить неимущихъ безхозяйственныхъ людей такъ, чтобы и они приносили пользу. И хозяева устроили ихъ въ качествѣ своихъ рабовъ, захребетниковъ, закладчиковъ, наймитовъ. Все это не указныя явленія, а явленія народной жизни. Эти порядки совершенно естественны и такъ просты, какъ самыя простыя явленія природы. Возрастающая власть князей нашла все это уже готовымъ. Въ договорахъ, грамотахъ и указахъ князей просвѣчиваетъ бытовая жизнь народа. Но настаетъ время, когда государство переростаетъ эту народную жизнь; тогда начинается указное творчество сверху въ однихъ областяхъ права раньше, въ другихъ позже. Разсматриваемая нами область народной жизни переходитъ въ указную весьма медленно и довольно поздно.

Такъ какъ тягло лежитъ на землѣ, составляющей хозяйство извѣстнаго человѣка, то отсюда понятно, что тягломъ облагаются только жилыя деревни, а не пустыя, почему-либо покинутыя своими прежними обитателями. По писцовымъ книгамъ сошнаго письма въ обжи и сохи, обложенныя тягломъ, кладутся только живущія деревни, живущія чети. Повинности государству идутъ съ живущихъ обежъ, живущихъ четей пашни. Писцы говорятъ и о пустыхъ сохахъ, но прибавляютъ: «платить съ живущаго» [1]).

Что же такое это живущее? Новогородскія писцовыя книги говорятъ о жилыхъ деревняхъ и живущихъ обжахъ, но въ особыя подробности о томъ, что именно надо разумѣть подъ живущимъ, не входятъ. Съ точки зрѣнія этихъ книгъ, по-

[1]) Доказательства сказаннаго легко найти и въ писцовыхъ книгахъ, и въ другихъ памятникахъ. Только для примѣра укажемъ нѣсколько страницъ и №№. Новог. писц. кн. I ст. 46, 765; III 645; IV 130 сл., 539, 549; писцов. кн. XVI в. I сл. 503, 877; II 292, 832. 853, 1099, 1365, 1393; А. Ю. № 209, IV; А. Э. I № 350; III № 139, 268; IV № 251; съ 1495 по 1682 годъ.

нятіе живущаго очень простое. Живущее—есть населенная деревня, ей противополагается деревня не населенная, пустая. Такая ненаселенная деревня въ обжи не кладется. Она описывается въ прошедшемъ времени, напримѣръ: «А деревень пустыхъ: деревня Дмитрова—пуста, описана была обжею» и т. д. Пустыя деревни въ тягло не идутъ, но они могутъ быть даны желающимъ на льготу, года на три, по истеченіи которой поступаютъ уже въ тягло, какъ живущія [1]).

Московскія писцовыя книги входятъ въ бóльшія подробности по этому вопросу и значительно суживаютъ понятіе живущаго. Въ живущее онѣ кладутъ не всю засѣвную землю, входящую въ составъ жилаго хозяйства, а только трехъ-польную пашню у жилаго двора. Перелогъ, дикое поле, пашня наѣзжая, лѣсъ и покосъ не входятъ въ составъ живущаго. Для опредѣленія податной тягости берется въ разсчетъ только количество пашенной земли въ постоянномъ трехъ-польномъ хозяйствѣ; этой землѣ и усвояется названіе «пашни паханой».

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ описи дворцовыхъ крестьянъ Тверскаго уѣзда читаемъ:

«Деревня Вавулина: 3 двора, пашни худой въ полѣ 2 дес., а перелогу пашни 4 дес. въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 коп., лѣсу кустарю десятина; живущаго четверть выти, а въ пустѣ полъ выти».

«Деревня Волково: 5 дворовъ, пашни худой земли въ полѣ 4 дес., да перелогу 8 дес. въ полѣ, въ дву потомужъ, сѣна 40 коп., лѣсу нѣтъ, а въ лѣсу мѣсто дано имъ пашенные земли перелогу полъ десятины; живущаго полъ выти, а въ пустѣ выть» (Калачовъ, II вып. 293).

---

[1]) Новог. пис. кн. I 46, 62, 261, 650, 765; II 502, 756, 823; Врем. XII 137. Такихъ данныхъ много; приводимъ изъ нихъ нѣкоторыя только потому, что г. Дьяконовъ «полагаетъ», что платежъ съ живущей пашни, какъ общее правило, появился только со второй половины XVI вѣка. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1890 г. VII 222.

Въ данной мѣстности на выть худой земли давалось 8 дес. Изъ приведенной описи видно, что въ живущее положено въ первомъ случаѣ 2 дес. а во второмъ 4, пашня же перелогомъ, покосы, лѣсъ и пашня въ лѣсу въ живущее не положены.

Тоже при описи помѣстныхъ земель. У Мих. Тим. Петрова въ Рязанскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Ларино:

«Пашни. паханые четверть, да наѣзжіе пашни 45 чет., да перелогомъ 20 ч., да лѣсомъ поросло 30 ч. И всего пашни паханые, и наѣзжіе, и перелогомъ, и лѣсомъ поросло середніе земли 93 чети, сѣна 200 коп. Да къ той же деревнѣ озерко до лѣсъ и всякое угодье. Сошнаго письма въ живущемъ и въ пустѣ пол-пол-чети сохи и пол-пол-полчети. А платити ему съ живущаго съ четверика пашни» (Писц. кн. Рязан. края, вып. 2-й, 494).

Здѣсь также въ живущее положена только одна четверть пашни паханой, 90 же 2 четверти—наѣзда, перелога, лѣса, покосовъ—отнесены къ пустому, повинностямъ не подлежащему.

Тоже въ Московскомъ уѣздѣ:

«Григорьевское помѣстье Волыново: пустошь Шемирево и иные пустоши, пашни во всѣхъ пустошахъ перелогомъ 100 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ доброй земли, сѣна 100 коп., лѣсу пашеннаго 3 дес., а сошнаго письма въ пустѣ полчети сохи.

Юрьевское помѣстье Афанасьева сына Дмитріева, пустошь Сычева, пашни перелогомъ 100 четей въ полѣ, а въ дву потому жъ доброй земли, сѣна 60 коп., лѣсу пашеннаго 4 дес.; а сошнаго письма въ пустѣ полчетверти сохи». (Калачовъ I 16).

Въ обоихъ случаяхъ «пашни паханой» нѣтъ, а только переложная и въ лѣсу, а потому въ обоихъ помѣстьяхъ, съ 50-ю десятинъ запашки въ полѣ въ каждомъ, не оказалось ни одной чети земли въ живущемъ.

Тоже въ Орловскомъ уѣздѣ. У Жд. Ив. Демина на рѣкѣ на Окѣ въ деревнѣ Деменинѣ и въ займищѣ Мезинѣ всего было:

«Пашни паханой доброй земли одна четь да перелогу 2 чети да дикаго поля 20 четьи, а всего 23 ч. въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 80 коп. А сошнаго письма въ живущемъ и въ пустѣ пол-пол-пол-чети сохи. А платить ему государевы всякія подати съ живущаго съ четвертные пашни съ одной чети» (Калачовъ, II 853).

Изъ 23 четей запашки въ полѣ, въ живущемъ только одна четь «пашни паханой», которая и подлежитъ налогу.

Это все описи XVI вѣка. Но тоже въ XVII-мъ. У вдовы Ф. С. Кикиной въ Рязанскомъ уѣздѣ было село Мотырь, а въ немъ:

«Пашни паханые добрые земли 15 чети, да наѣзжей пашни 25 чети, да перелогомъ 120 чети, да лѣсомъ поросло 62 чети полѣ, а въ дву потому жъ, а всего пашни паханые и наѣздомъ и перелогомъ и лѣсомъ поросло добрые земли 222 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ. Въ живущемъ четвертные пашни 15 чети, а въ пустѣ сошнаго письма четь сохи» (Времен. XIII 75).

Въ живущемъ только «пашня паханая», наѣздъ, перелогъ и все остальное въ пустѣ. Такія свидѣтельства можно встрѣтить чуть не на каждой страницѣ писцовыхъ книгъ.

Въ концѣ XVI вѣка различіе пашни въ полѣ отъ пашни въ перелогѣ встрѣчается и въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ. Паханая пашня въ полѣ считается въ живущемъ, а въ перелогѣ—въ пустѣ [1]).

Такое противоположеніе пашни въ полѣ пашнѣ въ перелогѣ и въ лѣсу трудно считать исконнымъ. Первоначальная пашня была вся переложная; если бы она не шла въ тягло, тогда ни одного землевладѣльца нельзя было бы и повинностями обложить. Это, конечно, нововведеніе позднѣйшаго времени, нововведеніе Москвы. Надо думать, что такое ограничительное понятіе живущаго возникло въ видахъ поощренія хлѣбопашества на новыхъ мѣстахъ. Хлѣбопашество въ деревнѣ, около двора есть,

[1]) Неволинъ. О пятинахъ. Приложеніе, стр. 70.

конечно, явленіе первоначальное; хлѣбопашество въ лѣсу, въ дикомъ полѣ — явленіе вторичное; чтобы поощрить такое распространеніе хлѣбопашества на новыя мѣста, оно и не клалось въ тягло. Но существо дѣла этимъ нисколько не измѣняется: облагается только живущее, т.-е. воздѣлываемое, хотя и не все, а только паханая пашня въ трехпольномъ постоянномъ хозяйствѣ, а не въ переложномъ, не въ лѣсу, не въ дикомъ полѣ; облагается повинностью «паханая пашня», а не сѣнокосъ. Но вмѣстѣ съ появленіемъ такого ограничительнаго пониманія самый терминъ «жилое» или «живущее» пересталъ выражать дѣйствительное положеніе дѣла. По старымъ новогородскимъ книгамъ это—жилая деревня, а гдѣ люди пашутъ, въ лѣсу или въ полѣ, переложно или на постоянныхъ мѣстахъ, это было безразлично. По позднѣйшимъ описямъ — живущее только у деревни, а въ дѣйствительности вѣдь и перелогъ живущее, и сѣнокосъ живущее, и пашня въ лѣсу живущее. Терминъ оказался уже дѣйствительнаго своего смысла. Онъ переживаніе, остатокъ старины. Выраженіе «пусто», примѣняемое къ пашнѣ перелогомъ, къ пашнѣ въ лѣсу, къ сѣнокосу, тоже не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Это не пустыя мѣста, а воздѣлываемыя, слѣдовательно жилыя. Это тоже переживаніе [1]).

---

[1]) Счетъ «живущаго» въ указанномъ московскомъ смыслѣ встрѣчается въ очень многихъ уѣздахъ по напечатаннымъ описямъ—въ Московскомъ, Владимірскомъ, Тверскомъ, Тульскомъ, Вяземскомъ, Орловскомъ, Рязанскомъ и др. Но въ Москвѣ все было такъ разнообразно, что мы не рѣшаемся утверждать, что это былъ единственный порядокъ, не допускавшій исключеній. Отъ XVI вѣка къ намъ дошло нѣсколько документовъ, изъ которыхъ видно, что по просьбѣ землевладѣльцевъ освободить ихъ отъ платежа повинностей съ земель, опустѣвшихъ вслѣдствіе мороваго повѣтрія, освобождались переложныя пашни. Стало быть, онѣ были обложены. Дьяконовъ, Акты тяглаго населенія II 21, 24—25; 1574—5. Отъ того же времени имѣемъ указъ царя и великаго князя Ивана Васильевича новогородскимъ дьякамъ, въ которомъ предписывается, описывая живущія и пустыя обжи, писать въ живущее всѣ земли, которыя распаханы, при чемъ не дѣлается

По московскимъ писцовымъ книгамъ извѣстна пустота и въ старомъ новогородскомъ смыслѣ. Въ нихъ встрѣчаются цѣлыя вотчины въ пустѣ, т.-е. безъ населенія. Деревни, изъ которыхъ ушли крестьяне, называются пустошами. Кромѣ такихъ оставленныхъ населеніемъ земель, въ рукахъ московскихъ государей состоитъ множество «порожнихъ земель», которыя никогда не были населены. Правительству не легко было извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу. Служилые люди отказывались отъ нихъ «за пустомъ» [1]).

Итакъ, только земли распахиваемыя были обложены тягломъ, и то не всѣ. Спрашивается, какое же употребленіе

ни какого различія «паханой пашни» и перелога или пашни въ лѣсу. Д. къ А. И. I № 94; 1556.

Можно думать, что отнесеніе той или другой пашни въ живущее и въ пусто зависѣло всякій разъ отъ особаго наказа писцамъ. Въ выписи изъ новогородской описи Сумерской волости читаемъ:

«А по государевѣ царевѣ и великаго князя Михаила Өедоровича всея Россіи грамотѣ, за приписью дьяка Андрея Шипова 132-го году (1624), велѣно наѣзжія пашни... положити въ живущія выти... или тѣ выти на оброкъ особно отдать..., какъ бы государевой казнѣ было прибыльнѣе, а крестьянамъ не въ тягость» (Неволинъ, Приложеніе 129, 1627).

По старымъ новогородскимъ писцовымъ книгамъ и пашня наѣздомъ клалась въ обжи и, слѣдовательно, въ тягло (I 536), а по московскимъ описямъ (Калачовъ I 68) и, какъ можно заключить изъ приведенной выписки, до 1624 года наѣздъ въ тягло не шолъ; съ этого же года его можно было написать въ тягло, можно было и не писать, обложивъ особымъ оброкомъ. Что такое наѣздъ, сказано въ третьей главѣ на 127 стр. въ примѣчаніи. Московскіе порядки были весьма разнообразны.

Въ царской грамотѣ въ Великій Устюгъ отъ 1637 года къ воеводѣ и подьячему написано: «И нынѣ де вы правите съ нихъ четвертныхъ денегъ съ засѣвные чети по 40 алт., а не съ живущіе, и имъ де въ тѣхъ деньгахъ окупится не чѣмъ». Здѣсь засѣвныя чети противополагаются живущимъ, и этимъ объясняется тягость обложенія. Здѣсь живущія чети—не всѣ засѣвныя, а нѣкоторыя только, т.-е. слово это принимается въ томъ же ограничительномъ смыслѣ, какъ и во многихъ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка. Рус. Ист. Библ. XII, ст. 201.

[1]) Писц. кн. XVI в. I 557, 607, 833; II 223; А. до Ю. Б. № 135.

дѣлали изъ пустыхъ деревень и земель? Правительство извлекало изъ нихъ пользу разными путями. Онѣ, во-1-хъ, отдавались желающимъ, но не въ тягло, а на льготу на нѣсколько лѣтъ, на 2, на 3, на 7, съ тѣмъ, чтобы, по истеченіи льготнаго времени, лица, взявшія земли, несли съ нихъ тягло [1]). Во-2-хъ, мы уже знаемъ, что конфискованныя въ Новгородѣ частныя волости вел. князь Иванъ Васильевичъ предоставлялъ въ прекарное владѣніе крестьянъ. Въ этихъ волостяхъ тоже бывали пустыя деревни. Эти пустыя деревни оставлялись за тѣми же крестьянами въ то же тягло съ предоставленіемъ имъ права раздавать ихъ новымъ поселенцамъ и тѣмъ облегчать бремя своихъ повинностей. Въ описи Шелонской пятины читаемъ:

«Въ той же волосткѣ (Григорьевской Тучина) пустыя деревни»; идетъ перечисленіе 8 деревень съ показаніемъ, сколько въ нихъ прежде было обежъ. »А не пашетъ, не коситъ тѣхъ деревень никто. — И въ тѣхъ деревняхъ пустыхъ садятъ крестьяне людей себѣ въ тягль въ тотъ же оброкъ».

Совершенно такой же порядокъ наблюдается и сто лѣтъ позднѣе. Въ описи дворцовыхъ крестьянъ села Марьина Тверскаго уѣзда читаемъ:

«А на пустыя выти крестьяномъ называти жильцовъ на льготу, отъ отцовъ дѣтей, отъ дядья племянниковъ, а давати льготы года на 2, и на 3, и на 4, посмотря по пустымъ дворомъ и по пашнѣ; а кто будетъ на пустое мѣсто безъ хоромъ и на переложную землю порядитца, и тѣмъ людемъ давати льготы на 5 и на 6 лѣтъ».

Это уже правительственныя распоряженія, созидающія сельскую земельную общину, на что мы имѣли случай указать раньше. Правительственныя распоряженія имѣютъ въ виду наилучшее обезпеченіе казеннаго интереса. Въ концѣ XV вѣка пустыя земли предоставляются крестьянамъ въ

[1]) Новог. пис. кн. I 765; III 645, 800; IV 4, 539; Писц. кн. XVI вѣка II 1551, 1571.

тотъ же оброкъ безрочно; въ концѣ XVI-го та же льгота дается уже только на срокъ, а какъ льгота отойдетъ:

«Тѣмъ крестьяномъ денежной оброкъ и посопный хлѣбъ и мелкій доходъ платити съ своею братіею ровно» [1]).

Московская практика была чрезвычайно разнообразна. Случалось, въ 3-хъ, и такъ: пустыя земли сдавались желающимъ на оброкъ безъ всякаго обязательства тягломъ даже и въ будущемъ (Писц. кн. XVI вѣка, I стол. 437). Итакъ, сельское хозяйство есть одно изъ условій способности къ тяглу; но однѣ земли обложены тягломъ, другія (пустыя) совершенно отъ него свободны и оплачивались оброкомъ, опредѣлявшимся по свободному соглашенію съемщика земли съ правительствомъ; наконецъ, были и такія земли, которыя не несли никакихъ повинностей и состояли во льготѣ, но это всегда временно.

Если пустыя земли тягломъ не облагались, то спрашивается, въ какомъ отношеніи къ тяглу находились земли, опустѣвшія послѣ описи; надо было тянуть съ нихъ тягло или нѣтъ? Вопросъ этотъ разрѣшался различно для земель частновладѣльческихъ и для прекарнаго владѣнія крестьянъ царя и вел. князя, которое, какъ мы уже знаемъ, возникло на земляхъ частью конфискованныхъ московскими государями у частныхъ владѣльцевъ, а частью пріобрѣтенныхъ другими способами.

Частные собственники и владѣльцы, земли которыхъ пустѣли за смертью или уходомъ крестьянъ, обыкновенно, обращались съ просьбой объ освобожденіи ихъ отъ платежа «съ пуста». Правительство назначало «обыскъ», въ которомъ принимали участіе и мѣстные «добрые люди», и если прошеніе подтверждалось, пустыя земли выключались изъ тягла, которое надо было брать только съ живущаго [2]).

---

[1]) Новогор. пис. кн., IV 132; Писц. кн. XVI вѣка, II 294.

[2]) Допол. къ А. И., I № 94, 225; Дьяконовъ. Акты тягл. населенія, II №№ 18, 20, 26; Русск. Ист. Библ., II № 37; 1556—1581.

Но эта практика допускала исключенія, когда обстоятельства времени того требовали. Въ 1633 году съ вотчинъ Калязина монастыря приказано было взять даточныхъ людей съ живущаго и съ пуста (А. Э. III № 225). Та же участь постигла въ 1655 г. Троицкій Гледенскій монастырь. Ему велѣно было платить и за пустоту также, «какъ съ черныхъ волостей и деревень учнутъ деньги за пустоту съ живущихъ деревень собирать» (Рус. Ист. Библ., XII стр. 261, № 59).

Иной порядокъ наблюдался въ земляхъ прекарнаго владѣнія государевыхъ крестьянъ и посадскихъ людей. Мы уже знаемъ, что въ ихъ пользованіе предоставлялись лишнія противъ тягла пустыя деревни и выти въ тотъ же оброкъ, въ то же тягло. Оборотную сторону этой льготы составляло то, что вновь оказавшаяся пустота не уменьшала ихъ тягла. Государевы крестьяне и посадскіе платили тягло и за возникшую пустоту всей волостью, всѣмъ городомъ. Таково первое возникновеніе у насъ круговой отвѣтственности крестьянъ и посадскихъ. Это—правительственное мѣропріятіе, какъ и предоставленіе крестьянамъ пустыхъ земель, можетъ быть, никому не нужныхъ. Первая круговая отвѣтственность установляется не для покрытія недоимокъ неплательщиковъ. Такой поруки нѣтъ. Всякій платитъ за себя; цѣлая волость или городъ платитъ только за пустыя деревни [1]).

Есть указаніе въ писцовыхъ книгахъ XVII вѣка, что пустыя выти облагались, иногда, не полнымъ тягломъ, а особымъ разъ навсегда опредѣленнымъ платежемъ. Въ выпискѣ изъ новогородскихъ писцовыхъ книгъ Сумерской волости написано:

«И съ тѣхъ пустыхъ вытей платить крестьяномъ, по прежнему своему уговору, съ выти по осминѣ ржи и овса» (Неволинъ, Приложеніе 129, 1622).

---

[1]) Неволинъ. О пятинахъ, Приложеніе, 127, 129, 141, 174; А. И., I 211; А. Э. III 37; 1528—1627.

Любопытно, правительство нашло нужнымъ войти съ крестьянами въ особое соглашеніе о платежѣ съ пустыхъ вытей.

Итакъ, появившаяся послѣ описи пустота въ живущихъ земляхъ не освобождала отъ тягла, но тягло могло быть снято въ случаѣ просьбы и обыска. Для земель же государевыхъ крестьянъ было въ употребленіи покрытіе недоимки разложеніемъ ея на все населеніе волости или города, иногда, съ уменьшеніемъ платежа.

Сельское хозяйство (живущее), слѣдовательно, а не просто землевладѣніе, есть одно изъ условій тягла. Но вѣдь сельское хозяйство отдѣльныхъ лицъ представляетъ чрезвычайно разнообразную экономическую единицу. И двѣ капли воды не совершенно похожи одна на другую, тѣмъ болѣе разныя сельскія хозяйства. Одно больше, другое меньше; одно имѣетъ угодья: рыбныя ловли, бортные ухожьи, бобровые гоны и т. д., другое никакихъ; одно обставлено хорошимъ хозяйственнымъ инвентаремъ, другое—очень недостаточнымъ; одно ведется съ умѣньемъ, другое находится въ рукахъ безтолковыхъ людей, которые едва кормятся отъ земли. Какъ же опредѣлялась платежная способность разныхъ хозяйствъ? Она опредѣлялась не количествомъ распахиваемой земли (живущаго), а экономическимъ состояніемъ всего хозяйства. Наши памятники съ самаго начала XV вѣка и по конецъ XVII-го даютъ на это совершенно ясныя и опредѣленныя указанія. Одни изъ нихъ выражаются очень коротко, другіе гораздо подробнѣе и хорошо дополняютъ первые; въ цѣломъ получается полная и чрезвычайно выразительная картина.

Въ 1410 году нижегородскій князь пожаловалъ игумена Благовѣщенскаго монастыря съ братіею, освободилъ ихъ отъ всякихъ пошлинъ за исключеніемъ дани:

«А когда придетъ дань (татарская) игуменъ заплатитъ за своихъ... сельскихъ людей по силѣ» (А. Э. I № 17).

Выраженіе очень краткое, но, полагаемъ, достаточно

ясное. Какая это сила? Конечно, хозяйственная. Совершенно такое же выраженіе, находимъ въ завѣщаніи вел. князя московскаго, Василія Дмитріевича:

«А тѣ волости и села, говоритъ онъ, что я далъ моей княгинѣ, сынъ мой да моя княгиня, пославъ писцовъ, опишутъ и положатъ на нихъ дань по людемъ, по силѣ», т.-е. по хозяйственной силѣ людей.

Та же мысль и въ завѣщаніи сына Василія Дмитріевича, Василія Темнаго:

«А какъ почнутъ дѣти мои, говоритъ онъ, жити по своимъ удѣломъ... и пошлютъ писцовъ и удѣлы свои опишутъ по крестному цѣлованію да по тому письму и обложатъ по сохамъ и по людямъ»..., т.-е. опишутъ въ каждой сохѣ людей по ихъ силѣ.

Въ жалованныхъ грамотахъ XV вѣка, которыми льготы даются на срокъ, встрѣчаемъ то же выраженіе:

«А какъ отсидятъ тѣ люди свои урочныя лѣта, и они потянутъ въ мою дань по силѣ» [1]).

Отъ конца XV вѣка къ намъ дошли первыя писцовыя книги. Въ нихъ читаемъ:

«А вел. князя оброкъ въ той волости всѣхъ боярщинъ крестьяномъ, денги и хлѣбъ, рызметывать межъ собя по пашнѣ».

«Что это значитъ «по пашнѣ»? Незнакомый съ древностями подумаетъ — по размѣрамъ пахотной земли и ошибется. «По пашнѣ» не по размѣрамъ земли, а смотря по ея достоинствамъ, урожайности и доходности. Въ Новгородѣ слово обжа употреблялось въ двоякомъ смыслѣ, въ смыслѣ мѣры земли и мѣры ея доходности. Одно и то же количество земли по мѣрѣ — по доходности могло быть обложено разно, и въ 2, и въ 3, и въ 4 обжи. Въ описи Деревской пятины читаемъ:

---

[1]) А. Э. I № 18, 39 и много другихъ.

«Въ Демонѣ вел. князя пустошь Шарино, Андреевская Аникеева, писана была четырмя обжами и съ того запустѣла. И нынѣ дана на льготу на 3 года Ивашкѣ Фурсову. А отсидѣвъ урокъ, тянуть ему съ дву обежъ».

Первоначально пашня была обложена слишкомъ высоко; ее пришлось обложить вдвое легче; а количество земли осталось то же. Вотъ что значитъ обложить по пашнѣ [1]). Такой порядокъ тягла не по мѣрѣ земли, а по мѣрѣ ея доходности, конечно, возникъ не въ XV вѣкѣ, а есть порожденіе глубокой старины. Переходъ къ болѣе опредѣленной единицѣ,—къ точной мѣрѣ земли, а потомъ къ душѣ ревизской, есть явленіе, сравнительно, позднѣйшаго времени.

Памятники XVI вѣка гораздо полнѣе выражаютъ ту же мысль. Они говорятъ о распредѣленіи повинностей между тяглыми людьми «по ихъ животамъ и промысламъ», т.-е., по состоянію ихъ хозяйственной обстановки и прибыльности ихъ хозяйственной дѣятельности вообще. Въ уставной грамотѣ крестьянамъ Устюжскаго уѣзда, Усецкихъ и Засецкихъ волостей, читаемъ:

«А собирати имъ тотъ годовой оброкъ... съ волостей по животамъ и промысламъ, какъ иныя тягли межъ себя разводятъ».

Особенно любопытны выраженія грамоты удѣльнаго князя Владиміра Андреевича крестьянамъ бобровничей полусохи:

«А сбирати имъ тотъ оброкъ межъ себя самимъ по пашнямъ, и по животамъ, и по статкамъ, и по промысламъ».

Этимъ обнимается вся экономическая сторона хозяйства даже въ его источникахъ. И крестьянское хозяйство имѣетъ свою исторію, крестьяне тоже наслѣдуютъ своимъ отцамъ и дѣдамъ; ихъ платежная способность опредѣляется не ихъ личными только силами, не ихъ трудомъ, но совокупностью

[1]) Новогор. писц. кн.. II 502; III 291.

всего накопленнаго и ихъ предками состоянія. Но въ XVI вѣкъ перешли и выраженія предшествующаго времени. Каменскаго стана крестьянамъ бобровыхъ деревень предписано кормъ ловчему давать:

«По пашнѣ: которая деревня больше пашнею и угодьемъ и на ту больше корму и поборовъ» [1]).

Къ пашнѣ отнесены и угодья.

Та же точка зрѣнія держится и въ теченіе всего XVII вѣка. Крестьянамъ Сумерской волости предписывается верстаться по пашнямъ и по угодьямъ, а крестьянамъ Устьянскихъ волостей—по животамъ и по промысламъ, какъ иныя тягла межъ себя разводятъ. Особенно любопытны грамоты конца вѣка о сборѣ стрѣлецкихъ денегъ. Крестьянамъ Кольскаго уѣзда велѣно окладъ стрѣлецкихъ денегъ положить:

«На дворы, смотря по тяглу и промысламъ, и собирать такъ, чтобы богатые полные люди передъ бѣдными во льготѣ, а бѣдные передъ богатыми въ тягости не были».

Крестьянамъ поморскихъ уѣздовъ предписывается чинить разверстку «по землямъ и угодьямъ», какъ и въ XVI вѣкѣ [2]).

Если землевладѣльцы облагались не по размѣрамъ землевладѣнія, а по хозяйственной своей способности къ тяглу, то было совершенно послѣдовательно признать способными къ тяглу и всѣхъ другихъ хозяйственныхъ людей, которые сельскимъ хозяйствомъ не занимались, а обезпечивали себя какими-либо иными путями, напримѣръ, рыболовствомъ, разными рукодѣліями, торговлей и пр. И всѣ они считались способными къ тяглу и платили повинности. Древнѣйшія новогородскія писцовыя книги уже описываютъ такихъ промышленныхъ людей. Они разсыпаны по всей новогородской

---

[1]) А. Э. I №№ 150, 242, 243, 257.

[2]) Неволинъ, Прилож. 131; А. Э. III №№ 126, 243, 250; 1627—1681.

землѣ: это безпашенные люди, такъ называемые поземщики, позднѣе въ Москвѣ бобыли [1]). Сюда же относятся и жители городовъ и посадовъ, посадскіе люди, не занимающіеся земледѣліемъ, а живущіе торговлей и промыслами. Они облагаются тягломъ тоже по мѣрѣ животовъ своихъ и промысловъ. Въ городѣ Веневѣ на посадѣ жили торговые люди, лавки ихъ были обложены оброкомъ, а они должны были «верстатися въ тотъ оброкъ межъ себя по товару и промысламъ»; жители города Николы Зараскаго должны были верстаться во всякихъ государевыхъ податяхъ «по животамъ и промысламъ». Кто читалъ писцовыя книги, тотъ знаетъ, что такихъ свидѣтельствъ можно привести много. Ограничимся немногимъ. Въ 1614 году великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ велѣлъ переписать на свое имя жалованную уставную грамоту, данную Устюжнѣ-Желѣзопольской еще царемъ Иваномъ. По этой грамотѣ, заходящей въ два столѣтія, посадскіе желѣзопольскіе должны были разводить всякія повинности «по животамъ, и по промысламъ, и по позему». Поземъ — это наемная плата за землю подъ дворъ. Въ Устюжнѣ были посадскіе, которые жили на наемныхъ мѣстахъ. Ихъ надо было облагать, справляясь и съ тою платою, которую они платили за наемъ земли. А далѣе сдѣлано еще поясненіе:

«А у которыхъ у молодчихъ у посадскихъ не будетъ своей собины (т.-е. своей земли), а живутъ своими дворы (т.-е. своимъ хозяйствомъ на чужой землѣ), и на тѣхъ людей разводить всякіе разметы, смотря по ихъ дворамъ и кто чего стоитъ».

Итакъ, одной наемной платы мало для опредѣленія способности къ тяглу, надо еще посмотрѣть, кто чего стоитъ. Это выраженіе переноситъ насъ въ XV вѣкъ, къ приведеннымъ выше завѣщаніямъ московскихъ великихъ князей. Они завѣщали облагать повинностями по людямъ смотря, т.-е. тоже, кто чего стоитъ. Характерная непрерывность

---

[1]) Мы говорили о нихъ въ третьей главѣ стр. 132.

старины! Пятнадцатый и семнадцатый вѣкъ думаютъ совершенно одинаково. Эта старина доживаетъ до конца XVII вѣка. Въ упомянутыхъ выше грамотахъ о сборѣ стрѣлецкихъ денегъ находимъ такія предписанія посадскимъ людямъ.

«И чтобъ тѣхъ городовъ посадскіе люди... чинили межъ себя оклады, смотря по пожиткамъ и по промысламъ..., чтобъ лучшіе и полные люди передъ середнею и меншею статьею людми во лготѣ, а середней и меншей статей люди передъ лучшими и полными людми въ тягости, и ни ктобъ въ избылыхъ не былъ, и чтобы возможно было заплатить всякому человѣку свою долю безъ доимки» [1]).

Какъ земли только живущія несутъ тягло, такъ и дворы только живущіе. Въ описи Корелы конца XV в. пустые дворы въ тягло не положены. Съ Вычегодскіе Соли съ посаду оброкъ велѣно брать только съ живущихъ дворовъ. То же и въ XVII вѣкѣ. По государеву указу въ Нижнемъ посадскихъ людей велѣно положить въ сошное письмо въ живущее [2]).

Итакъ, способны къ тяглу всѣ домохозяева, имѣющіе какое-либо приносящее прибыль занятіе: это будутъ земледѣльцы, торговцы и всякіе промышленники. Нашей древности еще чужда мысль, что обложенію подлежитъ только чистый доходъ; но что облагаются не души людскія, а состоянія, это всѣмъ извѣстно и составляетъ повсемѣстную практику. Совершенно ясное и полное выраженіе эта мысль получила въ документѣ, дошедшемъ до насъ отъ первой половины XV вѣка. Великому князю московскому пришлось платить татарскую дань (около 1437 г.). Въ этой дани должны были принять участіе и новгородскія волости, поэтому оказалось нужнымъ выяснить, кто подлежитъ тамъ дани. Единицей обложенія въ Новгородѣ была соха; на

---

[1]) Писц. кн. XVI в. II 1541; А. Э. I № 234; III № 37; IV № 243, 250; А. Ю. № 229. Съ 1552 по 1681 г.

[2]) Временникъ XII 6; А. Э. I № 221 и 343; Писцов. кн. XVI в. I 630; Рус. Ист. Библ. XVII 192.

кого же падаетъ сошная дань, кто и что составляетъ соху, какъ платежную единицу?

«А въ соху, говоритъ составленная по этому поводу грамота, два коня да третья припряжь, да тшанъ кожевничій за соху, неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пѣшцы за соху, лодья за двѣ сохи, црѣнъ за двѣ сохи».

Что это за перечисленіе? Новогородцы говорятъ о вещахъ имъ хорошо извѣстныхъ, а потому выражаются очень коротко; но намъ ихъ хозяйственный бытъ мало извѣстенъ, а потому въ ихъ грамотѣ для насъ есть и непонятное. Что это за чаны, невода, лавки, плуги, црѣны? Думаемъ, что это метафорическія выраженія, которыми обозначаются цѣлыя хозяйства или промыслы отдѣльныхъ лицъ. Это кожевенное хозяйство, рыболовное, торговое, соляное. Каждый такой хозяинъ и составляетъ то одну, то двѣ платежныхъ единицы. Это все люди состоятельные. Впереди всѣхъ поставлены два коня и третій—припряжь. Человѣкъ, обладающій тремя конями, — конечно, богатый человѣкъ, чѣмъ бы онъ ни занимался; онъ составляетъ цѣлую платежную единицу, какъ и тотъ, кто имѣетъ свою собственную лавку, рыбный или кузнечный промыселъ, кожевенное производство. Это все ясно.—Но торговый человѣкъ можетъ имѣть двѣ лавки и еще коня, и двухъ, и даже трехъ; какъ онъ облагался? Можно думать, что онъ облагался и по лавкѣ и и по конямъ; а человѣкъ, ведущій торговлю въ двухъ лавкахъ, и кузнецъ, кующій въ двухъ кузницахъ, облагались по обѣимъ лавкамъ и по обѣимъ кузницамъ, если обѣ лавки и обѣ кузницы были въ дѣлѣ, т.-е. въ живущемъ, а не въ пустѣ. А что такое плугъ? Этого грамота не опредѣляетъ [1]).

---

[1]) Въ новѣйшихъ спискахъ Русской Правды есть такая статья: «А въ селѣ сѣяной ржи на два плуга 16 кадей ржи ростовскихъ». Карамз. 58. По этой статьѣ плугъ есть пространство земли, на которое высѣвается 8 ростовскихъ кадей. Если считать кадь равною двумъ новогородскимъ коробьямъ, а коробью равною двумъ четвертямъ, то плугъ будетъ равняться 32 четвертямъ сѣва или 32 четямъ земельной мѣры,

Что такое третья припряжь? Это тоже неясно. Нѣтъ ли тутъ указанія на старинный способъ передвиженія по натуральнымъ дорогамъ? Два коня везутъ, а третій берется въ запасъ; онъ припрегается, когда окажется нужнымъ. Что такое четыре пѣшца? Объ нихъ мы скажемъ ниже.—Все неясное, однако, нисколько не подрываетъ общаго вывода: тягло несутъ состоятельные хозяева; грамота даетъ внѣшніе признаки этой состоятельности: три коня, лавка, лодка и пр.

Уловить признаки состоятельности отдѣльныхъ хозяйствъ и способности ихъ къ несенію государственныхъ повинностей и для нашего времени дѣло чрезвычайно трудное; несмотря на всю помощь, какую можетъ оказать наука практикѣ, современныя законодательства на всякомъ почти шагу дѣлаютъ гибельныя ошибки. Какъ же рѣшала этотъ роковой вопросъ древность? Въ разное время очень различно.

Въ 1478 году, когда великій князь Иванъ Васильевичъ заключалъ свой послѣдній договоръ съ новогородцами, новогородцы предложили ему платить дань съ сохи по полугривнѣ и 7 денегъ. Великій князь велѣлъ у нихъ спросить: что такое ихъ сохи? И они сказали:

«Три обжи соха, а обжа—одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ, а кто на трехъ лошадяхъ и самъ третей оретъ, ино то соха».

Это опредѣленіе на первый взглядъ не совпадаетъ съ вышеприведеннымъ опредѣленіемъ 1437 года. Оно касается только сельскихъ сохъ и о плугѣ не говоритъ ни слова. Не слѣдуетъ-ли отсюда заключить, что и въ Новгородѣ сельская, по крайней мѣрѣ, единица обложенія въ предѣлахъ одного и того же XV вѣка опредѣлялась разно?

Но что же это такое: «обжа — одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ»? Встрѣчающіяся въ нашей литературѣ остро-

---

т.-е. 16 десятинамъ въ полѣ, а въ трехъ—48-и; соха же будетъ равняться 16 четямъ. Эта величина новогородской сохи не сходится съ той, которая была опредѣлена для нея въ концѣ XVI вѣка. Она почти вдвое менѣе этой послѣдней.

умныя и весьма тонкія толкованія этого мѣста лѣтописи очень затемнили его смыслъ. Говорятъ, «это единица труда одного коннаго рабочаго». Какая же единица? Вѣдь одинъ конный рабочій можетъ сработать и много и мало, смотря по тому, какъ долго будетъ работать. Если мы говоримъ о единицѣ работы въ какомъ-либо трудѣ, то должны опредѣлить время работы, иначе это будетъ не «единица», а «множица» труда, которою ничего нельзя измѣрить. Несмотря на эту полную непригодность единицы неопредѣленнаго труда для измѣренія сохи, ей очень посчастливилось въ нашей литературѣ. Другіе ученые, вполнѣ присоединяясь къ этому понятію трудовой сохи, нѣсколько дополняютъ его и говорятъ: «Новогородская обжа, выраженная въ единицахъ труда, равнялась участку, обрабатываемому однимъ человѣкомъ на одной лошади». Такъ какъ моментъ времени въ соображеніе опять не принимается, то снова получается нѣчто совершенно неопредѣленное. Участокъ, обрабатываемый однимъ и тѣмъ же человѣкомъ и на одной и той же лошади, но въ теченіе разнаго времени, будетъ разный: въ день онъ вспашетъ десятину, а въ недѣлю—шесть. Какъ же такую неопредѣленную величину положить въ основаніе обложенія? Что почтенные ученые, мнѣнія которыхъ мы привели, ничего не говорятъ о времени труда, это объясняется тѣмъ, что и въ самомъ памятникѣ ничего не говорится о времени: пашетъ одинъ человѣкъ на одной лошади да и только [1]). Что же это значитъ, что одинъ человѣкъ пашетъ на одной лошади и это составляетъ обжу, единицу платежа, треть сохи?

Очень немного времени спустя послѣ приведеннаго отвѣта новогородцевъ на вопросъ Ивана Васильевича о томъ, что такое новогородская соха, приступили, по повелѣнію великаго князя, къ описи новогородскихъ имѣній. Эта опись дѣла-

[1]) Разныя мнѣнія о сохѣ и обжѣ приведены у г. Милюкова, Спорные вопросы, стр. 35 и сл. и у г. Дьяконова, Разборъ спорныхъ вопросовъ, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1893 г. № 7.

лась по новогородскому счету—три обжи на соху. Въ описи (второй, которая дошла до насъ) постоянно указывается, сколько гдѣ дворовъ, обежъ и какой посѣвъ. Это описаніе, надо думать, дѣлается согласно данному новогородцами опредѣленію того, что такое есть соха и обжа. Въ этомъ описаніи мы и должны искать объясненія сохи и обжи. По новогородскимъ писцовымъ книгамъ соха и обжа не стоятъ ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ количеству посѣва. На одну обжу высѣваютъ хлѣба 1 коробью, 2, 3, 4, и даже 5 и 8 [1]). О мѣрѣ труда землепашца, конечно, свидѣтельствуетъ количество обрабатываемой въ годъ земли и высѣваемаго и собираемаго хлѣба. Описи указываютъ это количество; оно не стоитъ ни въ какомъ отношеніи съ числомъ обежъ. Можно высѣить хлѣба вдвое, втрое, вчетверо и даже впятеро больше—и все-таки будетъ одна обжа. Что же такое обжа? Ясно, что это не единица труда и не участокъ обрабатываемой земли, ибо нельзя на одинъ и тотъ же участокъ высѣить и 1 коробью и 8—мъ. Что же такое обжа? Это, какъ сказано въ лѣтописи, одинъ человѣкъ пашетъ на одной лошади, т.-е. одно-конный хозяинъ и ничего больше! Это чрезвычайно просто и чрезвычайно удобно для обложенія. Всѣ хозяйства съ одной лошадью, сколько бы земли они ни обработывали,—составляютъ обжу. Здѣсь обложенъ не трудъ, а накопленное имущество, признакомъ котораго берется конь. Въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ постоянно встрѣчаются деревни съ однимъ дворомъ, положенныя въ одну обжу, хотя посѣвъ разный; это все одноконныя хозяйства. Но встрѣчаются и деревни при одномъ крестьянскомъ дворѣ, положенныя въ три обжи. Это одинъ богатый хозяинъ, имѣющій три ло-

---

[1]) Для 5 и 8 см. Нов. пис. кн III ст. 213 и 333, другія цифры почти на каждой страницѣ. Г. В. Владиславлевъ полагаетъ, что на разные размѣры обжи вліяли инвентарныя особенности каждаго хозяйства, количество рабочаго скота, его положеніе при проѣзжей дорогѣ, судоходной рѣкѣ, качество почвы и пр. Журн. Мин. Нар. Просв. за 1892 г. № 8.

шади: его хозяйство составляетъ цѣлую соху. А высѣваетъ онъ меньше, чѣмъ тѣ два двора съ 8 коробьями посѣва, на которые мы указали выше и которые были положены въ одну обжу; онъ высѣваетъ только 7 коробей, но у него 3 лошади и, конечно, онъ богаче; у него могутъ быть и отъѣзжіе промыслы [1]).

Этимъ легко объясняются выраженія описи, которыхъ мы коснулись выше: положенъ въ три обжи, а земли у него всего на одну обжу. Положенъ въ три обжи по числу лошадей, но землепашествомъ занимался мало и почему-то обѣднѣлъ. Въ одномъ случаѣ обжа означаетъ платежную способность, въ другомъ мѣру земли, о чемъ рѣчь будетъ послѣ.

Опредѣленія грамоты 1437 года и лѣтописи 1478 года, весьма различныя по полнотѣ, по сущности сходятся. И тутъ и тамъ—коневодство принято указателемъ благосостоянія, и тутъ и тамъ 3 лошади составляютъ максимальную единицу обложенія—соху. Въ грамотѣ не говорится о томъ, что лошади пашутъ; въ лѣтописи, наоборотъ, говорится, что на всѣхъ трехъ—пашутъ. Но лошади грамоты, конечно, тоже употреблялись и на пашню; а съ другой стороны лошади лѣтописи не всѣ непремѣнно пахали. Хозяинъ, у котораго посѣвъ былъ небольшой, занималъ своихъ лошадей пашнею гораздо менѣе, чѣмъ тотъ, у котораго посѣвъ былъ втрое и вчетверо больше: у него могли быть другія занятія: извозъ и проч.

Возвращаемся къ «пѣшцамъ» грамоты 1437 года. Четыре пѣшца тоже дѣлаютъ цѣлую соху, какъ и 3 коня. Что это за пѣшцы? Объясненіе имъ находимъ въ грамотѣ митрополита Кипріяна Константиновскому монастырю. Крестьяне Константиновскаго монастыря въ октябрѣ 1391 года жаловались митрополиту на своего игумена, что онъ наряжаетъ ихъ на работы не по пошлинѣ и беретъ съ нихъ такія пошлины (здѣсь пошлина въ первомъ случаѣ означаетъ

[1]) Новог. писц. кн. I ст. 63 опись Щилова монастыря.

обычай, во второмъ — повинность), какихъ прежніе настоятели не брали. Митрополитъ нарядилъ разслѣдованіе. По разслѣдованію оказалось, что «большіе люди» изъ монастырскихъ селъ церковь наряжаютъ, хоромы ставятъ, игумновъ жребій земли пашутъ, сѣятъ, косятъ и т. д.; а «пѣшеходцы» изъ селъ рожь молотятъ, пиво варятъ, невода плетутъ и т. д. И тѣ и другіе на праздникъ даютъ яловицу и т. д. На основаніи этой грамоты надо думать, что большіе люди и пѣшеходцы — одинаково крестьяне, домохозяева. Но большіе люди—богачи, имѣющіе лошадей; пѣшеходцы—лошадей не имѣютъ; они поэтому маленькіе люди. По грамотѣ 1437 года четыре такихъ хозяйства равняются одному хозяйству большаго человѣка, имѣющаго трехъ лошадей. Были, значитъ, и въ старину крестьяне безлошадные. Они могли обработывать свои земли наемными лошадьми; а можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ ограничивались очень небольшими участками, которые обработывали въ ручную.

Писцовыя книги не даютъ по этому предмету ясныхъ указаній. Необходимо допустить, что и въ деревняхъ, описанныхъ въ концѣ XV вѣка, были безлошадные хозяева. Это слѣдуетъ изъ того, что иногда два двора полагаются въ одну обжу, три — въ двѣ и т. д. Это, сравнительно, очень рѣдкіе случаи, но все же встрѣчаются. При нашей гипотезѣ о томъ, что такое обжа, они указываютъ на то, что есть безлошадные дворы, которые и даютъ указанный излишекъ числа дворовъ противъ числа обежъ. Въ такихъ случаяхъ встрѣчаемъ и дробное счисленіе числа обежъ, напримѣръ: дворовъ 2, высѣваютъ коробей — 6, обежъ $1^1/_2$. При четырехъ пѣшцахъ на соху, грамоты 1437 года, дѣйствительно должны получаться дробныя части обжи; но что должна означать въ приведенномъ случаѣ половина обжи, а въ другихъ подобныхъ — одна обжа на два двора, двѣ на три и т. д., это не ясно. Намъ неизвѣстно, въ какихъ отношеніяхъ находятся отдѣльные дворы деревни одинъ къ другому. Въ главѣ о деревнѣ я высказалъ догадку, что они могутъ быть, въ большинствѣ случаевъ,

населены родственниками, а иногда товарищами по арендѣ земли. Какъ родственныя, такъ и товарищескія отношенія могутъ вести къ чрезвычайно разнообразнымъ хозяйственнымъ комбинаціямъ между дворами. Эти разныя комбинаціи и разное экономическое состояніе дворовъ, при чемъ лишній дворъ могъ быть только что выдѣлившимся и еще не оперившимся, и могли быть причиной того, что лишній дворъ то вовсе не считается, то считается только въ половину обжи.

Мы не разъ указывали на значительную устойчивость нашихъ древнихъ порядковъ. Здѣсь, наоборотъ, приходится наблюдать довольно быструю ихъ смѣну. Опись конца XV вѣка ничего не знаетъ о плугѣ и 4 пѣшцахъ, а въ 1437 году они должны были имѣть большое практическое значеніе при описи. Но это, конечно, частность и довольно мелкая и очень условная. Долго живутъ коренные порядки, а не мелочи.

Итакъ, тяглоспособность каждаго отдѣльнаго хозяина опредѣлялась въ Новгородѣ нѣкоторыми внѣшними признаками; въ области сельскаго хазяйства—числомъ лошадей.

При этомъ порядкѣ единица обложенія въ Новгородѣ очень близко подходила къ единицѣ платежа, а иногда и совершенно совпадала съ нею. Единицей обложенія была обжа и соха, состоявшая изъ трехъ обежъ; а это—очень небольшія величины. Въ новогородскихъ волостяхъ было очень много деревень въ одинъ дворъ, положенныхъ въ одну обжу, и въ два двора, положенныхъ въ двѣ обжи. Такимъ образомъ, каждое отдѣльное хозяйство составляло и окладную и платежную единицу. То же самое можно наблюдать и въ деревняхъ со многими дворами. Напримѣръ, деревня въ 5 дворовъ положена въ 6 обежъ. Это указываетъ на 4 хозяйства съ одной лошадью и одно съ двумя, и опять каждое изъ этихъ четырехъ хозяйствъ въ одно и то же время и окладная и платежная единица.

Всѣ внѣшніе признаки хозяйственнаго благосостоянія имѣютъ только относительное значеніе: они могутъ дер-

жаться нѣкоторое время и при упадкѣ хозяйства. Число лошадей въ сельскомъ быту, особенно первоначальномъ, имѣетъ великое значеніе и, конечно, можетъ служить показателемъ его благосостоянія. Но въ рукахъ плохого хозяина и многолошадное хозяйство легко пойдетъ на убыль. Точно также лодка, неводъ, чанъ и црѣнъ не всегда свидѣтельствуютъ объ одинаковомъ уровнѣ благосостоянія, чтобы обусловливать совершенно равное обложеніе. Вотъ почему новогородскіе порядки нельзя считать за общіе всей нашей древности, и вотъ чѣмъ могутъ объясняться ихъ колебанія. Въ Москвѣ наблюдается иной порядокъ вещей и не одинъ, а, по крайней мѣрѣ, два разныхъ порядка, если не болѣе. Возникли они не единовременно; одинъ гораздо старѣе другого; но новый не вытѣснилъ стараго, а оба дожили до самаго конца XVII вѣка.

Въ распоряженіяхъ московскаго правительства о раскладкѣ повинностей на отдѣльныхъ домохозяевъ, которыя надо считать наиболѣе древними, не встрѣчается никакихъ указаній на внѣшніе признаки ихъ благосостоянія. Правительство ограничивается требованіемъ, чтобы государевы крестьяне и посадскіе платили, по людямъ смотря, по ихъ животамъ и промысламъ, по торговлѣ, по статкамъ, по тому, кто чего стоитъ. Благосостояніе плательщиковъ не опредѣляется никакимъ внѣшнимъ признакомъ, распредѣляющимъ ихъ въ нѣкоторыя группы, равно способныя къ платежу, какъ въ Новгородѣ. Въ Москвѣ мы имѣемъ дѣло не съ группами равноспособныхъ плательщиковъ, а съ отдѣльными плательщиками, которыхъ способность къ платежу индивидуальна. Это совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію налогоспособности. Хозяйственное благосостояніе человѣка до крайности различно и можетъ быть подведено подъ нѣкоторыя общія группы только съ нарушеніемъ этой индивидуальности, слѣдовательно, съ учиненіемъ нѣкоторой несправедливости.

Какъ же достигалось въ Москвѣ выясненіе и опредѣленіе этой индивидуальной способности къ тяглу? Правитель-

ство предписывало плательщикамъ самимъ распредѣлять между собою тягло,—по людямъ смотря и т. д. Для этого они должны были выбирать изъ своей среды заслуживающихъ уваженія и знающихъ людей, которые, помолившись Богу и принеся присягу въ томъ, что будутъ дѣйствовать по чистой совѣсти, никого не обижая, должны были произвести раскладку тягла. Это и будутъ излюбленные судьи, сотскіе, старосты и пр.; всѣ они цѣловальники, ибо крестъ цѣлуютъ.

Кажется и выдумать нельзя порядка обложенія болѣе совершеннаго. Но гдѣ люди, тамъ и неправда; а потому Писаніе и говоритъ: Проклятъ всякъ, надѣющійся на человѣка! Случалось, что выборные люди, эти излюбленные, передъ крестомъ обѣщавшіе дѣйствовать въ правду, облагали плательщиковъ не по животамъ и промысламъ, а однихъ легче, другихъ тяжелѣе. Это вело къ ссорамъ и жалобамъ. Правительство угрожало такимъ излюбленнымъ окладчикамъ наказаніями и предписывало: «другу не дружить, недругу не мстить и лишки ни на чьи дворы не прибавливати ни которыми дѣлы» [1]).

Но прежде, чѣмъ идти далѣе, считаемъ необходимымъ остановиться на нѣкоторыхъ выраженіяхъ нашихъ памятниковъ по разсматриваемому вопросу, которыя могутъ повести къ недоразумѣніямъ. Въ памятникахъ нерѣдко указывается, сколько именно плательщикъ долженъ платить съ небольшой окладной единицы, напримѣръ, съ двора, съ выти. Шенкурскимъ посадскимъ людямъ предписывается давать за намѣстничъ кормъ и проч. оброку 1500 рублевъ на годъ, съ двора по 18 алтынъ; а далѣе прибавлено: «а разводить шенкурцамъ, посадскимъ людямъ, межъ собя самимъ, по животомъ и промысломъ». Здѣсь дворъ окладная, а не платежная единица. Посадскіе люди должны платить изъ 1500 р., положенныхъ на весь округъ, по разсчету на каждый дворъ по 18 алт.; но отдѣльные домохозяева пла-

---

[1]) А. Э. I № 242, 243, 343; III № 37; IV № 6; 1555—1646.

тять не поровну, не непремѣнно по 18 алт., а по раскладкѣ выборными, кому что придется по животамъ и промысламъ. Точно также посадскіе города Венева должны платить съ лавки по гривнѣ, а съ полки по 10 денегъ на годъ, «а верстатися имъ въ томъ оброкѣ межъ себя по товару и промыслу». Здѣсь также дворъ и лавка только окладная единица, а платежная опредѣляется внутреннимъ верстаніемъ. Въ Тверскомъ уѣздѣ, въ селѣ Щербининѣ есть скоморошья слободка, въ которой было нѣсколько дворовъ скомороховъ; и скоморохи и другіе сельчане сидѣли на пашнѣ. Все населеніе слободы должно было платить по гривнѣ съ двора: «а верстатися имъ межъ собя... по животомъ и промысломъ». Мы уже знаемъ, что стрѣлецкія деньги въ концѣ вѣка взимаются, смотря по животамъ и промысламъ, по землямъ и по угодьямъ. Но къ грамотамъ о сборѣ этихъ денегъ прилагается «окладъ, что съ котораго города и уѣзда на дворъ положено». Напримѣръ: «Ярославль — 2296 дворовъ, по 2 р., денегъ 4592 рубля. Вологда — 1220 дворовъ, по 1 р. 20 алт. 2 ден., денегъ 2074 рубли 13 алтынъ». и т. д. Это вовсе не значитъ, что каждый дворъ въ Ярославлѣ платитъ по 2 р., а въ Вологдѣ по 1 р. 20 алт. 2 ден. Это окладъ, а платежъ — по животамъ и промысламъ, какъ сказано въ текстѣ грамоты. Съ этимъ разъясненіемъ многочисленныя предписанія московскаго правительства о раскладкѣ плательщиками «межъ себя» повинностей особыми выборными по животамъ и промысламъ, по статкамъ, по людямъ смотря и пр. не возбуждаютъ никакихъ недоразумѣній. Этотъ порядокъ стоитъ въ тѣсной связи съ большими размѣрами московской окладной единицы. Московскія сохи очень ушли отъ новгородскихъ, онѣ простираются на сотни десятинъ и обнимаютъ множество отдѣльныхъ хозяйствъ, цѣлыя сотни дворовъ. Правительство опредѣляло свои сборы на цѣлую соху, въ обложеніе же отдѣльныхъ хозяйствъ не входило. Это было предоставлено самимъ плательщикамъ.

До насъ дошла чрезвычайно интересная по своимъ по-

дробнотлямъ опись Нижняго-Новгорода 1621 – 1629 годовъ. Въ ней не только перечислены всѣ нижегородскіе дворы, лавки, амбары и пр. и приведено сошное обложеніе, что есть во всѣхъ описяхъ, но указано, сколько долженъ платить каждый дворъ, въ какомъ платежѣ состоитъ онъ въ тяглѣ. Это опредѣленіе податной тягости каждаго двора сдѣлано «по мирскому окладу». Чтобы узнать этотъ окладъ, государевы писцы, Д. В. Лодыгинъ, В. Я. Полтевъ и дьякъ Д. Образцовъ, пригласили старостъ посадскихъ съ товарищами и выборныхъ лучшихъ людей и старожильцевъ, которыхъ и распрашивали, по крестному цѣлованью, «кто каковъ животомъ и промысломъ, и кто съ чего, по ихъ мирскому окладу, обложенъ въ тяглѣ». Итакъ, въ Нижнемъ обложеніе уже сдѣлано, всѣ дворы, лавки и пр. по мирскому приговору уже разцѣнены, и каждый хозяинъ знаетъ, что ему надо будетъ платить, если придетъ сошная дань или другой какой сборъ. Но въ окончательномъ установленіи размѣровъ платежа участвуютъ и государевы писцы. Въ описи, изъ которой мы заимствовали все сказанное, есть и такое мѣсто:

«А которые торговые и всякіе люди.... въ государеву казну платили по не велику, и на тѣхъ людй сверхъ тѣхъ оброковъ прибавлено по разсмотру и по допросу выборныхъ людей».

Государевы писцы дѣлаютъ поправки къ мирскому обложенію, однако, не произвольно, а согласно показанію выборныхъ. Такое соединеніе выборнаго и приказнаго начала впервые появилось не въ XVII вѣкѣ; можно думать, что и древнѣйшіе писцы, о которыхъ говорятъ княжескія завѣщанія XV вѣка, не были пассивными зрителями раскладки выборныхъ людей, а принимали въ ней дѣятельное участіе. Документы прежняго времени говорятъ о раскладкѣ выборными людьми, здѣсь же рѣчь идетъ о мирскомъ приговорѣ, т.-е. о раскладкѣ цѣлымъ миромъ. Когда весь миръ сталъ дѣлать раскладку, объ этомъ не встрѣтили указаній.

Такое индивидуальное опредѣленіе тяглой способности каждаго плательщика должно было сказаться очень разнымъ обложеніемъ отдѣльныхъ дворовъ. И дѣйствительно, въ Нижнемъ отдѣльные дворы платили очень различно. Одни были положены въ тягло съ 10 алтынъ, (такихъ одинъ дворъ), другіе съ 5 (тоже одинъ), съ 3 (такихъ два двора) и т. д.; болѣе бѣдные—съ 7 денегъ, съ 6, съ 3-хъ, съ одной (такихъ 346 дворовъ), съ полушки (275 дворовъ) [1]). Такимъ образомъ, богатые дворы противъ бѣдныхъ платили въ 60 разъ болѣе и даже въ 120. Въ итогѣ подведено, сколько всѣхъ дворовъ и сколько они должны платить по каждому сбору. Всѣхъ дворовъ въ Нижнемъ было 862, а платить они должны были въ каждое тягло по 6 р. 5 денегъ (итоги подведены не совсѣмъ вѣрно, но это не важно). На слѣдующемъ примѣрѣ будетъ ясно, какъ это дѣлалось. Нижегородцы должны были платить государевыхъ податей съ сохи: ямщикамъ на прогоны по 10 р., полонянечныхъ денегъ по 2 р., итого въ эти два тягла 12 р. съ сохи, а въ Нижнемъ считалось 3 сохи съ половиной (по сошному письму 1624 года), слѣдовательно, всего надо было платить 42 р. Если произвести со всѣхъ дворовъ одинъ сборъ по вышеприведенному обложенію (съ однихъ по 10 ал., съ другихъ по 5, по 3 и т. д.), получится 6 р. 5 ден.; чтобы покрыть указанный налогъ въ 42 р., надо повторить этотъ сборъ 7 разъ, тогда получится 42 р. 30 денегъ, на 30 ден. болѣе того, что нужно. При этомъ обложенный 10 алтынами заплотитъ 2 р. 3 алт. 2 ден., а обложенные деньгою—только по 7 денегъ, т.-е. въ 60 разъ меньше, обложенные полушкой—3½ деньги, въ 120 разъ меньше. Мы взяли простѣйшій примѣръ изъ данныхъ той же описи (ст. 191), и все же получился нѣкоторый излишекъ, который возвратить плательщикамъ по мѣрѣ произведенныхъ платежей представляетъ чрезвычайно хитрую, но нестоющую труда задачу. Какъ распоряжались такими всегда возможными излишками,

[1]) Алтынъ=6 деньгамъ, рубль=200.

мы не знаемъ. Можно думать, что они обращались въ запасъ для покрытія недоборовъ, которые тоже легко могли оказаться при сборахъ.

Указаннымъ способомъ легко можно вычислить, сколько каждый плательщикъ долженъ былъ платить всѣхъ податей. Опись 1621—29 годовъ приводитъ счетъ отдѣльныхъ податей и ихъ итогъ въ томъ размѣрѣ, какъ онѣ собирались до московскаго разоренія и послѣ разоренія. Мы можемъ получить, такимъ образомъ, понятіе о возрастаніи податей, причиненномъ разореніемъ. До разоренія нижегородцы должны были платить съ $3^1/_2$ сохъ 165 р. 32 алт. Чтобы получить эту сумму, тягловой сборъ со всѣхъ плательщиковъ — въ 6 р. 5 ден. надо повторить 27 разъ съ половиною, при этомъ плательщики одной деньги заплотятъ по $27^1/_2$ денегъ, плательщики по 6 алтынъ заплотятъ въ 60 разъ больше— по 8 р. 7 алт. 8 ден. и т. д. Послѣ разоренія повинности нижегородцевъ весьма возросли: кромѣ 165 рублей, они должны были платить еще 1638 р. съ тѣхъ же $3^1/_2$ сохъ. Эта сумма получится, если сборъ тягловой цифры (6 р. 5 д.) повторимъ 273 раза. При этомъ плательщикъ, обложенный одной деньгой,—уплатитъ 1 р. 12 алт., а съ прежними немного болѣе 1 р. 13 алт., плательщикъ, обложенный 6 алтынами, уплатить—безъ малаго 82 р., а съ прежними 84 р. 3 алт. и т. д. Въ 1627 году Нижній Новгородъ былъ положенъ въ 4 и $^7/_{24}$ сохи и приведенное обложеніе еще увеличилось.

Возростаніе сошныхъ доходовъ съ Нижняго представляется въ слѣдующемъ видѣ. До разоренія Нижній платилъ — 165 руб. деньгами, не считая натуральныхъ повинностей и хлѣбныхъ запасовъ стрѣльцамъ на жалованье. Послѣ разоренія къ этому платежу прибавили на государево жалованье и на подмогу ямскимъ охотникамъ съ сохи по 468 р., и того съ прежними получилось 1803 р. Въ 1627 году этотъ окладъ брали не съ $3^1/_2$ сохъ, а съ $4^7/_{24}$, а это составитъ—2.210 р. 30 алт., не считая натуральныхъ повинностей и хлѣбныхъ запасовъ. Повинности Нижняго

въ первой четверти XVII вѣка увеличились, такимъ образомъ, болѣе, чѣмъ въ 13 разъ [1]).

---

[1]) Опись Нижняго-Новгорода напечатана въ Рус. Ист. Библ. т. XVII подъ редакціей члена Арх. комиссіи, А. С. Лаппо-Данилевскаго. Почтенный редакторъ нашелъ нужнымъ во Введеніи высказать свое мнѣніе по поводу обложенія нижегородскихъ посадскихъ людей разнымъ количествомъ денегъ. «Такимъ образомъ, говоритъ онъ, описаніе 1621—29 года даетъ понятіе о платежной силѣ каждаго лица, налогоспособность котораго признана правительствомъ, при чемъ выражаетъ эту силу въ единицахъ «денежнаго счета», вѣроятно, соотвѣтствовавшихъ дробнымъ дѣленіямъ сошнаго письма». Въ примѣчаніи къ этому мѣсту читаемъ: «По сравненіи съ количествомъ плательщиковъ и общими размѣрами тягла такою величиною, равною суммѣ единицъ денежнаго счета, въ Нижнемъ оказалось 6 р. 5 ден.; количествомъ дробныхъ долей этой суммы, съ котораго данное лицо тянуло тягло, опредѣлялась его платежная сила. Размѣръ самого оклада окладчикамъ всегда легко вычислить, зная какой постоянной величинѣ приравнена была каждая изъ такихъ долей. Напримѣръ, съ деньги нижегородцы въ 1670-хъ годахъ должны были платить одно время 26, другое—40 рублей. Въ такомъ случаѣ какой нибудь посадскій человѣкъ, Трофимка, состоявшій въ тяглѣ съ деньги, платилъ бы 26 или 40 р. тягла» XXIV—XXV. Нельзя сказать, чтобы это толкованіе свидѣтельствовало о ясности мыслей автора. То, что напечатано въ текстѣ, есть только повтореніе того, что авторомъ подробнѣе говорится въ его организаціи прямого обложенія. Этого подробнаго изложенія мы тоже не могли понять до тѣхъ поръ, пока г. П. Милюковъ въ своихъ Спорныхъ вопросахъ не разъяснилъ, въ чемъ тутъ дѣло. Дѣло въ томъ, что почтенный авторъ смѣшалъ денежный счетъ книгъ сошнаго письма съ разложеніемъ тягла по отдѣльнымъ дворамъ, производимаго тоже въ денежныхъ единицахъ, и одновременно хотѣлъ объяснить и то и другое. Поэтому «изложеніе, говоритъ г. П. Милюковъ, вышло у автора нѣсколько сбивчиво». Даже очень сбивчиво. Это смѣшеніе возобновляется и во Введеніи, гдѣ налогоспособность каждаго лица авторъ объясняетъ «единицами дробнаго дѣленія сошнаго письма», тогда какъ между ними нѣтъ ничего общаго. Въ примѣчаніи намъ понятенъ только конецъ и только благодаря этому понятному концу мы и остановились на мнѣніи г. Лаппо-Данилевскаго. Если съ деньги надо платить 26 или 40 рублей, то какой-нибудь Трофимка, состоявшій въ тяглѣ, съ деньги долженъ платить—26 или 40 рублей. Это совершенно правильное умозаключеніе. Сдѣлаемъ изъ него дальнѣйшіе выводы. Трофимка, обложенный деньгой, долженъ платить 40 р., Трофимка, обложенный 10 алтынами, т.-е.

Этотъ порядокъ вещей продолжается до конца XVII вѣка. Въ 1681 году въ Олонецкомъ посадѣ и уѣздѣ считалось посадскихъ и крестьянскихъ дворовъ 9,784; на нихъ было положено стрѣлецкихъ денегъ за всякіе прежніе доходы 6.081 р. 29 алт. и $5^1/_2$ ден.; а раскладка этихъ денегъ по домохозяевамъ должна была производиться выборными лучшимм людьми по животамъ и промысламъ, по землямъ и угодьямъ (А. Э. IV № 250).

Мы указали уже, что такое индивидуальное обложеніе могло вести къ несправедливостямъ и ссорамъ, а потому рядомъ съ нимъ возникаетъ и другое—по внѣшнему признаку. Такимъ внѣшнимъ признакомъ принимается количество жилыхъ четвертей пашни, т.-е. количество обработываемой земли съ тѣми ограниченіями, на которыя было указано

---

60 деньгами, долженъ платить 2.400 руб., а весь городъ, обложенный 6 р. 5 ден., долженъ платить 48.000 р. Таковы чрезвычайно цѣнные результаты соображеній почтеннаго автора. Но принять ихъ довольно трудно. Городъ долженъ платить 48.000 р., а обложенъ онъ, какъ сказано въ описи, редактированной самимъ авторомъ, всего въ 2.210 р. Слѣдуя по стопамъ автора, мы пришли къ совершенно невозможному выводу. Надо думать, посылки его были невѣрны. Откуда онъ взялъ свои 26 или 40 рублей? Опись Нижняго, какъ мы видѣли, содержитъ въ себѣ всѣ данныя для объясненія раскладки сошнаго оклада на отдѣльные дворы. Но издатель ими не пользуется: для ихъ разъясненія онъ обращается къ челобитной 1682 года, въ которой читаемъ: «Въ прошломъ 1677 году выбрали нижегородцы въ земскіе старосты Ѳеодора Балахонцева и онъ, Ѳедоръ, будучи въ земскихъ старостахъ, раскинулъ тягло сбирать съ деньги по 40 рублевъ, и имъ, нижегородцамъ, учинилъ великую тягость».... А изъ дальнѣйшаго узнаемъ, что другой староста убавилъ съ деньги по 14 рублей и раскинулъ только по 26 рублей. Доп. къ А. И. X № 23. Итакъ, въ концѣ XVII вѣка въ Нижнемъ съ деньги сбирали по 26 и по 40 рублей. Это вѣрно. Но какая это деньга? Этого мы не знаемъ. А что такое деньга 1621 года, это намъ хорошо извѣстно. Деньга 1621 года есть единица обложенія очень маленькихъ людей, за которыми слѣдуютъ уже худые люди. Для объясненія извѣстной величины памятника 1621—29 годовъ, авторъ беретъ неизвѣстную величину памятника 1677 года и получаетъ свой блестящій съ финансовой точки зрѣнія выводъ. Неправильное пользованіе источниками привело и къ неправильному выводу.

выше. Когда именно появляется такое опредѣленіе налогоспособности, этого, за отсутствіемъ писцовыхъ книгъ первой половины XVI вѣка, съ точностью сказать нельзя; но въ книгахъ конца этого вѣка оно встрѣчается уже очень часто [1]). Въ описяхъ вотчинныхъ и помѣщичьихъ земель въ уѣздахъ Коломенскомъ, Медынскомъ, Орловскомъ и др. встрѣчаемъ знакомое уже намъ правило: «а платить ему съ живущаго съ пашни съ 5 четей», «а платить ему съ живущаго съ 14 четей съ осминою», но безъ опредѣленія, сколько именно платить. Тутъ указана только та единица, на которую падаетъ повинность. Это нѣкоторое приближеніе и возвращеніе къ новогородскому порядку вещей. Тамъ платили съ сохи, обжи, невода, лавки и пр., здѣсь съ четверти земли, съ паханой пашни извѣстной мѣры (полъ десятины). Такой способъ платы, понятно, примѣняется только къ уѣздному земледѣльческому населенію, но и горожане, если имѣютъ земли, также подлежатъ платежу съ четвертей. Предписаніе платить съ четвертей предполагаетъ и обложеніе по четвертямъ, а не по сохамъ. Такое обложеніе дѣйствительно и появляется въ Москвѣ. Уже въ половинѣ XVI вѣка размѣръ службы служилыхъ людей опредѣляется по количеству четей владѣемой земли. Въ началѣ XVII вѣка нѣсколько лѣтъ подъ рядъ (съ 1618 года по 1621-й) ямскія деньги собирались съ числа четей, съ чети по рублю. Отъ 1631 года имѣемъ указъ, которымъ было предписано съ вотчинъ Кириллова монастыря, простиравшихся до 23.900 четей, вмѣсто сбора даточныхъ людей для войны, взять деньгами съ числа четей (А. А. Э. Т. III №№ 121 и 193). Четь, такимъ образомъ, несомнѣнно играла роль окладной и платежной единицы. Этимъ совершенно разъясняется предписаніе писцовыхъ книгъ XVI вѣка: «Платить съ 5 четей».

---

[1]) Древнѣйшее, встрѣтившееся намъ, указаніе на обложеніе не по животамъ и промысламъ, а по опредѣленной мѣрѣ земли относится къ 1490 г. А. И. I № 100.

Здѣсь опять, какъ Новгородѣ, окладная и платежная единицы совпадаютъ.

То же начало, но съ нѣкоторыми модификаціями, примѣняется къ уплатѣ дворцовыми крестьянами господскаго князю оброка. Дворцовые крестьяне въ концѣ XVI вѣка начинаютъ надѣляться опредѣленнымъ количествомъ земли на выть. Это не значитъ, что каждый крестьянинъ получалъ опредѣленное количество земли на душу: отдѣльный крестьянинъ могъ сидѣть и на части выти; но на село съ деревнями отводилось опредѣленное количество вытей извѣстной мѣры. Оброкъ налагался на это количество вытей. Напримѣръ: «А оброку крестьянамъ платить въ вел. князю казну въ Дворцовый приказъ 6 р. 7 алт. съ денгою, съ выти по полтинѣ». Между отдѣльными домохозяевами этотъ оброкъ, надо думать, распредѣлялся уже не по животамъ и промысламъ, не по пашнѣ и угодьямъ, а только по количеству земли. Кто сидѣлъ на полъ выти, платилъ — 50 ден.; кто на четверти—25 и т. д. Здѣсь опять единица обложенія и единица платежа близко сходятся.

Такъ опредѣлялась способность нести тягло.

Выяснивъ по возможности вопросъ о способности къ тяглу, необходимо остановиться и на вопросѣ о томъ, кто же облагался тягломъ. Древняя Россія сословій не знала, но ей были извѣстны классы людей различные по своему соціальному положенію и занятіямъ. Были бояре, купцы, крестьяне, служилые люди (княжіе мужи) и не служилые, было духовенство, монастыри, владыки и т. д. Все населеніе облагалось повинностями или нѣтъ? Нельзя сказать, чтобы вопросъ этотъ разрѣшался въ нашей литературѣ съ достаточной опредѣленностью и ясностью. И понятно почему. Мы имѣемъ дѣло не съ точными опредѣленіями закона, а съ практикой, очень разнообразной и не легко уловимой. Вотъ почему исключенія принимаются нерѣдко за правило, а общія правила вовсе ускользаютъ отъ вниманія. У насъ было общее правило и множество исключеній, очень ограничивавшихъ его дѣйствіе. Начнемъ съ общаго правила.

По общему правилу все населеніе княженій подлежало повинностямъ. Это совершенно ясно изъ новогородскихъ памятниковъ. По грамотѣ на черный боръ татарская дань уплачивается всѣми, кто имѣетъ лошадь, лодку, неводъ, плугъ и пр. Соціальное положеніе человѣка нисколько не вліяетъ на его обязанность нести государственныя повинности. То же слѣдуетъ и изъ новогородскихъ писцовыхъ книгъ. Всѣ земли, чьи бы онѣ ни были, положены въ обжи и сохи. Волости всѣхъ своеземцевъ, бояръ, бояришекъ, купцовъ, поповъ, церквей, монастырей и самого владыки несутъ обежную дань. Въ обжи положены не только тѣ деревни, которыя они сдаютъ въ аренду крестьянамъ, но и тѣ, въ которыхъ они жили сами и которыя обрабатывали своими людьми. Городскіе дворы своеземцевъ также были въ тяглѣ. Единственное исключеніе, которое встрѣчается въ старыхъ новогородскихъ описяхъ, относится къ землямъ бѣдныхъ погостскихъ церквей, которыя нерѣдко воздѣлывались самимъ причтомъ. О такихъ земляхъ иногда прямо говорится: въ обжи не положены. Обложеніе всѣхъ новогородскихъ земель повинностями осталось и послѣ водворенія въ нихъ новыхъ людей, московскихъ помѣщиковъ. Помѣстья московскихъ служилыхъ людей также несутъ повинности, какъ и волости новогородскихъ своеземцевъ.

Москва, однако, не является здѣсь ученицей Новгорода, подражательницей новогородскихъ порядковъ. Обложеніе бояръ, вольныхъ служилыхъ людей, данью—въ Москвѣ старина. Московскія свидѣтельства объ этомъ на цѣлое столѣтіе древнѣе новогородскихъ. Въ договорѣ великаго князя Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ читаемъ:

«А кто иметъ жити моихъ бояръ и моего сына, княжихъ Васильевыхъ, и моихъ дѣтей въ твоемъ удѣлѣ, блюсти ти ихъ, какъ и своихъ, и дань взяти, какъ и на своихъ; а кто иметъ жити твоихъ бояръ въ моемъ удѣлѣ и въ вел. княженіи, а тѣхъ намъ блюсти, какъ и своихъ, и дань взяти, какъ и на своихъ».

Подъ боярами здѣсь разумѣются вольные слуги, поль-

зующіеся правомъ отъѣзда. Это то же, что и новогородскіе бояре и бояришки.

Тотъ же порядокъ можно наблюдать и на каждой страницѣ московскихъ книгъ сошнаго письма. Въ соху кладутся земли всякихъ владѣльцевъ: вотчинниковъ, помѣщиковъ, казаковъ, дьяковъ, поповъ, церквей, монастырей, владыкъ, митрополита, вдовъ и пр. Какъ и въ Новгородѣ, въ сохи кладутся не только деревни, въ которыхъ сидятъ крестьяне, но и тѣ, гдѣ живутъ сами господа и обработываютъ ихъ трудомъ холоповъ. Въ Медынскомъ уѣздѣ были деревни кн. Хворостининыхъ, введеннаго боярина Дмитрія Ивановича и брата его Ѳедора, окольничаго. У перваго было 2 сельца да 20 деревень, у втораго 20 деревень и 2 починка. Все это было положено въ сошное письмо. Земли посадскихъ людей также въ сошномъ письмѣ. Въ 1571 году веневскимъ помѣщикамъ, братьямъ Муромцевымъ, дана была на льготу пустая земля съ условіемъ:

«А какъ отойдетъ лгота, и Ивану Муромцеву съ братьею государевы всякія подати давати съ полусохи».

Единственное исключеніе, которое встрѣчается въ московскихъ писцовыхъ книгахъ, то же, что и въ новогородскихъ. Земли деревенскихъ церквей не кладутся въ сохи и обложенію не подлежатъ [1]). Городскіе дворы также въ тяглѣ.

Таковы свѣдѣнія писцовыхъ книгъ; но и другіе документы говорятъ то же и вполнѣ подтверждаютъ окладное значеніе сошнаго письма.

Въ уставной Бѣлозерской грамотѣ отъ 1488 года читаемъ:

«На Рождество Христово намѣстникамъ нашимъ дадутъ кормъ со всѣхъ сохъ: съ княжихъ, и съ боярскихъ, и съ монастырскихъ, и съ черныхъ, и съ громотниковъ (т.-е. съ тѣхъ, кому даны льготныя грамоты), и со всѣхъ безъ омѣнки».

---

[1]) Писц. кн. XVI вѣка II 788, 1099, 1419.

Въ 1536 году такое же предписаніе сдѣлано для всей Онежской земли. Кормъ велѣно брать «со всѣхъ сохъ, съ моихъ вел. князя, съ владычныхъ, съ боярскихъ и т. д. и съ грамотниковъ, со всѣхъ безъ отмѣны». Сохи вел. князя и тѣ въ тяглѣ [1]). Въ 1550 году въ Новгородъ прислана была грамота о сборѣ ямскихъ денегъ и приметныхъ, за посошныхъ людей, и за всякія городовыя дѣла, и за ямчюжное дѣло. Эти деньги велѣно было собирать также со всѣхъ новогородскихъ сохъ. Кто въ сошное письмо положенъ, тотъ и плати, кто бы онъ ни былъ, бояринъ введеный, владыка, посадскій человѣкъ, крестьянинъ. Въ 1624 году приказано было стрѣльцамъ на жалованье собирать рожь съ сохи:

«Съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, съ митрополичьихъ и съ монастырскихъ земель, и съ грамотчиковъ, и съ тарханщиковъ, и съ лготчиковъ, опричь... отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго и всея Русіи монастырей вотчинъ и его, государевыхъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстій, и опричь живоначальныя Троицы Сергіева монастыря вотчинъ, и опричь тѣхъ, которые на нашей службѣ въ Сибири и въ Астрахани».

Мы здѣсь встрѣчаемъ исключеніе, подтверждающее правило. Платить должны всѣ, но въ данномъ случаѣ сдѣлано исключеніе для вотчинъ патріаршихъ монастырей и нѣкоторыхъ другихъ. За то должны платить всѣ, имѣющіе льготы [2]).

Приведемъ нѣсколько извѣстій болѣе частнаго характера. Въ 1567 году бояринъ И. В. Шереметевъ Большой билъ челомъ царю и вел. князю Ивану Васильевичу,

---

[1]) Единственное исключеніе составляли только тѣ десятины, которыя давались дворцовымъ крестьянамъ для пособнаго хлѣба, одна на выть. Онѣ не клались въ сохи. Калачовъ II 1542

[2]) А. Э. I № 123 и 181; Доп. къ А. И. I 94; А. И. III № 132. Исключенія отъ всеобщаго обложенія дѣлаются для разныхъ лицъ. Въ 1620 году приказано было со всѣхъ сохъ брать ямскія деньги, и съ грамотчиковъ, и съ тарханщиковъ, и со льготчиковъ, а въ числѣ исключенныхъ находимъ вотчины Кириллова монастыря и митрополита ростовскаго. А. Э. III № 116.

«А сказывалъ: что есть у него вотчина въ Московскомъ уѣздѣ, въ Торокшановѣ стану, купля, деревни и селища, а купилъ онъ тѣ деревни пусты, а старосты и цѣловальники правятъ съ него оброкъ за дань, и за посошный кормъ, и за ямскія деньги, и за городовое дѣло съ пуста». Бояринъ просилъ освободить его отъ платежа съ пуста.

Архимандритъ Симонова монастыря въ 1577 году билъ челомъ о томъ же. Его вотчина монастырская въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ запустѣла, а ямскія деньги и всякія подати и посоху государевы сборщики берутъ съ той вотчины по прежнему. Точно такъ же игуменъ солигалицкаго Воскресенскаго монастыря въ 1608 году жалуется, что монастырь платитъ въ теченіе цѣлыхъ 16-ти лѣтъ всякія государевы подати съ пустой вотчины. Въ 1634 году игуменъ Устюга Великаго Троицкаго монастыря съ Гледени билъ челомъ царю и великому князю и сказывалъ:

«Изстари платитъ онъ съ братьею съ монастырскихъ вотчинъ данные и оброчные деньги, и московскіе и стрѣлецкіе кормы, и сибирскіе запасы и ямскіе отпуски, и всякіе мірскіе подати по сотнымъ грамотамъ съ сотными людьми вмѣстѣ».

Въ мартѣ 1666 года вдова стольника, княгиня Мышецкая, продала свою деревню двумъ крестьянамъ. Покупатели приняли на себя платежъ государевыхъ податей съ 1-го сентября того же года, «а старыя невыплаты, буде объявятся впредь на который годъ, и до тѣхъ невыплатъ имъ дѣла нѣтъ». Кто же ихъ платитъ? Сама княгиня Мышецкая [1]).

За городскіе дворы дѣти боярскіе, дворяне и другіе служилые люди тягла не несутъ; но это не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Городскіе дворы состоятъ въ тяглѣ потому, что городскіе люди занимаются промыслами. Служилые же люди живутъ въ городскихъ дворахъ въ интересахъ службы, а потому и не подлежатъ окладу.

---

[1]) А. Э. II № 85; Рус. Ист. Библ. II № 37; XII ст. 197 № 36 и ст. 409 № 93; Дьяконовъ, Акты тягл. населенія II № 20.

Къ числу служилыхъ людей, не подлежащихъ тяглу съ городскихъ дворовъ, относятся: пищальники, воротники, стрѣльцы, черкасы, сторожа, садовники княжескіе и пр. Точно также не подлежатъ окладу и осадные дворы дворянъ, они тоже не для промысла, а для осады, и живутъ въ нихъ только во время осады.

Итакъ, все населеніе княженій было обязано нести государственныя повинности. Это общее правило стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній [1]). Но изъ общаго правила во 1-хъ допу-

[1]) Насколько смутны въ нашей литературѣ представленія о податныхъ обязанностяхъ населенія Московскаго государства, можно видѣть изъ труда г. Лаппо-Данилевскаго, Организація прямого обложенія, напечатаннаго въ 1890 г. Первая глава этого сочиненія имѣетъ задачу выяснить «распредѣленіе податного бремени между отдѣльными классами населенія». Въ самомъ ея началѣ (стр. 45) высказывается такое общее положеніе: «Обязанности распадались, какъ извѣстно, на служебныя (военныя) и податныя. Не было, однако, никакой возможности и даже надобности одинъ и тотъ же классъ обременять исправленіемъ обязанностей, присущихъ двумъ разнымъ классамъ; поэтому люли служилые не выполняли податныхъ обязанностей такъ же, какъ люди тяглые—военныхъ». Итакъ, на разныхъ классахъ лежатъ разныя обязанности: низшій несетъ податное тягло, высшій—военное. Въ подкрѣпленіе своей мысли авторъ приводитъ на той же страницѣ и мнѣніе проф. Ключевскаго, который утверждаетъ, что съ объединеніемъ сѣверной Руси поземельныя льготы, какъ послѣдствіе обязательной службы служилыхъ людей, стали общимъ нормальнымъ явленіемъ и получили значеніе сословныхъ преимуществъ служилаго класса. Это то же, что говоритъ и самъ г. Лаппо-Данилевскій, т.-е. служилые люди съ объединенія Руси свободны отъ податныхъ обязанностей.

А вотъ что находимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

На стр. 52 читаемъ: «Наконецъ, былъ цѣлый разрядъ служилыхъ людей, мелкихъ землевладѣльцевъ, подлежавшихъ тяглу или поземельному налогу, а потомъ и подворной подати безъ всякихъ ограниченій». А на 54 опять: «Государственная служба освобождала служилыхъ людей отъ тягла».

На стр. 209 авторъ приводитъ челобитье бѣлозерскихъ помѣщиковъ (т.-е. служилыхъ людей), изъ котораго дѣлаетъ выводъ,—«что они платили вдвое менѣе податей, чѣмъ слѣдовало». Итакъ, служилымъ людямъ надо платить подати.

На стр. 215-й нашло себѣ мѣсто извѣстіе, что воеводѣ Головину

скалось множество исключеній, во 2-хъ, разнообразіе повинностей приводило къ замѣнѣ однѣхъ другими, чѣмъ также нарушался принципъ общаго тягла.

Но прежде, чѣмъ говорить объ исключеніяхъ изъ общаго тягла, необходимо остановиться еще на одномъ вопросѣ.

Изъ предшествующаго мы знаемъ, что въ древности

приказано положить въ 1615 г. въ сошное письмо земли, розданныя въ помѣстья и вотчины, т.-е. служилымъ людямъ.

На 245-й авторъ утверждаетъ, что классъ среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ (т.-е. опять служилыхъ людей) въ 1641 г. обращался къ государю съ просьбами объ уплатѣ нѣкоторыхъ податей подворно, сколько за кѣмъ крестьянскихъ дворовъ, а не по писцовымъ книгамъ.

На 312-й—читаемъ: «пятинныя деньги собирались и со служилыхъ людей, занимавшихся промыслами и торговлей».

На 316-й—«Въ 1623 году велѣно развести мостовыя деньги на всѣ выти безъ выбору».

На 379-й—«Въ слободской украйнѣ городовое и острожное дѣло выполнялось иногда черкесами, казаками, стрѣльцами, и дѣтьми боярскими».

На 384: «Въ царскихъ указахъ повелѣвалось иногда «лѣсъ сѣчи (для городового дѣла) въ близяхъ для поспѣшенія въ чьихъ лѣсахъ ни буди».

На 403: «Въ 1660 г. стрѣлецкій хлѣбъ съ помѣстій брали въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ съ вотчинъ патріаршихъ, владычныхъ, монастырскихъ».

На 405: «Въ 1670-хъ годахъ дворяне и дѣти боярскіе били челомъ государю о томъ, чтобы стрѣлецкій хлѣбъ имъ платить съ сошнаго письма, а не съ двороваго числа».

На 408-й авторъ утверждаетъ, что «эти сборы (хлѣбные запасы) взимались съ дворцовыхъ селъ, съ посадскихъ людей, помѣстій и вотчинъ и поземельныхъ владѣній духовенства».

И такъ безъ конца.

Мы не поскупились на выписки, но потому, что приводимые авторомъ матеріалы прекрасно подтверждаютъ наше мнѣніе. Но какъ быть съ мнѣніемъ двухъ почтенныхъ ученыхъ, которое мы привели въ началѣ? Полное не соотвѣтствіе выводовъ съ документами совершенно не понятно и составляетъ нѣкоторую тайну произведеній этихъ авторовъ.

На несостоятельность основныхъ положеній г. Лаппо-Данилевскаго по вопросу о распредѣленіи податнаго бремени среди населенія Московскаго государства давно уже указано г. П. Милюковымъ въ Спорныхъ вопросахъ финансовой исторіи Московскаго государства. Стр. 77 и сл.

преобладало арендное хозяйство; барщинное начинаетъ принимать большіе размѣры только съ прикрѣпленія крестьянъ. Въ виду значительнаго развитія аренды возникаетъ вопросъ, кто же облагался тягломъ и отвѣчалъ за правильную его уплату: арендаторъ или разные виды землевладѣльцевъ: своеземцы, вотчинники, помѣщики и пр.? Старыя новгородскія описи на этотъ вопросъ не даютъ отвѣта. Въ нихъ показано только число обежъ въ каждой деревнѣ, но ничего не говорится о томъ, кто облагается платежомъ по этимъ обжамъ, арендаторъ или помѣщикъ. Въ позднѣйшихъ московскихъ описяхъ ва это прямо указывается. Описавъ деревни извѣстнаго владѣльца, писецъ говоритъ: «Платить ему съ 5 четей». Итакъ, облагается землевладѣлецъ, а не крестьянинъ, съемщикъ земли. Надо думать, что это старина, и весьма понятно почему. Арендаторъ не крѣпокъ землѣ, не сегодня-завтра онъ можетъ уйдти. Какъ же его облагать? Облагается тягломъ и отвѣчаетъ за его исправную уплату всегда самъ землевладѣлецъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго можно привести и свидѣтельства документовъ. Въ договорахъ о наймѣ земли (порядная) арендаторы иногда говорятъ, что они принимаютъ на себя и уплату всѣхъ государевыхъ податей по волостному разсчету. Если на ряду съ обязанностями, которыя съемщикъ земли принимаетъ на себя по отношенію къ землевладѣльцу, надо упомянуть и о томъ, что онъ принимаетъ на себя уплату податей, то, конечно, отсюда можно заключить, что уплата податей арендаторомъ при наймѣ земли сама по себѣ не мыслится, а должна быть оговорена. Что касается тѣхъ порядныхъ, которыя хранятъ молчаніе по вопросу о податяхъ, то мы не рѣшаемся утверждать, что такое молчаніе надо всегда понимать въ смыслѣ свободы арендатора отъ податей. Если молчаніе не есть простая небрежность редакціи, оно можетъ обусловливаться всѣмъ извѣстными мѣстными обычаями, которые въ разныхъ мѣстахъ могли быть очень различны, но говорить о которыхъ не считали нужнымъ.

Имѣемъ и прямыя указанія на то, что землевладѣльцы принимаютъ на себя уплату повинностей. Въ 1599 году крестьянинъ Родіонъ порядился у протопопа съ братіею на половину деревни вотчины пречистой Богородицы съ такимъ условіемъ:

«А дань и оброкъ и всякія государевы разметы платить протопопу съ братіею мимо меня».

Въ 1628 году другой крестьянинъ нанялъ на 10 лѣтъ церковную землю и поставилъ условіе:

«Въ тѣ срочныя лѣта съ тое деревни мнѣ, Василью, не платити ни которыхъ государевыхъ податей».

Около того же времени третій крестьянинъ порядился у Спасова монастыря на половину деревни, взялъ льготы на 2 года и въ порядной выговорилъ себѣ свободу отъ всякихъ государевыхъ податей тоже на два года [1]). Итакъ, плата податей съемщиковъ земли, при свободѣ крестьянскаго перехода, есть результатъ соглашенія арендатора съ землевладѣльцемъ. Но тутъ возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: кто въ дѣйствительности несетъ тягло и кто по обложенію платитъ? Это было очень различно и обусловливалось отношеніемъ спроса и предложенія земли. Если спросъ на землю былъ великъ, землевладѣлецъ могъ переводить на арендатора все тягло; если — слабъ, землевладѣльцу приходилось выплачивать тягло изъ своихъ доходовъ.

---

[1]) Русск. Ист. Библ. т. XII ст. 140 № 12; XIV ст. 354, № 140; Ак. тяг. нас. I № 14.

Такихъ соглашеній не воспрещаетъ и статья Ц. Судебника (88): «А по кои мѣста была рожь его (крестьянина, перешедшаго на землю другого господина) въ земли, и онъ подать цареву и вел. князя платитъ со ржи». Т.-е., платитъ, если этотъ платежъ согласно порядной, лежитъ на немъ, а не на господинѣ. Эта статья новая; въ Судебникѣ Ивана Васильевича такого правила нѣтъ. Можно думать, что въ XV в. случаи переноса платежа государственныхъ повинностей на крестьянъ были рѣдки, а потому законодатель и не находилъ нужнымъ оговорить ихъ уплату уходящимъ крестьяниномъ.

Послѣ прикрѣпленія крестьянъ, плата государственнаго тягла, конечно, всецѣло упала на крестьянскій трудъ.

Переходимъ къ исключеніямъ. Исключенія изъ общаго правила возникали въ силу жалованныхъ грамотъ, которыми отдѣльнымъ владѣльцамъ предоставлялись льготы отъ повинностей. Эти льготы были такъ разнообразны, что составить образецъ одной жалованной грамоты, который включалъ бы въ себѣ всѣ характерныя особенности пожалованій, не представляется никакой возможности: что давала одна грамота, то отрицала другая. Наши древности представляютъ цѣлый рядъ такихъ образцовъ, который значительно долженъ увеличиться, если мы ко льготамъ отъ податей прибавимъ еще льготы отъ княжескаго суда. Не имѣя возможности познакомить читателя съ содержаніемъ льготныхъ грамотъ на одномъ образцѣ, мы должны войти въ подробности ихъ содержанія. Оно очень различно и со многихъ точекъ зрѣнія.

Въ древнихъ памятникахъ терминъ жалованная грамота имѣлъ очень широкій смыслъ. Всякая милость князя могла получить форму жалованной грамоты. Если населеніе было недовольно намѣстникомъ, назначеннымъ княземъ, жаловалось на его бездѣятельность и лихоимство и просило о разрѣшеніи замѣнить его выборными органами, и князь соизволялъ на это, рѣшеніе князя выражалось въ жалованной грамотѣ, хотя ею и не предоставлялось никакихъ льготъ отъ повинностей. Князь жаловалъ просителей, отмѣнялъ намѣстника и дозволялъ судиться своими выборными. Грамота, которою все это предоставлялось населенію, называлась жалованной, иначе уставной грамотой. Предоставленіе льготъ отъ повинностей есть тоже пожалованіе; оно, обыкновенно, соединяется съ освобожденіемъ пожалованнаго и отъ суда княжескихъ чиновниковъ. Содержаніе льготныхъ грамотъ въ этомъ тѣсномъ смыслѣ слова мы и будемъ разбирать, но только въ той его части, въ которой идетъ рѣчь о льготахъ отъ повинностей.

1. Льготы отъ повинностей даются самымъ разнообраз-

нымъ лицамъ, и большимъ людямъ, и маленькимъ, которые въ грамотахъ нызываются Ѳедьками, Митьками; даются монастырямъ, владыкамъ, митрополиту, рыболовамъ, крестьянамъ, служилымъ людямъ, боярамъ. Случается, что пожалованіе простирается на всѣ имѣнія, чѣмъ владѣетъ въ извѣстной мѣстности пожалованный; но едва ли не чаще грамоты даются на одно извѣстное владѣніе, на село съ деревнями, на нѣсколько деревень, на пустошь. Во II т. Русск. Ист. Библіотеки напечатано 11-ть жалованныхъ грамотъ можайскаго князя Андрея Дмитріевича Кирилловскому монастырю. Между ними есть грамоты на одно село, на одну пустошь, только что княземъ пожалованную монастырю и еще не не имѣющую населенія. Тутъ и мотивъ ясенъ, хотя и не высказанъ. Пустошь надо населить; для поощренія притока новаго населенія и дается льгота отъ повинностей. Но если льгота дается поименно извѣстнымъ участкамъ земли, то отсюда слѣдуетъ, что у Кириллова монастыря не было общей льготы, и въ Можайскомъ удѣлѣ могли быть у него и нельготныя имѣнія. Кто-нибудь отказалъ монастырю имѣніе по душѣ или монастырь купилъ у кого-нибудь имѣніе; это будутъ нельготныя имѣнія, ибо у монастыря нѣтъ общей льготной грамоты. Онъ можетъ получить и на эти имѣнія льготу, если князь дастъ, но пока не получитъ, они въ тяглѣ. Наши льготныя грамоты только подтверждаютъ общее правило о тяглѣ.

2. На кого простирается льгота отъ повинностей, на все населеніе селъ, деревень и пустошей или не на нее? Это опять чрезвычайно различно. Есть грамоты, въ которыхъ льгота дается всѣмъ, кто «имѣть сидѣти» въ извѣстной деревнѣ; а есть и такія, въ которыхъ льгота дается не наличному населенію, а только тѣмъ, кого владѣлецъ вновь призоветъ къ себѣ со стороны. Иногда число пользующихся льготой ограничивается еще условіемъ, чтобы призванные были изъ иныхъ княженій, а не изъ своего. Кромѣ этихъ призванныхъ изъ чужихъ княженій, льгота распространяется только на тѣхъ, кого владѣльцы «окупивъ посадятъ», т.-е. на ра-

бовъ. Если не будетъ ни призванныхъ изъ иныхъ княженій, ни рабовъ, льгота обращается въ пустой звукъ.

3. На какой срокъ давались льготы; были онѣ вѣчныя или нѣтъ? И на этотъ вопросъ тексты отвѣчаютъ различно. Только въ одной грамотѣ тверскаго князя, Бориса, нашли мы прямое указаніе на неизмѣнность жалованья.

«Дали мы эту милостыню церкви Святой Богородицы, говоритъ князь, неподвижно, никакимъ дѣломъ не нарушить намъ этой милости, ни нашимъ дѣтямъ, ни внучатамъ» (А. Э. I № 34, 1437—61).

Та же мысль о неизмѣнности пожалованія въ другихъ грамотахъ выражается въ иной формѣ. Перечисленіе льготъ заканчивается иногда такой фразой:

«А на которую грамоту свою грамоту дамъ, а на сю грамоту грамоты нѣтъ».

Этими словами князь обѣщаетъ не отмѣнять грамоты. Но преемникъ его, конечно, можетъ отмѣнить льготу. Вотъ почему пожалованные, обыкновенно, по смерти князя-жалователя, просятъ его преемника переписать жалованную грамоту на свое имя, т.-е. вновь пожаловать.

Но есть грамоты, въ которыхъ время льготы опредѣлено. Льгота дается на 3, на 5, на 10, на 15 лѣтъ, по истеченіи которыхъ пожалованный вступаетъ снова въ тягло. Если льгота дается всѣмъ вновь перезываемымъ, откуда бы они ни пришли, то срокъ опредѣляется, обыкновенно, различно: для перезываемыхъ изъ своего княженія онъ короче, для перезываемыхъ изъ чужихъ княженій онъ длиннѣе. Если для своихъ 3, для чужихъ 10 лѣтъ; для своихъ 5, для чужихъ 10 или 15 лѣтъ. Въ этихъ случаяхъ, если только удастся перезвать изъ чужихъ княженій, льгота оказываетъ пользу не только льготчику, но и мѣстному князю. Давая льготы, князья не забываютъ и себя.

4. Какія же льготы даются пожалованнымъ? Въ этомъ пунктѣ встрѣчаемся уже съ совершенно безконечнымъ разнообразіемъ. Есть не мало грамотъ, въ которыхъ пожалован-

ный освобождается отъ всякихъ даней, кормовъ и сборовъ судныхъ мужей; но также имѣемъ не мало грамотъ и такихъ, въ которыхъ пожалованный освобождается только отъ нѣкоторыхъ сборовъ или, освобождаясь отъ всякихъ даней, обязывается дѣлать въ казну нѣкоторый взносъ деньгами. Приведемъ нѣсколько примѣровъ неполныхъ льготъ.

Нижегородскій князь въ 1410 году освободилъ Благовѣщенскій монастырь отъ многихъ сборовъ, въ грамотѣ перечисленныхъ, но передъ этимъ перечисленіемъ дѣлаетъ такую оговорку:

«Коли придетъ моя дань (татарская), игуменъ заплатитъ за нихъ (за монастырскихъ людей) по силѣ».

Два углицкихъ князя освободили села и деревни Троицы-Сергіева монастыря отъ всякихъ даней, но обязали монастырь платить въ свою казну ежегодный оброкъ, одинъ князь на Рождество Христово, другой—на Юрьевъ день весенній и осенній. Тверской великій князь Борисъ пожаловалъ игуменью Срѣтенскаго монастыря, освободилъ отъ всякихъ даней, но въ концѣ грамоты прибавилъ:

«А придетъ моя дань великаго князя неминучая, и игуменья сберетъ сама дань съ тѣхъ людей, да пришлетъ къ моей казнѣ».

Игуменья соберетъ сама,—это потому, что она не только освобождена отъ въѣзда княжескихъ чиновниковъ, но сотскимъ и старостамъ запрещено «наряжать ея людей». Итакъ, невъѣздъ княжескихъ чиновниковъ не устраняетъ еще зависимости льготнаго имѣнія отъ князя непосредственно. Въ 1507 году великій князь Василій Ивановичъ пожаловалъ игумена Валаамскаго монастыря, велѣлъ своимъ новогородскимъ намѣстникамъ не брать съ крестьянъ монастырскихъ своихъ кормовъ, а также ихъ тіунамъ и людямъ поборовъ своихъ не брать. Всѣ остальныя повинности остались на монастырскихъ крестьянахъ. А въ 1517 году онъ освободилъ отъ многихъ перечисленныхъ въ грамотѣ пошлинъ села

и деревни Троицы-Сергіева монастыря, «опричь яму и посошныя службы». Въ Каширскомъ уѣздѣ, въ Ростовскомъ стану, положены церковныя земли въ сошное письмо для одного городового дѣла, а отъ остальныхъ повинностей освобождены. Эта льгота сдѣлана попамъ и причетникамъ церковнымъ «въ руги мѣсто». То же и въ XVII вѣкѣ. Въ 1608 году Воскресенскому монастырю въ Соли Галицкой дана свобода отъ четвертныхъ оброчныхъ денегъ и пошлинъ за намѣстничъ доходъ, а всякія другія подати велѣно платить, какъ и иныя монастырскія вотчины платятъ. Въ 1623 году государь пожаловалъ новогородскаго митрополита, освободивъ его вотчины отъ всякихъ податей:

«Опричъ ямскихъ денегъ, стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ, городоваго и острожнаго дѣла».

Въ 1637 году возстановлено дѣйствіе жалованной въ 1622 году грамоты Тихвинскому Успенскому монастырю, по которой онъ былъ освобожденъ отъ подможныхъ денегъ ямскимъ охотникамъ, но на условіи, если будетъ держать свой ямъ на 5 дорогъ [1].

Итакъ, освобожденіе отъ всякяхъ даней или только отъ нѣкоторыхъ, условно (за плату оброка, напримѣръ) или безусловно — существуетъ рядомъ и встрѣчается съ древнѣйшихъ временъ и по XVII вѣкъ включительно.

И этимъ еще не исчерпывается все разнообразіе содержанія жалованныхъ на льготы грамотъ. Обыкновенно въ такихъ грамотахъ освобожденіе отъ пошлинъ соединяется съ освобожденіемъ отъ суда княжескихъ чиновниковъ, но въ довольно ограниченныхъ размѣрахъ: за княжескими чиновниками, въ большинствѣ случаевъ, остается судъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ: — разбоямъ и убійствамъ, а не рѣдко за ними оставляютъ и кражу съ поличнымъ.

---

[1]) А. Э. I № 17, 19, 28, 35, 164; II 85; III № 139, 267; А. И. I № 100; Писц. кн. XVI вѣка II ст. 1431; Рус. Ист. Библ. II № 255; — 1510—1637.

Но есть грамоты, въ которыхъ дѣлается только освобожденіе отъ суда и никакого отъ пошлинъ [1]); и наоборотъ есть грамоты съ освобожденіемъ отъ однѣхъ пошлинъ [2]); о нихъ рѣчь будетъ ниже.

5. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ грамотахъ встрѣчаемъ приведенное уже условіе:

«А у кого будутъ, у нашихъ намѣстниковъ и волостелей, на грамотники грамоты, а на сю мою грамоту грамоты нѣтъ [3]).

Такого рода приписки встрѣчаются въ грамотахъ XIV—XVI вѣковъ, но чѣмъ ближе къ XVII, тѣмъ рѣже. Приведенная приписка имѣетъ такой смыслъ: эта грамота должна имѣть силу даже и въ томъ случаѣ, когда будетъ предписано сдѣлать сборъ съ грамотниковъ, а другія—теряютъ въ

---

[1]) Для примѣра А. Э. I № 124, 139, 141, 149, 159, 160, 162, 166 и др. Кажется, сюда же надо отнести и одну изъ древнѣйшихъ грамотъ, напечатанную въ Рус. Ист. Библ. II № 15, 1397—432.

[2]) Вотъ образчикъ такой односторонней жалованной грамоты: «Пожаловали есмя Новогородскаго уѣзда... попа Ер. Герасимова и сына его, Исака, въ Новогородскомъ уѣздѣ... дворцовую волостку... въ вотчину со крестьяны и съ рыбными ловлями и со всякими угодьи для того: какъ при Борисѣ Годуновѣ, при его самохотной державѣ, злокозненнымъ его умысломъ, мать наша, великая государыня старица инока Марѳа Ивановна, была сослана въ Новогородскій уѣздъ... въ заточенье, и тотъ попъ Ермолай, памятуя Бога и свою душу... матери нашей... служилъ и прямилъ и доброхотствовалъ во всемъ... и за то радѣніе и службу пожаловали есмя тое волостку въ вотчину... и съ тое волостки... дани денежныя и хлѣбныя и ямскія и ни къ какому дѣлу посохи, ни ямщины, ни иные ни какія разметы, и посланникамъ нашимъ... въ тое волостку въѣзжати не велѣли, и бояромъ нашимъ, и окольничимъ, и воеводамъ, и дьякамъ, и всякимъ приказнымъ людемъ—съ тоѣ волостки, съ ихъ вотчины, нашихъ никакихъ податей не имати». А. Э. III № 151; 1628.

[3]) А. Э. I № 164. 1517. Въ одной изъ древнѣйшихъ жалованныхъ грамотъ это правило выражено такъ: «А хотя коли повелимъ имати на тѣхъ, у кого будутъ грамоты наши жалованныи, на монастырскихъ людехъ ни тогды никто не емли ничего по сей нашей грамотѣ». Это еще яснѣй. А. Э. № 5. 1361.

этихъ случаяхъ свою силу Итаа, данныя льготы подлежатъ отмѣнѣ, когда князь найденъ это нужнымъ, за исключеніемъ только тѣхъ грамотниковъ, относительно которыхъ сдѣлана особая оговорка. Что льготчики дѣйствительно платили, это видно изъ тѣхъ грамотъ XV, XVI и XVII вѣковъ, которыя мы привели выше.

Таково наше льготное право. Предоставленіе льготъ духовнымъ учрежденіямъ имѣло значеніе благочестиваго подвига и должно было войти въ практику въ очень глубокой древности. Первый христіанскій князь, устрояя основанную имъ епископію, не даетъ ей никакихъ льготъ, а обезпечиваетъ ея содержаніе изъ собственныхъ своихъ доходовъ. Это очень понятно. Только что основанная епископія не имѣла ни вотчинъ, ни жалованныхъ земель; но какъ скоро онѣ стали скопляться въ рукахъ церкви, князья стали давать и льготы для увеличенія церковныхъ доходовъ. Древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ жалованныхъ грамотъ соединяетъ въ себѣ пожалованіе монастырю рязанскимъ княземъ и его боярами селъ и бортныхъ земель и предоставленіе ему льготъ отъ суда и даней. Такое же соединенное жалованье земель и льготъ встрѣчается и въ послѣдующее время. Очень можно допустить, что пожалованіе льготъ не всегда обусловливалось челобитьями жалуемыхъ лицъ и учрежденій, а нерѣдко исходило и отъ благочестивой иниціативы самихъ князей. Но, конечно, въ большинствѣ случаевъ челобитье предшествовало пожалованію.

Политическое значеніе такихъ пожалованій у насъ иногда излишне преувеличивается. Несомнѣнно, что предоставленіе указанныхъ льготъ есть уступка княземъ нѣкоторой части своихъ державныхъ правъ; но едва ли справедливо утверждать, что льготная вотчина становилась государствомъ въ государствѣ, а вотчинникъ какъ бы княземъ. Это можно еще утверждать относительно тѣхъ пожалованныхъ, которымъ предоставлялся судъ во всѣхъ дѣлахъ и свобода отъ всѣхъ податей и которые освобождались отъ дѣйствія новыхъ грамотъ. Но такихъ льготчиковъ надо еще поискать;

намъ не встрѣтился ни одинъ. Наиболѣе полное опредѣленіе льготъ находимъ въ грамотѣ Ѳедора Ивановича митрополиту Діонисію на слободку Святославлю. Эта грамота возобновлялась потомъ всѣми послѣдующими государями до Алексѣя Михайловича включительно. Начало этимъ льготамъ положилъ еще великій князь Василій Дмитріевичъ, вымѣнившій у митрополита Кипріана городъ Алексинъ на слободку Святославлю. Тутъ было особое основаніе для княжеской милости. Митрополитъ уступилъ князю свой городъ Алексинъ, а взамѣнъ получилъ отъ него слободку, и вотъ при такомъ обмѣнѣ митрополиту и дана была такая полнота льготъ, которая рѣдко встрѣчается. Тутъ было, значитъ, особое основаніе для значительныхъ льготъ, и тѣмъ не менѣе жалованная грамота не содержитъ въ себѣ приписки: а на сю грамоту—грамоты нѣтъ. А отсюда слѣдуетъ, что слободка Святославля могла быть облагаема повинностями.

Отъ Василія Дмитріевича, вымѣнившаго у митрополита Кипріана городъ Алексинъ, имѣемъ весьма важный документъ, въ которомъ изложены права митрополита Кипріана по владѣнію недвижимости. Этотъ документъ издатели относятъ къ концу XIV вѣка или къ самому началу XV. Митрополиту принадлежалъ тогда городъ Лухъ, церковныя села и Константиновскій монастырь, извѣчный митрополичій, тоже съ селами. Митрополиту были предоставлены судебныя права и льготы отъ повинностей. Судебныя права безъ ограниченій, но если кто будетъ недоволенъ митрополичьимъ намѣстникомъ или волостелемъ и будетъ бить на него челомъ, великій князь самъ его будетъ судить. Судьи митрополита подлежатъ, такимъ образомъ, отвѣтственности передъ княземъ. И это еще не все. Изъ монастырскихъ селъ отъ суда княжескихъ чиновниковъ освобождены только пошлыя села, т.-е. старинныя, уже состоящія за монастыремъ, а не вновь пріобрѣтаемыя. Эти послѣднія состоятъ подъ общимъ судомъ. Льгота отъ повинностей тоже неполная. И Лухъ и церковныя села даютъ дань въ татарскій выходъ; а церков-

ныя села, кромѣ того, и ямъ. Въ случаѣ войны митрополичьи бояре и слуги должны помогать великому князю. Они выступаютъ подъ начальствомъ митрополичьяго воеводы, но подъ стягомъ великаго князя. Въ этомъ же документѣ находимъ такую любопытную справку:

«А что луховцы ставливали хоромы на князя великаго дворѣ въ Володимерѣ, ино то обыскано, что то было учинилося ново, не по пошлинѣ, а нынѣча ненадобѣ луховцамъ ставити хоромовъ на вел. князя дворѣ» (А. Э. I № 9).

О натуральныхъ повинностяхъ луховцевъ была сдѣлана справка, при чемъ оказалось, что постановка княжаго двора— новость. А другія натуральныя повинности? Думаемъ, что другія, пошлыя, могли удержаться, такъ какъ о нихъ не сдѣлано оговорки. Итакъ, въ концѣ XIV вѣка даже владѣнія митрополита не представляли государства въ государствѣ, что же сказать о болѣе мелкихъ людяхъ и о льготахъ по суду и по повинностямъ еще болѣе ограниченныхъ? А были грамоты, которыми льготъ отъ повинностей и вовсе не предоставлялось. Такихъ ограниченныхъ въ какомъ либо отношеніи пожалованій большинство. Какая судебная власть этихъ ограниченныхъ льготчиковъ? Въ уголовныхъ дѣлахъ — кражи безъ поличнаго и всякаго рода обиды дѣйствіемъ и словомъ, а въ гражданскихъ — споры собственныхъ крестьянъ. А какіе у нихъ гражданскіе споры? Вотъ и все. Здѣсь очень далеко «отъ государства въ государствѣ и какъ бы княжеской власти» [1]).

---

[1]) Въ грамотахъ XV вѣка, напечатанныхъ г. Юшковымъ во II томѣ Чтеній за 1898 годъ, есть 13 льготныхъ грамотъ, данныхъ разными князьями ихъ вольнымъ слугамъ. Въ числѣ этихъ 13 грамотъ—10 даны на опредѣленный срокъ, очень различный: есть льготы на 2 года, на 3, самое большое—на 10 лѣтъ; такой срокъ встрѣчается въ одной только грамотѣ и относится къ крестьянамъ, которыхъ пожалованный призоветъ изъ иныхъ княженій (№№ 4. 7, 8, 10, 11, 14, 15, 26, 27 и 40). Безсрочно льготы отъ повинностей даны только тремъ лицамъ (№№ 23, 31 и 42). Условіе о томъ, что «на сю грамоту грамоты нѣтъ», встрѣчается только въ одной грамотѣ, № 10. Наши князья давали своимъ вольнымъ слугамъ льготы отъ повинностей, но нельзя сказать,

Мы имѣемъ даже случаи пожалованія льготъ, при которыхъ князь опредѣляетъ, сколько пожалованный долженъ получать дохода съ своихъ крестьянъ. Въ грамотѣ звенигородскаго князя игумену Старожевскаго монастыря читаемъ:

«Чтобы еси на монастырскихъ селѣхъ имал: на Рожество Христово, за дань и за всѣ пошлины, съ десятины по пяти алтынъ, да по десяти гривенъ масла, да по два сыра, да по овчинѣ» и т. д. (А. И. № 100; 1490).

Князь освободилъ монастырскія села отъ своихъ даней и пошлинъ, но не отъ своей власти.

Въ жалованныхъ вольнымъ слугамъ грамотахъ, въ которыхъ даётся свобода отъ суда княжескихъ чиновниковъ, князья предоставляютъ иногда недовольнымъ судомъ пожалованнаго или его прикащика бить на нихъ челомъ князю: «А кому будетъ чего искати на самомъ (пожалованномъ) или его прикащикѣ, ихъ сужу язъ, князь такой-то, или бояринъ мой введеный» (А. Э. I № 120 и 132; А. до Ю. В. № 31, XX). Судъ пожалованнаго стоитъ подъ контролемъ князя. Пожалованный превращается въ княжескаго чиновника, а не становится самъ «какъ бы княземъ».

Какое же это государство въ государствѣ?

Наши жалованныя на льготы грамоты порождаютъ массу исключеній изъ общей обязанности нести государственныя повинности, но чрезвычайно разнообразныхъ: одни пожалованія освобождаютъ отъ всякихъ податей, другія только

чтобы они были въ этомъ отношеніи очень расточительны. Продолжительные сроки въ 5, 6, 7, 10 лѣтъ даются крестьянамъ, которыхъ пожалованный призоветъ изъ иныхъ княженій. Это населеніе, котораго еще нѣтъ. Такихъ крестьянъ надо еще умѣть переманить къ себѣ. Эта льгота ровно ничего не стоитъ князю. А если крестьяне изъ иныхъ княженій придутъ, они приносятъ князю доходъ по истеченіи льготы. Это выгодная для самого князя льгота.

Въ актахъ Юшкова есть двѣ льготныя грамоты, въ которыхъ рѣчь идетъ о льготахъ до урочныхъ лѣтъ, но самый срокъ этихъ урочныхъ лѣтъ не указанъ (№ 15 и 27). Трудно думать, чтобы былъ общій срокъ льготъ; это неисправность редакціи грамотъ. Грамота подъ № 27 особенно неисправна.

отъ нѣкоторыхъ, одни безсрочно, другія только на опредѣленный срокъ, въ однихъ случаяхъ освобождается все населеніе села и деревни, въ другихъ только пришлое и т. д. Въ связи съ этими льготами стоитъ различіе бѣлыхъ и чсрныхъ земель и дворовъ, бѣлыхъ и черныхъ людей. Что же это за различіе?

Начнемъ со свидѣтельства памятниковъ болѣе простыхъ и совершенно ясныхъ.

Въ описаніи городовъ XVI вѣка бѣлыми называются дворы осадные, дворы пушкарей, царскихъ кузнецовъ, кирпичниковъ и пр. Мы уже знаемъ, что городскіе дворы всякихъ служилыхъ людей повинностями не облагались, а потому они и назывались бѣлыми въ противоположность дворамъ, на которыхъ лежали повинности; эти послѣдніе назывались тяглыми, черными.

Но милостью князя всякій человѣкъ и всякое владѣніе могло получить свободу отъ повинностей, а потому всякій человѣкъ и всякое владѣніе могли сдѣлаться бѣлыми. Это достигалось путемъ пожалованія податныхъ льготъ. Иногда все пожалованіе состояло только въ освобожденіи отъ повинностей. Такимъ жалованнымъ грамотамъ усвоялось и особое наименованіе обѣльныхъ грамотъ, но не всегда; а актъ освобожденія назывался обѣленіемъ. Князь предписывалъ «обѣлить деревни, всякія подати сложить и изъ окладу выложить» [1]). Итакъ, обѣленіе есть пожалованіе однихъ льготъ отъ податей; подсудность же княжескимъ чиновникамъ остается въ полной неприкосновенности. Но и это спеціальное пожалованіе по объему льготы тоже было очень различно. Иногда жаловалась полная свобода отъ всѣхъ податей, иногда только отъ нѣкоторыхъ. Новгородскій митрополитъ Макарій въ 1623 году получилъ подтвержденіе прежнихъ жалованныхъ грамотъ съ 1599 года. Въ этомъ подтвержденіи находимъ, во 1-хъ, жалованную грамоту съ освобожденіемъ отъ суда, за исключеніемъ душегубства,

---

[1]) А. И. III № 149; 1627.

разбоя и татьбы съ поличнымъ, и отъ даней, за исключеніемъ ямскихъ денегъ, стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ, городового и острожнаго дѣла; и, во-2-хъ, обѣльную грамоту, но только на 20 обежъ софійской пашни. На эти 20 обежъ въ 1599 году онъ получилъ обѣльную грамоту съ освобожденіемъ отъ всѣхъ податей. Это пожалованіе и теперь подтверждено. Здѣсь полное обѣленіе. А въ 1550 году игумену Троицы Сергіева монастыря была дана обѣльная грамота на городской дворъ въ Москвѣ, но обѣленіе было неполное; монастырь долженъ былъ мосты мостить и сторожей къ рѣшеткамъ выставлять [1]).

Итакъ, обѣленіе можетъ быть полное и неполное. Въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ полнаго противоположенія бѣлыхъ земель, дворовъ, людей—чернымъ. Бѣлые тоже въ тяглѣ, но въ меньшемъ. А такъ какъ освобожденіе отъ податей дается не только обѣльными грамотами, но и всякими жалованными на льготы, то и эти послѣднія также производятъ обѣленіе. Въ этомъ смыслѣ въ Москвѣ было множество обѣльныхъ людей, земель и дворовъ. Московскіе памятники и перечислить ихъ всѣхъ не въ состояніи. Да и дѣйствительно это трудно сдѣлать, вѣдь жалованныя грамоты давались всѣмъ, начиная патріархомъ и кончая крестьяниномъ. Вотъ для примѣра два перечисленія нетяглыхъ, бѣлыхъ людей и земель. Въ 1555 году велѣно было выписать изъ писцовыхъ книгъ Холмскаго уѣзда всѣ бѣлыя обжи и сохи: помѣщиковъ, вотчинниковъ, владыки, монастырей, церковныя, земецкія, пятіобежныя—и это еще не все, а въ концѣ прибавлено «и всякія бѣлыя обжи и сохи», т.-е., у кого бы онѣ ни оказались. Въ 1670 году нужно было узнать, кто въ Устюжскомъ уѣздѣ не тяглые люди купили себѣ тяглыя деревни и угодья послѣ писцовъ и сравнительно съ тяглыми людьми повинностей платятъ мало или и вовсе не платятъ.

[1]) А. И. I № 164; А. Э. III № 139. Въ 1613 году были обѣлены всѣ монастырскія пашни Троицы-Сергіева монастыря, но только монастырскія, т.-е. пашни на монастырь, а не крестьянскія. Беремъ это свѣдѣніе у г. Дьяконова, Жур. Мин. Нар. Просв. 1893 г., VII, стр. 211.

Въ спискѣ этихъ нетяглыхъ, т.-е. бѣлыхъ людей, находимъ: монастыри, гостей, людей гостинной сотни, протопоповъ, поповъ, дьяконовъ, церковныхъ причетниковъ, подьячихъ съѣзжей избы, посадскихъ людей, и это опять не все, въ концѣ прибавлено «или иныхъ городовъ бѣлые, а не тяглые люди». И лучше было бы ограничиться этою одною прибавкою, не дѣлая никакого перечисленія, ибо невозможно перечислить всѣ разновидности. Крестьянъ нѣтъ ни въ томъ, ни въ другомъ перечисленіи, а были и крестьяне обѣльные, они упоминаются въ грамотѣ 1623 года о сборѣ съ Новгорода мостовыхъ денегъ. Но уже такова практика московскихъ дьяковъ; они не умѣютъ говорить языкомъ общихъ понятій, а все приводятъ отдѣльные случаи. Отсюда эти безконечныя перечисленія, которыя всегда оканчиваются еще и ссылкой на иные случаи [1]).

Наша старинная бѣлизна, слѣдовательно, двоякаго происхожденія. Во 1-хъ, были бѣлые городскіе дворы, которые не облагались повинностями по общему правилу, потому что не представляли промышленныхъ заведеній; во 2-хъ, были бѣлые дворы, обжи и сохи потому, что таковыми дѣлались милостью князя. Сюда относятся всѣ обѣленные дворы и сохи и всѣ льготные отъ податей по жалованнымъ грамотамъ, о чемъ рѣчь была выше [2]).

---

[1]) Доп. къ А. И. I № 78; А. Э. III № 145; Рус. Ист. Библ. XII ст. 425, № 100.

[2]) Трудно допустить, что терминъ «черные» люди и земли въ противоположность къ бѣлымъ пошелъ отъ земель. Скорѣе надо думать, что онъ пошелъ отъ людей. Въ нашихъ памятникахъ наблюдается старинное различіе людей на большихъ и меньшихъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Малые и бѣдные, конечно, — черные, по сравненію съ богатыми. Отъ различія людей — легкій переходъ къ различію земли и тягла. Тягло несутъ всѣ. Изстари натуральное тягло можно переводить на деньги. Но это могутъ дѣлать только богатые люди. Бѣдные—отправляютъ тягло натурой. Они рубятъ лѣсъ для города и мостовъ, строятъ ограды и пр. Они сами черные и тягло ихъ черное. Но тягло не на лицѣ, а на хозяйствѣ и землѣ, отсюда и земля бѣдняковъ черная.—Терминъ «бѣлый» гораздо моложе термина черный. Онъ образовался, какъ противоположеніе къ готовому уже бытовому понятію.

Обѣленіе, кажется, происходило всегда по просьбѣ обѣляемаго, но такъ же, какъ и пожалованіе, не обнимало непремѣнно всѣхъ его владѣній. Въ 1588 году велѣно, по просьбѣ игумена Аркажскаго монастыря, обѣлить шесть обежъ отъ всѣхъ повинностей; а что сверхъ того будетъ у монастыря обежъ въ живущемъ, съ того велѣно имать всякія государевы подати (А. И. I № 222). Этимъ объясняется вышеприведенная грамота, которой предписывается сдѣлать для Холмскаго уѣзда выписку бѣлыхъ сохъ и обежъ помѣщиковъ, вотчинниковъ и другихъ владѣльцевъ. Не всѣ ихъ обжи и сохи бѣлыя, а только нѣкоторыя, и вотъ оказалось нужнымъ выяснить ихъ количество.

Мы имѣемъ грамоты, въ которыхъ предписывается съ бѣлыхъ сохъ сбирать бѣлыя повинности, напримѣръ, «бѣлый кормъ». Эти грамоты составляютъ прекрасное дополненіе къ тому, что сказано выше о положеніи льготныхъ владѣній въ Москвѣ. Льготныя владѣнія освобождены отъ повинностей и суда, но не отъ власти московскихъ князей, а потому, когда оказывается нужнымъ, правительство облагаетъ ихъ сборами. Это и есть то, что мы назвали бѣлыми повинностями и что можно еще назвать бѣлымъ тягломъ. И любопытно, это бѣлое тягло бываетъ больше чернаго. Понятно почему. Бѣлыя сохи свободны отъ обыкновеннаго тягла, а если съ нихъ приходится брать чрезвычайное, то его берутъ съ нихъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ съ черныхъ: все же они, сравнительно, окажутся во льготѣ. Въ 1545 году велѣно было въ Новгородѣ съ бѣлыхъ дворовъ, съ нетяглыхъ, со всѣхъ, взять съ двора по ратнику, а съ черныхъ дворовъ съ 5 дворовъ по ратнику; да съ 20 дворовъ—пудъ зелья, со всѣхъ дворовъ, чей дворъ ни буди. Порохомъ обложены всѣ дворы поровну, а ратными людьми бѣлые дворы въ пять разъ тяжеле. Въ 1536 году, по уставной Онежской грамотѣ, черныя сохи были обложены кормомъ намѣстнику и его людямъ стоимостью въ 12 алтынъ 5 денегъ, а въ 1555 году съ бѣлыхъ сохъ Холмскаго уѣзда приказано было собрать бѣлаго корма по 42 алтына 4 деньги

съ той же сохи; это въ три съ половиной раза больше, но это не постоянный кормъ, а тотъ постоянный [1]).

Итакъ, льготныя владѣнія то призываются къ платежу повинностей наравнѣ со всѣми плательщиками, на что мы указали выше; то платятъ по особому окладу — иногда высшему, чѣмъ обыкновенные плательщики. Отдѣльные случаи платежа бѣлыми сохами по особому окладу и дали поводъ къ такому выраженію въ грамотахъ:

«Платить игумену Іакиму съ бѣлыми сохами вмѣстѣ (у него была жалованная грамота) по тому жъ, какъ и съ иныхъ монастырскихъ вотчинъ наши всякія подати платятъ» (А. Э. II 85; 1608).

Т.-е., какъ они платятъ съ бѣлыхъ сохъ по особымъ грамотамъ, даннымъ на жалованныя грамоты. Что не всѣ монастырскія вотчины были бѣлыя, это совершенно ясно изъ предшествующаго изложенія. Но въ видѣ иллюстраціи, никогда не лишней, я приведу извлеченіе изъ переписки устюжскихъ и сольвычегодскихъ монастырей. Она бросаетъ яркій свѣтъ на положеніе дѣла. Въ 1661 году въ Устюгѣ была получена грамота великаго государя, въ которой велѣно было съ монастырскихъ вотчинъ, съ пятидесяти дворовъ, взять по конному человѣку (даточному) съ запасами на государеву (ратную) службу, противъ властелинскихъ и верховскихъ монастырей бѣлыхъ земель. Изданъ, слѣдовательно, указъ о сборѣ конныхъ ратниковъ съ бѣлыхъ сохъ и присланъ къ исполненію въ устюжскіе монастыри. Что же оказалось? Оказалось, что устюжскіе монастыри бѣлыхъ сохъ вовсе не имѣютъ, у нихъ всѣ земли черныя, и они всякія государевы подати платятъ съ черными крестьянами врядъ, и въ прошломъ 1658 году съ нихъ взято въ солдаты съ четырехъ дворовъ по человѣку. Въ 1678 году то же случилось съ полтинными деньгами на жалованье ратнымъ людямъ. Вотъ какъ въ Москвѣ плохо знали, гдѣ есть бѣлыя

---

[1]) А. Э. I № 181 и 205; Доп. къ А. И. I № 78.

сохи, и какъ необходимы были выписи въ родѣ тѣхъ, которую въ 1555 году приказано было составить для Холмскаго уѣзда. А черныхъ монастырей, которые тянули тягло съ черными людьми, въ Холмогорской и Устюжской епархіи было много. Вотъ они: Архангельскій, Троицкій съ Гледени, Ивановскій, Никольскій-Прилуцкій, Телеговъ, Соловецкая пустынь, Никольской-Коряжскій, Введенскій, Ратмеровскій; девять монастырей, въ которыхъ бѣлыхъ сохъ совсѣмъ не было. Они называютъ себя «черными тяглыми» [1]). Это понятно, они были очень удалены отъ центра. Но не въ лучшемъ положеніи находились иногда и монастыри, имѣвшіе жалованныя грамоты. Это объясняется порядками стариннаго дѣлопроизводства. Списковъ обѣленныхъ сохъ въ приказахъ не вели, копій съ жалованныхъ грамотъ не не оставляли. Если жалованная грамота сгорала, то бѣлыя сохи обращались въ черныя. Такъ случилось съ Воскресенскимъ монастыремъ въ Соли Галицкой. Въ 1557 году на Галичъ приходили казанскіе люди, монастырь сожгли, старцевъ побили. Въ слѣдующемъ году пріѣхалъ писецъ писать земли. Мѣстные крестьяне назвали монастырскія деревни черными, писецъ ихъ такъ и записалъ, и они стали тянуть черное тягло; а игуменъ говоритъ, что у нихъ была жалованная грамота, да сгорѣла. Надо думать, что въ дѣлопроизводствѣ о пожалованіи льготъ не осталось никакого слѣда объ этой грамотѣ, а потому въ приказахъ и справки не дѣлали; игумену повѣрили на слово. Это тотъ иг. Іякимъ, о которомъ мы только что говорили. Любопытный образчикъ неизвѣстности, кому какое тягло тянуть, представляетъ царская грамота отъ 1643 года. Въ 1642 году приказано было въ Ржевѣ исправить городскую стѣну и мостъ сошными ржевскими людьми, посадомъ и уѣздомъ, а воевода Ив. Гр. Квашнинъ привлекъ къ этому дѣлу посадскихъ людей города Осташкова и въ томъ числѣ патріаршихъ и Іосифова монастыря. Патріаршіе и монастырскіе посадскіе люди по-

---

[1]) Рус. Ист. Библ. XII № 77 и 123.

даютъ челобитье, въ которомъ объясняютъ, что они свой городъ Осташковъ дѣлаютъ, который и теперь нуждается въ ремонтѣ, а ремонтъ Ржева въ ихъ тягло не входитъ. Какъ поступаетъ московское правительство? Оно спрашиваетъ Квашнина, по какому указу привлекъ онъ осташевцевъ къ работамъ по укрѣпленію Ржева: въ Московскихъ приказахъ, надо думать, не было никакихъ данныхъ для разъясненія этого недоразумѣнія (А. Э. III № 321). Иногда приходилось прибѣгать къ повальному обыску, чтобы узнать, кто какое тягло долженъ тянуть.

Въ виду такихъ порядковъ дѣлопроизводства, различать на практикѣ бѣлыя и черныя сохи было не легко. Затрудненіе это было особенно велико для городскихъ дворовъ разныхъ служилыхъ людей, которые писались бѣлыми не по грамотамъ, а по служебному положенію владѣльцевъ. Городскіе тяглые дворы составляли предметъ гражданскаго оборота, они закладывались и продавались. Они могли перейдти въ руки бѣломѣстцевъ и, дѣйствительно, переходили; подлежали они въ этомъ случаѣ тяглу или нѣтъ? Конечно, подлежали. Въ описи города они описаны въ числѣ тяглыхъ и, слѣдовательно, принимаются въ разсчетъ при счисленіи сохъ и обложенія тягломъ. Но новые владѣльцы, какъ бѣломѣстцы, могутъ распространять и, дѣйствительно, распространяютъ свою бѣлизну и на эти купленные дворы и уклоняются отъ тягла. Тяглымъ людямъ это невыгодно. Отсюда пререканія и жалобы. Правительство принимаетъ сторону тяглыхъ людей и предписываетъ такимъ покупщикамъ тянуть тягло вмѣстѣ съ черными людьми. Такія предписанія имѣемъ отъ XIV вѣка и до XVII включительно [1]). Это со-

---

[1]) Этимъ объясняется то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дворы церковнаго причта, воротниковъ и другихъ служилыхъ людей—тянутъ тягло на ряду съ черными людьми. Въ Порховѣ, напримѣръ, дворы попа, дьякона, воротниковъ и пищальниковъ тянутъ всякое тягло съ черными людьми потому, что «тѣ дворы всѣ стоятъ на черной землѣ, тяглой, на посадской и тянутъ съ черными людьми». А. Э. I № 205, 1545. Въ Новгородѣ поставили новую церковь и около не было пустыхъ

вершенно послѣдовательно и правильно. Но, надо думать, правительственныя предписанія не всегда достигали цѣли, и бѣломѣстцы продолжали уклоняться отъ тягла. Этимъ объясняются царскія грамоты, которыми посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ стали запрещать продавать свои тяглыя земли, угодья и торговыя и промышленныя заведенія всякихъ чиновъ бѣломѣстцамъ [1]).

Итакъ, у насъ было черное и бѣлое тягло. Тягла эти различались размѣромъ повинностей, а не свойствами земель или лицъ. То и другое тягло могло лежать на частной земельной собственности и на земляхъ, полученныхъ отъ государя; то и другое тягло могли тянуть всякіе люди, начиная съ владыки и бояръ и кончая крестьянами. Льготами могли пользоваться также всякіе люди. Крестьяне, сидѣвшіе на черныхъ государевыхъ земляхъ, обыкновенно, называютъ себя и земли свои черными, тяглыми; это совершенно вѣрно, но это не значитъ, что только ихъ земли черныя и тяглыя; а съ другой стороны были и крестьяне обѣленные [2]).

Такое разнообразіе въ отправленіи общаго тягла про-

мѣстъ, а потому причтъ принужденъ былъ жить на черныхъ мѣстахъ и нести всякое тягло съ черными людьми. Въ 1555 году онъ подалъ вел. князю челобитье объ отводѣ бѣлыхъ мѣстъ. Велѣно отвести. Доп. къ А. И. I № 77. А гдѣ пустыхъ бѣлыхъ мѣстъ не было, тамъ приходилось въ такихъ случаяхъ отводить черныя мѣста бѣломѣстцамъ. При описаніи города Тулы сказано, что два осадныхъ двора князей Голицыныхъ, Андрея и Ивана, изстари были посадскіе, тяглые.

[1]) Г. гр. и дог. I № 33; А. Э. III № 37; Рус. Ист. Библ. XII № 213.

[2]) Наше льготное владѣніе далеко не укладывается въ рамки западныхъ иммунитетовъ. Почтенный авторъ «Иммунитета въ удѣльной Россіи» болѣе занятъ подборомъ изъ нашихъ памятниковъ признаковъ, сходныхъ съ чертами западно-европейскаго иммунитета, чѣмъ изученіемъ характерныхъ особенностей нашего льготнаго владѣнія. Оно, конечно, представляетъ явленіе одного рода съ западными иммунитетами, но по своимъ оригинальнымъ особенностямъ очень далеко расходится съ нимъ. А потому мы были бы противъ введенія въ науку иностраннаго термина для обозначенія нашихъ льготныхъ владѣній. Русскія слова—льготныя владѣнія и льготчикъ – совершенно достаточны и очень хорошо выражаютъ существо дѣла.

изводятъ льготы, даруемыя милостью князей. Другая причина видоизмѣненій общаго тягла заключается въ естественныхъ различіяхъ тягла. Были люди. по своему положенію или личнымъ свойствамъ способные нести какое-либо спеціальное тягло или службу. Напримѣръ, люди, живущіе у озеръ и рѣкъ, какъ бы предназначены къ рыболовному тяглу;— знающіе плотничье ремесло—къ плотничьему и т. д. Такіе люди призывались къ спеціальному тяглу, а отъ другихъ освобождались въ большей или меньшей степени, смотря по особенностямъ случая. Для иллюстраціи приведемъ небольшой рядъ такихъ видоизмѣненій тягла.

Въ городѣ Каширѣ была рыболовная слободка; жителямъ слободки предоставлено было исключительное право ловить рыбу въ мѣстныхъ водахъ для поставки во дворецъ и для себя, конечно. За эту поставку они были освобождены отъ всякихъ повинностей, кромѣ городоваго дѣла. Рыболовы Ѳедосьина городка не только имѣли рыбную ловлю, но и пахатную землю, но были освобождены отъ посошной службы, ямскихъ денегъ и городоваго дѣла; вмѣсто этихъ повинностей они должны были забивать государевъ ѣзъ (приспособленіе для рыбной ловли) и платить государю оброкъ рыбой. Крестьяне борисоглѣбской слободы изъ-за рыбнаго оброка были освобождены отъ всякаго тягла съ городскими и волостными людьми. — Въ той же Каширѣ было 10 дворовъ плотниковъ; ихъ въ сошное письмо не положили и оброка съ нихъ не написали, потому что они плотничаютъ государево дѣло въ Москвѣ и по инымъ городамъ, гдѣ государь велитъ. — Точно также ямскія земли въ сошное письмо не клались [1]).

Ратная повинность лежала на всемъ населеніи. Но въ Московскомъ государствѣ съ половины XVI вѣка возникаетъ особый классъ лицъ, спеціальную обязанность котораго составляетъ военная служба. Точно опредѣлить,

---

[1]) Писц. кн. XVI в. II 415, 1302 сл.; Неволинъ, Приложеніе, 322 А. Ю. № 230; А. Э. I № 324; III № 170. 1578—1686.

что это за лица, не такъ легко, какъ иногда кажется. Ихъ можно было бы назвать служилыми, они нерѣдко такъ и называются; но понятіе службы обнимаетъ большее число лицъ, чѣмъ тотъ классъ, о которомъ мы говоримъ. Черное тягло тоже своего рода служба, и черные люди—тоже служилые. Крестьяне, продавая свои тяглыя деревни, иногда такъ мотивируютъ продажу. Они продаютъ потому, что не могли съ той земли «службы служить великому князю». Лица разсматриваемаго класса еще чаще называются вотчинниками и помѣщиками. Слово помѣщикъ соотвѣтствуетъ дѣлу, но не обнимаетъ всего класса. Его дополняютъ поэтому словомъ вотчинникъ. Но понятіе вотчинника шире, чѣмъ нужно. У членовъ бѣлаго духовенства тоже есть вотчины; даже у крестьянъ есть вотчины, а военная служба не составляетъ ихъ спеціальности. У класса лицъ, о которомъ идетъ рѣчь, есть одинъ общій признакъ. Всѣ они—землевладѣльцы, которые настолько обезпечены землевладѣніемъ, что могутъ жить, не прибѣгая къ труду рукъ своихъ. Чтобы жить, они могутъ довольствоваться трудомъ другихъ людей, принимая на себя только управленіе своимъ хозяйствомъ. Вотъ для этого-то класса и существовала въ Москвѣ спеціальная обязанность военной службы. Эта обязанность не освобождала, однако, подлежащихъ ей лицъ отъ исполненія другихъ повинностей. Соединеніе въ одномъ и томъ же лицѣ общаго и спеціальнаго тягла оправдывается въ данномъ случаѣ нѣкоторой исключительной зажиточностію этихъ лицъ. Снискивая свой хлѣбъ не въ потѣ лица, они были пригодны и къ особой спеціальной военной повинности. Но иногда случалось, что общія повинности взыскивалась съ нихъ въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ съ другихъ тяглыхъ. Напримѣръ, въ 1688 году хлѣбные запасы стрѣльцамъ съ государевыхъ крестьянъ взыскивались въ размѣрѣ 2 и 1/8 четверти ржи съ двора, а съ помѣщиковъ и вотчинниковъ только по 1½ четверти (А. Э. IV № 299).

Но среди этого служилаго класса были люди, стоявшіе въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, напримѣръ, бояре

(введеные), окольничіе, разные приказные чины и пр. Занимая особыя должности, они имѣли и особые доходы. Поэтому случалось, что ихъ облагали не только не ниже обыкновенныхъ тяглыхъ, а выше. Въ 1637 собирали деньги на постройку укрѣпленій противъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Съ посадскихъ людей и государевыхъ крестьянъ брали по полтинѣ (100 денегъ) съ чети; съ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (служилые военные люди) по 10 алт. (60 денегъ); а съ вышеуказанныхъ больше всѣхъ, по 20 алтынъ (120 денегъ) съ чети (А. Э. III № 268).

Монастыри и владыки также были иногда предметомъ особаго обложенія. Многіе изъ нихъ пользовались очень хорошимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, но спеціальной военной службы не несли. Они оказывались, такимъ образомъ, сравнительно съ другими тяглыми людьми, въ особенно выгодномъ положеніи. Поэтому, общее тягло падало на нихъ иногда въ болѣе сильной мѣрѣ, чѣмъ на остальныхъ тяглыхъ. Когда съ государевыхъ крестьянъ потребовали по 2 съ 1/8 четверти ржи съ двора, а со служилыхъ людей только по 1 1/2, владыки и монастырь должны были внести по 3 1/2 четверти.

Наоборотъ, земли стрѣльцовъ, казаковъ, пушкарей и затинщиковъ, которые надѣлялись очень небольшими участками, въ сошное письмо вовсе не клались (Времен. 1852 г. кн. XIII, 27). Они несли только военную службу, а отъ тягла были свободны. Служба выборныхъ людей, излюбленныхъ судей, старостъ, цѣловальниковъ, также освобождала отъ тягла. Уставныя грамоты обѣщаютъ имъ, въ случаѣ хорошаго исполненія ихъ обязанностей, полное освобожденіе отъ пошлинъ и податей (А. Э. I № 242; 1555). Какъ приводилось такое обѣщаніе въ исполненіе, этого мы въ актахъ не видали. Выше мы привели указаніе на обѣльныхъ крестьянъ. Это, можетъ быть, и суть бывшіе судьи и старосты, обѣленные за хорошее исполненіе своихъ должностей.

Всѣ такія замѣны однѣхъ повинностей другими никогда не разумѣются сами собой, а установляются особыми распо-

ряженіями. Грамоты, которыми иногда дѣлается такая замѣна, имѣютъ характеръ пожалованія и, по своему содержанію, очень близко подходятъ къ жалованнымъ грамотамъ на льготы, о которыхъ рѣчь была выше. Вотъ примѣръ. Въ 1584 году царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ попожаловалъ своихъ рыболовей Борисоглѣбской слободы, въ Ярославскомъ уѣздѣ, велѣлъ переписать на свое имя ихъ старыя грамоты. А въ старыхъ ихъ грамотахъ было написано:

«Съ городскими имъ людьми и съ волостными не тянуть ни въ какіе проторы, ни въ разметы; а наши намѣстницы ярославскіе и волостели едомьскіе и ихъ тіуны тѣхъ моихъ рыболовей и оброчниковъ не судятъ ни въ чемъ, опричь одного душегубства, ни кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ, ни всылаютъ къ нимъ ни по что».

Это тѣ самыя выраженія, которыя встрѣчаются во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ на льготы. Но между этой грамотой и тѣми есть и существенная разница. Тѣ грамоты ничѣмъ не обусловлены, кромѣ милости княжеской, а эта тѣмъ, что «рыболовы на княжескій обиходъ ловятъ рыбу». Здѣсь милость за постоянную услугу, а тамъ только милость.

Тягло по принципу общее для всего населенія въ дѣйствительности отличалось величайшей пестротой. Были чисто мѣстныя повинности, напримѣръ, городовое, мостовое дѣло и множество другихъ, которыя отправлялись весьма ограниченнымъ кругомъ населенія. Но и общія чрезвычайно разнообразились въ примѣненіи, благодаря, съ одной стороны, множеству льготъ, а съ другой—бо̀льшей приспособленности нѣкоторыхъ тяглецовъ къ нѣкоторому особому виду тягла. Этихъ ризличій такъ много, что ихъ не легко и перечислить всѣ; а по неполному знанію нашему старой жизни не всегда можно объяснить и причины отклоненія отъ общаго правила. Приведенные же примѣры даютъ право утверждать, что вся эта необычайная пестрота тягла вызы-

валась особенностями древняго быта и стремленіемъ правительства приспособить къ нимъ отбываніе повинностей.

Заключаемъ. Въ древности тягло лежало не на человѣкѣ, а на хозяйствѣ. Хозяйства же облагались тягломъ всякія, кому бы они ни принадлежали. Наличность церковныхъ учрежденій и людей, оказавшихъ князьямъ услуги, повела къ установленію льготныхъ владѣній. Въ настоящее время общеполезныя учрежденія и заслуженные люди содержатся на счетъ доходовъ казны. Князья небольшихъ княженій-волостей не имѣли для этого достаточныхъ средствъ. Вотъ почему они обращались къ пожалованію льготъ отъ повинностей. Они жаловали и земли, но нерѣдко пустыя; льгота была нужна и въ этихъ случаяхъ для привлеченія на пустыя земли населенія. Благодаря льготамъ, появилось различіе чернаго и бѣлаго тягла. Льготныя владѣнія не абсолютно освобождались отъ тягла. За небольшими исключеніями и тѣ, которыя получали свободу отъ всякаго тягла, могли быть призываемы къ отбыванію повинностей, если князь находилъ это нужнымъ. Различіе черныхъ и бѣлыхъ сохъ не стоитъ ни въ какой связи съ сословнымъ различіемъ лицъ. Въ феодальной Европѣ высшій классъ, феодалы (les nobles), были свободны отъ налоговъ, они дѣлали своимъ сюзеренамъ только подарки въ извѣстныхъ случаяхъ; налоги же лежали на крестьянахъ (les roturiers) и рабахъ. У насъ налоги платили и бояре введенные и даже съ пуста и по окладу старостъ и цѣловальниковъ, т.-е. крестьянъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Окладныя единицы

Для опредѣленія размѣра повинностей, падавшихъ на отдѣльныхъ плательщиковъ, въ древности существовали особыя окладныя единицы. Эти единицы различались по мѣсту и времени. Новогородскія—не совпадали съ московскими; а въ Москвѣ съ теченіемъ времени возникали новыя, которыя не вытѣсняли, однако, старыхъ, а дѣйствовали на ряду съ ними. Кромѣ новогородскихъ и московскихъ были, конечно, свои единицы обложенія въ Твери и другихъ княженіяхъ, но о нихъ не осталось никакого слѣда въ извѣстныхъ намъ памятникахъ. Великій князь Иванъ Васильевичъ, присоединивъ Тверь къ Москвѣ, приказалъ тверскія земли писать по московски въ сохи (П. С. Р. Л. т. VIII, 1492 г.).

Древнѣйшей, намъ извѣстной окладной единицей является дворъ; о немъ говоритъ еще начальный лѣтописецъ. Поляне, сѣверяне и вятичи много лѣтъ платили дань хозарамъ по бѣлѣ и веверицѣ «отъ дыма». Подъ дымомъ, конечно, разумѣется—дворъ. Этотъ дворъ, символизируемый дымомъ, остается окладной единицей въ теченіи всей нашей исторіи. Еще въ памятникахъ XVII вѣка налогъ на дворы носитъ

наименованіе «подымнаго» [1]). Съ теченіемъ времени появляются новыя и болѣе искусственныя единицы, въ Новгородѣ — обжа и соха, въ Москвѣ большая соха, а еще позднѣе—выть и дворовая четверть. Но московская соха не вытѣсняетъ двора и новогородской обжи и сохи, а дворовая четверть существуетъ рядомъ съ сохой и дворомъ. Москва не отмѣнила и обжи она облагаетъ по обжамъ еще въ XVII вѣкѣ. Къ старымъ окладнымъ единицамъ Москва присоединяетъ новыя не для замѣны старыхъ, а въ видѣ попытки отыскать болѣе удобный способъ обложенія.

Начнемъ нашъ обзоръ окладныхъ единицъ съ новгородской обжи.

Въ Новгородѣ обжа была не только окладной и платежной единицей, о чемъ рѣчь шла въ предшествовавшей главѣ, но и опредѣленной земельной мѣрой. Это совершенно ясно изъ старыхъ новогородскихъ писцовыхъ книгъ. Въ нихъ не рѣдко встрѣчаемъ такія описанія:

«А деревень пустыхъ: деревня Дмитрово — пуста, а писана была обжею; пустошь Кривско, а писана была обжею; а земли подъ обѣими на обжу». Или: «Деревни Стройково, Маковища, Дукле, Чулково — пусты; писаны были шестью обжами, а земли подъ ними на три обжи» (I 46, 261 и въ другихъ мѣстахъ).

Здѣсь упоминаются двѣ разныхъ обжи: одна идеальная единица обложенія, другая реальная мѣра земли. Деревня можетъ имѣть земли мѣрою всего полъ обжи, но писецъ можетъ описать ее, по состоянію ея хозяйства, въ цѣлую обжу. Итакъ, обжа и обжа не одно и тоже. Какъ велика новгородская обжа въ смыслѣ земельной мѣры, этого мы не знаемъ. Но окладъ дѣлается не по земельной мѣрѣ, не по количеству земли, а по другому признаку. Выше мы указали, что этотъ другой признакъ — есть состояніе хозяйства, измѣряемое количествомъ лошадей. Однолошадное сельское

[1]) Беремъ это указаніе у г. Милюкова, Госуд. хозяйство, прим. на 67 стр., въ которомъ приведено архивное извѣстіе.

хозяйство и есть окладная единица, обжа. Въ этомъ смыслѣ платежная и окладная единица могутъ иногда сходиться, но они не всегда совпадаютъ.

Когда отдѣльный крестьянскій дворъ представляетъ однолошадное хозяйство, дворъ есть обжа, а обжа въ одно и тоже время и окладная и платежная единица. Этотъ новгородскій дворъ-обжа можетъ быть сближенъ съ дворомъ-дымомъ начальной лѣтописи, а обежная дань съ подымной. Но были богатые дворы, съ двумя, тремя и болѣе лошадей. Въ этихъ случаяхъ окладная единица расходилась съ платежной. Окладная останется таже, дань будетъ назначена съ каждой обжи, т.-е. съ каждаго однолошаднаго хозяйства; а платежной единицей будетъ одинъ дворъ, но съ двумя, тремя и болѣе лошадей. Вотъ почему въ писцовыхъ книгахъ на одинъ дворъ приходится не всегда одна обжа, а нерѣдко двѣ, три и болѣе. И наоборотъ, на одну обжу приходится иногда два двора, на двѣ — три и т. д., на семь—девять дворовъ. Здѣсь опять окладная единица расходится съ платежной, но въ другомъ направленіи. Были безлошадные дворы. Безлошадное хозяйство не составляло цѣлой обжи, а нѣкоторую ея долю. Вотъ почему число обежъ въ этихъ случаяхъ меньше числа дворовъ.

Итакъ, окладная обжа то совпадаетъ съ платежной, и въ этомъ случаѣ она равняется двору, то нѣтъ, и въ этомъ случаѣ то одинъ дворъ кладется въ нѣсколько обежъ, то нѣсколько дворовъ въ одну.

Три обжи составляютъ одну новогородскую соху. И обже и соха новогородская представляются сравнительно очень небольшими окладными единицами. Мы не можемъ перевести ихъ на опредѣленную земельную мѣру; но не большіе ихъ размѣры достаточно выясняются тѣмъ, что обжа сводится къ одному крестьянскому двору съ однолошаднымъ хозяйствомъ, а соха къ тремъ.

Москва, присоединивъ Новгородъ, удержала и не только для новогородскихъ пятинъ, но и для другихъ старинныхъ владѣній Новгорода, обжи и новогородскія сохи. Писцовыя

книги второй половины XVI вѣка имѣютъ дѣло съ обжами и мелкими сохами. Помѣстья служилымъ людямъ за тоже время отводятся въ обжахъ. Обжи существуютъ и въ XVII вѣкѣ. Дани и оброки въ началѣ этого вѣка уплачиваются съ обежъ. Въ 1606 году въ Соли-Вычегодской ратныхъ людей собираютъ еще съ малой сошки [1]).

Москва, удержавъ новогородскія обжи и сохи, произвела въ нихъ, однако, весьма существенное измѣненіе. Она перевела ихъ на опредѣленную земельную мѣру. Когда именно это случилось, этого нельзя сказать съ полною точностью. Но есть достаточное основаніе думать, что въ срединѣ XVI вѣка это превращеніе было уже совершившимся фактомъ. Въ 1555 году помѣстья въ Новгородѣ отводятся въ обжахъ. Одинъ помѣщикъ, надѣленный землей въ обжахъ, проситъ о разрѣшеніи произвести съ сосѣдомъ обмѣнъ шести обежъ. Ему это разрѣшается, но на условіи, чтобы «мѣновыя обжи землею и пашнею и всякими угодьи и доходомъ были ровны» (Доп. къ А. И. I № 52, V). Ясно, здѣсь обжа есть опредѣленная мѣра земли. Въ Москвѣ въ это время размѣръ помѣстья опредѣлялся въ четяхъ, а потому и обжи пришлось перевести въ чети.

Что касается размѣра, даннаго московскимъ правительствомъ новогородской обжѣ, то есть основаніе думать, что этотъ размѣръ въ разное время опредѣлялся различно. Въ 1566 г. на обжу клали по 12 четвертей, а въ 1581 только по 10, т.-е., по 5 десятинъ въ полѣ [2]). Соха по этому раз-

---

[1]) Новог. пис. кн. т. IV; Неволинъ, Приложеніе; А. Ю. № 209, IX, XIV; А. И. II, 109. Доп. къ А. И. I № 51, XVII; № 52 IV, VI, VII. 1553—1611.

[2]) Указаніе на послѣдній размѣръ обжи находимъ въ писцовыхъ книгахъ 1581 г. Неволинъ, Приложенія, 70.—Г. Дьяконовъ приводитъ изъ документовъ Архива министерства юстиціи свѣдѣніе, что въ 1581 г. «по приговору бояръ, князя А. М. Трубецкаго съ товарищами, да думныхъ дворянъ и дьяковъ Андрея Щелкалова да Аѳ. Демьянова съ товарищами, писано на обжу по 10 четей». Изъ того же архива онъ приводитъ свѣдѣніе и о 12 четяхъ на обжу доброй земли, 16—средней и 20 худой. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣ-

счету будетъ имѣть 15 десятинъ въ полѣ. Размѣръ небольшой и, конечно, былъ опредѣленъ примѣнительно къ новогородскимъ порядкамъ. Московская соха была гораздо больше. Въ противоположность съ нею новогородская называется малой сохой или сошкой. Новогородская соха въ 30 четвертей или 15 десятинъ существуетъ еще и въ XVII вѣкѣ (А. И. III № 139; 1626 г.).

Наличность двухъ разныхъ сохъ, московской и новогородской, большой и малой, вызвала необходимость опредѣлить ихъ взаимное отношеніе. Первое, намъ встрѣтившееся, опредѣленіе этого отношенія относится къ тому же времени, къ которому относится древнѣйшее указаніе на переводъ обежъ на опредѣленную мѣру земли, къ 1555 г. Въ этомъ году приказано было съ 10 новогородскихъ сошекъ собирать такой же кормъ, какой собираютъ съ одной московской; 10 новогородскихъ сошекъ были, такимъ образомъ, приравнены одной московской, къ которой мы и переходимъ.

Древнѣйшее указаніе на то, что такое московская соха, находимъ въ духовныхъ завѣщаніяхъ вел. князей Василія Дмитріевича (1423 г.) и Василія Васильевича (1462 г.) [1]. Распредѣливъ свои владѣнія между наслѣдниками, князья приказываютъ имъ послать въ свои удѣлы писцовъ, которые должны описать ихъ владѣнія и потому письму обложить по сохамъ, по людямъ, по силѣ. Извѣстіе краткое, но достаточно ясное. Князья ничего не узаконяютъ новаго,

---

щенія 1893 г., м. VII, 214—15.—Размѣры земельныхъ площадей, при недостаточныхъ способахъ измѣренія, не могли имѣть большой точности, а потому и практическое значеніе ихъ было, конечно, очень условное.

[1]) Татищевъ приводитъ болѣе древнее извѣстіе о сохахъ: въ 1275 г. великій князь Василій Ярославичъ возилъ въ Орду дань по полугривнѣ съ сохи, «а въ сохѣ числиша два мужа работника». Въ виду невозможности свѣрить это извѣстіе съ источникомъ, изъ котораго оно заимствовано, мы лишены возможности поставить его въ связь съ другими извѣстіями.

они говорятъ о порядкѣ вещей всѣмъ извѣстномъ, а потому выражаются коротко. Дѣло идетъ о распредѣленіи татарской дани между вновь созданными удѣлами. Вотъ для этого-то и нужно произвести новую опись, которая въ завѣщаніи и предписывается. Самая же опись производится по старому, давно установившемуся порядку, о которомъ нѣтъ надобности распространяться. Что же это за порядокъ? Плательщики кладутся въ сохи, смотря по людямъ, по ихъ силѣ. Итакъ, въ Москвѣ, какъ и въ Новгородѣ, древнѣйшая единица обложенія опредѣляется не мѣрою земли, а состояніемъ хозяйства людей, ихъ экономическою силою. Въ Новгородѣ состояніе хозяйства измѣрялось нѣкоторыми общими внѣшними признаками, а въ Москвѣ? Мы уже знаемъ, что въ Москвѣ такихъ общихъ внѣшнихъ признаковъ не было; состояніе хозяйства плательщика измѣрялось въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ индивидуально, согласно показаніямъ выборныхъ людей, цѣловальниковъ. Такъ поступали при опредѣленіи платежной способности каждаго отдѣльнаго тяглеца, также должны были поступать и писцы при составленіи окладныхъ единицъ, т.-е., сохъ. Они призывались къ этой важной функціи тоже подъ крестнымъ цѣлованіемъ. Писцы, конечно, дѣйствовали не одни и не тайно; опись и положеніе въ соху производились на глазахъ заинтересованнаго, его сосѣдей, мѣстныхъ крестьянъ и старостъ; но писцамъ принадлежало рѣшающее слово. Въ ихъ рукахъ была весьма значительная власть. Они не переписывали только существующее, но налагали повинности и, не рѣдко, и на такія поселенія, которыя ихъ прежде не платили (Калач. II 310, 340, 361, 395), и наоборотъ, освобождали отъ тягла, когда находили это нужнымъ. Въ 1560 г. покровскій попъ села Сухарина, у котораго было собственной земли 25 четвертей, обратился къ государевымъ писцамъ съ челобитьемъ и сказалъ: приходъ его бѣденъ, руги денежной и хлѣбной онъ не получаетъ, вино, воскъ, ладонъ и все, что нужно на церковное строеніе, онъ покупаетъ на свой счетъ, а съ своей деревни пла-

титъ ямскія повинности, но впредь платить ихъ не можетъ. Писцы, П. М. Свѣчинъ съ товарищами, выслушавъ это челобитье, приписали поповскую деревню къ церкви Покрова св. Богородицы на церковное строеніе, а великаго князя оброкъ, пошлины, ямскія деньги и всякія подати сложили, потому что «въ сошное письмо не пригодится, а та бы церковь безъ пѣнья не была» (Калачовъ, II 313). Вотъ какая власть была у писцовъ: они освобождаютъ частную собственность отъ тягла, т.-е. вовсе не кладутъ ее въ сошное письмо по своему усмотрѣнію.

Итакъ, первоначально московскія сохи не опредѣлялись размѣрами поземельнаго владѣнія. Въ предписанное духовной грамотой описаніе удѣловъ входило описаніе земель частныхъ владѣній, числа дворовъ и людей: пашня каждаго такого хозяйства клалась въ сохи, но сохи опредѣлялись не количествомъ четвертей пашни, а общимъ состояніемъ хозяйства. Какъ были велики такія сохи, этого, за отсутсвіемъ данныхъ для древнѣйшаго времени, мы не имѣемъ возможности опредѣлить. Трудно, однако, думать, чтобы первоначально онѣ были велики и очень удалялись отъ размѣровъ старыхъ новогородскихъ сохъ [1]). Только въ XVI вѣкѣ

---

[1]) Проф. Милюковъ въ одной рукописной сотной Владимірскаго уѣзда 1544 г. послѣ перечисленія дворовъ и количества сошнаго письма нащелъ такую приписку: «Деревня Кучино со княземъ Александромъ Другчимъ въ спорѣ, а пашетъ ее князь Александръ, а въ соху положена однокольцомъ пол-пол-пол-чети сохи». (Вопросы, 47). Эта приписка имъ превосходно истолкована. Одноколецъ — есть владѣлецъ колышки или телѣги. Онъ приравненъ $^1/_{32}$ сохи. На соху, слѣдовательно, полагается — 32 однокольца. Здѣсь соха опредѣлена количествомъ крестьянскихъ хозяйствъ (у автора—рабочихъ селъ). Это все можно принять, какъ указаніе на одинъ изъ способовъ древнѣйшаго опредѣленія сохи. Далѣе, 32 однокольца даютъ автору возможность сблизить московскую соху съ новогородской. Новогородская соха состоитъ изъ 3 обежъ, т.-е. изъ 3 хозяевъ (у него—конныхъ работниковъ); а десять малыхъ сошекъ или 30 хозяевъ ровны одной московской сохѣ или 30—32 однокодьцамъ. Такимъ образомъ получаетъ свое объясненіе приравниваніе 10 сошекъ одной большой сохѣ, а при пере-

Digitized by Google

онѣ достигаютъ значительной величины, до 600 и болѣе четей на соху.

Предоставленіе писцамъ права класть пашню отдѣльныхъ имѣній въ сохи по особенностямъ хозяйства должно было повести къ появленію сохъ самыхъ различныхъ размѣровъ. Такъ это и было въ дѣйствительности. Доказательство этому представляетъ самая древнѣйшая изъ извѣстныхъ намъ писцовыхъ книгъ. Мы разумѣемъ писцовую книгу Тверскаго уѣзда, написанную ранѣе 1540 года. У насъ есть писцовыя книги, въ которыхъ пашни вовсе не кладутся въ сошное письмо; эту же книгу надо назвать книгой сошнаго письма по преимуществу. Въ ней иногда отсутствуетъ описаніе количества земли, ея качества и пр. [1]), но сошное письмо есть всегда. Мы нашли только одно отступленіе отъ этого общаго правила. При описаніи деревни церкви св. Іоанна на Городкѣ прямо сказано: «и та деревня въ сошное письмо не положена» (160) потому, конечно, что это церковная земля. Итакъ, это книга положенія въ сошное письмо. Вотъ какія находимъ въ ней цифры четей пашни на соху:

Для вотчинныхъ земель добрыхъ: 591, 656, 1968 четей.
средниxъ: 256, 264, 404, 512, 620, 720, 800, 828, 912, 960, 1200, 1296.
песчаныхъ и каменистыхъ: 400, 512, 720, 1104, 1120 [2]).
Для помѣстныхъ—среднихъ: 360, 416, 543, 699, 752, 816, 864, 876, 996, 1008 [3]).

водѣ на чети оно теряетъ всякій смыслъ, ибо 300 четей оказываются равными 600, 800 и болѣе до 1200. Но въ концѣ XVI вѣка 300 четей=600=800 и т. д. Все это историческіе наросты, потерявшіе свой первоначальный смыслъ.

[1]) Напримѣръ: стр. 159, 180, 194—8, 224, 227, 230, 240, 243 254, 272.

[2]) Калачовъ, II 161—3, 258—260.

[3]) Калачовъ, II 141, 143, 154, 164, 166, 167, 183, 248, 250—2. Далѣе цифры въ скобкахъ означаютъ страницы.

Для владычныхъ—среднихъ: 563 и 613 (203).
Для монастырскихъ—добрыхъ: 600 (152).
среднихъ: 437, 457, 672, 852.
худыхъ: 450 (176).
Для церковныхъ добрыхъ: 504, 784.
среднихъ: 600
каменистыхъ и песчаныхъ: 544, 600
Для черныхъ добрыхъ: 391
среднихъ: 495 [1]).

Итакъ, еще въ концѣ первой половины XVI вѣка пашни кладутся въ сохи не по количеству распаханной земли, а смотря по людямъ и ихъ хозяйственной силѣ.

Теоретически это совершеннѣйшій порядокъ обложенія, какой только себѣ можно представить. Но на практикѣ онъ могъ вести къ большимъ неудобствамъ и даже злоупотребленіямъ. Вотъ почему съ этой идеальной окладной единицей случилось то же, что и съ платежной: она стала переходить въ опредѣленную мѣру земли. Когда такой переходъ начался, этого тоже нельзя опредѣлить съ полною точностью. На основаніи писцовыхъ книгъ второй половины XVI вѣка можно думать, что писцамъ даются уже опредѣленныя указанія относительно того, сколько четвертей пашни надо класть въ соху, но различныя для разныхъ разрядовъ лицъ и для разныхъ мѣстностей. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ вотчинныя, помѣстныя и черныя сохи оказываются равными 800 четямъ, монастырскіе—600 (добр. з.). Но и во второй половинѣ XVI вѣка наблюдаемъ значительныя отступленія отъ такого размѣра. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

---

1) Калачовъ, II 159, 161, 175—7. Такія же данныя нашелъ г. Милюковъ въ архивныхъ документахъ минист. юстиціи. Въ 1533 году въ одномъ и томъ же помѣстьи Галицкаго уѣзда въ соху кладутъ 984 четьи и 1.080; въ помѣстьи Костромскаго уѣзда—720 и 630. Спорн. вопр., стр. 42.

Московскій уѣздъ.

Помѣстныя земли добрыя: 544 (31), 672 (37), 720 (38), 880 (32), 888 (37), 925 (26, 30).

Монастырскія—среднія: 924 (280) [1]).

Коломенскій уѣздъ.

Помѣстныя земли добрыя: 704 (335), 768 (483, 503), 936 (335), 962 и 972 (483).

Коломенская писцовая книга занимаетъ всего 320 стр., въ ней описано болѣе 213 владѣній; но сошное письмо показано только у 8 человѣкъ, и изъ этого числа только у двухъ сохи оказались въ 800 четей доброй земли. Такимъ образомъ, здѣсь большинство—въ отступленіяхъ отъ предполагаемаго правила.

Тульскій уѣздъ.

Помѣстныя земли добрыя: 720 (1103), 744 (1102), 888 (1112), 960 (1102).

Орловскій уѣздъ.

Помѣстныя земли добрыя: 736 (853), 860 (854).

Надо думать, что наказаны писцамъ и въ концѣ XVI вѣка не были безусловны, а предоставляли имъ еще значительную долю усмотрѣнія. Наблюдаемая въ очень многихъ случаяхъ норма, 800 четей для служилыхъ людей и черныхъ и 600 для монастырей, свидѣтельствуетъ о томъ, что правительство, опредѣляя размѣръ сохи, руководствовалось не желаніемъ вообще объединить этотъ размѣръ, а приспособить сошное обложеніе къ особенностямъ положенія разныхъ классовъ плательщиковъ, и сообразовалось съ тяжестью лежащаго на нихъ тягла. Духовныя учрежденія сравнительно со служилыми и черными людьми были въ выгоднѣйшемъ положеніи, а потому ихъ сохи были мельче, чѣмъ и достигалось нѣкоторое уравненіе ихъ съ классами сильнѣе обложенными. Тутъ слышится опять ста-

[1]) Цифры въ скобкахъ означаютъ стр. Калач. изд.

рина: индивидуализація обложенія, но не по отдѣльнымъ хозяйствамъ, а по классамъ лицъ. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ и отъ этой по разрядной или классной нормы дѣлались отступленія. По одной сотной Бѣлоозера 1587 года въ бывшей вотчинѣ боярина Ив. Пет. Өедорова въ соху клали средней земли — 400 четвертей. А въ монастырской вотчинѣ Кириллова монастыря по сотной то же конца XVI вѣка 688 четей сочтены въ три сохи: на соху придется менѣе 300 четвертей. Въ 1597 году вотчины Троицы-Сергіева монастыря, по указу Өедора Ивановича, положены были противъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель: добрая земля въ 800 чет., средняя—въ 1000, худая—въ 1200. А въ 1613 году Михаилъ Өедоровичъ велѣлъ всѣ земли Троицы-Сергіева монастыря класть въ 800 четей безъ наддачи, т.-е. сократилъ льготу своего предшественника [1]). Въ данномъ случаѣ монастырскія сохи сближены съ помѣстными, вотчинными и черными. А вотъ примѣръ обратнаго сближенія черныхъ сохъ съ монастырскими. Отъ 1585 года имѣемъ опись рыболововъ Федосьина городка. Ихъ земли положены въ соху по размѣру монастырскихъ: средней земли 700, худой—800. (Калачовъ, II 415). Можно думать, что при каждой описи правительство въ наказахъ писцамъ опредѣляло, что и какъ класть въ сохи. Если такого опредѣленія не было сдѣлано, писцы обращались въ Москву и спрашивали, сколько чего класть въ соху. Такъ поступили писцы Нижняго Новгорода, описывавшіе этотъ городъ въ 1623 году. (Рус. Ист. Библ., т. XVII стр. 191). Къ сожалѣнію наказы писцамъ намъ до сихъ поръ неизвѣстны.

Указанное разнообразіе размѣровъ сохъ увеличивается еще тѣмъ, что въ предѣлахъ старинныхъ владѣній Новгорода примѣнялась малая соха всего въ 300 четей. Но и размѣры этой сохи не сохранялись неизмѣнно. Въ Хлыновскомъ

---

[1]) Беремъ эти свѣдѣнія у г. Дьяконова, онъ нашелъ ихъ въ арх. матеріалахъ Мин. юстиціи. Журналъ Мин. Нар. Просв. за 1899 г., т. VII стр. 211 и 216.

и Слободскомъ уѣздахъ въ 1601 году на соху приходилось всего 100 четвертей (тамъ же стр. 215). Такъ разнообразны размѣры московскихъ сохъ въ XVI вѣкѣ; не достигаютъ они единства и въ слѣдующемъ. Въ XVII вѣкѣ дворцовой доброй земли клалось въ сохи отъ 600 до 800 четей, черной отъ 500 до 800, вотчинной и помѣстной отъ 800 до 900 [1]). Соха монастырской средней земли въ Устюжской епархіи въ 1626 году равнялась всего 105 четямъ (Рус. Ист. Библ., т. XIV, № 34); въ то же самое время къ другимъ мѣстностямъ новогородскихъ владѣній были примѣняемы московскія сохи. Земли государевыхъ крестьянъ Сумерской волости были положены по 800 четей доброй земли въ соху (Неволинъ, Приложенія, 130). Итакъ, московское сошное письмо представляетъ значительное разнообразіе и въ XVI, и въ XVII вѣкѣ. Были, значитъ, причины, которыя заставляли во второй половинѣ XVI вѣка и въ XVII мириться съ этимъ разнообразіемъ и не дѣлали настоятельнаго вопроса изъ объединенія размѣровъ сохъ. Эти причины заключались въ томъ, что во второй половинѣ XVI вѣка сошное письмо выходило изъ употребленія и замѣнялось обложеніемъ по четямъ. Это выяснится изъ ближайшаго разсмотрѣнія частностей сошнаго письма.

Писцы клали въ сошное письмо каждое отдѣльное имѣніе особо. Они перечисляли число деревень въ каждомъ имѣніи, дворовъ въ деревнѣ, количество пашни паханой, перелога, дикаго поля и пр. въ четяхъ, сѣна въ копнахъ, лѣсу въ десятинахъ и затѣмъ дѣлали разсчетъ, сколько сохъ или долей сохи составляетъ это имѣніе. При большихъ размѣрахъ московскихъ сохъ второй половины XVI вѣка, отдѣльное имѣніе, обыкновенно, составляло не цѣлую соху, а нѣкоторую ея дробную часть. Писцамъ для каждаго имѣнія приходилось вычислить, какую дробь сохи оно составляетъ. По тогдашней сельско-хозяйственной ариѳметикѣ признава-

---

[1]) Беремъ эти данныя у г. Лаппо-Данилевскаго, который выписалъ ихъ изъ разныхъ архивныхъ матеріаловъ, Прям. облож. 520.

лись только такія дроби сохи: половина, четверть, восьмая, шестнадцатая и тридцать вторая и треть, шестая, двѣнадцатая и двадцать четвертая. Другихъ дробей не знали. А писалось это такъ: «а сошнаго письма полъ полъ чети и полъ полъ полъ трети сохи» или «полъ сохи безъ полъ полъ чети сохи». Понятно, что при такомъ счисленіи въ дѣйствительности оказывались остатки четей противъ показаннаго сошнаго письма или вычисленное сошное письмо было больше дѣйствительности. Въ такихъ случаяхъ прибавляли: «а не дошло до сошнаго письма 3 чети» или «а перешло за сошнымъ письмомъ 3 чети». Итакъ, писцы должны были пересчитать всѣ деревни, дворы въ нихъ, перемѣрить всѣ земли и вычислить долю сошнаго письма для каждаго имѣнія. Это очень большая работа. При оцѣнкѣ ея надо имѣть еще въ виду недостатки тогдашней землемѣрной техники и математическаго образованія.

Описи отъ времени до времени повторялись. Для производства новой описи писцамъ давали въ руководство копіи съ предшествующихъ писцовыхъ книгъ; это такъ называемыя «приправочныя книги». При новой описи писцы дѣлаютъ иногда сравненія со старой и указываютъ на послѣдовавшія съ теченіемъ времени измѣненія. Особенно цѣнны указанія въ итогахъ на прибыль и убыль населенія, на распашку новыхъ земель и на переходъ въ пусто прежде бывшихъ въ обработкѣ.

Между двумя описями часть имѣнія могла перейдти въ другія руки. Несмотря на это, оно нерѣдко и новымъ писцомъ кладется въ сошное письмо въ старомъ составѣ. Въ этихъ случаяхъ деревни разныхъ владѣльцевъ въ сошное письмо кладутся вмѣстѣ.

Возникаетъ такой вопросъ. У каждаго владѣльца могутъ быть пустыя земли и воздѣланныя—разнаго характера: однѣ могутъ лежать при деревнѣ и состоять въ трехпольномъ хозяйствѣ, это такъ называемая «паханая пашня», другія онъ можетъ пахать наѣздомъ, наконецъ, у него можетъ быть переложная пашня и пашня въ лѣсу. Что же кладется въ

соху? Такъ какъ соха есть окладная единица, а повинности лежатъ на живущей пашнѣ, то въ соху надо класть только живущую пашню. Это совершенно понятно. Какъ же поступаютъ писцы?

Практика писцовъ чрезвычайно разнообразна. Старые писцы описывали и клали въ сохи только жилыя деревни. Такъ поступали писцы, описывавшіе новогородскія пятины въ концѣ XV вѣка. О пустыхъ деревняхъ они только упоминаютъ, что эти деревни были (то-есть, прежде) положены въ обжи, но сами не кладутъ ихъ въ обжи Также поступаютъ писцы, описывавшіе тверскія земли въ первой половинѣ XVI вѣка. Въ этой писцовой книгѣ рѣчь идетъ только о жилыхъ деревняхъ и о пашнѣ паханой; эти жилыя деревни и кладутся въ сошное письмо [1]). Иначе ведутъ опись писцы конца XVI вѣка. Они кладутъ въ сохи не одну пашню паханую при живущей деревнѣ, но и перелогъ, и пустоши, и наѣздъ. У нихъ, вслѣдствіе этого, получаются сохи живущія и пустыя, сохи пашни паханой и перелога, который въ Москвѣ въ окладъ не шолъ. Это существенное измѣненіе стараго порядка сошнаго письма. Положеніе въ сохи, какъ мы видѣли, возникло для обложенія данью; а здѣсь въ сохи кладутся и земли, которыя данью не облагались: перелогъ, наѣздъ, пустоши. Произошли, стало быть, какія-то измѣненія, которыя дали описательной работѣ писцовъ нѣсколько другой характеръ. Сошное письмо не отмѣнено, но къ нему присоединилось еще что-то новое. Дѣствительно, въ промежутокъ времени, съ первой половины XV вѣка, когда сошное письмо, конечно, не было навостью, и до конца XVI-го, у насъ произошло не мало существенныхъ перемѣнъ въ правахъ и обязанностяхъ населенія. Вольная служба перешла въ обязательную, размѣры обязательной службы были опредѣлены размѣрами поземельныхъ владѣній въ четяхъ: наряду съ своеземцами появились помѣ-

[1]) Калачовъ, II. Только одинъ разъ мы замѣтили упоминаніе о пустыхъ деревняхъ, 209.

щики. Для устройства военной службы, развитіе которой было такъ необходимо въ цѣляхъ объединенія Россіи, московскіе князья стали надѣлять служилыхъ людей своими землями. На всѣ такія данныя земли, дачи, помѣстья, и на старинныя вотчины своеземцевъ рядомъ со старымъ тягломъ легло новое—обязательная военная служба. Всѣ эти перемѣны не могли не отразиться и на порядкѣ описи имѣній.

Въ книгѣ сошнаго письма находимъ такое наставленіе писцамъ:

«А какъ у книжной справки сядутъ писцы справлять и прежъ выписывать изъ всякихъ крѣпостей и изъ сказокъ помѣщиковыхъ и вотчиниковыхъ... на перечень... статьями, что кому именемъ окладъ, и что за кѣмъ именемъ въ помѣстьи или въ вотчинѣ, по его сказкѣ и по крѣпостямъ, въ тотъ его окладъ въ дачахъ порознь живущихъ селъ и деревень... и пустыхъ селъ и деревень».

Далѣе составитель книги сошнаго письма совѣтуетъ описывать сколько за кѣмъ селъ и деревень въ живущемъ и въ пустѣ и вычислять сохи для живущаго и для пуста [1]).

Итакъ, первое дѣло писцовъ, по этому наставленію, состоитъ въ томъ, чтобы выяснить, какой кому положенъ окладъ, и кто чѣмъ въ этотъ окладъ владѣетъ въ дѣйствительности и по какимъ актамъ. Это мысль совершенно новая. Окладъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть помѣстный окладъ, который былъ различенъ, смотря по отеческой чести служилаго человѣка и личнымъ его заслугамъ. При старой описи не возникало никакихъ вопросовъ объ окладѣ, а также и объ актахъ укрѣпленія. Это было безразлично для цѣлей старой описи: кто чѣмъ владѣетъ, тотъ съ того и плати. Теперь дѣло другое: устрояя службу, правительство беретъ на себя и обезпеченіе служилыхъ людей. Каждый изъ нихъ долженъ имѣть «окладъ», съ котораго могъ бы отправлять свою службу. Сошная книга объясняетъ, зачѣмъ нужно приводить документы: «чтобы не было потомъ

---

[1]) Временникъ, XVII 37 сл.

спору». Итакъ, къ старой цѣли сошнаго письма присоединилась теперь новая: опись помѣстій въ полномъ ихъ составѣ, жилое и пустоши, чтобы знать, кто чѣмъ надѣленъ. Послѣдовательное примѣненіе къ новой описи правилъ старой привело къ положенію въ сохи не только живущаго, но и пустошей. Въ этомъ высказалось неумѣнье автора книги сошнаго письма разумно примѣнить старые порядки къ требованіямъ новаго времени. Онъ большой рутинеръ. Класть въ сошное письмо пустоши и теперь не было надобности. Это чистая рутина.

Но когда же возникла указанная новость описей? На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать съ совершенною точностью. Книга сошнаго письма, изъ которой мы сдѣлали выписку, написана въ 1629 году, а болѣе старыхъ мы не имѣемъ. Профессоръ П. Милюковъ высказываетъ мысль, что книги сошнаго письма возникли въ половинѣ XVI вѣка, и дѣлаетъ попытку возстановить ихъ первоначальное содержаніе. Попытка чрезвычайно почтенная. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что книги сошнаго письма возникли не въ XVII вѣкѣ, а гораздо раньше. Въ XVII вѣкѣ онѣ не столько дѣйствительность, сколько пережитокъ старины. Книги эти представляютъ наставленіе о томъ, какъ описывать земли и класть ихъ въ сохи. Такія наставленія должны были появиться при первомъ возникновеніи сошнаго письма. По мѣрѣ измѣненія въ цѣляхъ описи земельныхъ имѣній должны были измѣняться и эти наставленія. Къ рѣшенію вопроса о томъ, когда должны были появиться указанныя нами новости, мы пойдемъ не отъ содержанія книгъ сошнаго письма, а отъ появленія фактовъ, которые должны были вызвать новости въ ихъ содержаніи. Новости, о которыхъ идетъ рѣчь, сдѣлались очевидными уже во второй половинѣ XV вѣка. Съ великаго князя Ивана Васильевича надѣленіе помѣстьями — стало правительственной системой. Съ этого времени могли уже появиться и новыя описи и новыя руководства для ихъ составленія. Отъ половины XVI вѣка имѣемъ и офиціальное указаніе на необходимость описы-

вать имѣнія согласно съ новыми условіями жизни, о чемъ скажемъ ниже.

Массовая раздача помѣстій должна была вызвать описи ихъ раздачи. Примѣръ такой раздаточной описи даетъ первая тверская писцовая книга 1539 года [1]). Описи по отдѣльнымъ участкамъ носятъ здѣсь такой заголовокъ: «Волость Захожье, а въ ней вел. государя села и деревни дворцовые, а розданы помѣщикамъ». Или: «Книги Микулинскіе четвертные, а въ нихъ вел. князя села и деревни дворцовые, а розданы помѣщикамъ». За тѣмъ идетъ имя помѣщика, названіе данныхъ ему деревень, перечисленіе дворовъ, иногда число крестьянъ и людей, количества земли въ четвертяхъ, сѣна въ копнахъ, а сошнаго письма вовсе нѣтъ. Понятно почему: это опись раздачи и только. Розданныя деревни, конечно, были уже положены въ сошное письмо и повторенія не требовалось.

Отъ второй половины XVI вѣка дошли до насъ и описи раздачи, и окладныя книги, въ которыхъ деревни кладутся въ сошное письмо, иногда, по указанному выше образцу: показывается сошное письмо въ живущемъ и въ пустѣ, а иногда и совершенно иначе. Предписанія книги сошнаго письма, слѣдовательно, не обязательны? Конечно, вѣдь это не указъ царя, состоявшійся по приговору бояръ или и безъ ихъ приговора. Это учебная книга, составленная знающимъ человѣкомъ, въ которой отразились его личные взгляды, не болѣе. Писцы, знакомые съ нею и согласные съ высказанными въ ней совѣтами, могли описывать согласно ея указаніямъ; кто смотрѣлъ на дѣло иначе, могъ писать по своему. Вотъ почему, думаемъ, описи конца XVI вѣка и представляютъ большое разнообразіе. Указныхъ предписаній, надо думать, не было; все рѣшалось практикой. Преобладаніе практики, а не общихъ правительственныхъ распоряженій, составляетъ характерную особенность московскаго управленія.

Разсмотримъ же эту практику, она незамѣтно вырабаты-

[1]) Напечатана у Калачова II стр. 40—140.

ваетъ совершенно новый порядокъ обложенія. Но приказной рутины и въ этой практикѣ чрезвычайно много.

Мы имѣемъ нѣсколько описей московскаго уѣзда, съ нихъ и начнемъ. Онѣ выпадаютъ на время отъ 1574 по 1584 годъ (Калачовъ I). Въ большинствѣ случаевъ въ нихъ рѣчь идетъ о земляхъ, розданныхъ въ помѣстья, но встрѣчаются и вотчины. Въ помѣстья роздано множество пустошей съ переложною пашней. Не всѣ, но очень многія пустоши положены въ сошное письмо «въ пустѣ» съ прибавкой: «и окладъ его сполна весь»; это, слѣдовательно, опись помѣстной дачи. Сошное письмо пустошей чистая рутина, не имѣющая практическаго смысла. Величайшимъ рутинеромъ оказался писецъ М. А. Хлоповъ, онъ положилъ въ сошное письмо даже пустыя помѣстныя земли, которыя никто въ помѣстье не взялъ, а, стало быть, и облагать было не кого, и оброчныя, которыя тоже въ помѣстья не были взяты, а потому сданы въ оброкъ. Такія земли, какъ было указано въ своемъ мѣстѣ, тягла не тянутъ, а Хлоповъ и ихъ положилъ въ сошное письмо [1]). Другіе писцы Московскаго уѣзда были разсудительнѣе и земель, въ помѣстье не розданныхъ, въ сошное письмо не клали. Такъ же разсудительно поступилъ и И. Жеребцовъ, описывавшій Тульскій уѣздъ въ 1589 году [2]).

У нѣкоторыхъ помѣщиковъ, кромѣ перелога, оказалась «пашня паханая». Она такъ описывается:

«А сошнаго письма полъ четверти сохи, и окладъ его учиненъ сполна; изъ того числа пашни паханые 5 четьи» (22).

Въ сошное письмо здѣсь положена вся земля, а это сплошь пустоши съ переложной пашней; «пашня паханая» въ количествѣ 5 четей оказалась только въ одной деревнѣ Сазоновой, она и выдѣлена изъ общаго числа и показана особо. Съ какой цѣлью? Платежъ повинностей лежитъ не

---

1) Калачовъ, I 116, 120, 155, 160, 167.
2) Тамъ же, стр. 1; т. II стр. 1152, 1202.

на пустошахъ а на жилой пашнѣ, вотъ почему 5 четей пашни паханой и показаны особо. Только эти 5 четей и подлежатъ обложенію, а не полъ четверти сохи перелога. Мы тутъ наблюдаемъ переходъ къ новому порядку обложенія по четямъ, а не по сохамъ. Въ началѣ описи Московскаго уѣзда встрѣчаемъ нѣсколько вотчинъ и купель: Н. Д. Юрьева, Ѳ. В. Шереметева, подьячего И. Кузьмина и другихъ. Ихъ вотчины и купли въ сошное письмо не переведены. Писецъ ограничился указаніемъ числа четей пашни паханой и перелога. Что же это значитъ? Надо думать, что въ его глазахъ сошное письмо потеряло уже окладное значеніе; для повинностей довольно было указать чети, что онъ и сдѣлалъ.

Еще болѣе проглядываетъ эта точка зрѣнія у И. Жеребцова, описывавшаго Тульскій уѣздъ въ 1589 году. Онъ кладетъ въ сохи и живущее и пустое, но иногда живущее и пустое сливаетъ вмѣстѣ въ одну общую соху: «А сошнаго письма въ живущемъ и въ пустѣ полчетьи сохи». Значеніе сохи, какъ окладной единицы, здѣсь совершенно утратилось. Съ чего же платить? Писцовая книга Жеребцова отвѣчаетъ и на этотъ вопросъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ сливаетъ живущее съ пустымъ въ одну соху, онъ прибавляетъ: «А платить ему съ живущаго съ 3 четьи». Эти три четьи и составляютъ пашню паханую въ описанномъ имѣніи.

По этому образцу описаны уѣзды Каширскій и Медынскій.

Въ томъ же духѣ ведетъ описаніе Орловскаго уѣзда Дем. Яковлевъ; вымираніе сошнаго письма выступаетъ у него еще яснѣе. Живущее и пусто у него всегда показаны въ одной общей сохѣ, но всегда прибавлено:

«А платить ему государевы всякія подати съ живущаго съ четвертные пашни, съ одной чети». Но часто сошнаго письма и совсѣмъ нѣтъ, а есть только: «А платить ему государевы всякія пошлины съ живущаго съ четвертные пашни».

Но подъ конецъ своего описанія онъ пересталъ повторять и эту фразу и сталъ ограничиваться однимъ перечисленіемъ деревень, числа дворовъ и количества пашни паханой и дикаго поля, предполагая, по всей вѣроятности, что всякій знаетъ, сколько придется платить, если указано число живущихъ четвертей. Эта книга писана въ 1595 году.

Также описанъ и старѣйшій городъ Московскаго государства Коломна. Въ описи Коломенскаго уѣзда встрѣчаемъ болѣе 213 владѣній, а сошное письмо показано только у 8 владѣльцевъ. Писцы описали и измѣрили весь уѣздъ, но въ сошное письмо, какъ бы въ разсѣянности, положили только 8 владѣльцевъ въ разныхъ мѣстахъ книги, а для остальныхъ ограничились указаніемъ количества четвертной пашни. Это не книга рыздачи помѣстій, здѣсь описываются и помѣстья, и вотчины, и монастырскія, и церковныя земли. Для цѣлей окладной описи, съ точки зрѣнія этихъ писцовъ, довольно указать четвертную пашню.

Коломенскій уѣздъ описанъ въ 1578 году, но совершенно въ томъ же духѣ описанъ Звенигородскій еще въ 1560 году [1]). Въ печатномъ изданіи онъ занимаетъ 70 страницъ, а сошное письмо показано только у четыерхъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ, писцы уже съ самаго начала второй половины XVI вѣка находятъ возможнымъ обходиться безъ сошнаго письма; они довольствуются указаніемъ четвертей.

Въ заключеніе этого обзора описей XVI вѣка остановимся еще на писцовыхъ книгахъ Рязанскаго края, недавно изданныхъ рязанской Ученой Архивной коммиссіей подъ редакціей В. Н. Сторожева. Они представляютъ очень много своеобразнаго. но ведутся не по одному образцу, а весьма различно, и вполнѣ подтверждаютъ вышесказанное.

---

[1]) На 703 страницѣ написано: «...и на тѣ пустоши звенигородскіе писцы Д. И. Смуневъ да Дятелъ Григорьевъ сынъ Машковъ съ товарищи дали ...льготы на 5 лѣтъ, отъ лѣта 7068-го до лѣта 7073». Льгота, конечно, дана въ годъ описи—1560-й.

Первая изъ напечатанныхъ книгъ (стр. 1—156) «письма и мѣры» Т. Г. Вельяминова съ товарищами 1594—1597 года не содержитъ въ себѣ, однако, никакихъ данныхъ мѣры земли. Въ ней указаны только деревни, но количества пашни паханой, перелога, наѣзда, лѣсу, сѣна—не приведено; числа дворовъ и людей также нѣтъ. Но сошное письмо вездѣ есть, и въ сохи положено не только живущее, но и пустое. Иногда живущее и пустое переведено въ сохи отдѣльно, а иногда вмѣстѣ; но въ этихъ случаяхъ всегда прибавлено: «А платить съ живущаго съ 5 четей пашни».

Также коротко написана и вторая книга «письма и мѣры» В. Я. Волынскаго и И. А. Нащокина тѣхъ же годовъ (стр. 157—254). Въ ней обозначены только деревни да сошное письмо и больше ничего. Но живущее и пусто переведены въ сошное письмо всегда раздѣльно. Еще есть любопытная особенность. Живущее не всегда переводится въ сохи, а иногда говорится такъ:

«Въ живущемъ въ четвертной пашни 5 четей, а въ пустѣ и съ наѣзжею пашнею полъ полъ чети сохи».

Живущее въ сохи вовсе не переведено и платить приходилось прямо съ четей. Иногда и пусто показывается въ четяхъ, а не въ сохахъ. Въ концѣ XVI вѣка земли мѣрились, но въ книги писались иногда только выводы изъ этой мѣры, а не самая мѣра [1]).

[1]) Профессоръ Милюковъ, производя въ архивахъ свои наблюденія надъ порядкомъ писанія писцовыхъ книгъ по сотнымъ выписямъ, пришолъ къ такому выводу: «Сотные выписи XVI вѣка распадаются на два типа. Первый, болѣе древній, никогда не даетъ указаній на то, какое количество пашни передается на соотвѣтствующее количество сошнаго письма. Второй типъ, болѣе поздній, напротивъ, главнымъ образомъ указываетъ количество пашни и большею частью совершаетъ переводы ея на сошное письмо по опредѣленной нормѣ». Вопросы, 41. Наблюденіе это можно пополнить на основаніи печатнаго матеріала. Въ описи Московскаго уѣзда 1585 г. (Калачовъ, II, 832) земли положены въ сохи, но какое количество пашни кладется въ соху, этого не указано. Тоже и въ писцовыхъ книгахъ Рязанскаго края. Такимъ образомъ, и

Въ прекрасномъ изданіи рязанской Ученой Архивной коммиссіи напечатана и писцовая книга XVII вѣка (1628 годъ). Она написана съ большими подробностями и ближе къ извѣстнымъ уже намъ московскимъ книгамъ. Въ ней обозначены: дворы, люди, пашня паханая, пашня наѣздомъ и перелогомъ и что лѣсомъ поросло. Земли положены въ сошное письмо, но живущее и пусто показано въ общемъ итогѣ съ обычной въ этихъ случаяхъ припиской: «А платить съ живущаго съ одной четверти пашни». Здѣсь сохи также замѣнены четями, какъ и въ московскихъ книгахъ.

Итакъ, практическое значеніе сошнаго письма со второй половины XVI вѣка несомнѣнно падаетъ. Но сошное письмо не отмѣнено. Очень многіе писцы весьма усердно переводятъ въ сошное письмо и не только жилыя, но и пустыя земли, окладу не подлежащія; даже земли, которыя никто не взялъ ни въ помѣстье, ни въ оброкъ, и тѣ иногда кладутся въ сохи. Терминъ «сошное письмо» постоянно въ ходу и не только въ XVI вѣкѣ, но и въ XVII-мъ. Даже памятники конца этого вѣка говорятъ о сборѣ доходовъ «по сошному письму съ живущей четверти» [1]).

Какое же отношеніе сошнаго письма къ чети? Значеніе чети съ теченіемъ времени (въ XVII вѣкѣ) тоже мѣняется; мы говоримъ теперь о чети, какъ мѣрѣ земли равной половинѣ десятины.

Это отношеніе превосходно разъясняется царской грамотой въ Муромъ о сборѣ ямскихъ денегъ. Изъ этой грамоты узнаемъ, что съ 1618 по 1621 годъ ямскія деньги собирали съ сохи по 800 руб., а съ чети по 1 руб. Совершенно ясно: четь замѣняетъ соху, а потому легко можетъ и вытѣснить ее, такъ какъ счетъ по четямъ гораздо

въ описяхъ конца XVI вѣка количество пашни не всегда указывается, а потому остается неизвѣстнымъ, какое ея количество переводится въ сохи. Вмѣстѣ съ этимъ подвергаются значительному колебанію, какъ два подмѣченныхъ проф. Милюковымъ типа сотныхъ, такъ и его выводы на этомъ наблюденіи основанные.

[1]) А. Э. IV № 189 и 251; 1672—1682.

проще и легче счета по сохамъ. Эта царская грамота вполнѣ объясняетъ колеблющуюся практику писцовъ.

Въ 1624 году приказано было стрѣльцамъ на хлѣбное жалованье взять съ сохи по сту четьи ржи и овса, а съ чети пашни съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, которые положены по 800 четьи въ соху,—по четверику ржи и овса, а съ митрополичьихъ и съ монастырскихъ, которые положены по 600 четей въ соху, съ чети пашни—по получетверику ржи и овса. Здѣсь также обложеніе сдѣлано альтернативно на сохи и чети. Но иногда правительство назначало сборъ повинностей не съ сохъ, а прямо съ четей. Въ 1631 году приказано было съ вотчинъ Кириллова монастыря, съ 23.690 четей, взять, вмѣсто даточныхъ людей, деньгами 2.072 рубля 29 алтынъ 1 деньгу [1]). Итакъ, правительство предписываетъ сборъ то альтернативно съ сохи и чети, то прямо съ четей, вовсе не упоминая о сохахъ. Древнѣйшій случай обложенія по четямъ восходитъ къ половинѣ XVI вѣка. Въ 1556 году, по разсказу лѣтописца, Иванъ Грозный съ вотчинъ и помѣстій учинилъ уложенную службу: со ста четвертей доброй земли человѣкъ на конѣ и въ полномъ доспѣхѣ.

Со второй половины XVI вѣка, слѣдовательно, рядомъ съ сохой появляется и другая окладная единица—четь, т.-е., живущая четверть земли, въ разъясненномъ выше смыслѣ (IV глава). Съ этого же времени, какъ мы видѣли, появляется и новая практика въ описи имѣній. Эти двѣ новости стоятъ въ тѣсной связи одна съ другой; обложеніе по четямъ вызываетъ и перемѣну въ описяхъ.

Переходъ отъ старой единицы обложенія къ новой, отъ сохи къ чети, могъ совершаться очень легко. Соха — чрез-

---

[1]) А. Э. III № 121 и 193; А. И. III № 132. Здѣсь вездѣ четь — тоже полъ десятины, а не дворовое число, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Изъ № 274 А. Э. III мы знаемъ, что у Кириллова монастыря всего было 2.101 дворъ, а если перевести на дворы 23.690 четей по указамъ 1630—1631 годовъ, у Кириллова монастыря оказалось бы 214.210 дворовъ крестьянскихъ и 142.140 бобыльскихъ, а всего 356.365.

вычайно громоздкая единица обложенія и практически мало удобная. Она требуетъ массы вычисленій, такъ какъ въ дѣйствительности, за исключеніемъ богатыхъ владѣльцевъ, а ихъ было немного, сохъ вовсе не существуетъ, а существуютъ только ихъ дроби. Переходъ къ четямъ долженъ былъ начаться, какъ только отъ индивидуальныхъ сохъ, опредѣляемыхъ по особенностямъ каждаго отдѣльнаго хозяйства, по людямъ и ихъ силѣ, стали переходить къ сохамъ опредѣленной геометрической площади. Если соха въ 800 четей должна платить 800 рублей, то понятно, каждая четь можетъ быть обложена однимъ рублемъ, а лучше имѣть дѣло съ четями, чѣмъ съ сохами. Вотъ почему писцы, описывавшіе Звенигородскій уѣздъ въ 1560 году, почти совершенно игнорируютъ сохи. Но сошная рутина продержалась до конца XVII вѣка. Чети не вытѣснили сохъ. И въ XVII вѣкѣ земли кладутся въ сохи и сборъ повинностей назначается съ сохъ.

Въ исторіи сошнаго обложенія есть, однако, пункты очень неясные. Что первоначально соха опредѣлялась не мѣрой земли, а смотря по людямъ, по силѣ ихъ хозяйства, это надо принять. Это говорятъ московскіе памятники и это совершенно согласно съ новогородскими порядками, гдѣ сохи тоже не мѣра земли, не геометрическая площадь. Такая индивидуальная единица обложенія не могла быть очень большая; новогородскія сохи дѣйствительно были невелики. Можно думать, что и московская соха первоначально тоже была не велика [1]). А въ первой половинѣ XVI вѣка она достигаетъ большихъ размѣровъ (отъ 250 до 1300 четей), не дѣлаясь еще геометрической площадью опредѣленной величины. Соха Тверскаго уѣзда по описи 1539 года не стоитъ ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи съ количествомъ обработываемой земли, какъ и новгородская обжа, а между тѣмъ по размѣрамъ она превосходитъ ее во 100 разъ и болѣе. Какъ это случилось? Какія обстоятельства

---

[1]) Такъ думаетъ и профессоръ Милюковъ Вопросы 44.

привели къ тому, что московская соха получила такіе значительные размѣры? На этотъ вопросъ не находимъ отвѣта. Наши напечатанные источники слишкомъ скудны.

До сихъ поръ у насъ рѣчь шла о сельско-хозяйственной или земельной сохѣ, но въ Москвѣ была еще дворовая соха. Земельная соха служила для обложенія уѣздныхъ земель, дворовая — для обложенія городскихъ дворовъ, посадскихъ, погостскихъ и въ рядкахъ. Исторія дворовой сохи имѣетъ много общаго съ исторіей сохи земельной. Но памятники, въ которыхъ рѣчь идетъ о дворовой сохѣ, даютъ новыя указанія, которыя проливаютъ дополнительный свѣтъ и на особенности земельной сохи.

Какъ размѣры земельной сохи постоянно колебались, такъ колебались и размѣры сохи дворовой. Въ нее входитъ разное количество дворовъ и не только въ разныхъ городахъ, но и въ одномъ и томъ же, то больше, то меньше. Въ XVI вѣкѣ встрѣчаемъ сохи:

въ Торопцѣ	въ	46	дворовъ
» Соли Вычегодской . .	»	62	»
» Муромѣ	»	63 и 148	»
» Коломнѣ	»	72 и 82	»
» Зарайскѣ.	»	80	»
» Можайскѣ.	»	88 и 100	»
» Вороначѣ	»	112	»
» Гдовѣ	»	208	»
» Опочкѣ	»	224	» [1])

Тоже и въ XVII вѣкѣ. Въ 1629 году велѣно было росписать Чердынскій уѣздъ въ сошное письмо дворами по 392 двора въ соху, а въ Балахнѣ въ 1619 году въ соху клали только—200 дворовъ. Около того же времени про-

[1]) А. Э. I № 343; А. Ю. № 229; Калачовъ I ст. 314, 630; эти свѣдѣнія печатныхъ источниковъ мы дополнили архивными, приведенными г. Чечулинымъ въ его Городахъ, стр. 60, 111, 177—8 и 283. Мы выбирали примѣры, въ которыхъ качество дворовъ въ соображеніе не принималось.

исходила опись Нижняго. Описавъ всѣ дворы, писцы говорятъ, что по государеву указу имъ велѣно класть въ соху лучшихъ людей по 40 дворовъ, среднихъ по 50 и 60, молодшихъ по 70, а худыхъ по 100 [1]). Но, продолжаютъ писцы, въ указѣ не написано, къ чему относится такое сошное письмо, къ прежнимъ ли податямъ, что брали съ сохъ до разоренія, или и къ нынѣшнимъ новоприбылымъ доходамъ, что собираютъ сверхъ прежнихъ на подмогу ямскимъ охотникамъ и на стрѣлецкіе хлѣбные запасы. И писцы написали о томъ въ докладѣ государю царю и вел. князю Михаилу Өедоровичу и отцу его, святѣйшему патріарху Филарету Никитичу. На этотъ запросъ изъ Москвы въ 1627 году отвѣчали, что въ соху надо класть всякихъ людей дворы противъ того, какъ кладутъ въ Балахнѣ. А въ Балахнѣ въ 1619 году клали по 200 дворовъ. Опись Нижняго началась въ 1621 году и тогда, конечно, писцамъ данъ былъ указъ, сколько класть въ соху, который они и приводятъ. Проходитъ 6 лѣтъ и получается совершенно новое предписаніе о сохѣ, гораздо болѣе льготное [2]).

Итакъ, составъ дворовой сохи нѣчто чрезвычайно подвижное. Онъ измѣняется даже въ виду того, сколько брать добавочныхъ повинностей. Если брать приходится много, то составъ сохи дѣлается больше. Въ нее кладутъ теперь въ Нижнемъ 200 всякихъ дворовъ, тогда какъ 6 лѣтъ тому назадъ предписано было класть худыхъ дворовъ — 100, а хорошихъ и того меньше, только 40. Дѣйствительный же платежъ распредѣлялся между дворами не поровну, а по животамъ и промысламъ; при чемъ богатые платили въ 120 разъ болѣе бѣдныхъ; это уже по мірскому обложенію.

Но была и другая причина различія въ составѣ сохъ. Въ указѣ сольвычегодскому приказному человѣку, А. И.

---

[1]) Это въ 1621 году, а въ 1597 въ городѣ Николы Зараскаго приказано было класть въ соху: лучшихъ людей по 80 дворовъ, середнихъ по 100, а молодщихъ и убогихъ по 120. Писц. кн. Рязан. края, I вып., 157.

[2]) А. Э. IV № 6; Рус. Ист. Библ. т. XVII 192.

Вельяминову, отъ 1589 года написано: «И ты бъ, взявъ съ собой старостъ и цѣловальниковъ и людей добрыхъ, сколько пригоже, у Соли на посадѣ Николы чудотворца Коряжемскаго монастыря анбары, и дворы, и полянки, и пожни ..... въ сошное письмо положилъ ..... смотря по дворамъ, и по людямъ, и по промысламъ, и по животамъ, какъ кому мочно наши доходы платить и какъ бы нашей казнѣ было прибыльнѣй (А. Э. I № 343). Это превосходнѣйшая иллюстрація къ завѣщаніямъ вел. князей Василія Дмитріевича и Василія Темнаго. Положеніе въ дворовую соху дѣлается не по числу дворовъ, а по людямъ смотря, по ихъ промысламъ и животамъ. Дворовая соха нѣчто индивидуальное, а не формальное. Если люди совсѣмъ исхудали и отемнѣли, то ихъ и вовсе въ соху не клали, сколько бы такихъ дворовъ ни оказалось. По описи 1585 года въ Вельи и Себежѣ дворы въ сохи вовсе не были положены «за худобою» [1]). Такъ же, конечно, первоначально клались въ соху и земли по индивидуальной оцѣнкѣ каждаго владѣнія, а не по числу четей земли. Вотъ почему дворовыя сохи не состоятъ изъ одинаковаго числа дворовъ, а земельныя изъ одинаковаго числа четей. Съ теченіемъ времени дѣлаются частичныя попытки уравненія земельныхъ сохъ по классамъ населенія, но они, какъ мы видѣли, далеко не достигаютъ ихъ объединенія. Можно думать, что были такія же попытки и въ области дворового письма. Предписано же было Нижній писать по образцу Балахны. Этотъ примѣръ объединенія могъ распространяться и на другіе города.

Въ сошное письмо, какъ мы видѣли, земельные писцы кладутъ пустоши; тоже дѣлаютъ и дворовые, они кладутъ въ сохи не только жилые, но и пустые дворы, конечно, не для обложенія повинностями. Это такая же рутина ни на что ненужная, какъ и тамъ.

Наконецъ, съ обложеніемъ по земельнымъ сохамъ съ

---

[1]) Чечулинъ, Города, 111, изъ рукоп. матеріаловъ.

половины XVI вѣка конкуррируетъ обложеніе по четямъ, какъ ихъ составнымъ частямъ; такъ и здѣсь съ обложеніемъ по дворовымъ сохамъ конкуррируетъ обложеніе по дворамъ, къ чему мы и переходимъ.

Дворъ является древнѣйшей единицей обложенія. Съ IX вѣка, когда русскія племена платили дань хозарамъ съ дыма, эта единица удерживается въ теченіе всей нашей исторіи. Волоцкой князь Ѳедоръ Борисовичъ въ 1500 году пожаловалъ Іосифову Волоколамскому монастырю свою деревню и освободилъ ее отъ всякихъ повинностей и между прочимъ отъ «подымнаго». Во второй половинѣ вѣка безпашенные бобыли платили въ монастыри оброкъ, а крестьяне въѣзжій кормъ доводчику тоже «съ дыма». Сборъ ратнымъ людямъ на жалованье въ 1638 году названъ «подымнымъ» [1]).

Что это за единица? Во времена глубокой старины человѣкъ, живущій собственнымъ домомъ съ необходимыми хозяйственными постройками, а это и есть дворъ, представлялъ единственную для того времени крупную экономическую величину. Весьма понятно, что на него и падало тягло. Но какое хозяйство велъ этотъ дворъ, сельское или городское? До обособленія городовъ отъ селъ, спеціализаціи хозяйствъ не было, и дворъ былъ единственной единицей обложенія для всякаго вида хозяйствъ. Другія единицы обложенія въ видѣ лавки, црѣна, чана, коней, плуга, обжи, сохи, должны были появиться съ обособленіемъ сельскаго хозяйства отъ иныхъ промысловъ. Но дворъ и съ расчлененіемъ занятій и успѣхами культуры продолжаетъ оставаться очевиднымъ и легко распознаваемымъ признакомъ благосостоянія и налогоспособности. Онъ необходимое условіе и сельскаго хозяйства, и торговли, и промысловъ. Изъ предшествующаго мы видѣли, что дворъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, совпадаетъ съ обжей. Этимъ легко

---

[1]) А. Э. I № 136 и 238; А. Э. III № 258; Писц. кн. XVI в. I; П. Милюковъ, Гос. Хоз. 67.

объясняется то, что въ бывшихъ новогородскихъ владѣніяхъ посадскій дворъ по налогоспособности приравнивается къ обжѣ. Въ Вятскомъ уѣздѣ въ XVI вѣкѣ съ посадскаго двора брали тоже, что и съ обжи: «а дворъ посадскій противу обжи» говоритъ памятникъ (А. Э. I № 234, 1552). Въ древнѣйшихъ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ господскій доходъ съ крестьянъ опредѣлялся съ двора-деревни; тоже продолжается и въ XVI вѣкѣ. Игуменъ Соловецкаго монастыря въ уставной грамотѣ крестьянамъ пишетъ: «Давати имъ прикащику съ житейскихъ дворовъ»... (тамъ же № 221, 1548). Понятіе о дворѣ крестьянскомъ, какъ окладной единицѣ, присуще сознанію людей и XVI вѣка.

Изъ предшествующаго мы знаемъ, что въ XVI вѣкѣ городскіе дворы сводятся въ сохи и въ такомъ видѣ нѣсколько десятковъ и даже сотенъ дворовъ составляютъ одну окладную единицу. Но въ то же время и отдѣльные городскіе дворы составляютъ окладную единицу. Для городовъ новогородскихъ пятинъ — это старина. Въ писцовыхъ книгахъ XV вѣка посадскіе люди Корелы, Орѣшка, Ладоги обложены прямо по дворамъ, а не по дворовымъ сохамъ.

Такое обложеніе городскихъ людей (посадскихъ, погостскихъ и жителей рядковъ) по дворамъ непосредственно, а не по дворовымъ сохамъ, встрѣчается и въ грамотахъ XVI вѣка. Шенкурцы и Вельскаго стану посадскіе люди платятъ съ дворовъ намѣстничъ кормъ, новогородцы — пищальныя деньги и выставляютъ ратныхъ людей тоже съ дворовъ [1]).

Въ періодъ полнаго господства сошнаго письма обложеніе по дворамъ непосредственно переходитъ, иногда, и на крестьянскіе дворы. Въ книгахъ сошнаго письма находится весь необходимый для этого матеріалъ: тамъ приведены не только сохи и чети, но и число дворовъ. Всѣ данныя для обложенія по дворамъ давно налицо. А дворы представляютъ удобство не только по сравненію съ сохами,

---

[1]) А. Э. I № 205, 234.

но и съ четями. Чети слишкомъ мелкая единица; дворы— покрупнѣе, а потому и удобнѣе. Обложеніе по дворамъ могло повести къ упраздненію и самаго измѣренія, которое брало много времени и едвали давало точные результаты.

Древнѣйшій намъ встрѣтившійся случай обложенія крестьянъ по дворамъ относится къ 1506 году. Рыболовы Переяславской слободы должны были давать на «взоѣздъ» волостелю полтину съ дворовъ, а не съ сохъ; ратныхъ же людей на службу они давали не съ дворовъ, а съ сохъ. Рыболовы тѣ же крестьяне; у нихъ есть земли, которыя кладутся въ сошное письмо. Къ нимъ примѣняется и дворовое и сошное обложеніе [1]). Въ писцовыхъ книгахъ Рязанской земли 1594 года находимъ извѣстіе, что монастырская вотчина положена въ соху по дворамъ въ томъ размѣрѣ, какъ кладутся въ соху посадскіе дворы (2-й вып. 157). Съ паденіемъ практическаго значенія сошнаго письма, обложеніе крестьянъ по дворамъ должно было участиться.

Отъ 1632 года сохранилась росписка въ полученіи за этотъ годъ данныхъ и оброчныхъ денегъ съ вотчинъ вологодскаго и великопермскаго архіепископа со 125 дворовъ крестьянскихъ и 18 дворовъ бобыльскихъ. Въ 1637 году, по соборному опредѣленію, брали ратныхъ людей съ дворовъ: съ вотчинъ духовныхъ учрежденій по человѣку съ 10 дворовъ, а съ дворцовыхъ селъ, съ помѣстій и съ вотчинъ служилыхъ людей — по человѣку съ 20 дворовъ. Въ то же время ратнымъ людямъ на жалованье приказано было взять съ посадовъ и съ государевыхъ черныхъ волостей съ 10 дворовъ по 20 рублей, а съ двора по 2 рубля. Сборъ съ дворовъ продолжается въ теченіе всего XVII вѣка. Въ концѣ вѣка деньги на жалованье и на хлѣбъ

---

[1]) А. Э. I № 143; въ № 242 тѣ же рыболовы названы крестьянами; борисоглѣбскіе рыболовы называются и рыболовами и крестьянами. А. Э. III № 170. Въ сотной дворцовыхъ рыболововъ волости Ивановъ-Борокъ описана принадлежащая имъ земля. А. Ю. № 228, 1506—1626 г.

стрѣльцамъ опредѣляются съ двора крестьянскаго, бобыльскаго, посадскаго въ размѣрѣ 30 алт., рубля, и пр. [1]).

Итакъ, обложеніе съ двора проходитъ чрезъ всю нашу исторію съ древнѣйшихъ временъ и по конецъ XVII вѣка; къ двору городскому оно примѣнялось съ бо́льшей непрерывностью, но было хорошо извѣстно и крестьянскому. Для XVII вѣка это не новость. Обложеніе съ двора получаетъ въ это время только особенно широкое примѣненіе на счетъ сошнаго письма и нѣкоторыхъ другихъ способовъ, оказавшихся менѣе практичными.

Но дворы очень не равны по своему благосостоянію. Есть дворы—равные обжѣ; но были дворы въ двѣ, три и болѣе обежъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ были дворы, обложенные одной полушкой, и дворы, обложенные 60 полушекъ и даже 120. Какъ же такая не постоянная величина могла служить единицей обложенія? Мы выше указывали уже на то, что дворъ, какъ единица обложенія, и дворъ, какъ единица платежа, не одно и тоже. Мѣстнымъ жителямъ предоставлялось путемъ раскладки повинностей по животамъ и промысламъ уравнивать тѣ неравенства, которыя являлись естественнымъ слѣдствіемъ экономическаго неравенства отдѣльныхъ дворовъ. Но это не все. Правительство и съ своей стороны принимало мѣры къ тому, чтобы приспособить эту единицу обложенія къ мѣстнымъ потребностямъ. Дворъ, какъ единица обложенія, въ одныхъ мѣстахъ считался большей цѣнностью и облагался сильнѣе, въ другихъ — меньшею и облагался легче. Любопытный примѣръ такой приспособляемости двора, какъ единицы обложенія, къ мѣстнымъ потребностямъ, даетъ выписка изъ окладныхъ книгъ о сборѣ денегъ на жалованье московскимъ стрѣльцамъ. Въ 1681 году московскіе гости разложили стрѣлецкія деньги на дворы по всѣмъ городамъ. По ихъ оцѣнкѣ дворы разныхъ городовъ оказались разной платежной способности,

---

[1]) А. Ю. № 209, XV; А. Э. III № 274 и 275; А. И. III № 201; А. Э. IV № 243, 250, 251, 299; 1632—1688.

а потому и въ окладъ были положены различно. Въ Ярославлѣ каждый дворъ былъ осложенъ 2 р., въ Вологдѣ рублемъ и 140 деньгами, въ Нижнемъ и Костромѣ рублемъ и 100 деньгами, въ Казани рублемъ и 80 деньгами, въ Суздалѣ и Елатьмѣ—рублемъ и 60 деньгами, въ Веневѣ, Серпуховѣ, Бѣлевѣ, Черни, Переяславлѣ Залѣсскомъ, Вязьмѣ, Нерехтѣ, Калугѣ, Устюгѣ Великомъ и многихъ другихъ городахъ однимъ рублемъ, въ Юрьевцѣ-Польскомъ въ 180 денегъ, это наименьшій окладъ (А. Э. IV № 250). Такимъ образомъ, окладной дворъ приспособлялся къ особенностямъ мѣстности, въ однихъ городахъ онъ цѣнился выше чѣмъ въ другихъ; да кромѣ того въ каждой мѣстности окладной дворъ распадался на отдѣльные платежные дворы, которые платили по ихъ животамъ и промысламъ, а не по окладу, ясный примѣръ чего даетъ разобранная выше опись Нижняго. На уѣздные дворы окладныя деньги распредѣлялись «по землямъ и по угодьямъ». По сравненію съ другими единицами обложенія дворъ представляется наиболѣе гибкой и приспособляемой къ мѣстнымъ условіямъ единицей.

Указанныя единицы обложенія, возникнувъ въ разныя времена, не вытѣсняютъ, однако, одна другую, а существуютъ всѣ вмѣстѣ. Въ XVII вѣкѣ ихъ можно наблюдать единовременно. Но и этихъ многочисленныхъ способовъ обложенія для цѣлей московской администраціи оказалось мало; въ первой половинѣ XVII вѣка возникаетъ еще новый.

Въ XVI вѣкѣ, а по всей вѣроятности и того раньше, у насъ возникла дворовая соха, а въ XVII-мъ возникаетъ дворовая четверть. Первые, дошедшіе до насъ, указы, въ которыхъ идетъ рѣчь объ этой окладной единицѣ, относятся къ 1630 и 1631 году; но нововведеніе началось нѣсколько раньше, годомъ или двумя. Въ этихъ болѣе раннихъ указахъ, до насъ не дошедшихъ, рѣчь шла о новой окладной единицѣ для монастырскихъ вотчинъ и помѣстій нѣкоторыхъ городовъ, напримѣръ, для Мещовска и Медыни;

въ дошедшихъ же до насъ указахъ новая окладная единица вводится для помѣстій и вотчинъ въ 71 уѣздѣ.

Дошедшіе до насъ указы [1]) не объясняютъ мотивовъ нововведенія. Но объ нихъ можно догадываться. Есть основаніе думать, что въ XVII вѣкѣ бобыльство получило большое развитіе и число бобыльскихъ дворовъ сравнительно съ крестьянскими значительно возросло. Крестьянскіе и бобыльскіе дворы при подворномъ обложеніи расцѣнивались по животамъ и промысламъ, по землямъ и угодьямъ. Надо думать, что такая расцѣнка не всегда была правильная, и вотъ явилась мысль составить такую окладную единицу, въ которой податное отношеніе крестьянскихъ дворовъ къ бобыльскимъ было бы точно опредѣлено и не зависѣло отъ усмотрѣнія окладчиковъ. По имѣющимся даннымъ это было прежде всего сдѣлано для вотчинъ и помѣстій Мещовскаго и Медынскаго уѣздовъ. Новая окладная единица должна была тамъ состоять изъ 12 крестьянскихъ и 8 бобыльскихъ дворовъ. А въ монастырскихъ вотчинахъ приказано было (то же до 1630 года) класть отъ 3-хъ до 9 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ въ дворовую четверть [2]). Установляя такое отношеніе между служилой четвертью и монастырской, правительство, очевидно, руководилось тѣми же соображеніями, по какимъ монастырская соха была менѣе помѣстной: духовенство, какъ не состоявшее на службѣ, дожно было облагаться повинностями въ большей мѣрѣ, чѣмъ служилые люди. Отъ 30 и 31 года имѣемъ рядъ указовъ, которыми такая же окладная единица установляется для помѣстій и вотчинъ еще 71 уѣзда, но для разныхъ уѣздовъ то же разная. Для однихъ въ 2 кр. и 2 б., для

---

[1]) Находятся въ указной книгѣ помѣстнаго приказа, напечатанной г. Строжевымъ въ VI кн. Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ минист. юстиціи, стр. 100 сл.

[2]) Въ 17 уѣздахъ въ монастырскую четверть шло всего 3 двора кр. и боб.; въ 14—по 2 кр. и по 2 боб.; въ 16—по 3 кр. и по 2 боб.; въ 8—по 2 кр. и по 3 боб.; въ одномъ — 4 кр. и 2 боб. и въ 13—по 6 кр. и по 3 боб.

другихъ: въ 2 кр. и 3 б., въ 4 кр. и 2 б., въ 4 кр. и 3 б., въ 5 кр. и 3 б., въ 8 кр. и 4 б. и, наконецъ, въ 12 кр. и 8 б. Это узаконеніе для насъ чрезвычайно важно, и не столько само по себѣ, сколько потому, что оно бросаетъ свѣтъ на прошлое. Новая единица обложенія очень разная для разныхъ мѣстностей и группъ населенія. Почему это? Это изъ желанія приспособиться къ экономическимъ условіямъ разныхъ мѣстъ. Совершенно то же было въ XVI вѣкѣ и ранѣе съ сохой. Сначала она была совершенно индивидуальна, смотря по особенностямъ каждаго имѣнія, потомъ ее стали переводить на опредѣленную мѣру земли, но разную по мѣстностямъ, группамъ владѣльцевъ и даже по лицамъ. Но при такомъ способѣ обложенія можно надѣлать множество ошибокъ (а есть ли безошибочные способы обложенія?) и московское правительство ихъ надѣлало не мало и съ сохой и съ живущей четвертью. Указы о живущей четверти немедленно вызвали неудовольствіе и жалобы. Медынскій и мещовскій помѣщикъ платилъ съ 12 кр. и 8 б. дворовъ, а калужскій платилъ то же самое, но съ 2 кр. и 2 б. Конечно, дворы могли быть не равны. Когда въ Нижнемъ одинъ дворъ оцѣнивался въ 120 разъ выше, чѣмъ другой, къ этому можно еще было имѣть довѣріе потому, что это индивидуальная оцѣнка каждаго двора въ отдѣльности; съ каждой новой описью она могла измѣниться, и дѣйствительно мѣнялась. А здѣсь? Здѣсь это валовая оцѣнка цѣлаго уѣзда и даже цѣлаго ряда уѣздовъ въ одну цѣну. Тутъ только намѣреніе доброе, а исполненіе—одна крупная ошибка.

19-го марта 1630 года калужане были обложены въ 2 кр. и 2 б. двора и сейчасъ же обратились къ государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичу и отцу его, государю святѣйшему патріарху Филарету Никитичу, съ челобитьемъ облегчить ихъ окладъ. Тоже дѣлаютъ и еще два города. Послѣдовалъ новый указъ, которымъ калужане обложены съ 4 кр. и 3 б. дворовъ. Это ихъ, конечно, не удовлетворило. Новое челобитье объ облегченіи и новый

указъ объ обложеніи калужанъ и еще цѣлаго ряда уѣздовъ съ 8 кр. и 4 б. дворовъ. И всѣ эти перемѣны произошли въ теченіи какихъ нибудь 10 мѣсяцевъ. Перемышль, Лихвинъ, Брянскъ, Карачевъ и Воронежъ сначала были то же положены въ 2 кр. и 2 б. двора; а потомъ, по челобитью, прямо переведены въ разрядъ 12 кр. и 8 б. дворовъ. Вотъ какъ внимательно и близко къ дѣлу была сдѣлана первая разцѣнка! Въ практичности такого обложенія очень можно сомнѣваться.

Такъ создалась новая окладная единица.

Новая мѣра имѣетъ цѣлью регулировать отношеніе крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. Правительство исходило изъ предположенія, что крестьянскихъ дворовъ мало, а бобыльскихъ много, а потому въ указахъ его находимъ такое опредѣленіе:

«А гдѣ крестьянскихъ дворовъ не достанетъ, и тутъ указали положить за одинъ дворъ крестьянскій по два двора бобыльскихъ».

А что будетъ не доставать бобыльскихъ дворовъ, этого и въ голову не приходило. Въ дѣйствительности же были случаи, что не доставало бобыльскихъ дворовъ. Приравненіе двухъ бобыльскихъ дворовъ одному крестьянскому, то же не всегда отвѣчало дѣйствительности. Между бобылями были мастеровые, которые жили не хуже крестьянина. Наконецъ, новая окладная единица представляла и большое неудобство по способу примѣненія: она требовала значительныхъ разчисленій. Въ каждомъ имѣніи число крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ надо было привести въ соотвѣтствующія окладныя единицы по разсчету 12 и 8 или 8 и 4 и проч. Могли оказаться дроби и опять должны были возродиться полъ полъ трети и полъ полъ четверти. По этимъ дробямъ и окладъ приходилось распредѣлять въ дробяхъ. Окладъ по дворовымъ четвертямъ и не равномѣренъ и не удобенъ.

Наименованіе новой единицы также заставляетъ очень задуматься. Въ указахъ читаемъ:

«Государь, царь и вел. князь Михайло Өедоровичъ и отецъ его, вел. государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ, указали за помѣщики и за вотчинники на живущую пашню класть... по два двора крестьянскихъ да по два двора бобыльскихъ въ четверть».

Здѣсь рѣчь идетъ о «живущей четверти пашни». Но живущая четверть пашни — терминъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка. Въ нихъ очень часто читаемъ: «А платить ему государевы всякія подати съ живущаго съ четвертныя пашни съ 7 четей». Указы 30 и 31 года удерживаютъ это выраженіе, но придаютъ ему совершенно другой смыслъ. Прежде, дѣйствительно, платили съ числа четей живущей пашни; по новымъ указамъ должны были платить съ числа дворовъ, положенныхъ въ живущую четверть. Терминъ и дѣло совершенно разошлись. Повинности собираются не съ четвертей пашни, а съ очень искусственной единицы, съ нѣкотораго итога крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, который въ разныхъ мѣстахъ различенъ и нигдѣ не стоитъ ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ живущей пашнѣ.

Новая единица прививалась къ жизни очень медленно. На монастырскія вотчины она была распространена еще до 1630 г. или въ первые два мѣсяца этого года, а въ іюнѣ 1631 года съ вотчинъ Кириллова монастыря брали деньги не съ дворовой четверти пашни, а просто съ чети земли. Это не подлежитъ сомнѣнію [1]). Полтора года спустя послѣ введенія новой единицы она еще не примѣняется.

Но уже съ 1631 года изъ книгъ сошнаго письма стали

---

[1]) Съ вотчинъ монастыря въ іюнѣ 1631 года опредѣлено было взять даточныхъ людей «съ 23.690 четьи». Монастырская дворовая четверть для Бѣла-озера, по указу 21-апрѣля 1631 года, состояла въ итогѣ изъ 15 дворовъ. Если бы эти чети были дворовыя, то Кирилловъ монастырь долженъ былъ бы имѣтъ 355.350 дворовъ, а мы знаемъ, что въ 1637 году у него было всего 2.101 дворъ, а земли 25.490 четей, почти то же, что и въ 1631 году. Нѣтъ никакого основанія думать, что въ 1631 году у него было 355.350 дворовъ. А. Э. III № 193 и 274.

выдавать выписки о платежѣ повинностей по новому окладу. Мы имѣемъ одну такую выписку. Она была выдана изъ книгъ сошнаго письма 1625—1629 годовъ помѣщику, казанскому жильцу, Девятому Змѣеву. Книги сошнаго письма были написаны обыкновеннымъ порядкомъ: названы деревни, перечислены дворы крестьянскіе и бобыльскіе, показана земля въ четяхъ и положена въ сохи живущія и пустыя. Къ этой выпискѣ подьячій приписалъ разсчетъ дворовъ по новому окладу. У Зміева было дворовъ крестьянскихъ 30, бобыльскихъ—7; окладная единица для его мѣстности — 5 кр. и 3 б. двора. Подьячій сдѣлалъ изъ 37 дворовъ «5 четвертей безъ полутретника пашни» [1]). Только, конечно, не пашни. Пашня здѣсь пережитокъ земельныхъ сохъ, а потомъ четей. Подьячій прилаживаетъ старые термины къ новымъ явленіямъ, и получается нѣчто невразумительное для непосвященнаго въ приказныя тайны (А. Ю. № 164).

Но такимъ же языкомъ говорятъ и царскія грамоты. Въ грамотѣ 1637 г. въ Пермь Великую о сборѣ денегъ на строеніе укрѣпленій для защиты отъ набѣговъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ читаемъ:

«А для того городоваго дѣла и на жалованье ратнымъ людямъ указали мы взять въ городѣхъ, по писцовымъ книгамъ съ живущихъ четьи, съ посадовъ, и съ нашихъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей... съ чети пашни по полтинѣ; съ боярскихъ и съ окольничихъ... съ помѣстныхъ и съ вотчинныхъ земель, и съ гостей, за которыми земля есть, съ живущія чети по 20 алтынъ» и т. д.

---

[1]) Вотъ какъ получился этотъ результатъ: 10 кр. дворовъ и 6 боб. составляютъ узаконенныя 2 четверти. Затѣмъ остается 20 крестьянскихъ и 1 бобыльскій дворъ. Для обращенія ихъ въ четверти, подьячій перевелъ узаконенную четверть, состоящую изъ 5 кр. и 3 б. дворовъ, въ чисто крестьянскую, по разсчету 2 боб. дворовъ на 1 крестьянскій; на такую четверть приходится $6^1/_2$ крест. дворовъ. Остатокъ, 20 кр. и 1 боб. дворъ, онъ обратилъ въ $20^1/_2$ дворовъ крест., а это составитъ 3 четверти крестьянскихъ съ дворомъ, а въ цѣломъ и получится не много больше того, что вывелъ подьячій: 5 четвертей безъ полутретника пашни.

Что это за живущія чети пашни, съ которыхъ берутъ по 100 и по 120 денегъ? Это, если не старыя чети, то дворовыя четверти, введенныя указами 30-хъ годовъ; въ 1637 году онѣ, надо думать, были уже примѣнены и къ посадамъ, и къ дворцовымъ селамъ, и къ черным волостямъ. Но языкъ памятника легко можетъ возбудить недоумѣніе; онъ переноситъ въ XVI вѣкъ, когда дворовой четверти не было [1]).

Можно, однако, думать, что новая окладная единица, если и примѣнялась, то большаго успѣха не имѣла. Дѣлаю такое предположеніе на основаніи грамотъ, въ которыхъ окладъ, назначенный первоначально на живущую четверть пашни, переводился потомъ прямо на дворы. Въ 1680 году со всѣхъ городовъ за стрѣлецкій хлѣбъ положено было сбирать съ прибавкой и сбирали деньгами съ живущей четверти пашни по 2 рубля.

«А въ нынѣшнемъ году (1681) государь указалъ и бояре приговорили польготить и взять вмѣсто данныхъ и оброчныхъ и полоняничныхъ денегъ съ Колскаго уѣзда съ 644 дворовъ по рублю съ двора».

Указъ объ облегченіи сборовъ былъ посланъ и въ Тотьму; но съ нѣкоторыми перемѣнами. Прежде въ Тотьмѣ брали съ жувущей четверти пашни по 2 рубля за стрѣлецкій хлѣбъ, а теперь вмѣсто стрѣлецкихъ денегъ и иныхъ всякихъ денежныхъ доходовъ положенъ окладъ съ посаду и съ уѣзду съ 3.666 дворовъ по 30 алт. съ двора. Въ чемъ состояло облегченіе, объ этомъ мы не можемъ составить себѣ понятія, такъ какъ въ указахъ сопоставлены разные сборы: съ одной стороны только деньги за стрѣлецкій хлѣбъ, а съ другой въ Тотьмѣ—стрѣлецкіе деньги и всякіе другіе сборы, а въ Колскомъ уѣздѣ—только нѣкоторые сборы. Но для нас не это важно, а то, что дѣлается не просто

---

[1]) А. Э. III № 268. О дворовой четверти, кажется, рѣчь идетъ и въ № 189 А. Э. IV за 1672 г.

уменьшеніе сборовъ, что легко было бы сдѣлать и при дворовой четверти, а переходятъ къ другой единицѣ обложенія. Новый льготный окладъ опредѣленъ не съ четверти, а съ дворовъ, и будутъ его собирать не поровну съ каждаго двора,

«А по животамъ и промысламъ, и по пожиткамъ, что бы лучшіе и полные люди передъ средними и меньшими не были въ выгодѣ, а меньшіе и средніе передъ лучшими и полными въ тягости, и никто въ убыли не былъ [1]).

Это возвращеніе къ извѣстному уже намъ подворному обложенію, свидѣтельствующее о непригодности новой окладной единицы. Практическая роль этой единицы въ напечатанныхъ памятникахъ выступаетъ очень смутно и не ясно.

Послѣдней окладной единицей, но первоначально съ спеціальнымъ назначеніемъ, является выть.

Кромѣ государственныхъ повинностей на крестьянахъ лежали еще повинности въ пользу господина земли, на которой они сидѣли. Повинности эти опредѣлялись въ порядныхъ и лежали на каждомъ домохозяинѣ. Когда началась конфискація владѣній новогородскихъ бояръ и боярищекъ, повинности крестьянъ, сидѣвшихъ на этихъ земляхъ, стали поступать въ казну великаго князя московскаго; но въ порядкѣ обложенія крестьянъ этими господскими по-

---

[1]) А. Э. IV № 243 и 251, 1681—2. Въ этихъ указахъ встрѣчаемъ такое выраженіе: «Положено было и собрано деньгами по сошному письму . . . . съ живущей четверти пашни по 2 р. за юфть». . . . Выраженіе «по сошному письму» не должно удивлять. Изъ выше приведеннаго примѣра (стр. 349) мы видимъ, что дворовыя четверти составляются на основаніи старыхъ книгъ сошнаго письма, въ которыхъ былъ весь необходимый для этого матеріалъ. Но что значитъ «юфть»? У Даля — это всѣ три поля земли. Крестьянскіе и бобыльскіе дворы клались въ четверть, а четверть въ полѣ, а въ двухъ потому же. Юфть, надо думать, и означаетъ эту четверть пашни въ трехъ поляхъ. Слово и дѣло совершенно расходятся.

винностями произошла перемѣна. Въ виду значительнаго количества крестьянъ, оказавшихся прекарными владѣльцами конфискованныхъ земель, правительство перевело лежавшій на нихъ господскій доходъ на деньги и возложило его уплату на цѣлое крестьянское общество конфискованнаго имѣнія-волости. Если же имѣніе было небольшое, нѣсколько такихъ имѣній соединялись въ одну волость для уплаты господскихъ великому князю повинностей. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ новогородскихъ пятинъ возникли особыя окладныя единицы для платежа князю только господскихъ повинностей. Эти особыя единицы, крестьянскія волости, получили права прекарнаго владѣнія и всѣми угодьями, состоявшими при конфискованныхъ волостяхъ и волосткахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право призывать новыхъ крестьянъ въ тотъ же господскій оброкъ и раздавать имъ участки свободныхъ земель. Такъ впервые возникло право крестьянскихъ общинъ на государевы земли. Крестьянскія общины явились землевладѣльцами, но онѣ владѣли не общинно, а подворно; по этому подворному владѣнію они разводили между собой и господскія повинности по пашнѣ, угодью, животамъ и промысламъ. Государственными же повинностями облагались они по обжамъ и сохамъ. Обо всемъ этомъ была рѣчь выше.

Въ старыхъ областяхъ возникающаго Московскаго государства съ самыхъ древнихъ временъ для уѣзднаго обложенія существовали сохи. Въ XVI вѣкѣ онѣ достигаютъ весьма значительныхъ размѣровъ. Мы уже знаемъ, что сохи оказались неудобными для цѣлей государственнаго обложенія, и допустили рядомъ съ собой чети; еще менѣе были онѣ удобны для цѣлей господскаго обложенія, для котораго и возникли спеціальныя единицы — выти. Что значитъ слово выть?

Слово «выть» въ памятникахъ XV—XVII вѣка употребляется въ смыслѣ части, доли, участка; слово «вытникъ» означаетъ участника. Истецъ говоритъ на судѣ:

«По то, господине, мѣсто—наше земля городская, моего двора выть», т.-е. участокъ моего двора.

Нѣсколько общихъ владѣльцевъ варницы продаютъ свою часть и говорятъ:

«Отступились есмя росолу въ варници свою двѣнадцатую выть въ варници, и въ кострицахъ, и со всѣми угодьями тоѣ варницы, что къ ней изстари потягло».

Разграбленное имущество пополнялось изъ имущества грабителей. Въ уставныхъ грамотахъ читаемъ:

«А которые люди сами на себя въ разбоѣ говорили, и тѣхъ казнити смертною казнію, а животы ихъ истцомъ въ выть въ полы истцовыхъ исковъ», т.-е. движимость разбойниковъ идетъ въ уплату части пограбленнаго, въ половину противъ сдѣланнаго заявленія.

Тоже и въ Уложеніи:

«А которыя языки говорятъ на чьихъ либо людей (т.-е. свидѣтельствуютъ о разбоѣ этихъ людей) и доведется на нихъ взяти выти», т.-е. части пограбленнаго.

Въ Новогородскихъ писцовыхъ книгахъ читаемъ:

«Дворъ Мартынко Есиповъ (своеземецъ), сѣетъ ржи 2 коробьи, а сѣна коситъ 15 копенъ, обжа; а вытники у него въ той обжѣ: дьякъ Никитцкой съ Никитцкіе улицы, Нефедъ да Гридка Исаковъ изъ Еглина съ Печни Озера...»

Мартынъ Есиповъ живетъ на своей землѣ и его дворъ обозначенъ; но у него есть совладѣльцы, это его вытники. Они живутъ въ другихъ мѣстахъ, предоставивъ Есипову вести общее хозяйство [1]).

Въ этомъ смыслѣ — части, доли — слово выть употребляется очень часто, но не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ окладнымъ единицамъ и къ уплатѣ какихъ-либо повинностей. Это конечно первоначальный смыслъ слова.

Рядомъ съ этимъ старымъ, первоначальнымъ значеніемъ,

[1]) Нов. пис. кн. I ст. 811; А. Ю. № 7 и 135; А. Э. I № 281; Уложеніе XXI, 66; 1491—1649.

слово выть—получило и новое съ того времени, когда имъ стали означать спеціальную окладную единицу для потребностей дворцоваго хозяйства. Когда впервые возникли такія выти, этого мы не можемъ сказать, за полнымъ отсутствіемъ въ печати писцовыхъ книгъ первой половины XVI вѣка. Но со второй половины вѣка выти встрѣчаются часто, хотя и въ концѣ вѣка есть дворцовыя села и деревни, въ которыхъ выти еще не введены [1]).

Что же это за единица? Въ писцовыхъ книгахъ конца XVI вѣка, послѣ весьма подробнаго описанія дворцовыхъ деревень и подведенія итога къ числу дворовъ, людей и четей земли въ живущемъ и въ пустѣ, обыкновенно читаемъ:

«И дано на выть крестьяномъ доброй земли по 6 десятинъ.... А оброку крестьяномъ платити въ Дворцовый приказъ съ выти по полтинѣ.... да мелкаго доходу платити крестьяномъ на дворецъ съ 30 вытей яловица, съ 15—боровъ живой, съ выти по барану, по 2 сыра кислыхъ, и т. д. А коли князь великій не велитъ у нихъ мелкимъ доходомъ имати, и крестьяномъ платити: за яловицу съ выти по 7 денегъ, за борова съ выти по 3½ деньги» и т. д.

Выраженіе «дано на выть 6 десятинъ доброй земли»—можетъ навести на мысль, что произошло какое-то равномѣрное надѣленіе крестьянъ землею; что прежде они владѣли, кто чѣмъ хотѣлъ, а теперь надѣлены всѣ поровну. Ничего такого не произошло. Крестьяне продолжаютъ сидѣтъ на прежнихъ участкахъ, и въ каждой деревнѣ есть жилыя и пустыя земли; и тѣ, и другія положены въ сохи

[1]) Въ приложеніяхъ Неволина находимъ извлеченіе изъ описанія дворцовыхъ селъ и деревень въ Новогородскихъ пятинахъ конца XVI вѣка, но безъ вытей. Прилож. II и VI; Прилож. XII оканчивается описаніемъ тоже дворцовыхъ деревень, но оно не сохранилось.—Наиболѣе древнее упоминаніе вытей, намъ встрѣтившееся, относится къ 1557 году. Отъ этого года сохранилась сотная дворцовыхъ рыболововъ, земли которыхъ были положены въ выти. А. Ю. № 228.

по общему порядку. «Дано на выть»—значитъ, что итогъ крестьянскихъ земель села съ приписанными къ нему деревнями раздѣленъ на равныя части или доли, съ которыхъ они и должны платить ниже перечисленныя повинности во дворецъ. {Эти равныя части и названы всѣмъ хорошо извѣстнымъ словомъ «выти».

Итакъ, выть это опредѣленное количество земли, съ котораго дворцовые крестьяне несутъ господскія повинности во дворецъ зерномъ, скотомъ, птицей, яйцами, дровами, сѣномъ, соломой и проч. Это и значитъ дано на выть. Съ этой реформы, надо думать, появился и глаголъ «развытить», т.-е. разложить сборъ повинности на выти. Размѣръ такихъ вытей въ разное время опредѣлялся различно. Въ концѣ XVI вѣка и въ началѣ XVII-го давали, обыкновенно, 6 десятинъ доброй земли (7 средней и 8 худой), но давали и меньше: 5, 3½, 1½ десятины доброй земли и даже того меньше [1]).

Но отдѣльные крестьяне сидятъ не на цѣлыхъ вытяхъ, а на ихъ дробныхъ частяхъ, которыя для разныхъ хозяйствъ различны. Писцовыя книги конца XVI вѣка даютъ возможность составить себѣ точное понятіе о размѣрахъ крестьянскихъ участковъ дворцовыхъ имѣній.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ данныхъ для Тверскаго уѣзда по описи 1580 года.

---

[1]) Неволинъ, Приложенія, 130, 1627 г.

Выти считались то въ десятинахъ, то въ четяхъ. Проф. П. Милюковъ нашелъ въ Арх. М. Юстиціи сотную 1544 года, въ которой мѣра десятины опредѣлена такъ: въ длину—80 саж., въ ширину—30=2.400. Ту же мѣру имѣетъ десятина и въ книгѣ сошнаго письма 1629 года на стр. 56; а на стр. 48-й десятина опредѣлена такъ: 80×40=3.200 саж. Временникъ XVII вѣка. Не только сохи, но и десятины были не равной величины. Старое различіе десятинъ дожило и до нашихъ дней въ различіи казенной и экономической десятины.

		состояло из		имѣло пашни въ живущемъ		въ пустѣ.	
Село Марьино и къ нему . .	28 дер.	111	двор.	109	дес.	140	дес.
» Щербинино	9 »	35	»	35	»	77	»
» Михайлово	3 »	51	»	46	»	79	»
» Сухарино	9 »	48	»	47	»	131	»
» Борки	15 »	109	»	109	»	160	»
» Едимоново.	15 »	135	»	118	»	113	»
Слободка села Едимонова . .	20 »	136	»	125	»	122	»
Село Костянтиновское . . .	5 »	27	»	22	»	41	»

Нельзя сказать, что бы землевладѣніе дворцовыхъ крестьянъ конца XVI вѣка было очень обширно. Земель въ живущемъ въ среднемъ на каждый дворъ не всегда приходится по десятинѣ въ полѣ. Но земли въ пустѣ не всѣ пустыя, нѣкоторая часть ихъ воздѣлывается тѣми же дворами, но переложно, а частью наѣздомъ. Благодаря этому пашенное хозяйство отдѣльныхъ дворовъ можетъ подняться въ среднемъ до 2 дес. въ полѣ. Кромѣ пашенныхъ земель, нѣкоторые крестьяне имѣли покосы и лѣсные участки. Въ выти, по общему въ это время порядку, писались какъ живущія, такъ и пустыя деревни и земли. Въ селѣ Марьинѣ считалось 12 живущихъ вытей, въ Щербининѣ 4 съ $^1/_8$, въ Михайловѣ 6, въ Сухоринѣ—7 и т. д., съ которыхъ крестьяне и платили дворцовыя повинности. На пустыя выти имъ предоставлялось право призывать новыхъ поселенцевъ на льготѣ и сдавать ихъ въ оброкъ; мы уже знаемъ, что это право предоставлялось крестьянамъ еще въ концѣ XV вѣка и, конечно, раньше, какъ только появилось прекарное крестьянское владѣніе.

Количество земли на одно хозяйство съ полной точностью можно указать только для деревень съ однимъ дворомъ или, когда именно указано количество земли на одинъ дворъ. Приведемъ два такихъ примѣра. Въ дер. Нетребуево былъ одинъ дворъ, въ которомъ жили два брата съ племянникомъ, пашни у нихъ было 2 десятины въ полѣ; сѣна и лѣса вовсе не было. Въ дер. Колодезецъ Иванъ Забо-

ровскій жилъ на одной шестой выти (отъ 8 дес.); сѣна и лѣсу не было. Въ первомъ случаѣ три работника воздѣлывали всего 2 дес. въ полѣ, во второмъ одинъ — десятину съ 1/3 (Калачовъ II 302, 305). Пашни переложной тоже не было.

Близкій къ этому результатъ даютъ и нѣкоторыя деревни съ нѣсколькими дворами. Въ Демковѣ было 4 двора, а пахали они всего 3 дес. пашни да перелогу 1 десятину (307). Въ починкѣ Кузминѣ было два двора, а пашни у нихъ было 1 десятина съ 1/6 да перелогу одна десятина съ 1/3, луговъ не было, а лѣсу кустаремъ было 8 десятинъ (318). Въ первомъ случаѣ на дворъ съ переложной пашней приходится по одной десятинѣ въ полѣ, во второмъ немного болѣе.

Но были случаи и болѣе крупныхъ запашекъ. Въ дер. Осипково было 2 двора; одинъ принадлежалъ двумъ мужчинамъ, другой вдовѣ. Пашни у нихъ было 7 десятинъ въ полѣ; сѣна, лѣсу, перелога — не было (308). Это по 3 съ 1/2 десятины въ полѣ на дворъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что небольшія деревни конца XVI вѣка, составлявшія одну платежную единицу, были очень различно надѣлены благами природы. Одни имѣли луга, лѣса, переложныя пашни; другія были лишены этихъ удобствъ. Объясняется это происхожденіемъ государевыхъ земель изъ частныхъ владѣній. Въ прекарное владѣніе крестьянъ поступило то, чѣмъ владѣли прежніе своеземцы: если у нихъ угодій не было, не было угодій и у ихъ крестьянъ. Этимъ неравенствомъ крестьянскаго землевладѣнія объясняются слѣдующія предписанія писцовыхъ книгъ: «А землями, и луги, и лѣсомъ, и всякими угодьи верстатися крестьяномъ на всякую выть по ровну, и не черезъ землю, чтобъ крестьяномъ межъ себя спору и брани не было ни которыми дѣлы» (294).

Приведеннымъ предписаніемъ дѣлается новый крупный шагъ на пути къ тому общинному землевладѣнію, которое окончательно выработало свои типическія формы только

въ XVIII вѣкѣ съ введеніемъ подушной подати. До конца XVI вѣка множество маленькихъ деревенекъ (а большинство было маленькихъ) еще оставались въ своихъ старыхъ границахъ. Если у прежняго владѣльца не было угодій, ихъ не оказывалось и у замѣнившихъ его крестьянъ, хотя бы рядомъ, у сосѣднихъ крестьянъ, было довольно и луговъ и лѣсовъ и всякихъ угодій. Какъ скоро эти земли стали переходить въ руки московскихъ князей и дѣлиться на выти, оказалось нужнымъ уровнять выти лѣсами, лугами и другими угодьями. Выти были равны по количеству пашенной земли, а не угодій. По этому во многихъ деревняхъ не было ни луговъ, ни угодій. Это, конечно, производило большую разницу въ платежной способности вытей и порождало ссоры между крестьянами. Отсюда необходимость уравненія вытей и деревень угодьями. О переходѣ разныхъ угодій въ прекарное владѣніе новогородскихъ крестьянъ мы имѣли уже случай говорить раньше; но были ли тогда же принимаемы мѣры къ уравненію угодьями деревень разныхъ владѣльцевъ, это не ясно. Въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ указаній на такія мѣры нѣтъ, но сила вещей должна была вездѣ повести къ уравненію угодій. Предписанное уравненіе должно было вызвать передѣлъ земель между деревнями, а вслѣдствіе уравнительнаго предѣла земель и угодій могло появиться и соединеніе мелкихъ селъ и деревень въ крупныя, которыя мы и наблюдаемъ въ наше время. Подъ передѣломъ мы разумѣемъ единовременный передѣлъ для уравненія вытей и деревень лугами, лѣсами и другими угодьями, а не періодически повторяющійся. Этотъ послѣдній могъ возникнуть только съ переложеніемъ повинностей съ хозяйствъ на души. Въ условіяхъ же древняго до Петровскаго быта для него не было ни малѣйшихъ основаній [1]).

---

[1]) Въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка въ доказательство существованія передѣловъ еще въ XV вѣкѣ приводилось слѣдующее мѣсто изъ грамоты митроп. Симона Юркѣ Масленицкому:

Возвратимся къ описямъ отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Московскія описи дворцовыхъ селъ и деревень представляютъ ту особенность, что приводятъ не только размѣры пашенныхъ земель крестьянъ, но и размѣры ихъ дворовъ, т.-е. земли, занятой постройками и огородами. Размѣры дворовъ и огородовъ также очень различны. Встрѣчаемъ два двора на 1/8 выти, на 1/6 и на 1/4 и одинъ дворъ на 3/8 выти. Такимъ образомъ, на одинъ крестьянскій дворъ съ огородомъ приходилось отъ половины десятины до 3 десятинъ. Это, можетъ быть, свидѣтельствуетъ о значительномъ развитіи огородничества, которое даже при небольшихъ размѣрахъ двора равнялось почти половинѣ обрабатываемой земли въ полѣ. И теперь крестьяне сѣютъ коноплю у двора за огородомъ. Это могло быть и въ XVI-мъ вѣкѣ, чѣмъ, можетъ быть, и объясняются такіе многоземельные дворы, какъ приведенный дворъ въ 3 десятины,

---

«Билъ ми челомъ архиманд. Матвѣй, а сказываетъ, что ихъ монастырскіе крестьяне... пашутъ пашни на себя много, а монастырскіе де пашни мало. И ты бы въ тѣ села съ архимандритомъ ѣхалъ, да землю бы есте во всѣхъ трехъ поляхъ перемѣрили, да далъ бы еси Христіаномъ во всѣхъ трехъ поляхъ по пяти десятинъ, а на монастырь бы еси указалъ имъ пахати шестую десятину. А будетъ земли обильно, а кому будетъ земли надобно болѣ того, и онъ бы потому же пахалъ и монастырскую пашню—шестой жеребей; а кому не будетъ силы пахати пяти десятинъ, и онъ бы потому пахалъ и монастырскую пашню».

Грамота эта найдена проф. Милюковымъ и имъ напечатана, Вопросы 32. Даты не имѣетъ. Могла быть написана между 1496 и 1519 г. Въ ней не только нѣтъ передѣла, но даже нѣтъ и равнаго надѣла крестьянъ. Правда, въ ней говорится, что бы Юрка далъ крестьянамъ по пяти десятинъ, но изъ дальнѣйшаго слѣдуетъ, что желающіе могутъ взять и больше и меньше. Изъ челобитья архимандрита видно, что крестьяне берутъ земли много, а на монастырь пашутъ мало. Грамота опредѣляетъ размѣръ крестьянскихъ натуральныхъ повинностей въ пользу монастыря. Они должны пахать за пять десятинъ шестую на монастырь, а сколько у кого будетъ земли, это безразлично. Что же значитъ «дать по 5 десятинъ?» Это, конечно, сказано на тотъ случай, если всѣ крестьяне заявятъ большія требованія, а земли для ихъ удовлетворенія не будетъ. Тогда дать всѣмъ поровну, по пяти. Эта грамота имѣетъ ту же цѣль, что и учрежденіе вытей; но какъ и выти не установляетъ ни надѣла, ни передѣла.

если тогда въ Тверскомъ уѣздѣ воздѣлывали коноплю. Земля подъ дворомъ въ платежную выть не шла, хотя и клалась въ выти.

На размѣрахъ крестьянскихъ участковъ у дворцовыхъ крестьянъ мы остановились случайно, съ цѣлью указать на то, что выти и крестьянскіе участки не одно и тоже. Но разъ зашла рѣчь о размѣрахъ крестьянскихъ участковъ, считаемъ не лишнимъ, для полноты впечатлѣнія, указать и на размѣры участковъ у крестьянъ частныхъ владѣльцевъ того же времени. Они тоже очень не равные, но достигаютъ нерѣдко гораздо большихъ размѣровъ. Въ томъ же Тверскомъ уѣздѣ у крестьянъ князей Гундоровыхъ въ деревняхъ съ однимъ дворомъ пашни въ полѣ приходилось: 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 16 и даже 20 и 25 четей. Всѣ эти деревни находились въ одномъ мѣстѣ и тянули къ одному селу Теребункѣ, гдѣ былъ и княжой дворъ. Разнообразіе дворовыхъ участковъ въ помѣстьяхъ еще большее, чѣмъ въ дворцовыхъ имѣніяхъ. Въ той же волости, но у другаго помѣщика, мы замѣтили деревню въ одинъ дворъ, но съ пашней въ 29 четей въ полѣ. Болѣе крупныхъ крестьянскихъ запашекъ не пришлось встрѣтить. Деревни съ нѣсколькими дворами чаще представляютъ запашку среднихъ размѣровъ, чѣмъ крупныхъ (Калачовъ, II т. стр. 70, 71 и сл.).

Съ перваго появленія прекарнаго владѣнія крестьянскихъ общинъ, которое восходитъ къ XIV вѣку, и до конца XVI-го не замѣтно никакихъ измѣненій въ пользованіи общинами ихъ общинными землями. Во владѣніи общинъ состоятъ государевы земли съ принадлежащими къ нимъ угодьями: водами, лѣсами, лугами, но до тѣхъ только поръ, пока эти земли не будутъ отданы въ помѣстья или кому пожалованы на вотчинномъ правѣ. Ощины могутъ сдавать пустыя земли новымъ пришельцамъ въ тоже тягло или на льготѣ. Но участки отдѣльныхъ крестьянъ не равны и они получаютъ ихъ не для платежа тягла: не землевладѣніе опредѣляется по тяглу, а тягло по размѣру участка, и кресть-

янинъ воленъ брать участокъ любой величины. Нѣтъ ни надѣловъ общинной земли членамъ общины, ни передѣловъ. Каждый членъ общины владѣетъ своимъ участкомъ наслѣдственно и можетъ его отчуждать.—Чтобы общинное землевладѣніе сдѣлало въ XVII вѣкѣ дальнѣйшіе шаги въ смыслѣ приближенія къ тому порядку вещей, который составляетъ предметъ поклоненія нашихъ общинниковъ, на это нѣтъ указаній. Въ утѣшеніе имъ надо, однако, сказать, что этотъ порядокъ порожденъ не крѣпостнымъ правомъ, а введеніемъ подушной подати, которая сдѣлала необходимыми душевые надѣлы и передѣлы.

Резюмируемъ все сказанное по вопросу о крестьянской земельной общинѣ.

Крестьянскія общинныя земли появляются въ Московскомъ княженіи съ успѣхами его объединенія и едва ли ранѣе XIV вѣка въ имѣніяхъ (волостяхъ), конфискованныхъ московскими государями у частныхъ лицъ. Предоставляя эти земли въ прекарное владѣніе крестьянъ по собственному усмотрѣнію, а не по ихъ просьбѣ, московскіе государи переводятъ прежнюю подворную плату за наемъ земли въ общій оброкъ, возлагаемый на цѣлое крестьянское общество волости (одной или нѣсколькихъ, если онѣ не большія). Благодаря этому правительственному распоряженію, въ крестьянскихъ общинахъ возникаютъ общія дѣла по управленію оказавшимися въ ихъ владѣніи землями и угодьями. Они распредѣляютъ между собой пустые дворы и свободныя земли и угодья, сдаютъ ихъ въ тоже тягло новымъ поселенцамъ, а если тяглецовъ не появляется, сдаютъ ихъ въ аренду изъ оброка. Общины являются на судѣ истцами и отвѣтчиками въ спорахъ объ общинныхъ земляхъ и могутъ даже отчуждать ихъ. Наконецъ, общій оброкъ, налагаемый отдѣльно на цѣлый рядъ селъ и деревень, долженъ былъ повести къ равномѣрному распредѣленію угодій между разными селами и деревнями, положенными въ одинъ оброкъ, но не одинаково надѣленными благами земли [1]).

[1]) Любопытный примѣръ споровъ изъ за угодій представляетъ

На этомъ и останавливаются успѣхи общиннаго землепользованія, которые можно наблюдать въ до Петровской Россіи. Равные надѣлы тяглецовъ и періодическіе передѣлы земель по ихъ числу — составляютъ послѣдствіе подушной подати.

мировая 1651 года, заключенная крестьянами Низовскихъ волостей и двумя монастырями, Архангельскимъ и Николы Корельскимъ. Низовскія волости—это общее наименованіе для разныхъ волостей и становъ крестьянъ, живущихъ въ предѣлахъ Холмогорской эпархіи. Крестьяне Леонтьева стана и Кегостровской волости перессорились съ крестьянами другихъ Низовскихъ волостей и становъ и съ двумя монастырями изъ за пользованія пожнями и рыбными ловлями. Откуда взялись эти крестьянскія и монастырскія угодья, документъ не говоритъ. Но здѣсь можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Эта мѣстность—область старинныхъ новогородскихъ владѣній. Здѣсь жили новогородскіе бояре и бояришки. Ихъ земли были конфискованы и перешли къ крестьянамъ, монастыри удержали за собой свои имѣнія. Мы имѣемъ передъ собой споры сосѣднихъ владѣльцевъ, у которыхъ были нераздѣленныя угодья въ лугахъ и рыбныхъ ловляхъ. Какъ они ими пользовались до этого времени, это тоже не видно; ясно только, что ладу не было и сосѣди ссорились. Документъ начинается съ того, что представители Леонтьева стану и Кегостровской волости рѣшили помириться съ остальными волостями и съ двумя монастырями. Миръ состоялся на томъ, что они рѣшили одни покосы подѣлить, а другіе оставить въ общемъ пользованіи подъ «скотиную пастбу». Рыбныя ловли рѣшили оставить тоже безъ раздѣла. Какъ будутъ ими пользоваться, объ этомъ тоже рѣчи нѣтъ. Порядокъ пользованія общими рыбными ловлями, конечно, былъ выработанъ изъ старины, а поэтому объ немъ и не говорятъ. Луга рѣшено было дѣлить «по вытно», а причина въ томъ, что

«По государевымъ писцовымъ книгамъ Мирона Вельяминова съ товарищи и по оброчной памяти на тѣ всѣ угодья написано оброку платить, и тотъ государевъ оброкъ и пошлина платить всѣмъ намъ ровно тожъ по вытно».

За угодья положенъ оброкъ на всѣ Низовскія волости съ включеніемъ двухъ монастырей. Отсюда и возникли, какъ и въ Тверскихъ волостяхъ, «споры и брань» по поводу порядка пользованія угодьями, а за тѣмъ и рѣшено распредѣлить луга по вытямъ. Что тутъ выти, это опять вопросъ; но можно думать, что это извѣстныя уже намъ окладныя единицы. Мировая о раздѣлѣ угодій представляетъ, такимъ образомъ, примѣръ порядка исполненія извѣстныхъ уже намъ предписаній московскихъ писцовыхъ книгъ конца XVI вѣка равнять крестьянъ угодьями по вытно.

До эпохи конфискаціи никакихъ крестьянскихъ земельныхъ общинъ не было. Поэтому-то всѣ крестьянскія общины XV, XVI и XVII-го вѣковъ называютъ свои земли землями «царя и вел. князя, а своего владѣнія». Городскіе же люди (посадскіе) называютъ свои городскіе дворы «своими», а не царскими. Они своеземцы, крестьянскіе же общины никогда своеземцами не были. Образованіе крестьянскихъ поземельныхъ общинъ на княжескихъ земляхъ— совершенно понятно и можетъ быть наблюдаемо въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ. Образованіе крестьянскихъ земельныхъ общинъ на началахъ своеземства не понятно и въ нашей древности не наблюдается. Возращаемся на прежнее.

Въ XVI вѣкѣ выти встрѣчаются не въ однихъ только дворцовыхъ селахъ и деревняхъ, но и во владѣніяхъ частныхъ лицъ, духовныхъ учрежденій и свѣтскихъ. Они служатъ здѣсь также для обложенія господскими сборами, но общаго правила не составляютъ. Въ нѣкоторыхъ вотчинахъ Троицы-Сергіева монастыря выти есть, въ другихъ нѣтъ. Выти въ помѣстьяхъ встрѣчаются, но рѣдко; онѣ были и въ вотчинахъ, напримѣръ, у князя Ивана Мстиславскаго въ Веневскомъ уѣздѣ [1]).

Въ разбираемомъ соглашеніи находимъ и такое условіе:

«А кто учнетъ изъ тѣхъ нашихъ мірскихъ угодій, сѣнныхъ покосовъ и изъ рыбныхъ ловель или изъ скотиной пастбы изъ тѣхъ нашихъ волостей и изъ становъ или со стороны—имать на оброкъ изъ наддачи, и намъ на того человѣка стоять всѣмъ съ одного, другъ друга не подать». Рус. Ист. Библ. т. XIV № 166.

Созданная правительствомъ сельская поземельная община начинаетъ обнаруживать стремленіе къ равенству всѣхъ членовъ въ пользованіи угодьями, а потому они и не должны быть отдаваемы въ оброкъ отдѣльнымъ предпріимчивымъ людямъ. Но пашенныя земли, какъ видно изъ матеріаловъ сообщенныхъ г-жей А. Я. Ефименко, и въ XVII вѣкѣ не были еще уровняемы.

[1]) Писц. кн. XVI в. II 6, 14, 54, 608—у монастырей есть выти; 420, I 95—выти не извѣстны. У нѣкоторыхъ помѣщиковъ Полоцкаго повѣта встрѣчаются выти, II 464, 469. Размѣръ монастырскихъ вытей

Такъ какъ выти имѣютъ частно хозяйственное значеніе, то земли государевыхъ крестьянъ черныхъ волостей, съ которыхъ не шло никакихъ господскихъ повинностей ко дворцу, въ выти не клались. Такъ надо думать на основаніи тѣхъ, правда, очень не многочисленныхъ, описаній черныхъ волостей, которыя напечатаны [1]).

Надо, однако, думать, что вытные участки на практикѣ оказались весьма удобными единицами обложенія, а потому съ теченіемъ времени примѣненіе ихъ вышло за предѣлы ихъ первоначальнаго назначенія. Въ новогородскихъ описяхъ XVII вѣка встрѣчаемъ выти у государевыхъ крестьянъ черныхъ волостей; отъ того же времени имѣемъ указаніе на сборъ съ монастырскихъ вытей государева оброка, ямскихъ денегъ и приметныхъ, дани и всякихъ другихъ доходовъ. Такъ какъ все это дѣлается по сошному письму, то въ платежной выпискѣ съ писцовыхъ книгъ показывается сколько вытей приходится на соху, то-есть, сохи переводятся въ выти [2]). Нововведеніе опять вводится въ старыя рамки сошнаго письма. Писцовыя книги «письма и мѣры» такого то составляютъ основаніе для всякаго обложенія. Это рогъ изобилія, изъ котораго можно получить и сохи земельныя и дворовыя, и обжи, и чети, и дворы, и живущія четверти, и, наконецъ, выти. Правительству оставалось только выбирать такую окладную единицу, которая, при данныхъ условіяхъ, оказывалась наиболѣе пригодной. И оно выбирало.

Новогородскія обжи, дожившія до XVII вѣка, оказались чрезвычайно удобными для превращенія ихъ въ выти. Для этого не было надобности дѣлать не только новаго измѣренія, но и никакого перечисленія обежъ въ выти, а слѣдовало только новогородскія обжи назвать вытями. Это

тоже колеблется, I 609, 655, 731, но въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, чѣмъ размѣръ дворцовыхъ.

[1]) Бѣляевымъ во Времен. т. VI ст. 51; Калачовымъ во II т. пис. кн. XVI в. ст. 49, 64, 160, 177.

[2]) Неволинъ, Приложенія, № V; 1627 г. Рус. Ист. Библіотека XIV т. № 34 на ст. 924; 1630 годъ.

и случилось. Въ XVI вѣкѣ, какъ мы знаемъ, обжа равнялась 5 десятинамъ или 10 четямъ; обыкновенный же размѣръ дворцовой выти опредѣлялся въ 6 десятинъ, но это съ той десятиной, которая давалась для посопнаго хлѣба, т.-е. для поставки во дворецъ хлѣба зерномъ. Безъ этой прибавочной единицы московская выть будетъ «глазъ въ глазъ» равна новогородской обжѣ. Новогородская обжа, для всѣхъ имѣній, не поставляющихъ во дворецъ посопнаго хлѣба, есть московская выть. Такъ именно и смотрѣло московское правительство. Въ 1623 году приказано было въ Новгородѣ собрать мостовыя деньги съ уѣздныхъ земель и посадскихъ людей. На мостовое дѣло въ Новгородѣ требовалось 915 р. 20 алт. съ 1 ден. Государь пожаловалъ новогородцевъ, для ихъ разоренія, велѣлъ дать имъ въ помочь изъ своей казны треть этой суммы; а двѣ трети «приказалъ развытить и собрать съ Новгорода, съ посаду и съ уѣзду, съ черныхъ и съ бѣлыхъ сохъ, и со всякихъ людей съ дворовъ безъ выбора, что бы никто въ избылыхъ не былъ». Какъ же сбирали эти деньги? Составлена была особая роспись «сколько, по разводу, денегъ имѣется взять и почему съ выти» [1]). Этою росписью читатель можетъ быть приведенъ въ великое изумленіе. По писцовымъ новогородскимъ книгамъ XV и XVI вѣка въ Новгородѣ нѣтъ вытей, а только обжи; только въ одной сотной 1627 года говорится о вытяхъ Сумерской волости у государевыхъ крестьянъ. Откуда же явились выти у всѣхъ помѣщиковъ, монастырей и другихъ своеземцевъ, съ которыхъ приказано брать мостовыя деньги въ 1623 году? Это очень просто. Вытями названы обжи [2]).

---

[1]) А. Э. III 145; 1623 годъ.

[2]) Въ той же росписи полторы сохи переведены въ 45 вытей, т.-е. 45 вытей составляютъ полторы сохи. Въ Новгородѣ, какъ мы знаемъ, 3 обжи полагаются на 1 соху (малую сошку), 1 обжа=10 четямъ, сошка=30 четямъ; 10 сошекъ=московской сохѣ или 300 четямъ. Если полторы сохи=45 вытямъ, то соха=30 вытямъ, а въ выти 10 четей, слѣдовательно соха=30 вытямъ или обжамъ.

Новогородскія обжи превратились въ московскія выти и служатъ прекрасной единицей обложенія въ XVII вѣкѣ. Выть, имѣвшая при своемъ возникновеніи исключительно частно хозяйственное значеніе, въ XVII вѣкѣ превращается въ общую единицу обложенія и конкуррируетъ съ обжей сохой, четью, дворомъ и съ живущей четвертью.

Окладныхъ единицъ къ XVII вѣку накопилось у насъ много. Но въ дѣйствительности различіе между ними было далеко не такъ велико, какъ можетъ показаться на первый взлядъ. Всѣ шесть единицъ сводятся къ двумъ типамъ, которые въ концѣ концовъ сливаются въ одинъ. Первый типъ—сельско-хозяйственная единица, съ XVI вѣка измѣряемая количествомъ воздѣлываемой земли. Это—обжа, соха, четь, выть. Второй типъ—хозяйственная единица, одинаково примѣнимая и къ сельскому и ко всякому другому хозяйству. Это—дворъ, дворовая соха, дворовая четверть. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ разные способы обложенія по внѣшнему признаку размѣровъ землевладѣнія, во второмъ—по внѣшнему признаку богатства хозяйскаго двора. Практическія удобства этихъ единицъ различны, а потому правительство и переходитъ отъ одной къ другой въ безпрерывныхъ

Г. Дьяконовъ, на основаніи архивныхъ матеріаловъ, говоритъ, что въ Вятской землѣ въ концѣ XVI вѣка соха измѣрялась вытями, а выти различались по качеству земли, при чемъ на выть доброй земли шло 10 четей, средней 12, худой 14. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1893, VII, 215. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что на Вятскую землю распространился московскій обычай одобриванія земель. Жаль только, что почтенный авторъ не замѣтилъ, что выть въ 10 четей есть новогородская обжа. Московская система одобриванія въ существѣ дѣла ничего не мѣняетъ. При этой системѣ 10=12=14 и только; 10 четей, слѣдовательно, остаются десятью при всемъ разнообразіи качества земель. Тоже и приодобриваніи сохъ, а потому на процессѣ одобриванія мы и не считали нужнымъ останавливаться. Цѣль одобриванія совершенно ясна: уравненіе платежной способности владѣльцевъ земель разнаго качества. Практика могла иногда приводить къ совершенно обратнымъ послѣдствіямъ.

поискахъ наиболѣе удобнаго способа обложенія. Думать, что какой либо изъ этихъ способовъ можетъ увеличить количество поступленій, а потому правительство и переходитъ отъ одного къ другому, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Величина поступленій нисколько не зависѣла отъ особенностей нашихъ единицъ обложенія. Каждая изъ нихъ допускала и тяжелое и легкое обложеніе: стоило только увеличить или уменьшить окладъ.

Ни одна изъ этихъ единицъ не была пріурочена къ сбору какого либо особаго вида повинностей. Разнообразныя повинности, имѣющія отношеніе къ военному дѣлу, напримѣръ, падаютъ и на соху земельную, и на соху дворовую, и на четь, и на живущую четверть, и на дворъ, такъ въ XVI и XVII вѣкѣ [1]). О четяхъ въ писцовыхъ книгахъ говорится «а платить ему съ 5 четей», т.-е. платить всякія повинности, какія будутъ назначены. Обжи и сохи, земельныя и дворовыя, возникли также для платежа всякихъ повинностей.

Есть, однако, основаніе думать, что долговременный опытъ привелъ Московское правительство къ убѣжденію въ практическомъ превосходствѣ подворнаго обложенія. На эту мысль наводитъ то, что установленная въ концѣ XVII вѣка, въ замѣнъ множества старыхъ податей, стрѣлецкая подать взималась съ дворовъ. Даже въ томъ случаѣ, когда первоначально она назначалась съ живущей четверти, она переводилась потомъ на дворы, потому, конечно, что дворовое обложеніе представлялось на практикѣ наиболѣе удобнымъ. Вотъ какъ оно должно было происходить въ дѣйствительности. Духовенство устюжской епархіи въ челобитьи своемъ говоритъ:

---

[1]) Мы имѣемъ здѣсь въ виду ратное дѣло вообще, поставку даточныхъ и ратныхъ людей, сборъ денегъ имъ на жалованье, пищальныя деньги, стрѣлецкій хлѣбъ и деньги, полоняничныя деньги, городовое дѣло и т. д. А. Э. I № 205, 233; Писцов. кн. XVI в. I ст. 631; Неволинъ, Приложенія 321; А. И. II № 109; А. Ю. № 341; А. Э. III № 193, 268, 304; IV № 250, 251 и пр.; 1545—1681.

«Въ прошломъ, государь, въ 1682 году, по указу брата вашего, блаженныя памяти, великаго государя, царя и великаго князя Θедора Алексѣевича...., велѣно на дачу жалованья Московскихъ приказовъ стрѣльцамъ.... имать по рублю съ двора съ поверсткою по землямъ и по угодьямъ, и не посягая ни на кого».

Итакъ, крестьянскіе дворы облагались не поровну, а смотря по землямъ и угодьямъ [1]). Дворовое обложеніе переходитъ въ поземельное. Облагается не дворъ, а хозяйство. Это и будетъ «подымное», выражаясь языкомъ начальной лѣтописи и архивнаго документа XVII вѣка. Послѣ долгаго ряда опытовъ, мы кончили тѣмъ, съ чего начали. Но полнаго разрыва съ началомъ никогда не было. Дворъ всегда находился въ основѣ всякого обложенія. Облагать по людямъ, по ихъ силѣ, по животамъ и промысламъ, по пашнѣ и угодьямъ—можно только хозяйства, т.-е. дворы. А такое обложеніе проходитъ чрезъ всю нашу исторію. Подушное обложеніе не имѣетъ ни малѣйшей связи съ нашей стариной и представляетъ великую ошибку времени «реформъ».

Мы разсмотрѣли всѣ окладныя единицы, но этимъ еще не исчерпывается вопросъ объ обложеніи. Обложеніе происходило въ предѣлахъ нѣкотораго опредѣленнаго округа, а потому необходимо выяснить, что же это за округа. Это очень не ясный вопросъ. Княжескіе указы его вовсе не касаются. Это дѣло практики и вѣковѣчной старины. Московское государство образовалось путемъ присоединенія къ нему сосѣднихъ княженій. Присоединеніе оставляло неприкосновеннымъ все то, что новому правительству казалось для его цѣлей безразличнымъ. Дѣленіе на правительственные округа, конечно, вещь довольно безразличная, а потому во многихъ случаяхъ старина и удерживалась. Рыболовы и крестьяне Борисоглѣбской слободы, стоявшей противъ Романова городка (Ярославскаго уѣзда), говорятъ, что они изстари въ Романовъ городокъ не плачивали ни мыта, ни голов-

---

[1]) Рус. Ист. Библіотека, XII стр. 608, № 145; 1684 годъ.

щины, ни таможенныхъ пошлинъ, а собирали ихъ у себя и составляли особый отъ Романова городка округъ. Они ссылаются на старыя грамоты Θедора Ивановича, царя Ивана Васильевича и отца его, Василія Ивановича. Михаилъ Θеодоровичъ, при которомъ возникъ этотъ споръ двухъ рядомъ стоящихъ мѣстечекъ, рѣшилъ его въ пользу старины. Борисоглѣбская слободка продолжала составлять особый округъ не только въ 1626 году, но и въ 1681-мъ.—Въ 1690 году деревенскіе владѣльцы Пятницкаго села (Усольскаго уѣзда) били челомъ великоустюжскому архіепископу на игумена Троицкаго монастыря въ томъ, что онъ съ монастырской деревни не платитъ вмѣстѣ съ ними государевыхъ податей, а деревня эта съ ними «въ платежу и въ окладѣ вѣчно»[1]. Итакъ, были какіе то старинные округа. Но ни что не вѣчно. и съ измѣненіемъ всего нашего общественнаго строя въ Москвѣ, и старинные округа претерпѣвали измѣненія. Эти измѣненія дѣлались исподволь, по требованіямъ мѣстныхъ нуждъ, частично, а не такъ, какъ Петръ Великій и Екатерина Великая преобразовывали наше мѣстное управленіе. Отъ этихъ мѣстныхъ измѣненій остался очень слабый слѣдъ, а потому исторія административныхъ округовъ, которая въ свое время никого особенно не занимала, кромѣ самихъ плательщиковъ, представляется въ очень смутномъ освѣщеніи. Для правительства было безразлично, кто съ кѣмъ платитъ, только бы платилъ. Изложимъ то не многое, что можно сказать о нашихъ старинныхъ окладныхъ округахъ.

Присуды, старые судебные округа, составляли вмѣстѣ съ тѣмъ и окладной округъ. Переяславскіе рыболовы были подвѣдомы волостелю стольнича пути и платили въ его пользу особый кормъ, а съ городскими людьми Переяславля никакихъ податей не тянули. Составляя особый присудъ волостеля стольнича пути, они вмѣстѣ съ тѣмъ составляли и особый платежный округъ для корма волостелю, для рыбнаго тягла и всякихъ другихъ повинностей, какія пра-

[1]) А. Э. III № 170; т. IV № 250; Рус. Ист. Библ. XII № 270.

вительство нашло бы нужнымъ возложить на нихъ.—Въ 1552 году царь и великій князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ Важскаго уѣзда становыхъ и волостныхъ крестьянъ и посадскихъ людей, далъ имъ выборный судъ и обложилъ оброкомъ за намѣстничъ кормъ. Важане составляли, такимъ образомъ, окладной округъ для оброка и другихъ повинностей и свой судебный округъ. Въ томъ же году съ Важскаго уѣзда потребовали за посошныхъ людей, за 224 человѣка, по 2 рубля. Этотъ окладъ упалъ, такимъ образомъ, на цѣлый уѣздъ или Важскій присудъ [1]).

Тотъ же порядокъ наблюдаемъ и въ удѣлахъ. У верейскаго князя, Владиміра Андреевича, была полъ сохи бобровниковъ; они составляли особый присудъ и особый платежный округъ [2]).

Тѣ же явленія наблюдаемъ и въ XVII вѣкѣ. Городскіе и посадскіе люди Устюжны-Желѣзопольской еще при Иванѣ Грозномъ составляли особый присудъ и особый окладной округъ. Это подтверждено имъ и въ 1614 г. и продолжаетъ дѣйствовать въ 1623. Въ уставной грамотѣ Устюжны Желѣзопольской находимъ такое характерное мѣсто:

«А кто учнетъ жити на черной землѣ, сынъ боярской, или приказной человѣкъ, или митрополичь, или владычень, или монастырской, или чей ни буди, и тѣ люди волостелю устюжскому и его тіуну судимы и тягло имъ съ тѣхъ дворовъ, оброки и всякіе разметы тянути по вытно, что на нихъ цѣловальники разведутъ».

Судъ и тягло идутъ вмѣстѣ; судебный округъ и податной—сливаются. Это предписаніе повторено и 9 лѣтъ позднѣе въ грамотѣ мѣстному воеводѣ Н. А. Колычеву [3]).

---

[1]) А. Э. I № 143, 233, 234; 1506—1552.

[2]) А. Э. I № 256—7; 1561.

[3]) А. Э. III № 37, 138. Уставная важская грамота говоритъ о волостныхъ крестьянахъ и крестьянскихъ волостяхъ. Здѣсь волость, конечно, значитъ, тоже, что и въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка. Это волости и волостки сведеныхъ бояръ, т-е. ихъ частная собственность, перешедшая въ прекарное владѣніе крестьянъ.

Крестьяне и рыболовы Борисоглѣбской слободы, такъ отстаивавшіе свою платежную обособленность отъ Романова городка, составляли тоже особый присудъ. Волостные крестьяне Усьи и Заячьи рѣки — тоже особый присудъ и особый окладной округъ и такъ съ царя Ивана Васильевича и до Ивана и Петра Алексѣевичей [1]).

Отъ конца XVII вѣка имѣемъ роспись, составленную для раскладки стрѣлецкой подати. Въ этой росписи, составленной московскими гостями, обозначено, какая часть этой подати падаетъ на перечисленные въ ней города и уѣзды, городки и слободы. Мы встрѣчаемъ здѣсь уже извѣстныя намъ мѣста: Борисоглѣбскую слободу, Романовъ городокъ, Важскій уѣздъ, Устьянскія волости. Все это старые присуды, дожившіе до 1681 года. Думаемъ, что и другіе, перечисленные въ росписи, города—тоже присуды. Да иначе и понимать нельзя. Присуды до конца XVII вѣка—суть округа обложенія [2]).

Въ древнѣйшихъ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ города тоже присуды. Такими присудами являются: Новгородъ, Курскъ, Дѣмонъ и пр. Они, надо думать, составляли и центры окладныхъ округовъ, въ которыхъ сосредоточивались сборы мелкой погостской администраціи. Древнѣйшее указаніе на городъ, какъ присудъ, восходитъ ко времени Русской Правды: «А изъ своего города въ чужу землю свода нѣтуть», говоритъ она и переноситъ насъ къ первой причинѣ того, какъ городъ сдѣлался центромъ судебнаго и податнаго округа: древній городъ есть центръ волости—княженія, а потому онъ и центръ какъ судебнаго, такъ и податнаго округа.

---

1) А. Э. III № 37, 126; т. I № 243.

2) Эту мысль высказалъ еще 1859 году Ѳ. М. Дмитріевъ въ своей Исторіи судебныхъ инстанцій. На стр. 160 читаемъ: «Какъ присудъ кормленщика опредѣлялся объемомъ тѣхъ земель, которыя несли въ пользу его повинности, такъ, при земскомъ управленіи, судебный округъ выборныхъ судей опредѣлялся пространствомъ тѣхъ земель, съ которыхъ они брали подати».

Итакъ, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что присудъ и окладной округъ, обыкновенно, совпадаютъ.

Но что такое присудъ? Это единица чрезвычайно разнообразная. Цѣлый уѣздъ может быть отдѣльнымъ присудомъ, т.-е. особымъ судебнымъ и податнымъ округомъ, отдѣльный городъ — тоже, нѣсколько волостей уѣзда — тоже, наконецъ отдѣльная слободка и даже полъ-сохи бобровниковъ могутъ составлять и отдѣльный судебный округъ и отдѣльную окладную единицу. Съ 1488 года, по жалованной грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича, все Бѣлозерье, горожане и уѣздные люди, составляетъ одинъ присудъ и, можно думать, такъ было и раньше.

Какъ бы ни были различны размѣры присуда, всѣ присуды имѣютъ одну очень важную общую черту. Если судъ въ томъ или другомъ округѣ принадлежитъ приказному человѣку, намѣстнику или волостелю, на судѣ всегда присутствуютъ выборные люди, сотскіе или старосты, и просто представители общества подъ именемъ добрыхъ или лучшихъ людей; если приказные судьи отмѣнены, весь судъ состоитъ изъ выборныхъ людей. Всѣ эти выборные носятъ названіе цѣловальниковъ, ибо присягаютъ и крестъ цѣлуютъ. Итакъ, присудъ организованная единица, она имѣетъ своихъ выборныхъ, довѣренныхъ людей. Эти довѣренные люди не только судятъ, но и повинности раскладываютъ. Присудъ, слѣдовательно, живая, одушевленная еденица. Какъ бы ни были малы или велики ея границы, выборные цѣловальники составляютъ изъ нея одно цѣлое. Вся тягловая организація получаетъ въ нихъ свое завершеніе. Они раскладываютъ тягло по людямъ, по ихъ силѣ, по животамъ и промысламъ, по землѣ и угодьямъ.

Если присудъ охватывалъ земли лицъ разнаго состоянія, крестьянъ, бояръ, духовенства, раскладочная дѣятельность цѣловальниковъ простиралась на всѣхъ. Мужикъ окладывалъ и боярина, и моныстырь. У введенаго боярина И. В. Большого Шереметева мужики окладывали даже пустыя земли; тоже дѣлали они и съ монастырскими землями. Си-

монова монастыря и другихъ. Боярину и монастырямъ приходилось бить на нихъ челомъ самому государю.

Дѣйствія окладчиковъ вызывали иногда жалобы и на неправильное обложеніе живущаго. Мы не можемъ теперь разобрать, кто былъ правъ, кто виноватъ. Недовольные окладчиками просили о выдѣленіи ихъ изъ общаго оклада въ особый окладной округъ. Правительство нерѣдко соизволяло на это. Такимъ образомъ, происходило разложеніе старыхъ окладныхъ округовъ и появленіе новыхъ, болѣе мелкихъ.

Вотъ два примѣра.

Въ 1859 г. настоятель Коряжемскаго монастыря, старецъ Григорій, жаловался на усольскихъ окладчиковъ и говорилъ, что монастырю съ посадскими людьми въ однихъ сохахъ быть нельзя, что цѣловальники накладываютъ на монастырскіе посадскіе дворы всякіе государевы подати, не по ихъ промысламъ, не по ихъ угодьямъ. По монастырскому челобитью приказано было монастырскіе амбары, дворы, полянки и пожни отписать особо. — Въ 1684 году все духовенство Устюжской епархіи жаловалось на мѣстныхъ крестьянъ-окладчиковъ и говорило, что они окладываютъ ихъ дворишки заочно и неправдою, въ двое, въ трое, въ пятеро и больше противъ того, чего они стоютъ. Въ царскомъ указѣ всѣ дворы обложены по рублю съ двора, а они берутъ по два, по четыре и по шести рублей съ двора. Духовенство просило, чтобы этотъ рублевый окладъ съ ихъ дворовъ дозволено было собрать мѣстному архіепископу. Все это запоздалые отголоски вѣчевого народного самоуправленія. Роль крестьянина въ деревнѣ въ концѣ XVII вѣка, кажется, мало походила на современную.

Укажемъ еще одну характерную черту этихъ окладныхъ округовъ. Возлагая на нихъ обязанность платить извѣстную сумму, правительство, иногда, вовсе не указывало съ чего они должны платить эту сумму: съ сохъ, съ дворовъ или съ четей, а предоставляло это ихъ усмотрѣнію. Крестьяне волостей Усьи и Заячьи рѣки, составлявшіе одинъ при-

судъ, должны были платить за кормъ и намѣстничьи доходы 144 р. 14 ал. и 2 д., а вмѣстѣ съ данными и другими окладными доходами всего тысячу рублей въ годъ, а съ чего—не сказано [1]). И это очень понятно. Разныя единицы существовали только для удобства плательщиковъ, а потому имъ и можно было предоставить выборъ такой единицы для раскладки этой тысячи, которая для нихъ наиудобнѣе. Московская практика проявляла въ этомъ отношеніи большую гибкость.

Рядомъ съ такимъ обложеніемъ по присудамъ встрѣчаются, однако, и случаи иного обложенія—по владѣльцамъ. Оно, надо думать, болѣе поздняго происхожденія, но встрѣчается уже въ XVI вѣкѣ. Въ 1588 году, напримѣръ, бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Ситцкой приказываетъ, по указу государя, взять съ земли Ѳедоровскаго монастыря, что въ Переяславлѣ, съ неполной полусохи, ямскихъ денегъ 8 р. 25 алт. да полоняничныхъ 29 ал. съ 1 д. Въ 1637 году «по крымскимъ вѣстямъ», рѣшено было взять даточныхъ пѣшихъ людей съ вотчинъ духовныхъ учрежденій съ 10 дворовъ по человѣку. Всѣ черныя власти получили царскіе указы съ обозначеніемъ, сколько съ кого причитается ратныхъ людей [2]). Отъ начала XVII вѣка имѣемъ документъ, изъ котораго видно, что такимъ специальнымъ предписаніямъ предшествовало составленіе общей росписи, въ которой опредѣлялось, съ какого владѣнія сколько взять въ счетъ такого то сбора. Въ 1623 году послѣдовалъ указъ о сборѣ съ новогородцевъ денегъ на мостовое строеніе. Къ указу была приложена роспись, сколько брать съ земель отдѣльныхъ монастырей, помѣщиковъ и даже крестьянъ. Округами обложенія оказались очень маленькія владѣнія; у Хутыня монастыря всего 10 вытей, съ которыхъ ему пришлось уплатить 18 р. 19 ал. 3 д.; а у Духова монастыря

1) А. Э. I № 243; III № 126; 1555—1622.

2) Въ А. И. I подъ № 198 напечатана одна изъ такихъ грамотъ. А. Ю. № 209 V, VI.

полъ выти съ окладомъ въ 31 ал. $2^{1}/_{2}$ д. Такія же мелкія владѣнія оказались и у свѣтскихъ владѣльцевъ. Съ помѣстья Аникея Тугаринова пришлось взять съ $^{1}/_{6}$ выти 10 ал. 2 д.; съ земли крестьянина Гриши Морозова, которая немногимъ превышала $^{1}/_{3}$ выти, 6 ал. 2 д. и т. д. [1]).

Оба вида указанныхъ округовъ обложенія существуютъ единовременно, какъ и шесть единицъ обложенія. Правительство пользуется то тѣми, то другими. Есть основаніе думать, что правительство къ отбыванію той или другой повинности не всегда призывало все населеніе, а ограничивалось иногда нѣкоторымъ видомъ плательщиковъ. Въ этихъ случаяхъ оно распредѣляло повинность не по присудамъ, а по владѣльцамъ. Съ прикрѣпленія крестьянъ платежные округа по владѣльцамъ должны были пользоваться все большимъ и большимъ успѣхомъ.

Вотъ все, что мы нашли возможнымъ сказать по весьма спорному и темному вопросу объ окладныхъ единицахъ нашей древности. Все ихъ разнообразіе объясняется желаніемъ правительства найдти наиболѣе удобный для плательщиковъ способъ обложенія. Въ концѣ концовъ дѣло сводилось къ самообложенію по землямъ и угодьямъ, по животамъ и промысламъ. Правительство назначало сумму оклада, а цѣловальники, они же и судьи, а то и цѣлый міръ, распредѣляли эту сумму между плательщиками по ихъ силѣ.

Важность вопроса объ окладныхъ единицахъ не подлежитъ сомнѣнію. Но литература предмета очень не богата. Я приведу здѣсь имена только тѣхъ двухъ ученыхъ, которые съ великою пользою потрудились для разъясненія весьма не полныхъ и не ясныхъ свидѣтельствъ о московской сохѣ. Первый трудъ, на который необходимо указать, принадле-

---

[1]) А. Э. III № 145. Судя по государевой грамотѣ, обложенію подлежало все населеніе; а здѣсь обложено только населеніе Новгородскаго уѣзда, который захватывалъ земли разныхъ пятинъ, прилегавшихъ къ Новгороду. Большинство земель Новгородскаго уѣзда принадлежало монастырямъ. Всего на уѣздъ приходится 138 вытей или около 4 сохъ. Размѣры уѣзда, надо думать, были не велики.

житъ перу покойнаго профессора Московскаго университета, И. Д. Бѣляева; ему же принадлежитъ и заслуга перваго изданія новогородскихъ писцовыхъ книгъ. Когда онъ писалъ свою статью о поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ [1]), публикѣ не была извѣстна еще ни одна писцовая книга Московскаго государства, а изъ новогородскихъ имъ была напечатана только первая половина Вотской пятины. Его статья о поземельномъ владѣніи была написана почти исключительно по архивнымъ матеріаламъ. Неудивительно, что въ нее вкрались недосмотры и ошибки. Тѣмъ не менѣе высказанныя въ ней мнѣнія имѣли рѣшительное вліяніе на послѣдующую литературу и повторялись позднѣйшими учеными въ теченіи 40 лѣтъ по крайней мѣрѣ. Не смотря на всю трудность ученой работы въ архивахъ, почтенному ученому удалось сдѣлать цѣлый рядъ совершенно вѣрныхъ наблюденій и на основаніи ихъ высказать мнѣнія, опредѣлившія состояніе вопроса почти на цѣлое полъстолѣтіе.

Вотъ его точка зрѣнія. Сохою называлась единица земли, съ которой вносились государственныя повинности. Но она не была постоянною геометрическою мѣрою земли, а измѣнялась по соображеніямъ съ требованіями времени, государственными нуждами и проч. Правительство не измѣняло количества податей, падавшаго на соху, а измѣняло величину сохъ, уменьшая ихъ размѣръ, если требовалось увеличить подати, и увеличивая, если надо было уменьшить ихъ. Кромѣ того, соха имѣла не одинаковую мѣру, смотря по мѣстностямъ, по качеству земли, по различію владѣльцевъ. Монастырскія сохи равнялись 600 четей, помѣстныя—800 и т. д. Размѣры дворовыхъ сохъ тоже были не постоянны. Въ такомъ видѣ московскія сохи существовали съ древнѣйшихъ временъ и по конецъ XVI вѣка [2]).

Указанное Бѣляевымъ непостоянство размѣровъ сохи

---

[1]) Временникъ, т. XI, 1851 годъ.

[2]) Временникъ, т. XI стр. 51 и сл.

въ теченіи всего XVI в.—соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Что это непостоянство обусловливалось разными причинами и между прочимъ различіемъ владѣльцевъ—также вѣрно. Разные владѣльцы были обложены не одинаково, но всѣ были обложены, и служилые люди, и духовенство, и черные люди. Такимъ образомъ, еще въ 1851 году было высказано совершенно вѣрное мнѣніе о всеобщности тягла и указано достаточное тому основаніе, а въ концѣ вѣка наши ученые стали утверждать, что служилый классъ свободенъ отъ податныхъ обязанностей. Черезъ 40 лѣтъ послѣ правильнаго рѣшенія вопроса — наука дѣлаетъ большой шагъ назадъ [1]).

Итакъ, подмѣченные профессоромъ Бѣляевымъ факты—совершенно вѣрны, но нѣкоторыя объясненія ихъ не вѣрны. Авторъ думаетъ, что размѣръ сохи измѣнялся, между прочимъ, и для увеличенія и уменьшенія податей, которыя взимались съ сохи въ неизмѣнномъ количествѣ. Этой неизмѣнности величины податей, взимаемыхъ съ сохи, не было и авторъ ея не доказалъ. Въ примѣръ неизмѣнности ихъ онъ приводитъ постановленіе уставной Бѣлозерской грамоты отъ 1488 года, по которой за полоть мяса со всѣхъ сохъ брали по 2 алтына, и думаетъ, что со всѣхъ сохъ всегда платился одинъ и тотъ же окладъ всякихъ податей. Это недосмотръ, окладъ податей мѣнялся, какъ и размѣръ сохъ. По Бѣлозерской грамотѣ за полоть мяса и за возъ сѣна берутъ по 2 алтына, за барана 8 денегъ, а по Онежской грамотѣ 1536 года въ первомъ случаѣ брали по 8, а во второмъ — 6 денегъ; въ 1618 году ямскихъ денегъ съ сохи брали по 800 руб., а въ 1621 году только по

[1]) Нѣкоторое знакомство съ литературой могло бы спасти нашихъ историковъ конца прошлаго вѣка отъ этого крупнаго заблужденія, которое продолжаетъ повторяться и ихъ послѣдователями. Мысль Бѣляева о всеобщей податной обязанности не прошла безслѣдно. Ее высказываетъ и Ѳ. М. Дмитріевъ: «...всѣ земли, кромѣ обѣленныхъ жалованными грамотами, были податныя». Исторія судебныхъ инстанцій, 160.

468. И размѣры сохъ, и размѣры окладовъ не были постоянны. Одна ошибка повела за собою и другую. Взглядъ на сох какъ геометрическую мѣру земли, также не вѣренъ. Мы уже знаемъ, что въ древнѣйшее время размѣръ сохи опредѣлялся не количествомъ земли, а индивидуальными особенностями хозяйства; только съ половины XVI вѣка сохи получили значеніе земельной мѣры. Эти измѣненія въ исторіи сохи ускользнули отъ вниманія автора.

Мнѣнія Бѣляева господствовали до появленія въ свѣтъ въ 1892 году Спорныхъ вопросовъ финансовой исторіи Московскаго государства профессора Милюкова. Почтенный авторъ переработалъ весь вопросъ о сохѣ и далъ ему новое и самостоятельное рѣшеніе. Вотъ его мнѣніе. Онъ различаетъ въ исторіи сохи два періода: древнѣйшій, до половины XVI вѣка, и послѣдующій. Въ древнѣйшее время соха не имѣла значенія опредѣленной площади земли. Величина ея опредѣлялась не количествомъ земли, а количествомъ труда. Доказательство этому онъ находитъ въ обжѣ и новогородской сохѣ, представляющихъ единицу рабочей силы, и въ свидѣтельствѣ монастырской сотной отъ 1544 года объ однокольцѣ, которымъ мы уже имѣли случай воспользоваться. Съ половины же XVI вѣка соха получаетъ, въ силу царскихъ указовъ, опредѣленный размѣръ: для монастырскихъ земель въ 600 четей доброй земли, для дворцовыхъ, помѣстныхъ и вотчинныхъ — въ 800 четей. Въ доказательство послѣдняго положенія авторъ приводитъ цѣлую таблицу размѣровъ сохи указаннаго объема, составленную на основаніи данныхъ писцовыхъ книгъ. Памятники не сохранили никакихъ извѣстій о причинахъ перехода отъ старой трудовой сохи къ новой. Авторъ думаетъ, однако, что реформа сошнаго письма должна быть поставлена въ связь съ проектомъ генеральной переписи, составленнымъ на Стоглавомъ соборѣ. На соборѣ проектировалось послать писцовъ во всю землю писать и смѣтить всякія земли, а мѣрить пашенныя земли и не пашенныя, и луги, и лѣсъ, и всякія угодья и т. д. (стр. 37—51).

Я совершенно присоединяюсь къ мнѣнію автора о двухъ періодахъ въ исторіи сошнаго письма, но расхожусь съ нимъ въ ихъ характеристикѣ. Я уже высказался противъ опредѣленія размѣровъ обжи и сохи количествомъ затрачиваемаго труда. Что время—деньги, этого, кажется мнѣ, наши предки совершенно не знали. О «единицахъ рабочей силы»,— это уже можно сказать съ совершенной увѣренностью, они не имѣли ни малѣйшаго понятія. Единица рабочей силы—совершенно новое понятіе; оно переноситъ насъ въ сферу современнаго рабочаго вопроса, это — злоба нашего дня. Древность этого вопроса не знала, да и рабочихъ тогда было очень не много. Роль ихъ исполняли холопы; а по отношенію къ холопамъ никакого вопроса не могло быть о единицѣ рабочей силы. Крестьяне же не были рабочими; они были арендаторами, то-есть нанимателями земли, а не рабочими. За тѣмъ я указалъ выше, что единица рабочей силы должна быть опредѣлена единицей времени, иначе не будетъ никакой единицы; а между тѣмъ ни одинъ сторонникъ трудовой единицы ничего о времени не говоритъ. Это нуждается въ дополненіи. Къ сторонникамъ трудовой единицы принадлежалъ и покойный профессоръ Харьковскаго университета, И. Н. Миклашевскій. Онъ поправилъ существенный недосмотръ своихъ предшественниковъ. По его мнѣнію, количество труда, которое затрачивалось въ извѣстный промежутокъ времени и было одной изъ единицъ поземельнаго счета нашей древности, равнялось—одному дню. Авторъ говоритъ «такъ надо думать», но къ сожалѣнію не объясняетъ почему [1]). Результаты же его думы получаются вотъ какіе. Одинъ день труда коннаго рабочаго—есть обжа. Но ни одинъ конный рабочій на пашнѣ не трудится только одинъ день въ году, а непремѣнно нѣсколько. По этому, на каждый дворъ должно приходиться всегда нѣсколько обежъ. А въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ масса

[1]) Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, ч. I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка. Стр. 30.

отдѣльныхъ дворовъ считается въ одну обжу. И. Н. Миклашевскій послѣдователенъ, но его поправка совершенно несоотвѣтствуетъ тому, что говорятъ памятники. Время въ старину имѣло еще меньшее значеніе, чѣмъ оно имѣетъ у насъ теперь, а потому въ памятникахъ о немъ и рѣчи нѣтъ. Не единицей рабочей силы опредѣлялась соха, а индивидуальнымъ состояніемъ каждаго хозяйства. При этомъ число «однокольцовъ», то-есть, крестьянъ-арендаторовъ, конечно, могло имѣть опредѣляющее значеніе. Индивидуальная оцѣнка, при простотѣ хозяйствъ и небольшомъ размѣрѣ Московскаго княжества,—а она именно возникла, когда Московское княженіе было не велико, и исчезла, когда его границы увеличились, — индивидуальная оцѣнка каждаго хозяйства не представляла въ древнее время такихъ трудностей, съ какими оцѣнщики могли бы встрѣтиться теперь. Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ началѣ XVII вѣка было 862 двора, это не помѣшало окладчикамъ оцѣнить индивидуально налоговую способность каждаго двора, несмотря на значительное ихъ число.

Второй періодъ, отъ половины XVI вѣка, авторъ характеризуетъ тѣмъ, что соха получила опредѣленные земельные размѣры. И я не отрицаю появленія въ это время сохи опредѣленной земельной мѣры, но утверждаю, что эта мѣра была разная, и не только въ разныхъ мѣстахъ и у разныхъ классовъ владѣльцевъ, но и у отдѣльныхъ владѣльцевъ. Далѣе, я сомнѣваюсь, чтобы когда либо былъ изданъ общій указъ о мѣрѣ сохъ; общаго указа до насъ не дошло, но спеціальные указы о размѣрахъ сохи дѣлались постоянно и, смотря по потребностямъ минуты, размѣры сохъ мѣнялись. Сохи вотчинъ Троицы-Сергіева монастыря то сравнивались съ сохами помѣщиковъ, то опять ставились въ менѣе выгодное положеніе и т. д., и такъ со второй половины XVI вѣка и въ XVII-мъ. Мы не отрицаемъ вѣрности составленной авторомъ таблицы размѣровъ сохъ. Наши цифры размѣровъ сохъ мы взяли изъ тѣхъ же писцовыхъ книгъ, какими пользовался и профессоръ Милюковъ, и иногда съ

тѣхъ же самыхъ страницъ. Его таблица совершенно вѣрна, надѣемся, вѣрна и наша. А результатъ тотъ, что размѣры сохъ и послѣ проекта генеральной переписи Стоглаваго собора—разные.

Но что такое происходило на Стоглавомъ соборѣ? Проектъ генеральной переписи собора до насъ не дошолъ, и былъ ли онъ составленъ, это не извѣстно. До насъ дошолъ цѣлый рядъ царскихъ вопросовъ собору; онъ оканчивается царскимъ приговоромъ: «Да приговорилъ есми послать писцовъ во всю свою землю писать и смѣтить и мои, царя и вел. князя, и митрополичи и т. д. земли» и пр. Этотъ царскій приговоръ почтенный авторъ и называетъ проектомъ генеральной переписи собора. Царскій приговоръ и предшествующіе ему 11 вопросовъ не вошли въ Стоглавъ, а сохранились въ другомъ памятникѣ, изъ котораго и были извлечены и напечатаны покойнымъ И. Н. Ждановымъ [1]). Приговоръ царя надо разсматривать вмѣстѣ съ предшествующими ему вопросами, которыхъ составитель Стоглава не нашелъ нужнымъ внести въ свой сборникъ; только тогда и будетъ онъ ясенъ. Приговоръ и предшествующіе ему 11 вопросовъ составляютъ одно цѣлое; это все вопросы, относящіеся до свѣтскихъ дѣлъ. Изъ 11 вопросовъ 5 самыхъ большихъ имѣютъ прямое отношеніе къ положенію служилыхъ людей. Въ статьѣ о вотчинахъ и помѣстьяхъ рѣчь идетъ о томъ, что у однихъ служилыхъ людей земель много, а у другихъ мало, и они голодны; въ одной изъ слѣдующихъ статей для устройства служилыхъ людей признается нужнымъ сдѣлать вотчинныя книги, въ которыя надо записывать «въ мѣру и пашенная земля, и не пашенная, и луга, и перевѣсы, и борти, и рѣки, и озера, и пруды, и мосты, и всякія угодья, ино его не обидитъ никто, а ему чужаго прибавить—не умѣть же. Чѣмъ умѣрять лишькомъ надъ книгами, то отъимуть на меня. И вѣдомо, за кѣмъ

[1]) Жур. Мин. Нар. Просв. 1876 г., іюль.

сколько прибудетъ и убудетъ, и по вотчинѣ и служба знать».

Сопоставленіе этихъ вопросовъ съ царскимъ приговоромъ разъясняетъ смыслъ и цѣль царскаго приговора. Дѣло идетъ объ организаціи службы. Служилые люди надѣлены землями очень не равномѣрно, а потому «ихъ надо поверстать по достоинству безъ грѣшно». Надо завести книги, въ которыхъ должны быть описаны пашенныя (жилыя) и не пашенныя (пустыя) земли и соотвѣтственно владѣнію назначена служба. Лишнія земли должны быть взяты на государя. Для всего этого надо произвести опись существующаго землевладѣнія, а потому царь и приговорилъ послать писцовъ, что бы они смѣтили и мѣрили «пашенныя земли и не пашенныя, и луги, и лѣсъ, и всякія угодья, и рѣки, и озера, и пруды, и борти, и перевѣсы, и мосты» и т. д. «А кого чѣмъ пожалую, продолжаетъ говорить царь, и по книгамъ жаловалные грамоты давать слово въ слово для того, чтобы впредъ тяжа не была о водахъ и земляхъ: что кому дано, тотъ тѣмъ и владѣй. А утяжутъ кого черезъ писмо лишкомъ, и то имати на меня. И того ради, кто чего попроситъ, и язъ вѣдаю, чѣмъ кого пожаловати, и кто чѣмъ нуженъ, и кто съ чего служитъ. И то мнѣ будетъ вѣдомо же: и жилое и пустое».

Этими словами и оканчивается царскій приговоръ и тѣ 11 вопросовъ, которые не вошли въ Стоглавъ.

Сопоставленіе царскаго приговора съ предшествующими ему вопросами дѣлаетъ совершенно яснымъ содержаніе приговора или «проекта генеральной переписи», какъ его называетъ проф. Милюковъ. Дѣло идетъ вовсе не объ установленіи размѣровъ сохи; дѣло идетъ о выясненіи, кто чѣмъ владѣетъ и не только въ живущемъ, но и въ пустѣ. Всякое владѣніе, и живущее и пусто, должно быть записываемо въ книги. А прежде, въ податныхъ цѣляхъ, можетъ быть, писали только живущее. Вотъ офиціальное начало той перемѣны въ составленіи описей, на которую мы указали въ своемъ мѣстѣ. Вотъ отъ куда, надо думать, пошло и

приведенное выше наставленіе автора книги сошнаго письма, писать живущее и пустое, и та разнообразная практика писцовъ, на которую тоже было указано. Пустое предписано писать въ интересахъ службы, для выясненія помѣстнаго оклада, а вовсе не для сбора повинностей. Итакъ, «проектъ генеральной переписи» не имѣетъ никакого отношенія къ возникновенію сохъ опредѣленной земельной мѣры [1]), и мы по прежнему остаемся въ полномъ невѣдѣніи того, когда именно, какъ и почему совершился переходъ отъ старой, небольшой сохи къ крупной сохѣ XVI вѣка. Будемъ надѣяться, что любители архивныхъ работъ найдутъ, наконецъ, въ богатыхъ собраніяхъ нашихъ архивовъ новые документы, объясняющіе эту историческую загадку.

---

[1]) Иначе отнесся къ этому вопросу г. Дьяконовъ. Указанную проф. Милюковымъ связь реформы сохи «съ проектомъ генеральной переписи, предложеннымъ на Стоглавомъ соборѣ», онъ находитъ «весьма удачной». Но по поводу того же вопроса, онъ обнаруживаетъ и большую неустойчивость мнѣнія. На стр. 208 г. Дьяконовъ говоритъ: «Благодаря выводамъ автора, можетъ считаться устраненнымъ господствовавшее въ нашей литературѣ со временъ Бѣляева мнѣніе о колебаніяхъ въ размѣрахъ сохъ въ теченіе всего XVI вѣка». За тѣмъ изъ архивныхъ документовъ онъ приводитъ любопытныя данныя о колебаніи размѣровъ сохъ, которыми мы выше и воспользовались. Послѣ этого на 217 стр. читаемъ такое заключеніе: «Итакъ, соха, какъ окладная единица, и во второй половинѣ XVI вѣка, послѣ преобразованій 1551 года, представляла значительныя колебанія и кромѣ той разницы въ ея размѣрахъ для земель разныхъ качествъ и различныхъ категорій владѣльцевъ, какія были установлены въ «царевомъ уложеніи». Ж. М. Н. Просв. 1893, іюль. Не смотря на то, что мнѣніе Бѣляева о колебаніи сохъ въ теченіе всего XVI вѣка устранено, соха продолжаетъ колебаться и во второй половинѣ XVI вѣка! Послѣднее мнѣніе совершенно вѣрно.

КНИГА

и

ГЛАВА ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ

Литература предмета

Въ заключеніе представлю обзоръ литературы затронутыхъ мною вопросовъ. Не мнѣ принадлежитъ первое слово о деревнѣ, дворѣ, складникахъ, бобыляхъ, крестьянской общинѣ и т. д. О нихъ уже давно и много писали. Я не нашолъ возможнымъ вполнѣ раздѣлить мнѣнія прежде высказанныя, а научная истина—должна быть одна. Если она уже возвѣщена, надо было повторить ее; если я этого не дѣлаю, я, значитъ, считаю существующія мнѣнія въ какомъ либо отношеніи ошибочными и долженъ указать, въ чемъ заключается эта ошибка. Это тяжелый и неблагодарный трудъ, но необходимый: безъ этого нѣтъ науки. Нельзя же нагромождать одно мнѣніе на другое, не объясняя, чѣмъ нехороши старыя. Я не принимаю старыхъ, потому что усматриваю въ нихъ нѣкоторыя недоразумѣнія. Читатель, наоборотъ, сравнивъ мое мнѣніе съ оспариваемыми, можетъ найти недоразумѣніе на моей сторонѣ. Онъ нисколько не проиграетъ и въ этомъ случаѣ. Изъ нижеслѣдующаго онъ ознакомится съ мнѣніями ранѣе высказанными, изъ которыхъ и можетъ выбрать для себя любое. Они будутъ изложены совершенно точно, словами авторовъ.

Я не ставлю себѣ задачей исчерпать всѣ существующія въ литературѣ разногласія, но не потому, что выполненіе такой задачи было бы безполезно. Оно выше моихъ силъ. Я ограничусь анализомъ извѣстныхъ мнѣ разногласій лишь по болѣе крупнымъ вопросамъ древняго быта. Это дастъ мнѣ возможность пополнить вышесказанное съ нѣкоторыхъ новыхъ точекъ зрѣнія, которыхъ, по ходу моего собственнаго изложенія, мнѣ не пришлось коснуться.

Я буду приводить чужія мнѣнія въ томъ порядкѣ, въ какомъ шло мое собственное изложеніе, и начну съ труда госпожи А. Я. Ефименко о крестьянскомъ землевладѣніи на крайнемъ Сѣверѣ.

I

Въ рукахъ автора оказался новый матеріалъ [1]), благодаря которому онъ нашелъ возможнымъ «показать съ непреложной очевидностью, въ чемъ заключалась сущность поземельнаго древняго устройства: не будучи общиннымъ въ строгомъ смыслѣ слова, оно тѣмъ менѣе было подворноучастковымъ, представляя изъ себя своеобразную форму, изъ которой могла развиться позднѣйшая община» 211. Этотъ матеріалъ представляютъ тѣ веревныя книги, содержаніе которыхъ я приводилъ выше.

На основаніи выписокъ изъ веревныхъ книгъ, г-жа Ефименко дѣлаетъ такое заключеніе. «Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что деревня была одно поземельное цѣлое. Пашня ея была разбита на смѣны, а смѣны на поля или коны, при чемъ каждый дворъ деревни имѣлъ участокъ непремѣнно въ каждомъ кону каждой смѣны. Точно также каждый дворъ имѣлъ участокъ въ каждой пожнѣ, въ каждомъ переложкѣ, въ каждой закраинѣ. Даже разныя заполь-

[1]) А. Ефименко, крестьянское землевладѣніе на крайнемъ Сѣверѣ, 1884. Вып. I.

ныя польца, росчисти, новины, обыкновенно, находились въ совмѣстномъ владѣніи всѣхъ дворовъ деревни. Однимъ словомъ, этою стороною своей организаціи деревня представляла ярко выраженный прототипъ современной общины съ общими смѣнами и обязательнымъ сѣвооборотомъ» [1]).

Этой деревенской организаціи авторъ даетъ наименованіе долевой и полагаетъ, что она «была общимъ типомъ старой русской поземельной организаціи, выросшей на развалинахъ той послѣдней стадіи родового быта, которая называется у юго-западныхъ славянъ задругой, а на сѣверѣ— печищемъ. Долевая деревенская организація можетъ быть сочтена за материнскую форму, которая заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ всѣ существенныя черты обѣихъ развившихся изъ нея формъ поземельнаго владѣнія, какъ общинной, такъ и подворно-участковой» 225 сл., 230

Таково мнѣніе г-жи Ефименко о древнемъ деревенскомъ устройствѣ. Оно не подворное, а долевое. Изъ этого долевого развилось и общинное и подворное.

Что описываемая въ веревныхъ книгахъ деревенская организація представляетъ общій типъ древней русской организаціи, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но почему она не дворовая? Вотъ это надо было доказать автору, чего онъ, однако, не сдѣлалъ. Да едва ли это и можно доказать. Веревныя книги описываютъ деревни по дворамъ и указываютъ земли каждаго двора. Принадлежащіе каждому двору участки очень дробны, но все же это дворовые участки: они собственность владѣльцевъ отдѣльныхъ дворовъ. Эти участки возникли изъ дѣлежа первоначальнаго двора между наслѣдни-

[1]) Стр. 214. Спѣшимъ сдѣлать маленькую поправку. Веревныя книги не даютъ основанія говорить о поляхъ и конахъ; этихъ словъ въ нихъ нѣтъ. Также точно автору не слѣдовало бы говорить «о совмѣстномъ владѣніи дворовъ» и «обязательномъ сѣвооборотѣ». Въ веревныхъ книгахъ показано не совмѣстное, а раздѣльное владѣніе каждаго двора. Но мы должны признать, что прибавка такихъ понятій, какъ конъ и совмѣстное владѣніе, облегчаетъ уподобленіе старой деревни — современной общинной деревнѣ.

ками его прежняго обладателя. Это признаетъ и авторъ, хотя выражается немножко туманно, говоря о какихъ-то развалинахъ какой-то послѣдней стадіи родового быта. Дѣло гораздо проще. Отецъ умеръ, первоначальный дворъ-деревня раздѣлился между его сыновьями. Получились доли земли въ каждомъ участкѣ и возникли особые дворы. А такъ какъ каждый наслѣдникъ получилъ свой участокъ въ собственность, то онъ можетъ его отчуждать. Такимъ образомъ, владѣльцами долей могутъ быть и не родственники. Все это могло совершаться не только въ XV и въ XVI вѣкахъ, но и прежде и послѣ, и чтобы это дѣйствительно совершалось, вовсе не нужно, чтобы распались послѣднія стадіи родового быта. Авторъ самъ говоритъ: «Пока деревня равна двору, чтобы ни представлялъ собою этотъ дворъ, все-таки не можетъ быть рѣчи ни о какой сложной поземельной организаціи. Такая возможность наступаетъ только съ момента раздробленія первоначальнаго двора, то-есть большой семьи, печища» 219. И затѣмъ, въ видѣ примѣра, приводитъ раздѣльный актъ шести братьевъ: въ дѣлежѣ былъ одинъ дворъ-деревня, послѣ дѣлежа получилась деревня въ шесть дворовъ или въ шесть долей. Такъ какъ каждому брату были отведены отдѣльные участки, то и съ раздѣленіемъ не получилось никакой сложной организаціи, могущей служить прототипомъ общиннаго владѣнія; получился самый обыкновенный видъ общаго, а не общиннаго владѣнія. Каждый братъ владѣетъ своей долей на себя и можетъ ее продавать. Ихъ доли не имѣютъ ничего общаго съ долями участниковъ общиннаго владѣнія.

Авторъ находится въ очевидномъ недоразумѣніи. По веревнымъ книгамъ каждый владѣлецъ деревенской доли имѣетъ клочокъ въ каждой разновидности земли. Это похоже на извѣстное всѣмъ намъ распредѣленіе деревенскихъ земель между крестьянами-общинниками. Но сходство чисто внѣшнее, по существу же эти доли совершенно различны. Доли веревныхъ книгъ не равны между собой, онѣ отчуждаются, наслѣдуются и т. д., то-есть, состоятъ въ част-

ной собственности своихъ владѣльцевъ, если они своеземцы; если же они сидятъ на государственныхъ земляхъ, то отношеніе ихъ къ этимъ землямъ нѣсколько иное, на что мы указали въ своемъ мѣстѣ, но все же и они распоряжаются. Это внѣшнее и поверхностное сходство авторъ принялъ за сходство по существу, а потому и усмотрѣлъ въ немъ прототипъ позднѣйшаго общиннаго владѣнія.

Усматривая въ долевомъ владѣніи прототипъ позднѣйшаго общиннаго, авторъ полагаетъ, что старинныя доли имѣютъ всѣ свойства долей сего послѣдняго, что онѣ равны (220) и передѣляются; право отчуждать эти доли, котораго онъ не можетъ не признать, существенно противорѣчитъ сближенію старыхъ долей съ долями общинниковъ, а потому онъ старается представить его въ нѣкоторомъ особомъ свѣтѣ.

Разберемъ каждое изъ этихъ положеній.

Доли участниковъ, говоритъ авторъ, равны. Онѣ могутъ быть равны только въ одномъ случаѣ: если отецъ умеръ безъ завѣщанія, тогда имѣніе его дѣлится поровну между сыновьями. Но если онъ оставилъ завѣщаніе, онъ могъ назначить дѣтямъ и не равные участки. Эти участки затѣмъ переходятъ къ дѣтямъ дѣтей. Если они сначала и были равны, при слѣдующемъ переходѣ они дѣлаются неравными, ибо трудно думать, чтобы у каждаго изъ сыновей было равное число наслѣдниковъ. Съ владѣніемъ крестьянъ-общинниковъ даже и въ томъ случаѣ, когда доли случайно равны, здѣсь ровно ничего нѣтъ общаго.

Общинныя земли передѣляются отъ времени до времени. Мы хорошо знаемъ, при какихъ условіяхъ это дѣлается. Авторъ утверждаетъ, что каждый участникъ въ веревной долѣ могъ требовать передѣла, если находилъ, что доставшаяся ему доля не соотвѣтствуетъ его правамъ. «Если, продолжаетъ онъ, въ родственную схему вложить посторонніе элементы, которые постоянно въ нее входили, то получается прототипъ нашего общиннаго передѣла» 221.

«Посторонніе элементы, входящіе въ родственную схему»,

это постороннія лица, дѣлающіяся черезъ покупку долей, дареніе и пр. совладѣльцами деревни. Въ примѣръ такого поступленія «въ родственную схему посторонняго элемента» авторъ и приводитъ тотъ «любопытный документъ» начала XVII вѣка (1602), который мы уже разобрали на стр. 63.

Допустимъ, что наслѣдники, разъ подѣлившись, нашли раздѣлъ невыгоднымъ и требуютъ новаго. Кто читалъ комедію Тургенева «Завтракъ у предводителя», тотъ хорошо знаетъ, какія трудности представляетъ раздѣлъ наслѣдниковъ, какъ легко они дѣлаются недовольными и какъ склонны они требовать вѣчныхъ передѣловъ. Тѣмъ скорѣе надо допустить, что постороннее лицо, пріобрѣтя часть въ вопчей деревнѣ, будетъ еще менѣе сговорчиво, чѣмъ братья и другіе родственники; наконецъ, допустимъ, что на практикѣ возникаютъ безконечные споры о новыхъ передѣлахъ. Что же будетъ общаго въ этихъ передѣлахъ наслѣдниковъ, если они и будутъ допущены, съ передѣлами крестьянъ-общинниковъ? Ровно ничего, кромѣ слова передѣлъ. Это опять недоразумѣніе [1]).

Вопросъ «о передѣлахъ для уравненія владѣній» чрезвычайно занимаетъ г-жу Ефименко, что̀ очень понятно; это вопросъ для нея чрезвычайной важности. Она возвращается къ нему на 227 стр. Здѣсь авторъ обращаетъ вниманіе читателя на выраженіе древнихъ памятниковъ: «уравниваться по купчимъ крѣпостямъ», и для доказательства своей мысли о передѣлахъ приводитъ извлеченіе изъ дѣла конца XVII вѣка о такомъ уравненіи. Двое крестьянъ деревни Настасьи-

---

[1]) Раздѣлъ наслѣдниковъ — дѣло величайшей трудности; во всѣ времена онъ былъ источникомъ всякихъ недоразумѣній и вражды между родственниками. Это хорошо понималось и у насъ въ древности, а потому принимались мѣры къ тому, чтобы разъ произведенный раздѣлъ потомъ уже не передѣлывался. «Соучастники дѣлежа договаривались впередъ лишними землями другъ друга не уравнивать, не передѣливаться и не переравниваться, новаго дѣлу другъ на другѣ не спрашивать ни имъ самимъ, ни дѣтямъ ихъ». Беремъ это свидѣтельство у г-жи А. Ефименко 221.

ной требовали отъ двухъ другихъ совладѣльцевъ той же деревни «равности орамыхъ земель и сѣнныхъ покосовъ». Совладѣльцы имъ отвѣчали: «по старымъ крѣпостямъ ровняться готовы». Вслѣдствіе этого отправлены были на мѣсто старожильцы съ письменными крѣпостями, купчими и дѣльными, и сравнили земли «въ правду по Евангельской заповѣди Господни». Что̀ это такое? Владѣльцы общей деревни владѣютъ своими участками по крѣпостямъ. Съ теченіемъ времени произошло нарушеніе границъ этого владѣнія. Двое совладѣльцевъ требуютъ ихъ уравнять. Не беремся рѣшать, что̀ они понимаютъ подъ своей «равностью». Мало ли чего могутъ домогаться истцы! Но судъ, согласно съ заявленіемъ отвѣтчиковъ, приказываетъ развести межи по купчимъ крѣпостямъ и раздѣльнымъ актамъ. Что̀ здѣсь общаго съ уравненіемъ участковъ общинныхъ владѣльцевъ и ихъ передѣлами? Ровно ничего.

Право дольщиковъ отчуждать свои доли не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Оно хорошо извѣстно г-жѣ Ефименко. Но это право не укладывается въ рамки позднѣйшаго общиннаго землевладѣнія. Какъ же быть? Это проявленіе права частной собственности г-жа Ефименко пытается ослабить такимъ соображеніемъ: «Но и при продажѣ выдѣленнаго деревенскаго участка все-таки продается не такая-то опредѣленная земля, находящаяся въ такихъ-то межахъ, а лишь идеальная доля или доли» 224. Это утвержденіе ни на чемъ не основано и совершенно непонятно. Всякій продаетъ только то, что онъ имѣетъ; если онъ имѣетъ идеальную долю, онъ продаетъ идеальную долю; если произошелъ раздѣлъ, владѣлецъ продаетъ, что̀ ему досталось по раздѣлу, и при купчей передаетъ покупщику и свою раздѣльную грамоту. Сама же г-жа Ефименко приводитъ извлеченіе изъ только что упомянутаго нами дѣла конца XVII вѣка, въ которомъ старожильцы ходятъ по межамъ не только съ купчими, но и съ «дѣльными», то есть съ раздѣльными актами, по которымъ спорщики владѣютъ своими участками. Да и что̀ же это былъ бы за порядокъ,

если бы съ каждымъ отчужденіемъ раздѣльные акты уничтожались? При такомъ порядкѣ и жить было бы нельзя. Здѣсь опять довольно крупное недоразумѣніе.

Нарисовавъ картину древней деревни, прототипа позднѣйшей общинной деревни, съ равными долями, съ правомъ передѣла и т. д., г-жа Ефименко не могла обойти молчаніемъ складниковъ и сябровъ. Она говоритъ о тѣхъ и другихъ, но о складникахъ больше, чѣмъ о сябрахъ, которыхъ касается лишь мимоходомъ.

Мы уже знаемъ, что долевая организація старинной деревни развивается у г-жи А. Ефименко «на развалинахъ той послѣдней стадіи родового быта, которая называется у юго-западныхъ славянъ задругой, а на сѣверѣ—печищемъ». Въ этомъ утвержденіи г-жа Ефименко довольно близко подходитъ къ мнѣнію, давно уже высказанному о нашей современной общинѣ барономъ Гакстгаузеномъ.

Деревня, родоначальница общинной, представляется г-жѣ А. Ефименко «кровной, родовой клѣточкой» 222. Вотъ въ этой-то кровной, родовой клѣточкѣ и возникаетъ складство, «всецѣло сохраняя старую кровную схему». Оно трехъ видовъ. Первый видъ представляетъ явленіе искусственной семьи, образчикъ которой даетъ «любопытный документъ начала XVII вѣка (1602)», нами уже разобранный. Мы видѣли, что здѣсь договоръ объ общемъ хозяйствѣ, въ которомъ слово складничество даже и не упомянуто, былъ принятъ авторомъ за случай образованія искусственной семьи. Тутъ нѣтъ искусственной семьи и никакой «кровной схемы». Два человѣка живутъ въ одной деревнѣ и ведутъ общее хозяйство. Они, конечно, положены въ одну обжу, и въ этомъ смыслѣ складники.

«Складничество иного типа (второй видъ) представляютъ посторонніе элементы, вошедшіе не въ семью, а въ кровную родовую клѣточку деревни; оно было развито въ высшей степени». Возникаетъ оно въ силу пріобрѣтенія покупкой и другими способами долей деревни посторонними людьми. «Въ этомъ случаѣ, говоритъ авторъ, союзъ родственниковъ

замѣщался союзомъ складниковъ, сосѣдей, сябровъ, сохраняя подъ собою всецѣло старую кровную схему» 221—225. Это совершенно вѣрно. Всякій, пріобрѣтавшій долю или жребій деревни и попадавшій, такимъ образомъ, въ ту же обжу или соху, становился складникомъ совладѣльцевъ; только кровная схема тутъ ни при чемъ. Складничество обусловливалось здѣсь не родствомъ, котораго и не было, а положеніемъ въ одну обжу.

Сябръ въ приведенной цитатѣ поставленъ рядомъ со складникомъ, онъ отнесенъ къ союзу не родственниковъ, а постороннихъ лицъ. Это неправильно и по отношенію къ сябрамъ и по отношенію къ складникамъ. Мы видѣли, что и сябрами и складниками могутъ быть и родственники и постороннія лица.

А вотъ третій видъ складничества. «Мы уже говорили выше, читаемъ у автора, что при раздѣленіи кровнаго союза родственники почти никогда не дѣлились нѣкоторыми видами угодій, а оставляли извѣстную часть ихъ въ нераздѣльномъ пользованіи» 228. Владѣльцы этихъ нераздѣльныхъ угодій и суть складники. Это можно допустить, но и здѣсь складники не потому, что не раздѣлили угодій, а потому, что живутъ въ одной деревнѣ. Они были бы складники и въ томъ случаѣ, если бы раздѣлили угодья.

Въ доказательство своихъ взглядовъ на существованіе трехъ видовъ складничества, авторъ не привелъ ни одного документа, изъ котораго было бы видно, что складникомъ называется человѣкъ потому, во-первыхъ, что ведетъ съ другимъ общее хозяйство; во-вторыхъ, что купилъ часть чужой деревни; въ-третьихъ, что не раздѣлилъ общихъ луговъ. Полагаемъ, что и нельзя привести такого документа: во всѣхъ трехъ случаяхъ нѣтъ никакой складчины. Назвать который либо изъ этихъ случаевъ складчиной было бы противно смыслу слова. Складываются у нихъ только подати, а потому они всѣ одинаково и складники [1]).

[1]) «Нераздѣльное пользованіе угодьями, говоритъ г-жа А. Ефименко, называется на языкѣ сѣверныхъ актовъ складствомъ, соучастники

Въ только что приведенной цитатѣ есть выраженіе, которое нельзя пройти молчаніемъ; оно многое объясняетъ въ нашемъ спорѣ. «При раздѣленіи кровнаго союза, говоритъ авторъ, угодья не дѣлятся». А когда же это дѣлится кровный союзъ, и каковы его части? Напримѣръ: союзъ родителей и дѣтей? Никогда! Не кровный союзъ дѣлится тамъ, гдѣ выше авторъ говоритъ о дѣлежѣ, а имущество (кровныхъ) родственниковъ. Мы указали нѣсколько недоразумѣній автора; теперь всѣ ихъ можно свести къ одной причинѣ, нѣкоторой неясности юридическихъ понятій, въ данномъ случаѣ очень понятной, и которую никто въ вину г-жѣ А. Ефименко не поставитъ. Несмотря на нѣкоторыя недоразумѣнія, она совершила очень почтенный трудъ, который пользуется вполнѣ заслуженной извѣстностью и имѣетъ не мало послѣдователей.

Кровные союзы могутъ только уничтожаться, а не дѣлиться на части. Спрашивается, что́ же было въ нашей старой деревнѣ кровнаго, что постоянно заставляетъ г-жу А. Ефименко говорить о ея кровномъ характерѣ, хотя бы она была населена даже и не родственниками, а посторонними лицами? Мнѣ кажется, предполагаемое происхожденіе долей и только. Однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ способовъ возникновенія долей деревни, этого первоначальнаго цѣлаго, которое потомъ дѣлится на половины, трети и т. д., является дѣлежъ деревни между дѣтьми ея устроителя. Вотъ и все кровное, что есть въ долевой организаціи автора, то-есть, первоначально доли принадлежатъ родственникамъ; но эти родственники владѣютъ своими долями совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и посторонніе лица, то-есть, общее владѣніе, возникающее изъ дѣлежа наслѣдства, нисколько не отличается отъ всякаго другого общаго владѣнія, какъ бы оно ни возникло. А съ другой стороны, раз-

---

его—складниками».. 229. Къ сожалѣнію, она не приводитъ и не указываетъ ни одного изъ этихъ любопытныхъ сѣверныхъ актовъ. Но что у складниковъ, какъ однодеревенцевъ, могутъ быть общія угодья, это дѣло довольно обыкновенное, только тутъ нѣтъ никакой складчины.

дѣлъ наслѣдства есть ли единственный способъ возникновенія первоначальныхъ долей? Конечно, нѣтъ. Деревня можетъ быть устроена не однимъ хозяиномъ, а двумя пріятелями, но не родственниками. При этомъ условіи съ самаго начала будутъ двѣ доли и не непремѣнно равныхъ, такъ какъ участіе учредителей можетъ быть и не равное. Проф. Лучицкій приводитъ примѣръ устройства мельницы четырьмя сябрами, причемъ половина дохода шла одному, казаку Гарбузу, а трое остальныхъ, родные братья Яценки, получали каждый по $^1/_6$, а вмѣстѣ тоже половину. Итакъ, особенно настаивать на исключительно кровномъ характерѣ первоначальной деревни и ея долей едва ли есть достаточное основаніе. Она изстари могла возникать въ силу совокупной дѣятельности постороннихъ людей, не родственниковъ.

II

Перехожу къ изслѣдованію проф. Лучицкаго: Сябры и сябреное землевладѣніе въ Малороссіи [1]).

Авторъ ставитъ себѣ гораздо болѣе тѣсную задачу. Предметъ его изслѣдованія сябры и ихъ землевладѣніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи XVIII вѣка. Мы привели уже мнѣніе автора о томъ, что̀ тогда разумѣли малороссы подъ словомъ сябръ, прим. на стр. 72. Но далѣе авторъ говоритъ, что слово сябръ имѣло и иной смыслъ и посвящаетъ свою статью разслѣдованію этого иного смысла. Съ точки зрѣнія этого иного смысла слово сябръ представляется далеко не такимъ простымъ: «лишь мало-по-малу и съ большимъ трудомъ автору удалось собрать нѣкоторую, сравнительно весьма незначительную часть данныхъ способныхъ пролить свѣтъ на организацію сябриннаго землевладѣнія, имѣющую большой интересъ и значеніе не для одной

---

[1]) Сѣверный Вѣстникъ за 1889 г. №№ 1 и 2.

только исторіи Малороссіи, но еще быть можетъ гораздо большее для исторіи послѣдовательной смѣны формъ землевладѣнія вообще» I 70. Итакъ, владѣніе сябровъ не есть просто весьма обыкновенный видъ общей собственности, а нѣкоторая особая форма землевладѣнія, занимающая свое опредѣленное мѣсто въ исторіи послѣдовательнаго развитія этихъ формъ.

«Сябринное землевладѣніе, говоритъ авторъ, основано на родственномъ кровномъ началѣ... Это начало кровной связи, лежащее въ основѣ сябриннаго землевладѣнія, выступаетъ во всѣхъ тѣхъ весьма многочисленныхъ случаяхъ, гдѣ мы съ нимъ встрѣчаемся... Всякій разъ, когда дѣло идетъ о сябринныхъ участкахъ, они носятъ въ актахъ совершенно ясное и опредѣленное названіе, прямо указывающее на родовой характеръ сябринства. Вездѣ встрѣчаемъ совершенно одинакія выраженія: отчина, вутчина, вутчицкія, сябринскія части. Это землевладѣніе обязано своимъ возникновеніемъ распаденію единой и цѣльной сложной семьи...» (I 85—87, II 49).

Вотъ въ чемъ заключается отличительный признакъ этой особой исторической формы землевладѣнія: сябры родственники. Теперь припомнимъ, что̀ авторъ говоритъ въ началѣ своего изслѣдованія. Онъ приводитъ тамъ иное значеніе слова сябръ, по которому сябръ—простой пайщикъ, участникъ въ общемъ владѣніи, а таковымъ можетъ быть и не родственникъ. Въ примѣръ авторъ привелъ извѣстныхъ уже намъ казака Гарбуза и братьевъ Яценковъ. Онъ полагаетъ, что этотъ примѣръ «особенно рельефно обрисовываетъ характеръ и смыслъ сябринства» I 74. Итакъ, сябрами могутъ быть родственники и не родственники, и то и другое особенно характерно для сябринства. Сябринное землевладѣніе, слѣдовательно, не непремѣнно основано на родственномъ, кровномъ началѣ. Для того, чтобы выяснить себѣ, что такое сябръ, надо взять черты, принадлежащія всѣмъ сябрамъ, а не сябрамъ только родственникамъ. Черты, всѣмъ принадлежащія, и будутъ характерны для сябра вообще.

Можно быть сябромъ, не будучи родственникомъ; слѣдовательно, родственное, кровное начало не есть отличительный признакъ сябринства.

Затѣмъ авторъ приводитъ иныя черты, характеризующія сябринское землевладѣніе, какъ особую историческую форму. Такъ какъ такая форма, за безразличіемъ сябровъ родственниковъ и неродственниковъ, исчезаетъ, то мы могли бы и не разсматривать характерныя черты не существующей формы. Но мы на нихъ остановимся, потому что авторъ строитъ свое зданіе на новомъ архивномъ матеріалѣ, до сего времени не обнародованномъ и придаетъ ему особое значеніе.

Кровное сябринное землевладѣніе, какъ мы уже знаемъ, авторъ выводитъ изъ распаденія семьи, причемъ, конечно, происходилъ раздѣлъ имущества. «Но, говоритъ авторъ, въ то время, когда при раздѣлѣ обыкновеннаго имущества дѣло шло о раздѣлѣ безповоротномъ, о переходѣ паевъ въ полную собственность отдѣлившагося лица, при раздѣлѣ сябринномъ мы наталкиваемся на явленія совершенно иного характера. Сходный по формѣ, сябринный раздѣлъ рѣзко различался по существу отъ чисто родового раздѣла въ его позднѣйшей формѣ. И прежде всего раздѣлъ сябринный или подѣлъ не уничтожалъ общности имущества. Земля попрежнему оставалась и послѣ раздѣла въ общемъ владѣніи, считалась общею, носила именно это названіе» (II 38).

Вотъ новая особенность сябриннаго землевладѣнія: раздѣленныя земли продолжаютъ оставаться въ общемъ владѣніи. Что же это за раздѣлъ? Сябринный раздѣлъ, утверждаетъ авторъ, рѣзко различается отъ родового раздѣла. Родовой раздѣлъ есть, конечно, раздѣлъ родового имущества. А какое имущество дѣлятъ сябры? Авторъ утверждаетъ, что сябры произошли изъ распаденія сложной семьи, стало быть они дѣлятъ имущество, доставшееся отъ предковъ, то-есть тоже родовое. Выходитъ, что родовое не есть родовое. Но авторъ прибавляетъ «родовой раздѣлъ въ позднѣйшей формѣ». Это надо было бы пояснить. Безъ поясненія читатель долженъ оставаться въ совершенномъ

недоумѣніи, что это за раздѣлы родового имущества въ древнѣйшей и позднѣйшей формѣ, и какимъ образомъ имѣнія сябровъ, полученныя отъ родителей, не суть родовыя. Нѣтъ ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія [1])?

Авторъ говоритъ совершенно опредѣленно, что сябринный раздѣлъ есть раздѣлъ, который ничего не дѣлитъ, а все остается попрежнему въ общемъ владѣніи. Это трудно понять, но авторъ утверждаетъ: «Безконечный рядъ актовъ, относящихся къ сябрамъ, не оставляетъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія... Вотъ что̀ читаемъ, продолжаетъ онъ свои доказательства, въ одной купчей с. Неданчичъ, купчей, относящейся уже къ концу XVIII вѣка, къ 1782 году: «Продаемъ земли наслѣдніе, намъ спадшіе, которое наши части поименовать и смежности написать за неимѣніемъ съ сябрами правной раздѣлки невозможно». «И это повторяется постоянно, продолжаетъ авторъ, въ описяхъ говорится, что всѣ сябры имѣютъ участіе въ нераздѣльныхъ сябринныхъ угодьяхъ» 385.

Теперь все ясно. Тутъ чистое недоразумѣніе. Продавецъ 1782 г. не можетъ обозначить границъ, потому что «правнаго раздѣла еще не было произведено», онъ продаетъ свою идеальную часть, а не выдѣленную. Авторъ не различаетъ идеальной части отъ части, отведенной въ натурѣ, а люди XVII вѣка это различали. Онъ говоритъ о раздѣлѣ, гдѣ раздѣла еще не было, а продолжалось общее владѣніе идеальными частями. Эти идеальныя части могли, однако, продаваться, какъ и у насъ. Итакъ, архивные матеріалы не дали

---

[1]) На стр. 37 т. II авторъ приводитъ случай «раздѣла родового имущества». Это настоящій раздѣлъ, при которомъ «знаки крестовые на землѣ положены». Раздѣлъ произвели два брата и три сестры, которые до того времени, по словамъ автора, жили совмѣстно и совокупно. Они, конечно, сябры. Они дѣлятъ «родовое имущество», а потому у нихъ настоящій раздѣлъ съ особыми межами. У сябровъ же, утверждаетъ авторъ, нѣтъ настоящаго раздѣла. Мы находимся въ какомъ то заколдованномъ кругѣ, изъ котораго нѣтъ выхода.

автору ничего новаго; они подтверждають только то, что мы и раньше могли знать.

Еще особенность. Рѣшивъ, что раздѣлъ не есть раздѣлъ, авторъ говоритъ о ежегодныхъ передѣлахъ въ сябринныхъ нераздѣльныхъ земляхъ (II 42—44). Это можно допустить, но это не представляетъ ни малѣйшей особенности, которая давала бы поводъ говорить о какой-либо вновь открытой стадіи историческаго развитія въ области землевладѣнія. Въ чемъ тутъ дѣло? Наслѣдники не раздѣлили доставшейся имъ земли, пользуются ею сообща; какъ же имъ ею пользоваться? Это можно сдѣлать на множество разныхъ способовъ. Они могутъ сообща обработывать землю и дѣлить продуктъ, а могутъ временно взять участки въ разныхъ мѣстахъ и обработывать ихъ за свой счетъ; а такъ какъ качество участковъ можетъ быть неодинаково, то они могутъ мѣняться ими отъ времени до времени. По нашимъ памятникамъ общими лугами владѣльцы пользовались погодно. Такой же случай, въ доказательство своей мысли, приводитъ и почтенный авторъ. Одинъ изъ сябровъ закладываетъ свой пай сѣнокоса: «кои сѣнокосы каждый годъ ходя между сябрами порознь». Совершенно, что у насъ. На этомъ основаніи авторъ и дѣлаетъ свое заключеніе о ежегодныхъ передѣлахъ «по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ сябринныхъ ассоціаціяхъ». Это, конечно, заключеніе ошибочное: луга могутъ переходить изъ рукъ въ руки ежегодно, а не пашенныя земли при трехпольномъ хозяйствѣ. Итакъ, способы пользованія общими землями могутъ быть различны, но они имѣютъ мѣсто, пока земли не раздѣлены. Авторъ же совсѣмъ не допускаетъ раздѣла. Это недоразумѣніе. Его матеріалы говорятъ о несостоявшемся еще раздѣлѣ. Одно такое свидѣтельство мы уже привели, а вотъ другое, тамъ же. Кто-то продаетъ доставшуюся ему четвертую часть въ полѣ пахотномъ, сѣнокосахъ, озерахъ, дубравахъ и т. д., «чего всего по яснымъ смежникамъ за нераздѣломъ показать невозможно». Раздѣлъ не произведенъ, а потому и невозможно продавцу межъ показать. Но отсюда слѣдуетъ, что раздѣлъ

общихъ земель возможенъ и въ Малороссіи. Въ случаѣ «правнаго» раздѣла, конечно, никакого уже передѣла не бываетъ, потому что въ немъ нѣтъ болѣе надобности. Словомъ, вездѣ, какъ у насъ въ Новгородѣ, и нигдѣ нѣтъ невозможной формы землевладѣнія съ раздѣломъ, который ничего не дѣлитъ.

Авторъ и еще возбуждаетъ нѣкоторые вопросы для выясненія этой совершенно новой формы сябриннаго землевладѣнія. Напримѣръ: «Спрашивается теперь, говоритъ онъ, каковъ же былъ размѣръ той идеальной доли пользованія, которая принадлежала каждому изъ членовъ сябровства?» (II 45) и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, а мы будемъ утверждать, что такого вопроса и поставить-то нельзя. Сябры родственники получаютъ свои земли отъ распаденія сложной семьи. Допустимъ, какъ желаетъ авторъ, что они остаются при идеальныхъ доляхъ и производятъ только такой раздѣлъ, который ничего не дѣлитъ. Величина ихъ доли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ разная, ибо она опредѣляется слѣдующими двумя всегда разными условіями: количествомъ доставшагося имущества и числомъ наслѣдниковъ. Если осталось два наслѣдника, то у каждаго будетъ по $^1/_2$ наслѣдства, три—по $^1/_3$, четыре—по $^1/_4$ и т. д. Если одинъ изъ этихъ наслѣдниковъ умретъ, то у его наслѣдниковъ будутъ дроби отъ этихъ дробей. Во второмъ поколѣніи получится великое разнообразіе размѣра частей и совершенно случайное, которое никакъ нельзя опредѣлить впередъ по какимъ-либо общимъ основаніямъ.

Взглядъ проф. Лучицкаго на сябровъ не совершенно совпадаетъ со взглядомъ г-жи А. Ефименко. Оба согласны, что это совладѣльцы; но затѣмъ они далеко расходятся. У г-жи А. Ефименко сябры не родственники, а постороннія лица, пріобрѣтающія доли въ деревнѣ, «этой кровной ячейкѣ». У проф. Лучицкаго это кровные родственники. Нельзя не пожалѣть, что онъ не обратилъ вниманія на это коренное разнорѣчіе съ авторомъ, заслугамъ котораго отдаетъ должное признаніе (42).

III

И третій ученый, говорившій о сябрахъ, видитъ въ нихъ совладѣльцевъ.

Г. Лаппо-Данилевскій не занимается спеціально изслѣдованіемъ о сябрахъ. Его перу принадлежатъ «Критическія замѣтки» по поводу сочиненія покойнаго проф. Варшавскаго университета, А. И. Никитскаго: «Исторія экономическаго быта Великаго-Новгорода». Въ этихъ замѣткахъ, напечатанныхъ въ 1889 году, критику пришлось коснуться сябровъ и складниковъ. Онъ говоритъ о нихъ съ величайшею осторожностью, что не мѣшаетъ ему, однако, предложить цѣлый рядъ выводовъ для характеристики особенностей сябринскаго землевладѣнія.

Всѣ согласны, что сябры совладѣльцы. Но этимъ простымъ отвѣтомъ наши историки не довольствуются. Они ищутъ глубокихъ историческихъ корней этого явленія и думаютъ, что эти совладѣльцы владѣютъ не такъ, какъ совладѣльцы вообще, а съ какими-то особенностями. Не свободенъ отъ этого увлеченія и третій авторъ, къ разбору мнѣній котораго мы теперь и приступаемъ.

Въ складникахъ проф. Лаппо-Данилевскій усматриваетъ разновидность сябровъ: «это ассоціаціи, говоритъ онъ, которыя имѣютъ между собой много общаго» 27. Останавливаясь на вопросѣ объ условіяхъ возникновенія этихъ ассоціацій, онъ полагаетъ, что эти условія съ теченіемъ времени мѣнялись. «Съ извѣстною долею вѣроятія, говоритъ авторъ, можно предположить, что въ основѣ сябринства и складства лежали первоначально родственныя отношенія»... «Съ теченіемъ времени подобнаго рода товарищества стали слагаться и на другой почвѣ» 24. На стр. 28, на которую авторъ здѣсь ссылается, читаемъ: «союзы сябровъ и складниковъ легко приравнять къ поземельной артели». Таково другое основаніе, развивающееся съ теченіемъ времени.

Что касается перваго основанія «родственныхъ отношеній», то для выясненія его историческихъ корней авторъ обращается къ римскимъ юридическимъ древностямъ. Указавъ на фактъ совокупной продажи общаго имущества братьями и другими родственниками, авторъ продолжаетъ такъ: «Но перечисленіе (въ купчихъ) такихъ лицъ (братьевъ и другихъ родственниковъ), которыя могли быть его (продавца) совладѣльцами въ моментъ совершенія договора, невольно вызываетъ вопросъ: не были ли они не только дѣеспособными, но и правоспособными контрагентами заключаемой сдѣлки? Не были ли они sui heredes въ древнѣйшемъ смыслѣ этого термина, не почитались ли «etiam vivo patre quodammodo domini»? 18. Вотъ въ какую глубь вѣковъ заводятъ автора наши купчія, совершаемыя отъ нѣсколькихъ совладѣльцевъ, то-есть сябровъ. Но надо отдать ему справедливость; онъ здѣсь еще осторожнѣе, онъ и предположительно не рѣшаетъ вопроса, а говоритъ только, что вопросъ возникаетъ невольно.

Сколько мы знаемъ, почтенному автору до сихъ поръ еще никто не отвѣтилъ на этотъ невольный вопросъ. Мы позволимъ себѣ сдѣлать первую въ этомъ родѣ попытку. Но прежде необходимо исправить ошибку, вкравшуюся въ первый вопросъ. Дѣеспособность обусловливается правоспособностью, а не наоборотъ; правоспособнымъ человѣкъ дѣлается отъ рожденія (если онъ не рабъ и пр.), дѣеспособнымъ же онъ становится съ теченіемъ времени, когда наступаютъ тѣ условія, послѣдствіемъ которыхъ является дѣеспособность. А потому, если уже авторъ непремѣнно хотѣлъ предложить свой невольный вопросъ, надо было сказать: не только правоспособными, но и дѣеспособными, а не такъ, какъ онъ говоритъ по недостаточному, конечно, знакомству съ этими терминами.

На этотъ первый вопросъ отвѣчаемъ такъ: изъ того, что человѣкъ совершаетъ какой-либо актъ, нельзя еще дѣлать заключенія ни о его правоспособности, ни о его дѣеспособности. Актъ продажи и пр. можетъ быть совер-

шенъ и лицомъ, неимѣющимъ ни того, ни другого. Въ данномъ же случаѣ вопросъ о правоспособности и дѣеспособности совершенно неразрѣшимъ. Мы имѣемъ много актовъ, гдѣ поименованы участники, но ни въ одномъ случаѣ мы не знаемъ, достигли они совершеннолѣтія или нѣтъ, были они въ здравомъ умѣ или нѣтъ и т. д. Скажемъ болѣе, мы даже хорошо не знаемъ, чѣмъ обусловливалась въ то время дѣеспособность лицъ. Поставленный авторомъ вопросъ неразрѣшимъ. Даже понять трудно, почему онъ нашелъ нужнымъ спросить, были ли право- и дѣеспособны никому неизвѣстныя лица, именъ которыхъ онъ и самъ не приводитъ. Не все ли это равно?

На второй вопросъ надо тоже отвѣчать отрицательно. Институтъ «своихъ наслѣдниковъ» чисто римскій; у насъ ничего подобнаго не было. Если мы даже и допустимъ, что и у насъ были «необходимые» наслѣдники въ римскомъ смыслѣ, то все же ничего не получится для уясненія возбужденнаго авторомъ вопроса. Римскіе sui heredes по смерти наслѣдодателя могли раздѣлиться, какъ и наши. Ихъ общее владѣніе также легко прекращалось, какъ и нашихъ сонаслѣдниковъ.

На третій вопросъ, по отношенію къ древнему русскому праву, отвѣчаютъ различно. Есть изслѣдователи, которые думаютъ, что у насъ въ древности собственность принадлежала не отцу семейства, а семьѣ. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія и имѣли не разъ случай въ этомъ смыслѣ высказаться. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, какая же тутъ связь съ сябрами? Мы не имѣемъ ни одного документа, гдѣ бы сыновья были названы сябрами отца. Сябрами называются, между прочимъ, и родственники, но родственники, оказавшіеся налицо за распадомъ семьи, то-есть, по смерти отца (или отцовъ, родныхъ братьевъ, жившихъ не въ раздѣлѣ), а не при его жизни. Но автора занимаетъ не этотъ спорный вопросъ исторіи русскаго права, а изреченіе римскаго юриста. Римскіе юристы говорятъ, что дѣти при жизни родителей считались quodammodo domini, но тѣ же юристы

хорошо знаютъ, что вполнѣ хозяевами дѣти становились только по смерти отца. А пока отецъ былъ живъ, то, по древнѣйшему праву, онъ имѣлъ неограниченную власть не только надъ имуществомъ, но и надъ дѣтьми, и имѣлъ право лишить ихъ наслѣдства. Нѣтъ возможности найти какую-либо связь между приводимой авторомъ цитатой и нашими совладѣльцами, которые продаютъ свою собственность.

«Невольно» поставленные авторомъ вопросы не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ нашимъ сябрамъ и складникамъ; а приводимыя имъ латинскія цитаты выписаны изъ книги, которая не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ вопросамъ автора [1]).

Родственныя отношенія—это первоначальная основа. Съ теченіемъ времени, утверждаетъ авторъ, такія же товари-

---

[1]) Въ сноскѣ къ разбираемому мѣсту авторъ говоритъ: «Вопросъ этотъ (?), кажется, до сихъ поръ окончательно не выясненъ въ древне-германскомъ правѣ, хотя и рѣшается утвердительно въ англо-саксонскомъ; смотри O. W. Holmes, The Common law, pp. 342, 344, 346». Насъ чрезвычайно заинтересовало это указаніе на разработку поставленнаго имъ вопроса въ западной литературѣ, и мы послѣдовали совѣту автора и посмотрѣли въ Гомса. На указанныхъ страницахъ Гомса мы нашли обѣ латинскія цитаты нашего автора и указаніе на споры нѣмецкихъ ученыхъ, только спорятъ они о другомъ. Въ главѣ, изъ которой взяты приведенныя въ ссылкѣ нашего ученаго страницы, Гомсъ занимается вопросомъ о томъ, какъ объяснить переходъ долговыхъ обязательствъ отъ лицъ, ихъ заключившихъ, къ третьимъ, и полагаетъ, что этотъ переходъ въ римскомъ правѣ совершился чрезъ посредство универсальнаго наслѣдованія. Вотъ по какому поводу онъ приводитъ на стр. 342 тѣ цитаты римскаго права, которыя находимъ и у нашего автора. Затѣмъ, на стр. 346, Гомсъ говоритъ: «Англійскій наслѣдникъ (въ недвижимостяхъ) не есть универсальный сукцессоръ. Каждый клочокъ земли достается ему, какъ отдѣльная и специфическая вещь. Тѣмъ не менѣе, въ этой стѣсненной сферѣ онъ несомнѣнно представляетъ лицо своего предка. Разныя мнѣнія были высказаны о томъ, замѣчается ли то же самое въ древне-германскомъ правѣ или нѣтъ. Докторъ Лабандъ говоритъ—да, Зомъ высказываетъ противоположное мнѣніе» и т. д. Нѣмецкіе ученые спорятъ, да не о томъ. Нашъ авторъ совсѣмъ не понялъ, о чемъ идетъ рѣчь въ англійской книгѣ.

щества начинаютъ слагаться на артельныхъ началахъ, то-есть, на началахъ договора. Что общее владѣніе сябровъ возникаетъ двояко: путемъ наслѣдованія и договора, это совершенно вѣрно; но что второй способъ появился лишь съ теченіемъ времени, это догадка, въ пользу которой нельзя привести никакихъ положительныхъ данныхъ. Можно думать, что захваты земель и ихъ воздѣлываніе двумя и болѣе пріятелями столь же древни, какъ и установленіе какого-либо опредѣленнаго порядка наслѣдованія, если еще не древнѣе.

Предполагаемая авторомъ послѣдовательность явленій сильно колеблется и имъ самимъ. На стр. 27 читаемъ: «Ассоціаціи сябровъ и складниковъ, можетъ быть, различались другъ отъ друга скорѣе способомъ пріобрѣтенія земельнаго имущества, чѣмъ пользованія имъ. Сябры владѣли сообща унаслѣдованною землею. Въ основѣ складства лежитъ, напротивъ, повидимому, обоюдостороннее соглашеніе, направленное на пріобрѣтеніе имущества общими средствами»...

Когда же это они такъ различались? Надо полагать, что здѣсь указано постоянное различіе сябрства и складства, а если такъ, то и въ древнѣйшее время общее владѣніе возникало не только изъ наслѣдства, но и изъ договора, что и будетъ вѣрно, но только не согласно съ указанной авторомъ послѣдовательностью явленій: утверждаемое авторомъ на 24 стр. трудно согласить съ тѣмъ, что онъ говоритъ на 27.

Мнѣніе автора о различіи сябрства и складничества грѣшитъ и въ другомъ отношеніи. Оно не согласно съ нашими памятниками. Онъ утверждаетъ, что сябры владѣютъ наслѣдованными отъ предковъ землями; а наши источники называютъ сябрами и не родственниковъ, которые могли наслѣдовать земли предковъ, а совершенно постороннихъ людей, волостныхъ крестьянъ и монастыри; они сябры, но, конечно, не наслѣдовали свои земли отъ общихъ предковъ.

На стр. 24, тамъ же, гдѣ авторъ утверждаетъ, что въ

основѣ складства первоначально лежали родственныя начала, читаемъ:. «Извѣстны также весьма любопытные случаи перехода семейнаго союза въ складство». Чрезвычайно оригинальная мысль: семейный союзъ переходитъ въ товарищество! Къ сожалѣнію, авторъ не объясняетъ, что это за переходъ и какъ онъ происходитъ. Повидимому, онъ считаетъ это самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, а потому ограничивается указаніемъ своихъ источниковъ и только. Онъ дѣлаетъ ссылку: на г-жу Ефименко, у которой, будто бы, на стр. 222-й приведенъ любопытный случай перехода семейнаго союза въ складство, на изслѣдованіе проф. Лучицкаго о сябрахъ, и на Рус. Ист. Библ., т. XIV, стр. 339 и 602.

У г-жи Ефименко на 222 стр. изложенъ тотъ «любопытный документъ начала XVII вѣка (1602 г.)», о которомъ мы уже не разъ говорили. Это договоръ о веденіи общаго хозяйства [1]). У проф. Лучицкаго самое слово складство, кажется, ни разу не употребляется; онъ говоритъ только о сябрахъ и ничего не знаетъ о переходѣ семьи въ складство. Въ Ист. Биб. на стр. 339 напечатана явка Васки Ярополова «на брата своего и на складника, Өедора Незговорова, въ томъ, что онъ вытравилъ за рѣкой его овесъ и причинилъ ему великіе убытки». На стр. 602 напечатана другая явка Тимофейки Григорьева на складника своего на Коробицу да на его родныхъ племянниковъ въ томъ, что они сына его, Мишку, «почали бить полѣномъ по хребту и по ногамъ, и бивъ его, едва жива оставили, да животъ пограбили

[1]) Авторъ «Критическихъ замѣчаній» проявляетъ нѣсколько излишнюю беззаботность по отношенію къ мнѣніямъ своихъ предшественниковъ. Онъ утверждаетъ, что г-жа Ефименко на 222 стр. приводитъ «любопытный случай перехода семейнаго союза въ складство». А г-жа Ефименко, приводя этотъ любопытный случай, говоритъ совсѣмъ другое: это не переходъ семьи въ складство, а образованіе новой искусственной семьи. Эти два мнѣнія взаимно исключаютъ одно другое. Но авторъ не нашелъ нужнымъ высказаться по поводу этого разногласія. Если на основаніи одного и того же памятника можно говорить и да и нѣтъ, то что же такое будетъ наука? Не можетъ же авторъ думать, что его мнѣніе и мнѣніе г-жи Ефименко согласны.

на полъ третья рубля денегъ, да съ головы шапку въ полъсема алтына» и т. д. Тутъ тоже незамѣтно никакого перехода семейнаго союза въ товарищество. Можетъ быть, все это опечатки? Но допускаемый авторомъ въ текстѣ переходъ семейнаго союза въ товарищество, конечно, не опечатка. И вотъ по поводу этого утвержденія мы считаемъ нелишнимъ сказать, что это нѣчто совершенно новое и до сего времени въ наукѣ неслыханное. До сихъ поръ въ наукѣ шла рѣчь о юридической конструкціи семейнаго союза, о его возникновеніи и прекращеніи и только; о переходѣ семейнаго союза въ какія-либо товарищества, въ акціонерныя общества и т. д., никто никогда еще не говорилъ, и можно думать, что это нѣчто невозможное, а потому было бы лучше, если бы и нашъ авторъ о такомъ переходѣ не говорилъ и не вводилъ бы читателя въ заблужденіе.

Краткость есть великое достоинство ученаго, но у г. Лаппо-Данилевскаго она переходитъ въ прискорбную недосказанность, порождающую одни недоумѣнія. На стр. 25-й онъ даетъ такую характеристику сябровскаго землевладѣнія. «Сябры представляются намъ товариществомъ, которое владѣетъ землею въ одной межѣ. На эту землю сябры имѣютъ, повидимому, одну «купную (общую) грамоту»; каждый сябръ пользуется, однако, своимъ участкомъ земли, но распоряжаться имъ, помимо всего товарищества, не можетъ. Поэтому на судѣ «всѣ сябры становятся въ одномъ мѣстѣ», хотя крестъ цѣловать долженъ одинъ «во всѣхъ сябровъ», то-есть, за все товарищество».

Для автора все это, надо думать, ясно и не требуетъ доказательствъ, но для читателя тутъ, что ни утвержденіе, то большой вопросъ. Сябры, какъ уже знаетъ читатель, владѣютъ, по мнѣнію автора, унаслѣдованною землею; въ этомъ случаѣ нѣтъ никакого «товарищества», они случайные совладѣльцы; почему же автору всѣ сябры представляются товариществомъ?

«Продавать, говоритъ авторъ, нельзя безъ согласія всѣхъ»; а что намъ дѣлать съ тѣми купчими сябровъ, которыя со-

вершаются безъ малѣйшаго указанія на согласіе всего товарищества? Но авторъ допускаетъ, что «продать можно съ согласія товарищества». Прекрасно; сябръ продалъ свой участокъ и выдалъ покупщику купчую; у покупщика будетъ особая купчая, а авторъ утверждаетъ, у всѣхъ—одна.

Если сябры случайные совладѣльцы, что допускаетъ и авторъ въ другомъ мѣстѣ, а не здѣсь, то какъ можетъ такой случайный совладѣлецъ на судѣ цѣловать за всѣхъ? Онъ можетъ ихъ всѣхъ выдать противной сторонѣ, такъ какъ интересы случайныхъ совладѣльцевъ далеко не всегда совпадаютъ? А авторъ это утверждаетъ, ссылаясь на Псковскую судную грамоту, выраженіе которой приводитъ въ ковычкахъ: «всѣ сябры становятся въ одномъ мѣстѣ». Повидимому, онъ понимаетъ, что это значитъ «стать въ одномъ мѣстѣ», а въ дѣйствительности это мѣсто совершенно непонятно, и авторъ оказалъ бы услугу наукѣ, если бы объяснилъ его.

Къ недоразумѣніямъ своихъ предшественниковъ авторъ только прибавилъ цѣлый рядъ новыхъ, ничего не объяснивъ.

IV

Самый старый вопросъ, котораго я коснулся, это вопросъ о происхожденіи современнаго общиннаго землепользованія (землевладѣнія) крестьянъ. Онъ поднятъ былъ болѣе сорока лѣтъ тому назадъ и до настоящихъ дней продолжаетъ раздѣлять нашихъ ученыхъ на два лагеря, сторонниковъ исконной древности этой формы крестьянскаго землевладѣнія и ихъ противниковъ. Честь постановки вопроса принадлежитъ Б. Н. Чичерину. Отправной точкой послужили ему мнѣнія, высказанныя барономъ Гакстгаузеномъ и Тенгоборскимъ о происхожденіи современной крестьянской общины. Оба автора приводятъ ее въ связь съ древнѣйшимъ патріархальнымъ бытомъ славянъ. Профессоръ Чичеринъ ставитъ себѣ задачу изслѣдовать, дѣйствительно ли такъ далеко восходятъ корни современной поземельной об-

щины и даетъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. По его мнѣнію крестьянская община въ современномъ ея видѣ не есть исконное явленіе нашей исторіи, она возникла весьма поздно, на глазахъ исторіи и въ силу правительственныхъ распоряженій. Противникомъ ему выступилъ профессоръ Бѣляевъ. Онъ доказывалъ, что современная община можетъ быть наблюдаема въ памятникахъ XVI и даже XV вѣка, а корни ея восходятъ къ самой глубокой древности, но искать ихъ надо не въ патріархальной собственности, а въ собственности договорныхъ общинъ [1]).

Оба автора много потрудились на поприщѣ изученія нашей исторіи и много сдѣлали для разъясненія ея судебъ. Съ именемъ каждаго изъ нихъ соединяется представленіе о цѣльномъ взглядѣ на нашъ древній историческій бытъ. Изученіе ихъ трудовъ, въ которые они вносили много знанія, искреннее убѣжденіе и глубокую любовь къ дѣлу, всегда будетъ поучительно. Кто же изъ нихъ правъ и кто заблуждался въ этомъ спорѣ о происхожденіи современной поземельной общины? Оба были правы и оба заблуждались.

И правда и заблужденія ихъ объясняются тогдашнимъ состояніемъ нашихъ источниковъ. Главный матеріалъ, на основаніи котораго могъ быть разрѣшенъ вопросъ, новогородскія писцовыя книги, тогда не былъ еще извѣстенъ; была напечатана только вторая половина описи Вотской пятины. И Чичерину и Бѣляеву пришлось основываться на иныхъ матеріалахъ, которые, однако, получаютъ полную ясность только изъ писцовыхъ книгъ. При такой неполнотѣ матеріала каждому изъ авторовъ приходилось прибѣгать къ области догадокъ и дорисовывать неполную картину на основаніи своихъ общихъ представленій о характерѣ нашего древняго быта.

Профессоръ Чичеринъ не отрицаетъ древности позе-

[1]) Статьи Чичерина были напечатаны въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1856 г., кн. 3, 4 и 12, и перепечатаны въ его Опытахъ по исторіи русскаго права; Бѣляева—въ Русской Бесѣдѣ за тотъ же годъ, кн. 1 и 2.

мельныхъ общинъ. «Я не отвергаю, говоритъ онъ, исконное существованіе общины въ Россіи. Общины всегда были, есть и будутъ, у насъ, какъ и вездѣ» 140. Но, останавливаясь на особенностяхъ нашей современной общины, онъ проводитъ рѣзкую границу между ней и первоначальной, которая, какъ онъ думаетъ, была вездѣ. «Въ настоящее время, читаемъ у него, каждый членъ сельской общины обязанъ платить подати и нести повинности наравнѣ съ другими, для чего ему и дается равный съ другими участокъ. Въ древней Россіи, напротивъ того, мы видимъ отношенія совершенно свободныя. Община не имѣла никакой власти надъ членами; послѣдніе не имѣли никакихъ обязанностей, пока не получали во владѣніе извѣстнаго количества земли, соразмѣрно съ которымъ и несли тягло. Величина участка опредѣлялась не общимъ надѣленіемъ, а свободнымъ договоромъ, предложеніемъ и требованіемъ. Новый поселенецъ или бралъ предложенную ему землю, или выбиралъ себѣ пустой участокъ по желанію и выговаривалъ себѣ льготы, величина которыхъ зависѣда также отъ предложенія и требованія: чѣмъ тяжелѣе было для общины лежавшее на землѣ тягло, тѣмъ труднѣе было перезвать къ себѣ новыхъ поселенцевъ, которые бы помогли ей въ уплатѣ, тѣмъ большія выгоды она, разумѣется, имъ предоставляла» 97... «Передѣлъ земли можетъ установиться только тогда, когда земли становится мало, и люди не могутъ уходить съ мѣста и искать новыхъ поселеній. Но въ то время, о которомъ мы говоримъ, земли было вдоволь, люди же не только свободно уходили съ мѣста, но постоянно переходили съ мѣста на мѣсто. Какъ же тутъ образоваться передѣлу» 99... «Если московскіе князья въ договорахъ своихъ обязывались не покупать земель черныхъ людей, находившихся въ общемъ ихъ владѣніи, то, значитъ, послѣдніе имѣли право ихъ продавать» 103. Позднѣе «запрещено было тяглые дворы продавать бѣломѣстцамъ. А несмотря на это, тяглые люди продолжали продавать свои дворы и участки бѣломѣстцамъ, общины продолжали на это жаловаться, и правительство

нерѣдко узаконяло такое нарушеніе закона, потому что оно было слишкомъ глубоко вкоренено въ нравахъ. Продажи эти совершались, собственно, отдѣльными лицами, противъ воли общинъ и даже безъ ихъ вѣдома» 104... «Однимъ словомъ, въ прежнее время князь, община и отдѣльные крестьяне распоряжались землями свободно, тогда какъ теперь мы видимъ совершенно противное: теперь казенныя земли приписаны къ общинамъ, какъ постоянное ихъ владѣніе; общины не могутъ ни мѣняться ими, ни продавать ихъ; отдѣльные крестьяне лишены права распоряжаться своими участками. Въ чемъ же сходство стараго быта и новаго?» 106. «Итакъ, если съ одной стороны общины могли свободнѣе распоряжаться пустыми участками, нежели въ настоящее время, то съ другой стороны тѣмъ же правомъ пользовались и отдѣльные члены; существенной же черты нынѣшняго сельскаго быта — подчиненія личнаго владѣнія общинному, мы въ древней Руси не находимъ» 108.

Нельзя лучше изобразить различія между поземельной общиной, возникшей въ конфискованныхъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ частныхъ владѣніяхъ, и современной. Но на конфискованныхъ земляхъ зарождаются первыя права поземельной общины, а потому совершенно правъ и И. Д. Бѣляевъ, когда говоритъ: «Община не только раздавала участки своихъ земель крестьянамъ, но и защищала свои земли отъ присвоенія ихъ посторонними людьми или вѣдомствами, подавала челобитныя судьямъ или государю, тягалась за свои земли на судѣ и вообще была хозяиномъ своихъ земель» I 112.

Въ приведенныхъ нами извлеченіяхъ оба автора совершенно правы. Находившійся въ ихъ распоряженіи матеріалъ даетъ основаніе говорить и о наличности нѣкоторыхъ правъ общины на конфискованныя и предоставленныя въ ихъ пользованіе земли, и о неполнотѣ этихъ правъ, такъ какъ отдѣльные члены общины, на имя которыхъ были записаны ихъ участки, распоряжались ими самостоятельно. Не имѣя подъ руками старыхъ новогородскихъ писцовыхъ книгъ, оба

автора и не подозрѣвали, что изучаемыя ими явленія самаго недавняго происхожденія, что они возникли не ранѣе XIV вѣка на конфискованныхъ у частныхъ владѣльцевъ земляхъ. Новорожденная община не успѣла еще выработать никакой опредѣленной организаціи, и нѣтъ возможности точно разобраться въ полномочіяхъ общины и провести опредѣленную границу между ея правами и правами ея отдѣльныхъ членовъ, а потому совершенно справедливо и то, что говоритъ о правахъ отдѣльныхъ членовъ общины Б. Н. Чичеринъ, и то, что мы выписали изъ статьи И. Д. Бѣляева о правахъ цѣлой общины. Случалось и то, и другое. И профессоръ Чичеринъ не отрицаетъ, что община могла защищать судомъ приписанную къ ней землю, но причину этого видитъ единственно въ царскомъ тяглѣ (106); и профессоръ Бѣляевъ не отрицаетъ, что отдѣльные члены общины продаютъ земли, но думаетъ, что они продаютъ не общинныя земли, а свои собственныя (I 118). Отсутствіе положительнаго матеріала породило догадки и неразлучныя съ ними ошибки и недоразумѣнія.

Что профессоръ Чичеринъ не отвергаетъ исконнаго бытія поземельной общины и не только у насъ, но вездѣ, это неудивительно. Въ половинѣ истекшаго столѣтія таково было господствующее мнѣніе и въ западной литературѣ, съ которою нашъ авторъ былъ хорошо знакомъ. Допуская исконное бытіе общины, онъ дѣлаетъ только уступку господствующему направленію науки, нѣкоторые представители котораго шли гораздо далѣе его. Сдѣлаемъ небольшой экскурсъ въ западную литературу того времени. Это было время глубокой вѣры въ древность поземельной общины даже въ томъ видѣ, въ какомъ она наблюдается теперь у насъ. Лѣтъ 60 тому назадъ преобладало мнѣніе, что у германцевъ съ древнѣйшихъ временъ существовала «марка» въ смыслѣ общинной земли. Однимъ изъ самыхъ крайнихъ представителей этого направленія былъ Мауреръ, издавшій въ 1856 г. Введеніе въ исторію марки, а вслѣдъ за тѣмъ и самую исторію марки. Авторъ съ особенной любовью оста-

навливается на мысли о томъ, что обищнное владѣніе въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова было первоначальной и самой распространенной формой поземельныхъ отношеній въ Германіи. Во время, предшествовавшее великому переселенію народовъ, въ общинномъ владѣніи, по его мнѣнію, состояли не одни только лѣса и луга, но и поля. Общее поле дѣлилось на участки по числу членовъ общины; каждый изъ нихъ получалъ по равному участку. Чтобы это первоначальное равенство не нарушалось съ теченіемъ времени, были ежегодные передѣлы. Такимъ образомъ, общинное устройство обезпечивало каждому германцу постоянное и одинаковое участіе въ пользованіи землей. Этотъ исконный порядокъ подвергся существенному измѣненію въ періодъ великаго переселенія народовъ. На новыхъ мѣстахъ поселенія общинный элементъ представляется значительно ослабѣвшимъ. Поля стали поступать въ частную собственность, общеніе же удержалось только за лѣсами и лугами Съ того же времени появилось и неравенство въ распредѣленіи земель. Вмѣстѣ съ этимъ и значеніе общины, какъ административное, такъ и поземельное, начало падать.

Нельзя идти далѣе въ защитѣ исконной древности современныхъ порядковъ русскаго общиннаго землевладѣнія, хотя авторъ объ нихъ и не говоритъ.

Два года позднѣе появилось изслѣдованіе по исторіи сельскаго населенія во Франціи Дареста-де-ла-Шаванна, въ которомъ онъ касается и Россіи. Найдя у германцевъ, временъ Цезаря, общинное хозяйство съ правильнымъ ежегоднымъ передѣломъ земель, онъ продолжаетъ: «Это учрежденіе всего долѣе удержалось на востокѣ и сѣверѣ Европы. Его слѣды очевидны въ государствахъ скандинавскихъ. Оно поддерживается и теперь въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Россіи, въ которыхъ и до сихъ поръ неизвѣстна частная собственность. Возникновеніе общины объясняетъ ея управленіе. Начальникъ занимаетъ мѣсто отца. Другіе члены общины относятся къ нему, какъ дѣти. Онъ опредѣляетъ каждому степень его участія въ общихъ доходахъ. Эта

простота устройства долгое время существовала у галловъ и кельтовъ въ Великобританіи; она встрѣчается теперь у такихъ народовъ, которые, какъ, напримѣръ, русскіе, стоятъ ближе, чѣмъ мы, къ древнимъ преданіямъ: каждая изъ ихъ общинъ и теперь еще управляется старостою или патріархомъ, который, при содѣйствіи совѣта, опредѣляетъ каждому его участокъ и работу».

Исконную древность общиннаго землевладѣнія признаютъ: Рошеръ, Вайцъ, Зомъ, Лавле, Мэнъ, Гарсонне и много другихъ крупныхъ представителей западной науки. Это направленіе и до сихъ поръ еще пользуется значительнымъ авторитетомъ въ нашей литературѣ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ французскій ученый, Фюстель-де-Куланжъ, поставилъ себѣ ту же задачу, надъ которой 30 лѣтъ ранѣе его работалъ русскій профессоръ, Б. Н. Чичеринъ. Въ статьѣ, посвященной германской маркѣ, онъ даетъ отвѣтъ на вопросъ: въ самомъ ли дѣлѣ древность германской марки восходитъ такъ далеко, какъ обыкновенно объ этомъ думаютъ? Онъ даетъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. Германская поземельная марка не есть исконное явленіе нѣмецкой исторіи, она возникла сравнительно поздно, не ранѣе XII вѣка. Статья Фюстель-де-Куланжа написана съ тѣмъ глубокимъ знаніемъ дѣла и съ тѣмъ мастерствомъ изложенія, какимъ отличаются всѣ его труды. Приведемъ главныя его положенія.

Ни одинъ древній авторъ, касавшійся событій первыхъ столѣтій среднихъ вѣковъ, ничего не знаетъ о деревенскихъ общинахъ, которымъ принадлежали бы земли на общинномъ правѣ.

Первоначальный смыслъ слова марка—знакъ, примѣта (signe, marque). Въ памятникахъ VI вѣка оно употребляется для обозначенія границы государства и частныхъ владѣній. Оно синонимъ латинскаго terminus. Въ памятникахъ VI и VII вѣка оно никогда не употреблялось для обозначенія общинныхъ земель. Въ памятникахъ VIII и IX вѣка слово марка, продолжая обозначать границу, начинаетъ употребляться и

для обозначенія всего того, что находится въ границахъ, т.-е. цѣлаго владѣнія. Такъ пограничныя территоріи называются марками: marca Hispanica. Также марками называются и частныя владѣнія. И въ этомъ отношеніи слово марка синонимъ съ словомъ terminus, которое тоже служитъ для обозначенія не только границы владѣнія, но и цѣлаго владѣнія. Эти владѣнія наслѣдуются, продаются и т. д., они—частная собственность. Не слѣдуетъ думать, что въ примѣненіи къ частному владѣнію словомъ марка обозначаютъ только земли необработанныя, лѣса, пастбища. Оно обозначаетъ безразлично и обработанныя и необработанныя земли. Въ этомъ смыслѣ марка синонимъ виллы; а вилла обозначаетъ частную собственность. Большинство людей, населяющихъ марку-виллу, рабы. Въ числѣ сотенъ документовъ, въ которыхъ марка означаетъ виллу, нѣтъ ни одного, гдѣ бы она означала общинную землю. Нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на раздѣлъ земель марки среди ея населенія.

Но есть земли общія (communaux, communia). Что это? Земли каждаго частнаго владѣнія дѣлились на три части. Одна обработывалась на господина; другая сдавалась въ пользованіе разныхъ лицъ, рабовъ и свободныхъ, и на разныхъ условіяхъ. Затѣмъ оставались невоздѣланныя земли. Эти земли предоставлялись владѣльцемъ въ безраздѣльное пользованіе людей, которые сидѣли въ его виллѣ, рабовъ и свободныхъ, для разныхъ цѣлей (выпуска скота, корма свиней желудями и пр.) и на разныхъ условіяхъ. Самъ владѣлецъ тоже пользовался этими землями. Вотъ это и суть тѣ общія земли, о которыхъ говорятъ памятники. Они вховъ составъ частной собственности. Но они до XIII вѣка не называются марками, это communia, а не марка. Это—общее пользованіе населеніемъ виллы землями господина, которое онъ призналъ за благо имъ предоставить.

Наконецъ, памятники говорятъ и объ общей собственности въ недвижимостяхъ. Были общія земли, общіе лѣса. Это земли и лѣса, которые принадлежали, напримѣръ, двумъ братьямъ, владѣвшимъ нераздѣльно одной виллой,

или и двумъ постороннимъ лицамъ, виллы которыхъ были смежны, а лѣса не раздѣлены. Въ первомъ случаѣ вся вилла общая, во второмъ лѣса общіе, пока не состоится раздѣлъ.

Авторъ заключаетъ свое изслѣдованіе такъ: на пространствѣ семи вѣковъ, съ V по XII столѣтіе, не встрѣчается никакихъ указаній на то, что марка обозначаетъ землю, принадлежащую всѣмъ [1]).

---

[1]) Fustel de Coulanges, Recheqcher sur quelques problèmes d'histoire, второе изданіе, 1894 г. III. De la marche germanique. Къ вопросу о древнѣйшей формѣ землевладѣнія у германцевъ относится и другая его статья, тамъ же: II. Recherches sur cette question: Les Germains connaissaient-ils la propriété des terres? Второй томъ его исторіи политическихъ учрежденій древней Франціи: L'alleu et le domaine rural представляетъ богатѣйшее изслѣдованіе поземельныхъ отношеній въ эпоху Меровинговъ.

Съ западной литературой сторонниковъ исконной древности общиннаго землевладѣнія я познакомился еще въ 1864 г. Труды ихъ показались мнѣ неубѣдительными. Разбирая сочиненіе Маурера въ статьѣ, напечатанной въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1864 г, ч. CXXV, я доказывалъ, что дѣйствительный ходъ развитія общиннаго землевладѣнія былъ совершенно обратный тому, какой принимаетъ этотъ авторъ. Мауреръ и другіе сторонники разсматриваемаго взгляда полагаютъ, что черты общиннаго хозяйства, наблюдаемыя въ XII вѣкѣ, составляютъ лишь слабый остатокъ господствовавшаго въ древности хозяйства. Въ дѣйствительности же общинное хозяйство съ регламентаціей общиннаго пользованія въ западной Европѣ не составляло исконнаго явленія, а вновь возникло въ длинный промежутокъ времени съ X по XVI вѣкъ. Возражая въ этомъ направленіи Мауреру, я почти исключительно пользовался тѣмъ матеріаломъ, который приведенъ у него и съ полнымъ довѣріемъ принялъ его положеніе о томъ, что населеніе марки владѣло землями. Но я утверждалъ, что это владѣніе первоначально не было общиннымъ, и что черты общиннаго хозяйства появляются не ранѣе X вѣка.—Фюстель-де-Куланжъ такъ хорошо обставилъ свои положенія документальными данными, что мнѣнія противоположныя, основанныя единственно на догадкахъ, должны быть оставлены Но еще въ шестидесятыхъ годахъ Фюстель-де-Куланжъ держался мнѣнія очень близкаго къ мнѣнію Маурера: у германцевъ земля не составляла частной собственности, участки распредѣлялись между членами рода для обработки и передѣлялись. La cité antique. Пер. Е. Корша 73 сл.

Возвращаемся къ профессору Чичерину. Онъ не отвергаетъ общины. Онъ доказываетъ только, что «съ теченіемъ времени измѣнялась у насъ форма общиннаго быта. Сначала была патріархальная община, потомъ владѣльческая и наконецъ государственная». Вотъ какую длинную исторію пережила наша община! Разсмотримъ отдѣльныя стадіи ея развитія.

Вотъ что говоритъ авторъ о древнѣйшей изъ нихъ. «У насъ нѣтъ положительныхъ извѣстій о древнѣйшемъ общинномъ устройствѣ нашего отечества. Но общая аналогія и ближайшее родство съ другими славянскими племенами дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что и у насъ существовали тѣ же гражданскія формы, какъ и у другихъ. Самое раздѣленіе русскихъ славянъ на племена указываетъ на господство естественной, кровной связи между людьми. Гдѣ народное единство основывается на союзѣ племенномъ, тамъ всѣ гражданскія отношенія вытекаютъ изъ отношеній естественныхъ или патріархальныхъ. Съ племенемъ неразлученъ и родъ; это меньшая его единица. А гдѣ есть родъ, тамъ есть родовая собственность. Это общій фактъ, который получаетъ подтвержденіе и въ русской исторіи. Нераздѣльная собственность, какую мы видимъ первоначально въ княжескомъ родѣ, даетъ намъ право думать, что то же существовало и въ остальныхъ. При томъ же у насъ до сихъ поръ сохранились остатки родовой собственности въ выкупѣ родовыхъ имуществъ» 6.

Отъ почтеннаго автора не укрылась слабость собственной его аргументаціи, а потому во второй статьѣ о томъ же предметѣ онъ говоритъ: «Впрочемъ, за исключеніемъ скуднаго лѣтописнаго свидѣтельства (живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, влодѣюще кождо родомъ своимъ), у насъ не осталось никакихъ извѣстій о внутреннемъ бытѣ древней патріархальной общины. Потому, при сравненіи ея съ позднѣйшею, мы можемъ ограничиться только догадками и общими указаніями» 95.

Итакъ, авторъ самъ признаетъ, что помимо скуднаго

лѣтописнаго извѣстія у него ничего нѣтъ, кромѣ догадокъ и общихъ соображеній.

Приведенное мѣсто лѣтописи дѣйствительно не даетъ никакихъ основаній къ какимъ-либо выводамъ о древнѣйшихъ формахъ землевладѣнія. Даже о самомъ родѣ нельзя изъ него сдѣлать никакихъ точныхъ заключеній. Что родственники живали вмѣстѣ и что старшіе главенствовали надъ младшими, это внѣ сомнѣнія. Но какія степени родства охватывала эта связь и въ чемъ именно и какъ выражалось владычество старшихъ, это остается совершенно неизвѣстнымъ. Можетъ быть, власть старшихъ простиралась только на тѣхъ лицъ, которыя добровольно ее признавали. При той необузданности нравовъ, какой отличаются, обыкновенно, люди на первыхъ ступеняхъ историческаго развитія и какой должны были отличаться наши предки въ VIII, IX, X вѣкѣ, это очень возможно. А разъ мы это допустимъ, мы получимъ и случаи раздѣленія рода и жизни родственниковъ въ разныхъ мѣстахъ, хотя лѣтописецъ и говоритъ, что каждый жилъ съ своимъ родомъ въ одномъ мѣстѣ. Родъ его, въ этомъ случаѣ, будетъ не большая величина, немногимъ больше семьи [1]. Да и, дѣйствительно, какъ могъ старшій родственникъ цѣлаго рода удержать при себѣ всѣхъ младшихъ, если они не желали ему подчиняться? И въ наше время дѣти уходятъ отъ родителей, а въ началѣ исторіи, когда, по словамъ лѣтописца, люди жили звѣринскимъ образомъ и убивали другъ друга, такіе разрывы кровныхъ связей должны были совершаться гораздо легче. Законъ исторической эволюціи въ томъ и состоитъ, что всякія общественныя связи, въ началѣ исторіи слабыя, только съ теченіемъ времени укрѣпляются; разсыпанность и разрознен-

[1]) Современныя намъ кочевыя племена не всегда живутъ большими родами. Вогулы кочуютъ небольшими семьями. Поселки ихъ состоятъ изъ трехъ, много пяти юртъ, и очень удалены другъ отъ друга. У карагасовъ каждая семья живетъ отдѣльно одна отъ другой. Бурята живутъ тоже отдѣльными семьями. Обработанные участки земли переходятъ по наслѣдству.

ность людей, характеризующая доисторическій быть, на глазахъ исторіи переходитъ въ сплоченность и связанность, а не наоборотъ. Это касается и родственныхъ связей.

Изъ скудныхъ свидѣтельствъ начальнаго лѣтописца о томъ, что русскіе славяне жили родами и племенами, авторъ дѣлаетъ заключеніе о наличности у нихъ родовой собственности. Вотъ и все, на чемъ утверждается его патріархальная община. О патріархальной общинѣ говорятъ очень многіе, но никто не взялъ на себя труда выяснить, что это такое. Кто въ патріархальной общинѣ субъектъ родовой собственности, какъ отдѣльные члены родовой общины ею пользуются, каковы права патріарха и каковы его отношенія къ отдѣльнымъ членамъ? Напрасно будемъ искать точныхъ отвѣтовъ на эти вопросы. Не даетъ ихъ и профессоръ Чичеринъ. Онъ ограничивается указаніемъ только одного признака: «родовая собственность нераздѣльна». Довольно неопредѣленный признакъ. Авторъ не нашелъ даже нужнымъ пояснить, что тутъ не дѣлится, пользованіе или самая собственность? По всей вѣроятности, онъ разумѣетъ недѣлимость собственности, а не пользованія. Это тотъ же признакъ, которымъ отличается и современная крестьянская община. Тамъ нѣтъ частной собственности, нѣтъ наслѣдованія, нѣтъ права распоряженія у отдѣльныхъ лицъ. То же, слѣдовательно, и въ патріархальной общинѣ. Кто же опредѣляетъ тамъ мѣру пользованія отдѣльныхъ членовъ рода и кто всѣмъ управляетъ? Объ этомъ ничего неизвѣстно. Остается гадать. Одинъ родоначальникъ не можетъ всѣмъ управлять, ибо у него можно допустить, если не прямо противо-родовыя симпатіи, то желаніе предоставить любезнымъ ему членамъ рода болѣе преимуществъ, чѣмъ не любезнымъ. Поэтому надо думать, что родовою собственностью управляетъ цѣлый родъ въ совѣтѣ своихъ представителей. А это предполагаетъ весьма сложную организацію рода, при чемъ патріархальный характеръ первоначальной общины утрачивается, и она близко подходитъ къ современной крестьянской. Въ ней надо будетъ и передѣлы допустить. Какъ

иначе уравнять возникающее съ теченіемъ времени неравенство? Такимъ образомъ, правильно развивая допущенное имъ произвольное предположеніе, профессоръ Чичеринъ въ началѣ исторіи долженъ бы былъ допустить то, что отвергяетъ для XV и XVI вѣка [1]). На чемъ основано допущеніе имъ у насъ въ древности поземельной общины? «На общей аналогіи и родствѣ съ другими славянскими племенами»... Общая аналогія, послѣ изслѣдованій Фюстель-де-Куланжа, очень много теряетъ въ своей доказательности. У другихъ славянъ мы встрѣчаемъ задружное владѣніе, т.-е. владѣніе расширенной, большой семьи, которую иногда называютъ семейной общиной. Но эта семейная община владѣетъ не «нераздѣльной собственностью», а подлежащей раздѣлу. Каждый членъ задруги, если желаетъ, можетъ выдти изъ ея состава и получить свою часть. Это совсѣмъ другое. Но и такая семейная община весьма поздняго происхожденія. Ея не было еще въ XIV вѣкѣ. Съ южно-славянской задругой случилось тоже, что съ русской крестьянской общиной: явленіе новой исторіи перенесли въ сѣдую древность [2]).

---

[1]) Мнѣніе о томъ, что родовой патріархальный бытъ предшествовалъ государственному, можно назвать общепризнаннымъ въ наукѣ. Но что это за бытъ и какія въ немъ поземельныя отношенія, это очень не ясно и въ западной литературѣ, представляющей очень разнообразныя рѣшенія этого вопроса. Причина, конечно, въ скудости данныхъ. Въ римскихъ древностяхъ едва ли не всего болѣе сохранилось слѣдовъ родового быта. Но тамъ нѣтъ указаній на нераздѣльность родового имущества. По законамъ XII таблицъ родичи (gentiles) призываются къ наслѣдованію. Изъ этого слѣдуетъ, что имущество принадлежитъ не роду, а отдѣльнымъ его членамъ, между которыми и дѣлится. Оно наслѣдуется сперва ближайшими родственниками (sui heredes), потомъ слѣдующими за ними, наконецъ, болѣе отдаленными, родичами (gentiles). Родъ распадается на отдѣльныя семьи, изъ которыхъ въ каждой есть своя линія наслѣдниковъ. «Отношенія естественныя или патріархальныя», на которыя ссылается авторъ, вовсе не требуютъ, слѣдовательно, нераздѣльности имущества.

[2]) J. Peisker, Forschungen zur Social- und Wirtschaftsgeschichte der Slaven. Die serbische Zadruga. 1900.—Заслуга правильной постановки

Третье основаніе — «нераздѣльность княжескихъ владѣній». Это чистое недоразумѣніе, навѣянное теоріей родоваго быта. Княжества не состояли въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи рода Рюриковичей. Съ самыхъ древнихъ временъ каждый князь владѣлъ отдѣльнымъ княженіемъ въ опредѣленныхъ границахъ. Эти отдѣльныя владѣнія князьямъ не рѣдко удавалось предоставлять въ наслѣдство и своимъ дѣтямъ (Юрид. древ. т. II стр. 131—150).

До какого времени, по мнѣнію автора, простирается господство этой патріархальной общины, свойства которой никому неизвѣстны, и почему она исчезла безъ слѣда? «Съ пришествіемъ варяжской дружины, съ кореннымъ переворотомъ всего общественнаго быта, отвѣчаетъ авторъ, не могла сохраниться прежняя патріархальная община»... «Дружинное начало разрушило прежнюю родовую связь» 94. Не одинъ авторъ придаетъ такое значеніе событію 861 года; онъ имѣетъ много сторонниковъ. И все-таки это очень сомнительно. Неужели до 861 всѣ русскіе славяне жили совершенно мирно своими родами на родовыхъ земляхъ, передѣляли между собою пользованіе родовой собственностью, спокойно ее воздѣлывали, и никто изъ нихъ не уходилъ съ мѣста, не составлялъ разбойничьихъ шаекъ и не предавался грабежу мирныхъ жителей? Это трудно допустить. А если мы правы, то варяги принесли къ намъ менѣе новаго и неизвѣстнаго, чѣмъ, обыкновенно, думаютъ.

Но допустимъ, что угодно профессору Чичерину. Славяне мирно жили въ патріархальныхъ общинахъ, никакихъ дружинъ и насилій не было. Все это пришло съ варягами. Могъ ли ихъ приходъ измѣнить патріархальный бытъ? Нисколько. Вѣдь варяги не вошли въ составъ безчисленныхъ родовъ, населявшихъ русскую землю: ихъ для этого было слишкомъ мало; да едва ли у нихъ могло быть и такое намѣреніе. Они могли дать только примѣръ дружинной жизни;

этого вопроса и основательнаго его рѣшенія принадлежитъ извѣстному сербскому ученому Стояну Новаковичу.

возбудить желаніе имъ подражать. Нѣкоторые члены родовъ, до варяговъ мирно занимавшіеся воздѣлываніемъ родовой собственности,--могли пойдти въ дружинники. Вотъ и все. Остальные остались при своихъ мирныхъ занятіяхъ въ патріархальныхъ общинахъ. Кажется, таковы должны были быть дѣйствительныя послѣдствія прихода варяжскихъ дружинъ. Если даже варяжскіе князья, по мнѣнію автора, примѣнили славянскіе порядки къ княжескому владѣнію, то есть полное основаніе думать, что эти порядки въ жизни не могли исчезнуть, а были усвоены и варягами. Вотъ къ чему приводитъ логическое развитіе положеній автора. Никакъ нельзя думать вмѣстѣ съ нимъ, что варяжскія дружины разложили патріархальную общину, а варяжскіе князья, наоборотъ, усвоили себѣ ея порядки.

Русская Правда, написанная въ самомъ началѣ XII вѣка, но содержащая въ себѣ право XI, X и еще болѣе отдаленной древности, ничего не знаетъ ни о патріархальной, ни о какой другой общинѣ; она говоритъ только о частной собственности, которая дѣлится и наслѣдуется, а потому надо думать, что никакой патріархальной общины и не было. Была общая собственность членовъ семьи и даже членовъ рода, которая при желаніи могла дѣлиться, и только.

За патріархальной слѣдуетъ у автора община владѣльческая. «Прежняя родовая связь исчезла, говоритъ онъ; община не была уже союзомъ лицъ, соединенныхъ естественнымъ происхожденіемъ и общими патріархальными интересами; это былъ союзъ лицъ, соединенныхъ общими повинностями въ пользу землевладѣльцевъ» 24.

Такой общины тоже не было. Изъ писцовыхъ новогородскихъ книгъ мы знаемъ, что землевладѣльцы сдавали свои земли не общинамъ, а отдѣльнымъ крестьянамъ, и что повинности въ пользу ихъ несло каждое отдѣльное хозяйство—деревня, а не вся волостная община, о которой тогда и понятія никто не имѣлъ. Это утвержденіе опять основывается на незнакомствѣ съ новогородскими писцовыми книгами, которое, конечно, нельзя поставить въ вину автору.

Наконецъ, возникаетъ современная поземельная община. Возникновеніе ея авторъ приписываетъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, а потому и называетъ ее государственной. Это мнѣніе автора надо принять. Но авторъ не замѣтилъ первыхъ моментовъ возникновенія нашей общины, а потому и относитъ ихъ къ слишкомъ позднему времени. Онъ полагаетъ, что «настоящее устройство сельскихъ общинъ вытекло изъ сословныхъ обязанностей, положенныхъ на землевладѣльцевъ конца XVI вѣка, и преимущественно изъ укрѣпленія ихъ къ мѣстамъ жительства и изъ разложенія податей на души» 57. Такимъ образомъ, зарожденіе современной общины не восходитъ у него далѣе XVI вѣка (43—45). Мы полагаемъ, что исторія ея началась гораздо раньше. Въ новогородскихъ пятинахъ первыя основы землевладѣнія крестьянскихъ общинъ заложены въ концѣ XV вѣка, а въ другихъ владѣніяхъ московскихъ князей и того ранѣе. Точно опредѣлить это время нельзя. Можно только утверждать, что возникновеніе землевладѣнія крестьянскихъ общинъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ территоріи Московскаго государства и частной земельной собственности московскихъ князей. Какъ бы ни возникала эта частная собственность, путемъ купель или конфискаціи, если только она не отдавалась служилымъ людямъ, она предоставлялась въ оброчное пользованіе крестьянъ и на ней возникало владѣніе крестьянскихъ общинъ, о которомъ крестьяне выражались такъ: земля царя и великаго князя, а нашего владѣнія. Первые такіе опыты могли возникнуть уже въ концѣ XIV вѣка.

Далеко не такъ сложно мнѣніе профессора Бѣляева. Онъ вѣритъ въ исконное существованіе современной поземельной общины крестьянъ, вотъ и все.

Профессоръ Бѣляевъ раздѣляетъ мнѣніе своего предшественника о томъ, что современной общинѣ предшествовала родовая. Но эта родовая община, по его мнѣнію, уступила свое мѣсто договорной задолго еще до прибытія варяжскихъ дружинъ, 110. Не мудрено, что профессору Бѣ-

ляеву свойства этой родовой общины еще менѣе извѣстны, чѣмъ профессору Чичерину. Что же касается договорной, то она имѣетъ у него всѣ свойства современной. Крестьянская община есть собственница своихъ земель и только тѣмъ отличается отъ другихъ собственниковъ, что «кажется не имѣла права продавать свои земли безъ особаго разрѣшенія» 112. У отдѣльныхъ членовъ только пользованіе землями. Продавать общинныхъ земель они не могутъ, передавать ихъ по наслѣдству тоже. Если въ памятникахъ говорится о продажѣ крестьянами земель и о переходѣ ихъ по наслѣдству, то это относится не къ общиннымъ землямъ, а къ землямъ, принадлежавшимъ имъ на правѣ частной собственности. Передѣлы земель также происходили, хотя и не съ самой глубокой древности, а «въ общинахъ средне-вѣковой Россіи» 117.

Всѣ эти положенія доказываются ссылками на памятники конца XV, XVI и даже XVII вѣка. Мы уже знаемъ, что эти ссылки оправдываютъ нѣкоторыя изъ мнѣній автора. Но изъ нихъ никакъ не слѣдуетъ, что такъ было съ древнѣйшихъ временъ. Изъ писцовыхъ же книгъ видно, что все это нововведенія. Всего менѣе посчастливилось автору съ доказательствомъ передѣловъ. Изъ раздачи общинами пустыхъ участковъ вновь приходящимъ крестьянамъ онъ заключаетъ къ праву общинъ производить передѣлы!

Малое знакомство съ писцовыми книгами и здѣсь главная причина недоразумѣній. Полемика же автора противъ нѣкоторыхъ положеній профессора Чичерина превосходна и едва ли не лучшее, что вышло изъ-подъ его пера.

Профессоръ Бѣляевъ утверждаетъ, что родовая община смѣнилась договорной, но не объясняетъ, какъ это случилось. Мы не можемъ придумать никакихъ причинъ, которыя бы объяснили возникновеніе договорной поземельной общины. Намъ понятно возникновеніе по договору общей собственности. Два, три человѣка могутъ составить общество для очистки земли отъ лѣса и потомъ владѣть ею сообща, пока не раздѣлятъ. Одному человѣку нельзя спра-

виться съ труднымъ дѣломъ вырыванія корней, а потому и понятно соединеніе для этой цѣли нѣсколькихъ лицъ. Также понятно соединеніе даже большой массы людей, цѣлой «волости», для постройки города въ видахъ общей безопасности и охраны. Не отрицаемъ мы и соединенія значительныхъ массъ людей для цѣлей охоты на звѣря и рыбу. Но зачѣмъ бы имъ соединяться для обработки земли? Организація такой обработки большой массою людей дѣло чрезвычайно трудное и легко можетъ вести ко множеству споровъ и пререканій. Такая обработка легче дается одному, много двумъ-тремъ пріятелямъ. Нельзя не пожалѣть, что почтенный авторъ не высказался, какія же это причины вызвали образованіе договорной общины въ то время, когда на ней не лежали еще никакія повинности, а земли было болѣе, чѣмъ нужно.

Принялъ въ этомъ интересномъ спорѣ участіе и авторъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», С. М. Соловьевъ [1]). Статья его отличается значительнымъ сочувствіемъ къ общему направленію проф. Чичерина и очень рѣзкими замѣчаніями по адресу профессора Бѣляева. Но почтенный историкъ не находитъ возможнымъ присоединиться ко всему, что говоритъ и Б. Н. Чичеринъ. Онъ находитъ совершенно ошибочнымъ его мнѣніе о томъ, что князья Рюриковичи, завоевывая Русскую землю, обращали ее въ свою собственность [2]). Его возраженія идутъ и дальше.

Очень понятно, что творецъ теоріи родового быта князей Рюриковичей съ совершеннымъ сочувствіемъ относится

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1856, т. VI, стр. 285.

[2]) Такое мнѣніе профессоръ Чичеринъ дѣйствительно высказываетъ 9, 66 и сл., 72, 75. Эта мысль очень занимаетъ его, и онъ возвращается къ ней нѣсколько разъ, развивая и дополняя. Кажется, она надѣлала ему не мало хлопотъ. Въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ такому заключенію: «право собственности князя на частныя земли состояло въ сущности въ правѣ суда и дани» 79, 82. Право суда и дани, конечно, не есть проявленіе права собственности. Такимъ образомъ, авторъ нашелъ нужнымъ отказаться отъ того, что выше нѣсколько разъ утверждалъ.

къ мысли о томъ, что первоначально была у насъ родовая община. Но ему не нравится раннее ея исчезновеніе съ приходомъ варяжскихъ дружинъ. «Совершенно справедливо, говоритъ онъ, что сельская община не могла оставаться на той ступени, на которой она находилась въ IX вѣкѣ; но изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, чтобы въ продолженіи своей исторической жизни русская сельская община потеряла всѣ черты, которыя могли бы напоминать намъ о ея первоначальномъ видѣ» 301.

Какія же черты сохранились отъ древнѣйшихъ до-рюриковскихъ временъ до нашихъ дней? Авторъ раздѣляетъ мнѣніе профессора Чичерина, что община изъ родовой сдѣлалась гражданской. Что же перешло изъ родовой общины въ гражданскую?

Передѣлы! Изъ этого видно, что почтенный историкъ, хотя и не даетъ описанія патріархальной общины, отправляется отъ той же догадки, какую и мы сдѣлали, исходя отъ единственнаго признака патріархальнаго владѣнія, указаннаго профессоромъ Чичеринымъ. Уже до Рюрика земли передѣлялись, и патріархальная община имѣла всѣ черты современной. И это при наличности совершенно иныхъ условій быта! С. М. Соловьевъ такъ и думаетъ, что передѣлы именно были вызваны условіями первоначальнаго быта, совершенно на нашъ не похожаго: «Земель было много, говоритъ онъ, поэтому она теряла свою цѣнность, стремленіе пріобрѣтать ее въ неотъемлемую собственность ослаблялось, образовался взглядъ на землю, какъ на общее достояніе, наравнѣ съ воздухомъ и водою, а при такомъ взглядѣ становится легкимъ всякое измѣненіе въ земельныхъ участкахъ» 302. Вотъ какъ возникли передѣлы, очень ужъ много было земли!

Нельзя сказять, чтобы эта аргументація была сильна. Но почтенный историкъ совершенно послѣдователенъ. Непонятно только, почему онъ прямо не присоединяется къ профессору Бѣляеву. Въ защитѣ древности современной общины онъ идетъ даже далѣе его. У Бѣляева передѣлы

только въ средневѣковой Россіи, у него они были еще до Рюрика. Что же касается того, что гражданской общинѣ предшествовала родовая, то этого не отрицаетъ и Бѣляевъ. Разница только во времени. Соловьевъ гораздо ближе къ Бѣляеву, чѣмъ къ Чичерину, но это осталось для него тайной, а профессоръ Бѣляевъ подвергся рѣзкимъ укоризнамъ, вмѣсто выраженій сочувствія. Таково вліяніе ученыхъ «кружковъ»: Соловьевъ и Бѣляевъ принадлежали къ разнымъ.

V

Вопросъ, возбуждаемый профессоромъ Чичеринымъ, остался спорнымъ и послѣ напечатанія новогородскихъ писцовыхъ книгъ. Но изъ двухъ разобранныхъ нами мнѣній, большее сочувствіе встрѣчаетъ въ новой литературѣ мнѣніе Бѣляева и Соловьева. Въ пользу древности современной общины высказываются и авторы новыхъ самостоятельныхъ изслѣдованій вопроса, г. П. Соколовскій и г-жа А. Ефименко. Мнѣніе г-жи А. Ефименко мы уже имѣли случай привести и разобрать выше; теперь приведемъ и разсмотримъ мнѣніе г. П. Соколовскаго, имѣющее весьма многихъ послѣдователей.

Перу г. Соколовскаго принадлежатъ два труда, появившіеся почти одновременно: Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи и Экономическій бытъ замледѣльческаго населенія Россіи [1]). Они дополняютъ другъ друга.

Г. П. Соколовскій внимательно изучилъ и старый матеріалъ и вновь напечатанный и составилъ прекрасную картину сельской общины въ XVI и XVII вѣкѣ, которая нуждается лишь въ незначительныхъ поправкахъ; но отъ его добросовѣстной ученой пытливости ускользнуло одно очень

[1]) Первый трудъ появился отдѣльнымъ изданіемъ въ 1877, второй я читалъ въ книжкахъ журнала Историческая библіотека за 1878 годъ

важное обстоятельство. Онъ не замѣтилъ, что описываемая имъ крестьянская община только что возникла на земляхъ, конфискованныхъ у частныхъ собственниковъ и предоставленныхъ въ прекарное владѣніе и пользованіе крестьянъ. Крестьянскія общины распоряжаются своими землями, онѣ мѣняютъ ихъ, отдаютъ участки новымъ поселенцамъ, у нихъ есть общіе луга, лѣса, озера, они защищаютъ свое владѣніе на судѣ и т. д.; все это вѣрно, но все это со вчерашняго дня и на земляхъ, которыя составляли частную собственность новогородскихъ бояръ и бояришекъ, а Иваномъ Васильевичемъ оставлены за крестьянами. Г-ну же П. Соколовскому все это представляется стародавнимъ, исконнымъ явленіемъ.

Вотъ подлинныя его слова. Онъ начинаетъ съ догадокъ.

«Земля, занимаемая какимъ-либо племенемъ, повидимому, принадлежность всего племени, она его собственность. Черныя земли (то-есть крестьянскія общинныя) были первоначально единственнымъ видомъ земель въ Россіи. Съ теченіемъ времени право на землю переносится на князей. Когда и вслѣдствіе какихъ вліяній совершилось у насъ такое перенесеніе права на землю съ народа на государя, это неизвѣстно. Но съ XV—XVI вѣка она уже называется государевой землей. Татарское завоеваніе не мало содѣйствовало, если не возникновенію, то развитію такого взгляда. Помѣстья возникли изъ черныхъ земель, а вотчины изъ помѣстій. До самой половины XVIII столѣтія у насъ не существовало частной поземельной собственности. Частныя лица, общины имѣли на нее лишь право болѣе или менѣе постояннаго владѣнія, собственникомъ же ея признавался государь.—Происхожденіе общины, ея зародышъ таится въ дали доисторическихъ временъ. Въ предѣлахъ историческаго времени не могла выработаться такая сложная и стройная форма взаимныхъ отношеній. Первоначально волости представляли союзы погостовъ, селъ и деревень, вообще селеній, связанныхъ между собою общиннымъ владѣніемъ землей. До XV—XVI вѣка въ источникахъ можно найти лишь

самыя неполныя и отрывочныя данныя объ общинѣ. Дошедшія же до насъ данныя относятся къ тому времени, когда разрушеніе волостныхъ общинъ было въ большинствѣ мѣстностей совершившимся фактомъ» [1]).

Авторъ послѣдовательно и полно развилъ здѣсь знакомую уже намъ точку зрѣнія. Западные ученые въ явленіяхъ общиннаго землевладѣнія германцевъ XII вѣка видятъ лишь слабые остатки широкаго развитія этой формы, господствовавшей у нихъ еще до великаго переселенія народовъ; то же и у нашего автора: русская поземельная община возникла въ доисторическія времена, мы наблюдаемъ ее въ періодъ вымиранія.

Изъ области догадокъ, въ пользу которыхъ нельзя привести никакихъ доказательствъ, перейдемъ къ описанію общины по памятникамъ XV—XVI вѣка, но остановимся только на тѣхъ частяхъ описанія, которыя нуждаются въ нѣкоторыхъ поправкахъ. Мы не отрицаемъ крестьянской земельной общины, созданной московскими князьями на принадлежавшихъ имъ земляхъ; на этихъ земляхъ у крестьянъ появились общіе луга, лѣса и озера, они распоряжаются ими и защищаютъ ихъ на судѣ; мы ничего этого не отрицаемъ, а потому и не имѣемъ надобности возражать въ этихъ пунктахъ автору.

Но онъ идетъ далѣе. Полагая, что наблюдаемыя у насъ явленія общиннаго владѣнія составляютъ остатокъ глубокой старины, онъ утверждаетъ, что въ XV еще вѣкѣ погосты, села и деревни были связаны общиннымъ поземельнымъ владѣніемъ въ одно цѣлое—въ волость. «Земледѣльческое населеніе сѣверной Россіи, говоритъ онъ, въ XV—XVI вѣкѣ жило не въ одиночку, не на подворныхъ участкахъ, а группировалось въ общества, называвшіяся выставками, починками, деревнями, селами, сельцами, погостами и т. д... Союзъ нѣсколькихъ такихъ выселковъ, составлявшихъ волость, назывался нерѣдко «волостью выставкой» или «выставкой по-

---

[1]) Экон. бытъ, стр. 5, 56, 57, 60, 77, 123, 127 и 136.

гостомъ». Это утверждение онъ сопровождаетъ пятью ссылками на Приложеніе къ изслѣдованію Неволина о пятинахъ. По этимъ ссылкамъ можно подумать, что у Неволина приведены документы, указывающіе на союзы выставокъ, починковъ, деревень и т. д. Ничего такого нѣтъ у Неволина. Излагая содержаніе писцовыхъ книгъ, онъ приводитъ и содержащіяся въ нихъ указанія на погосты, выставки, деревни и т. д., но чтобы они составляли поземельные союзы, на это нѣтъ ни одного указанія. Деревни, починки, а въ позднѣйшихъ книгахъ выставки описываются, какъ совершенно отдѣльныя поселенія. Новые поселки сперва садятся на льготѣ и ничего не платятъ, а по истеченіи льготныхъ лѣтъ платятъ каждый особо за себя. Съ конфискаціи, какъ было указано, это мѣняется, и возникаетъ обложеніе по волостямъ, т.-е. по прежнимъ частнымъ владѣніямъ. Но это новость, а не старина. Нѣкоторыя выставки уходили отъ своихъ метрополій за 50, 70 и даже за 80 верстъ, (Неволинъ 107). Какъ же было тутъ возникнуть поземельной общинѣ?

«Погосты Новогородской губерніи, продолжаетъ авторъ, составляли прежде общины, т. е. поземельные союзы поселковъ, слѣды которыхъ находимъ еще въ XV и XVI вѣкахъ». И опять ссылки на источники, писцовыя книги и иные.

Выше мы имѣли случай говорить о погостахъ и не нашли тамъ никакихъ слѣдовъ общиннаго владѣнія. На какомъ же основаніи почтенный авторъ утверждаетъ, что «погосты прежде составляли общины, то есть поземельные союзы поселковъ, слѣды которыхъ находимъ еще въ XV—XVI вѣкѣ»? (Оч. ис. с. об. 77).

Вотъ его основанія. Въ виду важности ихъ для рѣшенія спорнаго вопроса, мы должны остановиться на каждомъ изъ нихъ особо.

«Земли, говоритъ онъ, состоящія въ общемъ владѣніи погоста, нерѣдко описываются въ писцовыхъ книгахъ; такъ

у Неволина (Приложеніе 339) описываются порозжія земли и угодья погоста».

Здѣсь авторъ ссылается на писцовую книгу конца XVI вѣка (1582—1583). Но тамъ нѣтъ того, что̀ ему угодно было прочитать. Тамъ рѣчь идетъ «о порозжихъ земляхъ царя и великаго князя, что были въ помѣстьяхъ за дѣтьми боярскими», и затѣмъ приводится итогъ: «И всего въ Покровскомъ погостѣ порозжихъ земель...». Эти земли находятся въ погостѣ-округѣ, но онѣ не принадлежатъ погосту, и такого субъекта правъ, какъ погостъ, у насъ никогда не было.

Далѣе у почтеннаго автора читаемъ. «Рутинскій погостъ отданъ жителямъ сосѣдняго рядка Селищо для пашни на разъемъ за оброкъ въ волость—гривну и 5 денегъ».

Это опять большое недоразумѣніе. Въ приведенной цитатѣ, что ни слово, то ошибка. Мы должны привести подлинное мѣсто источника. Подробный анализъ его дастъ интересную картину погоста-мѣста.

«Въ Рутинскомъ погостѣ великаго князя волость оброчная Ивановская Маркова. Сельцо Порѣчье». Идетъ перечисленіе дворовъ. «А на погостѣ у Егорья Св. дворы Ивановскіе же Маркова, на великаго же князя жеребьяхъ, 8 дворовъ. А позему даютъ великому князю 3 гривны и 4 деньги. Да тѣ же рядовичи пашутъ селищо [1]) на разъемъ, а даютъ съ него оброку въ волость гривну и 5 денегъ».

Неволинъ выписалъ это (200) изъ описанія Деревской пятины, теперь уже давно напечатаннаго. Дѣло идетъ о волости, принадлежавшей Ивану Маркову и конфискованной великимъ княземъ. Крестьяне этой волости платили доходъ Маркову съ каждой деревни особо. Послѣ конфискаціи, какъ это обыкновенно тогда дѣлалось, подворный доходъ господину замѣненъ общимъ оброкомъ со всей волости въ

---

[1]) Т.-е. пустую деревню. Селище и теперь, между прочимъ, значитъ: гладко выгорѣвшее или уничтоженное, снесенное селеніе, остатки жилого мѣста. Даль.

пользу князя. Волость означаетъ здѣсь—бывшее имѣніе Маркова, не больше.

Погостская церковь Св. Григорія была выстроена на общей землѣ, принадлежавшей прежде четыремъ владѣльцамъ: Ивану Маркову, у котораго на погостѣ было 8 дворовъ, Григорью Кобылину, у котораго тамъ было 3 двора крестьянъ, да 3 двора не пашенныхъ людей, Якиму Ананьину, у котораго было 10 дворовъ пашенныхъ и не пашенныхъ людей, и, наконецъ, Ивану Самсонову, у котораго было 7 дворовъ поземщиковъ. Это былъ очень населенный погостъ; жители его построились рядами и образовали цѣлыя улицы. Земли всѣхъ перечисленныхъ владѣльцевъ въ Рутинскомъ погостѣ были конфискованы на государя, но за нимъ остались только земли Маркова, а земли остальныхъ владѣльцевъ были отданы въ помѣстья: Кобылинскія — князьямъ Крапоткинымъ, Ананьинскія—Костянтинову, Самсоновскія—Отяеву, къ нимъ же пошли и ихъ погостскіе дворы. Такимъ образомъ, и послѣ конфискаціи погостъ-мѣсто остался въ общемъ владѣніи и тоже четырехъ владѣльцевъ: князя и трехъ помѣщиковъ [1]). Но у великаго князя только Марковскіе дворы. Это и значитъ «на жеребьяхъ великаго князя». За великимъ княземъ остались 8 дворовъ не пашенныхъ, гдѣ жили поземщики. Эта поземщики (рядовичи) арендовали селище, стали его пахать на разъемъ, то есть кому сколько понадобилось, и за это, кромѣ позема, должны были платить оброкъ, какъ и всѣ крестьяне великаго князя. Этотъ оброкъ они платятъ въ волость, такъ какъ великій князь имѣетъ дѣло не съ отдѣльными дворами или деревнями, а съ цѣлою волостью, то есть съ цѣлымъ имѣніемъ Маркова.

Говоря коротко, дѣло состоитъ въ томъ, что нѣсколько поземщиковъ, живущихъ на погостѣ, нанимаютъ конфискованную великимъ княземъ землю, кому сколько нужно (на разъемъ), и платятъ за нее оброкъ въ волость, какъ и всѣ

---

[1]) Въ краткой описи Неволина всѣхъ этихъ свѣдѣній нѣтъ; мы беремъ ихъ изъ писцовыхъ книгъ.

крестьяне, сидящіе на земляхъ великаго князя. О погостѣ, кому-то отданномъ для пашни, и рѣчи нѣтъ.

Господинъ же П. Соколовскій прочелъ совсѣмъ другое: у него весь Рутинскій погостъ отданъ жителямъ сосѣдняго рядка Селище для пашни!

Несмотря на то, что авторъ читаетъ совсѣмъ не то, чтó написано, онъ имѣетъ много послѣдователей [1]), а потому мы должны продолжать.

На той же страницѣ послѣ только что разобраннаго мѣста о погостахъ читаемъ: «Стремленіе организоваться въ подобные (?) поземельные союзы было такъ всеобще, что даже сотни и десятки, имѣвшіе первоначально чисто военное значеніе, развивались въ волостныя общины. Такъ, напримѣръ, Сумерская волость, населенная пахотными солдатами, составляла прочно организованную общину». Затѣмъ приводится выписка изъ сотной, данной въ 1627—1628 году крестьянамъ Сумерской волости, изъ которой видно, что оброкомъ облагается цѣлая волость, а не отдѣльные дворы— деревни, что у волости есть угодья, рыбныя ловли и т. д. Все это совершенно вѣрно. Можно только сожалѣть, что авторъ доказываетъ такія права волостей ссылкой на документъ XVII вѣка. Онъ могъ бы найти совершенно однородныя явленія въ писцовыхъ книгахъ конца XV-го. Но онъ тамъ увидалъ бы, что это новыя явленія, которыя только что возникли послѣ конфискаціи, и что до конфискаціи волостями въ новогородскихъ пятинахъ назывались владѣнія частныхъ лицъ, а не общинъ.

Нѣсколько строкъ далѣе читаемъ: «Сумерская волость не была одиночнымъ явленіемъ. Великокняжеская волость Морева, Велела, Холмскій погостъ, судя по дѣленію на десятки, обнаруживаютъ военное происхожденіе, но въ то же время образуютъ волостныя общины. Земли каждаго десятка, въ которыхъ было отъ 6 до 16 поселковъ, состояли

[1]) Для примѣра укажемъ на г. Лаппо-Данилевскаго, Организація прямого обложенія стр. 77 примѣч., и г. Папкова о Погостахъ, Русск. Вѣстн. 1898, XI, стр. 63.

въ общемъ владѣніи всѣхъ его жителей и назывались десятскими землями».

Выше мы уже имѣли случай обратить вниманіе читателя на особенность описанія деревень въ волостяхъ Морева, Велела и въ погостѣ Холмскомъ. Но эта особенность не въ томъ, въ чемъ видитъ ее почтенный авторъ. Земли вовсе не состоятъ въ общемъ владѣніи всѣхъ жителей десятка. Крестьянскіе участки описываются здѣсь, какъ и во всѣхъ пятинахъ, по деревнямъ; каждая деревня, какъ и вездѣ, составляетъ особое цѣлое, имѣетъ свой особый посѣвъ и особо платитъ съ него доходъ. Нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ общаго владѣнія землями всѣхъ деревень десятка.

Особенность описанія состоитъ въ томъ, что не указаны прежніе владѣльцы, ново и старо сведеные новгородскіе бояре и бояришки, и что деревни описываются не по ихъ владѣніямъ (волостямъ), а по десяткамъ.

Почтенный авторъ думаетъ, что дѣленіе на десятки обнаруживаетъ военное происхожденіе этихъ волостей и погоста. Это чрезвычайно рискованное утвержденіе. Во всѣхъ писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка слово волость имѣетъ всегда одинъ и тотъ же смыслъ, это совокупность деревень, состоящихъ въ частномъ владѣніи свѣтскихъ лицъ и духовныхъ учрежденій. Ни о какомъ военномъ происхожденіи этихъ волостей и рѣчи быть не можетъ. Мы знаемъ, что такое погостъ; о военномъ происхожденіи Холмскаго погоста также не можетъ быть никакой рѣчи. Предположеніе автора о военномъ происхожденіи двухъ волостей и одного погоста ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято. Что же представляетъ собою распредѣленіе по десяткамъ деревень въ этихъ мѣстностяхъ, которое нигдѣ болѣе не встрѣчается?

Этотъ вопросъ мы ставили выше и въ виду того, что такое дѣленіе на десятки нигдѣ болѣе не встрѣчается, мы полагали, что объясненіе ему надо искать въ какихъ-либо особенностяхъ этой мѣстности. Такая особенность нашлась и нами указана въ своемъ мѣстѣ (стр. 118 прим.). Дѣленіе на

десятки введено, по всей вѣроятности, временнымъ владѣльцемъ этихъ волостей и погоста, княземъ Бѣльскимъ. Это остатокъ его личныхъ хозяйственныхъ распоряженій. Послѣ его ухода (опись была сдѣлана, когда князь Бѣльскій былъ уже переведенъ въ другое мѣсто), осталось только введенное имъ наименованіе, самое же дѣленіе на десятки не сохранилось. Десятки распались, отдѣльныя деревни десятка розданы въ помѣстья разнымъ лицамъ. Въ моментъ описанія десятковъ уже нѣтъ, а почтенный авторъ думаетъ, что они не только продолжаютъ существовать, но даже владѣютъ сообща землею.

На той же 77 стр. авторъ ссылается и еще на одинъ документъ, который приведенъ и въ сочиненіи Неволина (104). Въ своемъ изслѣдованіи о пятинахъ и погостахъ Неволинъ говоритъ, что «въ погостахъ были земли, состоявшія въ общемъ владѣніи всѣхъ жителей погоста». Что въ погостахъ были земли, состоявшія въ общемъ владѣніи, это совершенно вѣрно; но что онѣ состояли въ общемъ владѣніи всѣхъ жителей погоста, это обмолвка или очень неточное выраженіе. Выше мы представили разборъ полнаго описанія Рутинскаго погоста. Земли этого погоста состояли въ общемъ владѣніи четырехъ собственниковъ, изъ которыхъ на погостѣ никто и не жилъ. На погостѣ, кромѣ причта, жили только арендаторы земель этихъ собственниковъ, которые вовсе не были ихъ совладѣльцами. Для доказательства своей очень неточно выраженной мысли, Неволинъ, кромѣ писцовыхъ книгъ, ссылается еще на одну мировую, напечатанную въ А. Ю. Она безъ года, но издатели относятъ ее къ XV вѣку. Г. П. Соколовскій видитъ въ этомъ документѣ доказательство не общаго, а общиннаго владѣнія (полагаемъ, онъ различаетъ эти два вида владѣнія).

Документъ начинается съ челобитья князю:

«Билъ челомъ староста Азикъ, и Харагинецъ, и Ровда, и Игнатѣцъ, пріѣхавъ отъ своей братьи, на Василья на Матвѣева».

Но идучи къ суду, они помирились на томъ, что

«Шенкурскій погостъ и земли Шенкурскаго погоста до Ростовскихъ межъ—Василью и въ вѣки. А взялѣ Азикъ съ своею братьею у Василья 20.000 бѣлки, а пополнки 10 рублей».

Мировая состоялась о земляхъ, лежащихъ въ Шенкурскомъ погостѣ-округѣ и на Шенгурскомъ погостѣ-мѣстѣ. Всѣ эти земли, принадлежавшія истцамъ и ихъ братьи, поступаютъ въ частную собственность Василья, отвѣтчика. Но кто были истцы, которые уступили свои земли? Г. Соколовскій желаетъ въ старостѣ Азикѣ, Харагинцѣ, Ровдѣ и Игнатцѣ съ братьею видѣть представителей общины. Это очень сомнительно. Представители общины всегда говорятъ, что они дѣйствуютъ отъ имени всѣхъ крестьянъ, эти же являются уполномоченными только отъ своей братьи. Они, можетъ быть, и сами между собой братья, да еще осталось нѣсколько братьевъ дома. Здѣсь рѣчь идетъ, слѣдовательно, объ общей землѣ нѣсколькихъ совладѣльцевъ, частью родственниковъ. Ихъ земля находится въ разныхъ мѣстахъ Шенкурскаго погоста, на ихъ же землѣ выстроена и церковь погостская, всѣ эти земли они и передаютъ Василью. Что одинъ изъ нихъ староста, это еще не доказываетъ, что онъ общинникъ, а не частный владѣлецъ. Мы видѣли уже старосту-своеземца.

Приведенными данными въ пользу мнѣнія, что Новгородскіе погосты и волости еще въ XV—XVI вѣкѣ сохранили слѣды того, что прежде они были поземельными крестьянскими общинами, авторъ не ограничивается; на стр. 82 (Оч. ист.) онъ говоритъ: «Мы постараемся собрать всевозможныя данныя для доказательства повсемѣстности существованія деревенской общины, такъ какъ относительно этого пункта высказывалось въ литературѣ особенно много сомнѣній. За исключеніемъ усадьбы, находившейся и тогда, какъ и теперь, въ подворномъ пользованіи, вся земля состояла не только въ общинномъ владѣніи, но и въ общинномъ пользованіи».

Прежде, чѣмъ идти далѣе, автору надо было бы доказать, что старыя деревни представляли общины. Такихъ доказательствъ онъ не даетъ, да ихъ и нельзя дать, такъ какъ старинныя деревни населены или родственниками, которые владѣютъ своими участками по праву наслѣдства, или посторонними лицами, которые арендовали свои участки у землевладѣльца. И тѣ и другіе могутъ уйти съ своихъ участковъ и поселиться на новыхъ. Населеніе старой деревни, слѣдовательно, не имѣетъ ничего общаго съ населеніемъ деревни современной. Тогда еще не было деревенской общины, а могло быть только общее владѣніе нѣсколькихъ арендаторовъ или сонаслѣдниковъ.

Не считая нужнымъ доказывать, что старинныя деревни представляли общины, авторъ доказываетъ, что онѣ владѣли землями на общинномъ правѣ. Вотъ эти доказательства: 1) припускъ одной деревни къ другой, 2) наличность полей, обработываемыхъ сообща, 3) равенство подворныхъ участковъ.

Припускъ земель одной деревни къ другой, какъ мы знаемъ, встрѣчается уже въ старыхъ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ. Въ нихъ говорится иногда о припускѣ помѣщиками земель пустыхъ деревень въ поле къ той деревнѣ или селу, въ которомъ они сами живутъ. Напримѣръ:

«Селцо на Бѣломъ озерѣ, а въ немъ дворъ Ивановъ (помѣщика), дворъ человѣкъ его Борзой; да къ тому же селцу Иванъ припустилъ въ поле деревню Куплино; а на Ивана сѣютъ» и т. д.

Сказано, припускается «деревня», но это пустая деревня это видно изъ того, что въ ней дворы крестьянъ не указаны. И такъ во всѣхъ случаяхъ, которые мы замѣтили [1]). А о князѣ Бор. Сем. Горбатомъ и прямо сказано: припустилъ къ себѣ въ поле, къ селцу Гора, гдѣ самъ живетъ, двѣ деревни и пашетъ ихъ своими людьми. Припускъ деревень есть увеличеніе своей запашки на счетъ пустыхъ зе-

[1]) Нов. пис. кн. II 25, 57, 211, 248, 558.

мель. То же могли дѣлать и крестьяне съ согласія землевладѣльца; для нихъ это является увеличеніемъ количества арендуемой земли. Одинъ такой случай мы уже указали въ Деревской пятинѣ (I, 509). То же происходитъ и въ XVI вѣкѣ, на писцовыя книги котораго авторъ и ссылается. Тамъ тоже рѣчь идетъ о припускѣ пустыхъ деревень къ жилымъ. Нерѣдко такъ и говорится. А иногда говорится, какъ и въ новгородскихъ книгахъ, о припускѣ деревни къ деревнѣ; но что дѣло идетъ о припускѣ незаселенной земли, это видно изъ того, что число дворовъ показывается въ одной только деревнѣ, именно въ той, къ которой дѣлается припускъ, а не въ припускаемыхъ. Напримѣръ:

«Деревня Скокова, да къ ней же припущена въ пашню деревня Усища, да деревня Селивановская, да деревня Онтоново, а въ ней крестьянъ 16 дворовъ да дворъ пустъ» и т. д.

Шестнадцать дворовъ—всѣ находятся въ деревнѣ Скоковой, а не въ 4 деревняхъ вмѣстѣ. Пустая деревня продолжала называться деревней, какъ пустошь продолжаетъ, иногда, называться пустошью, хотя тамъ уже есть населеніе. Въ писцовыхъ книгахъ встрѣчаются случаи припуска пустоши къ пустоши; конечно, та пустошь, къ которой дѣлается припускъ, имѣетъ уже населеніе, а называется по старому [1]). И въ XVI вѣкѣ припускъ есть увеличеніе количества земли одной деревни на счетъ другой, ненаселенной, и ничего болѣе. Онъ не имѣетъ никакого отношенія къ порядку крестьянскаго землевладѣнія; оно остается какимъ было, а какое оно, этого изъ «припуска» не видно.

Иначе думаетъ авторъ. Онъ полагаетъ, что въ припускѣ два, три, четыре селенія соединяли свои поля вмѣстѣ, и «что такого соединенія полей различныхъ деревень не могло бы происходить такъ часто, какъ это было въ XVI вѣкѣ, если бы право распоряженія землей принадлежало не всей

[1]) Послѣдніе два примѣра мы взяли у г. Соколовскаго, Эк. бытъ 159, 160.

совокупности жителей поселка, а отдѣльнымъ дворамъ, т.-е. если бы не было общиннаго пользованія землей» (Эк. бытъ, 158, 160). По мнѣнію автора, слѣдовательно, припускъ совершается потому, что крестьяне суть общинники и, какъ таковые, сами распоряжаются своей землей, соединяютъ и раздѣляютъ свои общинные участки.

Авторъ въ истинности своего мнѣнія убѣждается изъ того, что соединеніе полей происходитъ «такъ часто». А если бы не такъ часто? Это очень плохое основаніе. Да и какъ рѣшить, что очень часто? Никакой статистики для того времени у насъ нѣтъ.

Отъ невѣрно понятыхъ источниковъ, въ которыхъ авторъ усмотрѣлъ соединеніе двухъ населенныхъ деревень, когда рѣчь идетъ о припускѣ пустой деревни къ населенной, онъ заключилъ къ тому, что право распоряженія землей принадлежитъ всему населенію, общинѣ крестьянской. Допустимъ, но спросимъ, о какихъ это крестьянахъ идетъ рѣчь въ тѣхъ памятникахъ, которыми авторъ пользовался, и въ какое время?

Извѣстія о припускѣ деревень очень многочисленны. На указанныхъ мною страницахъ (150—160) авторъ приводитъ 28 случаевъ такого припуска. Изъ нихъ 9 случаевъ имѣли мѣсто на помѣщичьихъ земляхъ, 18 на монастырскихъ и только одинъ на бывшей помѣщичьей, отданной крестьянамъ въ оброкъ. Что касается времени припуска, то четыре случая произошли въ 1577—1578, два—въ 1584—1586, двадцать одинъ въ 1592—1593 и одинъ въ 1595—1598 [1]). Итакъ, всѣ случаи припуска, кромѣ одного, имѣли мѣсто на владѣльческихъ земляхъ, а не на земляхъ царя и великаго князя, предоставленныхъ крестьянамъ въ прекарное

---

[1]) Авторъ ссылается на слѣдующія стр. I отд. пис. кн. XVI вѣка, изданное подъ редакціею Калачова, которое тогда уже было ему извѣстно, а на свѣтъ появилось только въ 1895: 123, 268 (1584—6), 278 (1593—4), 370, 553, 560, 585 (1577—8), 633 (1595—8), 664, 678 683, 687, 690, 709, 710; 711, 726, 763, 767, 775 (1592—3), 787—791 (1592—4), 816, 833, 838, 845, 895 (1592—3).

владѣніе. Громадное большинство изъ нихъ (22) произошло послѣ отмѣны Юрьева дня.—Если мы пойдемъ по стопамъ автора, то должны будемъ признать, что въ помѣстьяхъ и монастырскихъ вотчинахъ «распоряжались землями» не владѣльцы, а вся совокупность жителей поселка, и что такое ихъ право существовало и послѣ прикрѣпленія ихъ къ землѣ. Полагаемъ, что и самъ авторъ остановился бы передъ такимъ заключеніемъ, еслибъ, выбирая свѣдѣнія о припускѣ, обратилъ вниманіе на то, въ какихъ имѣніяхъ этотъ припускъ совершается и въ какое время. На владѣльческихъ земляхъ нигдѣ и никогда не принадлежитъ никакое «право распоряженія» крестьянамъ, вездѣ распоряжается господинъ [1]). А послѣ прикрѣпленія онъ распоряжается не только землей, но и лицомъ своихъ крестьянъ. Въ это время развилась барщина и мѣра надѣла крестьянъ землей совершенно зависѣла отъ усмотрѣнія господина. Упоминаемые въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка припуски, конечно, совершались по приказу землевладѣльца и въ его интересахъ.

Покончивъ съ припускомъ, почтенный авторъ переходитъ къ общей обработкѣ небольшихъ участковъ земли всѣми жителями деревни. Такіе случаи записаны въ писцовой книгѣ 1592—1593 года земель Троицы-Сергіева монастыря [2]). Мы не встрѣтили указаній на такую общую обработку нигдѣ въ другомъ мѣстѣ; она не встрѣчается даже въ другихъ вотчинахъ того же монастыря. Все это вмѣстѣ съ позднимъ появленіемъ такой обработки указываетъ на исключительный ея характеръ и не дозволяетъ видѣть въ ней даже въ послѣднихъ годахъ XVI вѣка общаго явленія. Тѣмъ не менѣе указанія эти имѣютъ большую важность, и мы остановимся на нихъ.

Въ сельцѣ Маринино было 32 крестьянскихъ двора. Изъ

---

[1]) Богатые монастыри предоставляли, иногда, своимъ крестьянамъ право мѣнять между собой свои дворы и земли и даже продавать ихъ, тоже между собой, но съ доклада прикащику, а не своевольно. А. Э. I, № 258, 1561. Грамота Соловецкаго монастыря крестьянамъ.

[2]) Пис. кн. подъ ред. Калачова I 731—787.

нихъ семь дворовъ сидѣли на $^1/_8$ выти каждый, шесть на $^1/_3$ каждый, одинъ на $^1/_2$, восемь на $^1/_4$, семь на $^1/_6$, два на $^1/_{16}$, одинъ на $^7/_{12}$, «да они же пашутъ сопча по мѣрѣ $^{15}/_{36}$ выти». Каждый дворъ, слѣдовательно, занимаетъ не одинаковое количество земли, на которой лежатъ повинности, а весьма различное; разница эта простирается отъ минимума—$^1/_{16}$ до максимума $^7/_{12}$, т.-е. въ $9^1/_2$ разъ большой участокъ превосходитъ маленькій. Всѣ же 32 двора пишутъ сопча менѣе $^1/_2$ выти (I 748). Выть, обозначая податную единицу, заключала въ себѣ очень разное количество земли. Какъ были велики приведенныя выти, это изъ описи не видно. Изъ другихъ описей мы знаемъ, что размѣръ вытей очень колебался, но чаще встрѣчаются выти въ 6, 7, 8 десятинъ, смотря по качеству земли. Если примѣнить эту мѣру къ данному случаю, получимъ на 32 двора общей запашки менѣе 3—4 десятинъ въ полѣ. Въ другихъ деревняхъ общей запашки больше. Въ деревнѣ Михайловское-Лопырево на 2 двора, изъ которыхъ каждый сидѣлъ на $^1/_2$ выти, общей земли было $^1/_2$ выти, т.-е. немного болѣе, чѣмъ на 32 двора въ деревнѣ Маринино. Въ сельцѣ Озерецкомъ было 3 двора, изъ которыхъ 2 сидѣли на $^1/_4$ выти каждый, а одинъ на $^1/_8$; въ общей запашкѣ была $^1/_8$ выти, т.-е. гораздо менѣе, чѣмъ на 2 двора въ деревнѣ Лопырево.

Что это за земли, почему онѣ пахались сообща и въ чью пользу, и что значитъ «пахать по мѣрѣ»—всѣ эти вопросы еще ждутъ своего объясненія. Но что эта общая запашка не имѣетъ ничего общаго съ современной крестьянской общиной, объ исторіи которой идетъ рѣчь,—это совершенно ясно и не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ.

«Но самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ общиннаго пользованія землей, говоритъ на слѣдующей страницѣ авторъ, служитъ отсутствіе неравенства подворныхъ участковъ». Отсутствіе неравенства означаетъ, конечно, равенство подворныхъ участковъ. Это до такой степени противорѣчитъ источникамъ, что авторъ нашелъ нужнымъ немедленно за этимъ утвержденіемъ допустить и неравенство подворныхъ

участковъ, но не большое, въ трое! Мы имѣли уже случай говорить о размѣрахъ дворовыхъ участковъ, а потому и не будемъ болѣе останавливаться на этомъ «самомъ убѣдительномъ доказательствѣ». Ни о какомъ равенствѣ дворовыхъ участковъ и рѣчи быть не можетъ [1]).

Мы не пойдемъ далѣе за г. Соколовскимъ. Сказаннаго, полагаемъ, довольно для характеристики его ученыхъ пріемовъ и того увлеченія идеей глубокой древности современнаго общиннаго быта, которое, нерѣдко, мѣшаетъ ему читать то, что написано въ источникахъ. Но передѣловъ земли и онъ не усматриваетъ ранѣе XVII вѣка. Они явились у него какъ слѣдствіе прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ (Очер. ист. 93).

---

[1]) Въ Экономическомъ бытѣ на стр. 156 авторъ, въ подтвержденіе своей мысли, приводитъ нѣсколько данныхъ, изъ которыхъ видно, что одинакое число дворовъ положено въ одинакое число обежъ, и отсюда заключаетъ, что дворы имѣли равное количество земли. Что отдѣльные дворы нерѣдко могли занимать одинакое количество земли, этого, конечно, никто не будетъ отрицать. Но весь способъ доказательства автора не вѣренъ. Онъ отправляется отъ обжи, какъ показателя количества дворовой земли. Это не правильно. Кто читалъ писцовыя книги, тотъ знаетъ, что одно и то же количество земли можетъ быть положено и въ 2 и въ 3 обжи. Во-вторыхъ, изъ того, что 10 дворовъ положены въ 10 обежъ, вовсе не слѣдуетъ, что всѣ дворы занимаютъ по равному количеству земли. Писцовая книга Новгорода приводитъ итоги по цѣлой деревнѣ, а слагаемыя остаются неизвѣстными. Считать ихъ равными—плохой научный пріемъ. Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка, изданныхъ подъ редакціей Калачова, иногда показаны земли, на которыхъ сидятъ отдѣльные дворы; эти участки то равны между собой, то нѣтъ.

Доказательства автора въ пользу деревенской общины и г-жа А. Ефименко няходитъ неубѣдительными. «Только предвзятая идея, говоритъ она, можетъ придать рѣшающее значеніе хотя бы доводамъ, сгруппированнымъ г. Соколовскимъ въ пользу существованія деревенской общины», и возражаетъ на каждый изъ трехъ его доводовъ, хотя и съ другой точки зрѣнія, чѣмъ мы. Крест. Землевл. 211.

VI

Послѣ трудовъ г. П. Соколовскаго и г-жи А. Ефименко вопросъ объ исторіи поземельной общины, сколько мы знаемъ, никѣмъ не подвергался самостоятельной разработкѣ. Но его касаются очень многіе изъ нашихъ ученыхъ, заявляя сочувствіе то тому, то другому направленію.

Н. Д. Чечулинъ выступаетъ горячимъ сторонникомъ древности общиннаго землевладѣнія. Приведя мнѣніе Б. Н. Чичерина о томъ, что общинные передѣлы земель нельзя относить ко времени, предшествовавшему прикрѣпленію крестьянъ, авторъ говоритъ: «Положенія Чичерина по этому вопросу опровергнуты многими изслѣдователями» (Города 118). Къ сожалѣнію, почтенный ученый не указываетъ, кѣмъ именно, а такое указаніе было бы особенно важно въ виду того, что и противники профессора Чичерина не находятъ возможнымъ относить передѣлы къ глубокой древности. По мнѣнію И. Д. Бѣляева они возникли «въ общинахъ средневѣковой Россіи», а по мнѣнію г. П. Соколовскаго не ранѣе XVII вѣка. Выражая свое сочувствіе идеѣ древности передѣловъ, авторъ приноситъ и свою дань въ подтвержденіе этой мысли.

Въ описаніяхъ городскихъ огородовъ и нивъ онъ замѣтилъ обозначеніе ихъ по старому и по новому хозяину, напримѣръ: «огородъ попа Антона—Гришинскій», «нива Ивана Микифорова—Гавриловская Михайлова». Останавливаясь на причинѣ такого явленія, г. Чечулинъ приходитъ къ мысли, что такой переходъ земель отъ одного владѣльца къ другому могъ существовать «несомнѣнно, прежде всего, при общинномъ землевладѣніи и передѣлахъ земель», 117 стр. Такимъ образомъ г. Чечулинъ открылъ передѣлы городскихъ земель въ XVI вѣкѣ. Авторъ находится въ очевидномъ недоразумѣніи. При передѣлѣ земель прежніе участки не сохраняются, а изъ нихъ возникаютъ новые, и обыкно-

венно, болѣе мелкіе; это и есть передѣлъ, вызываемый нарожденіемъ новыхъ претендентовъ на общинныя земли; вновь возникающіе, такимъ образомъ, участки не могутъ быть названы по старому владѣльцу, ибо они его не имѣли; это новые участки, возникшіе въ силу передѣла старыхъ. Наименованіе участка по старому владѣльцу указываетъ не на передѣлъ, а на переходъ стараго участка къ новому владѣльцу и только. Авторъ отмѣчаетъ и случаи соединенія участковъ нѣсколькихъ старыхъ владѣльцевъ въ рукахъ одного новаго. Это тоже не передѣлъ, это дѣйствіе сложенія, а не дѣленія. Хорошо было бы разъяснить, почему въ городахъ такой переходъ совершался такъ часто, какъ утверждаетъ авторъ; у него были, говоритъ онъ, тысячи такихъ случаевъ. Къ сожалѣнію, авторъ успокоился на своемъ предположеніи общинныхъ передѣловъ городскихъ земель и оставилъ этотъ важный вопросъ стариннаго городскаго землевладѣнія безъ всякаго разъясненія.

Останавливается на происхожденіи общиннаго землепользованія и г. Лаппо-Данилевскій въ своемъ изслѣдованіи объ организаціи прямого обложенія. Въ этомъ первомъ своемъ ученомъ трудѣ онъ проявилъ уже всѣ тѣ свойства, которыми въ такой высокой степени отличаются его Критическія замѣчанія. Онъ и здѣсь чрезвычайно остороженъ. Чтобы не сдѣлать ошибки, онъ принимаетъ и мнѣніе объ исконной древности общины, и мнѣніе о возникновеніи ея изъ правительственныхъ мѣропріятій. Отдѣлъ, посвященный крестьянской общинѣ, начинается у него такъ: «Происхожденіе крестьянской общины слѣдуетъ, вѣроятно, объяснять расширеніемъ круга родовыхъ отношеній, въ предѣлы которыхъ стали мало-по-малу входить посторонніе элементы, объединяемые уже не столько кровными связями, сколько общими экономическими и духовными интересами». 76. Мнѣніе о происхожденіи современной поземельной общины изъ первоначальныхъ родовыхъ отношеній—высказывается, какъ мы знаемъ, очень многими изслѣдователями. Выписанное нами мѣсто особенно близко подходитъ къ

образу мыслей г-жи А. Ефименко, которая беретъ на себя трудъ показать, какъ «изъ кровнаго деревенскаго союза извлекались его кровные элементы и замѣщались посторонними» (220, 225 и въ другихъ мѣстахъ). У нашего автора встрѣчаемъ тѣ же выраженія [1]). Но страницей далѣе г. Лаппо-Данилевскій присоединяется уже къ мнѣнію Б. Н. Чичерина. «Общность экономическихъ и духовныхъ интересовъ, говоритъ онъ, была слишкомъ слаба, чтобы образовать болѣе сложные общественные союзы; въ то время, когда она лишь подготовляла ихъ образованіе, послѣднее осуществилось подъ вліяніемъ судебно-полицейской и финансовой ихъ зависимости отъ государства».

Итакъ, посторонніе элементы, начавшіе проникать въ кругъ родовыхъ отношеній, могли создать только небольшіе союзы «одного или нѣсколькихъ поселеній», но были слабы, чтобы образовать болѣе крупныя волостныя общины. Большіе союзы созданы правительствомъ. Первое утвержденіе совершенно въ духѣ г-жи Ефименко, послѣднее въ духѣ г. Чичерина. Общинное землепользованіе, слѣдовательно, двоякаго происхожденія: въ маленькихъ поселеніяхъ — это перерожденіе доисторическаго патріархальнаго быта вступленіемъ въ него постороннихъ элементовъ, а въ большихъ волостяхъ это слѣдствіе правительственной организаціи, но не финансовой только, а и судебно-полицейской.

---

[1]) Г. П. Милюковъ относитъ нашего автора къ послѣдователямъ г. П. Соколовскаго (Спорные вопросы 26). Правда, г. Лаппо-Данилевскій охотно ссылается на г. Соколовскаго и принимаетъ даже самыя рискованныя его положенія, напримѣръ, почти одинаковые размѣры подворныхъ участковъ и припускъ деревень, примѣч. на 77 стр., а о г-жѣ А. Ефименко здѣсь не упоминаетъ. Но, чтобы видѣть его родство съ ея направленіемъ, ссылка на нее и не нужна, авторъ не только повторяетъ ея мысль, но даже въ ея выраженіяхъ. Г-нъ же П. Соколовскій рѣшительно заявляетъ: «Я старался доказать, что происхожденіе общины нельзя искать ни въ семьѣ, ни въ договорѣ»... Эк. бытъ 125. Онъ противникъ происхожденія общины изъ родовыхъ отношеній.

Въ этомъ соединеніи двухъ противоположныхъ мнѣній авторъ проявилъ не одну осторожность, мы наблюдаемъ здѣсь и извѣстную уже намъ краткость: авторъ и здѣсь не задерживается на ученыхъ вопросахъ, а скользитъ по нимъ съ нѣкоторой легкостью. О какой крестьянской общинѣ говоритъ онъ? О поземельной или административной? Одна можетъ быть безъ другой; административная можетъ быть даже древнѣе поземельной. Этого вопроса почтенный ученый, кажется, не выяснилъ себѣ. Судя по началу, у него идетъ рѣчь о поземельной общинѣ. Деревня г-жи Ефименко, отъ мнѣнія которой онъ отправляется, составляетъ «одно поземельное цѣлое». Ея «посторонніе элементы, входящіе въ родственнную сферу», дѣлаются участниками землевладѣнія первоначально «кровной родовой клѣточки». Подъ «болѣе же сложными общественными союзами, осуществившимися подъ вліяніемъ судебно-полицейской и финансовой зависимости отъ государства», — надо разумѣть не только поземельную, но и административную общину, ибо судебно-полицейская зависимость отъ государства могла создать только административную, а никакъ не поземельную общину. Итакъ, авторъ говоритъ о разныхъ явленіяхъ, совершенно того не замѣчая.

Далѣе, повторяя мнѣніе профессора Чичерина, онъ существенно съ нимъ расходится, не чувствуя ни малѣйшей потребности объяснить это. У Чичерина правительство организуетъ поземельную общину независимо отъ величины и сложности поселковъ, и это совершенно вѣрно. У нашего автора въ большихъ поселкахъ дѣйствуетъ правительство, а въ маленькихъ начала, указанныя г-жею А. Ефименко. Но какіе поселки суть большіе и какіе маленькіе, какіе союзы суть болѣе сложные, и какіе менѣе сложны, кто и когда провелъ между ними границу, и въ какихъ документахъ все это различено, объ этомъ авторъ ничего не говоритъ, и это никому неизвѣстно. Все это—соображенія, не имѣющія никакого основанія въ источникахъ и придуманныя единственно для того, чтобы устроить нѣкоторый родъ

перехода отъ мнѣній г-жи Ефименко къ мнѣнію профессора Чичерина. Думаемъ, что такое чисто механическое склеиваніе чужихъ мнѣній, взаимно одно другое исключающихъ, ничего не разъясняетъ, а можетъ быть причиной многихъ недоразумѣній.

Профессоръ Никитскій высказывается рѣшительно и ясно. «Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, если въ древности и было общинное владѣніе, оно представляетъ собою совершенно отличное явленіе отъ того, что мы разумѣемъ подъ общиной въ настоящее время» [1]).

Въ осенней (1900) книжкѣ одного ежемѣсячнаго изданія намъ случилось прочитать отзывъ о сочиненіи И. Я. Гурлянда «Ямская гоньба». Авторъ отзыва, г. Ч., большой сторонникъ древности общиннаго землевладѣнія, говоритъ, что г. Гурляндомъ найдены новыя данныя о передѣлахъ земель въ XVI вѣкѣ. Мы поспѣшили сдѣлать справку. Г. Гурляндъ въ приложеніи къ своему труду напечаталъ любопытныя рукописи, которыя служили матеріаломъ для его изслѣдованія. На страницѣ, на которую дѣлаетъ указаніе г. Ч., читаемъ:

«И по наказу государева боярина и воеводы... велѣно... Наугородскіе ямскіе слободы московскіе дороги охотникомъ окологородная десятинная пашня и обежныя земли..., которые земли и сѣнные покосы и угодья отдѣлены, межъ ими поверстати и росписати тѣ земли и сѣнные покосы и угодья за ними всѣмъ поровну» (21 и сл.).

Извѣстіе очень интересное, но въ немъ нѣтъ никакого передѣла, а есть надѣленіе охотниковъ ямскихъ землею по распоряженію правительства. Для устройства ямскихъ охотниковъ отведено нѣкоторое количество земли, которое и велѣно раздѣлить между ними поровну, такъ какъ на нихъ на всѣхъ возложены одинакія обязанности по ямской гоньбѣ. Вотъ какъ появились у насъ равные земельные участки, до которыхъ наши общинники доискиваются съ

[1]) «Очерки экономической жизни Новгорода» 42.

такимъ усердіемъ. Это случилось около 1589 года и по распоряженію правительства. Въ другомъ документѣ отъ 1601 года читаемъ сперва ссылку на государевъ указъ, на основаніи котораго произведенъ былъ дѣлежъ государева жалованья ямскимъ охотникамъ, разныхъ ямскихъ пустошей и полей, а за тѣмъ самый дѣлежъ:

«И къ тому полю тѣмъ 20 человѣкамъ тѣ три пустоши раздѣлилъ, пашню и сѣнокошу, пополосно, ровно и захожіе земли тѣхъ трехъ пустошей раздѣлилъ пополосно, ровно» (103).

Вотъ откуда полосы, которыя тоже очень интересуютъ гг. общинниковъ, и которыхъ въ старыхъ новогородскихъ книгахъ нигдѣ нѣтъ. Земли раздѣлены по числу охотниковъ, т.-е. по людямъ, обязаннымъ ямской службой. Въ случаѣ ухода охотниковъ была возможна новая разверстка земель (текстъ 139). Это уже близко къ нашимъ современнымъ порядкамъ. Но все это новости и въ силу правительственныхъ предписаній. Матеріалъ, сообщенный г. Гурляндомъ, чрезвычайно интересенъ, а потому мы и поспѣшили имъ воспользоваться. Но доказываетъ онъ совсѣмъ не то, что было желательно доказать г. Ч.

VII

Г. М. Дьяконовъ въ своихъ послѣднихъ «Очеркахъ изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ» подвергаетъ переработкѣ вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ. Въ первомъ томѣ «Юридическихъ древностей» мы указали уже на новое направленіе въ рѣшеніи этого вопроса. Къ этому новому направленію примыкаетъ и онъ. Предполагаемый указъ конца XVI вѣва объ отмѣнѣ Юрьева дня не имѣетъ для него рѣшающаго значенія. Прикрѣпленіе крестьянъ совершилось, по его мнѣнію, ранѣе, въ половинѣ XVI в., и было слѣдствіемъ не правительственныхъ распоряженій, а появленія «обычныхъ правилъ о не-выходѣ тяглыхъ лю-

дей съ посадовъ и уѣздовъ» и «постепенной утраты права выхода крестьянами старожильцами, наиболѣе вѣроятной причиной прикрѣпленія которыхъ является крестьянская задолженность» [1]).

Итакъ, не правительство прикрѣпило крестьянъ, а они прикрѣпились сами собой, въ силу обычая, который лишилъ права перехода тяглыхъ крестьянъ и старожильцевъ-должниковъ.

Въ мнѣніи г. Дьяконова немного новаго: что тяглые люди еще въ XVI вѣкѣ считались крѣпостными, это высказалъ Б. Н. Чичеринъ въ 1856 году; что старожильцы не имѣютъ свободы перехода, это утверждалъ профессоръ Владимірскій-Будановъ въ первомъ изданіи своего «Обзора исторіи русскаго права», появившемся въ 1886 году; что задолженность причина прикрѣпленія, это доказывалъ профессоръ Ключевскій въ 1885 году. Новаго у г. Дьяконова только то, что онъ соединилъ вмѣстѣ три причины, тогда какъ его предшественники довольствовались каждый какой-либо одной. Профессоръ же Владимірскій-Будановъ, въ новомъ изданіи своего «Обозрѣнія», настаивая на старожильствѣ, какъ причинѣ прикрѣпленія, оспариваетъ таковое же значеніе задолженности.

Возникновеніе крѣпостной зависимости—капитальнѣйшій вопросъ нашей исторіи, а потому мы никакъ не можемъ оставить безъ тщательнѣйшаго разъясненія всѣхъ вызываемыхъ имъ разногласій. Разсмотримъ мнѣніе г. Дьяконова.

Авторъ утверждаетъ, что тяглые люди со второй половины XVI вѣка разсматриваются крѣпкими тяглу и правомъ перехода не пользуются (9). Такое утвержденіе вызываетъ вопросъ, что такое тяглые люди? Этому трудно повѣрить, но это такъ: авторъ не находитъ нужнымъ разъяснить, что такое тяглые люди. Профессоръ Чичеринъ, которому онъ слѣдутетъ, говоритъ, что́ такое, по его мнѣнію, тяглые

---

[1]) Формулируемъ мнѣніе автора словами его «Положеній», имъ самимъ извлеченныхъ изъ его книги.

люди. Онъ считалъ земли бояръ, слугъ и духовныхъ учрежденій бѣлыми, т.-е. «свободными отъ податей и повинностей, взимаемыхъ княземъ съ тѣхъ людей, которые поселились на его собственной землѣ» (Опыты 11, 80 и сл.). Только эта послѣдняя земля (княжеская) была чорная, тяглая, а ея населеніе—тяглые люди. По мнѣнію Б. Н. Чичерина, только они и были прикрѣплены въ половинѣ XVI вѣка; крестьяне частныхъ владѣльцевъ продолжали сохранять свободу перехода. Кто же прикрѣпленъ по мнѣнію нашего автора? Объ этомъ можно только гадать.

Проф. Бѣляевъ возражалъ Чичерину и доказывалъ, что владѣльческія земли не были свободны отъ тягла. Онъ былъ совершенно правъ. Наша древность не знала ни земель, ни владѣльцевъ, которые были бы свободны отъ тягла по общему правилу. Освобожденіе возникало всякій разъ по особой жалованной грамотѣ, а не по общему праву. Такое освобожденіе давалось, нерѣдко, на опредѣленный срокъ. Тяглыми были всѣ крестьяне, кромѣ льготныхъ владѣній, которымъ даны жалованныя грамоты. Да и эти не всегда освобождались отъ всякаго тягла; есть жалованныя грамоты, по которымъ и за ними оставались нѣкоторыя повинности, и они были тяглые.

Г. Дьяконовъ, конечно, все это хорошо знаетъ. Въ его книгѣ можно встрѣтить выраженія, изъ которыхъ видно, что и онъ стоитъ на этой же точкѣ зрѣнія. Характеризуя бобылей, онъ утверждаетъ, что они люди не тяглые, въ этомъ ихъ различіе отъ крестьянъ. Всѣ крестьяне, значитъ, тяглые люди. Это совершенно вѣрно. Что же получится? Въ половинѣ XVI вѣка прикрѣплены всѣ крестьяне. Едва ли, однако, авторъ найдетъ этотъ выводъ согласнымъ съ своими намѣреніями. Онъ доказалъ больше, чѣмъ было ему нужно.

Но доказалъ ли онъ?

Проф. Чичеринъ въ доказательство своей мысли сослался на двѣ царскихъ грамоты роднымъ братьямъ Григорью и Якову Строгоновымъ. Въ 1564 году Григорій Ани-

кеевичъ Строгоновъ билъ челомъ царю и великому князю, а сказывалъ:

«Въ Великой Перми, за 88 верстъ, по Камѣ рѣкѣ есть мѣста пустыя, лѣсы черные и озера дикія, а всего пустаго мѣста 146 верстъ; а прежде на томъ мѣстѣ пашни не пахиваны и дворы не стаивали, и въ цареву казну никакая пошлина не бывала». Затѣмъ Строгоновъ говоритъ о своемъ намѣреніи поставить на томъ пустомъ мѣстѣ городокъ, а на городкѣ пушки и пищали учинить, для береженья отъ ногайскихъ людей и другихъ ордъ, и проситъ царя и великаго князя о дозволеніи пашню пахать, дворы ставить, людей называть не письменныхъ и не тяглыхъ, и разсолу искать, и гдѣ найдется разсолъ, варницы ставить и соль варить.

На это челобитье и послѣдовала государева жалованная грамота, въ которой Строгонову разрѣшалось все, о чемъ онъ просилъ, да кромѣ того давалась льгота на 20 лѣтъ отъ всякихъ податей и повинностей и въѣзда княжескихъ чиновниковъ. Строгонову дано право вѣдать и судить своихъ слобожанъ во всемъ. Такова же и другая грамота Якову Строгонову, который нашолъ разсолъ еще подальше и просилъ отвезти ему земли еще на 20 верстъ (Д. къ А. И. I № 117, 119).

Гдѣ тутъ закрѣпленіе тяглыхъ людей?

Строгонову дана льгота. И частные владѣльцы давали льготы и даже подмогу деньгами крестьянамъ, которые садились на пустыхъ мѣстахъ и брались устроить деревню; то же дѣлаетъ и царь. Но жалуемая имъ, въ надеждѣ будущихъ благъ, льгота, конечно, не должна приносить ему никакого ущерба въ настоящемъ. Поэтому и Строгоновы просятъ о дозволеніи называть людей не тяглыхъ, и царь только на этомъ условіи и даетъ льготу. Строгоновъ больше и не проситъ: онъ самъ хорошо понимаетъ, что не можетъ пользоваться льготой, принимая тяглыхъ людей. Строгоновъ не долженъ принимать тяглыхъ, но это не значитъ, что тяглые не могутъ отходить. Имъ не сдѣлано никакого воспрещенія. Въ свой срокъ они могутъ уйдти, они могутъ

забрести и на Каму; но если Строгоновъ ихъ не приметъ, имъ придется искать другого мѣста. Но имъ не возбранено сѣсть и на той же Камѣ, только не на Строгоновской льготной землѣ; но, сѣвъ на Камѣ, и они могутъ о льготѣ хлопотать. Это никому не воспрещено.

Если грамоты Строгоновымъ доказываютъ прикрѣпленіе тяглыхъ людей въ половинѣ XVI вѣка, то мы можемъ также легко доказать прикрѣпленіе ихъ въ самомъ началѣ XV-го.

Въ жалованной грамотѣ начала XV вѣка, данной нижегородскимъ княземъ Благовѣщенскому монастырю, читаемъ:

«А тутошнихъ людей становыхъ игуменъ въ монастырь не принимаетъ, а кого къ себѣ игуменъ призоветъ людей изъ иного княженія, а не изъ моей отчины, и тѣмъ людемъ пришлымъ ненадобѣ моа дань на 10 лѣтъ»...

Причина запрещенія принимать «тутошнихъ становыхъ людей» та же: монастырю дана льгота только для новыхъ людей, тутошные же—суть тяглые, они льготой не пользуются, принимать ихъ на льготную землю значило бы причинять князю убытокъ.

Совершенно то же читаемъ въ жалованной грамотѣ отъ 1421 года, данной великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ митрополиту Фотію:

«А тутошнихъ людей волостныхъ въ ту деревню отцу моему, митрополиту, не пріимать; а кого отецъ мой, митрополитъ, перезоветъ людей изъ иныхъ княженій, а не изъ моего вел. княженія, и тѣмъ людемъ пришлымъ на 10 лѣтъ не надобѣть имъ моя дань»...

До насъ дошло и еще нѣсколько такихъ грамотъ [1]).

Льготныя грамоты XV вѣка различаются въ терминахъ отъ таковыхъ же XVI-го, но мо существу совершенно одинаковы съ ними. Ни тѣ, ни другія не содержатъ запрещенія выхода тяглымъ людямъ. Онѣ запрещаютъ только льготнымъ владѣльцамъ принимать къ себѣ на льготныя земли тяглыхъ крестьянъ. Но тяглые крестьяне, конечно,

---

[1]) А. Э. I № 17, 20, 60, 102, 1410—76.

могутъ уходить и садиться не только на тяглыя земли, но и на льготныя, если владѣльцу не запрещено ихъ принимать. Такія льготныя грамоты дошли до насъ и отъ XIV, и отъ XV, и отъ XVI вѣка.

Въ льготной грамотѣ Отрочу монастырю отъ 1361 года читаемъ:

«Архимандриту Святой Богородицы и игуменомъ, и попомъ и дьякономъ, и чернецомъ, и слугамъ монастырскимъ, и вольнымъ людемъ, не надобѣ никоторая моя дань. Тако же и сиротамъ (крестьянамъ), кто имѣть сѣдѣти на земли Святой Богородицы Отроча монастыря..., не надобѣ имъ ни которая дань».

То же въ XV вѣкѣ. Въ льготной грамотѣ Троицы-Сергіеву монастырю читаемъ:

«И кого игуменъ Спиридоней на тѣхъ земляхъ, на Троецкихъ, посадитъ жити людей, ино тѣмъ его людемъ не надобѣ имъ моя дань на десять лѣтъ»...

И то же въ XVI вѣкѣ. Въ льготной грамотѣ Кассіано-Учемскому монастырю читаемъ:

«И кто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ и въ починкѣхъ учнетъ жити людей, и тѣмъ ихъ людемъ къ соцкимъ и къ десяцкимъ съ тяглыми людми ни въ какіе разметы не тянуть и пошлинъ съ нихъ не брать»...

Такихъ льготныхъ грамотъ безъ всякихъ ограниченій дошло до насъ довольно много. Большинство изъ нихъ дано духовнымъ учрежденіямъ [1]. Эта бо́льшая щедрость князей къ духовнымъ учрежденіямъ, чѣмъ къ свѣтскимъ людямъ, очень понятна. Свѣтскимъ людямъ даютъ князья льготы въ надеждѣ будущаго прирощенія своего дохода и увеличенія земныхъ благъ, духовнымъ же учрежденіямъ— въ надеждѣ вѣчныхъ благъ и царствія Божія. Вотъ почему они могутъ на льготу призывать всякихъ крестьянъ, а слѣ-

---

[1]) Онѣ приведены въ I т. Юрид. древн. стр. 197. Изъ 23 грамотъ, не содержащихъ запрещеній принимать на льготу тяглыхъ людей, только четыре даны свѣтскимъ лицамъ.

довательно и тяглыхъ. Но такія же льготы даются и свѣтскимъ людямъ за особыя заслуги, надо думать.

На основаніи сказаннаго, мы можемъ, кажется, сдѣлать заключеніе, что проф. Чичеринъ не доказалъ своего положенія.

Можетъ быть, г. Дьяконовъ доказалъ недоказанное его предшественникомъ? И онъ этого не сдѣлалъ.

Онъ начинаетъ свои доказательства со ссылки на тѣ же двѣ Строгоновскія грамоты, а затѣмъ приводитъ еще «цѣлый рядъ» такихъ же льготныхъ грамотъ отъ XVI вѣка [1]). Совершенно вѣрно, такихъ грамотъ можно привести цѣлый рядъ; но какъ бы ни былъ длиненъ этотъ рядъ, онъ не докажетъ прикрѣпленія тяглыхъ въ половинѣ XVI вѣка; онъ докажетъ только, что князья, предоставляя льготы, нерѣдко принимали мѣры къ тому, чтобы эти льготы не приносили ни малѣйшаго ущерба ихъ доходамъ, а въ будущемъ обѣщали бы еще и прибыль ихъ интересу.

Въ одной изъ приводимыхъ г. Дьяконовымъ грамотъ читаемъ:

«А называти ей (княгинѣ Телятевской) крестьянъ въ тое свое вотчину на льготу отъ отцовъ дѣтей, и отъ братей братью, и отъ дядь племянниковъ и захребетниковъ, а не съ тяглыхъ съ чорныхъ мѣстъ; а съ тяглыхъ съ черныхъ мѣстъ крестьянъ на лготу не называть».

Чего, кажется, яснѣе? Съ тяглыхъ мѣстъ нельзя называть на льготу; дѣло идетъ только объ огражденіи интересовъ князя. Но нашъ авторъ въ своей книгѣ ограничивается подборомъ выраженій: «называть не тяглыхъ», а на смыслъ памятника въ цѣломъ не обращаетъ вниманія [2]).

---

[1]) Свои доказательства авторъ начинаетъ съ документовъ, относящихся до посадскихъ людей. Землевладѣніе посадскихъ очень мало разработано. Привлеченіе ихъ къ вопросу о прикрѣпленіи крестьянъ составляетъ излишнее осложненіе этого вопроса. Разсмотрѣніе положенія посадскихъ очень отвлекло бы насъ отъ сельскаго населенія, которому посвящена книга автора и наше изслѣдованіе.

[2]) Авторъ ссылается на десять льготныхъ грамотъ, напечатанныхъ въ А. Э. I № 163, 210, 385, въ А. И. I № 147, 215, 295, 301, и въ Ак.

Отъ своего предшественника г. Дьяконовъ различается только тѣмъ, что знаетъ, что приводимые имъ запреты не были новостью: «Они ведутъ свое начало отъ XV и даже XIV столѣтія», говоритъ онъ. Но почему же одни и тѣ же запреты въ XVI вѣкѣ доказываютъ прикрѣпленіе, а въ XV и XIV нѣтъ? Положеніе автора не очень удобное. Надо или согласиться съ нами или сдѣлать еще шагъ въ томъ же направленіи и утверждать, что крестьяне были прикрѣплены еще въ XIV вѣкѣ. Авторъ не рѣшается ни на то, ни на другое, и ищетъ выхода въ чрезвычайно запутанномъ объясненіи. Послѣ только что сдѣланной выписки онъ продолжаетъ такъ: «Но въ тѣ вѣка подобные запреты, обращенные къ землевладѣльцамъ, лишь доказываютъ, что мѣстныя правительства не могли принять прямыхъ мѣръ къ ограниченію крестьянскаго перехода». Предположеніе это ни на чемъ не основано. Чтобы его сдѣлать, надо было прежде доказать, что въ XIV и XV вѣкѣ правительства, а не землевладѣльцы, стремились къ ограниченію выхода крестьянъ. А этого авторомъ не сдѣлано. По его мнѣнію правительство было безсильно для борьбы съ переходами, а по источникамъ оно принимало мѣры для ограниченія переходовъ вовсе не по своей иниціативѣ, а по просьбамъ владѣльцевъ. Льготныя же грамоты давались съ точно опредѣленною цѣлью и не заключаютъ въ себѣ никакихъ скрытыхъ мотивовъ. Грамоты эти выгодны и князю и пожалованному и не содержатъ въ себѣ ни малѣйшихъ указаній на невыгоды вольнаго перехода. Изъ нихъ можно даже вывести, что крестьянскій переходъ вовсе не составлялъ такой язвы, съ которой правительству надо было бы бороться. Строгонову дана льгота на 20 лѣтъ, другимъ она дается на 5 лѣтъ, на 10. Что это значитъ? Льгота дается для поощренія земледѣльческой культуры; она дается въ томъ предположеніи, что вновь

о тягл. насел. № 7,24, 25.—О трехъ ссылкахъ на рукописи мы ничего не можемъ сказать, ибо рукописи эти не напечатаны; но, судя по приводимымъ имъ выдержкамъ, онѣ ничего не представляютъ новаго.

пришедшіе крестьяне, посидѣвъ на льготѣ 5, 10, 20 лѣтъ, останутся и потомъ на этой землѣ, но уже съ обязанностью нести тягло. Такое предположеніе можно было сдѣлать только въ виду населенія не очень склоннаго къ бродяжничеству. Правительство его дѣлало. Надо думать, оно не очень страдало отъ крестьянской свободы.

А далѣе. «Съ объединеніемъ Руси подъ главенствомъ Москвы такія косвенныя ограниченія сдѣлались излишними: въ рукахъ московскаго правительства было достаточно прямыхъ средствъ, чтобы устранить невыгодное явленіе выхода изъ тягла» 7—8.

Это уже и совсѣмъ непонятно! Косвенныя ограниченія сдѣлались излишними, а у насъ «цѣлый рядъ» такихъ ограниченій «съ объединенія Руси подъ главенствомъ Москвы». Никакъ нельзя понять, почему было излишне запретить Строгонову сажать тяглыхъ людей на льготную землю. Ни льгота не была излишней, ни ограниченіе: льгота способствовала распространенію земледѣльческой культуры на новыя мѣста, ограниченіе избавляло князя отъ уменьшенія получаемыхъ имъ доходовъ.

Наконецъ: «Однако, старое правило, ограничивающее землевладѣльцевъ въ пріемѣ тяглецовъ, продолжаетъ существовать въ XVI вѣкѣ. Оно могло сохраниться, какъ переживаніе старыхъ порядковъ; но затѣмъ, соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ, должно было мало-по-малу получить иной смыслъ и содѣйствовать выработкѣ и укрѣпленію мысли, что тяглые люди свободой перехода не пользуются даже въ границахъ правилъ Судебника».

Во-первыхъ, не было «стараго правила ограничивающаго» и т. д.: было не общее правило, а рядъ запрещеній для отдѣльныхъ лицъ. А рядомъ съ такими запретительными грамотами былъ еще болѣе длинный рядъ льготныхъ грамотъ безъ всякихъ запрещеній, и это отъ XIV, XV и отъ XVI вѣка. Нельзя не пожалѣть, что почтенный историкъ права обратилъ рядъ привилегій въ общее правило. Съ точки зрѣнія теоріи право это весьма крупное заблужденіе.

Общія правила находятся въ Судебникахъ, въ жалованныхъ же грамотахъ содержатся привилегіи, и сколько бы ихъ ни было, онѣ никогда не превращаются сами собой въ общее правило.

Во-вторыхъ, ограниченія получили иной смыслъ, говоритъ авторъ. Никакого иного смысла ограниченія принимать крестьянъ не получили. Они по прежнему обращены къ землевладѣльцамъ, а не крестьянамъ. А немало было льготныхъ грамотъ и безъ такихъ ограниченій.

Перейдемъ къ другому доказательству, но прежде спросимъ, зачѣмъ нужно другое доказательство, если всѣ крестьяне прикрѣплены уже въ силу одного тягла? Надо думать, что авторъ и не подозрѣваетъ, что доказалъ уже прикрѣпленіе всѣхъ крестьянъ. Вотъ что значитъ говорить о прикрѣпленіи тяглыхъ, не выяснивъ, что такое тяглые. Авторъ самъ не знаетъ, что онъ доказалъ.

«Почти одновременно (съ тяглыми) право выхода теряютъ и крестьяне старожильцы», говоритъ г. Дьяконовъ во второмъ положеніи, извлеченномъ имъ изъ своей дессертаціи. Эта мысль доказывается на стр. 16—31 Очерковъ.

Что же такое крестьяне старожильцы и какое ихъ отношеніе къ тяглымъ людямъ, прикрѣпленіе которыхъ въ половинѣ XVI вѣка уже доказано? Старожильцы, по мнѣнію автора,—что-то другое, а не тяглые люди, это ясно изъ приведеннаго положенія; но что же они такое?

Къ сожалѣнію, авторъ этого не знаетъ. Да, по его мнѣнію, едва ли кто и знать это можетъ.

«Обычный институтъ старожильства, говоритъ онъ, представляетъ одно изъ любопытныхъ, но, къ сожалѣнію, мало выясненныхъ явленій общественнаго быта древней Руси... Въ своихъ основныхъ чертахъ онъ заключаетъ много неопредѣленнаго и неяснаго. Дать опредѣленный отвѣтъ на вопросы, кто считался старожильцемъ, въ чемъ заключались особенности ихъ положенія, представляется дѣломъ чрезчайно труднымъ» (16). И далѣе: «Выше было указано, что въ XV вѣкѣ понятіе о старожительствѣ было довольно за-

путаннымъ. Та же неопредѣленность остается и въ XVI вѣкѣ. Только что приведенныя грамоты 1577, 1578 и 1592 годовъ служатъ тому наглядным подтвержденіемъ. Онѣ же убѣждаютъ и въ томъ, что само правительство не имѣло въ рукахъ готоваго критерія для правильнаго разрѣшенія споровъ» о возвращеніи старожильцевъ на прежнія мѣста (27).

Удивительный «обычный институтъ старожильства»; суть его никому неизвѣстна, даже московское правительство не имѣетъ подъ руками правилъ для рѣшенія споровъ о старожильцахъ, Что можемъ знать мы?

Не будемъ спорить съ авторомъ и признаемся, что и мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія объ «обычномъ институтѣ старожильства»; но мы хорошо знаемъ, что такое старожильцы. Это очень простая вещь, не возбуждающая никакихъ вопросовъ и недоумѣній.

Приведемъ документы.

Въ жалованной грамотѣ Благовѣщенскому монастырю читаемъ:

«Се язъ князь великій... пожаловалъ есмь архимандрита Спасскаго монастыря съ братіею: что ихъ село монастырское да пустоши и кого къ себѣ въ то село перезовутъ людей и тутошнихъ старожильцевъ, и тѣмъ людемъ не надобѣ моа дань... на три года; а кого призовутъ изъ иныхъ княженій, а не изъ моей отчины, и тѣмъ людемъ пришлымъ не надобѣ моа дань...» (срокъ не указанъ, по недосмотру писца, но онъ другой и всегда болѣе продолжительный, чѣмъ для своихъ; это дѣлалось для привлеченія населенія изъ другихъ княженій).

На кого здѣсь простирается льгота? Льгота касается тутошнихъ старожильцевъ и людей, которыхъ монастырь къ себѣ перезоветъ изъ жителей того же княженія и изъ иныхъ княженій. Кто тутошніе старожильцы? Это всѣ крестьяне, которые, въ моментъ полученія грамоты, живутъ уже въ монастырскомъ селѣ; имъ противополагаются вновь призванные: «кого перезовутъ людей»; это будутъ тѣ, которые придутъ въ село послѣ полученія грамоты, это не

старожильцы, а новики. Далѣе, тѣмъ и другимъ противополагаются крестьяне, призванные изъ иныхъ княженій, пришлые люди. Этимъ, обыкновенно, дается болѣе продолжительная льгота.

Въ грамотѣ митрополиту Фотію старожильцы противополагаются только призваннымъ изъ иныхъ княженій; старожильцамъ дается льгота на 5 лѣтъ, а пришельцамъ изъ иныхъ княженій—на 15. Старожильцы и здѣсь—всѣ, кого грамота застала на мѣстѣ.

Сравненіе этихъ двухъ грамотъ показываетъ, какъ невнимательно писались въ старину грамоты. Въ первой грамотѣ тоже идетъ рѣчь о пришлыхъ изъ иныхъ княженій, они тоже освобождаются отъ даней, какъ и свои пришлые, но въ грамотѣ опущено — на какой срокъ; во второй грамотѣ срокъ указанъ, но не сказано о своихъ пришлыхъ. Можно было ихъ принимать или нѣтъ? Это остается неяснымъ; такой пріемъ—то допускается, то нѣтъ. Допускается, иногда, даже на льготѣ.

Въ грамотѣ Кириллову монастырю читаемъ:

«Кто имѣтъ жити людей въ тѣхъ пустошахъ или кого къ себѣ призовутъ изъ иныхъ княженій, а не изъ нашея вотчины, или кого окупивъ посадятъ, и тѣмъ людемъ монастырскимъ, старожильцемъ и пришлымъ и купленымъ, не надобѣ имъ моя дань»...

И здѣсь старожилецъ противополагается пришлому и купленому, т.-е. тоже пришедшему со стороны, а не здѣшнему старожильцу; онъ тутъ не сидѣлъ. Старожилецъ—крестьянинъ, котораго грамота застала въ монастырскомъ имѣніи, ничего больше.

Въ грамотѣ Троицы-Сергіеву монастырю:

«И кого къ себѣ призовутъ людей жити на тѣ земли старожилцовъ, которые будутъ и прежъ того на нихъ живали, ино имъ на 10 лѣтъ не надобѣ моя дань; а кого призовутъ изъ иныхъ княженій, и тѣмъ людемъ ненадобѣ моя дань на 15 лѣтъ. Такожъ тѣмъ людемъ, которые нынѣ живутъ, и пришлымъ ихъ людямъ, которыхъ пере-

зовутъ къ себѣ... не надобѣ моя дань» (въ этомъ третьемъ случаѣ срокъ опущенъ, а также и квалификація людей, которыхъ призовутъ; это, конечно, «изъ моего княженія»).

Въ этой грамотѣ встрѣчаются двѣ новости. Старожильцы прежнихъ грамотъ названы здѣсь людьми, «которые нынѣ живутъ», т.-е. въ моментъ дарованія льготы; это тѣ же старожильцы. Во-вторыхъ, старожильцами названы крестьяне, которые жили прежде да ушли. Они теперь не живутъ, но прежде жили, а потому могутъ быть названы старожильцами.

Въ грамотѣ Кириллову монастырю пришлые люди изъ иныхъ княженій названы «новиками», а находящіеся уже на лицо «старожильцами», но и тѣ и другіе одинаково тянутъ тотъ же оброкъ [1]).

Полагаемъ смыслъ слова «старожильцы» совершенно ясенъ: всякій находящійся уже на мѣстѣ, по отношенію къ новику, будетъ старожилецъ. Это понятіе чрезвычайно относительное: только что поселившійся, наканунѣ дарованія льготы, будетъ уже старожилецъ по отношенію къ новику, и 20 лѣтъ проживщій — тоже старожилецъ. Тѣ же самыя льготы, которыя выпадаютъ на долю старожильцевъ, выпадаютъ на долю новиковъ; то же надо сказать и объ обязанностяхъ.

Понятіе старожильца, конечно, сложилось не въ княжескихъ грамотахъ и не для нихъ. Оно житейское и теперь употребляется совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ употреблялось въ XV вѣкѣ: это наши старожилы. Льготнымъ грамотамъ понадобилось перечислить и исчерпать всѣ виды крестьянъ, они и говорятъ о старожильцахъ, и о новикахъ, и о новоприхожихъ, своихъ и чужихъ, вотъ и все. Но старожильцы, конечно, не одни крестьяне, всѣ одинаково могутъ быть въ свое время и новиками и старожилами. Поэтому, напримѣръ, свидѣтели на судѣ, если вопросъ идетъ

---

[1]) А. Э. I № 18, 21, 23, 51; Доп. къ А. И. I № 193, 201; 1410—1453.

о давнемъ владѣніи, тоже называются старожильцами, какъ долгожившіе и за много лѣтъ помнящіе люди. Здѣсь являются старожильцами не одни только крестьяне, а всѣ. Опредѣленнаго срока старожильства и тутъ нѣтъ. Одни помнятъ за 20, другіе за 40, третьи за 50 лѣтъ и т. д. И всѣ они одинаково старожильцы.

Старожилецъ житейское наименованіе людей, находившихся болѣе или менѣе продолжительное время въ извѣстной мѣстности, а не юридическое понятіе, не институтъ права. Спросимъ теперь, какое отношеніе старожильцевъ къ тяглымъ людямъ?

Старожильцы-крестьяне—суть тяглые люди, кромѣ тѣхъ, кому дана льгота. Крестьянинъ прежде дѣлается тяглымъ, а потомъ становится старожильцемъ. Это совершенно ясно. Тяглые же у г. Дьяконова всѣ закрѣплены уже въ силу тягла. Зачѣмъ же понадобилось новое закрѣпленіе въ силу давности, да и что это за давность? Въ изслѣдованіяхъ автора много неяснаго. Ему удается осложнить и запутать самые простые вопросы и сдѣлать ихъ совершенно неразрѣшимыми. Именно это произошло съ возникновеніемъ крестьянской крѣпости — вообще, а со старожильствомъ въ особенности.

«Старожильцы, утверждаетъ авторъ, теряютъ право перехода». Почему? Читатель въ правѣ подумать, въ силу старожильства. Ничуть не бывало. Старожильство тутъ не при чемъ. Нашъ авторъ приводитъ мнѣніе проф. Владимірскаго-Буданова, высказанное по поводу 75-й статьи Псковской судной грамоты: «А старому изорнику возы вести на государя». Кіевскій профессоръ, разбирая эту статью, приходитъ къ заключенію, что одно долговременное арендованіе чужой земли ведетъ къ увеличенію обязанностей съемщика земли. «Усиленіе строгости обязательствъ наемщика земли, въ силу одной давности, говоритъ онъ, есть явленіе высокаго интереса въ юридическомъ и историческомъ отношеніяхъ». Г. Дьяконовъ, на основаніи имѣющихся у него данныхъ, пришелъ къ обратному заклю-

ченію. «Наоборотъ, утверждаетъ онъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ можно указать даже хозяйственныя привилегіи для изстаринныхъ крестьянъ и старожильцевъ» (22), и на той же страницѣ высказываетъ такое сужденіе о послѣдствіяхъ старожильства: «Мы не можемъ указать ни одного факта въ подтвержденіе мысли, что податныя обязательства съемщика земли возростали бы въ силу *одной только давности* (курсивъ оригинала), и полагаемъ, что самъ по себѣ принципъ давности не могъ бы и найти примѣненія въ договорѣ, если бы этому не содѣйствовали обстоятельства побочныя, въ родѣ, напримѣръ, хозяйственной зависимости, задолженности срочнаго арендатора собственнику земли». Кажется, на основаніи этихъ словъ мы можемъ заключить теперь, что старожильство не ведетъ къ крѣпости. Такъ это и выражено во второмъ положеніи, извлеченномъ самимъ авторомъ изъ его книги: «Наиболѣе вѣроятной причиной прикрѣпленія старожильцевъ является крестьянская задолженность». Стало быть, сколько бы лѣтъ крестьянинъ арендаторъ ни оставался на арендуемой имъ землѣ, онъ не теряетъ предоставленныхъ ему закономъ правъ свободы въ силу одного старожильства. А если такъ, то за чѣмъ было и вопросъ возбуждать о старожильствѣ, какъ основаніи прикрѣпленія? Дѣло, стало быть, не въ старожильствѣ, а въ задолженности.

Перейдемъ къ задолженности. Первый вопросъ, который здѣсь возникаетъ, есть вопросъ о связи между задолженностью и старожильствомъ, ибо они, по мнѣнію автора, въ соединеніи ведутъ къ закрѣпленію крестьянъ. Между задолженностью и старожильствомъ нѣтъ рѣшительно никакой связи. Старожилецъ можетъ и не быть должникомъ. А если онъ должникъ, какое вліяніе имѣетъ на его долгъ время жительства на землѣ кредитора? Ни малѣйшаго: сколько бы онъ ни просидѣлъ на чужой землѣ, это нисколько не мѣняетъ его обязательствъ по займу. Скажемъ болѣе: въ случаѣ неплатежа, онъ подлежитъ совершенно тѣмъ же послѣдствіямъ, какъ вновь пришедшій и даже совершенно

посторонній человѣкъ, который сидитъ на своей собственной землѣ и занялъ деньги у сосѣда.

Пока почтенный авторъ не докажетъ, что взысканіе долговъ обусловливалось сроками старожильства крестьянъ-арендаторовъ, читатель будетъ имѣть полное основаніе думать, что между старожильствомъ и задолженностью нѣтъ никакой связи.

Въ разсматриваемомъ очеркѣ авторъ этого вопроса и не касается. Перенеся всю тяжесть доказательства прикрѣпленія старожильцевъ на задолженность ихъ, авторъ не находитъ нужнымъ пояснить, какъ случилось, что у него ростовая кабала привела даже къ худшимъ послѣдствіямъ, чѣмъ служилая. По служилой кабалѣ человѣкъ терялъ свободу по жизнь господина, а по ростовой онъ сдѣлался вѣчнымъ рабомъ. Какъ же это случилось? Впервые эта смѣлая мысль была высказана проф. Ключевскимъ, но встрѣтила немало возраженій. Присоединяясь къ мнѣнію московскаго профессора, нашъ авторъ не желаетъ знать сдѣланныхъ ему возраженій. Нельзя не пожалѣть объ этомъ [1]).

Оставляя совершенно въ сторонѣ существеннѣйшій теперь для него вопросъ о задолженности, авторъ посвящаетъ еще до 50 стр. документамъ о старожильцахъ главнымъ образомъ XVII вѣка, на который изъ 50 стр. пошло 40. Послѣ признанія аввора, что причина прикрѣпленія не въ старожильствѣ, а въ задолженности, эта часть изслѣдованія теряетъ всякое значеніе въ томъ вопросѣ, о разъясненіи котораго идетъ рѣчь; а документы XVII вѣка, которымъ посвящена большая половина этой части труда, и по времени не относятся къ вопросу.

Въ обработкѣ этихъ документовъ о старожильцахъ встрѣчаемся съ тѣмъ же недоразумѣніемъ автора чисто теоретическаго свойства, на которое уже было указано. Съ одной

[1]) Въ слѣдующемъ очеркѣ, посвященномъ крестьянамъ новопорядчикамъ, авторъ снова обращается къ задолженности и ея послѣдствіямъ. Предлагаемое тамъ объясненіе ограничивается одними гаданіями и произвольными предположеніями, см. стр. 80.

стороны онъ имѣетъ статьи судебниковъ, дозволяющихъ переходъ безъ всякаго различія тяглыхъ людей, старожильцевъ и новиковъ, съ другой—грамоты отдѣльнымъ лицамъ, въ которыхъ запрещается пріемъ тяглыхъ, выходъ старожильцевъ и пр. Разнорѣчіе этихъ документовъ ставитъ почтеннаго ученаго въ большое затрудненіе. Онъ не знаетъ, въ чемъ же заключалось право: на стр. 6-й онъ усматриваетъ прямое противорѣчіе между спеціальными указами и правилами судебниковъ; на стр. 9-й тяглые люди на основаніи льготныхъ грамотъ «не пользуются у него свободой перехода даже въ границахъ правилъ Судебника»; на стр. 16-й высказывается, на этомъ основаніи, мнѣніе о неполнотѣ правилъ Судебника въ вопросѣ о крестьянскомъ выходѣ. А дѣло очень просто. Судебники—общій законъ, жалованныя грамоты—спеціальный указъ (priva lex). Спеціальный указъ отмѣняетъ дѣйствіе общаго закона для той мѣстности и лицъ, которымъ данъ. Общій же законъ дѣйствуетъ тамъ, гдѣ нѣтъ спеціальнаго указа. Такимъ образомъ, общій законъ и спеціальный указъ превосходно уживаются рядомъ. Это хорошо было извѣстно во времена Судебниковъ, они дѣйствовали тамъ, гдѣ не было особыхъ жалованныхъ грамотъ. А ученые конца XIX вѣка этого не знаютъ. Не легко понять, какъ это могло случиться.

Великій князь Василій Васильевичъ еще въ половинѣ XV вѣка далъ жалованную грамоту Троицы Сергіеву монастырю, въ которой дозволилъ игумену не выпускать крестьянъ старожильцевъ изъ села Присѣкъ съ деревнями. Это актъ прикрѣпленія крестьянъ старожильцевъ въ половинѣ XV вѣка, но только старожильцевъ, т.-е. находящихся уже на земляхъ села Присѣкъ съ деревнями, а не новиковъ; новики и послѣ этого указа могутъ садиться на земляхъ села Присѣкъ и уходить съ нихъ. Судебникъ 1497 дозволяетъ крестьянскій выходъ. Но онъ дѣйствуетъ тамъ, гдѣ нѣтъ особыхъ грамотъ, а потому старожильцы села Присѣкъ, прикрѣпленные въ половинѣ вѣка, остаются крѣпкими и послѣ Судебника. Въ 1552 году великій князь Иванъ

Васильевичъ, по жалобѣ становыхъ и волостныхъ крестьянъ Важскаго уѣзда, дозволилъ имъ возить на старыя мѣста «старыхъ ихъ тяглецовъ крестьянъ безсрочно и безпошлинно». Опять спеціальный указъ, которымъ отмѣняется для указанныхъ лицъ дѣйствіе постановленій Судебника и ничего болѣе, а г. Дьяконовъ приводитъ эти два указа и еще цѣлый рядъ имъ подобныхъ для характеристики старожильства, какъ основанія закрѣпощенія, и это послѣ того, какъ самъ отказался отъ старожильской «давности».

Что право перехода крестьянъ, предоставленное имъ Судебниками, продолжаетъ практиковаться и въ самомъ концѣ XVI вѣка, это подтверждается и писцовыми книгами, на которыя мы указали въ своемъ мѣстѣ. Спеціальные указы, сколько бы ихъ ни оказалось, отмѣняютъ это право только для тѣхъ мѣстностей и лицъ, въ пользу которыхъ даны.

Еще менѣе права имѣлъ авторъ ссылаться, въ доказательство своей мысли, на заявленія господъ-челобитчиковъ въ искахъ о возвращеніи на ихъ земли ушедшихъ крестьянъ о томъ, что они «ихъ старожильцы». Мало ли на что ссылаются челобитчики въ доказательство своихъ претензій! Неугодно ли послушать современныхъ адвокатовъ. Да и суды, вѣдь, не всегда правильно постановляютъ свои рѣшенія. Ни то, ни другое не можетъ служить основаніемъ къ заключенію, что статья царскаго Судебника перестала дѣйствовать въ самый моментъ ея изданія или, какъ думаютъ сторонники г. Дьяконова, что она была написана послѣ того, какъ право выхода перестало уже существовать для всѣхъ тяглыхъ крестьянъ [1]).

---

[1]) У С. Ѳ. Платонова читаемъ: «Коренное населеніе тяглой черной волости—крестьяне-старожильцы, застарѣвшіе на своихъ тяглыхъ жеребьяхъ, съ которыхъ они не могли уходить, не получали права выхода и отъ землевладѣльца, когда попадали въ частное обладаніе. Прикрѣпленіе къ тяглу въ самостоятельной податной общинѣ замѣнялось для нихъ прикрѣпленіемъ къ владѣльцу, за которымъ они записывались при отводѣ ему земли. Эта крѣпость старожильцевъ, выражавшаяся въ потерѣ права передвиженія, была общепризнаннымъ положеніемъ въ

Мы должны еще остановиться на четвертомъ очеркѣ г. Дьяконова, посвященномъ вопросу о бобыляхъ. Это весьма объемистый очеркъ, онъ занимаетъ болѣе 30 страницъ. На стр. 221 авторъ такъ формулируетъ суть своего

XVI вѣкѣ»... Очерки по исторіи смуты, 165. Почтенный авторъ ссылается и на Очерки г. Дьяконова и на его статью о крестьянскомъ прикрѣпленіи, появившуюся ранѣе Очерковъ, но для черныхъ волостей значительно усиливаетъ его точку зрѣнія. У него появляется тамъ самостоятельная крѣпость старожильства безъ всякой задолженности. Новыхъ доказательствъ почтенный авторъ не приводитъ. Онъ ссылается всего на одинъ документъ изъ Актовъ г. Дьяконова, вып. II № 24. Въ этомъ документѣ рѣчь идетъ о томъ, что нельзя перезывать съ тяглыхъ мѣстъ «на льготу». Выборъ сдѣланъ не очень удачно: тяглыхъ нельзя перезывать на льготу—только; запрещенія же выхода тяглыхъ—нѣтъ. О старожильцахъ то же не упоминается. Трудно понять, почему почтенный профессоръ сослался только на этотъ документъ, ничего не говорящій въ его пользу.

О прикрѣпленіи крестьянъ частныхъ землевладѣльцевъ почтенный авторъ высказываетъ самостоятельную мысль. Для нихъ прикрѣпленіе къ тяглу змѣнялось прикрѣпленіемъ къ владѣльцу, за которымъ они записывались при отводѣ ему земли. Здѣсь, значитъ, не старожильство, а записка за владѣльцемъ прикрѣпляла крестьянъ. Но что это за владѣльцы, за которыми крестьяне записывались при отводѣ имъ земли? Земли отводились помѣщикамъ. Отводъ земли помѣщикамъ встрѣчается уже въ XIV вѣкѣ. Когда же началась записка за ними крестьянъ? Къ сожалѣнію, авторъ этого не объясняетъ. Думаемъ, что подъ своей запиской онъ разумѣетъ не перечисленіе крестьянъ въ писцовыхъ книгахъ. Тогда они были бы прикрѣплены уже по первымъ писцовымъ книгамъ. Намъ извѣстна только та записка крестьянъ за владѣльцемъ, которая установлена Уложеніемъ,—но въ XVI в. такой записки не было. Да и въ XVII вѣкѣ порядныя нерѣдко замѣняли записку. Не можемъ не пожалѣть объ излишней краткости нашего почтеннаго историка. Въ 1642 году дворяне и дѣти боярскія просили царя пожаловать ихъ, велѣть «отдавать имъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ по писцовымъ книгамъ и по выписямъ безъ урочныхъ лѣтъ». Это челобитье имѣло своимъ послѣдствіемъ новый писцовый наказъ, въ которомъ говорится, что крестьяне, послѣ переписи 1646 года, будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ по переписнымъ книгамъ. Если объ этомъ надо было просить въ 1642 году, то потому, конечно, что такой крѣпости въ XVI вѣкѣ не было. Урочные годы тоже новость, они не старѣе 80-хъ годовъ XVI вѣка.

изслѣдованія: «Типичною и господствующею формою бобыльства мы считаемъ бобылей не пашенныхъ и не тяглыхъ, имѣвшихъ собственную усадебную осѣдлость». Изъ этой типичной и господствующей формы бобыльства авторъ исключаетъ бобылей, поступившихъ въ захребетники и пашенные крестьяне. Въ 3-мъ положеніи, самимъ авторомъ извлеченномъ изъ его труда, къ этому опредѣленію прибавлена новая черта: «Бобыли въ XVI вѣкѣ имѣли только усадебную осѣдлость, собственной запашки или самостоятельнаго хозяйства у нихъ не было, а потому они не включались въ разрядъ тяглыхъ людей».

Вотъ что такое бобыли.

Попытка автора—дать общее опредѣленіе бобылей, хотя бы только для одного XVI вѣка, представляется намъ задачей не выполнимой. Она потому не выполнима, что бобыли не составляли одного цѣльнаго класса людей со своими особыми признаками. Въ XVI вѣкѣ бобылями назывались и люди, которые ходили межъ дворъ и питались отъ міра, и люди, которые арендовали дворы въ господскихъ имѣніяхъ, платили за нихъ оброкъ и занимались ремеслами. Между тѣми и другими очень большое разстояніе. Въ XVII вѣкѣ виды бобыльства еще болѣе осложнились. Изслѣдователь можетъ только описать всѣ эти виды, но долженъ отказаться отъ одного общаго опредѣленія.

Авторъ даетъ намъ одно общее опредѣленіе, это «не пашенные люди, у которыхъ есть собственная усадебная осѣдлость, но собственной запашки и своего хозяйства у нихъ не было, а потому они къ тяглымъ людямъ не принадлежатъ».

Ни одинъ изъ признаковъ бобыльства, приводимыхъ въ обоихъ опредѣленіяхъ, не соотвѣтствуетъ дѣлу. У бобылей не было собственной земли, но «собственная запашка на арендуемой землѣ» у нихъ встрѣчается. У бобылей Опоцкаго монастыря была пашня, которую они пахали наѣздомъ изъ платежа оброка. Наоборотъ «собственной усадебной осѣдлости» у бобылей не было. Ихъ дворы всегда находи-

лись на владѣльческой или княжеской землѣ, а не на ихъ собственной. «Самостоятельное же хозяйство» было у очень многихъ бобылей. Дворъ съ огородомъ и выгономъ они нанимали, но вели тамъ свое особое хозяйство, занимаясь ремеслами и промыслами. Рядомъ съ такими хозяйственными бобылями были бобыли, которые бродили «межъ дворъ», а въ XVII вѣкѣ—рядились на господскіе дворы и на господскій хлѣбъ. У этихъ собственнаго хозяйства не было, а у первыхъ было.

«Бобыли не тяглые люди», утверждаетъ авторъ, но и здѣсь, какъ и въ 1-мъ очеркѣ, не опредѣляетъ, что такое тягло. Тягло было разное и лежало оно не на лицѣ, а на хозяйствѣ, на промыслѣ. Бобыли, обыкновенно, пашенной земли не снимали, а потому въ обжи и сохи не клались. Но многіе изъ нихъ вели свое хозяйство и платили подати, которыя раскладывались по ихъ животамъ и промысламъ, о чемъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ.

На связь бобылей новогородскихъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка съ поземщиками тѣхъ же книгъ XV вѣка авторъ не обратилъ вниманія. Также скрылось отъ его наблюдательности и перерожденіе юридическаго положенія бобылей; первоначально поземщики и бобыли только съемщики усадебъ, а потомъ является важная прибавка: поступленіе въ бобыли есть поступленіе на службу и нерѣдко съ пожертвованіемъ правъ личной свободы.

Обложеніе бобылей податями авторъ относитъ къ XVII вѣку, въ XVI вѣкѣ они, по его мнѣнію, люди не тяглые. Но и въ XVII вѣкѣ не всѣ бобыли тяглые. Тѣ, которые ходили «межъ дворъ» и питались отъ міра, конечно, ничего не платили, ибо у нихъ не было ни «животовъ, ни промысловъ». Да и многіе бобыли, поступавшіе въ частное услуженіе, дѣлали это, чтобы избѣжать тягла. Вопросъ о бобыляхъ гораздо сложнѣе, чѣмъ это кажется почтенному автору.

VIII

Около года тому назадъ было высказано совершенно новое мнѣніе о нашихъ льготныхъ владѣніяхъ. Они были отнесены къ разряду «тѣхъ институтовъ, которые въ своей совокупности образуютъ систему феодализма». Почтенный авторъ, высказавшій это мнѣніе, перечисляетъ институты, образующіе систему русскаго феодализма. Вотъ они: 1) патронатъ-закладничество; 2) служба бояръ и вольныхъ слугъ, ни чѣмъ не отличающаяся отъ вассалитета; 3) боярское вотчинное землевладѣніе удѣльной Руси, заключающее въ себѣ всѣ основныя черты леннаго (феодальнаго) землевладѣнія; 4) институтъ иммунитета, т.-е. судебныя и податныя льготы; 5) раздѣленіе суверенныхъ правъ между крупными землевладѣльцами удѣльной Руси, какъ и на западѣ. На основаніи подробнаго анализа этихъ институтовъ и сравненія ихъ съ соотвѣтствующими институтами феодализма, онъ «выясняетъ тожество основныхъ учрежденій удѣльной Руси и феодальнаго запада». Давно и не разъ, но безъ особаго успѣха высказывавшіяся мнѣнія о феодализмѣ въ древней Руси возродились снова. Виновникъ этого возрожденія исполненъ самыхъ лучшихъ надеждъ. Одинъ изъ своихъ трудовъ онъ начинаетъ такимъ заявленіемъ: «Мой первый опытъ сравнительнаго изученія русскаго и германскаго государственнаго строя среднихъ вѣковъ, закладничество-патронатъ, былъ встрѣченъ сочувственно критиками и рецензентами. Доказательства существованія въ удѣльной Руси патроната подъ именемъ закладничества показались довольно убѣдительными, а г. Рожковъ имѣлъ даже смѣлость заявить, что считаетъ основное положеніе моей статьи вполнѣ доказаннымъ» [1]). Не удивляемся «смѣлости» г. Рожкова, но не можемъ за нимъ слѣдовать. Мы уже имѣли случай высказаться

---

[1]) Н. П. Павловъ-Сильванскій. Феодальныя отношенія удѣльной Руси, 55 сл., 66. Иммунитетъ въ удѣльной Руси, 2.

противъ «закладничества-патроната», а теперь должны высказаться и противъ «феодальныхъ отношеній въ удѣльной Руси». Вопросъ о феодализмѣ обнимаетъ очень много предметовъ; онъ касается не только служебныхъ отношеній, но и поземельныхъ; мы же говоримъ теперь только о землевладѣніи и при томъ о землевладѣніи вообще, о землевладѣніи же служиломъ рѣчь будетъ далеко впереди. Мы не считаемъ удобнымъ выходить изъ границъ нашего труда и разбирать феодальныя отношенія во всемъ объемѣ ихъ содержанія; мы остановимся только на двухъ институтахъ, относимыхъ авторомъ къ феодализму: на патронатѣ-закладничествѣ, о чемъ была уже рѣчь въ I т. Древностей (стр. 298), и на иммунитетахъ, которыхъ намъ пришлось коснуться въ настоящей главѣ. Пункты же 2, 3 и 5 отложимъ до будущаго, которое въ руцѣ Господней.

Закладничество-патронатъ, говоритъ авторъ, есть институтъ, входящій въ систему феодализма. Неужели это вѣрно? Мы возражали противъ сближенія нашего закладничества съ тѣмъ, что Фюстель-де-Куланжъ разумѣетъ подъ институтомъ патроната; но допустимъ, что это одно и то же, и спросимъ, развѣ патронатъ, о которомъ говоритъ Фюстель-де-Куланжъ, а за нимъ и нашъ авторъ, входитъ въ учрежденіе феодализма? Что такое феодальная система, это довольно извѣстно. И понятно почему. Существуетъ множество памятниковъ, въ которыхъ сведены положенія феодальнаго права. Спорно и неясно только возникновеніе этой системы, ея исторія. Патронатъ, о которомъ идетъ рѣчь, есть, учрежденіе, предшествующее появленію на свѣтъ феодальной системы, но вовсе не входящее въ систему феодальныхъ правъ. Съ этой точки зрѣнія патронатъ изучается и Фюстель-де-Куланжемъ и другими учеными, а не какъ явленіе феодальнаго строя. Чтобы выяснить появленіе феодальной системы, западные ученые съ величайшимъ вниманіемъ останавливаются на всѣхъ явленіяхъ предшествующей исторіи, имѣющихъ хотя бы самое отдаленное сродство съ феодализмомъ. Въ вассалахъ IX вѣка они усматриваютъ тѣхъ то-

варищей (comites, comitatus) военныхъ предводителей (duces), о которыхъ говоритъ Тацитъ; сеніоръ (senior), терминъ того же времени, переноситъ ихъ вниманіе въ исторію древняго Рима, къ самому основанію римскаго сената; говоря о германскихъ бенефиціяхъ, они вспоминаютъ римскихъ солдатъ (beneficiarii), тоже получавшихъ земли, которыя назывались бенефиціями. Эти историческія сближенія имѣютъ полную цѣну, ибо выясняютъ всѣ факты, предшествовавшіе возникновенію феодализма. Но феодальная система возникла никакъ не ранѣе конца X и начала XI вѣка, а потому никто и не видитъ «институтовъ, образующихъ систему феодализма», въ тѣхъ явленіяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь у Цезаря, Тацита, Григорія Турскаго, въ варварскихъ законахъ (leges barbarorum), капитуляріяхъ Карла Великаго и другихъ памятникахъ времени, предшествовавшаго феодализму. Если бы почтенный авторъ и доказалъ, что наше закладничество есть то же, что патронатъ, онъ этимъ еще не доказалъ бы наличности феодализма въ удѣльной Руси.

То же надо сказать и объ иммунитетахъ или льготныхъ владѣніяхъ. Что наши льготныя владѣнія и западные иммунитеты суть учрежденія однородныя, это давно извѣстно. Мы видѣли студенческія лекціи еще прошлаго вѣка, въ которыхъ наши льготныя владѣнія называются иммунитетами. Но входятъ ли иммунитеты въ систему феодальныхъ учрежденій? Ни однимъ волоскомъ. Что такое иммунитеты? Это освобожденіе отъ суда королевскихъ чиновниковъ и отъ даней, слѣдуемыхъ королю, жалуемое королемъ. Иммунитеты, слѣдовательно, предполагаютъ дѣйствіе королевской власти на всѣхъ подданныхъ, которые платятъ ей повинности и состоятъ подъ судомъ ея чиновниковъ. Въ періодъ феодализма были ли у королей такіе подданные? Такіе подданные у королей были только въ предѣлахъ королевскихъ доменовъ, а не во всемъ государствѣ. Государственный суверенитетъ былъ тогда подѣленъ между королемъ и его вассалами. Королю не шло никакихъ доходовъ съ земель его вассаловъ; судъ же не составлялъ права одного короля,

а дѣлился между нимъ и герцогами, графами, виконтами, епископами, и мелкими феодалами, которые, однако, не были его чиновниками и не были имъ пожалованы правомъ суда и податей. Они узурпировали это право. Королямъ при феодализмѣ не до того было, чтобы жаловать кому-нибудь льготы. Наоборотъ, задача политики королевской состояла тогда въ ограниченіи тѣхъ правъ, которыя захватили въ свои руки феодалы въ періодъ упадка королевской власти. Отношеніе феодаловъ и льготчиковъ къ королевской власти ничего не имѣетъ между собой общаго. Пожалованіе льготъ есть милость и ни къ чему не обязываетъ жалуемаго. Если это духовное учрежденіе, пожалованіе дѣлается ради имени Господа и спасенія души жалователя; если это свѣтское лицо, оно жалуется за какія либо оказанныя имъ заслуги. Феодалы, наоборотъ, состоятъ въ обязательственныхъ отношеніяхъ къ своему непосредственному сюзерену: они обязаны оказывать ему военную помощь; они его слуги на основаніи феодальнаго контракта, а льготчикъ можетъ быть освобожденъ и отъ военной повинности. Феодалы дѣлаютъ своему сюзерену въ извѣстныхъ случаяхъ и денежныя пособія, а льготчикъ освобождается отъ всякихъ повинностей. Итакъ, иммунитетное право совершенно не укладывается въ рамки феодальной системы. Какое же ихъ отношеніе? Это отношеніе предшествующаго къ послѣдующему. Иммунитеты существуютъ уже при Меровингахъ. Привилегіи, которыя давались льготчикамъ, предварили тѣ права, которыя узурпировали феодалы. Тутъ есть несомнѣнная историческая связь; но иммунитеты не входятъ въ систему феодализма, они не составляютъ «учрежденія феодальной системы».

Итакъ, патронатъ, иммунитеты и многое другое, о чемъ говоритъ почтенный авторъ, напримѣръ, институтъ коммендаціи и мундебурдія, все это явленія, предшествующія феодализму, а не самый феодализмъ. Авторъ разбираемаго нами сочиненія не говоритъ, однако, о самомъ главномъ предвѣстникѣ феодализма—о наслѣдственности должностей.

Почему это? Недоумѣваемъ. Этотъ предвѣстникъ былъ вѣдь и у насъ, хотя въ очень слабой степени, на что давно было указано. У насъ, слѣдовательно, были, по крайней мѣрѣ, два предвѣстника феодализма: иммунитеты и наслѣдственность должностей; но послѣдній въ такихъ минимальныхъ дозахъ, что и самъ сторонникъ феодализма въ удѣльной Руси ихъ не замѣтилъ.

Предвѣстники были, а былъ феодализмъ? Почтенный авторъ утверждаетъ, что былъ. «Выясняя тожество основныхъ учрежденій удѣльной Руси и феодальнаго запада, я отмѣтилъ, говоритъ онъ, въ своемъ мѣстѣ и нѣкоторыя черты различія». Итакъ, феодализмъ у насъ былъ; удѣльная Русь представляетъ тожество съ феодальными учрежденіями запада. И время сходится. На западѣ полный цвѣтъ феодализма наблюдается съ конца X и начала XI в. до XIV; у насъ, по словамъ Н. П. Павлова-Сильванскаго, съ XII до XV. Если принять мнѣніе автора, получится картина совершенно непонятнаго рисунка. Мы должны признать положеніе, выработанное западной наукой, о томъ, что возникновеніе феодализма обусловлено нѣкоторыми предшествующими явленіями. На западѣ ихъ довольно много. Это будутъ: патронатъ, сеніоратъ, вассалитетъ, коммендація, иммунитетъ, наслѣдственность должностей и пр. У насъ, по утвержденію автора, феодализмъ проявился въ закладничествѣ и иммунитетахъ (мы теперь воздерживаемся отъ разбора его остальныхъ признаковъ феодализма). На западѣ всѣ предвѣстники феодализма, съ появленіемъ его на свѣтъ Божій, были имъ переработаны и въ древней своей формѣ не удержались. Это совершенно естественно и понятно и иначе и быть не могло. А у насъ? Совершенно наоборотъ, никакого перерожденія не совершилось. Иммунитеты существуютъ въ XV, XVI и XVII вѣкѣ, закладничество тоже проходитъ чрезъ всю древнюю исторію, до самого Петра. Какъ же это? Явленія, признанныя западной наукой предшествующими, у насъ оказываются и предшествующими и сопутствующими и послѣдующими! Другіе факты также

представляютъ необычайную для феодализма картину. Всеобщая воинская повинность, которая существовала при Меровингахъ, Карлѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ, въ феодальную эпоху совершенно перерождается; то же надо сказать и о податной повинности. А у насъ? Всеобщая воинская и податная повинность существуютъ въ удѣльное время, несмотря на феодализмъ; иммунитеты продолжаютъ существовать до XVII вѣка включительно. Все это никакъ не укладывается въ гипотезу о господствѣ феодализма въ удѣльной Руси. Такихъ фактовъ, непримиримыхъ съ гипотезой о господствѣ у насъ феодализма, чрезвычайно много. Приведемъ еще два. Въ эпоху феодализма королю не принадлежалъ судъ во всемъ королевствѣ. А у насъ пространная Русская Правда; по автору, памятникъ эпохи полнаго развитія у насъ феодализма, знаетъ только княжескій судъ. Двинская уставная грамота 1397 года, то же время феодализма, дана на имя двинскихъ бояръ и всѣхъ черныхъ людей. Въ грамотѣ говорится, что бояре также, какъ и черные люди, подлежатъ суду государева намѣстника и будутъ судиться имъ на основаніи однихъ и тѣхъ же правилъ. Какъ это согласить съ утвержденіемъ автора о томъ, что наши бояре удѣльнаго времени то же, что западные феодалы? Возможна такая грамота феодальнымъ герцогамъ, графамъ, виконтамъ и баронамъ? Рисунокъ русскаго феодализма у автора очень смутенъ. Феодализмъ на западѣ произвелъ такое глубокое перерожденіе всего общественнаго быта, слѣды котораго сохранились чуть не до нашихъ дней; русскій же феодализмъ не оставилъ по себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ, а предшествовавшія ему явленія, иммунитеты и излюбленные авторомъ закладчики, сохранились до XVII вѣка! Картина совсѣмъ несообразная съ подмѣченнымъ ходомъ европейской исторіи.

Всѣ эти неясности и несообразности легко исчезнутъ и прояснятся, если мы отбросимъ гипотезу о феодализмѣ удѣльной Руси и скажемъ: у насъ были нѣкоторые предвѣстники феодализма, но очень слабые; феодализма же не

развилось, а потому предвѣстники прошли чрезъ всю нашу исторію и живы еще въ XVII вѣкѣ. Такое заключеніе будетъ совершенно соотвѣтствовать наблюдаемой послѣдовательности фактовъ нашей исторіи. Предшествующія феодализма были у насъ слишкомъ слабы, чтобы произвести тѣ же послѣдствія, какія произошли на западѣ, а центральная власть въ нашихъ княжествахъ никогда не падала такъ низко, какъ она упала въ государствахъ, образовавшихся на развалинахъ имперіи Карла Великаго. Изъ всѣхъ предшествующихъ у насъ значительнаго развитія достигали одни иммунитеты; но мы видѣли, какъ они были разнообразны и до какого минимума доходили: всѣ пожалованныя права ограничивались иногда предоставленіемъ льготчику права суда надъ пришлыми крестьянами и то за исключеніемъ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ; а въ повинностяхъ онъ не пользовался никакими льготами. Важнѣйшее предшествующее, разложившее имперію Карла Великаго на отдѣльныя, почти независимыя части, наслѣдственность должностей герцоговъ, графовъ, виконтовъ и т. д.,—у насъ не имѣло ни малѣйшаго значенія.

Несмотря на весь трудъ, потраченный авторомъ феодальныхъ отношеній въ удѣльной Руси, на все сочувствіе къ нему гг. критиковъ и рецензентовъ и даже на всю «смѣлость» г. Рожкова, теченіе русской исторіи остается въ своемъ прежнемъ руслѣ. О его боярахъ—русскихъ феодалахъ и ихъ вотчинахъ—русскихъ феодахъ мы будемъ говорить при первомъ удобномъ случаѣ; тожество нашей вольной службы со службой феодаловъ и боярскихъ вотчинъ съ феодами такое же крупное недоразумѣніе, какъ и причисленіе патроната и иммунитетовъ къ системѣ феодальныхъ учрежденій.

IX

Въ концѣ 1900 года вышло въ свѣтъ изслѣдованіе г. Н. Рожкова о сельскомъ хозяйствѣ Московской Руси. Авторъ проявилъ необыкновенное трудолюбіе. Онъ не ограничился однимъ печатнымъ матеріаломъ: «главной основой его труда служатъ неизданные источники». Черезъ его руки прошло такое множество архивнаго матеріала, что издать его въ приложеніи къ своему труду, въ видѣ оправдательныхъ документовъ, онъ нашелъ «совершенно невозможнымъ». Къ обработкѣ архивныхъ документовъ онъ въ широкой мѣрѣ примѣняетъ статистическій пріемъ и обогащаетъ свой трудъ множествомъ таблицъ съ вычисленіемъ среднихъ цифръ разныхъ экономическихъ явленій, напримѣръ, размѣровъ крестьянской запашки и пр. Эти выдающіяся особенности новаго труда вызываютъ на многія размышленія. Въ интересахъ науки и послѣдователей г. Рожкова, число которыхъ весьма значительно, мы считаемъ необходимымъ остановиться на его трудѣ, такъ близко соприкасающемся съ содержаніемъ нашей третьей главы.

Кромѣ богатыхъ ссылокъ на архивный матеріалъ, другую особенность труда г. Рожкова представляютъ и самые пріемы изслѣдованія. Онъ не довольствуется обыкновенными способами изслѣдованія, онъ стремится достигнуть болѣе точныхъ результатовъ и выражаетъ свои выводы въ цифрахъ. Ему мало указать на нѣсколькихъ примѣрахъ, каковы были, напримѣръ, размѣры господскихъ запашекъ, онъ желаетъ опредѣлить ихъ «абсолютные и относительные размѣры»; для крестьянскихъ запашекъ онъ отыскиваетъ среднія величины, сравниваетъ ихъ измѣненія въ теченіи вѣка и дѣлаетъ на этомъ основаніи заключенія о движеніи крестьянскаго благосостоянія. Эти выводы, выраженные въ цифрахъ, могутъ быть приняты (и уже приняты) за совершенно точные. Посмотримъ на нихъ ближе.

Въ самомъ началѣ главы, посвященной формамъ и раз-

мѣрамъ сельско-хозяйственнаго производства, читаемъ: «Первый вопросъ, подлежащій нашему рѣшенію, это вопросъ о томъ, существовала ли барская пашня и, если существовала, то каковы были ея относительные и абсолютные размѣры»? Чтобы отвѣтить на поставленный авторомъ вопросъ, надо знать, сколько у извѣстнаго владѣльца было земель вотчинныхъ и помѣстныхъ, и сколько изъ этого числа пахалъ онъ на себя и сколько отдавалъ въ аренду крестьянамъ. Имѣетъ г. Н. Рожковъ эти данные хотя бы о 20 владѣльцахъ XVI вѣка? Онъ не имѣетъ ни одного такого извѣстія. Какъ же рѣшать при отсутствіи данныхъ поставленный авторомъ вопросъ? Онъ ограничивается приведеніемъ нѣсколькихъ отрывочныхъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ имѣніяхъ, въ которыхъ упоминаются господскія запашки (129—130). Вопросъ поставленъ, а отвѣта авторъ не даетъ. Это насъ нисколько не удивляетъ. Мы и не ждали отвѣта, потому что для него нѣтъ данныхъ. Мы даже сомнѣваемся въ возможности когда либо собрать такія свѣдѣнія для XVI вѣка. Ихъ надо было бы искать въ частныхъ архивахъ. А есть у насъ такіе архивы съ полными свѣдѣніями о томъ, сколько владѣльцу принадлежало земель въ XVI вѣкѣ и какъ онъ ими пользовался? Въ писцовыхъ книгахъ, которыя были въ рукахъ автора, опись ведется по мѣстностямъ, а не по владѣльцамъ, и выписать изъ нихъ всѣ владѣнія извѣстныхъ отдѣльныхъ лицъ, при современномъ состояніи архивовъ, вещь невозможная. Авторъ такихъ выписокъ и не сдѣлалъ. Итакъ, «первый вопросъ, подлежащій нашему разрѣшенію», есть вопросъ неразрѣшимый; его и ставить не слѣдовало.

Двѣ страницы далѣе авторъ переходитъ къ вопросу о хозяйскихъ запашкахъ на монастырскихъ земляхъ и утверждаетъ, что «по мѣрѣ приближенія къ концу вѣка вездѣ заводится рѣдко гдѣ существовавшая раньше монастырская пашня. Это показываетъ, говоритъ онъ въ заключеніе, таблица на стр. 134—7». Утвержденіе чрезвычайно рѣшительное, но мало точное: вездѣ заводится монастырская

пашня, утверждаетъ авторъ. Но что же это значитъ? Каждымъ монастыремъ въ одномъ изъ своихъ владѣній или въ каждомъ владѣніи монастырскомъ возникаетъ хозяйская запашка? Это неизвѣстно, и авторъ не чувствуетъ нималѣйшей потребности это пояснить. Обращаемся къ таблицѣ.

Нелегкое дѣло доказать, что «рѣдко гдѣ существовавшая въ началѣ вѣка монастырская пашня въ концѣ его появляется вездѣ». Для этого надо сравнить количество монастырской запашки, если не во всѣхъ монастырскихъ имѣніяхъ, то въ значительномъ ихъ числѣ въ началѣ и концѣ вѣка: такое сравненіе и покажетъ возникновеніе монастырской запашки тамъ, гдѣ ея прежде не было, а слѣдовалельно и оправдаетъ заключеніе автора. Но можно ли сдѣтать такое сравненіе? По печатному матеріалу—нѣтъ, его слишкомъ мало. Въ архивахъ, можетъ быть, есть такой матеріалъ, онъ не попалъ, однако, въ руки автора. Г. Н. Рожковъ составилъ таблицу, но она ровно ничего не доказываетъ. Авторъ приводитъ свѣдѣнія о 46 монастырскихъ вотчинахъ съ показаніемъ, сколько было въ каждой изъ нихъ крестьянской и монастырской пашни, и съ вычисленіемъ процентнаго отношенія. Описи этихъ вотчинъ дѣлались въ періодъ времени отъ 1558 года по 1598 г., но это все вотчины разныхъ монастырей и разныя вотчины. Если бы мы имѣли описаніе одной и той же вотчины въ 1558 и 1598 году, и если бы въ первомъ описаніи не было указано монастырской запашки, а во второмъ было, мы могли бы сдѣлать заключеніе, что она распространяется. Въ таблицѣ же автора нѣтъ ни одного повтореннаго описанія той же вотчины; у него собраны описанія все разныхъ вотчинъ. Такая таблица ровно ничего не доказываетъ. Изъ того, что въ нѣкоторой вотчинѣ, по описи конца вѣка, было 12 и болѣе % монастырской запашки, вовсе не слѣдуетъ, что въ этой вотчинѣ не было монастырской запашки въ 1550 году или, что она была меньше. Авторъ употребилъ не мало времени на составленіе своей таблицы и совершенно напрасно. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, а еще

больше будемъ жалѣть, если его таблица войдетъ въ ученый оборотъ.

Мы можемъ пополнить таблицу автора по печатному матеріалу. У него самый большой процентъ монастырская запашка дала въ вотчинѣ Троицы-Сергіева монастыря по описи 1592—93 года,—она составляла 29,5°/₀ крестьянской запашки. У Златоустовскаго монастыря, по напечатанной описи 1573 года, въ сельцѣ Разсудовскомъ, монастырской пашни было 10 четей, а крестьянской—12; а у Чудова монастыря, въ селѣ Борисовскомъ, по той же описи, было монастырской запашки 118 четей, а крестьянской—24. Въ первомъ случаѣ монастырская пашня составляетъ 80°/₀ крестьянской, а во второмъ болѣе 400°/₀. Если бы мы слѣдовали ученымъ пріемамъ автора, мы должны были бы сдѣлать заключеніе, что съ 70-хъ годовъ XVI вѣка къ концу вѣка размѣры монастырской запашки чрезвычайно падаютъ

Такое же значеніе имѣетъ и другая таблица, въ которой авторъ выводитъ среднее количество земли на дворъ и на одного рабочаго крестьянина въ центральныхъ мѣстностяхъ Москвы. А между тѣмъ авторъ дѣлаетъ на основаніи этой таблицы очень серьезныя заключенія. Вотъ они: «Просматривая цифры этой таблицы,—говоритъ онъ,—легко замѣтить съ 70-хъ годовъ XVI вѣка значительное уменьшеніе средней запашки на крестьянскій дворъ и на земледѣльческаго рабочаго: тогда какъ до этого времени такая запашка очень часто приближалась къ нормальной величинѣ выти, нерѣдко даже значительно превышала ее и чрезвычайно рѣдко спускалась ниже 7 четей на дворъ; съ 70-хъ годовъ 7 четей на дворъ встрѣчается только одинъ разъ, въ остальныхъ же случаяхъ средніе размѣры пашни на дворъ и рабочаго чрезвычайно низки. Это наблюденіе имѣетъ большую цѣнность (собственныя слова автора): онъ показываетъ, что параллельно регрессу въ системѣ земледѣлія шло и сокращеніе крестьянской запашки на дворъ, т.-е. крестьянинъ центральной Руси дѣлался маломощнѣе въ хозяйственномъ отношеніи, сильно разорялся» 146.

Обратимся къ таблицѣ, имѣющей по скромному признанію самого автора «большую цѣнность». За исключеніемъ 7 вотчинъ, это тѣ же вотчины, которыя приведены и въ предшествующей таблицѣ. Для сравненія взято тоже 46 монастырскихъ имѣній; изъ нихъ 19 описаны до роковаго 70 года, а остальныя послѣ. Самая старая опись сдѣлана въ 1556 году, такая одна, большинство описаны въ 1562—63, такихъ 15; послѣ 70 года большинство описано въ 1592—93, такихъ 20. И здѣсь ни одно имѣніе не повторяется, это все разныя имѣнія. Собственно для сравненія берется 19 вотчинъ, описанныхъ до 1570 года, преимущественно въ 1562—63, и 27—описанныхъ послѣ 70, преимущественно же въ 1592—93. Спрашивается, въ вотчинахъ, въ которыхъ по описи 1563 года оказалось по 7 четей и болѣе на работника, сколько было въ концѣ вѣка? Этого никто не знаетъ, такъ какъ описей конца вѣка для этихъ вотчинъ у автора нѣтъ. То же надо сказать и о тѣхъ вотчинахъ, которыя описаны послѣ 70 года. Мы знаемъ, сколько тамъ приходится на работника въ 1592—93 году, но не знаемъ, сколько приходилось въ 1562—63. Можетъ быть, среднее было то же, а можетъ быть и еще меньше.

Для доказательства мысли автора ему надо было бы взять все крестьянское населеніе въ началѣ и концѣ вѣка, опредѣлить среднее на работника въ эти два срока и сравнить. При такомъ пріемѣ дѣйствительно получились бы данныя, на основаніи которыхъ можно было бы сдѣлать заключеніе объ увеличеніи или объ уменьшеніи крестьянскихъ участковъ. Но такой статистики для XVI вѣка не существуетъ, авторъ ее не создалъ; онъ беретъ случайно попавшія ему подъ руку 19 вотчинъ съ населеніемъ въ 4.900 рабочихъ и сравниваетъ ихъ съ другими 27-ю вотчирами съ населеніемъ въ 9.800 рабочихъ, и отсюда дѣлаетъ заключеніе обо всемъ населеніи центральныхъ областей Московскаго государства. На основаніи такого сравненія нельзя сдѣлать никакихъ заключеній объ измѣненіяхъ въ хозяйственномъ положеніи крестьянъ.

Такихъ таблицъ у автора много. Остановимся еще на одной, помѣщенной на стр. 68—69. Значеніе этой таблицы авторъ объясняетъ такъ: «Она наглядно показываетъ, какъ все болѣе и болѣе ухудшалась система полевого хозяйства на территоріи этихъ уѣздовъ. При внимательномъ просмотрѣ таблицы не трудно убѣдиться, что во-первыхъ, въ большинствѣ названныхъ уѣздовъ съ замѣчательной правильностью паровая зерновая система, господствовавшая въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка, смѣняется къ концу столѣтія переложной системой; во-вторыхъ, по мѣрѣ перехода къ переложной системѣ земледѣлія, вездѣ появляется пашня, паханая наѣздомъ: нарушается, слѣдовательно, и сѣвооборотъ».

Результаты таблицы чрезвычайно серьезные; ею доказывается обратное движеніе сельскаго хозяйства, паровая система замѣняется переложной. Посмотримъ въ таблицу. Въ доказательство того, что чрезвычайно важные выводы автора вѣрны для Рузскаго уѣзда, таблица приводитъ четыре вотчины разныхъ монастырей. Три изъ нихъ описаны въ шестидесятыхъ годахъ, одна въ 1593. Пашни наѣздомъ нѣтъ нигдѣ, перелогъ есть во всѣхъ, но всего болѣе въ послѣдней вотчинѣ. На этомъ основаніи дѣлается важный выводъ для Рузскаго уѣзда. Таковы же основанія въ пользу того же важнаго вывода и для другихъ уѣздовъ. Авторъ и не подозрѣваетъ, что собственно надо было бы сдѣлать для того, чтобы доказать его тезисы. Чтобы доказать переходъ отъ паровой зерновой системы къ переложной, надо было взять всѣ земли уѣзда и опредѣлить въ нихъ количество земель обработываемыхъ тѣмъ и другимъ способомъ въ шестидесятыхъ годахъ и въ концѣ вѣка. Только такое сравненіе оправдало бы выводъ автора. Оно, конечно, невозможно: такой статистики нѣтъ для XVI вѣка. Чтобы хотя нѣсколько приблизиться къ выводу, чтобы сдѣлать его хотя вѣроятнымъ, надо было взять рядъ имѣній, по возможности большой, опредѣлить въ нихъ количество земли, обработываемой тѣмъ и другимъ способомъ въ шестидесятыхъ го-

дахъ и въ концѣ вѣка. Если бы оказалось, что система паровая зерновая въ **этихъ имѣніяхъ** къ концу вѣка замѣняется переложной, авторъ могъ бы сослаться на такую таблицу. Составленная же имъ таблица ровно ничего не доказываетъ, кромѣ полной его неопытности по части статистическихъ выкладокъ, совершенно, впрочемъ, извинительной, ибо изученіе статистики для общихъ историковъ въ нашихъ университетахъ также не обязательно, какъ и ознакомленіе съ элементарными понятіями права.

Отъ статистики автора перейдемъ къ источникамъ, которыми онъ пользовался. Большинство этихъ источниковъ онъ видѣлъ одинъ. Почтенный авторъ хорошо понимаетъ, что это не очень успокоительно для читателя. Источники для историка то же, что природа для натуралиста, ихъ надо имѣть въ рукахъ и на глазахъ. Сослаться на то, что они лежатъ тамъ-то, этого очень мало. Ихъ надо положить передъ читателемъ. Это потому, что errare humanum est. Снисходительный къ нашему труду читатель, имѣвшій терпѣніе прочитать все, что мы написали, не разъ видѣлъ, какъ ученые читаютъ въ источникѣ не то, что тамъ написано. Почтенный авторъ старается успокоить читателя указаніемъ на то, что архивы доступны для всѣхъ и это облегчаетъ провѣрку. Спорить не будемъ, но въ Москву не поѣдемъ, а обратимся къ болѣе легкому способу провѣрки, насколько авторъ правильно читаетъ источники: къ сличенію его ссылокъ на печатные ичточники съ тѣмъ, что въ нихъ напечатано.

Таблица, которая привела автора къ вышеуказаннымъ наблюденіямъ, имѣющимъ «большую цѣнность» (148—151), ссылается на вотчины Троицы-Сергіева монастыря въ Дмитровскомъ уѣздѣ по описи 1592—93 года. По счету автора въ этихъ волостяхъ было крестьянской пашни 3.207,1 четверти. Чрезвычайно точный счетъ, даже 0,1 доля четверти не забыта. Въ источникѣ же написано: «И всего въ Дмитровскомъ уѣздѣ Троецкихъ вотчинъ... крестьянскія паханыя сер. земли 947 чети безъ третника, да крестьянскія же худыя земли 2.917 чети съ третникомъ, да наемныя па-

ханыя сред. земли 27 чети безъ третника, да наемныя же паханыя худ. земли 360 чети безъ полутретника». Такимъ образомъ, съ наемной землей крестьяне пахали 4.241 четь, на цѣлую почти треть болѣе того, что насчиталъ авторъ.

Тамъ же приведены вотчины того же монастыря въ Рузскомъ уѣздѣ по описи того же года. У автора въ этихъ вотчинахъ крестьянской земли показано 268 четей. Въ описи читаемъ: «И всего... пашни паханыя сер. земли 28 четьи, да пашни же паханыя худ. земли—287 четьи, да наѣзжія пашни худ. земли 12 четьи безъ третника, да перелогу и лѣсомъ поросло худ. земли 1.255 четьи безъ третника, лѣсу пашеннаго 2 десятины». Въ итогѣ безъ перелогу получится—329 четей, на 61 четь болѣе, чѣмъ у автора.

Тамъ же приведены вотчины того же монастыря въ Старицкомъ уѣздѣ. По счету автора въ нихъ 589,5 четей, Удивительная точность, не забыты—0,5! Въ описи же читаемъ: «И всего... крестьянской пашни паханой сер. земли 610 чети, да перелогу пашни 232 чети, да лѣсомъ поросло 232 чети съ осминой, лѣсу пашеннаго 49 дес., да непашеннаго лѣсу 32 дес.». Подводя итогъ пашенной земли, получимъ 891 четь вмѣсто 589, указанныхъ г. Н. Рожковымъ.

Тамъ же далѣе приведены вотчины того же монастыря въ Углицкомъ уѣздѣ. По автору тамъ было 1.566 четей крестьянской земли. Въ описи читаемъ: «...да служни и крестьянскія пашни 1.409 четьи, да пашни же паханыя наѣздомъ изъ найму 71 четь, да перелогу пашни 991 четь, да пашни же лѣсомъ поросло 516 четьи, да пашни же паханыя худ. земли—131 четь, да перелогу 70 четьи, да лѣсомъ поросло 42 четьи, а всего четвертныя пашни, и перелогу, и что лѣсомъ поросло сер. земли 3.297 чет. да худ. земли 243 чети». Итогъ писца не очень точенъ; мы сдѣлаемъ свой и не введемъ въ него пашни, поросшей лѣсомъ; за этимъ исключеніемъ получимъ пашни съ наѣзжей и съ перелогомъ 2.672 четьи противъ 1.566 четей автора. Опять разница очень значительная. Но этимъ не исчерпываются особенности итоговъ автора. Количество пашни показы-

вается у него иногда менѣе дѣйствительнаго, а число рабочихъ болѣе. Въ разсматриваемыхъ вотчинахъ у него показано крестьянскихъ дворовъ: 515, а работниковъ 629, въ оригиналѣ же читаемъ: «6 дворовъ служнихъ, 477 двор. крестьянскихъ, а людей въ нихъ 589 человѣкъ». Все другое: всѣхъ дворовъ 483, а людей 589. Если предположить, что писецъ позабылъ показать населеніе служнихъ дворовъ, то придется на 6 дворовъ много-много прибавить 12 работниковъ и получится 601 работникъ, а не 623.

Вотъ на какихъ данныхъ основаны «имѣющіе большую цѣнность» выводы автора [1]).

А печатные источники, бывшіе у него въ рукахъ, дѣйствительно имѣютъ большую цѣнность. Съ итогами послѣдней описи въ нихъ сравниваются иногда итоги описи предшествующей и указывается убыль и прибыль населенія, а также и перемѣны въ количествѣ пашенной земли. Этими свѣдѣніями авторъ не заблагоразсудилъ воспользоваться, а они освѣщаютъ дѣло гораздо болѣе его изысканій и таблицъ.

Въ концѣ описи вотчинъ Троицы-Сергіева монастыря сказано, что въ 1592—93 году изъ пуста въ живущее прибыло пашни 338 четей противъ описи 1586 года. Къ сожалѣнію, писецъ не говоритъ объ измѣненіи въ количествѣ населенія; но судя потому, что число деревень осталось то же, можно думать, что прибавка пашни выпала, хотя отчасти, и на долю прежняго населенія. Здѣсь получается, такимъ образомъ, къ концу вѣка увеличеніе крестьянской запашки.

Въ концѣ описи вотчинъ того же монастыря по Углицкому уѣзду находимъ указаніе на то, что въ 1592—93 году, сравнительно съ 1575, произошла, наоборотъ, убыль четвертной пашни на 229 четвертей. Но эта убыль явилась вслѣдствіе ухода нѣкоторой части крестьянъ въ другія мѣста,

---

[1]) Мы брали наши цифры со страницъ, указанныхъ самимъ г. Н. Рожковымъ. Ему слѣдовало бы объяснить, отчего его итоги расходятся съ напечатанными, но онъ этого не сдѣлалъ: мы не нашли такого объясненія въ составленныхъ имъ таблицахъ.

почему ихъ деревни и починки запустѣли и лѣсомъ поросли. Количество же земли, приходящейся на остальныхъ крестьянъ, отъ этой убыли нисколько не уменьшилось. Итакъ. возможно уменьшеніе площади пахотной земли въ извѣстныхъ вотчинахъ безъ малѣйшаго уменьшенія размѣровъ крестьянскихъ участковъ. Такъ далеки «имѣющіе большую цѣнность» выводы автора отъ дѣйствительности.

На 166 стр. авторъ говоритъ о складникахъ. Онъ присоединяется къ мнѣнію г-жи А. Ефименко, но дѣлаетъ ссылки на новые документы. Въ актахъ Холмогорской епархіи напечатанъ документъ о распредѣленіи работъ по поставкѣ стѣнной ограды въ Скрылевѣ. Издатель актовъ такъ его и озаглавилъ: «Память о томъ, кому и сколько дѣлать стѣннаго огорода въ Скрылевѣ». Нашъ авторъ видитъ въ этомъ документѣ «дѣльную память на пашни», а въ немъ дѣло идетъ о постройкѣ стѣнной ограды! Не легко и печатные-то документы читать [1]).

Если возможна такая свобода выписокъ изъ печатныхъ матеріаловъ, то что происходитъ при пользованіи рукописнымъ?

Не отрицаемъ пользы архивныхъ работъ. Но къ нимъ надо обращаться уже послѣ того, какъ исчерпано содержаніе относящихся къ вопросу печатныхъ матеріаловъ. Г. Н. Рожковъ пошолъ въ архивы немножко преждевременно. Для него есть много неизвѣданнаго и въ печатныхъ книгахъ, и не въ одних писцовыхъ, пониманіе которыхъ требуетъ нѣкоторой подготовки.

---

[1]) Русск. Ист. Библ. XIV, № A. LXVIII. Этому документу очень посчастливилось въ нашей ученой литературѣ. Обратилъ на него вниманіе и г. Лаппо-Данилевскій и тоже ссылается на него въ доказательство того, что «складники иногда уравнивались при дѣлежѣ». Критич. замѣтки 27. У него идетъ здѣсь рѣчь о дѣлежѣ поземельной собственности складниковъ!

X

Въ концѣ текущаго 1902 года появилось въ свѣтъ сочиненіе г. Дебольскаго о гражданской дѣеспособности по русскому праву до конца XVII вѣка. Для отвѣта на тему, поставленную въ заголовкѣ книги, авторъ нашолъ нужнымъ перебрать всѣ разряды населенія древней Руси, выясняя ихъ права и обязанности. Между новой книгой и моими изслѣдованіями оказалось множество точекъ соприкосновенія. Книга г. Дебольскаго, написанная съ большимъ знаніемъ источниковъ и литературы, испещрена ссылками и на мои Древности и Лекціи и изслѣдованія. Несмотря на такое вниманіе, оказанное мнѣ молодымъ ученымъ, я не могу войти въ разборъ всего содержанія его труда: это увлекло бы меня далеко за предѣлы настоящаго тома древностей. Я ограничусь двумя-тремя замѣчаніями по вопросамъ, непосредственно касающимся содержанія этого (III) тома или имѣющимъ общее научное значеніе.

Г. Дебольскій выступаетъ горячимъ сторонникомъ «союзнаго строя въ древнемъ обществѣ». По его мнѣнію, «въ древній періодъ русской исторіи отдѣльное лицо пользовалось правомъ не какъ гражданинъ и человѣкъ, а какъ членъ даннаго родового, племеннаго или общиннаго союза» (5). Авторъ затрогиваетъ, такимъ образомъ, чрезвычайно живую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень спорную тему, которая одна могла бы быть предметомъ цѣлаго изслѣдованія. Авторъ удѣляетъ ей двѣ—три страницы. Этого, пожалуй, было бы и много, если бы дѣло шло только о заявленіи своего сочувствія древнему союзному строю. Но авторъ входитъ въ самую суть дѣла и приводитъ доказательства союзнаго строя русскаго общества въ періодъ Русской Правды. Это уже рѣшеніе вопроса, а не одно платоническое сочувствіе.

«Русская Правда, говоритъ онъ, въ древнѣйшемъ спискѣ

ставитъ условіемъ, чтобы вопросъ о сдѣлкѣ и ея эффектѣ рѣшался 12-ю послухами. Институты схода и гоненія слѣда, по тому же памятнику, суть такое же привлеченіе сочленовъ союза къ дѣлу суда и слѣдствія» (4). Что 12 послуховъ суть члены нѣкотораго союза, родоваго или общиннаго, и находятся въ союзныхъ отношеніяхъ къ истцу и отвѣтчику, это надо было бы доказать; авторъ этого не дѣлаетъ и докажетъ ли онъ это когда нибудь, это находится подъ большимъ сомнѣніемъ. Доказать же, что сходъ и гоненіе слѣда являютъ «привлеченіе сочленовъ союза (какого?) къ дѣлу суда и слѣдствія»—никто и никогда не можетъ. Кто 12 послуховъ, это не ясно, а потому и можетъ быть предметомъ самыхъ разнообразныхъ догадокъ; но что сводъ и гоненіе слѣда ничего не заключаютъ въ себѣ союзнаго, это совершенно ясно и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

На слѣдующей страницѣ въ доказательство союзнаго строя авторъ приводитъ мнѣніе Калачова, Аксакова и мое объ изгояхъ, а затѣмъ вотъ что говоритъ отъ себя: «Изгои оказываются такъ чужды всѣмъ, что даже не имѣютъ мстителя за себя. Тяжесть положенія ихъ такими словами рисуется современнымъ духовнымъ писателемъ: «И се паки горѣе всего емлющимъ изгойство на искупающихся отъ работы: не имутъ бо видѣти милости, не помиловавше равно себѣ созданнаго рукою Божіею человѣка».

Мнѣніе автора, что изгои не имѣютъ за себя мстителя, очень сомнительно. Русская Правда, на которую онъ ссылается, этого не говоритъ. За убійство изгоя она назначаетъ то же наказаніе, какъ и за убійство всякаго свободнаго человѣка. Если за убійство изгоя есть кому получить головщину, то надо думать, у него есть и мстители. Этимъ опровергается и старинное мнѣніе, что изгои, какъ исключенные изъ союза, лишены правъ. Приводимыя же авторомъ слова духовнаго писателя рисуютъ тяжесть положенія не изгоя, а господина, который беретъ съ холоповъ своихъ большую выкупную плату.—Авторъ такъ увлеченъ идеей

союзнаго строя, что почти ничего, кромѣ этого строя, и не видитъ.

А вотъ что въ концѣ книги онъ самъ говоритъ объ этихъ союзахъ, наполнявшихъ будто бы всю Русь въ началѣ ея исторіи: «До насъ не дошло никакихъ слѣдовъ юридической дѣятельности этихъ союзовъ, мы не имѣемъ ни малѣйшихъ данныхъ объ отношеніи союза къ отдѣльнымъ входящимъ въ него членамъ, не знаемъ, были ли эти союзы автономны» (258). Коротко говоря, мы ничего не знаемъ о союзахъ. Къ этому мнѣнію я охотно присоединяюсь.

Какъ горячій сторонникъ союзнаго строя древней Руси, авторъ защищаетъ древность поземельной общины. Ему кажется, что его взглядъ на этотъ предметъ существенно расходится съ моимъ. По его мнѣнію, крестьянскія общины имѣли общинныя угодья и земли, которыя они и распредѣляли между собой; а я, будто бы, отрицаю общинныя земли и угодья и категорически заявляю, что «даже у позднѣйшей крестьянской общины не было никакихъ общественныхъ дѣлъ, кромѣ раскладки оброка и участія въ администраціи и судѣ» (303). Это опять не очень вѣрно. Я не отрицаю общинныхъ земель и угодій у позднѣйшихъ крестьянскихъ общинъ; я отрицаю ихъ у тѣхъ старинныхъ крестьянъ, бытъ которыхъ описанъ въ новогородскихъ книгахъ конца XV вѣка. Но я утверждаю, что съ конфискаціи возникаютъ общинныя угодья и земли, которыми крестьяне и пользуются. Это то же, что доказываетъ и г. Дебольскій. Но между нами есть и разница. Я доказываю, что общинныя земли и угодья возникли въ конфискованныхъ волостяхъ и волею московскихъ государей: въ этомъ всякій можетъ и самъ убѣдиться изъ новогородскихъ писцовыхъ книгъ. Авторъ же думаетъ, что крестьянская община возникла «естественнымъ путемъ, а не путемъ отдачи чернымъ людямъ земли, отобранной у своеземцевъ въ Новгородѣ» (299). Что это за естественный путь, создавшій крестьянскую общину, этого авторъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ. Акты же XV вѣка, которые онъ приводитъ

въ доказательство того, что общины пользуются и распоряжаются общинными землями, говорятъ о крестьянахъ, сидящихъ на земляхъ царя и вел. князя, а не на крестьянскихъ. Эти акты подтверждаютъ нашу мысль о возникновеніи крестьянскихъ поземельныхъ общинъ на государевыхъ земляхъ, а не на земляхъ крестьянъ своеземцевъ.

Горячій сторонникъ союзнаго строя древней Руси не могъ пройти молчаніемъ вопроса о передѣлахъ общинныхъ земель. Онъ выступаетъ ихъ защитникомъ. Здѣсь обнаружилась нѣкоторая неопытность молодого ученаго: онъ не имѣетъ яснаго представленія о томъ, о какихъ передѣлахъ идетъ рѣчь въ спорахъ защитниковъ и противниковъ исконной древности нашей современной общины. Въ этихъ спорахъ дѣло идетъ о душевыхъ передѣлахъ общинныхъ земель. А онъ въ доказательство своихъ передѣловъ приводитъ раздѣльныя сдѣлки общихъ луговъ, принадлежащихъ частью крестьянскимъ общинамъ, частью монастырямъ (308). Дѣлятся общіе луга между разными совладѣльцами, въ числѣ которыхъ есть и два монастыря, а не общинныя земли по тяглымъ душамъ. Такихъ дѣлежей никто и никогда не отрицалъ, но они ничего не имѣютъ общаго съ передѣломъ общинныхъ земель по тяглымъ душамъ нашихъ общинъ XVIII и XIX вѣка. Какъ за тѣмъ распредѣлялись доставшіяся общинамъ луга между отдѣльными членами общинъ, этого изъ дѣловыхъ сдѣлокъ не видно, но есть полное основаніе думать, что не по тяглымъ душамъ, такъ какъ ихъ тогда еще и не было.

Прежде чѣмъ говорить о дѣеспособности крестьянъ, авторъ нашолъ нужнымъ пересмотрѣть всю нашу литературу по вопросу о ихъ прикрѣпленіи. По отношенію къ крестьянамъ, сидѣвшимъ на частныхъ земляхъ, онъ держится стараго мнѣнія, хотя и не безъ уклоненій въ сторону новыхъ взглядовъ: они были прикрѣплены правительствомъ въ послѣднемъ десятилѣтіи XVI вѣка (141). О крестьянахъ же, сидѣвшихъ на государевыхъ тяглыхъ земляхъ, онъ высказываетъ самостоятельное мнѣніе. Онъ утверждаетъ, что «въ

половинѣ XVI вѣка состоялось прикрѣпленіе тяглыхъ людей», но не къ землѣ, а къ тяглу. Это надо понимать такъ: право перехода съ земли на землю они сохранили и могли переходить изъ волости въ волость, изъ села въ село, но только съ государевой тяглой земли на другую государеву же тяглую землю, а не на частно владѣльческую. Вотъ что значитъ прикрѣпленіе къ тяглу, и вотъ почему авторъ говоритъ: «Прикрѣпленіе къ тяглу не исключаетъ возможности мѣнять и тягло, и мѣсто его отбыванія» (139). Это новое мнѣніе, не особенно ясно высказанное, суть котораго намъ удалось выяснить только путемъ личныхъ бесѣдъ съ авторомъ,—вызываетъ множество вопросовъ.

Г. Дебольскій думаетъ, что онъ только присоединяется къ мнѣнію г. Дьяконова. Это едва ли вѣрно. Г. Дьяконовъ говоритъ, что «со второй половины XVI вѣка тяглые люди разсматриваются крѣпкими тяглу и правомъ перехода не пользуются. Что такое правило, однако, не было формулировано въ теченіе всего XVI в. Что ему предшествовала длинная практика». Далѣе г. Дьяконовъ «не настаиваетъ на строгости правила о невыходѣ тяглыхъ людей: оно таковымъ не было» (9—11). Это совсѣмъ другое. У г. Дебольскаго въ половинѣ XVI вѣка «состоялось прикрѣпленіе», а у г. Дьяконова—оно состоялось и не состоялось. Г. Дебольскій говоритъ только о прикрѣпленіи къ тяглу, а г. Дьяконовъ о прикрѣпленіи къ тяглу и землѣ: у него и тяглые крестьяне правомъ перехода не пользуются. Г. Дебольскій подъ тяглыми разумѣетъ только государевыхъ крестьянъ; г. Дьяконовъ на опредѣленіи тяглыхъ не останавливается, но разумѣетъ подъ ними всѣхъ крестьянъ, за исключеніемъ однихъ бобылей, которыхъ считаетъ не тяглыми.

Вотъ почему я имѣю основаніе считать мнѣніе г. Дебольскаго—его самостоятельнымъ мнѣніемъ и не могу не выразить сожалѣнія, что онъ его не доказалъ. Ему надо было доказать, что тяглыми были только крестьяне, сидѣвшіе на государевыхъ земляхъ, а всѣ другіе—не тяглые.

Онъ этого не сдѣлалъ. Въ доказательство своей совершенно новой мысли онъ приводитъ только 88 статью Царскаго Судебника. Вотъ, по его мнѣнію, смыслъ этой статьи: она регламентируетъ переходъ изъ тягла въ тягло; далѣе, регламентируетъ условіе нарушенія договора аренды съ землевладѣльцами; но изъ нея, будто бы, не видно, чтобы былъ дозволенъ выходъ изъ волости за помѣщика. Итакъ, содержаніе статьи регламентируетъ два вопроса: во-1-хъ, переходъ изъ тягла въ тягло и во-2-хъ, условіе нарушенія договора аренды земли. Послѣднюю регламентацію и понять трудно. Законъ опредѣляетъ не порядокъ составленія договоровъ найма земли, а порядокъ ихъ нарушенія! Удивительное законодательство. Надо ли приводить 88 статью Судебника, чтобы читатель видѣлъ, какъ дѣйствительный ея смыслъ далекъ отъ того, что въ ней прочиталъ нашъ авторъ? Полагаемъ, что въ этомъ нѣтъ надобности, она совершенно ясна. Въ ней рѣчь идетъ объ условіяхъ перехода всякихъ крестьянъ изъ волости въ волость, изъ села въ село и только; она не дѣлаетъ никакого различія между «тяглыми» и «владѣльческими крестьянами»; и тѣ, и другіе могутъ переходить. Писцовая книга дворцовыхъ крестьянъ Тверскаго уѣзда приводитъ примѣры выхода этихъ, по автору, «тяглыхъ» крестьянъ за частныхъ владѣльцевъ на не тяглыя земли (по автору). Это въ концѣ XVI вѣка, а по мнѣнію г. Дебольскаго это было запрещено еще въ половинѣ вѣка. Г. Дьяконовъ гораздо ближе къ истинѣ, у него переходъ тяглыхъ хотя и запрещенъ, да не строго.

Прекрасную особенность новой книги составляетъ отношеніе автора къ его предшественникамъ. Оно, мало сказать, чрезвычайно внимательное,—оно исполнено любви къ нимъ. Онъ никого не обошолъ. Въ его книгѣ всѣ нашли себѣ мѣсто, начиная съ Неволина и кончая г. Рожковымъ. У каждаго онъ старается найти что-нибудь такое, что должно быть спасено отъ забвенія и сохранено для потомства. Предшественники г. Дебольскаго нерѣдко высказываютъ мнѣнія совершенно противоположныя и исключающія

одно другое. И такіе нашли себѣ мѣсто въ его книгѣ и мирно поставлены рядомъ. Авторъ хочетъ примирить всѣ разногласія; онъ дѣлаетъ попытку дать намъ согласное мнѣніе ученыхъ. Дѣйствительно, успокоиться на постоянныхъ спорахъ и противорѣчіяхъ нельзя. Надо найти выходъ и придти къ одному мнѣнію. Авторъ никого не хочетъ оставить за флагомъ и приводитъ всѣ разнорѣчія къ единству. Попытка чрезвычайно привлекательная по цѣли, но едва ли выполнимая.

Вся книга автора полна этихъ добрыхъ намѣреній; свою примирительную роль онъ начинаетъ съ первыхъ страницъ, на которыхъ рѣчь идетъ о союзномъ строѣ и объ изгояхъ, какъ доказательствѣ безправности человѣка, исключеннаго изъ союза. Такое мнѣніе объ изгояхъ высказываютъ Калачовъ и Аксаковъ. У перваго изгой—есть человѣкъ, выброшенный изъ рода за преступленіе или безразсудность; у второго—онъ исключенъ или самъ ушолъ изъ общины или сословія. У обоихъ—это отбросы общества, они умалены въ своихъ правахъ. У обоихъ есть общее, но есть и капитальное различіе, недопускающее объединенія: одинъ исходитъ изъ родоваго быта, другой изъ общиннаго. Благодаря этому коренному различію, вся наша древняя исторія получаетъ подъ перомъ писателей этихъ двухъ направленій совершенно разный обликъ. За Калачовымъ и Аксаковымъ авторъ приводитъ и мое мнѣніе: у меня же нѣтъ ни какого исключенія ни изъ общины, ни изъ рода, и ни какого умаленія правъ изгоевъ. Авторъ отбрасываетъ неудобныя для него различія и получаетъ среднее мнѣніе, котораго никто не высказывалъ. Едва ли наука отъ этого что нибудь выиграетъ.

А вотъ еще примѣръ попытки такого же приведенія къ одному знаменателю разныхъ мнѣній. По отношенію къ своеземцамъ авторъ «не усматриваетъ особаго противорѣчія между моимъ мнѣніемъ и словами И. Д. Бѣляева и Н. Д. Чечулина» (132). Я считаю своеземцевъ собственниками земли, на которой они сидятъ, а Бѣляевъ—видитъ въ нихъ

новогородскихъ помѣщиковъ, сидящихъ на земляхъ, данныхъ вѣчемъ на условіи службы. Къ этому мнѣнію присоединился и г. Чечулинъ. Можетъ ли быть большее противорѣчіе въ землевладѣніи, какъ своя и чужая земля? А у автора—это «не особое противорѣчіе».

Это добродушное желаніе признать научное значеніе за всѣми возможными мнѣніями не могло не оказать нѣкотораго своеобразнаго вліянія на трудъ самого автора: собственныя его мнѣнія подъ вліяніемъ этой любезности колеблются и твердая почва иногда совершенно исчезаетъ подъ его ногами.

Вотъ два примѣра.

Мы уже знаемъ, что владѣльческіе крестьяне, по мнѣнію автора, были свободны до послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка, когда послѣдовало ихъ прикрѣпленіе. Но профессоры Дьяконовъ и Платоновъ говорятъ о ихъ прикрѣпленіи уже во второй половинѣ XVI вѣка. Г. Дебольскій не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи дать мѣсто въ своей книгѣ и этому мнѣнію: «Мы признаемъ, говоритъ онъ, вполнѣ справедливымъ разсужденія профессоровъ М. А. Дьяконова и С. Ѳ. Платонова и можемъ повторить слова перваго изъ нихъ: во второй половинѣ XVI в. мало-по-малу вырабатывается правило, что крестьяне и вообще тяглые люди, занесенные въ писцовыя книги или офиціальныя записи, правомъ выхода не пользуются» (153). Г. Дьяконовъ, а вслѣдъ за нимъ и г. Платоновъ говорятъ это о владѣльческихъ крестьянахъ, которые по мнѣнію г. Дебольскаго сохранили свободу до послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка. Любезность г. Дебольскаго приводитъ его прямо къ непослѣдовательности.

Добродушіе автора не имѣетъ предѣловъ: онъ заноситъ въ свою книгу и мнѣніе г. Лаппо-Данилевскаго о томъ, что духовная грамота, въ которой наслѣдникамъ приказаны кабальные люди, не опротестованная кабальнымъ человѣкомъ и безъ оговорки внесенная въ крѣпостную книгу, становилась источникомъ полной его зависимости отъ господина. Г. Дебольскій воспринимаетъ это мнѣніе въ такой формѣ:

«Есть даже случай завѣщанія кабальнаго холопа, которое, по справедливому замѣчанію академика А. С. Лаппо-Данилевскаго, обращало кабальнаго холопа въ стариннаго (полнаго)» (82). Что такое мнѣніе высказалъ г. Лаппо-Данилевскій, это неудивительно; но удивительно то, что его мнѣніе повторяетъ г. Дебольскій. Нашему автору надо было бы знать, что никто не можетъ передать другому болѣе правъ, чѣмъ самъ имѣетъ. И въ старину у насъ каждый передавалъ другому только тѣ права, которыми обладалъ самъ. Какія же были у завѣщателя права на кабальнаго? У него не вещное право на кабальнаго, а право изъ договора, по которому кабальный обязался ему за долгъ служить. Кабальный долга не уплатилъ, и завѣщатель передаетъ своему наслѣднику не человѣка въ собственность, а его обязательство, по которому кабальный долженъ служить наслѣднику, пока не заплатитъ долга. Кабальный не имѣетъ ни малѣйшаго основанія протестовать, а дьякъ—отказывать въ запискѣ въ крѣпостную книгу, такъ какъ все это случилось до указа 1597 года, существенно измѣнившаго отношеніе кабальныхъ къ ихъ кредиторамъ. Послѣ этого указа нельзя уже было передавать по завѣщанію долговыхъ обязательствъ кабальныхъ своимъ нослѣдникамъ.

Попытка г. Дебольскаго обнять всю литературу своего предмета — составляетъ большую его заслугу; на будущее время пожелаемъ ему только побольше разборчивости. Попытка всѣхъ примирить, все объединить, всѣмъ дать мѣсто въ наукѣ очень заманчива, но и опасна: плаваніе между Сциллой и Харибдой не всегда бываетъ совершенно благополучно.

XI

Изъ сдѣланнаго нами обзора литературы видно, что по нѣкоторымъ вопросамъ было высказано два, три, четыре и даже болѣе мнѣній, взаимно одно другое исключающихъ.

Чѣмъ это обусловливается: состояніемъ предмета или какими-либо иными причинами? Если состояніе предмета таково, что изученіе его съ необходимостью приводитъ къ разногласію, то, значитъ, нѣтъ науки русской исторіи: каждый изслѣдователь можетъ говорить что̀ ему угодно, и все это будетъ одинаково хорошо. Въ обширной области нашихъ древностей дѣйствительно есть вопросы, на которые нельзя дать рѣшительнаго отвѣта. Это всѣ тѣ, для разрѣшенія которыхъ не имѣется подходящаго матеріала и гдѣ изслѣдователю приходится довольствоваться однѣми догадками. Но въ такомъ же положеніи находятся и ученые дѣятели въ области всѣхъ другихъ наукъ, которымъ приходится обработывать данный матеріалъ, при условіи его неполноты и недостаточности. По всѣмъ же вопросамъ, по которымъ имѣется достаточный матеріалъ, рѣшеніе можетъ и должно быть только одно. Почти всѣ затронутые нами вопросы имѣютъ такой матеріалъ, и только поэтому мы и рѣшились писать о нихъ. Въ чемъ же причина разногласія? Не въ предметѣ, а въ способахъ изслѣдованія и въ личныхъ свойствахъ изслѣдователей. Каковы эти способы и свойства, ведущіе къ разногласіямъ, объ этомъ снисходительный читатель можетъ судить самъ: мы представили на его благоусмотрѣніе достаточный для этого матеріалъ. Во всякомъ случаѣ это причина устранимая—для будущаго, конечно, когда мало по малу установится правильное чтеніе источниковъ и распространится болѣе или менѣе единообразная научная подготовка дѣятелей, въ настоящее время до такой степени отсутствующая, что одни изслѣдователи могутъ совершенно не понимать другихъ: такъ далеко расходятся ихъ понятія о томъ, что такое, напримѣръ, законъ общій и законъ мѣстный (priva lex) и каково ихъ взаимное отношеніе, что такое семейный союзъ и можетъ ли онъ переходить въ акціонерную компанію или нѣтъ, что такое товарищество и можетъ оно принимать формы семьи или нѣтъ, что такое раздѣлъ общаго имущества и дѣлитъ онъ это имущество или нѣтъ, и т. д. А это азбука, безъ которой и присту-

пать нельзя къ чтенію памятниковъ [1]). Любители науки древностей могутъ поэтому не смущаться представленной нами картиной ученыхъ разногласій и продолжать свои изысканія съ надеждой придти къ единогласному разъясненію прежде всего тѣхъ явленій нашей древней жизни, которыя оставили о себѣ ясный слѣдъ въ памятникахъ. Эти разъясненія дадутъ твердую основу и для догадокъ о временахъ и явленіяхъ быта, прямыя извѣстія о которыхъ навсегда исчезли. Наука должна выдѣлить постижимое отъ не постижимаго, выяснить первое и на основаніи полученныхъ такимъ образомъ данныхъ строить гипотезы о послѣднемъ.

---

[1]) Въ нашей ученой литературѣ было высказано даже мнѣніе, что «какъ семья превращается въ товарищество, такъ договорное товарищество подчиняется формамъ семьи». Товарищество принимаетъ формы семьи! Путемъ образованія товарищества, значитъ, возникаютъ союзы мужа и жены, родителей и дѣтей. Долженъ признаться, что я этого совершенно не понимаю. А почтенному автору это, конечно, представляется совершенно натуральнымъ, и, наоборотъ, мое непониманіе должно казаться ему непонятнымъ.—Такія различія взглядовъ объясняютъ иногда существованіемъ у насъ разныхъ ученыхъ школъ и различіемъ ихъ научнаго направленія. А я склоненъ думать, что причина указанныхъ различій не въ наличности разныхъ школъ и нѣкотораго, слѣдовательно, богатства ихъ, а въ недостаткѣ школы: мы мало и плохо учимся.